М.М. ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1926–1927

М.М.ПРИШВИН

Дневники

1926
1927

Москва
«РУССКАЯ КНИГА»
2003

УДК 882
ББК 84Р7-4
П 77

Федеральная программа книгоиздания России

Фонд «Будущее Отечества» им. В. П. Поляничко

**При финансовой поддержке
Олега Николаевича Сидоренко**

Художник **Г. РАСТОРГУЕВ**

На форзаце: фотографии работы М. М. Пришвина; отрывок из письма; М. М. Пришвин на охоте.

На нахзаце: детская фотография М. М. Пришвина; князь В. С. Трубецкой; «Лада» – фото работы М. М. Пришвина; отрывок из письма; М. М. Пришвин. 1920-е годы.

ISBN 5-268-00519-7

М.М.ПРИШВИН
ДНЕВНИКИ

1926
1927

<Переславль-Залесский>.

10 Января. Ночью все теплело. В 5 час. понесло сверху, к утру пояснело, и при сильном северном ветре грянул мороз 17°. Мы все-таки ездили в Усолье, конечно, напрасно. Возил Федор Федорыч.

Трактир Маши. Кооперативный трактир не признают: все дороже и хуже, хозяев много, а Маша одна кормит – у нее лучше, все у нее.

У каждого в провинции долгий местный путь жизни в тесноте, в болячках от неудач и уколов, тянутся они в бедности, заслоняя друг другу свет, как в ином угрюмом лесу те узловатые сучья с поворотами в разные стороны, лишь бы только поставить свои листики к свету. Они встречают всякого нового человека со стороны, как свет, спешат для него ставить свой самовар и испытывают гордость своей любезностью. Но если хотите остаться здесь среди них, лучше не пейте их чай. Потом непременно каждый из них попрекнет вас своей чашкой чая и доставит вам из-за нее большие неприятности, потому что в эту чашку он вложил свои светлые надежды на вас, так что, не выполнив ожиданий – а их невозможно выполнить – вы с чаем его выпиваете и остатки его души. За это он потом расплатится кулаками, и тогда вы узнаете, что такое стакан чаю в провинции.

Я считаю деревенской беднотой не тех, у кого нет лошади и коровы, а у кого порваны родственные связи: вот что делает связанным человека в деревне – родня!

Гражданская связь должна бы крестьянину являться как-нибудь в образах его родства, иначе он ничего не понимает и в общегражданском деле стремится обжулить.

Я навстречу всякому признанию готовлю свой вопрос: «А может быть, друзья ошибаются, и на самом деле в писаниях моих нет ничего». Допустив, что действительно нет ничего в прошлом, я оставляю себе надежду на будущее, что

вот при настоящих возможностях может быть и мне удастся создать что-нибудь. Впрочем, я не сомневаюсь, что «Черный Араб», до некоторой степени «Никон Староколенный», несколько охотничьих рассказов и 1-я часть «Курымушки» (Голубые бобры) останутся в литературе. Только если подумаешь о Пушкине, Достоевском, Толстом – как это мало!

12 Февраля. Тайна жизни вся скрыта в маленьком семени, было маленькое семя ели *<3 нрзб.>* на Гремячую гору. Это семя раскрыло теперь все заложенные в него возможности, и по срезу огромного ствола я считаю годовые круги – сколько лет прошло, пока семя в жизни своей доказало истину: нет ничего тайного, что не стало бы явным.

В этом и человеческая, сложная жизнь ничем не отличается от дерева: из нас тот высший человек, кто лучше всех других раскрыл все заложенные в себе самом возможности.

Передо мной те же срезы ствола-человека, был такой писатель Михаил Пришвин. Я считаю годовые отложения его творчества, как он раскрыл себя.

Вчера вечером было совершенно тихо, звездно, но не очень морозило, и это был единственный признак вечером объявленной утром перемены.

Сегодня гудит юг.-зап. ветер, с утра пока холодный, очень даже. Восток – дымится небольшая полоса, потом полоса чистого голубого неба, и по этим широким полосы барашков... На севере и западе что-то заваривается синее. На восходе барашки превратились в огненное море: это огненное море из барашков вообще бывает, надо заметить.

Бесстрастное, умственное время зимы, очень хорошо, когда на этом белом бесстрастии появляются первые признаки жизни, сначала света, потом оживление солнца, оживление почек, капель. Потом будет очень трудно следить за движением.

Воронский – дьякон, а служил вместо попа.

После обеда все небо закрылось, стало мягко, ветер продолжается с юго-запада, сильный. На вечерней заре стихает, а ночью опять начинается.

13 Февраля. Говорят: «оглянись на себя!» – да, легко сказать, а поди оглянись, когда у одного такая шея толстая, что голова и не повертывается, и ему это невозможно уже по природе, а у другого так скоро, что когда оглянется, то уже и след простыл, третий бежит сам от себя, как заяц от гончей.

Ветер юго-западный – тепло, но не тает, ветер постепенно слабеет к вечерней заре и потом опять начинается.

Есенинская группа поэтов, да и...

14 Февраля. Или снег, или дождь, или разбушуйся ветер, чтобы ломало деревья, а то серенькое небо, тепленький ветерок, подкисающий снег – тьфу! Просто тьфу такая погода.

К 6-му марта: 1) Сука ощенится. 2) Кончается повесть «Юность».

В 9–10 ч. повалил снег, и так было до 3-х вечера, после чего снег стал липнуть на лыжи.

Мне 53 года.

14 Февраля. Продолжение. Воображаешь себя, например, сильным, а оказываешься – вот это, о чем я хочу сказать, как себя чувствуешь, когда вдруг сам себе оказываешься...

Е. П. – у нее доброта и злость, ум и глупость проникают друг другу насквозь, как в природе.

Иному, чтобы чувствовать себя свободным, много всего надо, а другой ни в чем не нуждается, только бы руки развязали: на том же самом стуле останется и делать будет то же самое, только бы были руки развязаны...

15 Февраля. Тихо, мягко. Долго луна остается как солнце, но среди дня показывалось и настоящее солнце, к вечеру нависло. И все было тихо.

Замечена 1-я игра черных воронов.

Я ходил с Соловьем по лисьему следу, но мне было не до охоты. Белая пустыня – запомни! – холмы, как волны, не знаешь, куда ухнешь, если пустишь лыжу, глубину не видно, а высота остается назади в пересечении с небом. Овраг с кустарником – спасение, есть мыслью за что уцепиться. Как в море надо быть хорошим пловцом, чтобы сколько-то времени держаться на воде, но все равно, хороший или плохой с голыми руками ничего не сделаешь, и непременно потонешь, точно так же в снегах этих один недолго продержишь мысль в ее полезной работе – мысль расплывается, и сам тонешь. Белый ужас.

Ремизов открытый романтик, но так как наше время чурается романтизма, то для балансу тащит Алексей Михайлович при своей Прекрасной Даме черта на веревке, без черта в наше время нельзя говорить о Прекрасной Даме. Горький такой же романтик, но уже не черта тащит для балансу, а просто какую-то угрюмую сволочь, и притом вполне естественную. Ремизов трудно и неохотно читается, потому что черт мистичен, не всякий человек может взять его взаправду, не у всякого и любителя чертей найдется готовое расположение духа беседовать о них. Но сволочь естественная всем очевидна, и потому Горький читается охотно и всеми.

Самое приятное, что этот черт и сволочь будто даже упрекают тебя в незнании жизни, что ли, я уж не знаю в чем, но дрянной осадок какой-то остается с укором, с издевкой. Так, например, имея мечту описать революцию, я, прочитав у Горького рассказ о <*1 нрзб.*> опускаю руки, мне кажется, после этого чтения, что я мало пережил в революцию и не имею права о ней писать. А как потом холодно подумаешь – что за вздор! Эта угрюмость, приписанная Горьким большевику, ведь сделана им для балансу, для того, чтобы сказать что-то о свете разума. Но помню, когда большевики окружили Леву, мальчика 13 лет, и Лева пришел ко мне и говорит: «Богородицы, оказывается, нет, все из пыски». Брось школу, учи декреты и комиссаром будешь. О движении планет и Меркурия в особенности.

16 Февраля. Ночью звезды. Утром мороз. Иней. Ветер прежний с юг.-зап., но холодный. Восход в роскошном цвете с огненным морем. За эти дни (после последнего чистого) восход переместился к северу, за вторую группу деревьев, деревья стали в круг, а я вне, двигались по диску: солнце как будто шло на юг, но земля на север.

Записать, что первая корка на снегу началась в те последние, солнечные дни.

Моя лыжная дорога занесена так, что и не видно, но она под снегом твердая, и по твердому лисичка прошла, и я иду по-лисьему следу и узнаю так свою тропу.

Вечером увидел новый месяц, он уж был 3-х дневный и немного светился.

16 Февраля. Продолжение.

1) Почему я бросил марксизм?

2) Соц.-дем. голосовали против новой ассигновки на флот.

3) Я думал, что я такой же, а они ко мне идут. Я действительно такой же большевик, каким и был в первом крещении, и негодовал на новое, потому что мне это было пережиток... Первый этап советизации, что не жулики сидят и хотят именно того же, чего я хочу. «Стеклов» и К°. – величайшие враги совета (!) <Здесь и далее петитом даются записи к роману «Кащеева цепь», разработки сюжетов рассказов и очерков. – *Л. Р.*>

Вот до чего доживешь, что когда уж все и всюду в печати расхваливают, – не веришь, сегодня хвалят, завтра забудут, а ты попался на удочку и лежи, как рыба, на сухом берегу. Очень часто и большие ценители ошибаются, приняв искусственность за искусство. Но когда к доброй оценке этого высокого ценителя присоединится восторг простеца – тогда почти безошибочно можно сказать, что создана подлинная вещь. Такие вот мои охотничьи рассказы.

Создалось положение, что я, «известный» писатель, не имею возможности не только приехать в Москву, но даже возопить о своем положении, потому что это будет вопль крупного зверя о своих мелких яйцах среди мелких зверей с крупными яйцами, правда: у больших зверей, например, у лося яйца в голубиное яичко, а у мелких...

17 Февраля. Теплый хмурый день с нависшими тучами и теплым синим кольцом туч на западе. Снег скользкий.

18 Февраля. Так же, как и вчера, хмуро, одно время немного порхал снег, ветрено, пусто в белом. Болит голова, и тоска окаянная гложет, и все какая-то сволочь идет за тобой вслед, и в утешение: «без сволочей не проживешь».

Ремизов тащит за собой черта, Горький – сволочь – зачем-нибудь тащит? Какой упадок духа, кажется, даже бедра похудели, и уж когда выспался и стало лучше, то сложилось что-то вроде молитвы: «оберни же слабость мою в силу!»

(Был горячий, стал холодный, и что было слабостью, то теперь стало силой.)

– Из-за земли дерутся. – А земля для еды, значит, из-за еды – смерть. – Да, если бы люди могли не есть, так и не умерли бы, не жили бы и не умирали: ничего бы не было, а то все из-за еды.

Социальные основы моего пустынножительства: конечно, сад и отъединенность от деревни и общества в детстве: сад обернулся в лес.

Когда прекращается охота – в эти февральские дни в природу идешь бездейственно, особенно, когда вот так в матовых безжизненных снегах с нависшим небом, то страх охватывает и ужас, и весь как бы расходишься, остается противный комочек от себя...

19 Февраля. Такой же день, как и вчера (период), сильная метель снизу. Капкан (следы, как путь зверей: через следы пейзаж). Только из всех птиц нашел одного дятла, даже ворон и соек не было. Вчерашнюю сороку лисица унесла.

Юность не дорожит днями жизни, и юноша часто думает и живет так, будто он завтра умрет. Но когда дни жизни подходят к концу, то человеку становится ясно, что все-таки не завтра же он умрет, и тут он начинает оттягивать дни и щадить жизнь, обращая свою проповедь и к молодым, чтобы и они берегли свое здоровье. Так смыкается круг жизни.

20 Февраля. Тихий, мягкий, с просветами солнца (живой) день. Снег налипал. Вороны кричали.

Да, Алексей Максимович, замечательный, Вы пишете, я художник, да Вы, кажется, правы, с грустью замечаю, что в

последнее <время> я начинаю быть замечательным, с грустью говорю, потому что я 20 лет тому назад написал «Колобок», и никто его не читал, я был влюблен, мне так нужно было что-то значить, и никто мой «Колобок» не читал. Теперь же, когда началась некоторая притупленность – начинают меня замечать. И потом вот еще: если я замечательный, то как же другие. И еще: как могли Вы вынести свою «замечательность»?

21 Февраля. На следах лисиц показалась менструальная кровь. Все синицы поют, новые голоса.

Ветра нет, но остановилось все на одной точке, мертво до крайности. Две мертвые точки в году: в ноябре перед снегом и в феврале, когда нависнет тепло и мало света.

Вот какие есть люди: встретил женщину, которая отказалась выйти за него, он берет в поле первую бабу, делает ее женой и потом всю жизнь, занимаясь охотой, путешествием и философией, старается в этих радостях скрыть свое горе.

Стыдливая жизнь (свое детство). Система Розановск. социализма. Кость из души. Беременность животного и человека.

Розанов: женщина и социализм.

Вечером солнце и луна были вдвоем.

Сломанная кость, торчащая из души.

22 Февраля. Продолжение безличных дней. Как-то на днях подул, было, ветер с севера, но обманул: на другой день было тепло. Северный ветер иногда, значит, обманывает.

23 Февраля. Утром было так, что лыжа не шла: налипало. В обед переменился ветер (с севера), расчистило и подморозило. Начались бодрые звуки саней и здоровые голоса людей. Вечером солнце и луна были вместе. И потом очень долго при лунном свете догорала заря за кустами (1-я глубокая вечерняя заря).

Чтобы исследовать жизнь, нужно: 1) иметь в себе мысль (лучше неясную), 2) нужно отдаваться целиком, тогда целиком и воспроизведется.

У Горького гравировка диалогами народной мудрости.

Кэтт скоро родит (6-го Марта). Вид ее, беременной, прекрасный. Вид женщины беременной всегда отвратительный потому, что она ходит на двух ногах: нужно бы вниз живот и груди. Решение: нужно укрывать женщину беременную – это тайна. Уважение к этой тайне – вот культ рождающей женщины – вот что нужно социализму. Так выходит Розанов и социализм.

Собаки. Эту самую высокую в природе интеллигенцию некоторые люди называют рабами. Эти люди, сами вышедшие из обезьяны, рожденные подражать в господстве каким-то настоящим господам, не могут, конечно, иначе...

(Любовь Ярика и Китти, Джек.)

Весна света (зачатье Кэтт), Ярик в свете с беременной 63 дня. Мои ночи общие с Яриком (для породы и для света).

Мой сон: мы с женой ушли в лес и там, в страхе, живем, ночуем, сидя на простой полянке: по ту сторону она, по другую я: ужасные шаги человека.

24 Февраля. Месяц не дожил до зари. Перед восходом сильный мороз, который, впрочем, теперь (только теперь) уже не страшен для дня. Восход без 20 м. в 7 ч. много левей: колокольня прошла по солнцу.

Само ученье <*2 нрзб.*>: вина необходимости к чувству свободы, полученной художником даром, но это не спасение, и общественная работа – не спасенье: мы, люди, виноваты перед бездарностью.

Ветер опять подул с юга, и к вечеру уже снег стал скользким, закат перегорал малиновым огнем на синем.

25 Февраля. Правило сильного человека: никогда в своем несчастии не обвиняй других, если даже и случится такое, потому что при углубленном размышлении на почве несчастия эта зависимость от другого приведет тебя к зависимости от судьбы, рока, к фатализму, вообще в лучшем случае, и к ворчанию и брюзжанию – в худшем.

Пример моей победы другого: жизнь моя в прекрасной квартире, пример слабости: что я начинаю чувствовать обиду оттого, что нельзя приехать в Москву из-за комнаты.

День плохо начался: ветром, небо в облаках, но потом ветер стих, и день разгулялся очень хороший с легким морозцем.

26 Февраля. Крупный редкий снег весь день. Тихо.

27 Февраля. В течение дня расчистилось небо, и после обеда солнце и к вечеру стало хорошо подсушивать, в воздухе морозно. Везде кричат вороны: массовый ток и огромные стаи на березах. У белки мордочка, лапки желтенькие и на серых боках желтые пятна.

На неделю с 1-го по 7 план. 1) Кончить с зубами. 2) Дневник природы переписать. 3) Разработать «Крест и Цвет». 4) Раскрыть финансы.

В 6 вечера сильный мороз, на чистом небе луна, а после полуночи светит невидимкой, и теплело.

28 Февраля. Утром в тишине крупный и редкий снег.

Масляная

9 Марта. Юг.-зап. ветер, усиливаясь, к ночи переходит в бурю.

10 Марта. В предрассветный час буря, несет сверху и снизу.

11 Марта. Утром продолжает бушевать весна – разрушительница. Говорят, уже дня три тому назад прилетели грачи.
К после обеда ветер стих, а в 3 ч. я пошел к зубн. врачу, и на синем небе (какое бывает небо через деревья) на востоке весь город был в кучевых облаках.

В Доме Союзов Евг. Влад. Елховский читал о весне с диаграммами – сроки прилета грачей, а рядом в гомоне готовился спектакль, все сидели, не обращая внимания на лектора, видно было только, как у него раскрывается рот. У него было пять слушателей.

12 Марта. В предрассветный час было хмуро и тепловато, но восход быстро разогнал облака, солнце вставало победно, подморозило, и засверкал наст. После восхода около нашего дома прошла лисица. Я закричал своим: лисица, лисица! Залаяли собаки; она удалилась к воротам, но через десять минут опять пришла назад своим следом и долго возилась на глазах под елкой, подлавливая мышку.
Разгорелся день высшей славы весны света. Какое небо! как светлы все цветные предметы, далеко видно раскрашенную дугу и на ней по бокам белые звезды шестигранные почему-то. Б. И. говорит, что эффект цветов получается от особенностей бокового освещения: цвет получается глубокий, теплый...

Мы знаем множество описанных самими учеными подвигов их при достижении научных ценностей, например, путешествие Нансена на «Фраме» к Северному полюсу. Но почему же нет описаний подвигов при достижении художественных ценностей?

Вскоре после восхода ветер начался и все сильнее, с юга, и очень злой и пригонял откуда-то по насту снежную пыль.

Наш дом с саженными окнами на улицу принимал всю массу горячих лучей: там на снегу и ветру они остывали, у нас им был дом, они у нас жили со всем своим теплом, со всеми зайчиками.

Я наелся блинов и <*2 нрзб.*> Лева читал вслух бесконечную речь Рыкова.

Рассказ рыболова в «Охотнике» оканчивался: я много раз думал тогда, что я – наслаждаюсь или мучаю себя. Теперь я знаю: это было блаженство.

14 Марта. Как и вчера восход из-за стены, с запада снежные облака и редкий снег, ветер слабый, морозец слабый, озеро освещено синими и желтыми полосами так, что совершенно будто это не снег, а вода.

Я выходил «в люди» (в Переславль) и весь день видел этот редкий крупный и добрый падающий снег, особенно он красив был на одном дворике, окруженном высоким забором, в полном затишье снег падал. 1-х грачей в Нагорье видели 28 февраля.

15 Марта. Ветрено, хмуро с просветами солнца, лыжи прекрасно скользят, и, когда проглянет солнце, то холм, с которого ветер смел снег, блестел своим старым настом, весь, как литой из чистого серебра. Щенки начинают проглядывать: чуть щелки расходятся.

Думаю, как иногда достойному, умному человеку тяжело было носить на себе титул графа или князя, полученный им даром по наследству. Может быть, отчасти ложь положения, создавшаяся титулом, и держала до могилы графа Льва Толстого в намерении во что бы ни стало сбросить с себя все лишнее и уйти в природу. Но уходя от графа, Толстой создал себе новый титул великого русского писателя и новую задачу уйти от лжи, создаваемой новым положением.

Не сомневаюсь, что каждый творческий человек потихоньку удирает в глубину себя самого от своей знаменитости, но этот естественный путь, тихий, без жестов, с участием на своих юбилеях и выходом на рампу по вызову с личиной на своем лице, ничего не имеет общего с тем толстовским вызовом всему свету… из-за лжи собственного титула. У Толстого это болезнь – и отсюда начинается его бунт.

15 Марта. Продолжение. Мой враг – это кто живет, унижая то дело, которому я служу, или то лицо, которое я люблю. Я должен с таким человеком бороться и заповедь тут – не опускай руки в борьбе с врагом, но никак не «люби вра-

гов своих». Я не могу любить одновременно и кого надлежит мне любить, и кто мешает этой любви.

Из двух борющихся кто-нибудь ошибается, принимая своего судью за врага, почему и говорят: победителя не судят, это значит, победитель есть сам и судья, и господин, и палач своего побежденного.

Я черпаю свои силы для победы над врагом в любви своей к делу или лицу, за которое борюсь, но никак в любви к врагу.

Мы не против войны, но против той войны, которая вовлекает в борьбу обманом людей, не имеющих врагов, словом, мы против современных способов войны, в которых спор врагов решает не судья, а газ, пушки и т. п. Может быть, неправда войн состоит в том, что враждебные личности вовлекают в свой спор других лиц, непричастных, и расходуют на это общенародные средства к жизни. Следовательно, надо войну объявить личным делом, а не государственным, как это уже принято относительно религии. Надо войну возвратить в исток ее, в личность, и тем сделать ее «священной войной».

19 Марта. Весна затянется, потому что петух на Евдокию не напился, и метель вымела у мужика все с гумна. Неделя перейдет через Благовещенье, – значит еще до 7 Апреля.

Зимой видно лучше, где в деревне живет бедный, где богатый: у бедного ворота снегом занесло, никакого следа, хоть бы кошка!

Осенью висела на лугах паутина, зимой в Рождество иней был, значит, год урожайный. Федор Фед. жалуется на время, что дети уходят от родителей, и так размножается пролетария (какие это хозяйства, если отец едет корову продавать и с ним три сына смотреть за отцом). Но зато все-таки добыли свободу говорить, что хочешь. Из прежнего: становой приехал оброк собирать, вышел на сход, стал говорить, заикнулся. А становому отвечает свой деревенский заика. Становой подумал, его дразнят, и велел арестовать (заика на заику).

Весь день снег. К вечеру снег был почти мокрый. Перестал, когда стемнело. Месяц светит полубубликом.

Своими глазами Петя видел грача. А говорят, кто-то видел жаворонка, и это «записано у Елховского». Надо помнить, что зимний, снежный покров очень толстый, в полной сохранности, и еще добавляет.

Читал записки прошлой весны. Просто удивительно: вся жизнь целиком ушла в книгу «Родники Берендея».

По приметам Федора Федорыча, лед на озере должен растаять скоро: хотя и толстый лед, но рыхлый, потому что мало был на голом морозе, сразу, как замерзло, завалило снегом.

На досуге написать историю отношений с М. И. Смирновым.

В воскресенье ехать в Москву. Во время этой поездки решить окончательно: отдать весну, как прошлый год, записям непосредственных впечатлений (новое будет в наслоении на прошлогоднее, в сравнении; все в связи с мыслью о путешествии «Фрама»), или же писать любовь Алпатова, пользуясь косвенно силой получаемых впечатлений. Решение сообразовать с удельным весом «Родников» и «Юности».

Перечитать с новым пониманием всю русскую литературу.

20 Марта. Метель с запада. Ветер свежий. Весь день с малыми перерывами снег.

21 Марта. День в день: утром солнышко, потом снег.

Сегодня выезжаю в Москву. Раздумье о значении Курымушки и Колобка продолжается, но в пользу Курымушки. Studiosus russus.*

Тюрьма 1-я – с Трусевичем, 2-я тюрьма – философская.

22 Марта. Вчера в 7 ч. выехал с Ботика и ехал около двух часов при теплой погоде – падал снег и только не таял, невидимкой присутствовала луна; когда оказалась сама, то вдруг мороз показал свои <*1 нрзб.*> и так усилился быстро, что на Берендеевом, на станции, я мерз. Разговор на станции был против попов и за какую-то религию, что верить надо во что-нибудь, а молодежь понятия не имеет. Фед. Фед. по пути указывал мне в каждой деревне пролетарскую улицу, которая выстроилась после революции детьми, ушедшими от своих отцов (от ворот не было в них санных следов), живут будто бы плохо, деревня стариками живет, но местами, где есть заработок на стороне, и в пролетар. слободке ничего, но только крестьянства не увидишь. Когда мы сидели на станции, окончилось годовое собрание местного кооператива, и они все пришли сюда, как в клуб. Один из членов стал жаловаться на стариков, что их мозги неподвижные. Один из стариков сказал: «а вот что-то очень ты двигаешься много: у тебя дома пять человек, а зачем ты сюда пришел?» Кончилось тем, что молодой выпросил у «буржуя» (с таким затылком!) на полбутылку, выпил. А старик неподвижно на одном месте стоял и улыбался. Продолжать наблюдения «отцов и детей».

---

* Русский студент (*лат.*).

23 Марта. Подписал договор с Ацаркиным на «Круглый год». Лидин сказал, что Воронский недоволен нами за «Новый мир». Выяснил себе окончательно: Воронский относится ко мне так же, как в старину «Русские Ведомости».

25 Марта. Из-под ночного мороза солнце с утра и грязь по Москве.

План: Апрель – по Август: 4 месяца написать «Любовь Алпатова», выправить «Кащееву цепь» к Июлю, написать «Любовь Ярика» (начало: зима и теплый дом). – Устроить к осени переезд в Сергиев. В Августе в Астрахань. В Октябре в Сергиев.

27 Марта. Без 20 в 7 у. вышел из Всеохотсоюза, сел на трам. «13» и в 7 у. был на вокзале. В 8 у. выехали, в 1 ч. д. приехали на «Берендеево».

Сегодня день солнечный, и возле домов снег таял, а всю неделю была метель. «Троичники» запрягают по одной лошади, разъезжаться почти невозможно. В 4 в. был на Ботике.

Что же, как Москва после целого года? Никакого нового впечатления, дома, улицы живут, бегут. Я тоже стал «делать дела» и, бегая, все дожидался минуты роздыха, чтобы оглянуться вокруг себя с радостью, обрадоваться чему-нибудь. Но ничего не нашел. При встречах я начинал болтать неудержимо и терял себя. Не высыпался. Встретил на ходу Лидина, Чулкова, Касаткина, Романова, беседовал со Смирновым, познакомился с Полонским. В Госиздате меня спросил Евдокимов: «Как весна?» Я сказал: «Задержалась». – «А грачи когда прилетят?» – «Давно прилетели, 28 Февраля». Когда подошел заведующий, еврей, Евдокимов сказал ему с улыбкой: «Грачи прилетели». – «Вот как!..» – ответил заведующий. А в общем за год мне показалось все как будто потолстели, посытели. Но так я и не узнал в Москве, из-за чего все и что происходит.

Конский барин Каверзнев Валерий Николаевич, редактор «Охотника», он – тип: такие были и раньше, все не по нем, и даже если очевидное говорится авторитетно, он вдруг вскакивает и заявляет свое мнение. Хорош таежный человек, председатель охотничьего Союза Николай Мих. Матвеев: когда Ружнев дал описание Плещеева озера с фотографией, то он отверг фотографию, потому что на берегу его была церковь, и заменил другой с какого-то другого озера. Он рассказал, что в его таежной деревне люди назывались звериными именами и вид имели звериный, Медвеженковы были, как медведь (переняли манеры у людей). Хорошо рассказывал Бутурлин, как он ходил до ветру в Верхне-Колымске (сортиров нет, яркий свет на снегу, ездовые собаки бро-

саются, окружают и тыкают холодными носами). О падении соболиного промысла в Сибири (предмет роскоши, подешевел, перешли на белку). Об Астраханских камышах. Успех «Башмаков»: тов. Смоленский в «Рабочей газете».

28 Марта. Чистая-пречистая луна и открытое солнце через мороз. Днем каплет, вечером сосульки, и ночью мороз. Лисица по-прежнему выкапывает ямку под норой. Все пять тетерок живут по-прежнему. Страшно перестоялась зима, и сверкание снега невыносимо глазу.

Любовь Ярика

Иногда я, отправляясь с собакой в лес, даю себе слово не говорить с ней ничего и объясняться с ней глазами, движением руки и только в крайнем случае нечленораздельными звуками из шипящих и свистящих. В эти дни, становясь с своим псом на равное положение, я понимаю его душу совершенно как человеческую. И так мне кажется, что я понял их любовь, Ярика и Кэтт, в их молчании больше, чем если бы они между собой разговаривали и я бы это подслушивал. Они встретились... <*не дописано*>

29 Марта. Мы долго не могли определить, что это было после рассвета, чистое небо, или тучи, даже спорили, потому что на западе должна быть луна, а ее не было. Оказалось, то был туман, из которого сел на деревья иней (легкий). Когда солнце взошло, все деревья сверкали кристаллами, и так было долго, при холодном ветре почти не таяло. Вечером чистая полная луна.

Начал писать «Любовь Ярика». Читаю изумительно написанную популярную астрономию <Фламмариона>.

30 Марта. Восход: все небо закрыто, идет снег. Потом солнце одолевает и становится, как все эти дни; морозно так, что руками почти нельзя бинокль держать. К полудню снег опять подтаивает, к вечеру опять закрепляет, и ночью вся большая луна сияет над нетронутыми снегами.

Вчерне закончен рассказ о Любви Ярика.

Я смотрел на месяц в эту ночь, думал о движении земли, стараясь расстаться с нажитыми неверными представлениями, и, когда на момент достиг, каким пугающим бездушием повеяло на меня от этих летящих, вертящихся миров: казалось, будто в момент моего восхищения лицом прекрасной женщины, ей вспороли живот и показали кишки, такие же, как у всех, а когда я вернулся к себе на землю, к своим обыч-

ным представлениям, то захотелось с ними и жить, и умереть, и верным, действительным и нужным мне стало то, что кажется, а не что есть. Да неважно, может быть, что солнце такое огромное и земля такая маленькая, а что вот явились в мире существа, которые, взяв землю за огромное основание, сумели полюбить эти огромные пустые звездные миры как маленькие ангельские душки – вот это важно!

31 Марта. На деревьях был полный тесный рождественский иней, и почти до полудня слетел со всей прелестью. Солнце в тишине сияло и грело жарко, как будто над снегом горел огромный костер. Но мало было этого огня такой громаде снегов, и день прошел бы для них до вечернего мороза почти незаметно. После обеда подул южный ветер, все небо ровно закрылось серыми тучками, пошел мокроватый снег. Вернее всего, этим роскошным инеем кончилась сегодня весна света и завтра начнется, наконец, весна воды.

1 Апреля. Так вышло, как мы загадали вчера: инеем кончилась весна света. Сегодня с утра шел хлопьями снег, к обеду все раскисло, насыщенное влагой. К вечеру снег обернулся мелким дождем. На озере в разных местах у берегов показались большие рыжие пятна.

Окончен начатый в понедельник маленький рассказ «Любовь Ярика» и приготовляется для «Красной Нови». Завтра заседание Союза Охотников. Купить припасы.

Если человек и достигнет управления вселенной, то сам он станет таким же рабочим механизмом, как все эти пустые миры.

2 Апреля. Утром был снег, потом ласковое солнце из кучевых облаков, по колевинам рыжей дороги бежала вода, грачи массами кормились на дороге, городские улицы покрыты толстым слоем рыжего говна, при малейшей неосторожности ноги, скользнув по незаметному под говном льду, изменяют, человек падает и встает весь рыжий. Я ходил рыжим по городу, и никто на это не обращал внимания, считая, что я приехал на велосипеде. К вечеру потянуло северным ветром и подморозило. Самое первое начало весны воды.

Любовь Алпатова

1. Тюрьма. Природа из окна тюрьмы – лейтмотив «Круглого года», который является разрешением любви, возрождением Алпатова. (жандарм: – Куда? – Заграницу.)

2. Studiosus russus

Anständige Frau.* Рабочий и Вильгельм. Бебель. Либкнехт. Витализм. Бернштейн. Коноплянцев Sternwartenstrasse Jena.** Уроки лейтенанту. Бюхер. Wundt. Зиммель. Дуэль. Доктор. Париж. Каль (мистик). Петербург.

3. Круглый год. Золотая луговина. Ток.

3 Апреля. Северный ветер и страшная метель весь день сверху и снизу. На Ботике настоящая зима, но в городе, говорят, по-прежнему все в говне.

Щенок, еще и месяца нет, бегает, играет. Вчера он сунулся в чашку, из которой ела мать, и та зарычала и так двинула своего сосунка, что он долго визжал. Так бывает у собак.

Вчера мы отдали Рема. Кэтт не хватилась его, как и тогда, когда из 6 мы оставили ей двух, ей нужно только одного, чтобы высасывал молоко, вот если всех отнять и молоко будет напирать, она будет очень страдать.

Надо это заметить, как нечеловеческий мир близкий к той пустыне, которая скрывается, когда думаешь о вечном движении земли. Это все годится для изучения мира первобытного человека.

Читал «Живой Пушкин» Ашукина. Вспомнился разговор с Блоком... «...но вот убили же Пушкина», – сказал я. – «Он сам в то время уже был кончен, это его собственный конец был, – сказал Блок, – жить ему было уже нечем, его и убили».

Пустая фраза «пошлость среды», но в какой же среде женщины были лучше, чем в этой. Даже наши комиссары предпочитают рабочей жене машинистку как более воспитанную: идеи идеями, а жизнь жизнью.

4 Апреля. Андрюша приехал.

Мороз и сильный северный ветер. На вечерней заре расчистилось небо и потом совершенно стихло и только чуть дышало с юга: с юга, значит, завтра метель. Я долго ходил по единственной тропинке от дома к сторожке и раскидывался душой по всей жизни, так разгуливая между Венерой и Медведицей. Со стоном проходили мои живые ночи, Пушкин взял все от жизни, и это все была женщина, и это все было ничто. Значит, 20 или одна – все равно: эта боль переходит в стихи. Чему же завидовать? а между тем завидуешь.

---

* порядочная женщина (*нем.*).

** <адрес:> улица Обсерваторская <город> Иена (*нем.*).

Да, я думаю в этих ссылках на пошлость аристократической среды Пушкина больше пошлости, чем в самой среде: от Пушкина и Лермонтова до комиссара Благодарного с его любовью к совбарышне – все тянут к этой среде.

Вот особенность Алпатова: при полной физической возможности психологическая невозможность: без психологии нет физиологии, а это делает женщину или недоступной, или сестрой без эроса.

Мысли об Авксентьеве с Тумаркиной и про Алпатова: разве Алпатов некрасив, чем он хуже Авксентьева и разве он глупее, – нет, он и красив, и умен, и еще против Авксентьева скрытно талантлив. А между тем Алпатов едва смеет глаза поднять на блеск счастья Авксентьева. Кажется, неудачником делает Алпатова его… как это назвать? его особая глупость. Значит, изображению подлежит этот вид глупости (что в губы надо целовать, бояться голого, ног; не сметь допускать чувства, оскорбляющие святость: святость, окруженная бездной чертовой: и, может быть, «женщина будущего» явилась как отсрочка настоящему.

Выход из неудачи: Graver, Schriftsteller* Дэнглас Юм, чахоточный англичанин – учитель Алпатова. Американец, у которого болели зубы: поговорили и решили друг другу писать.

Эта «глупость» сопровождает и в писательстве, и что в революции к Авксентьеву, то в писательстве к А. Толстому.

Авксентьев и заика Коль: «все в посеве клевера». Итак, вокруг Алпатова все неудачники: гравер, Коль, frau Мейер (пивная). Колония заграницей без интимностей (полит., расчет): совсем другое на фоне Европы, каждый устраивается.

«Глупость Алпатова» и глупость А. Толстого.

Поселился у рабочего в Schlafstelle.**

Фабричный рабочий, который раскланялся Вильгельму. Имматрикуляция. Карточки кнопками. Впереди все русские. Книги Вагнера (Предисловие и введение и примечания Шмоллер). Топот ногами. Против женщин (топот) Anständige Frau. Славянофилы: Коноплянцев – <*1 нрзб.*>

1873 г. – 1893 г.	– Курымушка	Три части
1895	– Юность 20 лет	I. Детство, отрочество,
+ 10 л.	любовь	юность – до 20 лет
1905	1-я Революция 30 лет	II. Любовь от 20 – до 30
+ 9 лет	Творчество	
1914	– война 40 лет	III. Творчество от 30 – до
		40.

* гравер, писатель

** Здесь: снял у рабочего угол (*досл.*: постель – *нем.*).

Любовь Алпатова

Эпоха. От смерти Алекс. III до Японской войны. Место: Тюрьма, Европа, Золотая луговина, Петербург.

5 Апреля. Ветер южный, снег идет, к вечеру все теплеет, не так сильно – все зима. Крестьяне стонут, и кто-то сказал в деревне: «по радио выходит, что стоять зима будет до пятницы, а потом вдруг загремит».

6 Апреля. Одинаково на все четыре стороны свинцовое небо. Юго-запад. ветер. Тепло с ночи, днем очень может случиться и дождь. Как бы там ни было, а с 1-го Апреля надо считать самое первое начало весны воды.

Среди дня мелкий дождь. Сильно зеленеет мох на осинах. Собака поехала в направлении Попова польца. Петя видел в деревне 3-х скворцов.

7 Апреля (25 Марта) Благовещенье. Вчера после обеда ветер повернулся с юга на запад и с запада на север. Утром по морозу свежая пороша, перед восходом заря, начинаясь на востоке светящейся точкой, расходилась к северу и до запада хвостом, совершенно как луч прожектора.

Начало звена

Любовь Алпатова

Конечно, если бы так называемый герой мой Михаил Алпатов имел бы мой теперешний опыт, он бы в решительный момент не в губы стал целовать свою возлюбленную, а в ногу, тогда непременно у него вышло бы, *как у всех,* и рассказывать мне о его любви было бы нечего.

Еще, раздумывая об этой любви, я вспоминаю всегда одну белую ночь в Петербурге: на Литейном проспекте забыли погасить одну электрическую лампочку, и она совсем напрасно прогорела в эту ночь, такую светлую, что можно было свободно газету читать. Но я все забыл, что было со мной в ту ночь, а когда подумал о лампочке, то вспомнил все до мельчайших подробностей. Значит, лампочка не напрасно горела. И так мне представляется любовь Алпатова, как эта забытая лампочка. Не будь этой любви, не стал бы я возвращаться к эпохе, когда у русского царя заболели почки и он вдруг умер, а новый царь назвал претензии Тверских дворян на конституцию бессмысленными мечтаниями. Тогда по всей великой Руси втихомолку с фырканьем, с ужимочками, с подхихикиваньем облитые помоями либеральные дворяне стали списывать какие-то стишки о

бессмысленных мечтаниях и передавать их из рук в руки, из края в край. Есть что вспомнить! но я это, мне такое далекое, я даже самое близкое мне не стал бы вспоминать, потому что не люблю свою юность и всякое о ней напоминание. Я не хотел бы, как Фауст, возвращаться, не хочу вновь пить этого жидкого напитка, потому что у меня в моем бокале на дне остаются еще самые густые капли. Этот хмель <*2 нрзб.*> прекрасный бьет прямо куда надо, а не как в юности, ударит в голову жидкий напиток – и пойдет одно – головой чистое, идейное, другое – животом – грешное, так смешаются семь пар чистых идей и чувств и семь пар нечистых, и начнет человека ломать и бросать во все стороны.

Хорошо вот теперь для юности есть комсомол, где формы даны, и в них, как в берегах, можно плыть по течению, даже просто из-за житейской выгоды можно быть комсомольцем. В мое же время это был настоящий крестный путь быть в подпольном кружке, и только самым высшим чутьем можно было угадать необходимость и, если хотите, какую-то выгоду быть в подпольном кружке.

Я показал берега, теперь простимся с ними, пусть будто густой туман окутал все берега и стал наш на реке влекущий челнок, как в бескрайнем океане, и этот молодой человек Михаил Алпатов плывет совершенно как сам по себе, и нас интересует не общий путь по реке, а его особенный, как на Литейном проспекте вспомнилась мне только одна забытая лампочка в белую ночь, а потом уж и все, что там было.

В то время делал себе карьеру товарищем прокурора небезызвестный после Трусевич, следопыт молодых государственных преступников. Т-у пришла в голову счастливая мысль собрать все прошения студентов при поступлении в высшие учебные заведения.

На восходе в сегодняшнее Благовещенье мороз хватил страшный, и с северным ветром было так холодно, что и в шубе прохватывало, и пороша свежая сияла на снежных сугробах, а в поле несло белую пыль, гнало по насту дымом. Собака еще отъехала шагов на 500 и пошла в пару. Следов работавших лисиц не было видно, а заяц зачем-то подходил и отпечатался, а т. к. эта пороша была не утром, то значит лисицы работают или вечером, или ночью.

Надо непременно описать лес, дробя события, напр., путешествие собаки проделать от Рождества до воды, наметив множество такого рода «героев».

Даже полное сияние солнца, весь его апрельский угрев не мог согреть дня, северный ветер постепенно переходил в бурю и, пожалуй, такого дня редко бывает зимой. Грачи носились в воздухе в поисках места, не занесенного снегом, и уселись на дворе у Павла.

Сверить с рукописями переводов Бебеля, Меринга, Каутского и так установить личности пролетарских вождей. Тысячи почерков эксперты начали изучать, сличать, фотографировать, складывать из букв прошений слова, переводить их на прозрачную бумагу и потом накладывать слово прошения и рукописи одно на другое.

Это был научный способ, и от него никуда не уйдешь.

8 Апреля. С утра хмуро, сильнейший ветер с морозом, столбом поземка. Настоящая самая злая зимняя метель. К вечеру показалось солнце. Вечерняя заря в полнеба над снегами нетронутыми – редкое зрелище. На ночь почти стихло. Наст везде держит, и я ночью гулял в поле по насту, удивляясь необыкновенному сиянию огромных звезд. Начал «Любовь».

9 Апреля. Небо оставалось открытым всю ночь, и морозно было. Рано встало солнце и открыто взошло. Потом все было, как в эти дни: усиливался северный ветер. Только после заката ветер, как и вчера, стих настолько, что доставляло удовольствие гулять далеко в поле под большими сверкающими звездами. Вечерняя заря полгоризонта. Наст довольно прочный, редко где провалишься.

10 Апреля. На восходе ни малейшего движения воздуха, так что за озером в лесах показались высокие дымы и открыли мне существование неизвестных мне деревень. Пахло так особенно морозом на весеннем солнце, я унес этот запах с крымских гор во время той весны, и когда у нас так же: мороз, великое солнце, голубое небо, – то я говорю: пахнет Крымом.

После восхода заметил уклон дыма сторожки с юга на север и теперь уж наверно могу предсказать перемену погоды.

Понимал ли я в детстве природу? Нисколько. Я страстно любил яблоки, и меня тянуло из города в сад за яблоками и грушами. Потом, когда стали из деревни присылать яблоки, переложенные соломой, то солома стала нравиться. Первое понимание художеств в природе у меня явилось в студенческие годы после поездки на Кавказ: там я не приходил в восторг и мало понимал красоту, но я увез оттуда нечто, отчего, прикидывая, как мерку на свое родное, стал узнавать это как красоту, стал любоваться (до тех пор не понимал, когда Дунечка восхищалась пейзажем и восклицала). Значит, вся моя страстная любовь к природе вышла из яблоков и открылась через Кавказ, а потом через любовь. (При описании тюрьмы нужно открыть это чувство любви к природе и человеку: я помню дерево и одного семейного полицейского).

В 7 у. я вышел на разведку по насту. Дым везде подымался свечой, но иногда вдруг как будто воздохнет на юго-западе, и он наклонится и опять встанет. Все небо чистое, внизу, совсем внизу туманная хмарь. По мере того как разгорается солнце и голубеет небо, туман исчезает, но на северо-западе небо внизу от хмари серо-грязное. Я думаю, из этой хмари потом родятся тучи. В лощине за мостиком нашел на снегу много тетеревиных перьев: несомненный ток. Против Щелконка токовал черныш, я рассмотрел его в бинокль: сидел на верху ели, вздыбив белый хвост, вытянув шею, токовал. Простонала желна и пробарабанила. На дороге кормились снегири: две красных и одна серая. В кустах парились овсянки: самец летел за самкой по кругу очень долго, потом полет стал тише, самка села на елку, самец, тоже присев, бросился на нее, схватились, упали на снегу, спарились. Запоздалый русачок проскакал через поляну. Дорога по насту во все стороны, – как вольно, как легко и как чудесно пахнет солнцем! на осинах лопнули почки и запушились, далеко на солнце видны блестящие смолистые почки тополей.

Хорошо в деревне, раскапывают куры жаркие завалинки.

Я предполагаю, что утренняя хмарь на западе, хотя она потом исчезла, была признаком перемены погоды. Там же перед закатом явились синие полосы и над опускающимся солнцем прозрачные белые (перисто-слоистые) облака, притом это будто помазано было по голубому неровным овальным кругом, и на этом кое-где волнистость, как рябые перышки тетерки. Такой же замешанный круг белым был и направо. Солнце, проходя тяжелые синие полосы, краснело (деформировалось), полосы синие стали прослаиваться красными, село солнце в синее, сплющенно-красным, определенно подул ветер с юго-востока и потом стих (ветра весь день не было, только вздохи были легкие с юга, востока и запада). Заря в красно-синем сарафане с белыми рукавами. На мелколесье пролетели ночевать 15–17 витютней (а глубочайшие снега, солнце за день ничего не сделало, а только размягчило наст).

Ожидаю циклона (хотя перед этим днем все были дни с золотыми зорями).

Сегодня после заката стало как будто светлей, и сумерки были продолжительные.

На ночь подул ю.-в. ветер.

11 Апреля. 3 ч. утра – первый свет зари в темноте. Тишина, легкий мороз. На востоке синяя полоса, на западе синяя заваль, перед восходом на синей полосе красный столб. Во время восхода солнца мороз и сильный юг.-вост. ветер. Через полчаса совершенно стихло. На востоке и западе лег-

кий налет перисто-слоистых облаков. Около 6 у. затоковали тетерева и овсянки начали кружиться в брачном полете.

В 9 у. 9/10 неба покрыты такими облаками: перисто-слоистые и слоисто-кучевые, на севере и западе внизу дождевые. Ровный, довольно сильный южный ветер. Вчерашние признаки циклона осуществляются. Петя поверил. Солнце светит, <*1 нрзб.*> неполно. Вопль у крестьян: сено за пуд сравнялось с овсом, то и другое 1. 50 к.

Думаю о том бездушии постоянного вращения земли, что в этом постоянстве беспощадном – необходимость, и на этом вырастает наша свобода. И животное ходит, потому что дерево стоит, и человек сидит и мечтает, потому что земля в это время движется: та сторона и эта сторона, и так везде и во всем насквозь вся жизнь.

К вечеру все небо заставлено тучами, и в циклон все поверили. Нехорошо, что стало морозить.

12 Апреля. Ночью выпал снег. Продолжается и утром. Небо – сплошная туча. Ветер южный. Вопрос: почему же при этом ветре в Апреле циклон приносит не дождь, а снег?

В 9 у. все небо в серых сплошных облаках, местами слабее, местами погуще, где слабее – световые пятна, на западе особенно густо и с синевой. Быстро теплеет, к 9 у. уже снег окис и местами проваливается. Вороны оглупели. Заяц разгуливает на Поповом польце, русак пощипывает что-то, у него хвост опущен и на хвосте черная полоска, худой, верно, зайчиха оставила зайчат на минутку, прогулялась, покормилась кой-чем и опять поплелась в Брусничный враг.

Надо бы сделать исследование: деревенская баба. (К нам приходит одна, сидит, молчит все, все замечает: настоящая сова; вообще деревенские бабы к старости получают сходство с разными животными, кажется, больше на птиц похожи).

Когда плод созрел, то, краснея, сам просится в рот, и если не возьмешь, то даже упадет к ногам: «Пожалуйте, – говорит, – я довольно пожил, теперь вы мной поживите, кушайте, кушайте!». Так у больших ученых созревшая мысль, в конце концов, укладывается в немногие слова, и тогда мы получаем так называемую популярную книгу. Я много пересмотрел таких книжек по естествознанию и сразу по языку узнаю недозрелые плоды, их очень много, в них всегда встречается страшно избитая фраза: «и вот весна вступает в свои права».

Я хочу высказать свои читательские мысли об одной новой книжечке, с виду очень скромной, но упавшей мне воистину как зрелый плод: какое наслаждение поговорить о хорошем! Называется книжка «Предсказание погоды по небу». проф. Брауна (67 стр., 36 рисунков, ц. 50 к.). Эпиграф авто-

ра: «Учиться и учиться». Я прочел эту книжку в какой-нибудь час, проверил рисунки облаков по сложившимся у меня представлениям, хорошо запомнил и вышел наблюдать.

Вопрос был огромной важности: определить по местным признакам, когда же начнется, наконец, быстрое таяние снега и чрезмерно затянувшаяся весна света перейдет в долгожданную весну воды. В деревне стон и вопль, все подобралось, скотина перестала ходить, сено в цене сравнялось с овсом. Я хорошо выучил книжку, стал приучать себя называть дурную погоду циклоном, хорошую антициклоном. Теперь нам нужна была погода дурная, циклон.

Поп записку прислал за деньгами = едет сено покупать. Ответ: батюшка, обождите покупать, циклон приближается.

Я вышел и стал на свою обсерваторию: это на высоком берегу озера огромный сугроб, наметенный под кустами можжевельников, под сугробом в кустах пустота, и если бы провалиться, то, пожалуй, нескоро и выберешься. Одно время стоять тут было рискованно, а потом, когда накипел наст...

Днем отлично таяло, была полная тишина серого дня, но в полдень меня смутило легкое дуновение – воздух с севера. Вечером определенно потянуло с северо-запада, и на закате, на западе приподнялся тяжелый серый край одеяла. Было красное на закате, потом красные облака стали зелеными, зеленые объявились голубыми кучевыми на золотистой полосе, и после определенно установилась золотистая антициклонная заря, при северо-запад. ветре, и завеса стала подниматься все выше и выше.

13 Апреля. Звездная ночь, конечно, с морозом. На восходе южный ветер. Облака всех типов с прогалинками размещены по всему небу: разорванные кучевые, дождевые, и слоистые, и перистые. На восходе чистая полоса.

Сегодня уезжает Андрюша. Очень неприятно видеть в журналах свой искаженный портрет, и начинают надоедать даже дружеские статьи о себе, это похоже становится на самоболезнь при зеркальном отражении. Мало того, что я жизнь свою обращаю в сказку, я пытаюсь и сказку обернуть в жизнь: получать 18 месяцев по 100 руб. От Гиза за «Кащееву цепь» да рублей 200 от журналов – это не фунт изюму!

Весь день серое сплошное небо разрывалось на отдельные дождевые облака, и эти дождевые темные перестраивались на легкие красивые кучевые. К вечеру небо стало чистое. Но перед закатом возникли перистые лёгкие облака, и солнце село в серую широкую полосу. Я сказал своим: «Готов спо-

рить, что завтра будет циклон». Мне указали потом на чистое звездное небо. Я уперся: «Ничего не значит».

Петя видел кроншнепов, трех, летели очень низко по ту сторону озера, свистели. Грачи мечутся стаями. Овраги совсем не трогались.

14 Апреля. При восходе (с 3 утра) сильнейший ю.-з. – ураган со снегом. В 6 у. ураган остался хорошим ю.-зап. ветром. Небо все серое. Мокрый снег.

«Жестокость» Ценского. Нелепое начало: собраны в автомобиль 6 комиссаров от разных национальностей РСФСР, и каждый последовательно описан – старинный брошенный прием, теперь невыполнимый для чтения. Потом действие отлично развивается вместе с движением «форда», вплоть до заключительной катастрофы, потрясающей жестокостью. Мысль читателя продолжается, встает картина суда земли, жестокого, но... справедливого. А потом, когда ищешь соответствия в действительности, встает вопрос: почему же это как будто правая сила земли обернулась в такую дрянь, почему в деревне потом люди буквально поели друг друга, где та сила, какая это сила, оборвавшая даже силу земли?

Рассказ подписан 22-м годом, когда еще оставались у нас следы интеллигентов, следы не то верования, не то ненависти, не то страха, не то уважения перед «властью земли» (того самого, из-за чего даже зачинатели, бравшие власть, не верили, что они ее удержат).

Правда, нельзя раскрыть символ старухи, обоссавшей голову зарытого в землю по шею интеллигента иначе, как последнего суда над интеллигенцией силы земли, а между тем в действительности этот же самый интеллигент вдребезги разлагает деревню и устанавливает свою власть, свой закон.

В новом рассказе надо передать силу суда интеллигенту, и это возможно сделать только, если и сама сила земли становится за интеллект.

(К этому история жизни бондаря, который, поверив, что Бог находится не в церкви, а в разуме, переустраивает и свою жизнь и все суждения деревенских сходов).

(И в далеком плане: планета вращается неумолимо, без отдыха, там где-то в бездушной пустоте и вечно мчится с силой нагнанной скорости пушечного ядра, а между тем нам обеспечена тишина воздуха, наша плоскость, на которой мы строим дома, у нас неподвижность основания, вообще такой удивительный покой, что является даже всякая мечта, быт и чувство личной свободы и такого легкомыслия, что мы тратим время на добывание пера на голове белой цапли, чтобы украсить им шляпу парижской дамы. А уничтожить мечту, лень, легкомыслие – это значит заставить человека погрузить-

ся навсегда в пустоту вращения планеты. «Власть земли», значит, вот эта необходимость и правда безустанной работы, а человек, значит, – отдых мира и тем самым бунт и протест: и свобода его, и дело разума, и дело искусств – все отдых мира. Вселенная нашла себе в человеке мгновение отдыха, человек – это мечта земли о покое).

Возможно ли пережитое нами пересмотреть в таком плане?

Начало очерка: Не могу понять побуждений для передачи факта в так называемый «беллетристической форме» и даже «полубеллетристической», для меня существует художественная форма – это одно, и совершенно другое – просто рассказать о факте, как он есть. Я говорю не о статистике и вообще научности, это ведь тоже что то вроде «беллетристической формы», только с другого конца, я говорю о простой беседе, какую мы ведем постоянно между собой в компаниях о жизни вокруг нас: это не наука, не художество, не беллетристика, а что-то само по себе и очень ценное, мотивом к чему бывает просто «отвести душу», и тут уж, конечно, одна мысль о беллетристике наполняет величайшей скукой... А ну ее к черту, «годится в роман», у меня этого добра и так хоть отбавляй, не проворотишь.

Я когда-нибудь непременно напишу свою поэму о лесе, а сейчас расскажу вам о лесной бабе, Степаниде. Сколько я ни думал о социализме, а все не могу уйти от деревенской бабы, и так решил про себя, пока социализм не признает бабу, я до тех пор не признаю социализма: нельзя же так жить, чтобы не родить, а если это самое главное, то значит и лесная баба самое главное, самый существенный факт и литературный в высшей степени. Просто пузо, прет вперед, но ничуть не укрывается, как даже у животных: там правильно сделано, на четырех ногах и, значит, вниз, а тут на двух и пузо вперед – вид безобразнейший. Так проходит Степанида через деревню с куском ладана, зажатого в ладони, раздобыла этот ладан от беса, сидящего в ее муже, бондаре. Иван Петрович ночью. Но случилось ночью во время сна рука Степаниды разжалась, ладан выпал и подкатился под Ивана Петровича. Он зажег спичку, посмотрел: ладан.

Андрюша сказал: «Дядя, вот это тебе надо как писателю знать». И прочитал из Горького, что писатель должен так писать, чтобы читатель увидел, какой он скот. «Так, – ответил я, – это хорошо, но мне кажется, еще будет лучше, если читатель скажет: „не совсем же, значит, я скот" и после того бодро примется за работу». – «А ведь и это верно, – сказал Андрюша, – вот как удивительно, и так, и так, совсем другое, и все верно, почему это так». И мы стали с ним говорить о парадоксе.

Весь день до 3-х ч. в. бушевала снежная метель и ветер повертывался от юга к северу, а облака после полудня перестраивались на летние, в ½ 4-го в. солнце открыто светило, минуя разбросанные по небу светлые громады кучевых облаков, и тут же, как только открылось небо, стало подмерзать.

Заря золотистая с плотно синей полосой, разорванной на месте заката. Сильно морозит. Ветер с.-з. довольно сильный.

Итак, эти дни ветер вертится с S. на N., достигнув предела на N-е, начинается антициклон, бывают сутки полной тишины и солнце, потом начинается циклон: с S. – SW. – и до W. Теперь, значит, мы накануне тишины, завтра, может быть, еще подует, а послезавтра – стихнет и опять. Новорожденный месяц.

В 9. 45 в. за озерцом было видно отчетливо северное сияние – бледный, зеленоватый, как от электричества, огромный во весь север сегмент с колыхающимися языками, иные из этих языков хватали до ⅓ расстояния горизонта от Полярной звезды. Все остальное небо было, как чернило, и на нем сидели, вылупились все звезды. Снег от мороза скрипел под ногой. В 11 в. сияние ослабело.

15 Апреля. Точно по предсказанию начинается антициклонный день с признаками близкого циклона: солнце чистое без деформации, но вокруг перистые облака, и ветерок не с севера, как вчера, а с юго-зап. Наст держит, как мостовая, на свежем снегу ветер с елей много насыпал иголок, каждая ель из иголок своих как бы тень оставляет по снегу, расположенную в направлении от северо-запада. Устанавливал бинокль по мышкующей лисице и ознобил руки. Тетерева не токовали, тетерки все были у нас, дома.

Читал вчера в «Новом Мире» мирские рассказы Микитова, тонкие, сделанные с большим мастерством, свободные от Ремизова и почему-то все-таки скучные. Я думаю, это происходит не от бледности сюжета, а от малой сцепки формы рассказа с самим собой, и это от несмелости, от личного укрывательства себя самого в красивых словах. Писать «просто» – это значит писать о себе, о своем близком. О чужом писать можно лишь в том случае, если его можно приблизить так, что это чужое стало бы так же, как и я сам («Любите ближнего, как самого себя. А кто мой ближний?». Секрет писательства и заключается в выборе самого ближнего. Все, конечно, при соответствующем таланте и мастерстве).

Я думаю, что не следует очень торопиться с изданием охотничьих рассказов, выждать, пока не сложится вся книга

о движении земли, так что охотничьи рассказы в ней соберутся в фокусы, как лучи. Так вот Гусек был незаметен, а когда попал под линзу Курымушки – так увеличился в силе в сто раз.

Вскоре после восхода начинают сгущаться облака, все небо закрывается, и с переходящим от юга к западу ветром весь день летит влажный снег. На закате дохнул с севера ветерок, и оттуда чуть-чуть приподнялось тяжелое серое толстое и во все небо одеяло, казалось, невозможно, чтобы все поднять, но я и часу дома не просидел – все небо блестело звездами, двухдневный месяц сиял с дополняющей до круга зеленовато-пепельной частью освещенной землей. Полная тишина и самый легкий, приятный морозец.

В осиннике дрались зайцы, кричали похоже на кошек, на сов и птицу. Лисьи прыжки.

16 Апреля. Очень тихо, морозно, под восходящим солнцем разноцветные перистые облака, и как будто бы день должен быть, как вчера, но я рано подсмотрел один склоненный с севера на юг дымок.

Лисичка до солнца пробиралась краем озера, трусцой, так близко к Гремячу, что Ярик поднял голову и стал всматриваться, но я дал ему, и он бросил. Десятка шагов не пройдет лисица и остановится, обернется, покопается.

Прочитать, что сказали людям астрономические трубы о Луне, все равно что узнать в анатомической комнате о кишках своей возлюбленной. Вероятно, потому и поэты молчат о настоящей Луне, как молчат о кишках Прекрасной Дамы: кишки у нее, как у всех, и тайны жизни, которую он видел с лица, там нет; так и на Луне нет жизни, мертвые кратеры и черное небо.

В ½ 6 утра.

Вчерашний молодой снег – такие крупные кристаллы! – сверкает на солнце совершенно как будто это звезды с ночи остались на земле. Садится слегка иней. А о ветре я ошибся, это было последнее дыхание ночи, теперь все дымы поклонились северу. И с запада и с юга стали наплывать тончайшие прозрачные облака и, надо думать, скоро все станет, как вчера, сегодня, однако, мороз и ветер много слабее, мягче.

Описываются герои научных открытий, но путешествия с измерительными аппаратами – какие-то полюсы; но те, кто открывает нам лицо луны, солнца и звезд – разве их дело недостойно таких же описаний?

В ½ 7-го. От севера на NO – будто белый пар из паровоза довольно быстро повалил, и образовалась через все небо дуга, и параллельно ей другая, третья (это ли «полярные ленты?»). На западе тревожная все выше и выше подымающаяся белая муть. Солнце, проходя через полярные ленты, создаст в общем тревогу: «ущемленность утра».

В 9 у. – ½ 10 у. Солнце было окружено высокими барашками, которые скоро все разошлись в синеве. Солнце стало очень сильно жарить, а на западе синело, уже подходя к солнцу серым туманом. Из села на синем слышались крики петухов. Кажется, должен бы дождь пойти.

В 11 д. И уже подступили силы весны и солнца – вот-вот бы закрыть только, но вдруг все стало «яко дым» и рассеялось в полчаса до самого горизонта, солнце сияло победно, окруженное белыми коврами из нежнейших барашков, по горизонту плыли белые толстые кучевые облака. Началась жара в воздухе, плавится снег, обнажались кочки на болотах, рыжела и рыжела дорога. Но солнцу ничего бы не сделать без туч, потому что в небесном пространстве рядом с жаром мороз, рядом со светом тьма, а тепло, весну приносят на землю серые тучи. Внимательно глядя, можно было рассмотреть, что там выше было не синее небо, а тончайшая пленка сплошных облаков. После двенадцати вдруг что-то случилось с ветром: дунуло с юга и вдруг с севера, а потом с запада. И новые серые полосы пошли с запада, окружили солнце и взяли в плен. Тогда быстро стало сереть, нависать, и серое, нависшее по сторонам, даже и желтеть.

В 5 в. хорошо. Снег раскис. Нависло. Вороны ломают на деревьях суки. От кустов пахнет дичью и порохом.

Мое настоящее искусство – живопись, но я не могу рисовать, и то, что должно быть изображено линиями и красками, я стараюсь делать словами, подбирая из слов цветистое, из фраз то прямое, как стены древних христианских храмов, то гибкое, как в завитках рококо. Что же делать-то! при усердии и так хорошо.

А может быть так и все художники работают мастерством чужого искусства, пользуясь силой родного? может быть, и само искусство начинается в замену утраченной как-то любви… молчаливого потока родства, продолжающего мир и <*1 нрзб.*> его.

В 7 в. Небо до того надулось, что стало фиолетовым, в сумерках пробовал начаться крупными хлопьями мокрый снег, но перестал. Стало чуть-чуть подмораживать, пробовало проясниться на западе и поднять всю тяжесть туч, но пока это не удалось, что будет ночью?

Слушали ток филинов.

17 Апреля. Всю ночь земля пробыла под тучами, и утро было продолжением вечера. Серому утру все радовались, и уже в пять утра пели синицы, орали вороны и бормотали вдали тетерева, потом подул довольно сильный южный ветер, хотя и южный, но утром свежий, неприятно. Весна бы теперь должна идти гигантскими шагами, а она ползет черепахой.

Специалисты-охотники.

Птицы – лучшие географы, они отлично понимают, что солнце без туч – страшная, жестокая сила, и потому серый день всегда оживленней, и в серый день они у нас появляются.

В 10 у. в кустах я услышал пение разных мелких птичек, рассмотрел зяблика, кажется, даже слышал певчего дрозда. В воздухе мелькали птички. Послышались крики кроншнепа и чаек. Я увидел много чаек больших белоголовых и наших с черными головками на Гремячем, незамерзающий ручей под мельницей был единственная водица в этих еще девственных снегах. С прилета чайки были очень оживленные, одни плавали, другие бродили по снегу. Среди чаек были четыре уточки (три селезня и утка), селезни, как сороки (черные по белому), головы и спинки черные, остальные белые, утка, сама серая, на шее белое колечко, голова, кажется, коричневая и с хохолком (это нырковые утки, назовем их пока утки-сороки). Чайки и утки были равнодушны друг к другу, чайки очень оживленные, утки очень флегматичные. Единственный водоемчик привлек и других птиц: вороны ходили по краю, иногда пускались вброд и смешивались безобразные с красавицами-чайками. Тут же на краю прыгали трясогузки. На березе сидели спугнутые прохожим с дороги грачи, под березой на проталинке, как мыши, бегали скворцы. Запели жаворонки.

Необычайно радостное чувство охватило нас при встрече с друзьями. Все сразу преобразилось в кустах, как будто в старый гостеприимный дом к старикам наехало сразу к именинам множество родни.

С полудня стало греть горячее солнце.

Я вышел в 3 дня. Солнце. Очень жарко. Ветер с утра чисто южный. Облака циклонные, свет тревожный. На озере у берегов появились везде отпотины, они скоро сойдутся в забереги. На Гремяче оживленный говор чаек. Из спугнутых мной раньше четырех нырков вернулась пара: утка и селезень. За осинником где-то натуживался лесной голубь. Я пошел туда в направлении моей западной обсерватории, проваливаясь в раскисший снег по пояс, едва добрался, весь смок. Лесной голубь сидел на самой вершине ели грудью к солнцу. В стороне на березе сидело еще пять. Спугнутый с

ели, верно, старший их подлетел к ним, этим подавая сигнал об опасности, но они разогрелись и не послушались. Потом, увидев меня, слетели, и потом я нашел их на Поповом польце у подножия обсерватории, пять сидело на проталине, шестой дремал на снегу, четыре сидели против солнца совсем как припеченные друг к другу хлебные жаворонки, пятый сидел к нам задом и смотрел на дремавшего на снегу. Просто бродя биноклем по небу, я натыкался на стаи летящих в воздухе мелких птиц, разузнал трясогузок. Раз мелькнула в глазах какая-то бабочка вдали, я хотел ее рассмотреть в бинокль, но в тот же момент ее съела синица. Прогудела крупная муха. Протянули три комара. Везде пели зяблики и овсянки. И мне кажется, я слышал крик журавлей. На вытаявших кочках в болоте против Волкова много было чибисов. Очень может быть, теперь должно все сразу лететь. Через час солнце было уже в рубашке, и с горизонта высоко к небу подбиралась сплошная желтовато-серая хмарь.

Люди, вообще, подслеповаты, и потому специальность нужна, как очки, непременно, и каждый специалист очень должен помнить, что специальность – только очки, и непременно должен уметь рассказывать другим, что он видел.

Кто у нас знает мельчайшие, трогательные подробности прилета птиц, только одни орнитологи.

В 5 в. Пока солнце справилось, хмарь отступила, но все равно в эту ночь непременно будет ненастье. Видел дрозда-рябинника, прилетел на березу и сразу затрещал. Отпотины у берегов озера стали мокрыми, расширились, и еще немного – сольются в закраины. Чайки бродят по этим лужицам надо льдом, вероятно, глубиной в один сантиметр. Среди чаек были девять кроншнепов, потом по своей суетливости чайки переместились, а кроншнепы остались на снегу у водицы надо льдом. Что они тут могли найти себе? а куда деваться? болото в снегу. Они так сидели и час, и два. Я взял на себя терпение наблюдать их до конца, – неужели они тут ночевать останутся? И зачем они прилетели, в каком расчете, разве вот, что в эту ночь дождь пойдет. Впрочем, очень может быть, что они чем-нибудь покормились на обтаявшей с ночи Мемеке. Не сладко бывает вернуться хозяевам в свои родные края. Над нашим домом потянули витютни, штук сорок. Показывался молодой месяц и скоро расплылся в хмари.

Мужики очень оживились и стали на дороге громко разговаривать: «Утка явилась, ну теперь конец, а кто виноват? сами виноваты, навели скота, скот надо по кормам держать, а мы навезли… зря. Ну, да вот теперь нужно: утка пошла». Я так и не узнал, что сталось с кроншнепами. В темноте слышно из желоба журчала вода. Если бы ночью дождь, да с утра туман!

Чибисы
бабочки
мухи
3 комара

Завтра надо в деревню сходить. Хорошо бы и в Веслово, и в Рыбаки. Можно ли так сильно сгустить дух, что он станет такой же, как материя, плотный.

18 Апреля. Ночью ревел ветер. На рассвете слышен был дождь. Так, значит, ринулась весна воды.

О слепом.
О влюбленной женщине
О *последнем и простом:* глаза жизни.

Пришло в голову, что Алпатова будет любить женщина, с которой он не может спариться, потому что она хочет большего, всего его хочет, а та, которую он любит, не может отдаться ему, потому что она хочет обыкновенного. Так будет любовь художника освещена с двух сторон.

Утро серое, хмурое, ветер южный охватывает холодной сыростью. Берег озера везде определился, потому что отмочины сошлись. На Гремяче во много раз больше черноголовых чаек, а белоголовых больших немного. Среди чаек были две пары кряковых уток. Селезни плавали, утицы дремали на льду, отражаясь в воде. Одна утица попробовала плавать, и один из селезней стал было за ней ухаживать, она решительно бросилась от него на берег, опять уселась, задремала, и селезень тоже вылез, ковыль, ковыль по льду к ней, уселся рядом и задремал, другой селезень вылез к своей утице, тоже рядом устроился и тоже задремал.

Снег не только проваливается, но стал такой слабый, что по нем можно двигаться, будучи по пояс, свободно раздвигается коленками стена, и под стенами вода – это все вода. Около 11 у. река Веськовка еще представляла из себя овраг, заваленный снегом, только кое-где виднелись темные пятна от нажимающей на снег внизу воды. Но с горы по селу неслись потоки под мост, и эта верхняя вода обещала скоро пустить всю речку в ход. Воздух весь был наполнен летящими мелкими птичками. Путь совершенно испортился, лесные работы остановились. Женщина сказала: «Теперь откормились, то все было, копейка вертелась, теперь шабаш!» Крестьяне говорили, что если птица дружно летела, то, значит, и весна теперь пойдет дружно. А как журавль полетит, то от журавля до пахоты будет 12 дней. Вопрос, волнующий «пролетарскую улицу» – поведут этим летом ветку жел. дороги, или же останется по-прежнему. К полудню небо очень надулось.

Поля обнажаются, Мемек-гора всегда вперед и теперь рыжая.

После обеда шел дождь и часть времени проливной. На Гремяч прилетели три цапли и, покружившись, отправились через город на Красносельское болото. Там, говорят, кочки показались, и их «птицы дерут». Свежо было после дождя. Среди часк было несколько штук больших с более темными крыльями и белыми головами. После взлета большие поднялись после черноголовок и, отлетев, первые опустились. У черноголовок совсем другой характер, они чрезвычайно подвижны и постоянно кричат, а большие только посвистывают вроде чибисов – это, вероятно, морские чайки. К вечеру было заметно у птиц малое оживление, только чайки откуда-то взялись в огромном числе и, разбившись на три большие стаи, носились в воздухе с тем криком, от которого становится радостно всем. Река Веськовка уже шумела под мостом, и наш «Вражек» местами промыл себе продушины, и там вода работает, как сильный ребенок, нажимая коленками, натуживаясь. Отмочины на озере стали очень широкими, и лучи их уходили далеко в озеро. Дорога совершенно пуста. После невидимого заката, когда взошел месяц, ринулся ветер-разрушитель, и сейчас, когда я пишу уже при лампе, там все бушует.

Я думал о том, что лишенная детства и «лунная» юность и потом разные недостатки – все это отсрочка радости: да, потом это все возвращается радостью жизни, любовью к ней, эта любовь есть сохраненная сила детства.

Живешь, будто среди слепых, и все это писательство исходит от жажды общения с ними. Правда, за деньги это делать не станешь, щекотание славы, кажется, не больше, как одна из форм гонорара (до цинизма доходит: похвалили, значит, думаешь, можно побольше просить).

Молодой месяц явился сегодня против вчерашнего выше и совершит свой путь как раз, как рассказано в школьной географии, которую я с наслаждением читаю, узнавая все вновь. И вот как чудно: многое доставляет теперь счастье только потому, что в школе не проходил и вообще скверно учился. Я, например, думал, как огромное большинство людей, что перемена времен года происходит от приближения земли к солнцу, и когда узнал, что не от этого, а от наклона земной оси, то страшно удивился, а особенно большую картину дало мне новое знание, что без нашего воздуха небо, несмотря на свет солнца, черное. Но Андрюша уже хорошо знал об этом и был к этому знанию совершенно равнодушен. Так и все учатся равнодушию и забивают себе с детства почву для восторга узнавания мира.

Метод создается в обход таланта (как будто признается, что серединa непременно бездарна) и обязательств творчества. Надо бы установить границы методики. Я думаю, эти

границы находятся в индивидуальности, если бы учителя были бы так гениальны, что могли бы считаться со всякой индивидуальностью, то не нужно бы им было прибегать к методике.

Главная моя перемена состояла в том, что так называемые Старшие (настоящие), Учителя, Служащие, Отцы, Матери – все эти люди только для виду существуют, а действительно настоящие люди делают настоящее потихоньку и непременно, как дети, игрой: игра и охота – тайные пружины человечества, остальное – условность общежития, на основе которой выдвигаются разного рода юбиляры и создают в жизни пугающую ее важность.

19 Апреля. Ночью что-то было, что? вероятно, дождь, потому что стена снега перед окном сильно осела. На Гремяче десять крякв и пара шилохвостей, с чайками на льду стояла какая-то птица, величиной в чайку, белая с черным пятном на груди и на крыльях, голова вся черная, ноги длинные (не кулик-сорока? и не это ли было в 1-й день, что я назвал утки-сороки?). При моем приближении шилохвости улетели, как по паркету, отражаясь в нем, будто это у них был менуэт. По краю ручья бегал, попискивая, куличок-песочник. Массами летели дрозды-рябинники и зяблики. Воздух был наполнен криками кроншнепов, чаек, дроздов и мелких птиц. Видел хищника, такого же оперения, как тетеревятник, только поменьше, другой большой коричневый слетел с горы и сел на кочку в болоте и так остался надолго.

Василий Голышев сказал, что сейчас видел: на Куротне токует тетерев, с ним самка и три петуха на дереве (до этого времени не спускались еще на землю). Еще я узнал, что слышанный мной в 1-й день крик был действительно журавлиный: дня три уже кричат возле Веслова. Говорят, что тогда же на Уреве слышали лебедей и видели двух гусей.

Снег на озере чуть не до половины стаял, лед имеет вид воды, и по воде едут. Вода везде льется с гор, напирает на дорогу и местами уже прорвала, загудел Брусничий враг, Куротень налился водой, и бабы уже полоскают белье, дня через два подымет лед.

В 10 у. солнце на весь день освободилось из-под туч, и при южном ветре (3-й день безотрывно) стало очень тепло. Чибис весь на горе ходит, то западая, то показывая хохолок, вместе с грачами и дятлами, а дроздов много на болотистых кочках. Снег весь стал крутой и ногу задерживает меньше, чем летом густая трава.

Самогонщик собирается третий раз садиться в тюрьму, но очень веселый и строит новый дом. Говорит, что в тюрьме харчи хороши, а если работать, то еще дают полтинник на

день, и что в тюрьме стало против прежнего режима лучше в шесть раз. Хорошая деревня Веслово, перед каждым домом скворечник и даже в училище, но только в училище устроили возле трубы, и скворцы не живут, дыма боятся. Типично, что школы стоят голые, ни одного дерева.

От 3-6 вечера.

При полете мелких пташек я вспомнил Попово польцо на горе между оврагами, окруженное мелколесьем, и пошел посмотреть, не там ли все. Шел, устанавливая ногу, уминая снег, чтобы не проваливалось, и так с грехом пополам добрался: вся опушка на фоне голубого неба была осыпана мелкими птичками – это очень красиво, на польце в воздухе, везде были птички, иногда частые, как маком посыпано. Влетело множество витютней, и один уже был растерзан ястребом. Выплыл конюк, и оттуда-то взялся ворон и, догнав его, стал донимать. Иногда показываются птицы необычайных форм, и потом окажется, что это или ворон сук тащит, или галка какую-нибудь штуку в гнездо (был случай: газету «Бедноту»). Встретились две пары журавлей (те цапли, не журавли ли были?) и полетели вместе. Потом еще показался караванчик журавлей, 15 штук, в правильном их построении. Сегодня утром еще я видел в Брусничном враге, засыпанном снегом, местами пробивался поток, как богатырь-ребенок в бочонке, по сказке, нажимая на дно, – теперь весь снежный потолок обрушился, и поток свободно несся, шумел и ревел в высоких снежных берегах. Орех еще не зацвел, и я не видел еще маленьких певчих дроздов, которые делают малиновую зарю.

20 Апреля. Вчера вечером солнце садилось в розовые облака, и стало свежевато, но я поленился даже подумать, перед чем бывает розовая заря: довольно, ведь я дождался весны. Так и всегда: мы смотрим на небо и ждем журавлей, пока чего-нибудь не хватает, а когда журавли прилетели, то будто все так и надо, и нечего тревожиться и глядеть на небо.

В 3 у. на минуту вышел с собакой. Отличное утро. Мороза нет. Ветер южный. Поет скворец.

На восходе подморозило. И ночь верно совсем не таяло, потому что Вражек бежал только в русле, а разлива его как не бывало. Вскоре после восхода набежала туча, и брызнул короткий дождь. Потом солнце стало припаривать, и вода прибавляться. Поля пестрые, но, конечно, белого во много раз больше. Дорога, местами перемытая, оказывается высоким ледяным слоем, до двух аршин. Старик с возом сена объехал промоину низом, хотя внизу казалось гораздо больше воды, с большим трудом, но перебрался. Вслед за ним ехал молодой парень с большим возом и, заметив борьбу

старика, взял верхом: того не мог сообразить, что напирающая вода гораздо глубже и только прикрыта предательским слоем снега. Лошадь сразу погрузилась в поток так, что от нее видна была одна голова. Возни было очень много, собрались люди, помогли. «Благодари Бога, – сказали ему, – позапрошлый год тут мужик совсем утонул». Поставили на дорогу, и пошел береженый воз назад.

Наши тетерки, вероятно, ждут петуха. Я чуфыкнул, и они сейчас же закудахтали в овраге. Там пело много зябликов, но орех еще не зацвел. Над жнивьем проплыл ястреб-мышатник (сизый с черными окрайнами крыльев). На верхушках елей <*1 нрзб.*>, будто это сама макушка дерева, сидели канюки. Прошмыгнул копчик. Витютни массой кормились на Поповом польце.

Книга пионеров. – Мы не только не ученые, а совсем даже неученые, и если по правде говорить, просто даже озорники. Вот что мы выдумали: раз не нас учат, а на нас учатся, то чем нам так время проводить, давайте-ка сами возьмемся. Семен Иванович, учитель природоведения в этом деле нам очень помог и то же самое сказал нам: «Если можете сами, то это будет самое лучшее, не потому называться пионерами, что носят трусики, а потому, что начинают новое дело, пионеры, значит, первые начинатели».

Все-таки сравнительно с этими днями сегодня некоторая продержка. После обеда захмылило, небо все закрылось, брызжет понемногу, и собирается сильнее пойти дождь. Наши видели пролетающих в ночи гусей, установили, что певчие дрозды здесь. Видел впервые черного дрозда – какая это благородная птица! весь черный с золотым клювом и на изящнейших ножках. Тут же была птичка, очень похожая (возможно ли) на соловья. О соловье сложили неправильно – будто это просто серенькая птичка вроде воробья, при этом: а поет! соловей даже не серый, а темно-каштановый, формы его, повадка необычайно изящны – особенно самка – и вполне соответствуют песне.

Озеро все намокло и выглядит, как настоящее озеро, и по нем плывут подводы. Потоки мало-помалу наливают закрайки, но настоящего цельного кольца около льда еще нет.

Какое счастье слушать шумящий поток, да для меня это не повод говорить о каком-то счастье, а самое счастье, которое узнал я и воспитал в несчастии. Счастье это в том, что, выйдя из дома, теперь я совершенно свободен и не той свободой, которую ищут, а той, которая тебя сама нашла, как все равно деньги такая дрянь, если их домогаться, но какая радость, если о них не думаешь, а они сами тебя тут где-то в глуши разыскали.

Пролетайте же гуси и дорогие журавли, вы меня не тревожите, как в прежние годы, недостижимым посулом: мои журавли со мною живут. Пойте, веселые черные чудаки – скворцы, разными голосами над шумящим потоком: я сам скворец и тоже пою. Маленькие скворцы, обыкновенное солнце, величиной в тарелку, и луна, и звездочки, я вас люблю не такими, какими узнал я о вас из книг – это любить невозможно! – а как сотворились вы вместе с моей младенческой душой, как обрадовали, так и остались, и я с вами остаюсь таким же. Так это есть и будет присоединенным к великому свитку тысячелетнего бытия человека на его остывающей планете.

Сегодня Петя видел над озером скопу и потому, что за ней гнались галки, принял было за ястреба, но она повернулась, стали заметны белая грудь и нос крючком по-особенному, скопиному.

К вечеру с Урева надвинулся туман, и началась пронизывающая сырость – это прекрасно, потому что без тумана весны не бывает.

Помни «живые ночи!» (туда войдет «Ток»)

Мы ложимся спать, откладывая на завтра увлекательное чтение книги Весны, правда!

Сумасшествие для больного человека несчастие, но если здоровый с ума сошел, то это хорошо и нужно, иначе жизнь пройдет незаметно, без всякой отметинки, один скажет: «Помер!» Другой: «Царство небесное!» – и все!

Возы сена, которые мы вечером заметили в тумане, – тащились от города, были обратные возы: хозяева придерживали сено на самый конец, думали взять подороже, а оказалось, сено вдруг пало в цене совершенно. И так, убив день, измучив лошадь, вымокнув несколько раз, едут обратно.

21 Апреля. Туман. Ничего не видно, но все слышно с крыльца: в кустах трубит тетерев, на Гремяче бунтуют чайки, первый дрозд на елочке поет, скворец на березе. Я принялся, было, пока не обогреет солнце и не разойдется туман, писать. Петя проснулся и удивился: «Ты пишешь?» – «Туман, – говорю, – куда бы ты сам пошел?» – «Я бы пошел, – сказал Петя, – куда глаза глядят». Я бросил машинку и пошел, куда глаза глядят.

Мысли у водопада

1. Муза

(Поп Махов назвал свою дочь Музою). Некоторые чувства мои за время революции так огрубели и соответствующие им понятия стали так странны, что, вспомнив, как я ими

раньше свободно обменивался в беседах, теперь один сам с собой покраснеешь или выругаешься, так вот я никак бы не мог теперь сказать серьезно что-нибудь о Прекрасной Даме... как вспомню об этом, так почему-то неизменно думаю, что тоже вот здоровенный наш поп Махов когда-то назвал свою новорожденную дочь Музою. Я не могу себя и теперь назвать неверующим, но прежнее свободное обращение с религиозными понятиями теперь меня тоже заставляет краснеть, и если зайдет вновь речь о каких-нибудь религиозно-философских собраниях, то я способен, пожалуй, и нагрубить и прикинуться совершенным безбожником. Раздумывая о причинах такой перемены, я нахожу их главным образом в поведении самого духовенства во время революции, слишком уж оно оказалось гибким и «жизненным». Да вот хотя бы у того же попа Махова, который когда-то назвал свою дочь Музою, случилось, во время революции сын его, проживающий в другом городе техник, назвал своего новорожденного мальчика Трактором. Узнав об этом, отец запретил своему сыну показываться на глаза, но сын, зная характер отца, явился на лето к нему отдыхать и с женой и с маленьким Трактором. Что у них было в доме – неизвестно, только и недели не прошло, как мы увидели в палисаднике отца Константина, как его дочь Муза играет с маленьким Трактором. После того едва ли он назвал бы дочь свою Музою, и тоже едва ли осмелюсь когда-нибудь связывать свои мысли с Прекрасной Дамою.

2. О брюхе и человечестве

Я часто вижу в избах крестьян красивого мужика и рядом с ним бабу уродливую и притом часто с брюхом, выпяченным напоказ, во всяком случае без малейшего стремления прикрыть «первородный грех». Мне при этом вспоминаются мои друзья юности, товарищи в деле осуществления религии человечества: какие они были все далекие от обсуждения «вопросов пола», а когда это доходило до себя, то решали вопросы втихомолку или просто по-мужицки и жили с кем пришлось, совсем не считаясь с «лицом», многие жили долго с женами и детей своих очень любили. Меня удивляет теперь, что идеи о человечестве были как-то совершенно отдельно от жизни с «брюхом», т. е. что в этих идеях, сохранившихся до сих пор, нельзя разыскать ни одной, основанной на личном опыте воспроизведения живого человека. Я этим объясняю себе, что когда явилась возможность осуществления «идей о человеке» не в кружках, а на деле, то вопросы пола разрешались в жизни индивидуально, беспорядочно или совсем по-мещански, с явным уклоном от мужиц-

кой или рабочей бабы в сторону совбарышни. И когда теперь я смотрю на выпяченное брюхо деревенской бабы, то все вопросы, связанные с идеями о человечестве, встают мне вновь, как будто они там, в этом брюхе, и когда-нибудь явятся нам вновь оттуда, изнутри его...

Туман был до 10 у. После полудня пошел дождь, мелкий, почти как туман. Поля наполовину обнажились: южная сторона холмов желтая или зеленая, северная белая. Ходить можно, не вымазывая ногу в пашню и не утопая в сугробах по полю, только самым краем белого, по земле, которая не успела оттаять, а когда придется переходить сугробы, их переходишь, уминая ногой снег до такой плотности, чтобы нога не проваливалась, и так медленно движешься, как *<1 нрзб.>*, иногда сам того не зная, над бушующим под снегом потоком.

Ручьи бегут по каждой борозде, разделяющей узенькие крестьянские полосы, на глазах иногда начиная овраги и убеждая еще раз в нелепости такого земледелия. Овраг, наполняющий речку Веськовку, создавался, вероятно, тысячелетиями, потому что высота его берегов, густо заросших всевозможными деревьями и кустарниками, непомерная. На дне бушует поток, на краю сижу я, посвистывая рябчиков, на тонкой березе токует одинокий тетерев, там высоко натуживается вяхирь. Я никогда не слыхал и не видал такого множества мелких птичек, это были целые вихри птиц: вдруг подымутся и мчатся на зеленя, еще, еще летят, частые, как комары, бегают шажками по зеленям, спариваются в воздухе, летят всей массой опять на опушку и все поют, и это пение вместе с пением воды, бормотанием тетеревей, уркованием лесных голубей, кликом журавлей сливалось в один великолепный, такой мирный концерт, вызывающий наверх самые глубокие залежалые мысли.

Я пошел вверх, поток бежал некоторое время открытым местом по ледяной своей подстилке, и так я добрался до большого леса, откуда деревья, расступаясь, выпускали этот поток. Тут опять на опушке распевало множество птиц, и вихрями переносились с опушки на зеленя и обратно, огромное большинство из них были зяблики. Когда я вернулся назад к токующему тетереву и наставил на него свой бинокль, он вдруг одумался и перестал токовать, оглядевшись вокруг себя, и по низу, и по сторонам, и по верху и не увидав никого, с кем бы он мог подраться, или самки, или хоть кого-нибудь, кто бы просто слушал его, для кого он старался, он крайне изумленный, сконфуженный, как поп в пустой церкви, вдруг поднялся и скрылся где-то в тумане.

Да, это туманное утро с шумящим потоком, с глухими обвалами снега, с пением всех птиц, с выкликанием журав-

лей из туманной дали была новая, прекрасная глава из книги «Весна воды».

Первое марево. Вечер был туманно-мутный, моросил мелкий дождь, как вчера, птицы пели мало: утро вышло, а вечер еще <*1 нрзб.*> этой весной.

22 Апреля. Солнце вставало в тумане, в это время навернулся северный ветер и чуть-чуть схватил лужицы, и так утро вышло, хотя и солнечное, страстное, с холодком. Потом ветер стал быстро повертываться к востоку, дышало зноем, после обеда потянуло с юга, и со всех сторон стало затягивать дождевыми облаками.

На Трубеже продолжается ледоход. Малые речки свой лед, кажется, сбыли. Ольха и орех надули сережки, но еще не цветут. Сильно прибыло крякв, видимо это их валовой прилет, а чирков незаметно еще. С большим спехом без всякой задержки пролетел с юго-запада на северо-восток через озеро угол гусей. И журавли тоже летели. Наши, которые остановились с первого дня весны воды около Дубовицкого болота, непрерывно гомонят. На Куротне валовой прилет лесных голубей (с белым колечком на шее и с белой полоской на крыльях, вяхирь, или витютень, колотух?). Наши тетерева не собрались в ток, бормочут поодиночке и на деревьях. У берез началось движение сока.

– Дорогой папаша, – сказал встречный мужик с возом сена, – подожди, ну как, скажи: корячка эта так будет до города.

Я пошел опять, куда глаза глядят, и мне казалось, я должен спешить, как по большому делу и что там, в природе, без меня не обойдутся, я там совершенно необходимое существо.

Лева видел лягушку. На заре две цапли.

Приходил Б. И., вспоминали пережитое. Он рассказывал, как ему пришлось выбираться из Москвы и как он обрадовался, когда в Переславле услыхал матерные слова. Значит, в этой брани мужиков не одна злоба.

23 Апреля. Теплая ночь и утро опять новое, совсем теплое, влажное. После восхода начались синие тучи, и казалось, будет гроза, но скоро все небо обложено было серым, и пошел хороший теплый дождь. После дождя небо открылось и от земли повалил пар густой белый, потом этот туман рассеялся, воздух стал дрожать в прозрачных испарениях, установился сияющий жаркий коронный Апрельский день.

Я навел бинокль на куст можжевельника, и оттуда глянул на меня чей-то живой черный очень блестящий глаз: это

были, оказалось, дрозды певчие, рябинники, черные. Птички стали разнообразнее, попадались малиновки (серые с розовым галстуком) и полевые с черными крыльями и черной полоской на голове. На опушке оврага вспорхнул вальдшнеп, Петя уверяет, что видел ласточку (вчера начало движения сока у березы, и в ту же ночь являются вальдшнепы: это всегда вместе). Орел летел вдоль берега (орлан белоголов), его сопровождала ворона, поднимаясь над ним и падая, стараясь попасть собой в него, только ни разу не попала. Гуси опять пролетели по вчерашнему пути. От снега осталась только небольшая часть в полях, леса и овраги, конечно, еще завалены. Орех еще не зацвел (бабочек уже много, обычные красные и капустницы желтые). Мы выставили рамы. Неустанная игра чибисов над болотами. Замечено самое первое начало работы кротов утром, а вечером уже значительное. Лисица прошла по снегу грязными ногами. Даже заячьи следы стали грязными.

Попробовали стать на тягу в овраге. По пути спугнули двух вальдшнепов, потом еще двух, – вопрос: что они тоже, как утки, спариваются в пути? Солнце село в тучу, и синее делалось в красное. Как будто слышался гром из синего клока, потом в синем играла молния без грома. Пели малиновки и певчие дрозды. Вальдшнепы больше гонялись друг за другом, чем тянули и не хоркали, а только цикали. Не совсем еще, но все-таки это был глубокий вечер, первый, сотворенный этой весной.

24 Апреля. На рассвете я вскочил с кровати от потрясающего удара грома, еще раз ударило, еще и полило как из ведра.

Мои слова о необходимости «собирать человека» произвели впечатление на Яковлева, но сам я совсем не знаю, каким же способом надо его собирать. Вот собирала человека церковь по идеальному образу Христа – не удалось, а «человек» революции оказался бесчеловечным, пустым символом. Церковный человек распялся при осуществлении на небесное и земное, революционный на бюрократа и мужика (родового человека), супротивника идейного (недаром же все было против «интеллигенции»). По-видимому, человека возможно собирать не идейно, а преждевременно, (реально) хозяйственно, вроде того как землю собирали цари, т. е. ощупью, повертывая ком по тому месту, где он навертывается...

Что раздражает в Горьком? его озорные хлопки, подчас думаешь – не жульничает ли он? Но, видимо, теперь из его деятельности что-то выклеивается, и этому надо помогать, потому что новый мир явится путем собирания.

Надо удерживаться от интеллигентского стремления осознать жизнь прежде, чем сам пожил: надо просто жить.

Муравьи выползли все на верх кочки и лежали на ней, не шевелясь, подсыхая. Вечер был теплый, вальдшнепы тянули по-настоящему долго (с 7. 45 м. в.). У можжевельников новые ягоды.

Приехал Яковлев.

25 Апреля. Воскресенье вербное. На рассвете проливной дождь, потом на весь день туман, перемежаясь с дождем. Ветер переменился с юга на запад и хочет на север. Прохладно. Цветет крушина (сережки). Ольха и орех еще не зацвели. Бьют щук. Видел кукушек. Наши пошли на ток.

26 Апреля. Серое прохладное утро с северным ветром. Весенняя захмыленка.

Яковлев – писатель-середняк, действует по-мужицки. Очень интересные сведения: оказывается, «плотину прорвало» не только в отношении меня, но и всех пишущих, такого заработка не бывало даже в самое лучшее для литературы время, но в то же самое время падения курса и совершенное расстройство промышленности. В одну сторону как будто продушина, но в другую – тупик, чем же это кончится? Я спросил мужика: «Останутся коммунисты?» Он ответил: «Нет, это не может остаться». – «Останется советская власть?» – «Не знаю». – «Значит, царь?» – «Нет, зачем царь, царя не надо». – «А как думаешь, каким образом переменится власть?» – «Скажут: возьмите ее от нас, сделайте милость, возьмите только». И вдруг спрашивает: «А что сын мой в милиции служит, это, как вы думаете, – это ничего?»

Под Вербное воскресенье шли по дороге с гармониями и ругали Бога и Богородицу, и веру – все! Я спросил Ф. Ф-а: «Кто эти люди?» – «Свои же люди, самые православные, сейчас они ругают Бога, а родится дитя, идут к попу и кланяются: окрести!»

«Принимая все во внимание» – делаю вывод (пока только предложение), что жить в стороне становится рискованно, надо переезжать в Сергиев.

Вчера и сегодня при наступлении холода замечал прилет свиристелей. Глянул на Вражек, какой был великий поток, и теперь уже такой маленький ручеек. Так при северном ветре сузились и мои страницы весны, не страницы это теперь, а строчки.

Дети уходили А. С. Яковлева, и он уехал, этот каменный человек с глазами тюленя, высматривающий, холодный и сте-

пеший. Но очень может быть, что при ближайшем знакомстве он окажется очень хорошим и весь холод приносит от стесненности и неловкости, какая сопровождала раньше хороших революционеров.

Собрание сочинений: т. I. Колобок (13), т. II. «В краю с Невид. Градом» (15). Том III. «Кащеева цепь» (15). Т. IV. Черн. араб, «Родники» (10), «Охот. рассказы». V. Башмаки (10) и др. очерки 70 лист. = 7 тыс.

Действительность никогда не совпадает с вымыслом (легендой), она всегда в обиде: или потому, что ей кажется, что представлено хуже, чем есть, или лучше; вот именно ей бывает особенно худо, если лучше, потому что хуже нет обмана, и если даже на мгновенье поворот в легенду, сейчас же вливается яд: «а что если милая легенда ошибается».

27 Апреля. Вчера на заре стихло и стало морозить. Утром все лужи замерзли, но небо чистое и солнце свое сделает.

Эта остановка весны, совпавшая с приездом чужого человека, остановила меня и разрушила на время мои основания. Яковлев ничего не читал моего, охотник холодный, неумелый: зачем же он приезжал? Это человек «себе на уме! вроде Замятина».

Специальности бывают разные, как разные бывают нумера очков, но жизнь, на которую мы смотрим в очки своей специальности, одна и та же. Что же разве так далека от нас жизнь, или все мы подслеповаты, чтобы непременно смотреть на нее через очки?

Заря была тихая, но холодная, желтая, строгая. Полная луна взошла далеко до сумерек, и был один момент, когда вокруг нее небо стало не голубое, не зеленое, скорее зеленое.

Луна всегда одинаковая, но вспомните, как встречали мы ее восход в детстве, юности и после, да зачем в детстве и юности! Вчера, глядя на месяц, я был один, сегодня вижу и думаю о совершенно другом. Не «луна плывет по небесам и смотрит с высоты», а это мы проходим, вечно мерцая.

Отношения людей в будущем сделаются вполне деловыми, т. е. люди общаться будут между собою не иначе как оси, подшипники и ремни в машинах, и это будут вполне корректные и порядочные отношения. Примеры невидимых и существующих в себе самостей: Петя, Замятин, Яковлев, Филипп Яковлевич – тоже «условия общежития» иностранцев.

Гаечки (сюжет для «Мурзилки»): синичка долбила гнилое дерево, их опилки летели по ветру, и целая дорожка, я по-

шел по этой дорожке и увидел, – гайки долбят ствол, и опилки летят; мало-помалу одна так влезла, что только хвостик торчит, я зашел с другой стороны и прикрыл ладонью, – прилегла, замерла, а другая пикала и тревожилась. Я отошел, та вылезла, и другая в ужасной тревоге, верно, спросила: «Ну как?» – «Так себе».– *<1 нрзб.>* другая: «Опять я *<2 нрзб.>* была в плену». – «Я его видела, он – а, батюшки! да вон он стоит!» – «Где?» – «Вон!» Они улетели. Я отошел. Они пристально осмотрелись, нет никого, и опять принялись долбить.

Сюжеты для человеческих рассказов о революции: 1) Еврейка, жена академика: он был кадет и большевиков не признавал и человек без компромиссов, она поддерживала его вслух, а потихоньку спекулировала (сахарин, меха, дача, золото, спрятанное ею в его чернильнице, академический паек), умирает с совершено чистой совестью, не зная, что ел все время академический паек.

28 Апреля. Вчера вечером при полной луне... Луна была очень большая и такая холодная, что это, казалось, от ее света блестящие лужицы подергивались корочкой льда, летела неслышно над лесною поляной сова, кричала утка... Ночью была наволочь, и перед восходом было довольно тепло, но на восходе был мороз. Тетерева токовали слабо, почти не спускались вниз. Ветер как будто переходит на восточный.

– Вся масса затрат на отвлеченные науки, напр., на Американскую обсерваторию, неужели это тоже в интересах «буржуазии».

Ветер довольно сильный с востока переходит на юг. Старый лист вздымается. Травка по грязи накалывается. Наступает новый период весны, (зеленой травы и цветов) весна земли.

Вечер был не холодный. Первое урчание лягушек, и одна пробовала начать трель турлушки. Первое вечернее токование тетерева (в 8 веч.). Вальдшнеп убит в 8 $^1/_4$ при луне (полнолуние), при крике филина. Забереги, как розовая река.

29 Апреля. Ночь светлая: полнолуние. К утру все лужи замерзли. Когда обогрело, начался райский день. В «сорочьем царстве» все меньше и меньше остается белых перышков: какая-нибудь $^1/_{10}$-я черного, желтого. Ледяной, покрытый навозом гребешок дороги лежит на грязи, по нем больше ни пройти, ни проехать, а возле глубокая грязь.

Слышал первое кукование. Пролетали все еще гуси. Цветет ольха (орешник еще не зацветал), и в оврагах еще мож-

но видеть в свете жаркого уже солнца золотые сережки над тающим снегом. Я переходил поток по перекинутому бревнышку, опираясь на длинную ольховую жердь. На другой стороне нет олешника: вырубить не из чего, эту мою жердь перенесла потом на другую сторону какая-то девица и спрятала даже на свое возвращение. Хорошо был с собой топор.

<Запись на полях> (Болото, недоступность красоты, мороз – луна, трава, сюжет.)

Я шел при месяце, кругом везде, принимая свет месяца за восход, как обыкновенно, токовали тетерева. Когда свет зари стал усиливать свет, и тетерева усилили пение так, что весь горизонт был наполнен звуками этой колыбельной песни, похожей на бормотание ручейков, птицы пели, ручьи помогали, и так было с возрастающим светом, как будто все спешили убаюкать дитя, которому надо бы еще поспать, пока солнце не обогреет землю. Но когда свет зари совсем отделился от света луны, и птицы узнали, что они ошибались, принимая лунный свет за солнечный и так напрасно бормотали всю ночь, – вдруг они все остановились, колыбельная песня затихла, и проснулось дитя.

Я в это время был на вершине холма и, усталый, сел отдохнуть. Мне казалось, правда, это озорное дитя взбунтовалось и победило вокруг, покрыв живое белым морозом и обернув все лужи в розовые зеркала. Заяц, застигнутый светом, бросился бежать зря, не разбирая ни белого, ни черного. Потом, когда солнце определило свой непременный восход, стали сначала перечуфыкиваться, а потом и забормотали опять тетерева.

Когда солнце взошло и уже начало пригревать, вылетел лунь и стал охотиться за мышами, но лунь ошибся, земля вся была покрыта коркой льда, нечего делать, он сел на опушке хвойного леса прямо на сугробе и задремал так, что я очень близко подошел к нему, мне были не видны сзади его глаза, мне очень хотелось видеть, какие у него глаза, и потому я одной рукой придерживал бинокль у глаз, другой свободной рукой снял фуражку и так поклонился, лунь повернул ко мне голову, и я увидел на его беловатой голове с клювом хищника глаза: они были совершенно желтые. Он, белый большой, полетел вдоль опушки, то исчезая, то показываясь между елками.

Никакой мороз больше не может унять солнце, если оно восходит открыто и в тишине, прошло очень немного времени, весь мороз на ветках обдался росою, и лес, угреваемый солнцем, засверкал так же прекрасно, как после теплого дож-

дя. Птицы это любят больше всего, и все от мала до велика начинают токовать. Весь воздух, казалось, дрожал, как в мареве, видимыми волнами от сотрясения его крыльями бесчисленных бекасов, от гуркования лесных голубей, бормотания тетеревей и удивительно прекрасного пения маленьких певчих дроздов, зябликов, зарянок и всякой малой пичуги. Я сел под елкой у лесной тропы и стал отманивать тетерок от токующего вблизи тетерева, две скоро прибежали ко мне, но поссорились по дороге, взлетели и помчались, одна догоняя другую, потом из кустов с поднятым для моментального выстрела вышел охотник и очень смутился, увидев меня вместо тетерева.

Редко бывает такое сильно-страстное певчее утро в лесу, и очень мало людей его знают, кроме нас, охотников, в большинстве случаев не умеющих выразить великую силу дарованного им счастья иначе, как только выстрелом в дичь, если нет дичи, в ворону-сороку, если нет вороны-сороки – просто в дерево или в свою собственную шапку. Они правы, как выразить это, если те, кому надо рассказывать, не имеют даже отдаленного представления о болотах и им совершенно недоступных лесах ранней весной: нет языка для них, нет человека, что же делать? и конец, спускает курок.

Но я не молод, и моя натура уже не может выносить бездушных убийств и бессмысленного грохота. Я и так оглушен этими звуками, ослеплен светом, переполнен счастьем, переходящим в тоску и потом в совершенное изнеможение без дум, без чувств. К счастью, в пении маленьких певчих дроздов, отлично перенимающих в неволе человеческую речь, я разобрал у одного в последнем колене провозглашенные на весь лес отчетливые человеческие, членораздельные звуки, слово это было настолько наше слово, что скоро прошли мои все сомнения: эта маленькая птичка была, наверно, в неволе, выучилась у людей выговаривать и потом перенесла это в лес. Но мало того, другие певчие дрозды научились выговаривать это слово, оно им, видно, очень понравилось и, может быть, оно уже очень давно выводилось здесь, поучая весь лес. Так я попал в лес, где птицы пели: люби, люби! Я не могу передать здесь это слово во всем его значении в лесу без музыки, надо себе представить всю музыку леса, аккомпанемент очень капризной мелодии дрозда и под конец сильный удар на и́: люб-и-и! люб-и!

Однако я должен сказать, что явление самого нежного человеческого слова меня скорее удивило, чем обрадовало, и я ответил дрозду раздумьем: «любить, но кого же?» Им, птицам-то хорошо, у них одну научили в неволе, а потом и пошло, а у нас... нет, нам так невозможно. Я представил себе, что везде по радио <*1 нрзб.*> на площадях загремело: люби-и! А в лесу хорошо: люби и люби!

Я уходил из леса, повторяя слово «люби!» бессознательно. Девушка унесла и спрятала мою палку. В бинокль я вижу, впереди меня идет девушка и берет мою палку, она, надеюсь, перекинет ее мне, я слежу. Но девушка, перейдя ручей, не возвращает, а даже прячет, боится, что кто-нибудь возьмет... Я срубил другую палку, переправился и положил рядом с ее свою... и рядом с ее ольховой жердинкой положил свой еловый шест.

(Недоступность болотного леса – залог счастья, несказуемость, потому что, если только узнают, болото осушат и счастье станет доступным.)

30 Апреля. Пятница (Великая). Совершенно тихое солнечное утро, морозик был такой слабый, что не замерзли и лужи: роскошный ожидается день. Коршуны, давно прилетевшие, начали сегодня парить. Я видел, как наш коршун поднимался с верхушки ели, за ним полетела галка и стала мешать его воздушному полету, он долго не обращал внимания, а когда к этой присоединились еще четыре, стал удирать.

Жаркий день. Вся ольха цветет, а орешник... я понял сейчас только, почему он не цветет и не будет цвести: сережки убило морозом. Под вечер толкли комарики мак. Все лягушки сразу спарились. Это такой заметный признак, что он должен лечь в основу характеристики весны. И сам бы Розанов не мог без отвращения видеть эти сплетенные, скачущие вдвоем скользкие, холодные существа, главное, что холодные.

Перелет птиц надо понимать как брачный полет, в психологию брачного полета (движения) входит 1) движение на родину, 2) Родина через разлуку и <*2 нрзб.*> становится преображенно-прекрасной (Алпатов из Парижа от весны к весне едет на родину).

Некоторые доктора советуют полным людям охоту как средство похудеть и совершенно напрасно: из года в год я замечаю, в наше болото приезжают полные люди и не худеют, а все полнеют. Я знал одного охотника, такого грузного, что просто не мог двигаться по болоту, проваливался, и потому впереди его шел егерь и прокладывал на зыбких местах дощечки. Как не поймут доктора, что не от охоты, а от неволи худеют люди: вспомните годы революции, куда исчезли тогда полные люди?

1 Мая. Великая Суббота. Ночь прошла без мороза. Солнечный день. Южный ветер. Продолжается щучий бой.

Мое хозяйство. На верхушках осин показались соцветия (червяки). Березовые сережки напряжены. На суку, смоченном

березовым соком, рядом уселось множество красных бабочек. Заметно слышится гуд насекомых. Цветет волчье лыко, первая песнь соловья. Кукование в голом лесу стало постоянным.

В звено о любви надо поместить то особенное чувство, которое бывает, когда почва заколышется и разбуженный от спячки человек думает приблизительно так: «а если даже и почва непостоянна и все так непорочно, так чего же я-то дремлю, вали на счастье, живи и пробуй все по-своему, не в далеком, так в близком – вот это обращение к близкому, что под рукой, наполняет душу кипящим задором, и обыкновенная жизнь вокруг преображается, как будто небо опрокинулось на землю и стало смотреть изнутри, звезды стали глазами прекрасных людей, и глаза людей выказались из глаз умных животных, самое нежнейшее чувство умильно выписалось в рисунке тончайших веток берез с напряженными сережками. Эта жизнь «несмотря ни на что», эта плесень потухающей планеты, собравшая в мгновенном осуществлении весь разум, весь пыл и волю вселенной..., это оргия жизни.

2 Мая. Светлое Воскресенье. Вчера был совсем теплый пасмурный вечер, и так оставалось всю ночь, и пасхальное утро встало хозяйственным, брызнул от избытка сил дождик немного. Позеленение лужаек.

Вчера на тяге так тихо, что Кэтт, не вынося, претыкается, иногда начинает тихонько скулить. Лягушки усилили урчание до того, что не разберешь – они это, или вода. Так звуки ручьев, начинающих лягушек и тетеревей, и подхрипывание вальдшнепов – это все о чем-то одном – о чем? Бекас подсказывает, что это все колыбельная песнь: дитя родилось, весна.

Конец рассказа о Певчем утре. (Я смотрю в бинокль: девушка переходит... Прячет. – Я прячу свой шест и сам прячусь в кусту. Дрозды и тут поют все: люби-и! Она возвращается. Я долго смотрел, как она мучилась, потом взял свой шест и <*не дописано*>.

Я помог девушке перейти на ту сторону.

Я, наконец, сегодня осознал, почему не могу до сих пор приняться за разборку своих архивов, почему вообще испытываю почти отвращение при взгляде на свои книги..., потому что они писались взамен жизни и не могут заменить мне утраченное. Вот что! И значит, потому же самому во время бессонницы самое лучшее средство заснуть мне – это взяться читать, лежа, свою рукопись. Но почему же я, зная невозможность удовлетворить себя писанием, все-таки продолжаю

писать? Потому что я надеюсь в будущем оправдать свою жизнь книгой, совсем настоящей.

То, что я читаю у Яковлева, совсем похоже на Горького, но не плохо, потому что Горький не как Ремизов и Белый: те закончены в себе, прямого потомства дать не могут, исходить от них, значит, повторять их, обезьянничать («Пильняки», птички «подкрапивники», поющие всеми голосами), а Горький в себе не закончен, и мотивы его можно совершенствовать и продолжать без конца.

Не знаю, отчего это, тесен ли круг нашего образованного общества и широк полуобразованного, или, вернее, не полу-, а совсем необразованного, но только во все времена русской новой культуры, как только я помню себя, брошенные кем-то слова наверху начинают повторяться внизу и не умирают, пока не дойдут до самых медвежьих углов. Перед войной такое слово было «безусловно», во время революции «ничего подобного», а сейчас начинается пока только еще в высших слоях постоянное повторение слова «изумительно!»

День был весьма серый – прохладный, потому что где-то близко был, наверно, дождь, и это дошло до нас: перед вечером шел дождь, и у нас заря стала тихая, теплая, насыщенная влагой, потом поднялся туман, нижний белый плотный, первый весенний настоящий туман, под которым ночью земля растит травы и первые цветы. Летал козодой и покрикивал.

Вот соловей-птица, ничего нельзя о нем рассказать, все и так знают, а козодой, например, наоборот, очень трудно рассказать, потому что мало кто его знает и его не с чем сравнить. Он летит неслышно во мраке, появляется возле самого носа и пропадает в тьме, а то вдруг приткнется на дороге в десяти шагах и сидит себе, пока его не спихнешь ногой. Бывает, идешь ранней весной краем болота, когда первые лягушки урчат, как ручей, и где-то вода переливается похоже на уркование тетеревей, усилится звук от лягушек и почудится, это вальдшнеп похрапывает на тяге, а когда вальдшнеп вдали подаст уху свой первый звук – не поверишь и примешь за лягушек. Неяркие, но звонкие песни, но зато удивительно согласные и с запахом прелой листвы, и свежей коры, и с движением сока в березе. Вот когда всего этого наслушаешься и все возьмешь в себя, вдруг спросишь себя: «а это что?» Но фоне красной зари стоит у края болота черная плотная елочка и по-своему как-то громко, хозяйственно ровно тоже себе поет вроде лягушки-турлушки. Это, значит, в невидимой глазу густоте ея запрятался козодой и стал там вроде как бы душой этой елочки.

Можжевельники, питающие птиц и зверей круглый год ягодами, зимой <1 *нрзб.*>, весной к прилету птиц новые и с прилетом все прячутся в густоте, наводишь бинокль – везде внутри живые глаза блестят, будто ягоды.

3 Мая. Ночь прошла под туманом паркая, запестрели в лесу анемоны, на орехе зазеленели почки, сережки на осинах в полной своей красе, теплые капли на шоколадных ветвях висят такие большие, земля одевается, почки трескаются, яро бормочут тетерева, ласточки начали летать и ловить насекомых, запели соловьи.

Я вернулся домой не с убитыми птицами, а с букетом анемон, волчьего лыка, тончайших веточек с золотистыми сережками. Петя, увидев, покачал головой: «плохо дело с охотой, если ты стал цветы собирать».

На Ботик приехал на велосипеде председатель горсовета Анисимов, высокий бритый молодой человек с золотыми зубами, конечно, в галифе. Но я не знал, что он комиссар, и беседовал с ним как с «обывателем». Он мне рассказал, как его заперли белые в сарай и хотели на заре расстрелять, но он убежал. «А как же часовой?» – спросил я. «Часового я задушил», – ответил он совершенно спокойно, как будто я спросил: «а замок?», а он ответил: «А замок я сломал». «Но, – говорю, – вам, вероятно, не хотелось бы еще раз сидеть в сарае и душить часового». «Нет, – сказал он решительно, – не хотелось бы». «Вот так и всем, – говорю, – оттого и революции нет». Он так и вскинулся: «Как нет революции?» Верно, я так задел эту новую советскую «честь» и поспешил поправиться: «Не революции, а соответствующего революции подъема, как теперь подымешься, если все во всем отмерено». – «Да, время фантазий кончилось». – «Фантазия, – говорю, – это ничего, это избыток творческих сил, возьмите, например, школу и планы Гуса». «Да я знаю, – сказал он, – Дальтон-план и разное такое, но почему же вы думаете, что это избыток творческих сил?»

Потом мы говорили о его родине Муроме, и так любовно говорил он о своей родине. Такие теперь коммунисты, это блудные дети, усталые возвращаются к отцу на свою родину.

Из воспоминаний в Германии. Книга Вагнера о Шмоллере была из подстрочных ссылок, в которых совершенно терялся сам ученый (ученость съедала ученого) Бюхер открыл работу и ритм и этот момент развел в скуке. Но, во первых, как надо найти момент своего соединения с жизнью, во вторых, как сделать, чтобы он не разводился, а повторялся: как найти вечно живое? (Vita). Потому Алпатов берег себя и не отдавался весь ничему. Бюхер, оживающий при встрече с вопросом о ритме, Бебель –

о всемирной катастрофе: вдруг, как дети, игра. Все они имели какое-то личное соприкосновение с жизнью, и потом это разводили ученостью и учили, как умершие смертью, но не жизнью. Сами получили случайно, а учили методу, сами взяли не ученостью, не чужим, а своим, а учили чужому, а не как находить самому, не своему случаю, как будто сами, испуганные своим счастьем, бежали от него дальше и дальше.

Наступает пора, когда все эти силы природы, буйные и противоречивые, вызывают в душе человека столкновения, он, тоскуя, не знает, за что взяться – так много всего! и вдруг бросается, хватаясь за первое встречное, и сам живет, летит, не зная, куда его вынесет: тогда начинается брачный полет человека такой же, как у птиц, догоняющих в воздухе слепо какую-нибудь самку из той же породы и летящих с нею на место гнездования, на свою древнюю родину.

Птицы летят на места гнездования будто бы по прямой линии, но сама земля круглая, и пока они с экватора на север долетят, линия полета их загибается, а когда они долетят, то станут, взвиваясь в воздухе, кружиться, и с ними кружатся насекомые, звери гоняются друг за другом кругами...

Может быть и ты, человек, считал себя человеком за то, что будто бы против природы двигался по своей прямой разумной линии, только потому и считал свой путь за прямую, что очень далеко залетел от своей родины и, перебыв там, незаметно для себя, летел уже по кругу и, когда долетел, вдруг..., и так разум твой и вера в прогресс не прямые, а тоже части огромного круга?

Но вот и место гнездования, вот он очаг и пламень жизни, и тогда из этого вдруг становится понятно, что и там, в этих небесных мирах, где солнце, луна и звезды – все живет так же, и все одно, и что человек со всем и одно, и все в тебе, и ты во всем, и что там огонь – в тебе любовь, что там лед, то в тебе смерть...

Так, значит, разум это только средство расширять кругозор и лететь по большому кругу, это требование вынести любовь туда и включить в свой же человеческий круг нового мира... Не разум главное отличие человека от остального мира, но vita, сама жизнь.

Сегодня выгон скота в поле. Сильно разыгрался горячий ветер с юга, сушитель земли. Березовые почки раскрываются. На тихих лесных водах начали кататься наездники.

Наука, – я понимаю науку в отношении к жизни против художества, вроде того как законный брак и свободные отношения. Ведь как делают ученые, раз получив от жизни какое-

нибудь сильное впечатление, они остаются с ним навсегда и тащат сюда, как ломовые кони, возы чужих мыслей, впихивая таким образом свою находку в общее дело познания мира. Художник, напротив. никогда не вступает с жизнью в законный брак, он – как сама жизнь, и, прожив одно, переходит к другому, заполняя промежутки «беспутством». Утомительная и неверная жизнь, почти как акробата! и пусть утомленный, он прислонится к науке, морали или религии, это не остановит его: он и науку, и мораль, и религию сделает своими любовницами и, если они, все поняв, начнут давить его, вдруг бросит их всех и уйдет сам с собой в пространство жизни, как ушел Лев Толстой из Ясной Поляны и умер на глухой станции, окруженный международными корреспондентами. Да, невозможно жить и вечно иметь дело только с началами: всякое начало таит конец. Но нельзя же вечно заниматься и концами и жить, как ученые, только в концах: заниматься холодными кратерами мертвой планеты и не обрадоваться просто месяцу или звездам, ангельским душкам.

Иванов–Разумник пишет, что взялся корректировать бухгалтерские книжки по 2 р. за лист. Вот они общественники! вот честный конец революционера из партии левых эсеров, другие, сам он пишет, стали плутами.

Невозможно строить жизнь, уповая только на мировую войну и революцию, мало-помалу каждому начинает хотеться жить своим домом.

На тяге я выбрал хорошую лесную поляну, направо от меня в болотной воде у ручья была лента берез, через которые просвечивал бор, налево поднимался суходол, покрытый мелятником, из переузины болотного, довольно высокого леса и суходола можно было ждать вальдшнепа. Я стал тут и огляделся. На поляне моей были разбросаны кусты можжевельника, среди них поднималась очень высокая ель, на верхушке ее, на этом пальце, указующем вверх, сидел певчий дрозд и, посвистывая время от времени в свою флейту, управлял зарей...

Пело все: вода, и лягушки, и бекасы, кукушка, не было мгновенья тишины и паузы в этом концерте, но без человека, одному, совсем одному с собой особенно и хорошо, и страшно как бы наступающего своего безумия. Моя очеловеченная Кэтт, вероятно, тоже была, как я, долго, как очарованная, мерила силы своей личности, стояла, вслушивалась в лесной концерт, и вдруг начала тихонечко скулить, и когда я наклонился и погладил ее, она вдруг бросилась мне на грудь и стала глубоко глядеть мне в глаза, прося меня не оставлять ее одну с собой. В это время певчий дрозд, управляющий зарей, вдруг отчетливо высвистел членораздельное слово: люби-и, люби-и! Я думал, ослышался я или вообразил, но он повторял слово

отчетливо, и другой такой же певчий дрозд, управляющий дальше, другим музыкальным участком, вероятно, наученный старшим, высвистел то же самое: люби-и, люби-и! Я больше не сомневался, этот дрозд был в клетке у людей и наученный там людьми перенес это в лес. Почему так не может быть? ведь певчие дрозды искуснейшие подражатели.

4 Мая. С утра ветер подул с севера, стало свежевато, небо закрылось, пошел дождь, и с небольшими перерывами шел весь день. Лед пригнал к нам, и лед лучше всяких милиционеров прекратил запрещенный щучий бой.

Ночью гудел дождь.

5 Мая. В 6 утра все густо покрыто снегом на земле, бело, как зимой, деревья осыпаны, метель с северной стороны продолжается.

Я смотрел в бинокль на нее и радовался, что мой шест, приготовленный для себя, поможет и девушке перейти на ту сторону. Верно, и она очень обрадовалась, увидев мой шест, левой рукой она подобрала свою юбку, правой поставила шест в середину гремящего потока и так перешла. Я думал, она вернет с благодарностью шест на другой берег, но это, верно, была очень хозяйственная и предусмотрительная девушка: она не только не вернула, а даже спрятала в кусту шест и засыпала листвой, ей, очевидно, это нужно было для обратного перехода. А кто-то следил за ней из другого куста. Я вижу как, проводив девушку, Сатир вытаскивает шест из-под листвы, переносит в свой куст, садится на пень, дожидается. Это интересно. Я тоже сажусь на камень, курю, и вот мне опять все видно в бинокль: девушка возвращается. Вот она мечется из куста в куст, вот встречаются. Он хохочет, она сердится. Потом переменяется: он печален, она смеется. Они христосуются. Сели на берег, свесив ноги к шумящему потоку. Потом вот он вынимает свой спрятанный шест и помогает девушке перейти на ту сторону.

Снег таял неохотно, скорее на земле, потому что она была теплая, а деревья и кусты почти до вечера оставались в снегу, и белые на зеленой лужайке можжевельники, казалось, были в белых цветах. Лед, конечно, пригнало к самому нашему берегу.

После заката ветер стих. Заря была желтая, строгая. Все-таки пел соловей и хорошо токовал тетерев. Соловьиная, прекрасная песня меня волнует меньше, чем бормотание тетерева, потому что этот звук соединяется у меня со всем утренним концертом лесных болот, как все равно и храп валь-

дшнепа прекрасен, потому что он отвечает какой-то прекрасной жизни. Да, в музыкальных залах необходимы ласкающие звуки инструментов, а жизнь лесов дает свои концерты, едва ли, кто понимает, менее прекрасные, иногда храпом, и стоном, и кваканьем, и шорохом...

Был инструктор физкультуры на фабриках, рассказывал, как изуродованы фабрикой рабочие. Такая открывается безнадежная картина.

6 Мая. Егорий. Утро чистое. На восходе мороз. Холодно. Ветер начинает подаваться к востоку.

Эта пережимка весны кончится скоро, и тогда сразу все пойдет: 10-го, в свой срок пойдет комар. Если успею сегодня кончить рассказ, завтра еду в Хмельники захватить последнюю неделю хорошей весны перед вылетом комаров.

Взять с собой: 1) матрас, наволочку, 2) примус, 3) пирамидон, 4) нож Павла, 5) папиросы, 6) «Помор» и бумаги, 7) сетку, 8) пузырек с чернилами и ручки, 9) карандаш, 10) валенки, 11) куртку ватную и пальто, 12) письмо Разумнику, 13) книгу Горького.

Неожиданная неприятность с музеем до того взволновала, что рассказ писать не мог и, чтобы отделаться от крайне неприятного чувства к заведующему, решил повести кампанию против тетерева в Егельских кустах загадом: убью петуха, значит, буду победителем в обстоятельствах.

Вечером я затих в Егельских кустах, ровно в 8 ч. чуфыкнул в болоте петух. Пока я полз к нему, настолько стемнело, что я не мог соразмерить расстояние от птицы и, загадав наверное убить, не стал стрелять. Дома я не ложился спать, читал Горького о Блоке. В 2 утра прокрался на болото: петух затоковал на том же самом месте, я думаю, он тут же и ночевал, да это вопрос для разрешения: остается ли тетерев на том же самом месте вечерней зари и до утренней или прилетает. Я опять не мог даже на свету через кусты соразмерить расстояние и от стрельбы воздержался.

Утро было с морозом, ветреное. Петух токовал тихо, потом перестал, полежал лепешкой и улетел. Расстояние оказалось 60 шагов, значит, удача на 80% и хорошо, что я воздержался. Вскоре после восхода ветер стал меняться на восточный. Первый раз в жизни во время тока думал о книжном, о Горьком и Блоке.

Горький часто изображает себя заступником какого-то «разума», но какого – трудно понять: есть разум европейского позитивиста, при убеждении. Заката Европы, едва ли он

в него верит, есть разум американского прагматиста – едва ли это разум Горького, и, во всяком случае, это не «разум» русского интеллигента, политического сектанта. Я себе так представляю тот разум, который готов и я отстаивать вместе с Горьким: это момент ясности в человеке, наступающий иногда после борьбы разных противоречивых чувств, сопровождающийся способностью мерить и ставить вещи на соответствующее место. Этот момент творческой формации обусловлен, однако, большой мучительной предшествующей борьбой чувств и без этого предшествующего процесса является совершенно другим, малым разумом, которым пользуются в общежитии как чем-то готовым. Вот против этого малого обезьяннего разума и протестовали русские люди большого разума, Толстой, Блок и другие. Разум русского политического сектанта (интеллигента) не тот малый разум и не тот большой, это особое болезненное состояние, в котором интеллигент является паразитом творческого процесса, и личность разрушается или в пассивном анализе (меньшевики), или в скором действии по схеме, созданной этим «разумом» (большевики).

Еще я думал об этом случае с проституткой, уснувшей на коленях Блока, и что Блок, не воспользовавшись ею, одарил ее богато и как будто обидел. Почему Горький находит в себе сочувствие этой жалкой болезненной картине: ведь это был не «брат» и не сестра (все-таки ведь она сидела у него на коленях, и это было утомленному Блоку приятно, и вообще это явление совсем другого порядка, чем, например, отгрызть зубами пуповину у рождающей женщины). Я думаю, это просто одна из форм утонченного онанизма.

Я лично не знаком с такого рода ощущениями, бывало, входил в состояние бездействия, но с чистыми девушками, заражаясь сам силой девичьей души, даже спал и не мог. А проститутка, как у Блока, уже потертая ночью кем-то, пахнущая пивом и еще особенной своей вонью, или мне крайне противна, или же, случалось в состоянии завала половых чувств, вдруг прорвет, и я бешено, радостно соединялся с ней, и потом мне бывало очень хорошо, и она становилась как родная, пил сам с ней пиво, хватал ее за нос пальцами, она меня за волосы, раз одна такая, обрадованная мной, вдруг отказалась от платы, сказала: «за это брать нельзя», другая не только отказалась от денег, а даже подарила мне перламутровый ножичек.

Общаясь с декадентами, я всегда испытывал к ним в глубине души враждебное отталкивание, доходившее до отвращения, хотя сам себя считал за это каким-то несовершенным человеком, низшего круга. Но Розанов, по-моему, не был тем хитрецом, о котором пишет Горький, он был «простой» русский человек, всегда искренний и потому всегда разный.

И потому он был в нашем кругу, с Ремизовым, а на другой совершенно противоположной стороне были Гиппиус, Блок и другие. В Белом меня тоже что-то отталкивает, я подозреваю в нем импотента, а все эти импотенты, педерасты, онанисты мне враждебные люди, хотя бы были и гениальными: я не признаю. Моя жена с огромными бедрами, и мне было с ней отлично.

7 Мая. Северо-восточный ветер. Холодно. Жизнь замерла.

8 Мая. С утра даже забереги были замерзшими, но скоро оттаяли, ветер стал повертываться и после обеда дул прямо с востока и порывами даже на юго-восток. Лед двинулся к Угреву. Возле города озеро было свободное. На Куротне ледяная гора. На моих глазах мельник заколол щуку в 27 ф. Показались желтые цветы, на болотнике у озера познакомился с «циколками» – этими болотными овсянками, только более сжатыми, острыми, и носы у них подлинней и смотрят в горизонтали, интересные птички: самец улетает, а самочка спокойно сидит и знает, что без нее он не улетит совсем, и правда: сделав громадный круг, самец опять появляется. Бекас опять у нас хочет угнездиться. Видел лесного воробья: у него совсем другая физиономия и повадки, чем у домового.

Даже власть солнца на земле ограничена атмосферой...

Солнце на земле – царь и бог, но даже власть солнца у нас ограничена атмосферой, и не будь ее, мы бы не жили: неограниченная власть солнца уничтожила бы нас совершенно, и даже малых теней не осталось бы на земле.

И так, верно, доброй и милостивой власти нигде не бывает, всякая власть убийственна, и это мы, люди жизни, робкие, любящие и трепетные, как листики деревьев, делаем власть доброй и милостивой.

Из этого: 1) люди самых противоположных классов больше могут сложиться в социальное существо (пролетарии), чем люди одного класса, живущие в однородных условиях (нам даны такие синтезы, напр.: Дон Кихот и Санчо).

2) Взять Мих. Ив. Смирнова как материал для анализа (обнажения) власти (без всякой Дульцинеи, поповский, архиерейский эгоизм – с ее (власти) стороны, и на другой стороне Геммельман, работник, которому власть необходима, и он старается думать о ней хорошо. Искажать сюжет (если бы взять экспедицию?).

3) Бондарь Дмитрий Павлов, который принял мелькнувший перед ним в процессе работы отблеск разума за Бога в

пику старому Богу, поправил себе состояние этой верой, победил общество сельское и стал называться «святой», но сам не мог удержаться на высоте и стал баптистом.

Тетерев Мих. И-ча улетел раненый, и так, значит, лес решил: «если ты начинаешь борьбу, он улетит раненый, а ты уйдешь огорченный». Значит, борьбу не стоит начинать: лес решил мудро.

Я возвращался в сумерках и, взглянув вперед, увидел против себя неподвижно стоящую большую собаку. Я сделал несколько шагов вперед, рассчитывая, что собака двинется вперед – я буду стрелять, назад – пусть бежит, но собака оставалась неподвижной. Я остановился. Она была неподвижна. Может быть это не собака? а что же? тут не было ничего раньше. Конечно, собака. Я крикнул. Она стояла. Тогда мне стало страшно. Я взвел курок, взял ружье наизготовку и пошел на нее. Наконец, расстояние было такое, что если бы это был даже лев, и то бы я положил его на месте, но это не был лев, даже не медведь, даже не волк, это была обыкновенная собака, но оттого, что она была неподвижна, она была страшнее и медведя, и льва: это было что-то в образе собаки, и у страха раскрылись огромные глаза. Я оглянулся на месяц: месяц прыгнул и потом сделал вид, будто он обыкновенный. А собака стояла: впереди собака, сзади такой месяц. Еще раз я быстро обернулся, месяц мелькнул и стал на свое место. «Не убить бы человека», – мелькнуло у меня, и решительно пошел на то, что представлялось собакой. Тогда все кончилось, собакой представились два большие березовые пня с кустиком можжевельника, и объяснилось, что месяц прыгнул, потому что у меня билось сердце. Мне даже стало приятно, что я еще способен хоть изредка переживать обыкновенные страхи...

9 Мая. От вечера и до восхода была полная тишина и безоблачность, потом начался опять сильный северо-восточный ветер: холодно.

Я вышел в 1 ч. ночи, и уже была на севере светлая полоска зари, переходящая с вечера на утро. Казалось, солнце, тут где-то близехонько закрытое, летит и оставляет за собой след. Я стал против Веслева дожидаться звуков тока и в ½ 2-го услыхал в Егел. кустах, это значило, что Мих. Ив. жив! Через час, в ½ 3-го, он был убит на расстоянии 23 шагов.

Охотничий рассказ: охота с подхода. Сюжет: я служил на опытной станции, начальник мой Мих. Ив.: он власть, я – работник, я люблю дело, он власть. Нарастание злобы и, наконец, его наглая бумага и все за то, что я не возвеличиваю его. Писание доноса отравило меня: я поставил вопрос, бороться или оставить: нельзя оставить. Я загадал лесу: убью тетерева с подхода, М-а, значит, достигну, нет... Лес ответил:

он улетит раненый, ты уйдешь огорченный. Я оставался в этой мрачной философии несколько часов. Мне сказали: «а бывает... он, может быть, жив». Я вышел: жив. Как я подполз. Соловьи, радость. Мне стало очень смешно, я написал извинение, и все пошло хорошо.

10 Мая. Ветер, хотя и с юга, но не очень тепло. Небо под тучами, и после обеда дождь, и ночь дождь. Сегодня слышал первую иволгу. А березы так и остались с наклюнутыми почками, в общем-же виде лес имеет вид нарисованных сетей.

Материал к рассказу «Охота с подхода». Трудный момент, когда удалось подползти на 23 шага и на мушку взять еще не можешь, если не дожидаться, то: 1) может при свете разглядеть тебя за кустом, 2) может при чуфыканьи прыгнуть в сторону, откуда и сейчас видно, 3) может выбежать тетерка. Ползти коленками по кочкам и не раздавить замерзшую воду – стекло. Слух ослаблен, а глаза зоркие.

При разговоре с Павлом понял, насколько в массах преобладают при поступлении в партию чисто практические соображения, как невозможно деревенских людей и кустарей сделать идейными.

Дмит. Павл. для приема попа давал жене деньги, а сам уходил из дома.

Начало рассказа:

Счастье свое надо скрывать, таить от постороннего глаза, иначе кто-нибудь, заметив его, позавидует и так сделает, что счастью своему будешь не рад. Но делать мое счастье в то время было нельзя: я был под таким надзором своего начальника, что каждый шаг был ему известен. Он был заведующим казенной опытной станцией, ботаник, я помощник его, фаунист. Он устроился на опытной станции совершенно как в своем имении и ботанику свою направил исключительно на вкусы жены своей, урожденной остзейской баронессы, у них в парке вешали <*2 нрзб.*>. «Любить врага» – я думал над этим и не мог понять: я затаивался, ненавидя. Раз <*2 слова зачеркнуто*> я схватил. Он мне обещал – я уже хотел, дрогнула рука написать ему... но, увидав ворону, схватил заряженное ружье, вскоре заря взошла и ... я успокоился. <*2 строки нрзб.*>

11 Мая. Весь день моросит дождь, ни тепло, ни холодно. Трава все-таки подрастает, большие березы все еще шоколадные, на черемухе листики сидят птичками. Заря вечерняя была мертвая.

Дм. Павл-ч, разуверившись в попах, обратился к Евангелию и тут нашел себе такие правила жизни, что и семью свою удержал, и хозяйство поправил, и помог обществу сельскому завести травосеяние и т. п. (отвык от матерного слова, от ссор при дележах, на сходках, от пьянства). Спрашивается, что может заменить Евангелие (напр., просто чтение создает «читателя»).

Я бы не хотел иметь судьбу русского крестьянина вот почему: хорошо если попадешь в хорошую деревню, а если родишься в такой, где нет ни одного светлого ума? в такой деревне люди живут так, будто за каменной стеной...

Весь этот бунт, собственно, относится к бунту широкой натуры, которая не хочет подчиниться механизации. Хитрый, «цивилизованный» европеец понял секрет этой механизации, что она вся бездушна, но необходима, и нужно отдавать ей всю свою рабочую силу, оставляя душу при себе, затаивая ее в особых установленных формах, чтобы машина не била по душе. А широкая натура сует в механизм прежде всего душу и саботирует в работе: машина потом бьет ему в душу, и он вопит. К этому разряду относится, вероятно, и крик о «крахе гуманизма». Так и антирелигиозная пропаганда есть пропаганда делового отношения к жизни, между тем, в нашей среде это понимается, как поход против совести.

12 Мая. Серое утро, чуть побрызгивал дождик, потом перестал, но до обеда все было серо. Ветер западный пригнал к нам жалкие остатки льда («сало»), который плывет, на нем чайки, свиязи плывут, все похоже на реку.

В полую воду болота бывают почти сухи, потому что еще не протаяли насквозь и не вязнут. Болота наливаются уже потом после майских дождей.

Ветер повертывает к северу, но заря не холодная, поют соловьи. Начал кричать коростель, но деревья все еще шоколадные.

Утром заметна из окна роса на траве. Так было прошлый год: 29 Апреля, разница 17 дней.

Вся восторженность, молитвенность в лесу с рождением интимнейших чувств и мыслей пропадают, если только хоть чуть-чуть заболит живот, но это и у всех живых тварей в природе: чуть что, и скис («непрочность» Горького).

Смерть токовика: свинец попал ему в бок и поразил сердце, но он, верно, подумал, что это ударил его противник, потому подпрыгнул и упал, и крылья его уже хлопали в агонии, а из горла вырывался звук любви: токовал.

Пашут, начиная с понедельника (воздерживались из-за Пасхи), теперь прошлогодняя озимь в желтых и черных квадратиках. К природе нельзя подойти без ничего, потому что слабого она сию же минуту берет в плен и разлагает, разбирая духовный труп на составные части, поселяя в душу множество грызущих червей. Природа любит пахаря, певца и охотника.

Многие думают, что они охотятся из-за любви к природе и считают себя «поэтами в душе». Но если они поэты в душе, то почему же не стараются выразить свою душу словами, а вместо этого набивают порохом ствол и пугают поэтическую тишину? Пора бросить говорить этот вздор, я сотни раз в этом проверял себя: «поэтическое» только сопровождает охоту и вполне проявляется, если только своей цели достигнешь и убьешь желанную дичь.

Если хотите, охота есть поэзия убийства, и чем проще человек, тем это убийство ближе к природе и милосердней, а у более сложных людей жажда убить прикрывается «поэзией». Я это давно в себе определил и продолжаю охотиться, считая это убийство пустяками в сравнении с тем, что ежедневно все люди проделывают друг с другом, удовлетворяя свою природную, неискоренимую жажду к убийству. Вот этим, я считаю, охота очень полезна: охотник отведет свою душу на птице, на звере, а людям является добрым, и это правда, большинство охотников незлобивые, милые, часто даже душевно-внимательные люди.

Расскажу один случай из своей молодости, когда я прямо с университетской скамьи определился помощником заведующего на охотную станцию, расположенную в глухом лесистом краю. Я был фаунист, энтомолог, тема моей диссертации была узенькая, <*1 нрзб.*>: я исследовал вид жужелиц. Но вот именно, что тема была такая узкая, а через эти узкие ворота зато мог войти в мир природы более широко, не только млекопитающие, птицы, рыбы, а даже соединяясь с моим избранным видом насекомого, представились поэтическими образами: и я мечтал, определясь на охотную станцию, сделать такую работу, чтобы она открыла мне на всю жизнь возможность свободно заниматься наукой. Но этот мир больших перспектив, большого задора и безумной страсти к природе ничем не выражался снаружи, напротив, я казался крайне робким, застенчивым и даже слабохарактерным молодым человеком.

Заведующий был недалекий и понял меня таким, как я кажусь.

13 Мая. День опять вялый, лед у нашего берега, холодит, ходу нет весне, трава зеленеет сильно, но деревья все еще шоколадные, как перестоялась тогда весна света, так и вес-

на травы. Однако вечерняя заря вышла теплая, глубокая, живая. Брызгал теплый приятный дождик. Вылетела 1-я летучая мышь.

Лева увидел: в притворе церкви XII в. нагажено, дверь выломана, он хотел написать корреспонденцию, но я остановил его и посоветовал опираться в таких случаях на акт. Он отправился, и я не хотел остановить его, потому что Мих. Ив. прислал мне самое нахальное письмо с угрозой выселения с Ботика. В результате в исполкоме схватились за это и докладывают Главнауке с просьбой об отводе Заведующего. Едва ли они, дураки, что-нибудь сделают, но если бы у них это вышло, то к лучшему. Какой это краевед, если ему на месте нет ни одного сочувствующего человека.

14 Мая. Майское роскошное утро. Роса. Блеск солнца. Намеком, больше по догадке прозелень на березах (Дата: березы зеленеют = зеленеют березы – березы цветут). Молитвы.

Да, я понимаю: эти мои «исследования» природы выходят все из потребности молиться, т. е. в данный момент собирать всего себя со всем миром в целое. А радость тут бывает оттого, что кажется, вот теперь-то уж конец (чему-то...), теперь я знаю, как впредь... все могу... победно... все понимаю в людях... люблю людей... похоже, как будто очень ценимый тебя похвалил за твои писания... или вдруг прислали гонорар, откуда его никак не ожидал... Люди кажутся все глубоки, и есть неведомые силы в людях (при обратном: люди-мелки). Этот родник души есть наивысшая реальность, и никаким «разумом» ее не излечишь. Это здоровье души... Жизнь обещает верное дело, в котором я всегда сильный.

Значит, молитва – это как бы в духе начертающийся хозяйственный план, уборка жилища – уберешь и станет хорошо, потому что все на своих местах.

Букет сережек и почек

Молодые березы распускаются: и самые трогательные листики не зеленые, а еще бурые, как чешуйки почек, похожие на сморщенные мордочки щенков-сосунков. Все молодые березки распускаются, а старые зацветают, и шоколадные кроны их наверху украшены густым золотом сережек. Какие-то самые маленькие серенькие птички-поклевки снуют по осине, тыкают носами в мохнатые соцветия, и они валятся наземь. Пашут очень усердно, и хорошо смотреть, а подойдешь близко – очень уж безобразно ругается пахарь на лошадь матер-

ным словом, а иногда и в злобе ворчит. Но это не всякий пахарь, есть, конечно, понимающие все величие и святость этого весеннего труда человека.

Бондарь

Первой причиной возрождения бондаря Дмитрия Павловича был увиденный им из сарая отблеск вечерней зари в облаках в виде красного угрожающего пальца: «вот я вам дам!»

Утром он работал в избе. На дворе моросил холодный мелкий осенний дождь, и, глядя на тоскливую улицу, бондарь вспомнил об угрожающем пальце вечерней зари и что он почему-то вчера как будто решил проверить в точности все хозяйство свое и взяться за него по-новому. Теперь же вот опять вся затея растеклась в слезинки, и ему противно и думать о хозяйстве и работать: как ни работай, все равно бондарю в барышах остается только щепа. По другой стороне улицы поп обходил двор с иконой.

Горькому

Наши писания, в конце концов, только пойманные словом обрывки наших молитв неведомому Богу. Они могут служить людям сами по себе как побуждения, и этим нам надо довольствоваться, а не искать догм. Явление потребности в этих отвлеченных догмах, напр., о человеке, о разуме и т. п., словом, чтобы «учить» – вероятно, бывает от утомления живого человека в вечном молитвенном движении, хочется закрепить иссякающие родники, остановить, преподнести их людям готовым, методизировать, механизировать.

Правда

Бессильный человек ничего не может сказать о правде и чувствует ее где-то очень далеко от себя: «а ведь есть же где-то правда на свете!» Правда приближается к человеку в чувстве силы и является в момент решения бороться: бороться за правду, стоять за правду. Не всякая сила стоит за правду, но всегда правда о себе докладывает силой.

Брань

Матерная брань сознается русским человеком как величайшая скверность, и при возрождении простой человек, прежде всего, берется искоренять в себе эту дурную привычку, на это иногда употребляют годы.

Вечер в сыром болоте, в туманах. Дома окончательная передряга с заведующим: исключительно глупый человек. (Кофей). Письмо от Введенского от Троицы, решение ехать к нему.

15 Мая. Великий лучезарный день: зеленеют березы, и вдруг за ночь ива стала совсем зеленая.

Все пашут под овес, сеют семенную вику. Пахота: на всем поле один пахарь, ругается и кипит в дьяволах. Другому пахарю все птицы поют. Характер людей весь на виду, весь человек на пашне насквозь виден.

Поп сказал: «Они так ругались в бога и в веру, что пока я проехал с ними эти три версты, у меня сердце почернело на 50 про́центов.

– Не оттого оно у тебя почернело, – вставила матушка.

– Да, да, – продолжал батюшка, – сердце упало на 50 про́центов ниже нуля.

Сегодня ходил нанимать попа. В студенческой тужурке, бросил овес на вику, а значит, ему ехать можно. «Я духовный врач – так ли? я все равно врач». Вдова коммуниста у исповеди (вдове надо как-нибудь жить). Уговор попа пьяных мужиков выйти: – генерал! Вот этот-то генерал – что это такое? Психология арестованного праздника: все пропить (остатки рода). Борис в пролетарс. слободу. Федор Федор. – трудовик: лад.

Рассказ церковного старосты о некоем слепом, которому мальчишки оглоблей попали в окно (на масленице при катании), и как упали: и строгость какая была, все за слепого. Этот слепой по пивным бутылкам, по выпуклостям буквы выучил и вышивал, а потом вышил и знал наизусть. Он мог нитки в иголку вдевать, нащупывая языком. Культ слепого.

Василий Самайский, дед из Дядькова, из-за которого не могут ввести многополье: «мне жить немного осталось, умру, потом заведете».

Вчера месяц родился.

Вечером массовый вылет майских жуков. а ночь, как и вчера, прохладная, день жаркий, ночь свежая, как и вчера, ветер переменился на южный, лед, как расплавленная лава, на заре и потянул к тому берегу.

У Мих. Ив. две болезни: одна властолюбие, другая – скаредность, и одно идет параллельно другому, так эти моменты сгущения власти приходятся всегда к денежным выдачам:

служить из-за этого с ним невозможно. Самолюбие, материально подкрепляемое жадностью.

Еду вечером по ж. д.: у попа сломалось колесо. День прошел жаркий, настоящий жаркий. Сегодня позеленели березы. Лед вчера лежал у нашего берега, это уже была труха, по которой ездили свободно лодки, а сегодня южный ветер погнал это от нас, и по пути лед распустился, исчез.

23 Мая. Вчера я вернулся из Москвы. Видел лавину людей и ничего не замечал в природе, только знаю, что всю неделю было очень жарко. А какая богатая неделя прошла в природе с кипучими ночами. Теперь цветет черемуха и золотые цветы, завернутые в бубенчик, у них тонкий запах, но когда поднесешь к носу, то непременно в ноздрю переползет козявка. Утро звенящее, переплескивает в густой уже зелени иволга, сверкает смолистый березовый лист. Дня три тому назад вылетел комар.

Сюжет: рассказ проститутки об одном поэте (Блок): дал ей выспаться на коленях и наградил – 25 рублей, обидел. Другой совокупился. Когда хотел доставать деньги, я сказала: «Не обижайте меня». Я подарила ему ножичек. Потом и его портрет я разыскала: «Это был тоже поэт».

События

Поехал к Троице нанимать квартиру, не оказалось квартир. Яковлев посоветовал купить дом. Я поехал доставать денег и, как маньак, носился по Москве. Обещали в «Рабочей газете» 1000 руб., в «Новом Мире» дали 1000 р. Вернувшись к Троице, вечером посмотрел один дом и утром купил. Теперь я надолго подневольный человек, но так надо.

Прошумела история Полонского – Воронского с рассказом Пильняка. Все кончится благополучно: Воронский, я думаю, останется.

Темы в «Рабочую газету»: 1) О матерном слове. 2) О рыбаках. 3) Горнорабочие. 4) Человек с флюсом. 5) Странствующие кустари (в лесу: Алексей Иваныч!). 6) О корове с железным хвостом (самогонный трест – следопытство). 7) Так ли это везде, как в краю моих наблюдений, это вы, читатели, поверьте и сообразите, но у нас это каждому в глаза бросается и это самое новое, самое интересное в деревне: возникновение пролетарского хвостика, т. е. улицы хвостиком от села, где живут отделенные сыновья, не осилившие еще устроить себе настоящее крестьянское хозяйство по примеру отцов.

Послать рассказ в «Мурзилку»: «Гайки».
Написать в «Красную новь» очерки: 1) Крестик, 2) Разум.
Написать в «Новый Мир»: «Весна».
Письма: Дунечке, Разумнику, Горскому, Полонскому.

Природа. Чаша наполнена, еще немного и все пойдет через край, а пока как будто все остановилось – и наполняться больше некуда и через край не льется.

В подгорной слободе в мещанском садике улицы расцвела черемуха, и люди часами лежат на подоконниках...

24 Мая. На рассвете была гроза. Утро солнечное, сверкающее, с пением иволги.

1-й обрыв был от весны света к воде.

2-й обрыв теперь за эту неделю: сразу оделся лес, и настало лето.

Мне говорили, что без меня был один тихий вечер, но шумело в деревьях, как от ветра: так много было майских жуков.

Мне было во сне, будто я разлучаюсь с кем-то близким таким, что вместе с душой близкого отдирается от меня шматами моя собственная кожа и мясо. Просыпаясь, я догадался, что это близкое мне было наше озеро.

В Яковлеве человек больше писателя, и потому он еще бледен. Надо разлучиться с самым близким, и когда на место человека вполне станет легенда – вот тогда писатель будет влиять. Человек и поэт не соединимы, но человек непременно должен предшествовать поэту.

Одетый лес. Ведьма покинула лес, оледенелые метлы перестали стучать. Теперь лес одетый мурлычет, как сытый кот.

Вышел на крыльцо. Дуня чистит сундуки. Мишка ее ждет хлеба. Ромик улегся возле него и, глядя на хлеб, виляет хвостиком и шевелит травы. Мелькают по земле тени пролетающих стрижей, в осиннике поет иволга, летят пуховые семена ранних ив. И это все, это момент жизни большой и круглой, которую всю увидеть можно только не человеку нашей планеты: другому существу. Потому будь счастлив и тем, что видишь шевелящий травы хвостик щуки и мелькающие тени стрижей.

25 Мая. Ветер южный очень сушит землю, начинается тревога о засухе. Необычная сравнительно с прошлым годом сила комара.

Лева ездил в Москву. Сегодня вернулся. Вчера выслали деньги от «Нового Мира». В пятницу надо позвонить о второй тысяче.

26 Мая. Сухо, как и вчера, и вечером прохладно с комарами. Садят картошку. От одной телеги пахарь ушел, вероятно, полдневать, грачи тоже остановились и сидят, дожидаясь, когда пахарь вернется.

Сегодня отправлен 1-й очерк в «Рабочую Газету»: «О корове с железным хвостом». Завтра утром рассказ новый закончить «От земли и городов» и отправить в «Красную Новь».

27 Мая. Написан очерк «Два человека». Отправлено в «Красную Новь». У меня повысилась температура, флюс. Раскис совершенно. Природа вышла из поля зрения, только вижу, что летит пух, как снег. Так же стала семья и мои писания и остается только одно, что как-нибудь надо перебиться.

28 Мая. Болят зубы, щека стала, как мандолина. Живу и терплю. В природе по-прежнему сухо, летит пух. Лева звонился в Москву: тысяча обещана ко вторнику, другая пришла из Москвы. По всей видимости, домик я себе куплю.

29 Мая. Рано утром проливной дождь. Здоровье выправляется. Целое поле золотых цветов, к вечеру цветы закрываются. Сирень цветет.

Покупать ли дом в Сергиеве?

Дом 2.700 руб.	Имеется денег –	1000 р. от «Нов. М».
Купчая 300 -		1000 р. «Раб. газ.»
Переезд 100 -	Залог дома	500 р.
3. 100 руб.		2500 р.

Немедленно 2.400 р. Значит, купить можно, а дальше какие источники существования

700: по 50 р.в месяц.	От «Рабочей газеты»	– 50 р. в мес.
	От Гиза	– 100 р. -
		150 р.

Имею в виду к изданию:	Книги Охотн.:	500 р.
	От «Огонька» –	70 р.
	Рассказ в «Огонек» –	80 р.
	От «Красн. Нови»	– 200 р.
		1050 р.

Итак, если писать очерки в «Рабочую Газету» и «Красную Новь», то можно заработать рублей 250 и так жить в своем доме, заработать дом этим <*1 нрзб.*>, погасить в «Рабочей Газете» 1000 руб., можно в год... вообще работать год для текущей литературы и не думать о художественной.

Вторая перспектива

Снять в Сергиеве квартиру, скажем за 40 р. в месяц, писать изредка в «Рабочую Газету» очерки и работать над романом, т. е. делать свое дело. В таком случае жизнь сложится так:

Имеется, считая, что уже переехал:

2000 руб.

100 руб. ежем. от Гиза.

50 р. от «Рабочей Газеты».

Следовательно, добавляя 100 руб. из 2000 руб. я могу, проживая 250 р. в месяц, жить бог знает сколько времени. т. к. по написании романа и исчерпании аванса в газете я могу опять взять аванс. А там пойдет время издания собрания сочинений, я получу не менее 10 тыс. и куплю дом.

Словом, выходило, что если я дом покупаю, то я – газетчик, если не покупаю – пишу роман: дом или роман.

Я созвал своих, изложил им все подробно, я знал, что им, особенно Леве, страшно хотелось иметь дом, и потому я не подчеркивал это, что мне хочется в ту или другую сторону. Ставлю на голосование: дом или роман. «Конечно, роман», – сказала Ефрос. Павловна. Лева молчал и думал. Я долго не мог добиться от него ответа, казалось, он колеблется, но вышло, нет: он думал, как ему ответить умнее и убедительней, что дом покупать не следует и начал так: «Я думаю, что ты, крупный художник, следовательно, ты можешь писать свободно о всем, что захочешь, и это с производственной точки зрения в высшей степени будет нерационально, если на пути творчества будет стоять дом».

Мне пришло в голову компромиссное решение: купить, если хозяйка согласится взять 1000 руб., и рассрочить остальные на 2 года. Тогда представится такая картина:

Расход:	Приход:
1000 р.	600 р. ост. от 2000 руб.
300 р. – купчая	От Гиза 100 р. в компенсацию уплаты рассрочки.
100 р. – переезд	
1400 руб.	И вся картина такая, что я имею дом, бесплатную квартиру и 600 руб.

30 Мая. Недомогаю. Сижу дома, а когда выхожу – не узнаю природу: так быстро все густеет, так роскошно. По утрам вижу, как раскрываются цветущие одуванчики, по вечерам замечаю, как они постепенно закрываются и золотая лужайка без них становится зеленой. В такие устойчивые майские дни понимаю Фета, который завешивал окна свое-

го дома именно в самые для всех лучшие дни: слишком густа жизнь, не хватает себя на нее и надо прикрыться.

Завязалась какая-то глупость с покупкой домишка. Лева сегодня поймал автобус и поехал в Сергиев – Москву обделывать дела.

31 Мая. Птичка снесла 4-е яйцо: так вот 4-й день и каждое утро по яйцу. Решив переезжать, не наблюдаю природу, только вижу, как утром блестит роса на зеленом лугу, как потом раскрываются цветы и луг становится ярко-желтым, золотым, и к вечеру опять цветы закрываются, и только зеленеет трава. Еще слушаю через окно, как шумит лес: так мягко, так бархатно-спокойно, вспоминаешь зимний шум в неодетом лесу, и будто тогда примус рвало, а теперь шумит самовар.

Лева прислал телеграмму, что хозяйка согласна продать дом за 1000 руб. и потом два года уплачивать ежемесячно по 100 р. Не знаю, хорошо ли будет. Все Яковлев наделал: подтолкнул.

1 Июня. Вот и май прошел. Так все проходит в природе без нашего участия. И так же почему-то изменяются отношения в обществе: не узнать, как стало теперь. Я однажды с великим трудом заработал себе литературным трудом деньги, выстроил себе дом, чтобы спокойно работать и растить семью. Пришли коммунисты, выгнали меня из дома, и потом его сожгли мужики. Я вышел на камни в город.

Были коммунисты, – приставляли мне ко лбу револьвер и грозили: – хошь, покажу камни?

Были коммунисты, когда я заходил в редакции с желанием работать, мне отказывали, и в углах слышался шепот: – белый, белый!

Были коммунисты, я приходил в редакцию к ним и предлагал свои рукописи, у меня их покупали, давали денег и не печатали (Стеклов).

И теперь коммунисты из «Рабочей Газеты», устроители органа В.К.П., сами зовут меня. Редактор, встречая, встает.

Я говорю ему, что мне нужен аванс в 1000 руб. и потом вскоре еще столько же.

– Мне нужно купить дом, – сказал я.

– Очень хорошо, мы вам денег дадим.

– Что же я вам должен?

– Что хотите, пишите, как <*1 нрзб.*> писатель.

Картинки деревенской жизни: крестьянин, который не променяет своего крестьянства на фабрику, у него невестки

ткут: производство, портной обшивает сапожника... у портного мальчик: Алексей Иванович!

2 Июня. Стрижи вывели, скворцы вывели, чирки вывели. Желтое поле одуванчиков стушевывается: там и тут стоят настоящие одуванчики (вот еще чисто детский цветок).

Читал «Кащееву цепь»: понравилось все, кроме 3-го звена.

3 Июня. Сухо. Загорелись леса. Вчера птичка положила 5-е яйцо, и больше уже не кладется.

Я очень люблю мелкую лесную заросль: когда наверху настоящие большие деревья ровно, густо, сытно шумят, тут внизу мелкие осинки особенно смешно лепечут своими круглыми листочками на тончайших черенках, рядом березки тоже перебирают смолистыми сверкающими листиками, и что особенно чудно: наверху определенно по ветру шумят, а здесь, подражая старшим, тоже беседуют листьями, но только в другую сторону, просто дети, и даже нет – щенята-сосунки, только что проглянувшие на свет, наливающие круглые розовые животы и тоже, как у больших, с хвостом.

Исправил «Кащееву цепь».

Вечером был художник Техменев, умученный молодой человек, сокрушаемый необходимостью найти в искусстве свой стиль и почерк.

4 Июня. Рано встал и росистым утром под звонкую песнь соловья собирал в себя радость бытия, и это было взамен молитвы. Вот так отчетливо теперь вижу происхождение тревоги своей и слабости: это бывает, когда забываешь молиться и потому выходишь из себя. Способность молиться, собирать себя самого и есть вот именно обретение свободы и, конечно, силы. Для этого нечего жалеть времени, потому что собранный в себе человек меньше подвергается случайностям, отнимающим время. Я ставлю себе задачу ближайшего времени сделать молитву ежедневной работой. (Идея-разлучница).

Мои ближайшие задачи: 1) Новое звено «Кащеевой цепи». 2) Описание быта горнорабочих на Берендеевом болоте. 3) Переезд в Сергиев.

Звено: Любовь Алпатова. Мотив, взятый в «Юности», сожительство в себе призвания к художеству и к «общему делу» разламывается при любви – реализация личности, отстранение общего дела приводит к преувеличенным требованиям к любимой женщине. «Тут все», и это «все» оказывается тоже распадающейся сложностью эроса и пола.

Материалы: 1) Тюрьма как питомник чувства свободы и радости жизни, в то же время закрепление «идеи». 2) Ефим – доктор: как они съехались (в Париж для большого дела, как в ожидании Ефима Алпатов влюбился, переменился и что вышло из встречи с Ефимом (рабочее дело, «идея» осуществится, но ему-то какое дело до нее).

О русских крестьянах

Особенности быта русских крестьян еще никто не отметил, потому что интеллигенция подходила к ним «с точки зрения», а сами крестьяне о себе писали «пристрастно», потому что их писательство являлось моментом разрыва со своей средой.

Попробуйте описать годовой праздник русского крестьянина, собирая о нем материалы просто как зритель, как гость со стороны и притом непьющий: картина получается неверная, потому что будет устранена вся динамика праздника: чувство родства, подогреваемое выпитым вином.

Жарко. Солнечно. Безветренно. Я взял весло и, чтобы удрать от комаров, уехал на середину озера. Лежа в лодке, глядел на монастыри и думал о их строителях, – вот ведь тоже молились... Все-таки молитва отнимает так много времени, что пришлось разделиться монахам на специально молящихся («молитвами отцов наших») и не только за себя, но и за других, и на трудящихся, и тоже не только для себя, но и для молящихся. Вероятно, это и погубило все дело.

Первое следствие молитвы – это убрать возле себя и навести всему порядок. Первобытные люди, вероятно, и начинают хвататься за эту пользу молитвы («Бог посылает»), и огромная масса людей (напр. купцы) на этом и останавливаются. Совершенно так же и я поступил: весь день разбирал бумаги, раскладывал, чистил столы.

Яковлев написал, что Никитина будет издавать по «Вересаевскому принципу». Теперь мне надо написать: 1) Краеведческую книгу, сборник из моих путешествий. 2) Книгу для детей.

5 Июня. Цветет земляника. Все одуванчики приготовились разлетаться. Тихо. Жарко. Роскошно. Последний бекас токует. Последний сеятель досевает лен.

Утренняя молитва помогла мне написать сегодня детский рассказ «Одуванчик» и наметить план юношеской книги «Путешествие вокруг солнца», но после обеда я упустил себя и в тоске не знал, что с собой делать.

От Левы нет сведений, но о нем пишут, что он был у Луначарского: делает карьеру и сделает, такой человек.

Новое в молодежи и вообще в стране против прежнего времени, что нет кружков против власти: все добрые советские люди. Зато процветает воровство. Попы и евреи – вот две устойчивых и активных группы, пополняющих ряды интеллигенции, обделывающей многомиллионную массу мужика.

6 Июня. Жаркий день. Уклейка прыгает.

7 Июня. На заре приехал Лева. Еду.

8 Июня. Сушь, жара. Овсы взошли и еще раз взойдут, потому что семена проворовали.

В 5 у. выехали на Берендеево. Фед. Фед. о человеке-хозяине и служащем, что иной на службе неплох, а хозяин никуда, другой хозяин, а служить не может. О парне из Нового: четыре жены и у всех дети. Присудили. Бежал. На Спец. завод: 100 р. Открыли жены. Бежал.

Торф

Жара. Грачи и галки сидят с открытыми ртами. Горит в лесах торф. Берендеево. Подход у журналиста-исследователя к жизни должен быть простой, без раздумья о выборе той или иной стороны, потому что для живого человека жизнь круглая и горит везде со всех концов одинаково. Это не легко, но это талант журналиста. Однако я все-таки на мгновенье подумал, как лучше начать мне подход к исследованию быта на торфяных работах, с рабочих или с администрации.

На краю болота стояла контора, окруженная рабочими. Я спросил у них, тут ли заведующий, кивнул головой один из рабочих и показал наверх: рабочий был мрачен, и я решил идти к заведующему. Я предъявил свое удостоверение. «Двести подписались среди наших рабочих», – сказал заведующий. – «Читают или курят?» – «И читают и курят». Заведующий сказал еще: через 5 мин. Я вышел к рабочим, а у них уже разузнали, кто я, и все бросились ко мне и стали жаловаться.

Вечером в 5 ч. по пути к Сергиеву пошел сильный дождь летнего характера, и это, потом оказалось, был поворот на холод после жары. Ночевал в кухне своего дома.

9 Июня. После обеда дождь, и потом холод. Все подготовлено, чтобы в пятницу (завтра Вознесенье) сделаться собственником дома №75 по Комсомольской улице.

10 Июня. Он был человек верующий, но растерянный, часто забывался и однажды в состоянии полного равнодушия и рассеянности назвал святой монастырь Параклит пирамидоном. – Где тут дорога в Пирамидон?

Завтра совершается акт покупки дома, у меня к этому почти такое же отношение, как у Подколесина: не удрать ли... Я передаю лишнего не меньше 500 руб., но считаю невозможным выжидать, потому что растрачу деньги; второе основание для покупки, что квартиры, где можно бы держать собак, найти невозможно, в-третьих, рассрочка на два года!

Сшибалы у Красных ворот. Психология каменщика из пролетарской слободы (зачем комсомол, если все зависит от администрации?). Мечта о доме в деревне.

Источник моей иронии. Раньше я думал, что есть Старшие, люди умнее меня и лучше, я был еще мал, и это была правда, но за время революции я дорос до конца, стукнулся макушкой о верх – и Старших не стало. Но я еще не понимал, что стал сам Старшим, и что это у каждого старшего есть, что стало со мной, мне казалось, что я, не видя людей выше себя, утратил веру, разочаровался, опустел, одеревенел. Так, однако, бывает со всеми, у кого прекращается органический рост и кто через это становится самым высоким и Старшим.

11 Июня. Имя Каляева между отцами церкви на воротах Вифанского скита, населенного инвалидами труда. Тут ад: старухи версту обходят здание, чтобы сходить до ветру, но не доходят. Драка костылями. А то инвалиды поднимаются, идут в исполком и там стучат костылями и требуют «суп»: они грозят, кричат, что пострадали... Это ад на месте райском... И тут же Параклитские монахи ежедневно ходят по 5 верст сюда служить...

...Две молодые евреечки накачивали по очереди велосипед. Рабочий каменщик возвращался с работы, весь в белой пыли, как мельник, шел посередине шоссе и читал на ходу толстую книгу.

В 3 часа дня акт совершен.

12 Июня. Ночью, кажется, был мороз. Выезжаю на торф и в 1 ч. д. на ст. Берендеево.

13 Июня. Торф.

14 Июня. Торф.

15 Июня. Утро торф. Вечером в 4 ч. дома.

Встреча с озером была счастьем, через это я вернулся к себе самому и понял, что озеро мне было как икона молящемуся, что тоже кому-то молюсь. Так неделю я не был в себе и вернулся. За это время вывелись (в субботу) птички, вывелись скворцы, уплыла с утятами кряква. Вечером мне принесли светляка, и он всю ночь светил мне, как лампада.

По-разному показывается любовь, – если человек слабый, то любовь удивит иногда, являясь силой слабого, а если человек силен и очень здоров, то любовь представится слабостью здорового сильного человека.

16 Июня. После обеда, наконец, собрался дождь.

Любопытно, что на торфе при забастовке беспартийные студенты, инженеры сочувствуют рабочим, а партийные против рабочих.

Причины забастовки («лопаты воткнули») объективные:

1) В первое время машины были не в порядке, рабочие не могли на них выработать норму (простои больше часа «по вине администрации» оплачиваются, но если ремень соскакивает каждый час на 1/4 часа, или при перевозке машина застряла (чья вина?). 2) Вследствие спроса на торфяников попали в артели малосильные (портные). 3) Нетактичное поведение заведующего. 4) Дурная выпечка хлеба и другие небрежности вплоть до неточной работы конторы. 5) Краснобайство месткома, сидящего на двух стульях.

Вообще положение такое: одни люди хотят устроить государство на основе производительности труда, они в этом имеют и личный интерес, потому что на службе получают за это средства. Другие, рабочие, в государственном строительстве заинтересованы только идеологически («государство подымается, а мы падаем»). – «Что ты говоришь нам о государстве: то один разговор, а это другой».

У чиновников аргументация для защиты своих личных интересов государственная, у рабочих аргументация зоологическая: жить хотим, жены по миру идут. Местком был похож на уговаривающего Керенского.

17 Июня. Весь день дождь. Пишу о торфе.

Сам изумляюсь своей способности вбирать в себя материалы, такую массу в такое короткое время: в три дня вся разработка торфа у меня готова. Лева просит научить его, я говорю:

– Надо выйти из себя и отдаться тому огню, в котором сгорает жизнь. Мы и сами горим, но в себе это не можем заметить, и необходимо выйти из себя и так принять учас-

тие. Наблюдать же можно со всех сторон одинаково, откуда ни подойди, потому что жизнь круглая и горит, как солнце, везде одинаково.

18 Июня. Приближаются дни летнего солнцестояния. Рожь цветет, показались первые грибы. Принесли первые ягоды спелой земляники. Третью ночь у меня в стакане посаженный светляк горит, как лампада. Букет ночных красавиц наполнил ароматом весь дом. Ловим окуней.

– Чего ему, живет спокойно, в стороне, он себя только и видит, да и то не каждый день (сказал пьющий чай в трактире поселка Берендеево).

19 Июня. Установилось так, что к вечеру озеро стихает совершенно, так стихает, что следы плывущих гагар остаются на целую версту, как от моторной лодки. Заря медленно погасает в тихой голубой воде озера, и так до поздней ночи озеро все меняется, и когда, наконец, заря потухает совсем, исчезают лесные берега в голубом, и голубое озеро, и небо голубое сливаются, и кажется, наше озеро взяли на небо.

Два раза в год умнейшие птицы воро́ны становятся дурами: первый раз они глупеют, когда ранней весной начинаются оттепели и они, забывая об опасности, весь день орут в любовном экстазе; другой раз около Троицы, когда у них дети: вместо того чтобы затаиться или отводить в сторону, как делает множество других птиц, эти, когда подходишь к месту нахождения их детей, начинают близко кругом летать и орать.

Не то опустошает родителей, что они тратят средства на своих детей, а что вместе с тем они отдают им мало-помалу свою душу и так много отдают, что потом без детей им жить уже невмоготу. Вот случается в это время война: дети уходят. У одного отца, я знаю, убили всех его четырех сыновей, и когда он остался один, то похож был на дерево с обрубленными сучьями.

22 Июня. Полная сила в природе. Цветут луга пышно. В болоте хороши вечером против солнца розовые цветы – метелки конского щавеля, такие розовые, будто сама заря светит, и между ними цветы раковые шейки. Молодые бекасы совсем большие, только летают еще по-коростелиному. Это время молодых, чуть порхающих птенцов. Собака постоянно утыкается в куст. Вечером зажигают светляки свои зеленые лампады.

<*Запись на полях*> Кончает петь соловей. Холостые селезни собрались на озере большой стаей.

Расшиваю во сне золотыми нитками гобелены моей первой и единственной любви. А ей теперь 46 лет! Что бы я мог ей написать?

«Скоро будет 25 лет нашей встречи в Париже. Мне кажется, не очень давно, всего лет десять тому назад, я получил от Вас последнее письмо. Оно было такое жесткое, что напомнило мне старую няню, когда она вычищала кухонный стол тертым кирпичом с квасом и мылом – так и меня поскребло это письмо. А между тем за 25 лет я многих женщин начинал любить и бросал их, а они продолжали любить, писать мне и, наверно, как я Вас, так и они во сне и посейчас рисуют мой гобелен и расписывают золотыми нитями мои седеющие усы.

Из таких снов вышел из меня добрый поэт, некоторые страницы мои будут долго жить. А вся сила моего склада слов вышла из решения: «ты упустил свою женщину, потому что был к ней не очень внимателен и думал больше о себе, чем о ней; так будь же в отношении к этому счастью заботливым хозяином, люби мудро». Это было моей ежедневной молитвой, и благодаря ей я создал свое «святое ремесло».

В эти годы я написал сказку – роман из своего детства – я очень бы хотел послать ее Вам, но, вспоминая мой неудачный опыт послать в тот раз книги, неинтересные для Вас, как-то робею и прошу Вашего разрешения. Мне бы очень дорого было, если бы у Вас нашлась пара хороших слов – у мужчин этого не бывает – но женщину постоянство и верность должны непременно трогать. А какой я верный Ваш друг можете судить из того, что не только помню Вас всю, какая Вы были в 21 год, но даже мог бы нарисовать вторую складочку возле правой груди Вашей наивной девичьей «шотландки».

Приезжал проф. Петровский. Окончена работа о торфе.

23 Июня. Почему Луначарский мне представляется Хлестаковым. Читал его статью о пьесе Р. Роллана: очень интересно, только очень легко скользит по нашим больным вопросам, даже весело. Пустоцвет! Он пишет, например, легко и весело о победе коммунистов как о чем-то несомненном, конечном, а между тем вызывает мысль: «была ли победа?» Да, была ли это победа коммунистов, если коммунисты должны были расстаться со всем коммунистическим и оставаться на местах как-то «на смех», вроде как в деревнях старосты. Революция – это объемистое дело, и у коммунистов в

этом деле была своя роль – кончилась роль, и они тоже брошены были в жизнь как обыватели: «живи и дивись!»

Тоже пишет о прогрессе. И у теории (верования) прогресса есть своя роль и соответствующие служители. Но, несомненно, у каждого пожившего человека вставал в полдень его жизни вопрос: «существует ли движение вперед». Ответ: конечно, существует, как несомненно существует дыхание у растений; только это не все у человека, и этот процесс иногда совершенно заслоняется другим процессом, как у растений дыхание становится незаметным, когда оно выделяет благотворный нам кислород.

«Прогресс» означает движение в накоплении материальных ценностей, это «завоевание сил природы», победоносное приспособление человека к новым условиям жизни. Если это движение цивилизации остановить, то сейчас же начнется вырождение и вымирание человека на земле. «Прогресс» – это даже не верование, а бодрость деятельного молодого человека, и этому ощущению человеком физического своего роста ничто нельзя противопоставлять. У нас в отсталой стране проводниками этого ощущения жизни были студенты, молодежь, но так как в общей жизни страны реально прогресса было мало, то прогресс из естественного бодрого ощущения превратился в верование, в «прогрессивное миросозерцание». Раньше это была вера студентов, теперь это перешло к массам рабочих и даже крестьян (Горький). Но... и посейчас у нас это не ощущение бодрости, а верование, потому что в действительности мы не ушли вперед: трактор скорее похож на икону, чем на орудие производства.

«Провалиха».

Прогресс ведет Homo faber* (американец).

Но в прогресс нельзя верить, как нельзя верить в деятельность собственных кишок. Прогресс – это общее чувство жизни, а верования истоком своим имеют личность: с точки зрения жизни личности человека прогресс может не иметь никакого значения. Уродливость получается от смешения и подмены того и другого.

24 Июня. Жаркий день, на озере белые поля тишины, у берегов погруженные в воду головы коров и девиц. Весь день поет иволга, а соловей и кукушка редко. Обедали на воздухе. Набежала теплая туча, загремел гром, закапал большими каплями дождь. Наши разбежались, а я не поверил в дождь и решил доесть тарелку с творогом и молоком. Дождь полил, я все ел, творог уменьшался, а молоко в тарелке все прибывало...

---

* человек-созидатель.

Однажды зимой мужичок подвез меня до дому из города. Он был издалека, деревня его Голоперово была в глухом болотном лесу, верст за двадцать от нас. На вопрос его, кто я такой, чем занимаюсь, я ответил по правде, что я сочинитель, книжку пишу.

Прошло много времени. Летней порой приходит ко мне этот мужик. Я успел забыть его, но он напомнил, что подвозил меня зимой. Я вспомнил и спросил его, как пришел он ко мне, повидаться просто или по другому делу. «По делу, – сказал он, – я давно собирался, да все не смел, по делу пришел». Мы вошли в дом мой, и я спросил: «По какому же делу?» – «Вы книжки сочиняете, – сказал он, – сочините мне книжку, я у вас посижу немного, а вы сочините». – «Ну, это не так просто, – ответил я, – скоро нельзя, а все-таки попытаюсь, тебе, наверно, хочется, чтобы я твою жизнь описал». – «Нет, – сказал мужичок, – жизнь моя обыкновенная, мужицкая, известная жизнь. Я хочу попросить вас сочинить мне книжку хорошего обращения».

И вот как удивил меня этот серый, самого серого вида и едва ли даже грамотный мужик, я стал его расспрашивать, зачем нужна ему книга хорошего обращения.

– В деревне-то ничего туда-сюда, все сходит, – объяснил мне мужичок, – а вот как в город поедешь, все будто на другом языке говорят, и хорошо глядеть на людей, совсем люди другие, мне бы вот научиться, а потом бы я в деревне свое завел, так бы и пошло у нас в деревнях, как в городах.

– Знаешь, – сказал я, – книжка моя тебе не поможет, этому нужно не по книжке учиться: вот я тебе задачу дам, отвыкай ругаться матерным словом. Ты понимаешь, с этим словом не может быть никакого обхождения. Сначала отвыкни, а потом приди еще ко мне, и я тебе сочиню.

Мужичок очень обрадовался.

– Правильно рассудил, – сказал он, – вроде как царь Соломон, это действительно так: прежде всего надо отвыкнуть, а то с этим словом, правда, какое же обхождение.

Прошел год с тех пор. Однажды под вечер под Троицу вышел я в поле пройтись. Тихо было, птички полевые распевали. Слышу в тишине то железо о железо стукнет, то стекло о стекло со звоном. Стал туда я глядеть, откуда звенело, и вот вижу на дороге показывается прохожий, у него в руке было два железных противня – позванивали, а из каждого кармана выглядывали по два горлышка от бутылок – это позванивало. Что-то знакомое было в лице прохожего, я стал приглядываться к нему, он ко мне – и вдруг узнали друг друга и очень обрадовались: это шел тот самый мужичок из Голоперова, который год тому назад просил меня сочинить ему книжку хорошего обхождения. Я понял сразу: у них в Голоперове Троица годовой праздник, и му-

жичок нес противни – пироги жарить, а бутылки – угостить родню.

– Ну и задачу ты мне задал, – сказал мужичок, – лучше бы ты задал мне весь год одной травой кормиться, бился я, бился... что хочешь, а не ругаться матерным словом никак не могу.

– Как хочешь, – сказал я, – а с матерным словом не может быть книги хорошего обращения.

Моя позиция в современной политике – прогресс, тот самый прогресс, в который беззаветно верили наши дедушки и бабушки, но в который я не верю, а делаю. После всего, что произошло в моей жизни, я не могу верить в прогресс, но я не могу жить, не делая прогресса, я не могу себе даже представить в нашей жизни человека, в меру своих способностей не делающего прогресса: вся жизнь, как жизнь, стала прогрессивная.

Но я дал себе слово никому никогда не высказываться о своей вере, может быть, у меня есть маленький божок, вырезанный из дерева, который я прячу себе под подушку и молюсь ему по ночам, может быть, это июньский светлячок, хранящийся у меня в стакане, и светится по ночам удивительно зеленым светом – я ничего и никогда не скажу вам о своих богах и молитвах. Это мое личное дело. Словом, я делаю прогресс всей своей энергией и этим покупаю у вас право не спрашивать меня, во что я верю и кому молюсь.

Участвуя в деле прогресса, я не только обретаю себе право на свободу верования, но если и явится мне возможность счастья личного, я от него не откажусь, хотя бы вокруг меня были только несчастные: ведь это тоже совсем личное чувство счастья или несчастья; прогресс считается только с хорошими или плохими работниками, хорошим платят больше, плохим меньше, усталых подбирают в больницы и богадельни. И так вопрос о несчастных и счастливых решается обществом, что же касается моего личного счастья, то кому какое дело до этого, и в высшей степени будет глупо, если, завидев свой кусок счастья, я буду тревожиться о каких-то несчастных.

В наше время скорбь о несчастных была нравственной обязанностью интеллигентного человека, теперь на себя эту обязанность взяло государство, поставившее себе девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и этим сделало бытие страдающего за других интеллигента бессмысленным. Если теперь рабочий обратится ко мне в своей обиде, я отошлю его в профсоюз. Он придет и скажет: «Профсоюз не помог, директор меня вышвырнул на улицу». – «Иди на биржу труда». – «Там забито». – «Подожди же, мой друг, потерпи, мы все жертвуем собой для государства будущего». «Тут круг, – скажет рабочий».

25 Июня. Сегодня последний день роста света, с завтрава деньки начнут сплывать. Вода тихая, цветут луга, леса полные.

Прошлый год, кажется, этого не было: совершенная тишина на озере круглые сутки и уже перевалило на вторые.

Вчера мы с Петей ездили на Урев по этим водным световым полям. Рыба в реке кипела и часто выбрасывалась из воды. Сверкала на солнце плотва, и вдруг, как сорвавшись, бухалась щука. Окунь гонит плотву к берегу, она забирается в печурку, и только хвостик торчит, а окунь мнет хвостик, слышно цокает губами и не может выдернуть. Мы сначала схватили окуня, а потом за хвостик вытащили из печурки плотву. В Тресте кипела утиная жизнь. Мы продвигали лодку по еще невысокому молодому тростнику – такой он блестяще-зеленый! кое-где только торчат старые прошлогодние тростинки со своими метелками. В тростниках были коридоры, по которым мы ехали бесшумно и часто натыкались на выводки чирков и крякв. Это был утиный дом со спальнями, детскими и залами – плесами, покрытыми зеленой ряской и расцветающими кувшинками. Селезни кряковые держались отдельно, стаями на большой озерной воде.

Вода на озере цветет. (Запоздание против прошлого года).

Слепни провожали нас долго, на середине озера только мы поняли, что это наши слепни, летающие специально за нами, мы их перебили, и они кончились. Тоже от реки вечером взялись нас преследовать комары. Заехав в озеро, мы всех их перехлопали, и больше они нас не беспокоили. Мы висели над бездной в маленькой лодочке, прозрачная жидкость держала нас... какое-то упоение светом, как будто мы были в объятьях воды, света и воздуха.

Остров Пятачок и Канал краеведения. Люди местные не только сами не хотели прорыть себе канальца, но даже, если бы взяться – запретили бы. А когда мы прорыли – все теперь ездят тут.

Можжевельник растет кустом и много всего переносит: стужи, ветры, иногда его так засыпает снегом, что ничего и не остается: люди сверху ходят на лыжах, звери оставляют следы. Но если не засыпало, то всех кормит своими ягодами, тетерева всю зиму живут около него, и даже сами лисички любят полакомиться его ягодами и, лакомясь, попасть на <*1 нрзб.*> тетеревов и после можжевельника <*1 нрзб.*> съесть курицу. А сколько птиц на перелете, певчих дроздов и др. укрывает он: присмотрись ранней весной, везде глаза блестят. Можжевельник <*1 нрзб.*> своей жизнью похож на крестьянина и тоже, как крестьянин, он все переносит, и самый большой праздник у крестьянина в годовой созвать родню – так и можжевельник около Петрова дня окружает себя гостями и погружается в букеты ромашки ...медуниц...

Крючок от вставленного зуба оторвался во время еды и попал в кишки, зацепился, и человек от этого умер...

Выдающийся человек силен победой над смертью: вот это и ценится, что он выходит из себя, из плена смерти, у него есть нечто над собой и другие в этом видят как бы возможность своего бессмертия.

Опять, значит, вторые сутки озеро пролежало в полном спокойствии. Последний день весны (весенний солнцеворот) я проводил хорошо и вечером, когда взошел полный огромный месяц, видел, как вечерняя заря, не угасая сама, передала на севере ключи заре утренней. Луна своим светом не влияла на озеро, и на всем чистом небе можно было разыскать 5 – 6 бледных звездочек.

Проходящие люди

Человек с железной волей. Тигр

Р<емизов> сказал мне: «Наша интеллигенция вообще кислая, я знаю одного только человека с железной волей». Я не стал расспрашивать, кто это, потому что по тону Р. можно было догадаться о какой-то тайне, окружающей личность «человека с железной волей».

Однажды Г. сказал: «Мы такую рукопись получили, такую...» – «Какую же?» – «А вот почитаете, пойдет в следующей книжке». – «Кто автор?» – «Пока секрет, но это вы скоро узнаете: этот человек с железной волей, и его нельзя не узнать».

Книга «Русской Мысли» вышла, автор рассказа описывал свои политические убийства и осуждал их с религиозной точки зрения. Я, конечно, догадался, кто был автор и вспомнил о словах Р., что это единственный «человек с железной волей».

Я сказал Р-у:

– Книга написана не своим языком, довольно противно под Гамсуна в «Пане»: какой-то прикладной к революции Блок или Печорин, Брюсов.

Р. ответил:

– Он это сознает. Я ему посоветовал следующий роман писать под Льва Толстого.

Р. большой забавник и любитель подстраивать шутки, я сказал:

– Вы осрамите «человека с железной волей».

– Нет, – ответил он серьезно, – тут не в литературе дело, в литературе главное как сказать, а ему это все равно: ему надо что-то сказать, и он это будет говорить по-Толстовски.

<*На полях*> Верить или не верить? Мне было жалко такого революционера в литературе.

– А какой он из себя? – спросил я.

– Он похож на тигра, хотя совершенно лысый.

– Лысый!

– Ничего не значит. Он бархатный и как будто подкрадывается, как тигр.

Я стал искать встречи с «тигром». Прошло несколько лет, за это время вышел его роман совершенно под Толстого, до отвращения подобно, невозможно читать: какая то проходящая, сезонная религиозно-революционная литература. Я не мог себе представить, из каких побуждений человек, единственный с железной волей, мог заниматься такими пустяками. Но, главное, что меня возмущало: этот убийца в романах своих раскаивается в своих убийствах. Я никого в жизни своей не убивал, не приходилось, но мне кажется, если бы пришлось, то я не мог бы из этого делать роман и притом чужим языком. Я перестал искать встречи с «тигром».

Потом началась революция. Я сидел в предпарламенте корреспондентом в ожидании речи Терещенко, на которую возлагались надежды. В перерыве я пошел в буфет и по пути встретил Леонида Андреева и в разговоре с ним узнал, что «тигр» здесь.

– Сейчас только прошел в буфет, – сказал Леонид Андреев.

Я простился с Андреевым и побежал в буфет. Там было множество людей и виднее всех был Авксентьев, председатель парламента. Кто-то подошел к нему, потрепал по плечу и сказал добродушно:

– Ну, как мягко царское кресло?

– Ничего, – ответил Авксентьев тоже добродушно, <*1 нрзб.*> устало.

Один журналист из эсеров, глядя на эту идиллию, сказал мне:

– Вот, вот, надо именно в этом видеть завоевание революции: смотрите, какая простота в обращении.

Он говорил совершенно серьезно. Я спросил, не видал ли он «тигра».

– Сию минуту перед вами он со мной разговаривал, он вышел в ту дверь, мы его сейчас догоним.

Мы побежали. В следующей комнате встретился Семен Маслов. Спросили его.

– А вон он, – обернулся Семен Маслов.

– Где, какой он? – спросил я.

– Вон в сером пиджаке.

Пока я искал глазами серый пиджак в толпе, Семен Маслов сказал:

– Перешел в зал!

Мы в залу. Там сказали:

– Вышел на лестницу.

Мы по лестнице.

– Бежим, – сказал журналист, – вон одевается.

Мы побежали, но столкнулись лицом к лицу с одним землевладельцем из Полтавы, ужасно противным и глупым:

– Куда, куда, – взревел он, удерживая меня, – ну что там, что Терещенко?

Пока я от него отделался, «тигр» оделся и выскользнул.

Вскоре после того опять началась стрельба по той улице, по которой я ходил в гости к Р-у, но я не посмотрел на стрельбу и с некоторым даже приятным риском пробрался.

– А кто у нас был сейчас! – сказал Р.

Я сразу догадался по тону: был ускользающий от меня «тигр».

С большим интересом спросил я:

– Ну, расскажите, что он говорил?

Р. и жена его рассказали подробно. Сидели за чаем. После большого молчания С. П., жена Р. спросила:

– Ну, кто же спасет Россию?

И тот человек ответил:

– Я!

После того я ушел в раздумьи: «Как он будет спасать, если отрекся от убийства наверно, что он такое выдумал?»

Потом началось повторение прежнего, убийства, проклинания, новая книга, похожая на первую, с разочарованием в убийствах и ненужности их...

После этой книги я совсем перестал интересоваться судьбой этого человека, и когда он выдумал что-то совсем как будто новое, о нем много писали, я не читал. Я долго не читал газет. Однажды в глушь ко мне добрался приятель и не сразу, а через день, два спросил меня, что я думаю о причинах самоубийства...

И он назвал это имя.

– Так он покончил с собой! – вскрикнул я.

– Неужели вы и этого не знаете? – спросил меня приятель.

И подробно рассказал мне о самоубийстве того, кто считал себя призванным спасти Россию.

Прохожие бывают разные (и нас захватывают), от иных остается нам то, другое: хорошему часто рад, худому – <*2 нрзб*>. А есть просто проходящие люди, идут и не завертывают, пройдут и кончено.

М<ережковски>й, предполагая, что я имею большие связи с революционерами, сказал <*не дописано*>

У М. сидел один из вождей меньшевиков и холодно спорил о значении религиозного движения в революции, повторяя слово «логически». После его ухода М. сказал:

– Как будто логически, а как-то не задевает и ничего не остается, эти люди, о которых говорится: ни холоден, ни горяч. Нет, с этим надо покончить, нам надо сходиться с эсерами, это к нам ближе.

После того М. спросил, не имею ли я связи с эсерами. Я знал, что М. совершенно не знает быта революционеров и один из эсеров, укрывавшийся в моей квартире, как большой курьез рассказывал, будто М. у кого-то из эсеровских вождей спросил: «Где можно записаться в вашу партию?» Этот, укрывавшийся у меня чуть ли даже не со своими бомбами максималист и был в то время моим единственным знакомым, в котором я уважал революционера настоящего, типа, описанного Толстым в «Воскресении». Но я не мог себе представить встречи его с М. Потому я сказал:

– У меня есть одна крупная связь, но я не представляю себе, как такой человек будет сидеть за этим столом, есть ветчину и виноград и вести стройно разговор, по-моему, он тут беды наделает.

Тогда М. сказал:

– У вас какое-то тяготение к рядовым в революции, но ведь среди них есть и настоящие джентльмены, вот например...

И он мне назвал то литературное имя эмигранта. Я, конечно, знал это имя, но не больше, имя навязло мне в ушах: что-то очень крупное, но что именно я не знал и книг его не читал.

После я слышал, что М. обращался, кажется, к нему с запросом: где можно записаться в вашу партию?

Я не совсем понимал рел.-фил. убеждений М., очень уважал его как одного из самых образованных людей в России: я питаю, вообще, слабость к людям, по-настоящему образованным, это крайне редкое явление в России. И «джентльмена» я понял в том же смысле, как понимал самого М. Но, конечно, я знал, что М. чужой нам человек, как бы иностранец, путешествующий в России. Совсем другое получалось из человека, если он с настоящими русскими революционными корнями, из коренных эсеров и притом джентльмен. С этого времени я взял джентльмена из эсеров себе на заметку как нечто утяжеляющее приятный груз всяких возможностей в будущем и радостных встреч.

Долго я не мог его увидеть, потому что он жил заграницей. Но я расспрашивал рядовых, и всюду имя его повторялось в великом уважении: это был, конечно, один из немногих вождей.

Когда началась революция, то вдруг все стало можно видеть своими глазами. Вдруг появился он и сразу на высоком посту. И сразу же им был выпущен листок о себе, расклеенный на всех перекрестках. Листок этот слишком известен, над

ним смеялась вся страна, и нельзя было не смеяться, потому что это обращение к мужикам совершенно было развенчивающее, как если бы я сказал:

– Я ваш крестьянский джентльмен, объявляю по всем вашим городам и весям.

И потом в этом роде все быстро пошло под гору. Первый раз я встретил его в одном из дворцов, обращенных в его дворец со всеми его редакциями. Меня привезли в его комнату. Беспорядок в комнате был невозможный, я зацепился ногой за пустой раскрытый чемодан. Люди входили и уходили. За длинным столом сидел с двумя дамами с полуседыми волосами не замечательного вида интеллигент и ел руками колбасу. Дамы тоже ели колбасу. Меня представили. И это, оказалось, был он сам, крестьянский «джентльмен». Разговор у нас был незначительный, больше смеялись.

Потом я слышал несколько его речей, они произносились с лукавостью дьяка XVII века и этим заманивали во что-то вникнуть глубокое, но политические подробности, бесчисленные, витиеватые, как завитки стиля XVII века, бесконечно утомляли. Из длинной речи в течение двух с чем-то часов у меня осталась только его очень плутоватая мордочка дьяка. А когда я прослушал вторую такую же речь, то стал догадываться, что плутоватость не органический принцип его как дьяка, а это вроде той высшей манеры, которой пользовались высшие литераторы того времени и называли это «стилем». И это был только «стиль» XVII века. Человек был в стиле.

Потом я видел, как падал этот человек, утрачивая свой стиль в невозможных длиннотах и повторениях. Наступил момент действия, а он все болтал и болтал.

Он пал. Всякий стиль провалился. Началось то, что один поэт назвал «музыкой» революции. Один знакомый поймал меня на улице и сказал:

– А хотите его посмотреть.

Он некогда носил имя «джентльмен».

В ту минуту мне было все равно что ни смотреть: даже воз сена, забытый на Невском, был не просто воз, а какой-то совершенно особенный. Я пошел.

Мой знакомый был очень близок к тому человеку, и когда я осуждал его и смеялся над ним, он молчал. Мне кажется он был доволен, что я смеялся, но сам не смеялся. Он как-то особенно постучал. Нам открыл дверь кавказец, черный, в шоколадного цвета черкеске и с кинжалом *<1 нрзб>* и в высоченной папахе. Открыв дверь, черкес стал к вешалке и пропустил нас. Мы вошли в комнату, сели. Знакомый сказал:

– А вы не узнали черкеса?

В это время вошел сам черкес, и я не узнал бы, но по намеку знакомого, конечно, догадался: это был сам «джентльмен» революции.

– Ни за что бы не узнал на улице, – сказал я, подавая ему руку.

Он был интересен и смугл. Молчал, улыбаясь, как делают ряженые: «полюбуйся!».

Я растерялся и, не зная, что сказать, сболтнул:

– Но позвольте, волосы были у вас...

Я удержался сказать «седые» и выговорил: «пепельные». Он был очень доволен и рассказал мне о составе краски.

– И не пачкает ночью наволочку? – спросил я.

– Очень мало, – ответил он.

Потом мы поговорили о папахе, о черкеске. Ему все это доставляло удовольствие, он этим жил сейчас: переодевался и укрывался.

И это мне показалось в нем самое главное и самое его настоящее. Он переодевался и проходил по революции сначала «джентльменом», потом «министром», потом «черкесом».

26 Июня. Был у меня Алекс. Иван. Анисимов «завед. искусством» из тех, которые отмахиваются иконой от социализма, а самую икону из предмета культа превращают в музейную вещь. Открытый кадет посейчас. Я знал его в Новгороде учителем в учит. семинарии, он и тогда был эстетом, и о нем ходили нехорошие слухи, что он «отравляет» своих избранников-мальчиков.

Этот последний день весны я оставался на берегу до незаметно наступившего нового утра. Вечер закончился сухой трелью древесной жабы. Потом всю «ночь» щипал летучую мышь дергач и <*1 нрзб.*> козодой. Ночи не было: незаметно для всех нас вечерняя заря передала ключи утренней, запела иволга, и вскоре заревели коровы.

Слышал от А., что Семашко живет вовсю, как все, и даже валоводится с актрисами: вот и конец революционного гнева и подвига! Все достигнуто, живи, пожинай и блаженствуй. Скоро, наверно, эти фигуры ожиревших большевиков вытравят из жизни все хорошее, даже воспоминания о святых революционерах (интеллигентах), а с другой стороны, поднимут старые головы ненавистники социализма.

Сказал каменщик: «Я ничего не имею против комсомола, да поступать-то расчета нету: из комсомола пошлют в профсоюз, а оттуда к директору, и тот как захочет. А впрочем, раз нам уехать не с чем было, так профсоюз дал нам 3 р. на дорогу, вот не знаю, возьмут ли назад, как вы думаете?»

27 Июня. Продолжающееся безветрие было нарушено попыткой грозы, но дождь не пошел, и ветер опять стих. Жарко.

Рома, поднимаясь по лестнице из подвала, зацепил полкирпича ногой, и тот покатился вниз, считая ступеньки, и ударился в дверь. Рома удивился и стоял на верхней ступеньке, спустив уши на глаза. Долго смотрел, а спуститься и проверить не смел: а вдруг кирпич опять оживет и начнет его бить. Но оставить нельзя так лежать этот подозрительный, вдруг оживающий предмет. Думал он, думал, вертел головой так и так, уши ему очень мешали смотреть вниз. И так он решил, что спуститься и проверить невозможно: вот именно потому и страшно было, что кирпич не подавал никаких признаков жизни – ведь чем мертвее лежит, тем, значит, страшнее будет, когда оживет. Тогда Рома начал будить кирпич лаем: брехнет и прыгнет назад, брехнет и прыгнет. На лай прибежала мать, посмотрела вниз в направлении лая Ромы, медленно со ступеньки на ступеньку стала спускаться. Рома перестал лаять и смотрел вниз на мать. Кэтт осторожно спустилась, понюхала и, посмотрев вверх на щенка, сказала ему: «мне кажется, тут все благополучно». После того Рома успокоился и, подождав наверху мать, прыгнул на нее и стал трепать за ухо.

Кто не замечал, проходя крестьянскими полями, разных крючков и вензелей: если нет каких-нибудь природных особенностей, каждый крестьянин сохой или плугом непременно делает заметку против своей полосы и по ней потом ее узнает. Иногда встречается вместо обычной отметки крестом или полукругом попытка выпахать самое похабное и очень короткое слово, букву «х» с продолжением всего только двух букв. Я встречал это слово на крестьянских полосах в Смоленской губернии, в Орловской, в Тверской, Владимирской и Московской. На вопрос мой крестьянам старики отвечали, что это молодые ребята расписываются, грамотные, и что так уж всегда, как только мальчишка научится грамоте, так спешит вырезать на полосе, на дереве, где только возможно и притом на самых видных местах это похабное слово, букву «х» с продолжением.

– Но почему же, – спрашиваю я, – пишут именно это слово, а не какое-нибудь хорошее?

– А чему хорошему учат-то? – отвечают крестьяне.

Не учат же в школе непременно это писать: это слово в книгах писать даже и запрещается.

– В книгах-то запрещается, а на воле кто ему запретит.

И вот это верно: на воле! Грамотный человек, несомненно, сразу же получает против темного некоторую силу, некоторое преимущество и даже власть, это первая ступень сознания своей собственной воли, власти, преимущества. Но почему же так часто бывает в народе, что на этой первой ступени сознания своей воли грамотный человек пишет самое похабное слово?

Я видел однажды, проезжая по Ярославскому шоссе, какой-то парень сидел у дороги на корточках и деревяшкой вколачивал в землю камешки из кучки, заготовленной для починки шоссе. Когда я через несколько дней возвращался по тому же самому месту, то увидел, что тот парень, вколачивая в землю камешек за камешком, имел терпение выписать аршинное слово, эту букву «х» с продолжением.

Мне кажется, парень этот, усердно поработав, хотел достигнуть чего-то всем заметного, удивить, поразить, <*1 нрзб.*> и вообще написанным словом проявить себя, выказать свою силу.

И он этого достиг: все проезжие дивились работе.

Мне рассказывали, что даже в Москве на Кузнецком мосту в магазине с большими зеркальными стеклами, на окне второго этажа, значит, несомненно, с подходом по лестнице, алмазом вырезанное долго красовалось это похабное слово.

Замечательно, что на высоте, на втором этаже, потому что писанное слово есть как бы второй этаж неписанного, а это часто повторяемое слово – родоначальник того короткого слова, конечно же, слова мать со всеми его вариантами.

В этом основном слове есть, несомненно, какая-то сила, недаром же вырождающаяся бюрократия и аристократия в тишине души, а иногда и явно льнула к этому слову, выражению народного зла. Говорят, граф Витте очень любил в своем министерстве ругаться матерным словом. Один очень угодливый высшему свету молодой ученый <*1 нрзб.*> Императорское Географическое общество, мне известно, писал диссертацию о матерном слове, собирая его по всей стране: это было очень пикантно. Да и сам Распутин пользовался, несомненно, на подкрепление падающей производительной силы «высшего света».

И в то время как избранные верхи липнут к этому слову, как мухи на мед, и смакуют его, здоровые, самые крепкие низы сознают это слово как выражение зла. Один беспризорник, юноша, вдруг обернувшийся к делу личного спасения путем образования, теперь уже школьный работник, раскрыл мне, что самое трудное на пути его было отвыкнуть от матерных слов и что на борьбу с этим он истратил два года.

Рассказ: книга хорошего обращения.

28 Июня. Приехал на Ботик: художник Борис Александ. и <*1 нрзб.*> Александр Степанович.

29 Июня. Пролил теплый дождь с грозой.

Завтра Ефрос. Павл. едет в Сергиев укрепляться в доме, а Лева в Москву.

Теплынь комариная.

30 Июня.

Право собственности.

Ярик нашел кость и глодал ее в траве среди цветущих ромашек. Подбежал к нему Ромка поиграть, но Ярик, предупреждая о кости, зарычал. С другой стороны зашел Ромка – Ярик рычит. Я показал Ярику любимый им белый хлеб и поманил. Он бросил кость и прибежал, и с ним Рома. Оба съели по кусочку. Ярик остался дожидаться другого кусочка, а Рома тихонечко, тихонечко, дальше, дальше подобрался к кости и улегся грызть ее. Вероятно, воспоминание о вкусном кусочке белого хлеба не давало ему возможности отдаться совершенно грызению кости, и потому он, захватив ее в зубы, прибежал с ней на терраску к нам и, положив кость возле себя, стал просить хлеба. Ярик, увидев свою собственную кость, сделал было слабую попытку ей овладеть, но Рома слегка зарычал, и Ярик признал право собственности за Ромой.

Молодым зубам, однако, долго не изгрызть такую кость. Рома через некоторое время устал. А Ярик тут же стоял над душой. Рома сделал вид, что грызет, а сам больше смотрит искоса на Ярика в ожидании, когда он удалится. Вот показалась молочница, и Ярик, брехнув, побежал встречать ее. А Рома с костью скорее бежать в противоположную сторону, в кусты; скоро там он отыскал рыхлое место, углубил его, перебирая передними лапами, уложил кость, закопал и, выбежав из куста, пустился к молочнице.

– Видишь, Лева, – сказал я, – у них право собственности основано на захвате: уважается не право сильного, а право захвата, кто схватил – тот и владеет, но не вечно, а пока пользуется, малейший перерыв в пользовании открывает другому возможность утвердить свою собственность.

– Не совсем справедливо, – ответил Лева, – иногда бывает совершенно необходимо перервать пользование хотя бы небольшим промежутком.

– Это можно, – говорю я, – но тут у них правило: – не «проворонь!», и умный пес, желая перервать пользование, удаляется с костью подальше и зарывает ее в землю...

Вчера вечером смотрел на озеро после грозы и думал о ничтожности человеческого дела перед лицом стихии, того дела, которое громко называется могуществом человека: этой иллюзией лабораторий и кабинетов.

Не пора ли мне начинать школу витализма (виталисты).

Всякий новый предмет, внесенный в комнату, производит какое-то впечатление, замечается, а потом исчезает из поля зрения.

Что же такой исчезнувший из поля зрения предмет продолжает как-нибудь действовать на хозяина, или же он вполне исчезает.

Я думаю, не вполне: после того, как предмет исчез из поля зрения, начинается испытание его на службе: он служит хозяину, – первая встреча: предмет показывается, а потом начинается брак, дело, жизнь: потом из брака медленно начинают расти дети, движение.

1 Июля. Вчера уехали Лева с Ефр. Павл. в Сергиев.

Река Игобла течет пустынными болотами и в разных местах показывается по-разному: то едва заметным, шевелящим тростники ручейком, то вдруг откроется плесом, широким, как озеро, то объявится речкой нормальной с каменистым, хрящеватым дном. В этом месте, где Игобла похожа на речку, у самого берега живет болотная деревенька, тут часто жители рыбу ловят и непременно в валенках: а то хрящеватое дно реки режет ногу. Не от этого ли у рыбаков с Игоблы всегда ноги красные, и их в городе летом прямо по ногам узнают: как увидят красные ноги, значит, с Игоблы.

В Игоблу впадает веточка Релки, и по ней в двух верстах от Игоблы устроился в царское время Релинский стекольный завод. Дрова дешевые, сколько хочешь: на сто и больше верст кругом лес, и кроме того вблизи Релки отличные неистощимые прииски самородного песку. Словом, это место для стекольного завода настолько удобное, что стоять бы тут заводу вплоть до конца неистощимого самородного песку, а лес, сколько ни топись завод – никогда не победнеет.

– Мы сами виноваты, – говорят немногие, застрявшие здесь у разрушенного завода рабочие, – как только началась революция, при Керенском, стали сокращать время до шести, до пяти часов, и можно сказать вовсе перестали работать. А директор из поляков, ловкий такой человек, ездит в Москву и возит нам деньги. Так шло хорошо, и вдруг директор застрелился. Завод бросили и денег представлять нам перестали. Нам бы тут взяться за дело, а мы тащить все помаленьку и расходиться. На месте остались только сорок вдов на пенсии да около них десятка полтора стеклодуев. Эти вдовы занялись самогонкой, потому что вблизи находится Павловский метиловый завод, и дорога оттуда идет через Релинский завод: мужики наработаются и непременно заезжают к вдовам выпивать. Наверно, все-таки вдовам не сладко живется, потому что об этом времени стекольного производства, одного из самых ужасных по гибельной силе воздействия на человеческий организм, сохранились воспоминания, как о золотом веке. Непрерывно из года в год до последнего 1926 года здесь ожидали барина, который появится и восстановит завод. Однажды было, вдруг появился такой барин, осмотрел

все, обегал, захлебывался от радости и, уезжая, обещался дать телеграмму, если он достанет денег на восстановление завода. Ждали, ждали и не дождались. Бывший механик, летописец местного края, записал в своей памятной книжке под датой 2-го Апреля 1926 года: «Сегодня с великим шумом рухнула труба».

Стеклодуй

Я шел по дороге, время от времени поднимал к глазам бинокль. Молодой человек, очень тощий, босой, с кожаной сумкой с инструментами за плечами и сапогами быстро обогнал меня и, не обертываясь, спросил:

– Телескоп?

– Вроде этого, – ответил я.

Он прошел еще пять шагов, и все не оборачиваясь:

– Что наблюдаете?

– Все, что покажется.

– Значит, философия?

– Ну, что-ж...

– Очень хорошо.

Вопросы кончились. Незнакомец был далеко, я пожалел, что не отвечал приветливей и теперь, на счастье, прокричал:

– А что хорошего в философии?

Он обернулся, остановился и, подождав меня, ответил:

– Хорошо наблюдать природу.

Мы пошли рядом. Путь его был из Мухановского стекольного завода на бывший Релинский. Разговаривали о рискованном для здоровья труде стеклодуев, о хорошей среди них рабочей организации и комсомоле. «Стеклодуи молодцы, – сказал он, – а остальные – мещанство». Так быстро сблизились и вдруг, когда сблизились, разговор пошел по нутру.

– Вот я первый враг царизма, а если бы коснулось, чтобы вернуть бы время прежнего Релинского завода, согласился бы и на царя: первое удобство – жилище хорошее, семья возле, на Игобле рыба, птица, зверь. Слов нет, трудное дело стеклодуя, ну, и... чего уж скрывать, заработок хороший. Вот я наработал одежи – на 10 лет, обуви – на пять. Теперь вернусь на Релика, поставлю трубу и буду жить, буду жить хорошо, потому одежа, обувь есть, на хлеб заработаю, рыба и птица у меня под рукой.

– Значит, вы рыболов?

– Видите, ноги красные, значит, рыбак, на Игобле у нас у всех ноги красные.

– И охотник?

– Да, и охотник.

Я остановился и стал прощаться. Он стал меня звать на охоту.

– Теперь нельзя еще, запрещенное время.

– У нас некому запрещать: приходите.

Мы расстались. Он быстро пошел и потом на расстоянии, когда голос едва долетает до слуха, закричал:

– А гончая есть?

– Есть!

– Приводите завтра зайцев гонять.

– Зайцев гонять можно только через три месяца.

– К черту, у нас хорошо, у нас: а-нар-хизм!

Хрусталь лить – не кашу варить.

Беда моя – я не привычен к болезням тела, и когда чуть что случится, всякая радость жизни и вера в себя пропадает, в этом состоянии только бы перебыть, только бы укрыться от чужого глаза.

Вечером после очень жаркого дня стало прохладно. После полуночи сверкала гроза, и началось серое прохладное ветреное утро.

2 Июля. В России очень много бродяг, но мало путешественников.

Бродяга человек... Жаркий день. Свежие зори.

Статья о жилищах рабочих. (Каменщик-стеклодуй).

3 Июля. Тихо. Свежая заря. Безоблачно. День будет жаркий.

В нашей стране было много бродяг, но очень мало путешественников. Бродяга – пассивный человек, он движется благодаря своей способности отдаться охватывающему его настроению, – в этом его сила движения: идти за солнцем, за весной, а может быть, просто даже за каким-нибудь заработком: под предлогом заработка отправиться в поход, куда-нибудь на сторону, в люди. Так как бродяг у нас половина всего населения, а в иных областях и побольше; оседлых же людей, т. е. убежденных в лучшем для себя месте, в одной единственной точке приложения своего труда, гораздо меньше.

При всей такой подвижности населения в нем чрезвычайно редко встречается любовь к путешествиям, в которых человек не пассивно отдается влекущему его побуждению странствовать, а ставит сознательно цели своим передвижениям.

Наука автоматически требует путешествий и потому, конечно, среди ученых у нас есть путешественники, но выдающихся путешественников, едущих не автоматически, очень мало сравнительно с другими странами. Путешествие не уче-

ного человека, а рядового, как метод разумного отдыха, потребность в любознательности с осмотрами, с записями, с изучением нового края, словом, активное передвижение себя с целью духовного обогащения крайне редко. Кажется, будто народ, достигнув физических границ своего продвижения, успокоился и остановился. Но вероятнее всего это происходит от «бедности»: ведь путешествуют сначала богатые, а потом начинают появляться и просто туристы... «не до жиру». Вообще очень серо в этой Евразии: серо, если посмотреть глазами востока – это не восток, а татарстан, и серо тоже, если взглянуть европейцу: это не англичане, а немцы и притом без немецкой чистоты и трудоспособности, а только в схемах. Евразия – это мировая провинция. Оригинальность страны была главным образом в царизме, а теперь, конечно, в коммунизме. Создание интернационала есть национальная гордость России.

Афоризм

Бодрые чувства к настоящему находятся теперь у молодежи, которая не может относиться как-нибудь к прошлому: его не было; но это бодрое чувство сопровождается часто наглостью, невежеством, торопливостью; приходится дожидаться, когда подлинный труд рассосет все эти отвратительные аксессуары движения вперед без оглядки на прошлое. И это уже происходит: молодежь уже страдает сознанием своего невежества. (Папа, скажи, что такое «афоризм»?)

Скульптор Влад. Ник. Домогацкий (Серебряный, 4) говорил мне, что камень для статуи стоит почти столько же, сколько сама статуя, а если к этому прибавить налог за помещение, то статуи делать невозможно. Если же скульптору нельзя заниматься своим жизненным делом, то где найти ему радость о революции и промышленном строительстве?

Александр Иванович Анисимов, знаток искусства, заведующий музейным отделом, предан всей душой реставрации икон, которая, с одной стороны, отнимает у народа предмет культа, превращая ее в музейную ценность, с другой, – самая музейная ценность икон в широких кругах «революционного народа» недоступна пониманию, то непонятно ли, что Александр Иванович застыл в своих убеждениях кадета совершенно и навсегда, что всякое сочувствие новым движениям в молодежи, обретение значительной доли свободы рабочим в суждениях и проч. Александр Иванович рассматривает как посягательство варваров на культурные ценности.

Я сказал:

– Мы, А. И., всегда были с вами демократами и хотя бы с этой-то стороны надо же признать заслуги революции.

– Извините, – ответил А. И., – я не так понимаю демократию, что мужик может прийти в исполком и, узнав в председателе своего мужика, имеет возможность ругать его матерным словом.

Есть люди, которые всегда молчат на собраниях, потому что не умеют вовремя взять слово и говорить соответственно с темой и другими речами, но когда, наконец, является возможность, вследствие расстройства собрания, говорить всякому без счета, они вдруг начинают со страшной злобой что-то кричать – вот интересно бы разобрать, откуда у них берется злоба?

Я помню, Артем наливал в это время злобой, как бык, красные глаза и орал.

Но и не на собраниях и не у простых людей часто бывает, что в момент возражения вспыхивает злоба, и, кажется, человек берет голос, чтобы выместить кому-то в воздух свою личную обиду. Так, с сестрой Лидией нельзя было спорить. Другие просто не переносят возражения: вероятно, они возражение принимают как личное нападение, в обиду себе, оттого начинают злиться и краснеть.

Сегодня после прохладной и ясной зари весь день воздух прозрачный, как в сентябре, за озером видны каждый по отдельности красные стволы сосны.

Третий день живем под хоз. управлением Дуни и хорошо. Я попробую так пожить подольше где-нибудь, с писанием и, вероятней всего, когда у меня будет свой дом, я буду часто из него удаляться.

Самоубийство Есенина и Соболя – случайные, многие лица носят в своем легкомыслии возможность при крайнем случае ухода, и у множества это проходит отдаленным спутником жизни до ее естественного конца. Но бывает, семя это прорастет, заполнит много места и вдруг... Завещаний в таких случаях не пишут.

Я это пишу на основании своего опыта, что через всю жизнь, не знаю с каких пор, этот «выход» в какой-то побочной мечте соблазняет меня, а в последнее время я застаю себя на нем все чаще и чаще. Мне этот «выход» теперь представляется в каком-то торжественном удалении себя, будто бы я объявляю себя в газете ушедшим от литературы, как бы мертвым. Меня радует, что мотивировка ухода какая-то обидчивая, значит, все безопасно: мне кажется, я сошлюсь на унизительное положение пожилого человека нищенствовать, продавая записи своих мечтаний.

Прежний русский интеллигент имел ненависть к царизму (и вместе с тем, так выходило, к государственности), в этом каким-то образом была и его честь, и достоинство, и вообще нечто святое: желанный мир открывается ему при устранении одного препятствия, – царизма (как оказалось потом и государственности).

И вот, когда царизм был устранен, то «желанный мир» предстал в виде сосуда со всякой нечистью, который целиком передавался от одной власти к другой, и некто, принявший этот сосуд от царя, в сознании интеллигента предстал как нечто худшее, чем царь: большевик. Желанный мир исчез. Это был 1-й этап падения русской интеллигенции. Дальше правительство большевиков оказалось вовсе не таким плохим, как рисовалось интеллигенту, отстаивая идеи интернационала, оно оказалось и довольно умным в защите «нации», потом внимательным к запросам жизни, и все яснее и яснее выступала в политике старинная любимая русской интеллигенцией идея прогресса. Поразительно было наблюдать, как, несмотря на все искажения, гримасы жизни, под этой идеей прогресса (трактор!) все-таки она продолжала господствовать и появляться в новой и новой форме. Теперь, казалось бы, старому интеллигенту развязаны руки: работай в какой угодно области, правительство идет навстречу. Но ведь сущность интеллигенции была в непризнании государства, в анархизме, а теперь получилось, что все его лучшее бралось выполнить государство с его обязательным спутником – тем «сосудом». И тут совершилось второе падение: интеллигент стал наемником того самого государства, которое он ненавидел, и государство стало хищническим образом эксплуатировать те его способности, которые он готовил для желанного мира.

Под этим аспектом становятся понятными все виды оставшейся интеллигенции: 1) Огромная масса людей, потерявших себя, забывших себя в мышьей беготне, стушевавшихся. 2) Порядочное количество раздвоенных людей, смотрящих на существующую власть как на необходимое зло и стремящихся по возможности делать свое культурное дело. 3) Некоторое число абсолютно честных, кристаллически застывших в своих старых понятиях, но существующих благодаря своим высоким дарованиям в данной специальности.

Конечно, тут может быть множество разновидностей, сложных, коварных, трехэтажных людей (так я себе представляю Брюсова, Покровского и друг.), но я говорю о массах, о интеллигенции, о ее целом.

4 Июля. Прозрачно. Прохладно. На ночь дождь. Ездили за сапогами – сапоги не готовы.

5 Июля. Сильный ветер. С утра дождь, после обеда солнце.

За ивой, через ее светло-зеленые ветки виднелось что-то темное и округлое, казалось, что медведь там сидел, а было это – куст можжевельника.

6 Июля. Владимирская. Ярмарка.

Ясно. Очень холодно. Сильный ветер. Вернулись из Сергиева Павловна с Левой, усталый Лева, развинченный, Павловна, как Павловна: я сам себя потерял из-за покупки этого домика и тут уж, если и, правда, плохо, надо бы сказать хорошо, и ведь хорошо, а она все-таки говорит: «Ну, какой это дом!»

Конечно, это была не семья, а прицепка к жизни: «надо или совсем от себя отказываться и жить как человек не от мира сего, или иметь семью, а если это недоступно, то семью сделать простейшую, чтобы и с такой семьей получилось вроде как бы не от мира сего». (Алпатов). Иначе получилась бы жизнь или ненавистно мещанская, или же холостяцкая с вечным брюзжанием, потому что холостяк обречен встречаться только со скелетами: слушая неизбежный треск телег по камням, холостяк благодарит судьбу, что она не посадила его в трескучую телегу.

Была резня в стране, а в церкви пели: «Слава в вышних Богу и на земле мир, в человеках благоволение»...

На земле мира быть не может: миром на земле называется отдых совершенно измученных от войны, собирание сил для новой войны...

Дела мои.

Надо решить, какой путь выгодней для освобождения от долгов:

1) Сидеть в своем Сергиеве, писать по своим материалам коренные вещи и, пользуясь близостью Москвы, хорошо продавать.

2) Перейти на газетные исследования.

Вот это надо решить.

Условия Рабочей газете:

2 месяца командировки = 1200 руб.

16 фельетонов = 3.000 стр. = 800 руб.

Владимирская ярмарка в Переславле – густая толпа подвыпивших деревенских парней и расфранченных девиц, умерших куклами еще во время своего одевания, все они были уродливы, и единственно хорошим и живым у них были толстые сиськи. Я уже хотел, было, навсегда отвести от них глаза, как вдруг показалась одна в цыганской шали с длинными опущенными ресницами: природа сама научила ее не топорщиться, не выставляться наружу со всеми своими прелестями, а все скрывать под длинною шалью и заманивать к

себе взгляды длинными ресницами. Все девушки-куклы беспрерывно и нагло поднимали к губам семечки, эта стеснялась делать непрерывные движения заводной куклы рукой к губам. Это шла Она, та самая, свет которой всегда был впереди Курымушки, неповторяемая, самородная...

И тут неожиданно мысли о социализме и капитализме, обществе и личности.

Система капитализма – это одна из форм выражения творческой личности.

Социализм – творчество масс.

Возвращаясь к ярмарке:

Эта девушка под цыганской шалью – личность.

Остальные в обезьяньем виде – масса (теплые волнующиеся груди).

1) Царица – проститутка – красота.

2) Рождающая женщина – религия.

Социализм – религия жизни: рождения, труда, общества, государства – вот чем должен быть соц-м.

Вопрос на разрешение: 1) Ехать на Урал. 2) Остаться на Ботике, а семью отправить в Сергиев.

7 Июля. Стоят прохладные дни, как в Сентябре. Начинают косить траву. Витютни вылетают большими стаями. Я склоняюсь в сторону второго решения, т. е. писать роман и устраиваться в Сергиеве, а ехать на Урал с 1-м пароходом.

10 Июля. Продолжаются холодные, как Сентябрьские, дни.

Релинский завод, разрушенный рабочими, один из множества памятников немногих лет, когда власть была непосредственно у рабочих. И теперь, когда там и тут начинают рабочие бунтовать, то сочувствующие рабочим, конечно, не этой власти добиваются (то есть не самих рабочих), а: ...чего? вот и подумай, чего они хотят. Словом, я прихожу к работе «на легальном положении». Ужас пережитой анархии всех жмет к власти, как на улице к спасительной площадке. Но старому интеллигенту до того в плоть и кровь въелся бунт против власти, что он и теперь пользуется всяким случаем метнуть туда свою стрелу. Реальное положение такое: вне партии невозможна никакая политическая работа, только культурная «на легальном положении», а работа в партии может дать именно то удовлетворение, которое раньше давала работа в подполье: там борьба и там все.

11 Июля. Продолжаются холода. Приехали вчера наши географы. Ничего не могу делать.

Талант похож на аванс, который нужно отработать, и чем больше талант, тем, значит, больше надо к нему труда. Вот

почему бездарные и ловкие люди обыкновенно больше зарабатывают, чем талантливые, по тому же самому часто слышишь сказку о «загубленных талантах»: такие таланты опускаются, потому что не могут работать. Талант называется даром, потому что даровитому и сильному человеку сама работа доставляет наслаждение.

Можно думать, что жизнь сама по себе что-то вроде дремлющего дара, присущего всему живому, и что задача каждого найти свой талант и соответствующую ему работу. И, конечно, все эти революции.., изменяя условия зависимости масс, создают только условия для прорастания талантов (сами же революционеры в своем арифметическом среднем озлобленные неудачники).

Мы с Петей ездили в Тресту смотреть диких уток. Некоторые выводки так летают, что не отличишь молодых от старых, другие начинают, третьи хлопунцы и, наконец, есть совершенно маленькие, как будто только что пришли сюда из болот.

Прошлый год я видел белых бабочек, летящих по ветру через озеро с того берега за семь верст к нам сюда, на южный берег. Я удивлялся их таинственному, для меня рискованному путешествию, мне казалось, что ученые-наблюдатели знают, что заставляет этих бабочек с таким неверным полетом, таких легких, что дуновение ветра в один миг может бросить их в воду, пускаться в такое путешествие: ароматы цветов, доносящиеся им на север с нашего южного берега, или поиски пары, и, значит, этот рискованный полет через озеро – их брачный полет, их романтика или, может быть, это их побег от какой-нибудь враждебной им силы?

Я спросил об этом одного усердного собирателя насекомых, и он все мои предположения отверг, сказав, что это просто ветер подхватывает бабочек, что это часто бывает, и от этого их много гибнет в воде. Но сегодня я видел не белых капустниц, а красных крапивниц, летящих через все озеро и не по ветру, а почти против, и сил у них было так много в борьбе с ветром, что ни одна из них, пролетая над лодкой, не села отдохнуть, летели и в других направлениях, не считаясь с ветром, и их было так много над водой посередине озера в девять верст длиной, что никогда бы их не увидели столько над цветущими лугами. И снова встал вопрос во всей силе о причинах, вызывающих бабочек на такое рискованное путешествие.

Направо от нас была стена камышей, налево тростники, мы бесшумно продвигали свою лодку по узкой свободной полоске, разделяющей эти два вида водяных растений, и вдруг впереди нас из тростников на свободной воде откуда-

то взялись два самых маленьких чирёнка-свистунка еще в черном пуху. Увидав нас, они без памяти от страха бросились плыть-бежать по воде с шумящим плеском, но, сильно упираясь в дно веслами, мы дали быстрый ход лодке и стали их настигать. Заметив наше приближение, они вдруг исчезли под воду. Мы остановились, ожидая их появления, но не дождались, верно, они выпорхнули где-нибудь в стороне и затаились, высунув носики между тростниками. А мать их все летала вокруг нас и как-то очень слабо, почти стоя в воздухе, вроде того, как бывает, когда утки, решаясь спуститься на воду, в самый последний момент перед соприкосновением с водой как бы стоят в воздухе на лапках.

После этого случая с малышами на плесе показался утенок совсем большой, почти в матку, но летать он, верно, еще не пробовал, потому что от нас он бросился вперед хлопунком, мы тоже пустились за ним и стали быстро настигать. Его положение было много хуже, чем тех маленьких, потому что место было очень мелкое и ему, большому, нырнуть было невозможно. Несколько раз в последнем отчаянии он пробовал клюнуть носом в воду, но невозможно было нырнуть, он этим только время терял, а наша лодка все настигала, настигала, и, казалось, вот сейчас мы его станем обгонять, и я уже спустил свою страшную руку с подвижными пальцами, чтобы схватить хлопунка, как вдруг он, собрав последние силы, выдумал себе подняться на воздух по примеру больших и поднялся, и полетел хорошо по прямой линии, как стрела, он удачно перелетел весь плес и летел бы далеко, но на пути его была стена камышей, он не рассчитал силы нажима хвостового пера, чтобы взлететь над тростником, зацепился за верхушку камышей, чебурыхнулся вниз. Мы больше его мучить не стали.

Мы шли по зеленой дорожке, на которой босые ноги прохожих деревенских людей примяли траву, но не прибили до земли, как это обыкновенно бывает, где много ходит людей и тропинки становятся серыми, покрытыми мягкой бархатной пылью. Глядя вниз, чтобы не наколоть о что-нибудь свою босую ногу, Петя заметил узкую серую тропинку, пересекающую нашу зеленую. На этой серой тропинке мы увидели множество муравьев, влекущих, по-нашему, конечно, очень маленькие древесные соринки, а, по-ихнему, огромные бревна, превосходящие иногда во много раз тело самого муравья. Мы вскоре нашли на одном конце серой муравьиной большой дороги их огромное государство, расположенное у ствола березы, а на другом – старое, поверженное, гниющее дерево, возле которого кипела работа по заготовке древесного материала для великой республики под березой. Так несколько раз на пути нашем по зеленой дорожке мы встречали пе-

ресекающие ее старые муравьиные тропы, и нам было занятно представлять их число и работу, видя, что люди, проходя здесь, ежедневно попирая траву своими ножищами, не могли все-таки прибить траву, и их тропа оставалась зеленая, а муравьи разработали себе относительно их роста огромнейшую рабочую дорогу.

12 Июля. Петров день. Сегодня (с вечера вчера) значительно потеплело, и можно думать, что полоса холодных зорь прошла. Кричат неустанно молодые галчата. На болоте коростелиная мать, защищая своих черных птенцов, бегала возле нас, кричала особенным голосом и как-то хрипела...

Паровое поле над оврагом все было покрыто ромашками, и под их цветами тесными, венчик к венчику, земля была истощенная и на ней больше ничего не росло, так что иногда между ромашками просвечивала рыжая глина, вроде того как иногда на голове с редкими волосами просвечивает плешь. Но прямо же от опушки болотного оврага, заросшего кустарниками ореха, дуба, и осин, и редкими деревьями, начиналась густая трава, из которой поднимались бледно-голубые колокольчики, у пней на склоне краснела земляника.

Тут на муравейнике нашли свежую копку тетеревей, и на ней упавшие перышки, скоро завозилась в кусту тетерка, и вдруг, поднявшись вверх, фонтаном, рассыпались молодые тетеревята. Пока мы возились с ними, стало очень жарко, захотелось пить. Мы спустились вниз в высокую траву, внутри которой держалась еще ночная роса. Тут у ручья в кустах, заросших бурьяном выше роста человека, стояли розовые елочки молочая и колокольчики, не те бледные, как наверху, а темно-лиловые, и каждый колокольчик величиной почти в рюмку. Мы выдернули себе по одному кустику, спустились вниз к холодному ручью и пили воду, черпая ее огромным колокольчиком, как рюмками. Таких больших колокольчиков я еще никогда не встречал.

Были гости весь день. Сегодня праздновала деревня Петров день (рабочие вчера, потому что сегодня работают), деревня была много благороднее, и праздник вышел на славу. Днем было жарко, вечером, как все эти дни, холодно.

М. собирается писать с меня Дон-Кихота. Всякий порядочный человек под старость, оглянувшись на свою жизнь, некоторым образом должен ощущать в себе подобие Дон-Кихота, но я, слышавший эти слова от своей Дульцинеи, имевший всю жизнь возле себя такого Санчо, как Павловна, я действительно почти Дон-Кихот.

Ехать на Урал и, значит, завтра с Левой в Москву или же оставаться здесь и писать на месте роман и проч.

За это время можно написать звено «Кащеевой цепи» в 4 листа = 1000 руб. + 500 р. очерков + приготовить охотничью книгу = 500 руб. и, выплатив аванс «Новому Миру» 1000 руб., взять еще 1000 руб.

Если же в газету писать, значит поехать на Урал, то Август – Сентябрь – собирание материала, Октябрь – Ноябрь – писание, Декабрь, Январь – Февраль, Март – роман, и потом опять Урал.

В газете мне дадут прожить = 1200 руб. на два месяца, из них 200 на одежду, 500 дома и 500 себе на дорогу: (дорога = 200 руб. и по 150 руб. в месяц.)

Вернувшись, пишу очерки: 50 руб. – 20 штук.

Здесь решить невозможно и необходимо выехать в Москву для переговоров: 1) с «Рабочей газетой», 2) с «Новым миром», 3) с Гизом, 4) с «Красной Новью».

Подумать о других органах, напр., о «Кооперат. Жизни».

С.Т. Григорьеву, высокому боярину Берендеева царства с глубоким уважением и преданностью.

Михаил Пришвин.

<*Без даты*> Мои разные думы обыкновенно скопляются перед засыпанием, и напор их иногда бывает велик, что вдруг как бы что-то порвется в голове, и мысли рассыплются множеством чередой проплывающих световых картин с невозможно безобразными пугающими рожами. Тогда я знаю, что надо спешить каким-нибудь способом убить в себе мысль и заснуть. Я придумал себе на такие разы заниматься арифметикой, и любимейший мой лес, где получаю столько всевозможных впечатлений, превращаю в предмет исчисления. Беру я какой-нибудь хорошо знакомый участок, измеряю деревья, считаю, помножаю и во время вычисления древесной массы засыпаю.

На этот лад в свои так называемые чисто деловые дни посредством счета и меры, мне кажется, я убиваю в себе напирающую изнутри потребность к чему-то безмерному и для жизни обыкновенной очень опасному. Но рано или поздно после длинного ряда деловых дней начинает забираться в душу тоска, и опять перед засыпанием хочется отведать сладкого яду – побыть наедине с самим собой. И на эти случаи у меня есть искусственный способ возбуждения мысли и явления картин. Чтобы не заснуть скоро, я опять воображаю себе тот самый лес, который для засыпания я вычислял, и начинаю через этот огромный русский хаотический лес путешествие пешком на свою родину к тому небольшому хутору, куда постоянно возвращался раньше в жизни, совершая по свету большие круги.

Тот огромный лес, через который я подхожу к родному месту, только на карте сплошной зеленый, на самом деле,

когда идешь по дороге или тропе, через каждые два-три, много четыре часа пути деревья в нем редеют, показываются следы каких-то давних работ; вдруг обрывается вековая стена леса, и на фоне этой синей стены виднеется пониже, позеленей, помоложе, и так ярусами лес постепенно сходит на нет к полям. Последние остатки леса перед полями крестьян видишь на заброшенных полосах, разделенных бороздами, в которых прежде всего начинает аллейками пробиваться еловый или березовый лес. Но этот ярусом нисходящий к полям со всех сторон лес уже явно показывает нам свое торжество над человеком. Случится в такой лесной чаще на середине ее встретить два-три дома и единственный остаток бывшей когда-то здесь большой деревни или имения.

Тут на отдыхе в беседе со старыми людьми узнаешь, глядя на лесные ярусы, что привело к зарастанию, – голодные, военные, пожарные, годы неудачных реформ – все решительно, как в книге, кто умеет слушать человека и смотреть на лес с пониманием, написано на этих синеющих, голубеющих и зеленеющих ярусах.

Так, переходя огромный лес, через каждые два-три, много четыре часа непременно встречаешь такую книгу по истории борьбы человека с лесом, иногда победную, а иногда угасающую.

В том краю, куда меня приводит родная тропа, было все: и победы и поражения, и события последних лет, когда человек на казенный и помещичий лес набросился как на своего векового врага, исковеркал много, изрубил, помял, набросал и вновь как будто отступил, предоставляя место обычной ежедневной борьбе красноречиво <*1 нрзб.*> всюду.

Я вхожу сюда много пережившим на стороне гостем с широко раскрытыми от удивления глазами и вижу тут, как везде в лесах, ту же самую вековую борьбу: лес-бес!

Но они тут на месте ничего не знают о себе самих, им кажется, будто они так провели время в ежедневной борьбе за свое личное существование, отбивая друг у друга тот или другой кусочек возделанной земли.

Тот синеющий ярус вдали на земле прежних необъятных владений нашего графа означает эпоху великих реформ, когда помещики стали сокращать запашку: лес отозвался по-своему на попытку дать крестьянам свободу, он ступенями подходил к полям, из года в год он отбирал у людей за лозунг свободы сотни десятин, через это сильней возгоралась борьба между людьми за землю возделанную.

С высоты одного холма во всякую погоду видно над лесами в одном месте, как будто кто-то огонь развел, и дым свился над этим местом: «Леший баню топит», – говорят местные крестьяне. А это просто испарения огромного болота, отяжелев, легли над лесами. Тут на южном склоне холма, с

которого виднеется крепкое облако над лесным болотом, и находится тот хутор, где я долго был и много провел дней с одним моим другом, который и сейчас еще жив и работает над каким-то своим необыкновенно простым планом осушения огромных болот.

Неразрывной цепью долгих личных отношений моя судьба сплелась с этой семьей, и я могу так свободно рассказывать о ней, последовательно по кругам <*1 нрзб.*> леса, как будто сам о себе. Во всем этом большом лесном уезде... <*не дописано*>

Много пришлось мне побродить в полях и лесах, и разных людей перевидать, крупных помещиков и маленьких, хуторян, крестьян всевозможных. Но как вспомнишь, по-родственному как-то было...

Много разных людей перебывало на терраске у Марьи Ивановны Алпатовой и все в один голос говорили одно и то же: «Очаровательный вид!» Но, по правде говоря, вид залесья с вечно курящимися, как Везувий, болотами был вовсе не очаровательный, а очень суровый даже. И гости Марьи Ивановны, всегда хорошо откушав за столом, говорили это просто не думая, быть может, слизывая с губ последние остатки компота.

На синеющих, дымчато-голубеющих уступах лесов суровая была написана история русской борьбы с лесом. Вон тот большой уступ лесной стены – какая страшная ирония! тут были в крепостное время культурные поля, и зарастание лесом началось именно в тот самый год, когда объявили крестьянам свободу, в этот год предшественник Марьи Ивановны сократил запашку и на пахотном месте пошел расти лес, немного не догнав теперь первобытную стену. И так уступами, ярусами была написана вся история вплоть до последних лет перед великой войной, когда здоровье Марьи Ивановны сильно сдалось, и, не в силах больше хозяйствовать, она оставила себе всего только двадцать десятин. Лес быстро обсеял пахотные поля. Так все двигалось к смерти, а гости все говорили:

– Очаровательный вид!

В ответ Марья Ивановна всегда повторяла рассказ о каком-то французе аббате, посетившем случайно ее усадьбу. Вечером, когда солнце, такое большое красное, опускалось над лесами, проходили облака болотных испарений, и рыжие стволы сосен на холме стали огненными, аббат вдруг захлопал в ладоши, аббат был в восторге, он аплодировал солнцу.

– Очаровательный вид! – повторяли гости, слушая знакомый рассказ о французском аббате.

Марья Ивановна на весь уезд и даже в губернии славилась гостеприимством, но не так это, обыкновенное, как необы-

чайная жадность выслушивать чужую жизнь мало-помалу всех привлекла на сторону мелкой помещицы, и притом еще купчихи. Никто, бывало, не пройдет мимо белых каменных столбиков от дьячихи соседнего прихода до кавалерственной дамы Софьи Павловны Данкевич, возглавляющей лесное владение в четырнадцать тысяч десятин.

Пожар в торфяном лесу.

Птицы и звери (дятел), которым война и революция у людей не чувствительны.

Сход запретил играть на гармонье: как заиграют, так плач.

18 Июля. Сергиев.

Кончил Московские-Уральские дни.

Погода от жары повернулась: утром дождь и холодно.

Сижу в Сергиеве в своем доме один с обрезанными крыльями... фи-нансы!

Был у Потрашкина: знает толк в хорошем вине и в сладких сметанных пирогах с вишнями и земляникой.

Вечером включил антенну, и вдруг заговорил человек о пользе самообразования; обязанности консультанта, – во-первых, во-вторых, в-третьих, отношения члена кружка к другим необразованным; во-первых, во-вторых...

Я выключил антенну, и это вышло, будто я лишил голоса на полуслове: оратора как будто сзади стопудовым молотом по голове – и даже не было ох! – не виснул, не хрипнул, такого унижения нельзя себе представить нигде, и что это преступление проходит безнаказанно – это влечет к повторению, хочется еще раз дать ему голос и вдруг лишить: в моей власти. Я включаю антенну и вслед за движением моего пальца: «А еще я вам вот что скажу!» Чик – и он ничего не сказал.

Я прошелся по комнате, выглянул из окошка, на улице никого не было, и я сам, каким я был всегда, пугливым к обиде себя кем-нибудь и через это робким в делах, в которых непременно уже надо человека обидеть, – я такой сам, увидел себя в образе русского храброго зайца.

– Так вот же нет! – говорю я, – возьму и лишу голоса: я властелин!

Включаю антенну – молчание! Меня так и дернуло. Осматриваю аппарат, вижу: проволока выпала из винтика и вместе с этим выпала земля, в которую должны вернуться магнитные волны, принятые из эфира. Я включаю землю, и мгновенно в комнату врывается голос:

– Товарищи, это инфекция!

Говорит ветеринар о заразных болезнях животных. И вот тут новое: уже достигнут предел, я насыщен удовольствием лишать голоса, мне это вдруг перестало доставлять удовольствие и даже, напротив, я не хочу, пусть говорят. Я не слушаю и брожу по комнатам, из двери в дверь, кругом, на десяти саженях жилой площади.

– Алло, алло!

Объявляется новая лекция. Я выключаю антенну и собираюсь идти в сад комсомольца.

Не знаю так ли, но после революции я лишился того чувства смертоносной скуки в провинции в праздничный день, и толпа, такая же мещанская, как и раньше, меня уже не кружит... Вспоминается Есенин: он недалеко ушел... Мне кажется, мы все отходим от родины, от природы по кругу, путь наш далек, но по кругу, Есенин чувствует себя далеким, потому что недалеко ушел, а когда совсем далеко ушел, то начинаешь приближаться по кругу к исходному месту, и тогда ничего, потому что знаешь наверно, невозможно дойти и конец выйдет сам собой на...

В комсомольский сад я иду не «за комсомолом» (задрав штаны бежать за комсомолом), а выпить там бутылку пива и расспросить о (вольтных) громкоговорителях. Не знаю, что меня толкнуло уже в пальто и шляпе подойти к окошку и тронуть пальцем выключатель антенный...

– Алло, алло! через десять минут даю зал, идет опера «Кармен».

– Ба-тюш-ки! – воскликнул я и, как подкошенный, уронив шляпу, опустился на стул.

Рассказать невозможно: это все! Я ли убил свою Кармен, или она – это мое дело, но только оперу эту я слышал раз двадцать и потом двадцать лет не слыхал. С каждым звуком этой оперы у меня связана моя собственная жизнь и вся, и даже Карл Маркс моей юности тоже действующее лицо в «Кармен». Все тут, и через десять минут все пройдет: и мое сумасшедшее увлечение Вагнером и Ницше, все встанет, погребенное чугунными плитами мировой войны и революции...

– Алло, алло! до начала остается пять минут, я расскажу вам содержание первого действия.

Очень хорошо, что невозможно разобрать слов, заглушаемых настройкой оркестра. Волнует уже сама настройка: звук.

Звук флейты вырывается из-под струнного шума и умолкает. В тишине отделяются ясные чистые слова:

– Алло, алло! Даю зал!

И молчание. Проходит минута, другая. Нет ни шипения, ни кипения в трубе – все мертво. Проходит пять, десять ми-

нут. Я хватаюсь к антенне: включена земля? Включена. Кручу детектор до отказа, лампы разгораются, а звука нет. Верчу катушку настройки – ничего. Все мои знания исчерпаны, я ничего больше не могу тронуть. Верно, что-нибудь там случилось... Хожу кругом из двери в дверь, запертый в клетку, бессильный. Одурь. Поднимаю шляпу. Запираю дверь, выхожу и вдруг вспоминаю, что я оставил гореть катодные лампы. Возвращаюсь, хочу закрутить детектор, но рука тянется к <*1 нрзб.*> вот что еще можно попробовать. Кручу, раздается вой, потом хрип, потом какие-то слабые звуки, верчу другую – сильнее, яснее, верчу еще – и вдруг на всю комнату вырываются родные звуки, и является Кармен в том месте, когда Хозе связывает ей руки...

В этот вечер я был потребителем. Радиолюбитель вернулся в два ночи. Я не спал и рассказал ему о «Кармен». Очень обрадовался: «Покупаете?» – «Только из-за Кармен». И аппарат перешел от мученика-строителя к счастливому потребителю.

<*Запись на полях*> Учить можно грамоте, но таланту научить невозможно: так учил Ремизов, Брюсов, потом, по их примеру, Замятин: формально – никто из этих умных людей не думал передавать свой талант, как об этом думают все, и я в дураках: я именно желаю научить людей не грамоте просто, а еще чему-то, и вот это что-то, мне казалось, совершенно необходимое для жизни, называется талантом, и поэтому научить невозможно.

Я не могу помириться: неужели же люди обязательно бездарны, и если нельзя перенять у другого талант, то почему же, глядя на других, нельзя развить свой талантик, хоть какой-нибудь, какую-нибудь силенку найти в себе, отвечающую <*1 нрзб.*> жизни.

19 Июля. Покончено с купчей. Дом куплен по-охотничьи, дом в три окошка на улицу, с двумя березами на восток.

По радио слушал Луначарского доклад о семье в прошлом, настоящем и будущем и о необходимости в настоящее время длительного парного брака, основанного на любви: все должны сходиться не из расчета, а из любви, – сплошное луначарство, успех огромный, особенно после слов: «Комсомолец называет это телячьими нежностями, тем хуже ему! если даже теленок может быть нежным, а комсомолу это недоступно».

Работы: 1) Детские рассказы для «Красн. Нови», 2) «От земли и городов» (грачи, стеклодуй, каменщик, портной, радио), 3) Мой Фрам (в «Новый Мир»). После того писать роман.

Имеется:	700 руб.	
ГИЗ:	300 руб.	1700 руб.
Новь	200	5 месяцев.
	1200	

Возможности:

+ Новь – 200
+ Нива – 70
+ Огонек – 80
Нов. Мир 150 руб.

500 р.

Итого: 1700 руб.
1) Ромка 3
2) Колбаса 3
3) Одуванчик 1
4) Синички 1
5) Муравьи
6) Пчелы.

21 Июля. Вчера водворился на Ботике. У нас Люба. По пути с Берендеева рассказывал Кардовский о мучительстве лошадей ямщиками (Николай, Петров, Поросятников): лошадь пала, он отвязал ее, бросил и поехал дальше; через некоторое время лошадь пришла в себя, встала и поплелась куда-то; ее узнали в ближайшей деревне и отвели к хозяину, и тот стал опять на ней ездить, пока она наконец не умерла совершенно.

Ямщики сидят под кустом и выпивают, а мы тихо едем по дороге. Мы говорим:

– Что, если бы мы сели, а вы бы нас дожидались?...

– Пожалуйте! В наше время свободно, советская власть допускает и так и так.

Искали бочонок для кваса на базаре, не оказалось, но посоветовали нам тут обратиться в отдел социального обеспечения: там продаются бочонки и другие вещи, реквизированные у самогонщиков.

Грачи

Психология масс

Завхоз разошелся с женой – какое кому дело? рабочие на это не обратили никакого внимания, и если были разговоры, то скорее сочувственные. «Это, – говорили, – революция хорошо сделала, сколько людей из-за этого спивалось и пропадало, теперь же просто: не любо жить с теткой и расходись». Не только рабочие, но и крестьяне, часто жужжащие

против революции, в этом случае обыкновенно помалкивают: хорошо и хорошо. И что у завхоза была куча детей, и всех их забрала с собой жена, тоже и на это рабочие не обратили внимания: за детей завхоз будет платить алименты. Не было никаких особенных разговоров на фабрике, и когда на место старой жены с кучей детей явилась молодая любовница: завхоз человек не старый, кровь играет. «Я сам по себе скажу, – объяснил один молодой рабочий, – другой раз я соглашусь лучше три дня без хлеба сидеть, а без этого никак невозможно!»

И так жили на фабрике тихо и мирно, прощая завхозу все его грехи вольные и невольные, но вот однажды завхоз поставил на своем дворе пожарную машину, взял кишку и залил водой двести грачиных гнезд – вот тогда вдруг началось среди рабочих волнение.

– Прежде тут барин жил, – говорили рабочие, – и барской жизни грачи не мешали, и сам завхоз жил с женой, и маленьким детям его грачи тоже спать не мешали, а вот завел любовницу, то грачи стали помехой, барин какой: грачи спать мешают с любовницей!

А на фабрике этой рабочих и служащих восемь тысяч человек, и у всех восьми тысяч завхоз теперь был на языке. Рабкор написал корреспонденцию, явилась комиссия, разобрали все дело, и оказалась большая растрата у заведующего хозяйственной частью этой большой текстильной фабрики.

«А все грачи, – говорили потом рабочие массы о сидящем в тюрьме завхозе, – жену выгнал с маленькими детьми, никто слова не сказал, и что с любовницей жил – все ничего, и что воровал, разве это не было известно, платить алименты за семерых детей, жить с молодой любовницей в наше время невозможно, конечно, знали и молчали, а вот когда человек залил двести грачиных гнезд, тут все и пошло. Значит, грачи». (До того зазнался, что потревожил грачей, – вдруг все и провалилось.)

– Волки костров не боятся, потому что костер без ног, это волки хорошо знают, что костер без ног, не побежит...

– В Бога верю, а креста надеть не могу.

Одно время думали осушить это болото – вот было горе охотникам! – явились землемеры, стали искать, нивеллировать и не могли найти, куда спустить воду. Теперь от всей затеи остались тут одни только визирки землемеров, по которым охотники, часто блуждая, спасаются и приходят домой.

Речка Протомойка, и такая тут чертоломина, непроходимый олешник, обвитый хмелем.

Приболотица.

Самоварный мастер Сергей Житников из Карабанова был 5 лет в герм. плену, полюбил хозяина, вернулся домой – жена умерла, дети девочки, вырастил, выдал последнюю и возвращается в Германию.

23 Июля. Серое утро, чуть накрапывает дождик, деревья стоят вдумчивые.

26 Июля. В «Любовь Алпатова» надо заключить идею «Любви Ярика», т. е., что люди высшей породы ради своего «идейного» дела пропускают жизненное, то, чем живет весь мир, и так непременно обращаются в Дон Кихотов, – это раз, второе – психология Дульцинеи: надо анализировать психологию зарождения Дульцинеи, абстракции любви, надо создать Дон Кихота нашего времени.

27 Июля. Вчера погода с великой суши, продолжавшейся очень долго, резко переменилась на дождь – ветер. Прохладно. За это вёдро скосили почти совершенно луга. Рожь готова.

Мои сны часто бывают поэтически-символической переработкой пережитого, и я почти всегда догадываюсь, откуда что взялось. А иногда бывает в полусне видится действительность, почти воспоминание пережитого, и так закладывается, как бы грубое, каменное основание самому дальнейшему сну, второму легкому художественному этажу, в котором дается поэтически социально-моральное истолкование грубой жизни нижнего этажа.

Так сегодня ночью я был у себя в Хрущеве, пришел я в родной дом к мужикам за хлебом. Те самые комнаты, где когда-то жил Кудрявый Курымушка, были засыпаны подсолнухами, в спальне матери висела дуга и хомут, и бывшая горничная Дуняша, теперь владычица, ругалась скверными словами, но снисходительно предложила мне тарелку квасного теста, и я ел его украденной ею серебряной ложкой с вензелем моей матери. Муж ее Архип ждал малейшего повышения моего голоса, чтобы выгнать меня, и мне было очень больно, и люди эти были очень враждебны. Но потом, как бы спасаясь из своего последнего унижения, я раздумывал: люди как люди, не в них дело, а разве мы, занимая, напр., в Ивониках дом, хозяин которого был расстрелян, жили в нем, раздумывая о правах своих на жилище покойного хозяина, и кто не был унижен в то время, кто был в своей наглости виноват лично. Напр., эта тупая учительница Довголь, старая дева, почтительно сидевшая за столом моей матери, сидела теперь в суфлерской будке под полом, засыпанном подсолнухами, и диктовала актерам пьесу так же добросовестно, как почтительно в прежнее время сидела у Марьи Ивановны за столом. Так обидно, что

книги моей библиотеки она приспособила к школьной библиотеке и не хотела мне их возвратить. Но ведь не она в этом виновата: время такое.

Надо непременно всем простить, чтобы этим выбраться из своего унизительного положения. Так было в первом этаже моего сна, а потом мне представилось, будто на маленькой лошадке еду я верхом по краю оврага, а по другой стороне мчится, храпит, оскалив зубы, огромный вороной бешеный жеребец и вдруг бросается вниз в овраг и на эту сторону, чтобы разорвать меня в клочки. С риском разбиться вдребезги я пускаю своего конька вниз, в обрыв, взбираюсь на тот берег и еду дальше, и дальше совсем уже почти отвесный головокружительный обрыв, разделяющий нас со страшным вороным жеребцом с оскаленными зубами. Однако тому и такой обрыв нипочем, он низвергается и лезет на нашу сторону, и я в ужасе, чувствуя, как он сзади меня наседает, дышит – палит, бросаюсь с коньком в пропасть и, пока выбираюсь наверх, слышу за спиной, и тот выбирается и хрипит. Но теперь уже нет у меня больше сил удирать: пусть будет, что будет, пускай уж лучше он меня рвет, только не надо оглядываться. И я еду и еду, и ничего не случается. Наконец, думаю, что жеребец меня бросил, я осторожно оглядываюсь – и вдруг оказывается, что бешеный жеребец не страшный, а простой лошадкой трусит обыкновенно сзади меня и что, значит, не рвать он меня хотел, а просто быть в обществе моей лошадки.

Вот мне, семейному, значит, более натуральному, хочется просто иметь дом, собственный, точку опоры. А холостяк более утончен – дом его заключается в точном распределении дня, в удовлетворении своих привычек, обеспечивающих ему душевное равновесие.

Я, однако, только допускаю себе дом, а в душе, в затаенности как бы выжидаю момент, чтобы взорвать эти наседающие на меня привычки, « образ быта» и вдруг, обманув кого-то, вырваться на свободу в бездомье общего всем дома природы. С точки зрения «государства» я ненадежный человек, и эта какая-то коренная неоформленность, способность перемещения из формы в форму, как во сне, есть главное мое свойство и вместе с тем свойство вообще русского «коренного» человека. Отчасти и профессия сложилась по этому свойству: жизнь будет сплошной фантастикой, если представить себе, что она двадцать пять лет имела основанием случайные гонорары, обеспечивающие в лучшем случае несколько месяцев жизни.

Жизнь – борьба, но борьба бывает разная и разделяется такой же определенной чертой, как у горизонта земля и небо.

Огромное большинство людей бьются из-за места на земле, другие за время, как бы им куда не опоздать, словом, все они спешат занять место. Борьба за время и место наполняет весь мир, одинаково у растения, зверя и человека: такова вся жизнь. Но есть люди, которые участвуют в этой борьбе без вкуса, отдавая ей время по необходимости «естественных потребностей». У них борьба идет за мечту, или за идею, выражающую будущее, их жизнь земную определяет жизнь «на том свете», как у религиозных людей. Этих особенных людей, способных во всякое время эту жизнь отдать за ту, у нас определяли словом «интеллигенция». Но эти люди не признавали Бога, как люди просто религиозные, и свою мечту и идею о «той жизни» стремились перенести сюда, в эту жизнь борьбы за время и место удовлетворения своих естеств. потребностей. Они хотели переделать естественную борьбу всех людей между собой на общую борьбу всех вместе людей с природой (со злом природы). Этому же самому учила и церковь, и разница одна: там Бог, тут сами («сами, сами, комиссары»...)

Так социализм вышел из религии, и у нас его осуществляла определенная секта, называвшаяся «интеллигенцией». Успех ее рос вместе с бессилием церкви, и победа ее была ее падением, все равно как победа христиан было их падением. Там явились жирные попы, тут комиссары, и самые лучшие из революционеров кончили идею осуществления «той жизни» на земле увлечением балериною.

В настоящее время побеждает «мужик», т. е. человек, ведущий борьбу за время и место на земле (землицы!), побеждает обыватель. Даже передовая статья «Известий» заявляет, что сознательный пролетариат, вынесший борьбу, отступил, и место его занял деревенский рабочий. Оазисом, в котором живут люди, осуществляющие борьбу всего человека со злом природы, остались наука и искусство.

Хромой заяц

Повесть о таинственном зайце, у которого один след был лошадиный, потому что нога была перебита и при заживании образовалась огромная мозоль. Дать картину леса и всей охоты. Опыт усиления эффекта через затяжку разрешения загадки (о таинств. зайце).

Герои: Кумашенский и Д. И. Иванов.

Зацепин (тетеревей набил сумку, ружье не дотреливало, сумка улетела).

Союз Охотников. Музей. Школа (пионеры).

Первый след появился на капустнике возле дома Кардовского. Начало: гон зайца по городу.

30 Июля. Завтра выезжаем в Хмельники на лодке всем домом на охоту на неопредел. время. Петя ведет коварные интриги с девицами, изображает из себя что-то вроде Печорина, очень боюсь, что не чисто у него. Так жаль!

Люба ни дурна, ни красива, ничем решительно не интересуется и служит в аптеке, – и хоть бы еврейка была, а то чисто русская!

Мы боимся, как смерти, что жизнь возьмет нас в свои лапы и заставит жить по ее воле, а когда это случится, наконец, то часто и неплохо бывает. В этой жизни не по своей воле со всеми бывают судороги своеволия, а иногда и бунты, которые обыкновенно кончаются возвращением к старым привычкам. (Соболев).

Луначарский в своих статьях часто ввертывает что-нибудь и о себе лично, не подозревая всей своей пошлости, так, напр., в статье о религии говорит: «Я никогда не был человеком религиозным». Как будто он так и родился наркомпросом.

10 Августа. Вчера в 12 д. мы вернулись с охоты в Хмельниках. Только под самый конец отличное настроение всех нас было испорчено моей ошибкой: я не сумел вовремя понажать на Петю, чтобы охота в Тресте вышла по моему плану, он удрал, как Ярик, один. В то время, когда он уходил и я говорил ему жалкие слова «ну, ты мне не товарищ!» (вместо приказа остаться), Павловна умудрилась ввернуть: «иди, иди, Петюша!» Он ушел и я, оставшийся в дураках, обрушился на Павловну. Я виноват, постараюсь вперед быть осторожнее с Петей, потому что это очень тонкая шельма с ласковыми словами и отвратительным затаенным характером.

Заметки

Жали рожь. Поспел горох. Лен в шариках. Ситчик гречихи. Овсы аквамаринные. Ночи очень холодные все время, как в старом сентябре.

Два копчика ловили ласточку, состязаясь в искусстве, но ласточка обманула того и другого, оба вернулись ни с чем.

На верху высокой сосны над рекой сидел молодой коршун и рокотал, старые летали в поисках пищи.

Вероятно, по случаю холода, строгих рос, токовал тетерев, очень несмело, я даже думал, что это телега так бормочет, но собака потянула и открыла его на клочке леса, примыкающего ко ржи.

Рано утром, в пятом часу, из овса вылетали косачи на далеком от нас расстоянии.

Пестрота пейзажа разных хлебов (лен, гречиха, рожь, овес), окруженных вплотную лесными клочками: малинники с редкими высокими соснами и пнями, вырубка с высокими красными цветами (Фоминка), ольховые, березовые кусты. На угоре в песчаной пролысинке, покрытой вереском, на солнце их копка, с перышками, между кустами расцапанные муравьиные кочки и насквозь пробитые носами рыхлые, как грибы, черные пни вековечных деревьев.

Один пень был огромный, сплошной темный, так что не было уже никакой возможности различить круги пережитых им годов, он был рыхлый, как губка, в поисках насекомых тетерева проделали в нем ход от низу и наверх и так, часто пробираясь в траве, входили в свою пещеру, поднимались наверх и тут отдыхали на площадке, как мы на крыше небоскреба.

Над пнем свешивался малиновый куст. Теперь ягоды поспели. Выводок один за другим, низенькие серенькие самочки выходили на площадку одна за другой и поочередно пробовали дотянуться до нижней ягоды и не могли; пестреющие черными перьями по серому *<1 нрзб.>* высокие петушки тоже пробовали дотянуться... – и не могли; вечно беспокойная за детвору тетерка вышла после них, ей бы совсем немного быть повыше – не могла; спустя долгое время вошел в пещеру старый черныш, державшийся вблизи выводка, вытянулся и достал ягоду, но в этот момент легкий ветерок схватил его запах и понес к нам на опушку вырубки, собака моя остановилась, схватила воздух носом и повела...

Красные цветы и малинник спускались вниз по холму до Фоминки, где на болотных берегах были глухие заросли ольшанника, обвитого хмелем, густень усиливалась на берегу ручья тростником, крапивой, здесь и в жаркий полдень прохладно, сюда спускается выводок отдыхать и пить.

Замечательное поле ржи в Новоселках в огромном бору, длинное с переузками и перемычками зарослей.

Около Измайлова на Жирошкине мы бродили, переходя от мохового ягодного болотца с гонобобелем, брусникой, клюквой, черникой, с сухим дрекольем молодых умерших елей в малиннике с красными цветами, заваленными гниющими макушками – глухариные места, обрадованные вышли на березовые светлые палы, отсюда пошли искать Сосновое болото у Нерли. Нам казалось, что вот оно, потому что тропа ввела нас в густую приболотицу с ольшанником, отороченным тростниками, но после того вдруг начался темный лес, и тропа разбежалась.

Мы заблудились в огромном еловом лесу с большими провалами, тут внизу было черно, и огромные серые стволы елей, с ярко зеленой травой и яркими красными костянками, комар кишел тут, хотя в других местах уж совершенно про-

пал, в яркий солнечный день здесь был полумрак, как в тропическом лесу – жуть, такая жуть! казалось, люди тут, если бы показались, то маленькие, в коросте, пугливые, как мыши. Мы взяли направление по компасу, и, то проваливаясь в трясину, то перелезая через ярусы валежника, выбрались к свету, и когда попали опять на березовые палы – это было счастье, это была встреча с культурой, душа отдохнула. И даже глухари, постоянные жители этих страшных лесов, вышли сюда, где на опушке в кустах были те же лесные ягоды, брусничник, но было светло и прекрасно. Понятно стало, почему наши крестьяне лес не любят: лес – бес.

<*Запись на полях*> (Переславль-Залесский. Усолье. Гора – Новоселки. Фокину. Желтушное болото.

Арина Дмитриевна Назарова, сыновья – Алексей, Иван, Павел Михайловичи, дочь Паша).

Учитель Иван Иванович Фокин (Новоселки, Перес. уезда – узнать точный адрес). Он провожал нас на болото в дер. Жужево, на севере было село Половецкое. Деланая дорога. Торф такой спелый, что начался обратный процесс размыва. Такое большое болото, что люди знают только свои участки (общее свойство крестьян: незачем дальше своего носа). На болоте острова, только два: Мелиховский и Кобылья голова, – какие дальше, невозможно узнать, дальше им, как море, и туда, где нет деревень, им как древним грекам Скифия, и когда Петя пошел туда, увлекаемый белыми куропатками, и я спросил: «Что там?» Мне ответили: «Там никто не бывал». – «А куда же он выйдет?» – «К Ростову Великому».

До 1-го Августа на реках птицы были непуганые: на старых вершах сидели молодые утки, на борту затонувшего челнока кулики. На Семне-озере сплошь утка, не было момента среди них движения: кряквы перелетали выводками по 7–8 штук. В ночь под 1-е в 12 часов взвилась ракета и началась стрельба на Семне и на Нерли. Через несколько дней было пусто, и утки боялись воды, прятались в сырых вырубках и болотах от реки.

Мы охотились по оборухам. Кряквы поднимались свечой из Тресты, утенок переплывал реку поперек. Однажды в тростниках стало подниматься что-то большое, я выстрелил туда, и это, оказалось, был молодой журавль. Он был подстрелен. Я сдал его на корму Ване. Через некоторое время раздался хрип журавля и хохот Вани. Он забавлялся им как кошка с мышей. Стало неприятно, я велел ему прикончить птицу и не мучить ее. Он стал давить веслом, начался невыносимый предсмертный крик. «Скорее же!» – крикнул я. – «Пускай помучится», – ответил Ваня. – «Вот безобразник, тебя бы так!» Он стукнул веслом – и все затихло. Мы сидели на

носу в ожидании взлета уток, но их было мало. Вдруг сзади нас раздался хохот Вани. – «Что ты?» – «Жив, жив! – выдавил он слово сквозь смех, – голова разбита, а жив». – «Что же тут смешного, как ты не жалеешь». – «Нет, не жалею, чего ее жалеть: она дикая». – «Безжалостный», – сказал я ему, приканчивая птицу своими руками. Ваня обиделся. «Почему же безжалостный, – сказал он, – я жалею всякую домашнюю скотину, а это дикая». – «Но ведь она тоже чувствует?» – «А мне что до ее чувства, она мне может раз в жизни в руки попала». (Слепню в жопу соломинку – и это называется антенну поставить, или пустить на восток).

<*На полях*> (О жестокости русского народа.)

Тема учителя Фокина.

Мужик одолевает, мужик побеждает, но кто он, победитель? Если разложить мужика на 1) в хозяйств. отношении, 2) в религиозном, 3) в нравственном и т. д., то ничего нет, а в целом какой-то сфинкс-победитель.

– Раньше правили бандиты, потом жулики, а он все живет.

– Раньше было так, что человек за 5, за 3 руб. работает весь месяц, раньше не жалели труда, не понимали. Теперь хорошо, что перестали зря работать и не победняли от этого: как-то изворачиваются.

Дмитрий Павлович Коршунов заметил, что у него поворована вика и мучился тем, что как тяжело было этому человеку воровать. У него бывают такие тяжелые дни раздумья, когда, кажется, меркнет свет солнца, а родители боятся, не мешается ли он в уме от книг.

Д. П-у какой ценой досталась отдельная горенка, в которой он, стоя на коленках, читает книги: на коленках, потому что иначе увидят и осудят хозяина за чтение.

Поп сказал родителям Д-а, что книги его и писания «полетят под небеса», и это запало родителям, что если сжечь все, то он образумится. Но Д. П. ответил: книги не его и, значит, если сожгут, то ему продавать пиджак, а писания его все в памяти. После того Д. П. явился в тот дом, где поп пьянствовал, и вычитал ему все его преступление, на это поп ответил: «Тебя сука родила». – «А тебя пес».

Непонятные дни: «Матушка, светит солнце сегодня?» – «Что с тобой, дитятко, день красный». – «Нет, матушка, свет солнца померк».

Хмельники вытянулись в одну улицу – широкая улица со старыми раскидистыми ветлами, между которыми вздымаются журавли колодцев. Конец пролетарский все растет и растет к лесу, последние дома окружены кочками и пнями, тут

курганы (жальники), дальше Бармазово, Лисьи горы и болото с дикой дорогой...

– Но это размножение скоро кончится, потому что от этого все беднеют: отцы и дети.

– Как же это может кончиться?

– Всеми средствами.

У самого дети рождаются слабенькие и умирают, сам рвется из дома странствовать, – отрывается дальше и дальше.

Сосед Миронов дворник в Москве, у него нет детей, знает только себя, смерти боится, у него портреты на стене. И показывает портрет: это сам! велосипед имеет.

Объездчик из дьячков, хитрейший человек, у него своя советская партия, другая партия, мужицкая, во главе с учителем.

Горох на прохожего и на воровскую долю. Заболел живот от гороха, старуха пригласила к себе в печку: поставить топор на пупок.

Прошлый год коней по ночам пасли в той стороне, где тогда был пар, теперь тут рожь – пасут в другой стороне, но кони рвутся на старое место (гон), и, бывает, прорвутся, и тогда поднимается вся деревня их ловить. Наш сенной сарай как раз возле этой околицы, и каждый вечер хоть одна лошадь с топотом проносится в поле... Этот топот... <*не дописано*>

Моралы

Один местный этнограф в верховьях Волги занимался исследованием слов, и так он открыл, что некогда в этом краю жили соболи: есть деревня Соболево, есть Соболевый вражек и много других названий – и все с соболем. Точно так же открыл он <*1 нрзб.*> Бобровым назывался, что и бобры жили, и уже в большом количестве и хорошего качества, потому что кроме названий еще нашел запись, что бобровая шуба царя Алексея Михайловича была сделана из бобров. Крайне удивила исследователя одна деревня, в которой все фамилии мужиков были Мораловы, и он начал догадываться, что в этом краю некогда жили благородные олени-моралы, и, значит, климат в прежнее время здесь был значительно теплее. А между тем о первых Мораловых отлично рассказывают старики. Один какой-то маляр из Переславля-Залесского, именем Семен, бросил свое мастерство и выселился в этот край. У маляра были два сына Иван Семеныч и Андрей Семеныч, и их бы надо звать Маляровы, но удобнее выговаривать Мораловы, и так они пошли: Мораловы да Мораловы. Ловкие люди были, счастливые. Рассказывают,

кто-то из них – Иван ли Семен или Андрей – неизвестно, ехал из города, сзади накатил на него богатейший помещик Павлов, хромой человек. Лошадь у Моралова бросилась в сторону, телега опрокинулась.

– Хромой черт! – крикнул Моралов на помещика.

Павлов велел остановить коней, вышел из коляски и подает Моралову бумажку в десять рублей. Что же Моралов? берет бумажку с низким поклоном, показывает своей лошади и говорит:

– Эх ты, хромой черт, испугался десятирублевой бумажки!

Словом, если бы этнограф порасспросил хорошенько, то узнал бы, что все Мораловы испокон веков были хитрейшие люди и ничем не походили на благородных оленей, и кличка их вовсе была не от моралов, а просто потому что «морал» выговаривается гораздо легче, чем «маляр» (верно).

Алименты.

Мать дочери посоветовала, а дочь ответила:

– Матушка, нет! я грех приняла и стыд перенесу.

12 Августа.. Секрет происхождения греч. трагедий заключался в полной согласованности их творцов с жизнью народа. В нашем русском народе сейчас таятся материалы для создания величайших мировых трагедий и очередь не за народом, а за пробудителем сил.

В каждом почти приходе на одного служителя культа приходится один представитель народной совести.

Есть авиаторы и пассажиры, изобретатели радио и слушатели, авторы и читатели, революционеры и просто граждане-потребители рев. действий и судьи, да, судьи, потому что каждый потребитель в то же время есть и судья производителя.

Мораловы – этнограф ошибся. Однажды фабрикант Павлов ехал в автомобиле на охоту к нам в Хмельники. Иван Семеныч Моралов едет ему навстречу в телеге на своем сивом мерине. Автомобиль пыхтит, мерин прихрамывает и чуть плетется. Но когда шофер подал гудок, хромой мерин вдруг – откуда прыть взялась! – взвился на дыбы, бросился в сторону, и телега вместе с Иваном Семенычем полетела в канаву.

– Ах ты, хромой черт! – крикнул Иван Семеныч, подымаясь из-под телеги.

Фабрикант Павлов был хромой человек. Иван Семеныч крикнул это Павлову и, конечно, приправил крепким родительским словом. Павлов услыхал, остановил автомобиль и вышел из него.

Известно, какой бывает мужик, если вдруг ни за что ни про что попадет в канаву, но богатому человеку не страш-

но: Павлов вынимает десятирублевую бумажку и подает Ивану Семенычу.

Мужик низко поклонился хромому фабриканту, взял десятирублевку, показывает своему сивому мерину и говорит ему:

– Эх ты, хромой черт, испугался десятирублевой бумажки!

Как охотник я, конечно, чувствую больше жалости к убиваемым животным, чем люди, живущие далеко от природы: им очень легко и просто жалеть, потому что очень много рук пройдет мясо животного, убитого мясником, пока оно попадет жалостливому человеку на стол в виде котлет. Я чувствую жалость к самкам больше, чем к самцам, к четвероногим больше, чем к птицам, и к крупным птицам больше, чем к мелким. Словом, чем ближе животное к человеку, тем больше его и жалеешь, от представления своих мучений жалеешь животное, а так просто, без сострадания к человеку, наверно, не может быть сострадания и к животным, и для возбуждения жалости непременно должно быть в животном какое-нибудь подобие человеку. Я могу пожалеть и бабочку, и мельчайшего жучка, но при условии видимости, а знание не дает никакой жалости: я безжалостно, одним глотком или движением пальца уничтожаю миллиарды микроорганизмов. Жалость наживается с годами, потому что с годами наживается и опыт страдания, дети в большинстве случаев жалеют только родителей, а с животными совершенно безжалостны и, напротив, очень любят их мучить. Любимое занятие у мальчиков ловить слепней, втыкать в них соломинку и так пускать лететь, это у них называется «антенну поставить». Крестьяне очень жалостливые к домашним животным, но к диким относятся так же, как мы относимся, глотая невидимые инфузории. Однажды я имел случай убедиться в стихийной жестокости к животным у одного молодого парня, крайне чувствительного и тонкого... Мы охотились в начале Августа на уток... <*не дописано*>

14 Августа. Антициклон. Холодно. Давно осень. Завтра Лева едет в Сергиев выселять жильцов. Я принялся за новое звено К. Ц. Любовь Алпатова.

В огне любви: потеря идеи прогресса.
Она – как Черный араб: появляется.
Точка опоры в звене.
Тюрьма и зарождение в ней вечной невесты.
Европа – обмирщение маниака (приближение к реальности).
Ток.
Ефим – доктор.

Даже через полстолетие каждое лето первая ягода-малина, съеденная мной, имеет неслыханно прекрасный вкус и аромат той, пятьдесят лет тому назад уворованной, запрещенной малины...

19 Августа. Сегодня были с Петей на Ляховом болоте. В полдень усталые мы выглянули наконец из леса в поле и под горой увидели трубу избушки: там, вероятно, жил хуторянин, значит, близко вода, и можно чаю напиться. Вздумали в уголку леса на краю поля пить чай. Я пошел вниз к речке за водой. Петя занялся костром. В тот момент, когда я опускал чайник в воду, вспомнилось, что чашки-то мы и забыли! Казалось, дело безнадежное, но недалеко хозяин хутора копался тут же с лопатой в руке. Я решил попробовать попросить у него чашки и пошел к нему. Он еще раньше, чем я начал о чашках, попросил у меня покурить. После того вопрос о чашках скоро решился, он крикнул хозяйке, и та подала мне через окошко чашки. Мы разговорились, новоселы оказались из села, в котором родился один мой знакомый.

– Ну да, – сказал новосел, – отец его у нас был попом, пил горькую и через это помер.

– А мать? – спросил я.

– Попадья была очень красивая, детей было пять человек, всех выучила.

– Значит, были богатые?

– Нет, какие богатые! им бы не выучить детей, да, видишь ли, поговаривали... Тут рядом жил вдовый поп, гладкий и богатый, да уж и богатый! три раза воры церковь ломали: думали, поп деньги в церкви хранит. Вот матушка-то наша, говорят, и сошлась с этим попом и через это детям давала образование.

Я спросил:

– Не через это ли ваш поп и пил горькую?

Хозяин ответил:

– Вот как вы догадались: собственно через бабу свою и пропадал и помер не в своем уме.

Хозяйка высунулась наполовину из окна и спросила:

– А дети-то чьи были?

– Собственные его, нашего попа. Затем же она и сходилась, чтобы своим детям образование дать.

– Значит, умная женщина, – ответила хозяйка, – чего же ты сказал, что наш поп пропадал.

– Потому что обидно попу и жалко.

– Ваш поп был дурак, – сказала хозяйка, – чего же тут жалеть, из-за детей другая мать жизнь свою не жалеет, а это...

– Тьфу! – плюнула хозяйка, – слушать не хочется. И сердито закрыла окно.

Крестьянские рассказы:

1) Дрова. 2) Хорошее обращение. 3) Книга Онуфрия. 4) Обоз. 5) Образование. 6) Молоко от коровы. 7) Капли Датского короля. 8) Хромой черт (т. Заворошка: рассказы и очерки.).

22 Августа. В лесах коровы – везде! мы переходили не из леса в лес, а от стада к стаду, и нет, кажется, ничего более неприятного, как лес – краса природы, в котором изо дня в день скот выщипывал траву, обламывал кусты. Издали, кажется, так хорошо, такие необъятные эти синеющие по холмам леса, эти черные зубчики хвойных вершин на красной заре, пересекающиеся на горизонте голубые, синие и фиолетовые края. Думаешь: «это тут у нас выбито, а вот не пожалею ног, доберусь до синих лесов, там непочатый край!» Подходишь – и там скот, и там все выбито, и в фиолетовом краю, и в голубом – везде скот.

Оставались раньше неприступные для скота болота, единственный девственный ландшафт. Но на беду год вышел сухой, болота подсохли, в болотах совершенно так же, как и в лесу.

Исходив до сорока верст, мы с двумя тетеревами и одним бекасом при двух отличных собаках на закате солнца проходили осохшую долину начала Кубри. Мы шли против солнца, впереди нас далеко слетали белые птицы – это были грачи, блеск их черных крыльев на солнце давал нам впечатление белого цвета: ну, вот совершенно белые, как бумага. Дальше этих птиц, далеко впереди, где мы еще надеялись наверстать свой охотничий день, сверкали какие-то огни, поднимаясь от земли и потухая в воздухе. Долго мы не могли понять, что это значило, и когда уже совсем близко подошли к вырубке, где надеялись еще найти выводок тетеревей, поняли ужасное явление: это возвращалось домой огромное стадо коров, и хвосты коров, вздымаясь и опускаясь на солнце, издали нам казались огнями.

Дымился оставленный пастушатами-озорниками костер, курилась ими же подожженная муравьиная кочка. Мы не заметили этого костра, потому что их было много, внизу, где задерживался скот, оставался костер, или пылающее дерево внутри, или муравьиная кочка. Солнечный луч, проникая в березовый лес, обнажал весь ужас этого опустошенного зеленого дома: воробью на двести шагов нельзя было укрыться от глаза, и огромный красный мухомор, единственный гриб, уцелевший от копоти, соблазнял опустошенное охотничье сердце к выстрелу хотя бы в эту красную шапку.

<Запись на полях> (В каждой деревне умоляют убить лисицу: кур ест. Волки.)

Когда мы, подходя к своему дому, уже в темноте взошли на холм, страшное зрелище открылось с той стороны, где горел костер: вся вырубка горела, высоко поднимались языки огня, и во всех сторонах, где мы видели дым, теперь было зарево.

Какой страшный край эта Великороссия! ведь только странные ученые-спортсмены могут интересоваться частушками: я не знаю, что может быть глупее этой девицы-куклы, выплевывающей подсолнухи и время от времени изрыгающей частушку.

Большое моховое болото за Хмельниками, однако, оставалось нетронутым, оно было слишком велико, чтобы пустить без риска скот, такое большое болото, что целиком у крестьян не имело названия: называлось только по участкам, прилегающим к той или другой деревне. Дальше своего участка никто не знал болота, и все показывали в ту сторону, где не было деревень, и говорили: там никто не бывал. Но мы пошли туда, и, оказалось, совсем недалеко: всего восемь совершенно пустынных верст – и болото кончалось.

Лесная стража – укрывается государственной идеей охраны лесов и обделывает свои делишки при распределении делянок, так неприятно, что при спорах, будучи ярым защитником лесов, все-таки становишься на мужицкую сторону: лес или народ?

Сегодня получено от Левы письмо, что дело с выселением жильцов из купленного дома осложняется. Вследствие этого я думаю задержаться здесь и пожить совершенно одному в Хмельниках, пока там не устроятся вполне.

Финансы: 40 р. на перевозку + 200 руб. на жизнь и начало ремонта. У меня останется: 300 + 70 руб.

23 Августа. Великий переезд в Сергиев к своему дому.

<Запись на полях> (Ошибки: ложь - святая необходимость: на пользу всем.)

Почему у меня была только одна любовь? («почему» – в смысле характеристики своей натуры). Однолюбство вытекает из детства, с этим все связано.

<Запись на полях> (Служа во внимании и различии. Переход от юности – переход от рационализма к пониманию «жизни».)

Дон-Кихот – маньяк: эгоист в альтруизме. Такой был и Алпатов в Марксе, таким он перешел в любовь, и только одно

письмо, где он пишет, что будет служить своей Даме со вниманием к ней самой, в мелочах ее жизни – это письмо было моментом его здоровья, голосом крови, спасением. И значит, есть путь спасения от дон-кихотства: влюбиться надо.

Люди вышли, как все живое, из океана, и если есть на какой-нибудь планете разумные существа с очень медленным чувством времени, то жизнь людей на земле им представилась бы как взволнованная поверхность моря. При медленном чувстве времени жизнь отдельного человека им казалась бы не больше взмаха и спада волны, и так же, как вода при волнении ведь только кажется, что будто бы бежит, а на самом деле она остается на месте, и бежит не волна, а только форма волны, так и жизнь отдельного человека представляет перебегающую форму волны... и что у людей называется прогрессом на деле означает только движение формы жизни: сама же жизнь неподвижная. Существам с медленным чувством времени эта жизнь людей казалась бы совершенно тем же, как нам кажется поверхность взволнованного океана. Мы вышли из океана и живем как пример его волн на земле. И больше всего из нашей жизни похожа на взволнованное море наша любовь, которая обращена вся целиком на продолжение рода, а между тем каждый из нас начинает в этом свою волну, каждый оказывается в этом самим собой.

Страшно кажется написать о любви вообще, но одну волну описать можно, одна волна непременно чем-нибудь от другой отличается.

...Я думал это, глядя на волны, но, поверьте мне, я найду в себе силы для формы своей волны и не дам своей мысли раскатиться водой.

<*Запись на полях*> (Особенность Д.-Ких., что он «жизни» не знает, в 50 лет, как юноша: это и делает его смешным.)

Сообщество животных с быстрым и медленным чувством времени (человек и поденка).

Органическое чувство жизни: ложь как великое зло – это ошибки, которые...

Наши ошибки, перебегающие в безбрежность общей жизни, накопляясь, предстанут там в дали как предвечное зло: с этим ничего не поделаешь. Но человек, начинающий свою волну, совершенно свободен. И вот эта своя волна, «свой пример», очень живет в сознании земледельца, потому что природа учит его этому постоянно: «что посеешь, то пожнешь».

Итак, в «Любовь» Алпатова: 1) Маньяк – Дон Кихот (эгоизм идеи). 2) Любовь как путь излечения Дон-Кихота. 3) Этапы любви: 1) психология маньака с перемещением идеи «женщ.

будущего» на живую женщину. 2) Крушение героя: вместо прогресса круг, форма. 3) Внимание и служба.

Человек научается любовному вниманию, в котором, работая для другого, сам о себе он забывает, и такая новая жизнь его есть служение. Вероятно, так у людей зарождались все боги...

От Ботика до Троицы.

Царь Берендей покидает свое царство, слуги Павел с Дуней плачут. Везет Вас. Петр. Кутейников из Дядькова.

Погода – на дню сто перемен, то дождь, то солнце. Овсы поспевают. Березы желтеют, осины кое-где краснеют. Пахнет осенним грибом рыжиком. Езда 4 версты в час. Через 20 верст в с. Новом кормежка лошадей и чай в трактире.

Пьяный сапожник исповедуется детям, глядя на наших собак: «Собака милая тварь, я остатки души предпочитаю отдать животному, а то неужели я для вас, паршивцев, все переносил: стоите ли вы этого? Ничего вы не стоите, я удавлюсь или утоплюсь». Он просит детей, старшего: «Митя, дай двугривенный».

Совершенно как у Островского, но там этим описывается благородство, здесь же природное ничтожество. Вас. Петр. сказал: «Остатки души! да у него души-то не было никогда, это не душа, а сиротка!..»

Сапожник, окончив исповедь и не получив от нас внимания, оглядев мой кисет с деньгами, стал придираться к собакам, спрашивать, имею ли я разрешение на ружье. И кончил тем, что объявил меня бандитом.

А Вас. Петр. полон надежд на будущее, спрашивал меня, не оживут ли старые деньги: «Керенки?» – «Зачем Керенки? Николаевки». У него еще есть надежда на полный переворот, вплоть до царя.

От Нового ехали 20 верст до Двориков, с горы на гору, в темноте. И в Двориках, конечно, остановились не в кооперативной чайной, а в частной. Из Двориков выехали ½ 4-го на рассвете. На шоссе мало-помалу стали показываться кучки набитого для починки шоссе булыжника, сначала поросшие высокой травой, потом свежие, и в Сергиевск. уезде, ближе к Москве, были уже сложные шоссейные работы. Стали попадаться грузовые автомобили. Началась у нас кутерьма с лошадьми, собаки подрались. В Сергиеве мост перед моим домом провалился. Работали много, вытаскивая вещи. При входе в дом стал вопрос о выселении жильцов, и какой-то тип с очень сомнительной физиономией аргументировал свое право: «теперь нет хозяв». Началась обыкновенная «деловая» жизнь. Встреча с собственностью была без всякого ее романа: сошлись и стали жить, а как дальше – неинтересно.

Из жизни Василия Петровича Кутейникова:

После выступления сапожника с остатками души Вас. Петр. сказал:

– А вот что, Михайло Михайлыч, скажите мне, как вы об этом думаете: сам ли человек за всякое время и случай бывает виноват в ошибках, или от причины.

– Бывает и от причины, Вас. Петр., возьмите пожар.

– Ну, пожар! я не об этом, а вот как между людьми.

Со мной было и т. д.

Сознал, что земля не выгодна, детям надо образование давать и устраивать на места... – Великое дело образование! Конь, какой конь. Пошел к соседу на гумно, шевельнул снопом, а там сам хозяин спит, Самойло, плохой человек. Самойло пнул коня в пузо палкой, и сразу дырка. Я прибежал – из дырки висит кишка. Взвыл я. Господи! что же это такое! Но ведь не ждет смерть. Живая тварь! Скорей вправлять кишку, а жене крикнул, чтобы несла скорей нитки, иголку и ножницы. А ведь все в темноте, и конь не дается. Сколько-то вправил, всего не могу и не могу. Вот я тут сгоряча-то и промахнулся. Не в кишке главное, думал, кишок у животных хватит, а в дырке – что вот поскорее, хоть как-нибудь вправить и дырку зашить. Кричу жене: иголку, нитки. Приносят мне. Я в последний раз принялся вправлять, ну, не входит, бес ее за ребро, по ногам, а кровь-то все хлещет и хлещет, кровь все заливает. Вот я тут маленечко и сплошал, взял я ножницы да кусок-то и отхватил. Ну, а потом все вошло, и рану я зашил. На другой день приходит фельдшер: «Рану, говорит, ты хорошо зашил, а кишку резал напрасно, животное без кишки жить не может». – «Брось, – говорю, – ведь я всего вершка полтора». – «А концы-то сшил?» – «Нет, – говорю, – когда тут шить». – «Как же теперь концы <*3 нрзб.*> Концы-то все-таки сшил?» – сказал фельдшер и задумался. «Срастутся?» – спрашиваю. «Едва ли», – говорит. И оказалась правда: конь стал сохнуть, сохнуть – и околел.

Судились мы потом с Самойлой. «Что же, – говорит он на суде, – ведь он пришел ко мне на гумно, и я сгоряча, я за свое добро, мне обидно, я пороть ее не хотел, ткнул, а разве я желал убить?!» Это приняли во внимание и после того судья мне сказал: «Ты, Вася, сам виноват, не надо было тебе резать кишку».

– Сам, – отвечаю, – в этом я виноват, сознаю, а ведь ежели бы он не ткнул, я бы не резал конец.

– Он бы и не ткнул, – отвечает судья, – ведь ты упустил лошадь. Ты?

– Я, ну вот видишь, сознаешь?

– Сознаю.

– Ну, помиритесь.

Тогда, вижу я, надо кончать и говорю:

– Ну, спасибо тебе, Самойло!

– Не на чем, – отвечает он, – ты это сам: зачем ты лошадь пущал?

– Спасибо, – говорю, – спасибо.

– Первое: упустил, а второе: зачем ты резал кишку.

– Спасибо, спасибо.

С тех пор постоянно думаю, когда застигнет беда, о вине своей, но и врагов понять не могу: врага любить невозможно.

– Да, так и сказал: сам виноват. После того я обернулся к Самойле и говорю ему: «Спасибо тебе!» Он же мне на эти горячие слова мои горькие, ничего не поняв, как судья: «Да, Василий, не надо было тебе кишку обрезать!» Вот ведь как прижали человека: он живот пропорол и не виноват, а я полтора вершка кишки отрезал, и вся вина на меня.

Есть точка зрения, с которой кажется, будто люди ползут, как муравьи, но есть, наверно, и такое зрение, которое может муравьев различать, как людей.

28 Августа. Росистое утро с крепкими болотными туманами. По времени должен быть вот-вот прилет дупелей. Что если завтра махнуть в Константиновку?

Сегодня: отправить Леву к Воронскому, прописаться, получить деньги, купить дроби №10-й. Леве наказ: к Воронскому – Рогову, к Смирнову, купить «Родники».

По поводу хорошего человека Екатерины Михайловны.

Да, конечно, не надо грустить о положении хорошего человека среди тысяч хищников, это верно: только великая борьба так закаляет хорошего человека, что все вдруг обертывается, прежний робкий человек с неожиданной силой обрушивается всей правдой и легион исчезает (тако да исчезнут бесы).

Т. 1-й

Охота

I. Охота за счастьем. Рассказ из своей жизни. 1 лист.
II. Собаки
1) Ярик.
2) Война и мир.
3) Собачья память.
4) Любовь Ярика.
5) Анчар.
6) Смертный пробег.

III. Круглый год
Зима. Солнцеворот. Мой Фрам. Волки.
Весна. Фаунист. Крутоярский зверь. Ток.
Лето. Болото.
Осень. Птичье кладбище.
IV. Путешествия.
1) Степь – пустыня.
2) Черный араб.
3) Славны бубны.
V. Детские рассказы.

29 Августа. Смета жизни.

Обед и ужин на человека 90 к. = в месяц на 3-х		81 р.
Чай в месяц –	1 ф.	4 р.
Сахар		10 р.
Керосин, Спички, Мыло, Зуб. порошок		11 р. 25 коп.
Соль, вода, мытье полов, стирка		
Дрова	12 р.	
Овсянка собакам	5 р.	
	123 р.	
Выдано до 1-го Октября	– 106 р. 25 к.	

Имеется денег:

За «Огоньком»	– 80 р.
За «Красной Новью»	– 200 р.
В Переславле	– 300 р.
На руках	– 400 р.
	980 р.

Итак:

на жизнь в Сергиеве	– 123 р.
Если Лева в Москве будет, то	+ 30 р.
за Петю	– 30 р.
На устройство дома и ремонт одежды	–67 р.
	250 р.

Следовательно, на имеющиеся деньги с расчетом, что хозяйке за дом будет платить 100 в месяц ГИЗ, хватит на 4 месяца, от 1 Сент. до 1-го Февраля.

Выезжаю на охоту в Посевьево к егерю Мерелиза Алексею Михайловичу Егорову, взято с собой 40 р. – остается дома 270 руб., и для Екат. Мих. – 100.

1 Сентября. Вчера вернулся из Посевьева, где убил двух бекасов, которые обошлись мне по 10 руб. Пролетного дупе-

ля еще нет, но ласточки табунятся, на лугах везде турухтаны. По местным наблюдениям пролетный дупель бывает от 1-го старого Сентября.

Раньше это была охота Мерелиза и на болоте была всякая дичь, как в магазине на Кузнецком у Мюра, теперь тут – бардак, а не Мюр и Мерелиз.

Убит на днях кавказский тетерев.

Утиные перелеты сбиты.

Пролетный дупель мельче местного, короче, темнее, полет быстрее.

Кто-то натаскивает 9 собак и передавил всю молодежь.

– А вы знаете, что такое троцкизм?

– Знаю.

– Что?

– Самолюбие.

О Троцком, вообще, что он крайне самолюбивый и жадный, что ему – только бы он и как можно больше уток набить: 300 раз выстрелил и убил двадцать, ему двадцать нужно. И очень завистливый.

– Но, кажется, он очень любит с детьми разговаривать, добрый для детей?

– Разговаривает, только это все – обезьянка.

<*Запись на полях*> На том польза.

– Я на тебе не повис, Лев Давыд.

Если я что-нибудь люблю, и мое пристрастие не мешает другому, то почему это мое любимое не может быть моей собственностью?

Ваня провожал Т-о на тетеревей: 16 раз стрелял, убил трех. «А о чем разговаривали?» – «О всем». – «Ну, как о всем?» – «Спрашивает меня, нравится ли мне советская власть». «Власть, – отвечаю, как власть, тут нравиться нечему. Яблоко может нравиться, а власть не едят». «Ну, а все-таки, – спрашивает, – как против прежнего». «Против прежнего, – отвечаю, – теперь, конечно, крестьянину тяжелее». «Погоди, – говорит, – мы наладим».

Куропатки глупы: летают все на одно и то же место. Ястреб проследил, куда летают куропатки, и по утрам только собираются лететь, а он уж сидит на дереве и дожидается. И когда заметили ястреба, им бы надо кидаться в снег, чтобы совсем не видно было, а они в снег только голову. Ястреб видит кончик, просто берет и несет куропатку, как повар на сковороде.

Тетерев умнее. Раз было, вылетели тетерева на березовые почки, огромная стая, штук сто. Я слежу издали, смотрю, ястреб налетел, они сразу от него все ударились в снег – и нет ничего. Ястреб тоже ударился, сидит и глядит, где же они?

Вот это ему не дано, чтобы понять и вытянуть из-под снега. Они в снегу лежат, а он ходит над ними, вот ходит, вот ходит. Я стал подкрадываться, шагов триста полз и выглянул: он шагов на 50 от меня все ходит, все ходит. Я шпокнул его. Потом подошел к ямкам, вылетает черныш – я раз! – готов, вылетает другой – раз! – готов.

– А какой же Ленин?

– Ничего, только взгляд очень жесткий; сразу узнаешь: Ленин.

Так он шутит, конечно, простой, только взгляд тяжелый. В 20-м году приехал ко мне, с ним было еще два каких-то, все с маузерами, с браунингами, наклали мне на лавку ворох. Не люблю револьверы, у охотника должно быть ружье, а не это: не люблю. Дал мне Ленин два револьвера и себе в карман два положил. Пошли на тягу. Поставил его и сам стал неподалеку. Слышу, летит, вижу – прямо на него. Целится, целится – хлоп! что он ружье плохо приложил, или заряд велик, толкнул его в плечо, он попятился, а сзади пенек, и гляжу, брык Ленин навзничь. «Что с вами, Владимир Ильич?» – «Ничего, – говорит, – стань рядом со мной». Стал. Летит вальдшнеп. Целится. Я угадал: как раз с ним вместе ударил. Вальдшнеп упал. Нашел я его, несу и думаю: «Слышал он, что я стрелял, или не слыхал». На счастье говорю: «Вот этого ловко вы ударили». Он посмотрел на мое ружье, а оно дымится. «Разве и ты стрелял?» Не удалось соврать. «Ну, ничего, ничего, – говорит, – давай вместе стрелять». И так мы с ним штук пять вместе убили.

– Что, Алексей Михайлович, как вы считаете Ленина, в этой беде нашей есть его вина?

– Нет, Ленин тут ни при чем. Я сам раз осмелился, спросил его, пожаловался.

– Мы-то при чем тут, – отвечает он, – людей нет, вот где беда!

Позвал меня к себе в Москву, в гости. Вот я собрался, подчистился, подправился, еду к Ленину! к самому Ленину еду. Вот это и у меня тогда в голове было, посмотреть в самую печку, откуда к нам тепло идет. А время было, вы знаете, какое, раз вы были сами на том полозу: грабеж повсеместный. Я так отчасти предполагал, что приеду вроде как бы к царю. Являюсь. Комната большая, пустая, и нет ничего: сидит Ленин на стуле, а на ящике примус. «Здравствуй, – говорит, – Алексей, хочешь, я тебе чаю сварю». Поставил на примус чайник, вскипятил. Дает хлеба, а на него и смотреть нечего: сами знаете, какой был пайковый хлеб, сами были на том полозу. «Как хотите, Влад. Ильич, – говорю, – а я этого хлеба есть не могу, не желаете ли моего». – «Давай», – говорит. Я принес своего. Ел мой хлеб. И больше ничего. С этого разу я понял, что тут нет ничего.

Троцкий жадный, ему бы только набить уток: все мое, все мое. А Ленин, верно, не для охоты ездил, а так, поглядеть. Раз, было, вдруг пропал. Искать его, искать, перепугались, наконец, нашли: сидит в совхозе и с ребятишками беседует.

Между двумя огнями

Было у меня две гончих, старая и молодая. Очень хорошо гоняла молодая, лучше нельзя. Троцкий говорит: «Продай мне собаку». Я же знал хорошо Троцкого: ну, даст мне за собаку сколько-нибудь, дорого просить нельзя, а сделать мне для хозяйства полезное – что мне может сделать полезное Троцкий? («Вы знаете, что значит троцкизм?» – «Не знаю». – «А я знаю». – «Что?» – «Троцкизм значит самолюбие».). Он только себя знает, а мне от него пользы никакой быть не может. «Лев Давыдыч, – говорю я, – одна моя собака очень стара, ну, если эту зиму не будет гонять, с чем я останусь?» Отказал. А тут на грех подвернись после того Крыленко: продай и продай! Хороший человек Николай Васильевич, простой, только горяч очень, очень горяч! Видите, какое дело, у меня доски были, и вздумали у меня эти доски отнять. Крыленко вник в мое дело, суд завели, и суд доски эти мне присудил возвратить. Мало того, я велел привезти и положить на то самое место, откуда взяли. А еще я лесник, и меня вздумали обидеть, земли будто бы леснику не полагается, не давали. Я опять в суд, и мне землю присудили. Потому что Крыленко юрист, а Троцкий даже вникнуть не может в историю другого человека, у него свой интерес. «Вы знаете, что значит троцкизм?» – «Знаю». – «Ну да, конечно, знаете, раз вы были на том полозу: троцкизм, значит, самолюбие».

Так попал я между двух огней: и тому охота на мою собаку, и другому. Я, конечно, Крыленке отдал. У Троцкого же есть такой сукин сын Барочкин, наушник, сплетник, он все ему и наболтай про доски, про собаку. В Москве я пошел, как всегда, ночевать к Крыленке, и он мне говорит: «Плохо, Алексей, на тебя Троцкий обижается, велит обязательно тебя прислать, когда будешь в Москве».

Делать нечего, беру пропуск. Принимает меня сначала хорошо, то, се. Потом вдруг спрашивает: «Ты, Алексей, продал собаку Крыленке, я раньше его у тебя хотел купить, почему ты мне отказал?» «Лев Давыдыч, – отвечаю, – собаке ведь я хозяин и своей собакой я могу распоряжаться, как мне вздумается». После этих слов он припирает меня к стене: «Значит, ты мне предпочитаешь Крыленку?» На это я ничего ответить не мог. Молчу. «Стало быть, – говорит, – мы с тобой должны разойтись». «Как хотите, Лев Давыдыч, – отвечаю, – я от вас не прочь, я ничего против вас не имею».

– «Ну, и разойдемся». Тогда я встал и говорю: «Лев Давыдыч, о чем говорить – ведь я на вас не повис».

Так вот и разошлись, и он ездить ко мне перестал. Я, признаться сказать, и обрадовался: надоел он мне до крайности. Этой весной вздумал я охоту кончить: нельзя теперь пользоваться охотой в том виде, как я с ней родился, как вырос на этом. Не охота, а бардак. Я решил на рыбу перейти. Вышел весной на Дубну. Вода великая, мост снесло, сижу на том месте, где был мост. Смотрю, катит автомобиль, пригляделся: Троцкий. «Ну, приятель, думаю, дальше тебе не уехать и не миновать меня. Сижу и будто не вижу, не обращаю никакого внимания». Вот подъехали. Слышу:

«А, это ты, Алексей». – «Здравствуйте, Лев Давыдыч». – «Что там ниже мост цел?» – «Снесло». – «А третий?» – «И третий снесло». – «Как же быть?» – «Не знаю, как быть, Лев Давыдыч». «Эх, – говорит, – Алексей, напрасно мы с тобой ссорились». «Воля ваша, – отвечаю, – а я с вами не ссорился».

Повернули назад и уехали. Больше мы с ним не виделись. Он теперь у Зайцева в Заболотье останавливается, и я очень рад: отвязался.

<*Запись на полях*> (Из рассказа о Мерелизе: заболел. «Алексей, научи мою собаку, чтобы со мной бегала по болоту, не ходить за ней». Я научил, и после того он приезжал со стулом, сядет, собаку пускаем, собака сделает стойку, он подымается и стреляет.)

Мы шли в темноте, в сапоге у меня был гвоздь, я не мог скоро идти, мы сели. Сели покурить.

– Вот, – сказал Алексей, – мы с вами разговариваем и незаметно, а когда я один так в темноте иду, то часто думаю про себя разное такое. Вот, когда шел я с рыбы, думал про автомобиль. Был Мерелиз, англичанин, пусть он, скажем, награбил деньги, пусть будет по-ихнему, да ведь они его собственные, пусть незаконные, да его, и он может ехать на автомобиле. А почему же Троцкий государственную вещь, автомобиль, а употребляет для охоты на уток. Для автомобиля нужен бензин – деньги народные, нужен шофер – деньги народные, почему считается, что Мерелиз едет на деньги награбленные, а на какие деньги едет Троцкий?

– Но если на свои? – «Какие же у Троцкого могут быть деньги: у Троцкого деньги народные». – «Да ведь это не мы с тобой: он заслужил». – А где же равенство? мы ездим на телегах, и он бы, как мы, для удовольствия на телеге, а мы для службы на автомобиле».

Копытник. Дупелиные дырочки на кале.

Ваня сидел на телеге, свесив ноги, и как это часто бывает, вперед не смотрел, колесо скользнуло в колдобину, и все полетели в грязь. «Ваня, – говорю, – надо смотреть». «Извините, – говорит, – ошибся, больше не буду, извините, Ильич сказал: «на ошибках учимся». «Верно сказал Ильич, – ответил я Ване, – только ведь все-таки ошибка твоя вышла из-за того, что ты выпил лишнее. Ильич не говорил, чтобы учиться такой ошибкой». «Я не виноват, – ответил Ваня, – пока запрещено было, мы боролись с самогонкой, а если это разрешено, и само государство торгует вином, то почему же не выпить?»

Утки гнездятся на остожках, мальчишки собирают яйца, бывает 100 штук снесет, а сделать ничего нельзя, что можно сделать с мальчишкой?

С 12 года нет дупелей.

Копытник на коровьих лепешках: дупель через них доставал червей.

2 Сентября. Каждый день в свой дом я приношу какую-нибудь вещь, подвешиваю полку, вбиваю гвоздик и чувствую наслаждение в этом, я, наморенный скиталец. И я чувствую в эти дни, что корни собственности погружены в почву любви, я готов объявить эту мою собственность «священной», потому что она связана с той частью моей личности, которая соприкасается со всеми живущими в мире от червя до сложнейшего человека. Мне кажется, что этой силой коренной любви и процветает земля...

Вот это одно, и бывает другое и тоже любовь, когда собственность заслоняет собой личность, и вдруг преодоленная, сброшенная с себя ветхая одежда падает – и открывается весь заслоненный ею прекрасный вольный мир.

Значит, дело не в собственности самой по себе, а в человеке, та или другая собственность есть разные моменты переживаний человека...

Охота раскрывает всю психологическую картину достижения. Есть, напр., в натаске собаки моменты почти недоступные молодому человеку, есть тоже такие тяжкие концы в преодолении пространств совершенно пустых, когда целый день проходит без выстрела. Какая-то узловатая, старая сила тащит в это время дойти до конца, дотянуть. Я замечал эту силу у старых егерей и постоянно у крестьян в их земледельческом труде, у слесарей, завершающих пригонку частей. Так мне представляется, в завершенности, в пригонке, в достижении, и вообще государственный труд и государственный ум

характеризуется никак не романтикой, а холодной зрелостью. И государство в отношении общества есть именно какая-то дотяжка и закрепление общества в законе и форме...

<*Запись на полях*> Шарашкин год.

3 Сентября. Вчера были Пришвины Екатерина Семеновна с дочерью, мы встретились после 25 лет и за чаем разговаривали о том же самом, что и 25 лет тому назад: Екат. Семеновна говорила, что не понимает, как люди на охоте могут убивать вольное животное.

«Но оно же нам чужое, – говорил я, – жалко убивать домашнее, очеловеченное животное, и потому это поручают мяснику: вы едите же мясо? а животное дикое убивать не так жалко». «Нет, – говорит Ек. Сем., – домашнее животное предназначено в пищу, и его не жалко, а вольную тварь убивать – не понимаю!» Это типичный пример тупости понимания жизни, жестокости отвлеченного «гуманного» интеллигентского воспитания.

«Новый Мир» 1926, кн. 8-9, ст. А. Давильковского «На трудном подъеме». Автор бросает ценнейшую идею о крестьянстве, сохраняющем живую душу, и что в постижении души этого крестьянства надо многому учиться у старых народников. Несколько намеков в мою сторону дают мне надежду, что автор наконец-то как будто, и это будет 1-й критик, понял происхождение моей работы, которая опирается, собственно, не на крестьянина, а на туземца. Русский крестьянин, словом, взят мною sub specie acternitatis*, чем я отличаюсь от народников и чем даю литературе нечто новое.

4 Сентября. Сентябрьское солнечное утро, от охлажденной земли подымается туман, начались твердые, серые, весь день не сходящие росы. От саженых лип вокруг Черниговского скита уже довольно слетело на землю золотой листвы и закрыло всякого рода срамной послед инвалидов колонии имени Каляева, как сами они своим жизненным безобразием давно уже закрыли грехи разжиревших монахов.

В утренний час нет ни одного человека. Есть, значит, в природе всегда час, когда нет человека, этот час для себя...

Я обратил внимание в этот раз, что вывеска колонии имени Каляева закрывала собою какую-то большую икону, а под ней были совершенно открытые направо и налево еще две иконы святых. Впрочем, Каляев был религиозный человек, и это очень хорошо пришлось, что имя его как революционера пришлось на святыне и слеглось, и жизнь ставлен-

* с точки зрения вечности (*лат.*)

ников революции улеглась на жизнь грешников православия, монахов, как бы ад на ад. Но удивительно прочно и старательно были вписаны фрески святых и поразительно небрежно висело имя Каляева: имя было написано прямо на белом полотне, натянутом на деревянную раму настолько небольшого размера, что сверху из-под нее выдавалась макушка головы святого, а внизу виднелись ноги. Дунет ветер хорошенько – и все вехи с именем Каляева слетят...

Я прошел волнистый путь до Параклита, видел старого монаха, пасущего стадо, поискал на Торбеевом озере бекасов, обогнул Березовские овсы до дороги на Сергиев, поискал тетеревей около Ляпуновского завода и, поблуждав в большом Черниговском лесу, в 2 ч. д. вернулся домой (вышел без 20 6 – вернулся в 2 ч. = 8 ч. 20 м. в ходу) Ефр. Пав. сказала: «Силу тебе девать некуда». Вечером завязалось продолжение романа, густо замесил, не сорвалось бы. Но, кажется, нет: дожил.

6 Сентября. Через неделю пролет дупелей.

За это лето реализовались две радости: Лева определился отличным малым, после нестройных лет своих вернулся к себе самому и стал таким же славным юношей, каким был отроком. Второе: собств. домик возле Москвы и Дубенских болот – очень хорошо! Никак не думал, что это меня так превосходно устроит.

Вот теперь, наконец-то, кажется, можно написать свой окончательный роман.

Иван Рукавишников.

Время от времени очень полезно встречаться с людьми, которые или совсем не читали тебя, или очень в тебе сомневаются. Раз я рассказал Рукавишникову об одном лесном случае. «Эх, – сказал он,– не знаете вы, как вам взяться за дело. Вам надо писать о лесных настроениях».

А я писал об этом всю жизнь. Растерянно я сказал: «Но ведь я же и писал, а разве не помните, что Ремизов писал о моих лесных рассказах». «Ремизов! – сказал Рукавишников, – Алексей Мих. известно по дружбе о ком не писал!» Значит, Рукавишников не читал ни одной моей строчки – это раз, а второе, может быть такое отношение к моему писанию и есть настоящее, а остальное раздуто друзьями. Да, очень может быть. И вот это хорошо постоянно носить с собой, что очень может быть и нет ничего. Неисчислимы благодетельные свойства этого сомнения и очень, очень полезно встречаться иногда с такими людьми.

7 Сентября. И вчера весь день дождь – ночью тоже! и сегодня с утра продолжается. Мокрые домики Вифанки предупреждают вести себя скромно, посолидней устраиваться

внутри, но украшений своего дома снаружи не затевать: все это пустая и глупая претензия.

Сегодня в Сергиевск. лит. кружке буду читать «Охоту за счастьем» – не назвать ли это Шарашкин год.

Мне кажется, это счастливо повело меня в романе представить двойственность понятия любви – как раздвоение в процессе творчества материи и формы, и что тоже: закона физического продолжения рода и закона призвания к искусству.

Вторая глава.

Неужели и это надо считать народной мудростью, даже такие слова: «где тонко, там и рвется?» – вот новость какая! Но если к этой поговорке прибавить, что именно вот на тонких местах, где рвется, являются чудеса, то тут есть над чем призадуматься. Правда, у сытых людей в устроенной жизни какие могут быть чудеса, – и сколько их бывает у тех, чья жизнь на волоске. В тюрьме чудеса постоянно, жизнь в одиночной камере вся состоит из перемен и переходов от желания запустить себе осколок стекла под ребро и жгучих нечаянных радостей.

8 Сентября. Во всех производствах эксперты выбираются, конечно, из мастеров, наприм., если возникнет спорный вопрос в слесарном деле, то слесарь же является судьей, только в литературе судит писателей не мастер литературного дела, а просто к р и т и к.

Дорогой Ник. Алекс.

Сын поступил в Университет и в отчаянном положении: жить негде. Помогите, старый друг, приткнуть его в Кубу, хотя бы временно.

В электро-технич. отдел. М. М. П-а Заявление.

Вчера 7-го Сент. перед вечером в квартиру по Комсом. 75, до меня занятую С. А. Тиойном, явился техник Гусев и разобрал у меня лампочки, объяснив, что С. А. Тиойн не платил два месяца. Прошу, получив с меня деньги, немедленно направить в мою квартиру тов. Гусева для сбора лампочек, считая меня абонентом с 15 стар. Августа.

Во-вторых, убедительно прошу, если ток прекращается вследствие ремонта машин или по каким-либо другим причинам, которые можно предвидеть, предупреждать граждан об этом через местную газету для того, чтобы они могли запасаться свечами. Примите по внимание, что внезапные без предупреждения прекращения тока у людей, работающих на дому, совершенно лишают эл-ое освещение его преимущества перед керосиновым.

Высыпка пролетн. вальдшнепов с 18 нов. Сент.

9 Сентября. Золотое утро. Бродил в Топорково на Платонову дачу. В следующий раз пойду: до 1-й будки, от нее круто сворот вправо, 10 мин. до залома и развилки: не вправо идти, а влево в ложак, и тут густой ельник.

Из эпохи Мамонтова: когда рухнул мост, тогда оборвалась связь с миром и остались свои люди, которых знаешь, одни ведут революцию, другие идут против, те и другие незначительны, и тут получается выемка, и в этом нет ничего: беднота.

10 Сентября. Инвалиды пошаливают. Два слепых пьяных вдребезги полчаса осаждали наш дом, ругаясь, громя ворота. Потом они стали бить друг друга. Прибежали соседи, спросили их, чего им надо, оказалось, они думали, что это скит. Чиркнули спичку: оба в крови. Особенно страшны немые, те все видят, здоровые ребята, на дорогу выходят, у женщин молоко отбирают. Подозревают их в бандитизме.

На Вифанке были три кабака, и монахи потихоньку гуляли тут, но увидеть пьяного монаха было нельзя, увидишь – и это считалось, что все равно как человека убили.

– Кто же убил человека!

– Не знаю, он рук, ног не оставил.

– Ушел, рук, ног не оставил и след простыл.

Собирать «Декамерон».

Написать в «Охотник» о необходимости стажа для охотников, основанного не на богатстве, а на знаниях: пусть сдают экзамен егерский.

Написать Шарашкин год: рассказ егеря о Ленине.

Сосед мой приговаривает: – Фа-акт!

Укрепляясь на месте, устраивается человек-житель, и мало-помалу вокруг него начинается певчий быт: все понемногу начинает петь, даже двери, как у Афанасия Ивановича с Пульхерией Ивановной. Но есть другая сила, вырывающая человека из быта, когда на место утраченной собственности, клочка земли, дома с палисадником и теплых родительских ласк становится вся земля, весь человек. Почему же эта встреча со всем-то миром, как с собственностью, в юной душе, эта встреча, в которой план *<1 нрзб.>* дела всех людей в бесконечности не открывается, и эта сила называется бродяжничеством... Потому что поэзия в этом плане бывает больше человека, и нельзя...

12 Сентября. Яркое солнечное утро. На траве мороз.

Очерк «Примус»: 1) пожары, 2) политика Наркомзема, 3) егерь.

Есть впечатления в иных натурах такой необычной силы, что вся остальная жизнь является переживанием, культивированием их, или служением. Я знаю, например, происхождени-

ем моей страстной любви к деревьям, делающим мне близко понятным обожание их народами Востока. Это первое решающее впечатление было, когда я, просидев очень долго в одиночной камере, в сияющий день вышел за ограду тюрьмы и увидел одно дерево, на котором листья вдруг мне представились живыми прекрасными жителями какого-то государства. Все слова бессильны передать это впечатление, и только постепенно, с годами, узнавая его каждой весной, я постепенно как бы наживаю силу частичного выражения в словах.

16 Сентября.

Имеется	– 110 руб.
В кассе	– 300 руб.
«Красная Новь»	– 200
	610
За «Огоньком»	80
	690 (Месяц до 1-го Окт. оплачен).

Итого истрачено 300 руб., значит, лишнего истрачено 50 р.
В «Красную Новь» «Ленин» – + 200

Итого 890 р.

17 Сентября. Центрархив. Мемуары и дневники царских сановников. Дневник В. Н. Ламсдорфа (1888-1890). Гос. изд. 1926, стр. 396, ц. 3 р.

Купить через Руднева.

Начать собирать библиотеку, наметить отделы: 1) О царизме, потому что он будет объяснять современность через недавнее прошлое. 2) Охотничий. 3) «Вечные спутники».

Устройство дома: 1) ремонт низа, 2) постройка сарая из старых ворот, забора, изгороди, крыльца. Составить смету.

К роману.

Надо провести фигуру интеллигента марксиста, проделавшего эволюцию: от марксизма и до рел. искателя. Этапы: 1) Ревизионизм Бернштейна (Коноплянцев), 2) Неокантианство (Коноплянцев – Бердяев), 3) Неославяноф. (Коноплянцев – Микитов – Достоевский). Миша остается ортодоксом, но изнутри подготовляется к перевороту: сама жизнь его загоняет к «жизни». Наука – Германия, быт, студенчество и, наконец, любовь. Нападения на «догму» со всех сторон. Начало в тюрьме: перестукивается ревизионист.

18 Сентября. Пересылается к Коноплянцеву письмо для удара по Смирнову. Читал ст. Семашко о хулиганстве, в

которой ни одного слова нет про Госспирт, а между тем – это и есть главная причина хулиганства. Пусть пьют самогонку, да оглядываются на закон, а если закон: «Руси веселие» и проч., то «вали, ребята»! Нынешние нравы эпохи начала Госспирта складываются, как ладошки, с нравами конца казенки перед войной.

Слышал, один монах сказал, что если бы теперь монахам разрешили собраться опять в монастыри, то никто бы не пошел назад, вкусив свободы. Значит, монахи тоже были освобождены. Это интересно. Надо собирать в Сергиеве материал для «Декамерона».

(Отнести шкатулочку, купить книжечку о Сергиеве с планом, начать собирать материалы о Сергиеве).

С Вифанки выхожу с собакой рано утром на Красюковку. Старая индюшка, увидав мою собаку, крикнула: «Пыль-пыль!» Молодые индюшки отозвались: «пыль!» и все побежали к старухе. Собрав всех, старуха пошла, наступая, за моей собакой и позвала за собой всех, и все провожали нас до конца улицы, частенько перекликаясь: «Пыль-пыль-пыль!»

20 Сентября. Вчера приезжала Валентина Александровна Дынник, («Дынница»), (про нее ничего не скажешь: хорошенькая). Видела Рублевскую Троицу – голубая Троица и рядом другие расчищенные иконы: воистину воскресшие боги!

Завтра надо съездить в Москву.

Андрос Росток родился в лесной сторожке на севере Августовских лесов. Отец его Петрус лесник, обход 27-й. Мать Анна. В 5-летнем возрасте Андрос понимал след лося, крупнейшего зверя, медведя, волка, лисицы. В шесть лет умел отличить след горностая от хорька. В семь – ловил птиц и научился различать их, от самых больших до самых маленьких по голосам.

Любимой птицей у него певчий дрозд, который мог перенимать и человеческий голос. Анна, мать Андроса, выучила дрозда выпевать самое простое слово: «лю-би!» И он пел это лю-би, когда начали раздаваться по всему лесу выстрелы на северной русского 20-го корпуса и на западной – германского 18-го.

Русский корпус был обойден и разбит на северо-западной опушке Августовских лесов. Но отдельные части внутри леса, не зная, что все уже кончено, продолжали сражаться и брать друг друга в плен. Так и возле сторожки обхода № 27-й была жаркая схватка 11-й роты русского корпуса с 15 ротой немецкой. Было убито со стороны немцев 100 человек и со стороны русских – 112, но оставшиеся в живых немцы 16 человек сдались почему-то 15 русским: русские вышли в лесу победителями. Первая же пуля с русской стороны в этом сражении влетела в окно лесной сторожки и убила Анну. Петрус взял на руки Андроса и пошел прятаться в другую сторожку. Но там тоже летели

пули, и германская пуля убила Петруса, Андрос, вспомнив что-то, вернулся домой и выпустил из клетки дрозда. В это время сражение кончилось. Русские солдаты вошли в караулку и взяли Андроса, взяли хлеб, сыр, картошку. Русские не знали, что их корпус совершенно разбит и считали себя победителями. Они торопиться не хотели и делали все по уставу. Выкопали яму, сложили в нее убитых немцев, засыпали. Выкопали другую яму там, где грудой лежали русские, и схоронили их тоже в одной братской могиле, а у дороги на стволах двух больших сосен прибили дощечки со стрелками в сторону могил, под одной стрелкой было написано: сто убитых германцев, под другой стрелкой: сто убитых русских.

Андрос все видел и слышал, как все время где-то невидимый пел его ученый дрозд: люби, люби! Тогда Андрос не понимал вполне значение этого слова и оно было ему только приятный звук: лю-би!

Русские пошли. Немцев – часовые: повели пленных. Заблудились. <*1 нрзб.*> хлеб. Стали гнать пленных. Пленные не <*1 нрзб.*>. За пленными шли волки. На 6-й день лес поредел. Старушка. Разведчик лежал за деревом: каски ушли, пришли русские... – Собачка.

Андрос попал в Тамбовскую губернию. В 20 лет Андрос выправил себе визу и поехал на родину, искать отца. Он не знал ни номера обхода, ни фамилии отца, но помнил, что овраг (повторить пейзаж, который надо вначале при описании караула обхода 27-го). Он назвал приметы, и ему сказали. Поискал. Блуждания. Весна. Дрозды. Певчий участок. Вечерняя заря. Не сквозная. Утро в морозе, в росе. Дорога. Узнал. Две сосны. Дощечек не было, на месте были столбы. Стрелок не было, но он понимал. Колодец, старик доставал воду.

– Что тебе надо? – спросил отец.

Сын ответил:

– Я ищу своего отца.

Они сели на бревно у колодца и стали разговаривать и узнавать. Так они узнали, что старый назывался Петрус, молодой – Андрос, что у Петруса был сын Андрос, а у Андроса был отец Петрус и мать Анна.

– Анна! – вскрикнул Петрус.

– У нас был ученый дрозд.

– Помню! – воскликнул Петрус.

И так они узнали друг друга: Петрус был 2 месяца в германском плену, Андрос: 12 лет жил в России как бы в плену. А теперь тут была Латвия.

(Материалы: 1) определить часть: пусть рота, но сколько в роте солдат? 2) Обход лесника из скольких кварталов. 3) Кому теперь принадлежат Августовские леса. 4) Имя Отто и стали звать Вот (Вот Иваныч).

21 Сентября. Сегодня Лева отправился в общежитие. Вчера слушал по радио вечер Блока и очень волновался...

Есть люди, от которых является подозрение в своей ли неправоте или даже в ничтожестве своем, и начинается борьба за восстановление себя самого, за выправление своей жизненной линии. Такой для меня Блок.

Стихов Блока и вообще этой высшей стихотворной поэзии я не понимаю: эти снежные кружева слишком кружева для меня. Эта поэзия как стиль аристократических гостиных – признаю, что прекрасно, и рад бы сам быть в них своим человеком, но ничего не поделаешь, не приучен, ходить не умею.

Блок для меня – это человек, живущий «в духе», редчайшее явление. Мне так же неловко с ним, как с людьми из народа, сектантами, высшими натурами. Это и плюс аристократизм стиха, в общем, какая-то мучительная снежная высота, на которой я не бывал, не могу быть, виноватчусь в этом себе и утешаюсь своим долинным бытием без противопоставления.

Горним своим глазом он разобрал в нем Интернационал, а я своим долинным чутьем понимал это как несчастную для всех нас смуту. Мне представлялось, что смута скоро кончится и начнется лучшая жизнь. Я и теперь так просто думаю: чем меньше жертв, тем лучше. Словом, я не чувствую «музыки революции», хотя верю и знаю, что она была у немногих, знакомая мне музыка по моей юности, этот как будто готовый смертельный выстрел в «буржуя», наведенное в упор, в брюхо ружье и... чик! – осечка, чик! – другой раз, чик! – третий, и толстый широкозадый, улыбаясь, проходит...

Я знал это в опыте, но для духа с прямым видением, как у Блока, такая сцепка казалась неестественной, сцепка Христа с революцией – падением в хлыстовско-сектантскую гордыню, чем-то вроде пророчества хлыста Рябова, пламенное пророчество в такой форме: «Наступят последние времена, когда все микроскопы замерзнут» (хотел сказать: «микробы» и провалился).

Я не за унижение Христа обижаюсь: у меня нет такого чувства, а за самоуправство хлыстовское. Блок был робким хлыстом, колебавшимся у края бездны: броситься или подержаться. В Октябре он, наконец, решился и бросился в эту бездну, чтобы умереть и воскреснуть царем-христом. Судьба его была подобна костромскому нищему, который 30 лет обещал свое вознесение и, наконец, собравшись с духом, поднялся на колокольню, бросился и обломал себе ноги.

Романтизм вообще в моем понимании есть высшее выражение благородства природы, как есть представление о первородном грехе, так есть и уверенность в первородном доб-

ре и красоте. Блок был таким же романтиком, как и я, как и другие «природные оптимисты». Но мы разнимся с ним в отношении к «первородному греху», к дьяволу мира, к злу вообще. Блок глуповат и слеп в отношении к дьяволу. Нужно же, в конце концов, понимать умному романтику, что и дьяволу необходимо жить, и договор с ним необходим. Но если ты хочешь договариваться, то обращайся к высшему сатане, который, в свою очередь, понимает, что романтику тоже надо существовать.

Блок пошел в Октябре каким-то нечестным путем и хотел обмануть самого сатану, якшаясь с низшими. Революция шла честно, а Блок нечестно, и за то пострадал: вышло «с боку припеку» (непонятный человек).

Редко родится человек совершенно голым от романтизма, огромное большинство людей романтики и в известный период жизни даже максималисты. Однако жить нельзя с романтизмом, так односторонне, все заключают договор с дьяволом, и весь вопрос только – кто с какими: с низшими – низшие, с средними – средние, с высшими – высшие, мудрые заключают договор выгодный и живут как дипломаты подавая руки в собраниях, улыбаясь, присутствуя даже на юбилеях Сатаны...

Например, очень удобно романтику для самосохранения жить в сторонке, наведываясь в «смешанное» общество, но не оставаясь в нем долго, чтобы там тебя не «раскусили» и не стали похлопывать по плечу.

Я это все сознаю, но, вероятно, во мне самом остатки бездоговорного романтизма настолько сильны еще, что судьба Блока меня задевает, и вообще ясности в моем договоре еще нет... с низшими – нет! с высшими – неясно. Очень возможно, что у меня тоже не хватит ума. Ведь даже у Пушкина, у Гоголя, у Толстого не хватило, и они кончили совершенно так же, как Блок. Мудрее всех был Достоевский, у него были ошибки, близкие к провалу, но сам он не провалился, ни физически, ни духовно.

Как роскошно убрались осенние деревья, но я ни разу еще этой осенью не нашел минуту объединения себя самого: все как-то встает отрывками, дни разбиваются на мелочи...

Сегодня вышел из своего дома на улицу. Какой-то пьяный парень говорит мне: «Троцкий?» «Нет, – отвечаю, – на Троцкого я не похож». «Очень похож, – говорит он, – не по походке, а по морде».

22 Сентября. Продолжаю думать о Блоке: что это германское прекрасное семя, проросшее в России – что кружева его поэзии... страшно подумать! Ведь Блок, наверно, заходил же иногда по малой нужде во дворы в Питере: стоишь в тесном

чуланчике и на стенах почти вплотную к тебе блохи одна к одной – так густо, что как особый покров... и ведь так же густо нечистот в народной жизни! так вот кружева-то поэзии куда приходятся...

23 Сентября. Чтобы сделать один неудачный выстрел по тетереву, я проходил 10 часов. Чтобы восстановить силы, пришлось 10 часов проспать. И я возродился к писанию романа. Нечего говорить, что не пишется, оно пишется изнутри. Ведь именно когда я задумал писать «Любовь Алпатова», явилась «Любовь Ярика» и Декамеронные рассказы, а в них определенная женщина – начало какой-то моей большой женщины.

24 Сентября. Начался пролет диких гусей. Ходил в Ивашково (8 в.). Весь день под дождем. Пережидал под елкой у дер. Сельники (Сельниково озеро); белка в переходном цвете мох драла для гнезда, много дроздов, гуси. От Ивашкова пошел на Васильково, но попал в Крапивники.

8 Октября. Сергиев день. Сегодня к вечеру закончилась холодная буря этих дней, стало тихо и ясно, морозит. Начинаю чувствовать недостаток Гремячей горы, с которой столько раз встречал солнце и пролетающих птиц.

9 Октября. Пороша выпала ночью, и утром все порошило. Я не знаю, как это вышло, так ли сильно хватил зимы на Ботике, или же за хлопотами о жилище плохо связался с летом, но только снег мне теперь как будто не новость. Может быть, и настройка неохотничья: писать надо.

Письмо Горького о «гео-оптимизме» подчеркивает одно из моих самых больших волнений в жизни, я теперь нащупываю эту волну как особенность (факт) моей жизни. Это мне дает радость, уверенность и охоту написать «Любовь». Этот роман будет моей «Песнью Песней», после которой все написанное мной оказывается нащупыванием материалов.

Новость в литературе:
Иосиф Уткин написал:

Иной уют,
Иная крыша,
И тот же самый человек
Вам будет на голову выше.

Только еврей мог написать, тут весь еврей. Это всечеловечески гениально: все народы это знают, но стыдятся ска-

зать вслух, а еврею дано. Так противно и так жизненно: с этим ничего не поделаешь. Стих останется жить, как несмотря ни на что остается жить еврей.

Я материалист в том смысле, что жажду создать сам материю в смысле похищения огня для людей на благо им, как у Прометея, или в наказание, как у Ильи Пророка, я признаю, что где-то есть вне меня такая огненная живая материя и что «я-сам» возникает в момент нахождения этой материи в себе. Около этой материи в душе бродит большая тоска, и глаза в это время жадно блуждают по окнам и крышам красиво и богато устроенных людей – какая безумная тоска! какая жажда богатства, могущества, власти, но рука не тянется к чужой материи, невозможно соприкоснуться с чужим. Да, если бы я знал в этот миг, что могу сам создать это, я, быть может, сказал бы с гневом: «la propriete est vol»*, но я не уверен. И потому красивые дома, уютные квартиры в угловых башнях с необыкновенными цветами на окнах, тонкая женская рука с длинными пальцами, опускающая светлую зелень водорослей в аквариум... и автомобиль, уснувший на улице в ожидании своего господина, да и мало-ли чего! Вот рука с длинными пальцами застегивает ночную кофточку на груди, дверь открывается, выходит счастливец, и вдруг оживает автомобиль, бурлит и мчится с хозяином на службу.

Все: дома, занавески, аквариумы пробуждаются, испытав ночь всего мира, обыкновенную всему существующему живому и даже мертвому, да, мертвому, потому что и мертвое увлекается и принимает формы живого – все, все, все! Только я один, жаждущий и могущий, может быть, в тысячи раз больше, чем другие обыкновенные, я не могу нигде найти этого уюта, взять его по наследству и должен сам его вынести из огня. Я не знаю, могу ли, и за то все это чужое личное упрекает меня: поди-ка, сделай сам, а потом и бросай нам: «la propriete est vol».*

Все бы расплавил и взял, но расплавить нельзя, потому что это годится, есть нечто готовое, и нельзя это взять, потому что не я это сделал, и оно говорит: я служу другому, а ты, оборвыш, не прельщаешь меня, поди прочь! детей от Прекрасной Дамы иметь никому не дано.

10 Октября. И вдруг выпал денек теплый, как летом, с появлением солнца и обещанием теплого дождя, такой день, когда не сразу поймешь, ранняя весна это или поздняя осень.

Что делают годы: с улыбкой смотрю теперь на трагедию, от которой в то время не погиб только случаем. Значит, не одна смерть должна быть непременно «трагическим концом»:

---

* частная собственность украдена (*лат.*)

трагедия может кончиться и просто так, жизнью с восхождением по трудным ступеням лет, прояснением разума и нарастающим уважением к себе самому.

После обеда, часа в четыре, приехал Пяст, привез огромный роман для прочтения и рассказывал свою страшную жизнь, не вставая с места, до часу, остался ночевать.

11 Октября. На рассвете под серым дождем, по глубокой грязи ушел, наконец, от меня безумный неудачник поэт Пяст. Я знаю его безумие, оно угрожало и мне, но я остановился, кровь взяла мою душу и отвела на путь медленного переживания.

Пяст, влюбленный, попал в сумасшедший дом: ведь один волосок бы – и я попал. Потом его Прекрасная Дама явилась спасать его и вернула к жизни, а тетка уговорила ее для здоровья поэта сделаться его женой, и она вышла за него и настояла, чтобы он спал с ней. Оба ринулись в ад и воспитали в себе друг к другу величайшую ненависть. Через обязанности к детям, несмотря на развод, отношения затянулись до последних дней. Теперь 40-летний, но совершенно разбитый Пяст чуть-чуть ожил и хочет начать новую любовь. Едет в Саров, в Параклит к старцам, и они ему велят вернуться к старой жене! Хочет ослушаться старцев и просит совета у царя Берендея.

– Веришь в Бога? – спрашивает Берендей.

– Верю.

– Если веришь то, зачем же ты идешь к старцам, спроси Бога сам!

Как страшно смеется Пяст: в тот момент, когда всякий другой, здоровый человек начинает смеяться, он задумывается и, сообразив там где-то что-то, потом с опозданием разражается смехом отдельным, непонятным и страшным другому, потому что нормального смеха уже и время пропущено. Да и в ответах своих он тоже чуть-чуть запаздывает, как будто совершает в это время некоторую работу, чтобы вымерить свою речь, высчитать слова и так перевести себя в обыкновенного, понятного человека. Так и вообще этот человек соприкасается с другими не в оригинале своем, а в переводе. И он довел свою любовь до болезни, когда чувство природы, радость о ней исчезает: он больше не чувствует природы.

Вот, может быть, где происхождение моей страсти к природе, моей песни: соловьи не отдали меня черному богу и сохранили меня для славы земли, для славы любви...

Чудно, что я чувствую некоторую робость перед такими людьми, проделавшими опыт любви до конца... (надо это разобрать).

Вечером пришли Григорьевы и нас исцелили от Пяста.

Появление московских гостей здесь открывает новую полосу впечатлений: гость оставляет слепок своей души.

12 Октября. Тепло. Показывается солнце и снова прячется у ручья, заросшего ольшанником, возле болота мы совсем как весной на тяге, и этот момент природы, когда последний конец осени сходится с первым началом весны...

Последний конец осени сходится с первым началом весны, иногда до того похож, что если рисовать, то и не узнаешь время, поздняя осень или начало весны. Но в натуре нельзя убрать свою память, тут знаешь, что это осень, и хотя знаешь, что завтра–послезавтра все покроется белым и надолго замрет, радость непременной встречи с весной уверенно поднимается, и сердце наполняется радостью сверх всякой меры. Так иные, сильно любящие люди, умирая, говорят: «До свиданья, друг мой, до свиданья!»

На овсянище подсмотрел осенний вылет тетеревей, стая чернышей была штук тридцать, да еще где-то близко один чуфыкал в кустах, и один бормотал в стороне. Обошел все опушки озими и не нашел вальдшнепов, зато внутри леса в густом ельнике встретил сразу трех.

Заповедник власти

Пожар локализован. Там внутри партийной черты продолжают бушевать все политические страсти, а за чертой отдыхают от ужасов революции. Смутно доходит сюда, что в заповеднике неблагополучно, что там все накануне брани. Но обыватель уверен, что если и прольется кровь, то только там внутри черты заповедника. Монах шепнул: скоро монархия, а президентом (!) будет или Троцкий, или Суворин. Все совершится в 14 часов.

14 Октября. На первом рассвете через кружево занавеси: снег лежит или болотная жидкая грязь блестит?

Грязь на шоссе, и по грязи селезень в новом пере ведет за собой десять жирных, откормленных уток.

Скоро погаснет свет ложного.

Все еще спят в самом крепком утреннем сне. Только я один ставлю себе самовар и повторяю стих забытого мной автора: «Как Данте любил Беатриче».

Самовар мой поспел. Я устроил себе чай, ночные грезы, сплетенные с домыслами и догадками, являются передо мной как материал для решения.

Что это за решение? не обрывок ли это молитвы, которая просит у Бога укрепить волю на дело?

Да, вот значит, почему я повторяю этот стих: «как Данте любил Беатриче», понимаю: Данте как пример, как возможность любви к Прекрасной Даме – вот откуда все это начинается...

У этих людей в литературном кружке «Прекрасная Дама» была ежедневно на языке, от Блока началось или раньше. Я тоже робко повторял «Прекрасная Дама» и, как оказывается теперь, без всякого смысла.

Впрочем, я имел в виду свою двоюродную сестру, прекрасную, как мне казалось в детстве, высшую, неземную женщину. Этот образ остался со мной на всю жизнь, и, когда я встречал какую-нибудь девушку, которой начинал увлекаться, я говорил себе: «Это, кажется, настоящая?» и это значило, что она соответствует тому образу, который был воспринят мною от двоюродной сестры Маши, как Марья Моревна.

Да вот вспомнилось из ночи об идеях, начиная с идеи Прекрасной Дамы. Идеи, мне кажется, как ложное солнце, немного сдвинуты в сторону от светящегося живого тела, и если метиться в тело, ставя прицел на идею, то снаряд пролетит мимо. Так идея Прекрасной Дамы приводит Дон Кихота даже не к Альдонсе, а к какой-то безобразной девке на осле, как все равно и Блока привело к проститутке. Так точно и коммунист приходит к социализму, и материалист становится самым безумным идеалистом: прицелиться в идею нельзя, стрела пролетит мимо.

У самих творцов идей, подобных Христу и Прекрасной Даме, эти идеи были как ложное солнце от их настоящего горящего небесного тела: эти идеи были просто отсветом их жизни, принявшим определенную форму. Астрономы говорят нам о давно погасших светилах, блеск которых будто доходит к нам еще многие столетия: светила уже давно нет, а нам оно светит, и некоторые из нас думают – за этой формой скрывается светящее тело, и немногие дерзают даже, принимая форму за настоящее живое тело, приблизиться к нему.

Так создался Дон Кихот. Светило Прекрасной Дамы уже погасло, и Дон Кихот следовал только принципу Дамы, призрачному и несуществующему, как ложное солнце, как долетающая до нас форма давно погасшего тела.

Вот теперь я начинаю понимать, что так разделяло меня с романтиками, почему Блок, Пяст, Гиппиус, Карташов и другие казались мне людьми какой-то высшей природы, высшего постижения, высшей учености, чем я, и в то же самое время одной половиной мне стыдно было за себя и другой половиной – за них: я и уважал их, и тяготился ими, и даже потихоньку смеялся над теми, кто из них был выше других.

Вот почему так. Они были литературно, бумажно романтиками: они, получив какой-нибудь слабый жизненный толчок, целиком ушли в словотворчество, прислонясь к тому светилу прошлого, от которого у нас теперь осталась только идея или

долетающая до нас форма давно умершего светила. А я, переживая все то же не в словах, а в самой жизни – да, то же самое в жизни – ведь я тоже не в словах, а в самой жизни – да, то же самое в жизни – ведь я тоже был литератором, не отпускаемый жизнью туда к ним в высшее словесное творчество, я их должен был считать как литератор выше себя, а как вправду живущий и жаждущий плоти смеялся над их бесплотными восторгами.

Так осталась мне «Прекрасная Дама» Блока и других, и все они сами эти люди, как выразился Розанов, <были> «говорящими штанами», но сама жизнь, протекая через меня безыдейно, несла в своем потоке и настоящего живого Христа и настоящую живую Прекрасную Даму – я же знал это! Значит, по Разумнику, я был «имманентным». Не смея это извлекать из себя, потому что живому жалко с жизнью расстаться, я смотрел как на корректив декадентских богоискателей на жизнь простейших людей, сектантов и, проверяя их верования, влюбляясь вначале, в конце находил, что эти люди тоже, не овладев собственной жизнью, хватались за ложное солнце...

Так воспитал я в себе крайнюю осторожность в форме смирения с подозрением, что Идея эта пуста и значит не больше, чем свет на земле угасшего небесного тела.

Вот я думаю, догадываюсь, что и Розанов, защищаясь от мертвого света угасших светил (лунный свет), избрал себе быт Авраама как оружие живой жизни против мертвых образов лунного света.

Так будучи романтиком жизненно я... <*не дописано*>

15 Октября. Вчера, значит, в Покров (1-го ст. окт.) убил вальдшнепа и вообще встречаю их теперь близко от дома. Значит, пролет. Охота осенью на вальдшнепов, надо считать, самая изящная, самая красивая. Кто хочет насладиться ею вполне, надо подождать теплые дни после сильных бурь и дождей, те дни с просветами солнца, когда березки только некоторые еще наверху сохранили золотые листочки и роняли их на ели... муравьи уснули, шепот: до свиданья, друг мой... Голубеет глазок: Иван да Марья – цветок, но Иван цел, а Марьи уж нет.

Я дал Полонскому очерк «Ленин на охоте», а он, ничего не сказав мне, послал его на прочтение Марье Ильинишне: вот какие нынче редакторы пошли! Тошнотворное время.

Сосед! вот еще что. Не я избрал его: он мне дан. Человек, скала, болото или просто пригорок, по которому непременно надо всю жизнь ходить за водой.

Все складывается совершенно случайно, и даже цвет окраски жилищ выбирается не по вкусу, а по цене краски –

красят больше охрой. Но ведь и охра бывает прекрасна поздней осенью, когда все деревья окрашены охрой: домик будто засыпали опавшие листья, а зеленая крыша его, как бодрое поле свежей озими, и набеленные наличники окон отлично подчеркивают волю человека, запасающего на зиму дрова, огурцы и капусту, чтобы отсидеть морозы и вьюги. Смотришь на такой домик и, кажется, хорошо. Но это художественное впечатление, чтобы стать силой, должно выдержать проверку в длительных днях, и тут в эти дни встают соседи.

А есть детская игра в соседи: недовольный соседом переходит к другому, иной же заявляет: «всеми недоволен!», и тогда все переменяют места. Вот настоящая революционная игра.

Дождь весь день и буря. Вечером был Влад. Сер. Трубецкой и, как все замученные дворяне и князья («Робинзон»), презрительно говорил о цивилизации с паровозами. Я ему на это возражал, называя такие взгляды банальными: паровоз и электричество великое благо, но там, где паровоз и электричество, всегда скопляется много людей, чуждых друг другу, как соседи по жилью, по квартире, и вот эта злоба на соседей переносится обыкновенно на невинные паровозы.

– А выйдите, – говорил я, – из леса нечаянно к линии ж. д., проведенной по этому лесу, – какими прекрасными, таинственными покажутся рельсы в лесу...

Я говорил еще: Попробуй стать к электрической лампочке в личное отношение, настрадавшись от тьмы и копоти – лампочка розой покажется!

Князь был удивлен моими словами. Когда я провожал его по лестнице, то спросил: «А у вас в квартире есть электричество?» «Нет, – сказал он грустно, – ведь если бы собственный мой дом был, я бы провел, конечно». Вслед ему я думал: «Так и государство только тогда будет благом, если не мы ему, а оно будет нам служить».

Тема:

Я отделался от всех соседей-жильцов и остался только самый трудный: князь Трубецкой. Я – это я, но князь Трубецкой тоже считается за я: да, я князь Трубецкой.

И давал обеты от пьянства и старцам, и гипнотизерам, и себе самому, да как отрезвеешь да оглянешься на жизнь свою – так сразу и ударит в голову: это еще хуже, зачем, из-за чего же себе обет давал? неужели я для того обет давал, чтобы трезвыми глазами на такую крысу смотреть?

16 Октября. Всю ночь буря с дождем, крыша гремела, и утро было такое же неприятное, только к самому вечеру ветер прилег и стало свежеть.

17 Октября. Тихо. Ясно и солнечно. Мороз. Берендеи на базар едут все в шубах. И как, наверно, теперь на восходе-то токуют тетерева.

Два раза стрелял вальдшнепа и промахнулся.

Подумай, через сколько призм достигнет меня.

Как любил я...

Нет, я не хочу назвать мое страстное влечение к родной земле любовью, вот когда жизнь заставила расстаться с клочком собственного, родного *<1 нрзб.>*, за который на моей родине дрались от мала до велика, когда, освобожденный от мелкой собственности и физического чувства к родному углу, на место этой утраты я вошел в личное соприкосновение с необъятным пространством лесов, русских рек и морей, когда я, научившись к тому же посредством закрепления своего чувства в слове находить себе через это друзей, более близких мне, чем кровные братья, – вот с этого времени я осмелюсь назвать свое первоначальное, чувственное, собачье влечение к земле любовью...

Невозможно было и не расстаться с родным углом, где от горя и неправды человеческой пересохли ручьи, исчезли леса и сама эта черная тучная плодородная земля покрылась глиняными оврагами, как ужасными язвами.

Моя мать, работая с утра до ночи на банк в заложенном маленьком имении, выводя с великим трудом детей своих к высшему образованию, никогда не чувствовала, видя соседних мужиков с 10 саж. надела, права на собственность земли.

Она была слишком здоровым человеком, чтобы причислить ее к тем высоким нравственным натурам, которые при всяких условиях трепещут душой как бы о первородном грехе, искажающем людям возможность жить хорошо. Не через боль, а здоровьем и разумом она понимала нелепость жизни наших либеральных соседей, владеющих десятками тысяч десятин, в то время, как у крестьян было по девять саженей в клину. Не только тысячи, а даже сотня ее заложенных десятин владения ей совершенно ясно представлялись неправдой, и с раннего детства мы слышали от нее: земля непременно перейдет мужикам. И вот эта воспитанная вина владельца землей как собственностью, эти каменные ограды усадьб, над которыми виднелись кроны старых парковых деревьев, размытые весенней водой овраги, переселения крестьян в Сибирь, их обратное возвращение из Сибири, где не всегда тоже можно было устроиться – это все делало невозможным устраивать свою жизнь на любимой почему-то земле.

Этот черноземный центр был в моем сознании с колыбели вулканом, накануне страшного извержения. Так оно и случилось потом: едва ли где-нибудь разрушительная сила

революции была сильнее, чем в этом углу чернозема, на границе Елецкой и Тамбовской земли.

После первого взрыва 1905 года только отдельные люди из старой интеллигенции оставались в народе на культурной работе. Некрасовский дух, народнический идеализм исчезал, оставались техники-специалисты. Литература вошла в свое собственное русло, и «гражданственность» из нее была изгнана: это представлялось освободительным процессом литературы, сопровождавшимся расцветом талантов Блока, Брюсова, Белого, Сологуба, Розанова и других мистич. народнич. А не мистик <*не дописано*>

18 Октября. Пороша ночью, летит и утром. Крыши белые.

Вчера слышал по радио Когана о современной литературе. Все эти Коганы, Львы Рогачевские мне представляются как заведующие бюро похоронных процессий, и притом все равно, хвалят они или ругают писателя.

Надо подготовить три тома для издания и ехать промышлять в Москву на неделю. Надо обеспечить себя мало-мальски, чтобы писать роман.

Вечером по радио начал было слушать Ярославского «мещанство и религия» и не мог: очень противно. Ленин говорил, что можно кухарку научить управлять государством, но не учил же Ленин, что эта кухарка для управления государством непременно должна быть безбожницей. Нечего говорить о том, что государство безбожно, как и всякий механизм, но человек, управляющий государством, не обязательно должен быть безбожником. Две черты правительства мне совершенно непереносимы: 1) обязательное самохвальство, 2) обязательное безбожие. Но хорошо, что стали наверху постоянно говорить против хулиганства, пьянства и половой распущенности.

Леве написать: 1) О портрете. 2) «Огонек» – деньги. 3) Звонок в «Знание и Сила». 4) Звонок в «Красн. Новь». 5) Купить фонарь.

Две науки недоступные моей природе: для ума математика, от которой у меня ум за разум заходит, а для сердца хирургия, так что от одного представления резания человека тошнит. Зато я математиков и хирургов уважаю и боюсь до сих пор, как Старших. Да и как их не бояться, если у одних в руках вся сила культуры, а у других жизнь человека.

После бурных дней и ночей с непрерывными дождями вдруг стихло, выпал снежок и продержался наполовину до

вечера. Мы вышли из дому. Небо расчистилось, легкий морозец опять прихватил. В светлых сумерках все было как офорт: белое и черное.

Что-то очень давно пережитое покойно и уютно перестроило смущенную душу, и стало мне, будто не я, литератор с женой идем, а я – Афанасий Иванович с Пульхерией Ивановной...

А вот, подумал я, представляя дело учителя школы второй ступени, если бы Афанасий Иванович был известным писателем, совсем бы иначе пришлось объяснять повесть о старосветских помещиках.

Так мы шли <*1 нрзб.*> молча, каждый думая о своем.

20 Октября. Сергий. Именины Сергея Тимоф. Григорьева.

К вечеру подморозило, взошла луна, и стало на глаз совершенно так же, как и Великим Постом. И звезды выглядели так же, как перед Великим Постом, и если бы у нас были только глаза, невозможно было бы никак разгадать, наверно, время года, – ранняя весна это или самая последняя осень. Только вот пахло нам не землей, а снегом: земля нам не пахла, потому что этот запах ее теперь после сильного летнего был не чувствителен, его перебивал новый еще нам запах снега. А весной, когда вытает земля, нам уже снег не пахнет и новый запах земли его перебивает. Так вот не глазом, а только носом в сумерках можно было догадаться, что это поздняя, самая последняя осень, а не весна, и что идем мы с женой, старые Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, не к святой заутрене, а к Сергею Тимофеевичу Григорьеву на именины.

21 Октября. Иван да Марья

Так редко в это время, особенной этой хмурой осенью, смилостивится над нами небо, и не солнце – зачем солнце! только бы чуть-чуть посветлело, и вдруг тогда являются нам самые милые, самые трогательные часы любования и сочувствия всякому остатку летней жизни природы: десяток давно уже замерзших, но уцелевших и совершенно зеленых листьев на иве или золотая макушка березы, или очень маленький голубой цветок под ногой. Нагибаешься к голубому цветку и с удивлением узнаешь, что это Иван, оставшийся от всего прежнего двойного цветка Иван да Марья: Иван голубой еще цел, а желтой Марьи давно уже нет.

И тогда, как все, не поднимешь цветка, как делают все, чтобы, подержав его немного у себя, бросить, только скажешь потихоньку, чтобы никто не слыхал разговор с цветком и не принял за сумасшедшего: «Иван, Иван, где твоя Марья?»

До чего милы и трогательны эти самые последние цветы осени. Я не могу даже, как делают все, поднять этого Ивана, чтобы, подержав немного, забыться в своем собственном голубом Иване и незаметно для себя бросить цветок. Не могу сорвать цветок поздней осенью и тихонько, чтобы никто не слыхал разговора с цветком и не принял за безумного, шепчу, провожая голубого Ивана: «Иван, Иван, где твоя желтая Марья?»

Я отошел несколько шагов, обернулся, прощаясь: «Извини, голубой Иван, что я назвал твою Марью желтой, ведь она была тебе золотая».

Жутко становится быть в человеческом мире, тревожно и нерадостно. Не верится этому миру с оппозицией, заметно слабеет правительство, и явление хулиганства только наполовину идет за счет водки, другая половина причины – растущая слабость правительства. Сам ли Троцкий виноват или другим так угодно кого-нибудь выбрать козлом отпущения, но это убийственно, что он еврей: нельзя еврею становиться в такое положение. Сегодня пьяная баба, встретив меня, сказала: «У, жидовская харя, отродье Троцкого...»

Попова корона

Безработный поп шил мне охотничьи сапоги, и потом я заказал ему сандалии. Пока шил поп сапоги, он привык ко мне и полюбил за то, что, беседуя, я поднимал богословские вопросы и поп, вспоминая заученное в семинарии, освежился немного сам в себе. Когда в условленный день я пришел получить сандалии, он предложил мне две пары на выбор. Я примерил одну пару, другую – совершенно одинаковые.

– Все равно, – сказал я.

– Не совсем, – ответил поп, – присмотритесь к работе.

Я всмотрелся, мне ничего не показывалось.

– Дырочки иначе расположены, – показал мне поп.

Эти многочисленные дырочки на сандалиях, вероятно, делаются для большего соприкосновения с ногой воздуха, хотя, по-моему, совершенно напрасно: воздуха в этой открытой обуви совершенно довольно и без дырочек.

– Я очень жалею, – сказал я, – что вы трудились над дырочками, они совершенно бесполезны.

– Дырочки делаются для красоты, – подсказал мне поп, – видите, разные рисунки выходят из дырочек. Присмотритесь к той и другой паре.

Тут я наконец понял, что разница между той и другой парой была в рисунках, стал всматриваться и, наконец разобрав всю затею, воскликнул:

– Ага!

Поп повеселел.

Я выбрал, конечно, ту, которую, как я догадался, желал бы и он.

Поп совсем развеселился очень довольный и, по-моему, даже гордый удачным выполнением всей своей затеи.

Я раскрою теперь весь этот маленький секрет: поп вел со мной богословский разговор, догадываясь, но не смея спросить меня о политических убеждениях, и затея была его сделать две пары сандалий и посредством рисунков из дырочек объясниться со мной: на одной паре дырочки расположены были обыкновенно, без всякого смысла, а на другой из дырочек выходил рисунок царской короны.

Я очень смеялся и, чтобы доставить попу совсем уже большое удовольствие, заказал сандалии и для жены.

– В том же роде? – спросил он.

Я открыто сказал:

– Да, тоже с царской короной.

Но это было не все. Однажды, куря папироску в раздумьи, глядя на кончики своих сандалий с короной, я начал раздумывать: не может поп выдумать это из-за преклонения царю. «Да и кто может у нас? – думал я, – даже художник ведь не вполне, не совсем бескорыстно рисует картины, даже артист-гравер режет свои миниатюры, даже поэт сближается с солнцем: ему надо написать стихотворение. А чтобы обыкновенный практический поп делал корону из дырочек из-за любви к царю вообще – нет! не верю, не верю я такой бескорыстной поповской любви».

Так оно и вышло. Оказалось, что у попа было много сторублевых бумажек и ему надо было узнать от меня, будут ли когда-нибудь эти бумажки в цене (возможно ли, проводя скучное время за шитьем сапогов и сандалий, мечтать о том, что когда-нибудь его сторублевки будут в цене).

Рассказ о матерном слове: 1). Когда первые матросы шли «в бога, в веру» – это одно (из вагонных разговоров). 2). Самые православные (сердце почернело).

Известная ругань матросов «в бога, в веру, в мать» во время первых лет революции мне казалась страшной. Однажды, услыхав это из окна, я вышел на улицу и присоединился к матросам, чтобы понять природу этих людей. Матросы были не очень пьяны, и все объяснялось революционным задором. Я ушел от них даже с каким-то удовлетворением: это были не мужики, которые могли жечь на революц. костре только барские имения, матросы сжигали и бога, и веру, и мать. Матросы шли до конца.

Прошли годы. Вот опять слышу в субботу эту же ругань в деревне и понимаю, что это деревенские ребята возвращают-

ся домой из города, закончив трудовую неделю. У меня сидел гостем приятель мой деревенский хозяин Мирон Иваныч.

– Скажи мне, Мирон Иваныч, – спросил я, – какие это люди могут ругаться, острое время революции прошло, кого они задевают теперь?

Мирон Иваныч усмехнулся:

– Это самые православные люди.

И больше не стал разговаривать. Махнул рукой.

Вот это я запомнил, как удивительно: люди ругаются в бога, в веру, в мать – и это оказывается самые православные люди.

Однажды мне надо было зайти к попу... <*не дописано*>

22 Октября. Морозно-солнечное утро. В лесу пестро. Когда разогрело, на деревьях мороз обдался росой, сверкали капли, падали хлопья снега. Но снег за день не растаял совсем, даже на крышах.

Причина хулиганства одна: слабость правительства. Во время революции все эти люди были удовлетворены, теперь они свободны: бандит стал хулиганом. Надо бы перестать с ними церемониться и говорить не о клубах с газетами, а о тюрьме с принудительным трудом.

Завтра в 9.20 в Москву. В 11 в Москве, в 12 в «Раб. Газете», если не застану – к Никитиной, если застану – то до 1 ч., в 1 ч. к Никитиной, в 2 ч. обед, в 3 ч. – Полонский, в 5 – на вокзал.

23 Октября. До полночи выпала пороша глубокая. Утром каплет, и мне кажется, пороши хватит лишь часа на два. Еду в Москву. Вечером жду Дунечку.

Стал читать роман и ехать не захотелось: успею. Надо написать условие сотрудничества.

Мы, редактор «Нового Мира» В. П. Полонский и писатель М. М. Пришвин, согласились между собой относительно условий сотрудничества М. М. Пришвина в «Новом Мире» в следующем:

1) М. М. Пришвин дает в «Новый Мир» свой роман «Кащеева цепь», Звено 6-е «Любовь Алпатова» частями по мере его написания и получает гонорар по доставлении рукописи по 250 р. за лист. В.П. Полонский обещается не начинать печатание романа без согласия М. М. Пришвина ввиду возможных переделок частей. Однако М.М.Пришвин с своей стороны обязуется представлять рукописи в таком виде, чтобы каждая глава представляла собой литературный материал, возможный для напечатания, как тщательно отделенный фрагмент сочинения.

2) М. М. Пришвин дает в «Новый Мир» свои очерки на темы текущей жизни, которые оплачиваются независимо от своего размера как лист художественной прозы.

26 Октября. В воскресенье вечером началась снежная метель и была непрерывно сутки, так что снегом даже леса завалило, и все стало, как глубокой зимой.

Вчера утром проводил Дунечку в Москву. Подрядился Полонскому написать «Любовь Алпатова».

Сегодня: 1) письмо Слонимскому в «Прибой», 2) книги Леве, 3) деньги взять на почте и послать Пете, 4) отдать переснять карточки.

27 Октября. Мороз, и снег при луне блестит, как в Рождество. От Горького получена статья.

Никаких выводов о женщине сделать невозможно, сказать разумно и до конца об этом нельзя (о хулиганах тоже, все, кто говорил – глупели, потому что у самих рыльце в пушку: так вот и о женщинах трудно найти свободного человека).

К роману:

Она отказывалась и тут же таяла, *<1 нрзб.>* обращаясь в ничто сама, и тем же увлекая в ничто и его.

А воробьи клевали зернышки, и зелень около них светилась ярко, и так прекрасны были цветы.

– Вот цветы, – подумал Алпатов, – ведь можно заменить все цветами.

– Что ты молчишь? – спросила она.

– Я думаю, – сказал он, – думаю о цветах, что есть на свете цветы, какие прекрасные! есть птицы, деревья, и мне кажется, что можно заменить этим, возьму и заменю.

Она молчала.

– Они прекрасны, – продолжал он, – я тебя люблю, тебя не будет – я их буду любить, все буду любить.

Она вздохнула.

– Невозможно? – спросил он.

– Думаю, да: что это значит, любить цветок?

– Делать, – сказал он, – для них делать, как для себя, и этим жить. По-моему, можно.

Она молчала.

– Я это о цветах для примера, так под руку попалось, а так мало ли чего нет на свете можно заменить, можно?

– Сильному человеку, наверное, можно.

– Да, вот как же не сильному, если я люблю, то я сильный, я люблю все, все. А если нет – не могу, то я умру. Вот и все. Прощай.

Он встал и пошел, не оглядываясь. Она рванулась и опять села на лавочку, а папка с книгами подвинулась на край, неслышно скользнула одна книга и упала на зеленую траву, другая, третья перевесилась. Она это заметила и не протянула руки:

– Заменить... а мне чем заменить?

Виноватый перед мещанами.

Зима хватила без предисловий. Врасплох замерзший пруд курился: не хотел совсем засыпать. И на деревьях кое-где еще оставались листики, конечно, замерзшие, но не снесенные дождем и бурей. Солнце сияло открыто, но только к обеду и то на солнечной стороне, и с железных крыш была капель. Было совершенно как в конце февраля весной света, значит, бывает вот такой удивительный день, когда невозможно понять, – октябрь или февраль.

Я ходил в валенках, и по снегу было тяжело. Ручьи проваливались. На мокрую подошву навертывался снег. Видел следы лисиц, хорька, белки, но заячьих ни одного. След человека впереди меня раздражал, я свертывал от него и опять встречался. Так уж положено радоваться пороше, когда идешь совершенно один: другой человек тут враг. За время 3-х часового пути по лесу встретил только одного поползня, двух чаек, слышал сойку и галок. Ели, заваленные снегом, молчали по-зимнему, а знаете, что это такое молчание снегом заваленных елей в лесу?

28 Октября. Заря утренняя кроваво-красная, и, кажется, не тихо на улице. Когда-то, переживая страдание любви своей, сжег ее письма, чтобы, глядя на них, не помешаться, а теперь пишу об этом роман. Кажется, если не ошибаюсь, самое время. Ожидаю только подъема.

После обеда шел снег.

29 Октября. Яромонах – Яро – монах еромонах: около щекотливых мест щекотливо и слова складываются, например, иеромонах значит священник, монах, а у нас выговаривают Яромонах.

Дунечка рассказала о Грише, что кто-то ждал его (пусть дама, влюбленная) двадцать лет и, наконец, он явился. В этом доме случился испорченный радиоаппарат. Гриша поздоровался с хозяйкой и прямо за радио, потребовал себе молоток, клещи, весь вечер провозился, починил радио и, почти что слова не сказав, простился с хозяйкой.

31 Октября. Вчера среди дня погода стала вянуть, и после обеда до вечера шел дождь, но снег не погубило совсем,

и он кисло лежал все воскресенье. К вечеру сегодня явился сильный теплый туман и сейчас в темноте льет с крыш. Верно, зазимок окончится и тогда уж до настоящей зимы будет совершенно мертвое время.

1 Ноября. Всю ночь была слышна музыка поздне-осеннего дождя. И все-таки не догубило снег, чтобы стало черно. А будет!

Вторую ночь не сплю, мучит болезнь, которая называется в народе «прострел». Начинаю понимать упрямых стариков, которые до последнего вздоха работают (Розанов). Раньше мне казалось это чем-то сверхчеловеческим. А еще раньше я даже не очень понимал упрямую волю множества отцов, чтобы обеспечить детей. Мне не давал понимания так называемый эгоизм молодости. Теперь все ясно: человек до того разогнался во время своей жизни, что под конец уже мчится без усилий, ничего нет сверх-человеческого, скорее даже это сила инерции.

Очень характерно, что Горький, цитируя меня, то место из «Родников», где сказано «дети учатся жалеть человека» переделал в «уважать человека» – две разные вещи. А еще он хочет сказать, что человек является творцом Земли и без человека нет мира, я же ставлю условием худ. творчества веру художника в мир, существующий без человека.

2 Ноября. Дождь продолжается, а снег все белеется, потому что дождь-то в Ноябре не очень ведь теплый. Так вот и моя проклятая какая-то боль в мои 53 года никак что-то не поддается растираниям Павловны. Терпел я, терпел да как принялся сам ее растирать.

К роману: Выяснятся образ Трусевича, старика-надзирателя. Дальше провести надо Ефима – ортодокса, и Коноплянцева – ревизиониста. Старик-раскольник соединяется с ним. Северный полюс – Старик – Север. полюс – Маркс: там нет ничего, но так нужно ехать и открывать, Северный полюс нужен, как <*1 нрзб.*>, но там нет ничего. Ина – весна: обратное полюсу. Ина описывать надо, имея перспективу всей повести. Вот перспектива:

Вот хорошо, что через две решетки нельзя точно рассмотреть лица. Свидание в тюрьме – только тема, чуть коснуться. Наметить, кто же Ина: тоже борьба между «пойти за кем-то» – вот это самое желание увериться в Алпатове, как в Сев. полюсе, но она самому Алпатову как соблазн... Он добивается положения из-за нее – а ей не надо, и она хочет решиться на положение, чтобы избавиться от высшего.

Надо сделать две сцены упущения: главная – он ее упустил, как Ярик, а чтобы смягчить это, вторая сцена, где он у ее ног и она его пинком. В конце концов, она попадает в Междунар. банк, а он в леса.

Очень важный момент: расстройство свидания, ошибся он, и она уехала, и оказывается, она выходила замуж...

Второй момент: с Ефимом, доктором: ничего не сделал.

Выбирает себе заграницу, конечно, уж по тайному влечению: Европа, Бебель и все. (Выход из тюрьмы).

Vir juvenis ornotissimis*

Было утро в Феврале, я проснулся в Петербурге таким же счастливым ребенком, как в одно Пасхальное утро, когда мать моя, вернувшись от ранней обедни, поставила возле моей кроватки, укрытой пологом, большого деревянного коня. А все спят. Я сел на коня и поехал, и все спят. Как хорошо!

Точно так же было – простите мою наивность! – когда я проснулся в Февральское утро после всего того вчерашнего. Молчат пулеметы. Все отдыхают: победа! Что-то рухнуло не отвлеченно, какое-то там царство, а с себя самого отвлекаешь Кащееву цепь: ноги, руки развязаны, и, кажется, такая сила во мне, что захочу, то и сделаю; все могу. Страшно тихо. Мне кажется, я сел на лошадок...

Так точно было с Алпатовым, когда он, не видавший никогда Петербурга и никакого большого города, прямо из тюрьмы очутился вдруг на Берлинском вокзале и направился к извозчику. В большом городе, как в лесу, есть своя городская сень. И вот под сенью на козлах своего экипажа сидел извозчик, читал газету и курил сигару. Про это Алпатов слышал еще много раз, из всех рассказов о Германии запало больше всего, что есть аллеи слив и яблонь и никто их не смеет тронуть, и что есть извозчики с газетами. И вот он.

Около обеда вдруг дождь сменился страшной метелью – свету не видно! и так бушевало и лепило снегом до вечера и продолжалось в ночь.

Был у доктора – все от желудка. Как оправлюсь, строгий режим, курить 10 папирос, ходить на охоту, не жалея времени. Так и напишется больше.

3 Ноября. Новые понятия: 1) Целевая установка, 2) Беспартийный актив. Морозное тихое утро. Пороша.

Я всю ночь глаз не смыкал и стонал от боли, а утром чуть отпустило, потянуло к перу. И опять приходит в голову, что напряжение жизни перед смертью совсем не героично, а вполне естественно.

Горький увлекается мыслью, что человек – хозяин земли, это хорошо, но дальше, что без человека нет и мира, что

---

* юный муж прекраснейший (*лат.*)

финских камней нет без корела и пустыни нет без араба – это уже лучше бы не говорить. Да, как будто, если думать логически, нет, но тоже логические люди говорили, что финская угрюмая природа определила душу корела, и пустыня сделала араба, это пустыня через араба сказала нам свое слово.

3 Ноября. Мороз. Боль продолжается. Не работаю. Ночь грею живот у печки.

4 Ноября. К вечеру стало теплеть и скользить. Ветер. Боль продолжается. Доктор не может определить причин, говорит вообще, что склероз, что сердце подработалось. Верно, придется ехать в Москву и ремонтировать себя.

Из кабинета врача вышла молодая женщина, красивая, но бледная, с плоской грудью, худая. Я думал о юноше, который был в нее когда-то безнадежно влюблен и чуть не застрелился. Если бы он знал тогда, мог видеть вперед, что, может быть, в первую же брачную ночь он встретится с женской болезнью или что вообще ему придется всю жизнь хлопотать около ее нерв и разных недомоганий...

Дуня сказала Ефр. Пав-е, что у нее при ее работе нет вообще желания оставаться с мужем, она это ненавидит и боится опять забеременеть. На ночь она обкладывается детьми, чтоб он к ней не мог добраться, если доберется, то при ее крике дети просыпаются. Но вот приехали гости. Муж потихоньку разобрал детей, проложил путь, кричать при гостях было нельзя, и он своего достиг. Дуня опять понесла.

– Стар, а не сломался, – сказала Дуня.

Раз я навестил милую Анну Николаевну, с которой встречался еще на войне в санитарном вагоне, тогда она была сестра милосердия, теперь ей уже к сорока. Очень милая и грустная, служит в Музее. Между прочим, в разговоре, вспомнив, я сказал ей:

– Гриша приехал из Англии.

Она побледнела, вспыхнула, потом наклонилась к батарее своего лампового аппарата, стала там возиться, и лица ее мне не было видно.

– Не поможете ли, – сказала она, – аппарат перестал действовать.

Я ничего не понимал в ламповом аппарате. В полутемной передней она мне сказала на прощанье очень робко:

– Вы, пожалуйста, передайте Григорию Григорьевичу поклон и попросите его непременно навестить меня.

Гриша, мой двоюродный брат, инженер. Во время революции он строил корабль в Англии. Теперь вернулся. Я не знал, что Анна Николаевна с ним знакома.

<*На полях*> Она же, она была такой женщиной, которой, например, невозможно объяснить, что такое накладная.

– Зачем вы, – сказал я, – приобрели такой сложный аппарат, можно бы детекторный.

– Мне сказали, – ответила она, – что на детекторном аппарате нельзя слышать заграницу.

– Гриша! – сказал я ему, – ты, оказывается, знаком...

Я передал ему поручение Анны Николаевны.

– Ты зайдешь? – спросил я.

Он поморщился.

– Некогда, но зайду как-нибудь.

– Может, во вторник вечером?

– Хорошо.

В среду я спросил Анну Ник.:

– Был?

– Нет, – сказала она грустно, – я двенадцать лет его жду.

И рассказала мне все. Я дал слово об этом никому не говорить. И не скажу. Только необходимо сказать об электрической волне. Эта женщина вообразила себе, что, имея радиоаппарат, можно нащупать волну, личную из Англии. Таких женщин мало осталось!

– Гриша, – настойчиво сказал я, – в другой раз прошу тебя, побывай непременно в следующий вторник, нельзя так относиться к женщине.

Он твердо сказал:

– Хорошо.

– Был? – спросил я у Анны Ник. в среду.

– Был, – сказала она очень грустно. – Пришел, разделся. Сели у столика.

– Ламповый? – спрашивает он.

– Я не поняла даже, о чем он. Поднимаю глаза, а он уже, смотрю, возится над аппаратом. Просит отвертку. Я принесла. Ворчит: «Неумеющим надо детекторные аппараты заводить, на катушке, а с ламповым надо уметь обращаться».

Потом спросил щипцы от сахара, стал щипцами. Потом нашел что-то неверным в антенне, вышел, залез на дерево. Словом, провозился весь вечер, потом передал мне телефонную трубку, сам взял другую. Шла моя любимая опера «Евгений Онегин». Но ему не опера нужна была, а слышимость. Он поминутно повертывал катушку, музыка то исчезала, то появлялась, К последнему акту он окончательно все устроил.

– Вполне хорошо! – сказал он, передавая мне вторую трубку, – слушайте, ну, а мне надо бежать.

И ушел.

5 Ноября. Болезнь продолжается. На дворе слегка подтаивает, но не бежит. По радио наши уже начинают хвалить-

ся: «наше, наше...» и т. д. тысячи ребят готовятся к празднику, чтобы сказать что-нибудь «на тему». Но, может быть, так и должно быть, это называется «выступление масс» в «мирной» жизни. Настоящий народный праздник...

Анна Николаевна очень милая, она живет про себя, и когда с ней заговоришь, то, кажется, откуда-то издалека является. Но мне не нравится выражение лица ее, когда она слушает в телефонные трубки радиопередачи, и вообще мне не нравятся лица радиослушателей: люди как-то безвозвратно уходят и не в большое, а во что-то маленькое. Обратите на это внимание – музыку слушают вольную – лица у людей прекрасные, а по радио этого нет.

7 Ноября. Дождь, снег растаял. Холодная слякоть и сырость, да и что можно ждать в «октябре»?

Мало-мальски оправляюсь от болезни.

8 Ноября. И Горький, и Дынница в своих статьях без всякой натяжки свидетельствуют о моем пантеизме, посредством которого природа очеловечивается, и человек, перепутав границы своей личности, расширяется, как природа. Они говорят, что это нечто совсем новое в литературе, небывалое. И права Дынница, что ключ к этому надо искать в личности автора.

Вот теперь в этом 5-м звене и надо изобразить тот момент личной жизни, когда в личных страданиях просияла мне жизнь людей и природы. Этот момент был открытием силы любви («панпсихизм»).

Этот факт обладания чем-то, устанавливаемый не мной, дает в мои руки силу для создания романа: значит, есть о чем писать.

Так вот я думаю, что подпольный кружок Ленина стал в универсальное положение какой-то силой со стороны (случаем): вне человека лежит эта сила. То же относится и к жизни Алпатова: выносит человека не сам он, а эта сила, к которой человек становится в удачный поворот.

«Удачный поворот» состоит в том, что человек вверяется этой силе: «я-то ничего не стою, но ведь во мне есть и то, чем ты живешь, и вот это мое отдаю тебе, вверяю».

Она неверная, а все вокруг растет и сияет – почему так? Она уйдет, но трава, цветы, птицы, солнце – все останется. Или с ней уйдет и солнце? невозможно. Значит, пусть уходит, мир этим не кончается.

Но самое главное, что найдена ошибка: мир не прямо идет к лучшему, а вращается и возвращается к самому себе, чем был он всегда: истина, красота, добро.

<*9 ноября*>. Мертво–теплые дни.

Большой птице, чтобы подняться на воздух, надо разбежаться, и человеку, чтобы начать любить человека, нужно собраться непременно, окружить себя простором воздуха любви...

Любовь появляется не откуда-нибудь, как восходящее светило, из-за черты горизонта, а около себя, может быть, для какой-нибудь встречи человек немного приберет свой угол или повесит на стену у себя карточку и станет в нее всматриваться, или, пожалев соседа, даст ему немного взаймы. У городских культурных людей все жилище украшено предметами любви, и им как будто тесно, и они скопляют на малом месте больше и больше предметов любви, чтобы можно было разбежаться и полететь навстречу человеку с раскрытым сердцем. Только многие забыли, из-за чего началось собирание, и не они, а вещи стали их господами. Обломки любви задавили человека, и, барахтаясь под ними, он разбрасывает все вокруг себя и зовет: человек, человек!

И вот он приходит, голый человек, и помогает расшвыривать дальше все собранное во имя любви человека.

А я лежу на траве одинокий, нет у меня ничего, ничего, только вижу, выходит звезда, а рядом другая, третья. Как далеки от меня люди, глядящие на звезды, как далеки светила. Я вижу в них души ангелов, как учила меня старая няня – это дорого! и <*не дописано*>

Река Векса

Почему я до сих пор не собрался описать речку Вексу? Мне кажется, потому, что она меня так обрадовала, что это было больше желания писать, я долго не мог просто догадаться, что об этом можно писать. Да, слава Богу, есть еще на свете для меня некоторые такие прекрасные вещи, о которых мне и в голову не приходит, что их можно описывать.

По примеру Горького.

Сегодня, оправляясь после болезни, я решил, если силы позволят, прогуляться до Черниговского скита, где теперь помещается колония инвалидов труда имени Каляева. Это ближайшее место для прогулки, но здоровый я никогда не хожу мимо колонии инвалидов, потому что – это жутко. Тихонечко переступая и набираясь воздуху, я шел по грязной дороге и был уже близок к конечному пункту своей прогулки, как вдруг увидал, что головой в дорожную грязь и ногами в боковую канаву лежит человек, возле него стоят две деревенские девушки, одна говорит:

– Дяденька, дяденька, встань, ведь ты замерзнешь!

Мертвец не шевелился.

Другая девушка взяла свою подругу за руку и потащила:

– Пойдем, пойдем, намедни я на этом же самом месте шевельнула такого же, а он как поднимется, как пошел на меня матюком.

Я подошел к человеку в грязи. Сразу бросилось, что человек жив, и самое главное, мелькнуло по всему обличию обморочного, что он из колонии, и вместе с тем явилось в душе недружелюбное чувство: очень уж часто мы тут этих калек, немых, глухих, хромых, слепых видим пьяными, и все бываем этим оскорблены, кто верует в старого Бога – за Черниговский скит, кому дорога революция – за имя Каляева. Не секрет, что сам начальник милиции признает себя бессильным в борьбе с бесчинством этих убогих. Я не чувствовал никакого сострадания к человеку в грязи, но какой-то прохожий, не останавливаясь, сказал мне:

– Верно, припадочный!

И пошел дальше. Я растерялся. Рядом с неприязненным чувством, воспитанным общим поведением убогих, вдруг вспомнился почему-то Максим Горький с его «человеком», представилось, что не я, а Горький увидал человека в грязи и что он тут ловко, просто как-то помог бы ему и не оставил, нет, ни за что бы не оставил его валяться в грязи.

Кроме отвращения к этому полумертвецу, в душе у меня ничего не было, но прекрасный образ Максима Горького связал меня совершенно, и рядом с ним явился образ Каляева, создавшего себе из революции Голгофу. Раздумывая так, я все-таки подавался понемногу вперед, потому что мне было тоже очень неприятно действовать не по внутреннему побуждению, а только из уважения к Горькому и Каляеву. Я услышал сзади себя грохот экипажа, оглянулся. Ехал извозчик с простым седоком. Извозчик взглянул на человека в грязи и не остановился. Я остановил извозчика.

– Надо подобрать этого человека, – сказал я.

– Вот еще, – ответил извозчик, – я по делу еду, товарищ.

И уехал.

Я подождал немного. Проехали мужики с возами, постояли, покачали головами и побежали догонять возы.

Все двигались по шоссе куда-то по делу, и до человека в грязи им «не было дела». Значит, надо было обратиться туда, где помощь человеку считалась бы делом. Я пошел до колонии, разыскал жилище сторожа и сказал ему о несчастном в грязи. Сторож не поднялся даже с лавки.

– Это дело милиции, – сказал он.

– Тут нет милиции.

– Для милиции есть телефон.

Выходило, что человеческими делами заведует как-то сам телефон. И вот тут наконец-то я забыл про Горького и

Каляева, что-то шевельнулось во мне самом. Я подошел к сторожу, схватил его за шиворот и сказал:

– Негодяй, иди к телефону.

Сторож вдруг весь переменился:

– Сию минуту, товарищ, – сказал он и побежал к телефону.

Я возвращался, исполнив весь круг гражданских обязанностей, который складывался в такую простую формулу: ради спасения одного гражданина нужно взять за шиворот другого, потрясти.

Когда я проходил мимо мертвеца, возле него стояли мужики, и, по-видимому, как раз в этот момент их экспертиза была окончена, потому что один сказал:

– Пьян без ума и честь такова.

И все побежали догонять возы.

Косым глазом я посмотрел, проходя, на человека, – у него за это время открылись глаза, и он сам, не шевелясь ни одним членом, мутно ими водил перед собой.

Я не чувствовал к нему никакого сострадания, но был доволен найденной формулой общежития, что для спасения гражданина не обязательно раскрывать себя на любовь к нему, это не обязательно, а вполне достаточно взять другого гражданина за шиворот и потрясти. В этом я увидел и здоровую этику Горького, но что Каляев это сделал своей Голгофой...

Тут я очень и очень задумался.

Чтобы не скучно было возвращаться по той же самой дороге, я завернул, пошел через киновию, где доживали монахи. Они были очень довольны, что у них родилась картошка. Мне кажется, если бы им кто-нибудь дал на год хлеба, они охотно бы променяли на <*1 нрзб.*> своего старого Бога. И так было странно видеть над их жилищем крест, ведь картошку и хлеб можно добывать без креста.

15 Ноября. Вчера был морозец, и только к обеду сдало. Беседовал с Захаром Ивановичем Деулиным (жена: Александра Александровна) – из Владивостока, и меня потянуло туда. Посетил княгиню Трубецкую – какая бедность, какое богатство: сколько детей! Вечером был у меня Преображенский от Горького (Александр Конст. Горностаев). Мóжно сказать определенно, что за это время часть интеллигенции вросла в православие, образуя уже настоящую национально-консерват. партию. Но, я думаю, что и на другой стороне не все «жидовство».

К роману.

Появление Прекрасной Дамы: кто она? Ее появление в тюрьме подготовить нарастанием жизни в природе и потом продолжить освобождением из тюрьмы, пусть это будет сама весна.

В конторе подписка выехать заграницу. Идет, видит собаку, нос цел. Дерево, люди: 1-й свет человека, первая нота – намек великого праздника, когда откроется мир человека изнутри, все – как один человек.

Религиозным людям:

– Друг мой, ты несчастен, ты в беде, ты потерял всякую надежду на участие в земной радости и обращаешься к небу. Погоди немного еще, побудь с нами, потерпи, смирись до неподвижного бытия, остановись совсем и пожди так.

Лежи! вот рядом с тобой лежит тысячелетний камень, весь поросший мохом и лишаем, вот он, тысячелетний, немного согревается твоим телом, и какие-то козявки начинают выползать из холодного мха, и что-то еще шевелится под камнем. Голубь лесной прилетел напиться воды. Раздели ты участь со всеми, лежи и скажи себе твердо: не оставлю вас, родные мои, пока не придет мой час и позовут меня принять участие в славе небесной, то я скажу им, что у меня много моей родни и я не могу оставить ее, – возьмите всех нас вместе, я не хочу выделяться.

20 Ноября. Дожди, туманы, мрак, грязь. Я пишу роман весны света. Если изо дня в день в заключение стоять на своем, то непременно все соберется в себе и ляжет камнем, что-то вроде гордости, тяжелый камень, который и седьмая весна едва ли размоет. А это была только первая весна у Алпатова.

21 Ноября. Приехал Н. И. Савин, заведующий Алексинским музеем крепостного быта, и мучил меня трехчасовым чтением материалов крепостного быта из архива, только что найденного им в угловой башне Алексина. У Николая Ивановича была цель увлечь меня и таким образом приобрести во мне борца за Музей, который ему нужно было отстоять в Губплане.

23 Ноября. Нужно твердо стоять на ногах, чтобы молчать о своей беде, но еще тверже, чтобы об этом рассказывать – неправда, что разговор серебро, а молчание золото. Только в часы, когда живешь и жить собираешься, можно, не теряя достоинства, говорить о себе, потому что в такие часы в своей собственной жизни видится общая жизнь человека, как в капле воды весь океан. Затем-то и надо рассказывать, зато и хорошо слушать, что в твоей жизни видится путь человека. Но если раненый человек начнет говорить о своей ране как о трагедии, то это значит открывать себе новые раны. Надо самому хоронить своих покойников и, уже похоронив, рассказывать. Твердо надо стоять на земле, благословляя доб-

рое наше, растущее и прекрасное, чтобы люди, не зевая и не отвертываясь, слушали чьи-то рассказы. Разбогатей сначала, а потом созови гостей к своему столу и за стаканом доброго вина рассказывай о своей бедности.

И долго, долго надо молчать, чтобы получить право рассказывать. Есть такие русские ноябрьские дни, когда по ночам непрерывно идут холодные дожди, рассветает поздно, долго и так и не рассветает, а остановится на полусвете. Мгла сизая. В сырости пахнет черными раками, и кажется, разверзлась земная утроба, где лежал великий святой, и нам открылось от всего человека его косточки и кончик бороды.

Учитель, посетивший Троицкую Лавру с экскурсией, сказал при виде Троицы Рублева ученикам: «Все говорят, что на этой иконе удивительно сохранились краски, но краски на папиросных коробочках, по-моему, гораздо ярче».

Толпа каких-то уродливых людей окружила мощи преп. Сергия, молча разглядывая кости под стеклом, пока наконец один сказал:

– Нетленные!

И все загоготали.

С каким бы наслаждением в это время я провел тоненькую черную машинную ниточку к черепу и потихонечку дернул, чтобы череп хоть чуть-чуть шевельнулся. Вот бы посмотреть, как мчатся в безумии обезьяны. Я бы не стал их обманывать, чтобы собирать с них медные копейки, как делал монах, и увозить на каждую службу из церкви на украшение обители. Я бы только их попугал, чтобы они, подходя к недоступному им и непостижимому, имели страх...

27 Ноября. Нет, надо не отделываться тонкостями, а приступить прямо к человеку. Надо описать унижения героя.

Униженность и тайная сила России.

Где-то, верно, это было в Восточной Пруссии на пути заграницу группа домов – и <*1 нрзб.*> крестьян, Алпатов вспомнил о тех, кого называют тоже крестьянами, и сердце его сжалось: как ужасна его родная страна, и как ему робко и стыдно становится. А в то же время чувство клада, что клад в стране и в нем, но на чем его оказать, и будет стыд ему, унижение: он русский. Замок настоящий – рыцари были, и вот он, испуганный рыцарь, какой это рыцарь, если <*не дописано*>

Встреча с Ефимом, и вместо Маркса – дуэль. В кабаке ссора, отбивает ценой дуэли (храбрый заяц), получает проститутку... и он может, а не может, ему надо гордиться, что не может так, это и есть его рыцарство, а, как все, он не может, но почему-то надо, как все, иначе он не человек. Заключить страсть в стыд – и вдруг явление Дамы – Инна Ростовцева.

28 Ноября. Муж прекрасной женщины всегда комичен, потому что прекрасное этой женщины принадлежит всем и соблазняет…

Какое утро сегодня, – сказала Екат. Мих., – вот радость, вот радость! Целый месяц солнышка не видала.

– А как же третьего дня все утро было светлое.

– Светлое? а… значит, я в церкви была, там свечи горят, и не знаешь, что на небе.

3 Декабря. Вчера с утра и до 12 ночи валил снег. Потом небо расчистило, и после метели хватил ночью мороз в 11°, значит, бывает и после метели мороз. День был настоящий зимний. Охотились в засыпанных снегом лесах. Я убил лисицу (5-м номером). Зимнее солнце, белое, отражалось в золотой колокольне Черниговского скита красным, таинственным. (Пыхтела водокачка, лисица убита под стеной скита (монахи приучили отбросами).

4 Декабря. Градуса на два теплей. Серое небо, что-то надвигалось серым туманом, потом солнце белое. Зимнее освещение леса. Кристаллы на деревьях. Звездочки на снегу.

5 Декабря. В ночь начался ветер, весь день сильно дул и к вечеру надул тепло, что-то было вроде дождя.

Рассказ «Охота за счастьем», несомненно, имеет глубокий успех в обществе, вероятно, тема о «счастье» – теперь общественная тема. Оно и понятно: очень люди намучались. Григорьев намекнул о каком-то «темном» месте в этом рассказе.

10 Декабря. Сегодня читаю «Весну света», которую писал с 1-го Ноября по 10-е Дек. = 1 мес. 10 дней – 2 листа, притом недели две был болен.

Состоялось чтение, слушали Григорьев и Кожевников (Алексей Веденеич).

11 Декабря. Второй день мягкая погода. Был у меня Петр Никодимович Черных-Якутский. Его рассказы о якутах. Обоняние: лисицу почуял, слух: здесь даже неприятно слышать больше других, все время слышится, никогда нет тишины.

С 7 у. до 7 вечера ездил на трамвае, не зная как проехать на «Садовое кольцо». Тракт по Лене: дрова заготовляют одни для других, пьют непременно ледяную воду, в окнах вместо стекла лед. Собаки – помесь с волками: не голову, а ушки повертывают. 300 тысяч населения. Остатки языка: не женился, а «пошел в семена». Аэроплан в Якутске: облетали над городом. А в улусах до сих пор ругают: ну, из тебя выйдет человек, который будет ходить в город. – Медведя назы-

вают э-ге, а под вечер «таежный владыка». Остатки почитания деревьев.

Лучшее знание получается из рассказа человека, которого, слушая, начинаешь уважать и любить. Это знание через дружбу отличается от обыкновенного знания, как бинокль от обыкновенной одноглазой трубы: в бинокль предметы становятся выпуклыми, а тут через симпатию к другому человеку делается, будто сам своими глазами видел все, о чем рассказывает другой человек. Так я на днях познакомился с почти неизвестной мне Якутской республикой через очень симпатичного гражданина ее. Крайне удивительно мне было, что когда он вошел ко мне на двор, то ни одна моя охотничья собака не залаяла. Не могу себе ясно понять, почему так вышло, отчасти, конечно, что одет был якут во все собачье и, главное, что якутам собаки все равно как нам лошадь, они сродняются с собаками.

Разговор у нас с этого и начался: как собаки понимают человека, даже сеттера.

– Почему даже? – обиделся я за сеттеров.

– Потому, – ответил якут, – что уши у них висят, разве это настоящие собаки!

Уши у настоящей собаки в Якутии, получившие волчью кровь не сотни лет тому назад, как сеттеры, а вчера, должны непременно стоять и повертываться в разные стороны. Якутская собака, полуволк, лежит, и если что-нибудь услышит подозрительное, то голову не поднимет, а поставит в ту сторону ухо. А что за собака с длинными ушами, какой у нее может быть слух!

– Вот слышите вы сейчас что-нибудь? – спросил якут.

Тишина в нашем городе была такая, что только звенела кровь в ушах.

– Не слышите?

– Нет, ничего.

– Откройте форточку, влево по дороге два пьяных ругаются.

Я открыл форточку, и действительно чуть, чуть долетел до моего слуха человеческий гомон в той стороне.

– Это не легко таежному жителю жить в городе, – сказал якут, – вечно слышишь что-нибудь, никогда, нигде нет тишины.

После того сразу установилось у нас благодаря собакам особенное понимание друг друга. Я указал ему на его самодельную визитную карточку, на которой под именем подписано: литератор Якутской республики.

– Так, – сказал я, – у нас литераторы не подписываются, подумайте: литератор великорусской республики.

– Пустяки, – ответил якут, – вы должны смотреть на меня, как на дикаря, что там карточка! я всю жизнь трамвая не видел. В Москве сел и весь день ездил по адресу «Садовое кольцо». Что такое садовое кольцо? Я весь день кружил,

спрашивал, и весь день мне отвечали: «кольцо». «Где же конец?» – спросил. «Нет, – говорят, – конца».

13 Декабря. Сегодня предполагаю ехать в Москву по следующим делам:

1) в 12 д. – Гиз переговорить с Венгеровым о детской книжке.

2) 1-3 – Лубянский пассаж. «Прибой» о собрании сочинений.

3) 3-5 «Новый Мир».

Все сделано: в «Прибое», вероятно, издавать не буду, в детский отдел Гиза поступлю, в Н. М. прибавили (300).

14 Декабря. Охотились с князем и Петей, привал в шинке у Егора.

15 Декабря. Глубокоуважаемая Варвара Петровна, пробую на счастье послать это письмо Вам по адресу 1912 года и просить Вашего разрешения отправить Вам свои новые книги, в которых я, мне кажется, добился языка Вам понятного и близкого...

Почему это: «но, увы, нет путей к невозвратному». Настоящее и все новое, только новое – постижение прошлого, новая ветка к стволу дерева. Да, к В. П-е нельзя, все попытки – безумны, нельзя и начать по-другому, забыв то...

И вдруг... видели вы Буриданова осла, приходилось вам разрубать Гордиев узел? Явился Пяст. Я убит. И это хорошо (как поправка себе). Я ему рассказал о некоем знатном господине, приехавшем в г. Богородицк из Крыма в карете, с ним была дама и дети. Он представил в исполкоме <*1 нрзб.*> мандат и получил деньги на закупку в Астрахани рыбы. Князя он захватил с собой, и тот скоро увидел, что попал в руки авантюриста, тот бросил его без гроша и сам исчез неизвестно куда.

– И все-таки отличное воспоминание.

– Почему же?

– Человек он хороший.

Мы все удивились: современный Хлестаков – и как он может быть хорош.

– Вы знаете, – сказал князь, – та дама, которая была с ним в карете, ему не жена и никто: это одна полковница, бросила мужа с детьми. Он пришел к нему попросить доставить ее в Богородицк на родину, и он все устроил для нее.

Я сказал Пясту: «Ваш роман не интересует меня, потому что в карете вашей вы совершенно один».

Надкусил яблоко и, увидев другое, получше, хочет бросить первое и не решается: бросить неприлично прекрасное надкушенное яблоко. Это свое состояние Пяст называет по-

ложением Буриданова осла и ездит за советами к старцам. Один старец спросил его: «Сколько лет?» и, узнав, что сорок, ужаснулся: «Так мало жить!» и посоветовал ему вернуться к своей старой жене.

Я ему ответил, что совет не могу дать, потому что не вижу, кого он везет в своей карете.

Узнал, что Вячеслав Иванов в Риме, Лосский – профессор Оксфордского университета и там говорит о своем наивном реализме.

Пяст сразу остановился на том месте письма Горького, которое и мне было чуждым.

Очень возможно, что оба письма написаны самим Пястом и вся история – бред больного. Но, может быть, он и тронул сердце этих женщин, из которых одна страдает манией величия, а другая предпринимает что-то, жалея его.

Я сказал ему на прощанье: я благодарю вас за проведенный вечер, мне жизнь ваша непонятна и тяжела, она будет напоминать мне, чтобы я не очень-то останавливался в себе и расширял свои рамки.

Он заплакал и ответил:

– Я рад, что моя жизнь пригодилась.

Между прочим, он считает причиной своего нынешнего влечения к женщине, что тетка жены его принудила его к физическому общению с женой (она старалась о его здоровье), к которой он такого влечения не имел. Не забыть эту историю: он влюбился в девушку и сошел от этого с ума; она решила спасти его и вышла за него замуж, а тетка уговорила, чтобы он с ней сошелся физически.

Иногда является тяжелый гость, которому не рад, который выбивает домашнюю и трудовую жизнь из колеи, а потом видишь, что это был самый нужный человек и как будто был нарочно подослан, чтобы смутить покой и вернуть тебя к раздумью об истоках этого покоя.

17 Декабря. Весь день вчера ушел на ликвидацию Пяста. Ему нужна крыша. Понятно, почему его отталкивает «голубой цветок» юности. Значит, так может случиться, что какая-то сила начинает отталкивать, когда является вопрос о жене в отношении к невесте.

Брачный полет.
Германия, Париж, Петербург. Болото.

18 Декабря. Тихо, морозно. В 5 у. выезжаем со Стрелковым на драной лошади в село Васильевское к Илье Михай-

лову Старову. Провели с Петей день в снегах. Ночью было полнолуние. У Старовых стерегли лисицу.

Воскресенье (Никола Зимний) провели у Старова и вечером вернулись с беляком и двумя русаками.

20 Декабря. Сегодня спешным послал условия в Ленгиз, ожидаю ответ к субботе 25-го.

Заграницей: внезапно вырастающие русские: Писарев, Романтик, Болгарин (сентиментальный), Стрижев.

Все нити мира свести к двум: она с <*1 нрзб.*> и Людовиками и тут же русская земля. Вот это и передать: все тут на ниточке...

Шевелится земля, деревья в лесу перемещаются, солнце, как мячик.

Загадать:

Можно ли...

Если бы. Короткое замыкание.

Нет, я не поклонник тех, кто в решительный момент бросает княжну свою в воду, слишком уж сильные люди, а на то и любовь дана, чтобы сильный сгорел в коротком замыкании мирового тока любви: он сгорит, как предохранительная пробка, и тем сохранит жизнь на земле. Любовь, значит, не больше, чем короткое замыкание.

И так понятно становится, почему такой незащищенный человек в мире – уколоть булавкой и кончено. Электричество, пушка и всякие силы против врага, но когда этот враг подходит – все бессильны, нет спасения. Никакая железная сила не спасет, потому что если бы тут не сгореть, все бы лампочки на земле погасли и жизнь бы окончилась.

Невозможно так описать любовь, чтобы кончить и другим бы писать о ней нечего: любовь – не картошка.

К Германии: разговор со студентом о выборе факультета, если адвокат, то 4 года и 4 практики, значит, до 30 лет нельзя. «А как же до этого?» – «Надо найти себе временную подругу». – «А потом?» – «А потом уйти от нее и взять <*1 нрзб.*> Frau». – «Так все делают?» – «Нет, это дорого, большинство так сами с собой». – «Это вредно». – «Нет, если сознательно и не часто, то не вредно, большинство приват-доцентов так: им неудобно ходить <*1 нрзб.*>».

Катценэлленбоген из Вильны. (Алпатов) прибил карточку, рядом была прибита Sarra Katsinellogen uns Wilna Medizine.

21 Декабря. После пороши опять сразу усилился мороз, так, что назавтра невозможна охота. Ночью луна, скрип саней и все прекрасное, что бывает на Руси в рождественское время.

Послал резкое письмо в ГИз. В пятницу Лева возьмет рукопись.

Был вечером полковник Иван Захарыч Деулин, рассказывал о медведях, уссурийских тиграх и штыковой атаке (мозги, ей Богу, не преувеличиваю, мозги летели...), за которую он получил золотое оружие. – «А после всего этого я вдруг последний гражданин в государстве».

Прочел Бунина «Митина любовь». До неприятности все близко (елецкое) и так хорошо написано, будто не читаешь, а ликер пьешь. Заключительный выстрел напоминает чеховский рассказ «Володя» (гусенок) и тысячи романов, в которых мерзость сытая противопоставляется чистой любви.

Я же дерзну свою повесть так закончить, чтобы соитие стало священным узлом жизни, освобождающим любовь к жизни актом. Для этого Митя сделает «Аленку» своей женой и за шкурой Аленки познает истинное лицо женщины, скрытое...

После акта, создавшего ему жену и крышу своего дома, Алпатов продолжает обмер... болота радостно и в заключение находит засоренный проток из Золотой луговины. (Психология: огромное бремя спало с него, и явилось небывалое наслаждение оставаться самому с собой и не чувствовать одиночества. В то же время это есть и окончательное разрешение мысли о прогрессе.

23 Декабря. Вчера мороз 20⁰, мы все-таки ходили весь день. Сегодня – мороз продолжается.

Германия: Встреча.
Париж: Любовь.
Петербург: Безумие.
Болото: брак.
Мотивы:
Гибель прогресса: человек показался, вероятно, потому что любовь одна.
Любовь одна: к последней главе брак.
Мировая катастрофа: Ефим, Бебель.
Бессилие воли: ничего не придумаешь.
Ина и Ина Петровна.
Ина и рабочее движение. Омнибус.
Переписка.

Последняя глава или звено: Зеленая дверь: после акта присоединения к себе женщина говорит о хозяйстве (крестьянка: входит в хозяйственный план мужа и говорит, например, как у

Бунина («Митина любовь»), что надо бы поросенка купить. А что говорит героиня удовлетворенная? Алпатов после того с новой силой погружается в план и начинает мерить (найти слова женщине (Евы), входящей после акта в план хозяина (Золотая луговина).

Что может быть неприличнее, глупее, как в атмосфере «Лилит» мужчине сказать о своей радости обладания ребенком? Что может быть болезненнее как молодому мужчине няньчить чужого ребенка?

Ну, иди же! вот они колеса, подходи, одно движение – и все кончится, и Алпатов будет, как все герои поэтов, поверяющие смерти на суд все свое добро и зло. Над раздавленным трупом судья произнесет свой приговор в осуждение страсти, и доблесть героя, что он лучше уж смерть взял, чем обыкновенное пошлое прозябание.

Иди!

Но герой не идет, и автор бессилен. Он тоже недоволен и рад бы послушаться, да, видно, невелено, и он так простоял.

А что если, правда, совершив мысленно расчет с собой и, значит, обратясь в совершенное ничто, побыть в мире просто свидетелем: так просто побыть никем и ничем?

К Петербургу: ужасно, что нельзя крикнуть на улице большого города... там где-то в толпе шел другой, стесненный в себе, и хотел крикнуть в безумии своем на всю улицу, но крик его заглушили моторы, и кольцо любопытных сомкнулось. Неслышимый, невидимый друг остался в кругу, и Алпатов прошел, погруженный в себя.

Солнцеворот

В предрассветный час. Потеплело. Хорошо бы немного тепла и осадки снега, а то ни на лыжах ходить – проваливается, ни просто в валенках – тяжело.

Замошкин прислал письмо о «Весне света», что-то мудреное, во всяком случае меня перемудрил и нашел символы, о которых я и не думал, напр., истолкование сцены в сортире, как евангельское.

1) Надо написать всю повесть духом, свободно.

2) Разложить «Любовь» на простейшие психолог. части и каждую выкупать в улицах большого города.

27 Декабря. Сильный ветер, буря, метель. Я пробовал писать и встал в 4 утра. Около 9 у. почувствовал приступ тос-

ки и бросился на поезд в Москву, будто бы смотреть собачью выставку.

Асфальт Берлина – прогресс.

В аудитории показалась девушка – Ина? какая-то румынка. Ее не было. Можно и на улице по пути к рабочему.

29 Декабря. Еврейский вопрос становится угрожающим, я буду очень рад, когда русские, наконец, соберутся с духом и утрут им нос, но все-таки не желал бы, чтобы на место тысячи жидов в ГИзЕ стала тысяча попов.

Черты хама (о Венгрове и др.):

Первая основная черта, что для них не существует личности и, значит, всякой неожиданности, превосходящей в данный момент силу собственного суда. У хама (как и у дурака) для всякой личности есть заглазное решение.

Вторая черта, являющаяся, впрочем, из первой, что хам всегда нагл и себя считает выше своего дела: он служит себе, но не делу.

Смирнов и Введенский: поповичи.

Сундучный тип. Жадность, настойчивость в достижении какого-нибудь взыскания. Плюшкины в обстановке новой.

О друге.

Когда я говорю, что я равнодушен к своей марке в отношении денег и славы, то это не значит, что у меня нет самолюбия. Напротив, именно от большого самолюбия я и бескорыстен. Марка Демьяна Бедного, напротив, неизмеримо больше, чем моя, но это не исключает возможности, что среди моих произведений есть такое, какое никогда не написать Демьяну Бедному. В общей марке это мое произведение исчезает, но для того и существует любовь и дружба, чтобы в низшей марке найти элемент небывалый. Марксисты на это скажут: «Чего вам беспокоиться, – ваша марка не ниже Бедного». Положим, но если не Бедного, то, например, Маяковского моя марка ниже. Что же мне, крайне самолюбивому, остается, как не отвергнуть вообще суд марксистов с их марками и опираться только на любовь различающую?

31 Декабря. Центр рассказа будет, как «Любовь Ярика»: из-за высшего пропускает момент своего счастья на земле.

Из Парижа: весна, солнце остановилось (потому и весна у меня остановилась) навсегда. Найден был ключ счастья. Это повторялось потом несколько раз: увидеться, сказать... и все. А ничего не скажешь или вздор.

Рождение моментов фатализма, анимизма: напр., сжигание розы... и что еще?

Что может стать на место упущенного счастья: упущено все, значит, это все и есть желанный мир: будто-жизнь.

Значит, вот около этого куста можжевельника, где он сжигает счастье, и должна родиться будто-жизнь.

Потом интересно, как из ничего, из «будто» является золотая луговина.

Так же как для картин есть фотография, так для музыки радиопередача. Отношение фотографа к живописи совершенно такое же, как радиопередача к музыке. Так что радио надо считать фотографией музыки.

1926 год.

Выпущены в свет Родники Берендея.

Родился Роман Василич.

Намечен цикл новелл «Русского Декамерона».

Написано звено «Кащеевой цепи», «Юность Алпатова» и «Весна света».

Рассказом «Любовь Ярика» завершена работа над созданием охотничьего рассказа.

Свержение Стеклова открыло почетный вход во все редакции.

Явление литер. друзей: статьи Смирнова, Замошкина, Дынник, М. Горького.

Покупка дома.

Поступление Левы в университет.

Это был год для меня исключительно счастливый, проведенный у родников Берендеева царства.

Пожелания на 1927 год

Сам-Берендей. 1) Написать о любви скромно и сильно (конец «Кащеевой цепи»).

2) Издать «Собрание Сочинений».

3) Расплатиться с долгами по дому и приблизиться к осуществлению мечты: иметь свою лошадь.

Желаю, чтобы год обошелся без войны, чтобы дремлющие общественные силы – «пахари жизни» дали сильный отпор наглецам, чтобы заплакать от радости при чтении какой-нибудь новой, прекрасной книги.

Специальное положение к повести о любви:

1) После написания желаю, чтобы свершилось наконец мое освобождение от «греха», т. е. на коромысле с двумя

чашами «жизни» и «легенды» чаша легенды уравновесилась с жизнью, и за то я был бы «прощен». Только возможно ли это? А если невозможно (как свидание с мертвецами), то пусть же весной этого года, закончив труд, в пении птиц на Дубне (а, может быть, на Уссури) я услышу несомненный голос любви и скажу себе: «и я что-то пропел и могу: голос мой не хрипит».

2) А если в этом году будет война, или я смертельно заболею, или какая-нибудь случится страшная беда, то не унизиться бы и перемогнуть.

М.М.ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1927

<Сергиев Посад>

1 Января. Валит хлопьями снег.

Германские будни, к которым приходит в своих исканиях Алпатов: герои будней: Роза, Meyer, хозяйка, котельщик.

В Германии все мечтательное отламывается: так, напр., Ефим Несговоров в Дрездене, в музее: «Ты что-то слишком. Разве может быть слишком в искусстве? Это красота...» Алпатов посмотрел на Несговорова новым взглядом <*2 нрзб.*>, как при диафрагме, когда ее раскроешь шире, шире. – «А разве это плохо, служить красоте?» – «Не плохо, но мы ведь служим истине: это больше». – «Не знаю, почему больше: красота, конечно, может быть и ложная, но какая же истина может быть без красоты?»

Начитался Франса. А как же умному человеку и не быть скептиком в наше-то время!

У меня в голове вертится какая-то мысль о мудрости, но не знаю, достаточно ли она созрела, чтобы ее выразить? «Скептик», подобный Франсу, это свободный человек, позволяющий себе иногда оторвать от родимой почвы цветы мудрости человечества и полюбоваться ими у себя в комнате, в своих вазах. Весь скепсис заключается только в том, что великое учение какого-нибудь мудреца приближается к обыкновенной жизни и тут разглядывается вместе с другими вещами, окружающими обыкновенный трудовой день человека. Так, например, учение Сакья Муни обыкновенно, не скептически, представляется в глубине веков восточных народов в книгах за 7-ю печатями, но почему же не представить себе, что Сакья Муни сидит с нами за чаем, читает газету, слушает радио? Проделав такой опыт, Франс непременно от каждого такого гостя оставляет нам что-нибудь очень хорошее. Мне кажется, что за «скептическое отношение» у Франса принимается просто его решимость перемещать прошлые мысли в современную жизнь. Из этого можно сделать вывод, что Франс к живой текущей жизни относится вовсе не «скептически», и сам он сотни раз указывает на большую ценность мыслей, приходящих во время прогулок, сравнительно с мыслями, возникающими при чтении – разве этим он не отгораживается от скепсиса?

Я слышал от Коноплянцева, что Розанов начал заниматься Христом, пораженный однажды разговором студентов возле

себя, какой-то студентик спросил: «А был ли у Христа „член"?» С тех пор Розанов всю жизнь и занимался этим, чтобы втянуть Христа в дело повседневной жизни. Совершенно таким же приемом работает и Франс и делает великое, священное дело, потому что как же иначе сохранить мудрецов для потомства? Выходит так: или нам бросить современность и уходить к ним, или же, наоборот, их пригласить попить с нами чайку за нашим столом.

Я очень близок теперь к своей мысли. Попробую овладеть ей. Положим, что мать любит своего ребенка больше, чем Совнарком, а Ленину Совнарком близок как ребенок матери, что же, по человечеству разве любовь Ленина святее, чем любовь матери? нисколько. А Христос любит человечество. Разве любовь к человечеству святее, чем любовь матери к одному своему ребенку? Тогда почему бы не поравнять все: и любовь к человечеству, и к Совнаркому, и к своему ребенку? Почему бы большим и маленьким не сойтись в равенстве повседневной текучести. Почему отвлеченное свято, и там трагедия человека, а повседневное отдается комедии?

Если на большой улице я так погрузился в себя, что лица смешались, и я не узнал возле себя близкого человека, то это, конечно, мой грех. И всякое учение грешно в том, что оно, приучив нас думать «вообще», создает из нас и людей, рассчитанных на «вообще», значит, жестоких, гордых, себялюбивых.

Берлинская прямая улица с потоком людей – символ прогресса. Наука, искусство, жизнь человека вся уходит в дело прогресса. Вот почему личная жизнь усердного студента Алпатова к этому времени становится крайне бедна. Изобразить знаменитых ученых, что у каждого из них в жизни было одно открытие, но с ним он расстался, и лекции ученых вспыхивают огнем только в те часы, когда они говорят о своем мгновении счастья, отнятом у них прогрессивным человечеством.

Хорошо, если можно будет изобразить встречу Алпатова в Петербурге с мудрецом «скептиком», спасающим его от «микромании», т. е. такого душевного состояния, которое располагается вокруг неподвижной идеи «я – маленький».

Хорошо бы переработать социализм в его противоположность, – и нет... социализм не противоположность учения жизни, а такая же правильная оболочка, как известковая оболочка яйца. Социализм – это бесконечно близкое соприкосновение с учением жизни, но совершенно такое же, как известковая оболочка с содержанием яйца. Мы бросим социализм, как скорлупку, когда начнем жить.

Алпатов разбивает скорлупу, он обладает самим содержанием яйца, но он не враг соц-а, т. е. скорлупки.

Женщина будущего, если разбить скорлупку, есть женщина настоящего, прославленная в своем зачатии, плодоношении, деторождении. Недаром и Наркомздрав так старается о детях. Только деятельность его глупая, поверхностная, вместо освященной женщины получается комсомолка-спортсменка, лыжница, культ лыжницы.

Конец моего романа: возвращение эроса в половой акт, который делается через это священным: через это освобождение творческой сказки: все творчество, значит, и сказка – творческая реальность.

Как тюрьма открывает чувство свободы, как голод – солнечную природу в куске черного хлеба, так что-то (что же?) открывает святое в половом акте. Это что-то похоже на тюрьму, но что это?

Это что-то – большая сложность.

Петербургская часть романа вся вокруг темы «я – маленький». Роковой круг: во всяком радостном начале таится смерть его: «я – маленький». Так вот Алпатов нашел себе работу у одного генерала, составителя сельскохозяйственного словаря. Сошлись, работают в Комитете. Дружат. Раз приходит Алпатов, а вместо этого генерала сидит похожий на него. Генерал умер и уже погребен на Волковом кладбище, Алпатов идет на могилу и бродит среди больших людей: Белинский, Тургенев – все имена. Он хочет найти себе успокоение от имен на могиле друга-генерала, создавшего словарь. И находит вблизи его могилы могилу Павленкова, на ней статуя Павленкова и надпись на животе: «энциклопедический словарь». Тогда он возвращается к своей идефикс: я – маленький. Нужны болота. Да, Алпатов с кладбища попадает в болото белой ночью.

2 Января. Здоровый мороз. Ко мне приезжали Н. И. Замошкин, А. Б. Руднев и Михаил Георгиевич Розанов (Огнев). Между прочим, конечно, поговорили и о еврейском засилии, что это не крупный еврей-делец, к которому мы давно привыкли, мешает нам, а местечковый, что сила их в организации еврейской самопомощи (то, чего нет у русских). Говорили о «федерации», деньги которой достанутся евреям, о группе «Перевал» и о таланте. Я им говорил, что талант сам по себе как сила природы не ценится, и тот писатель, у которого только талант, обыкновенно живет короткое время для современников (А. Толстой), важно, через какое препятствие пробился талант. Самое главное препятствие для выявления таланта – интеллект со своей логикой и нравственность со своей стыдливостью, целомудрием. Правда, ведь талант – сила природы, действует вопреки логике и вопреки морали, так же как живая текучая вода подземного

родника, только если ей удалось пробиться между камнями и множеством других препятствий, становится рекой, и мы любуемся в реке ведь не так водой, как берегами, так и в литературно-художественном произведении не талант автора интересен нам главным образом, а как он разворотил, в какие сочетания поставил горы человеческого интеллекта и общественных чувств. Спящая голова творит свободно такие вещи, каких наяву никто не создаст, и бред сумасшедших, иногда полный музыки и красок природы, бесконечно талантлив, но не ценится.

И вот тюрьма и свобода. Как бы мы узнали о ценности свободы, если бы не побыли в тюрьме? И что это была бы за жизнь, если бы она не была закована в Кащееву цепь, которую непременно надо разбить?

Сила, создающая горы, через которые река пробивается: силы тяготения, косности масс. Эта же сила тюрьмы, Кащеевой цепи. Теперь перехожу к анализу силы, которая задерживает осуществление полового акта до такой степени, что человек накаляется и признает святость его (Розанов).

<Запись на полях> (Голод превращает хлеб в солнце. Ночь на севере и первый свет солнца).

Стыд оказать это перед образованной женщиной (можно только с простейшей). Природа краснения. Застенчивость. Ослепительная красота женщин может создать такое состояние в душе, когда эротический ток от страха своей грубости вдруг переделается в ток женственной дружбы, снежный, исключающий возможность даже мысль о соитии... Замороженный пол.

Замечательно, что вчера к ценнейшим своим материалам я добрался, раздумывая прочитанное у Франса, а сегодня развивал вчерашний разговор о таланте. Получается так, что в роман попадает все, чем живешь сегодня и, следовательно, можно устроиться так: работе никакая современность не будет мешать, а, напротив, возбуждать работу и обогащать ее материалами. Надо только непременно о всем, что случается, докладывать туда. Вот попробовать бы проехаться, например, в Петербурге и не оторваться от работы. Если бы осилить, то получился бы замечательный роман.

3 Января. Из-за легкой простуды сижу уже 4-й день дома. Вечером был Трубецкой. (Т. из такой интеллигентной семьи, что просто забыл, что он князь; после революции зарабатывал себе игрою на виолончели в кабаках. Тут вспомнили, что он князь, и он стал князь. Раньше Николаю играл, а теперь «мужикам»: играет, а слезы-то капают, капают).

Разговаривали, почему внутренне легко представить себе половой акт священным делом, а со стороны посмотреть – нельзя представить себе красивым никого.

Но почему же дело солнца такое прекрасное, а на Солнце нельзя смотреть: больно.

Искусство это как девственная плева.

Искусство – щит Девы.

Искусство это как два ангела с пылающими мечами: заграждение в двери рая.

Искусство – стыд человека.

Заметьте, везде, во всем, что красиво, непременно есть ангелы, огненными мечами закрывающие попытку непосвященного войти в двери рая.

И красивая женщина... Робеет всякий, увидев красивую женщину, потому что боится ангела с пылающим мечом, приставленного охранять тайны рая.... И как сильный свет ослепляет, так и сильный мороз обжигает, так и красота отстраняет непременно от мира.

Дорогой Алексей Максимович.

Вы теперь уже знаете, что Ваше письмо-статья напечатано в 12-ой книге «Красной Нови». Я было сговорился с Полонским печатать его в Н. М-е, но Воронский сослался на Ваше желание, и я отдал ему. У меня был намечен один пункт спора с Вами, но я воздерживался писать, пока статья не будет напечатана, и я не узнаю общее впечатление. Всем, решительно до одного человека, понравилось, что Вы называете меня «хозяином» («ты моя!»). Многие пробовали раньше писать в связи с моими работами то же самое (напр., Иванов-Разумник), но почему-то Вам только удалось сказать понятно и крепко (от себя). Я первый раз в жизни получил какое-то спокойное удовлетворение о написанном о себе, как будто долго выслеживал зверя и наконец его убил. Ясно: что-то мной сделано, потому что понятно другим. Это хорошая, хозяйская радость. И это понято всеми. Но не всех удовлетворяет. Ваши научно-художественные догадки, многие ругаются за эпитеты «Мужа земли» и друг<их>. Отчасти это происходит оттого, что нас, беллетристов, вообще принято считать за ребят, не имеющих права говорить языком понятий. Впрочем, я пишу об этом только чтобы отгородиться от таких людей: для меня Ваши догадки законны, серьезны, искренни. И потому я серьезно возражаю Вам на слова о Левитане, что Левитан будто бы не открыл красоту, а внес ее от себя как человеческий дар Земле.

Когда я читал в семье у себя Вашего «Отшельника», то все мы, жена, сын, я, вспомнили нашего Алешку, всем нам казалось, что Вы нам открыли глаза на него и на смежный с ним огромный мир русских людей. Нет, Вы работаете так же, как и я, не «вносите» от себя, а открываете, и притом непременно блуждая.

Чтобы нечто создать (открыть), непременно надо заблудиться до такой степени, чтобы забыть себя совершенно, и мир бы стал вне нас, сам по себе. Тогда, веря, что Отшельник существует сам по себе, Вы и повествуете о нем. Словом, все мы, художники, непременно наивные реалисты, а не кантианцы. Кант очень полезен и, кажется, необходим ученым, а нам решительно вреден. Но почему же и нам не думать в теории теми же мыслями, которые нам оказывают пользу на практике. Слава Богу, теперь «наивным реализмом» не гнушаются и настоящие философы (Лосский). Вы же как художник знаете, что звезда есть «ангельская душка», а как ученый, что это расплавленная масса. То и другое, однако, не значит «звезда в себе». Но ученые хотят свое представление о звезде сделать преимущественным, и публика уже не знает, а верует в расплавленную массу совершенно так же, как верила в ангельскую душку. Так я всю жизнь верил, что земля шар, а вот сейчас у меня лежит книга Флоренского, который посредством новой, недоступной мне математики возвращается к Птолемеевой системе. Ничего не понимаю, в совершенных дураках оставлен. Потому я бросаю и Флоренского, и школьную учебу и говорю себе о земле, как вижу: конечно ж, плоскость, совершенно такая же, как мой стол. Значит, возвращаюсь к наивному реализму и ничего не теряю. Стол как стол! к черту же отдаленные путешествия, напр. на восток для исследования учения Сакья Муни. Приглашаю Сакья Муни к себе за стол чай пить и наблюдаю, как он ведет себя в нашей обычной обстановке. Он гость – я хозяин. Но это не значит, что его нет, и я выдумал его сам, как Левитан. Он есть, конечно, где-то там на Востоке, моя заслуга в том, что я упросил его пожаловать в мою домашнюю обстановку и стал через это его хозяином, и вел с ним разговор не о страданиях, а об одной комсомолке, которая письмом в редакцию газеты «Смена» (№12) обращается к врачу с запросом, нельзя ли оперативным путем вернуть ей девственность «для морального пользования».

Вот это и есть наивный реализм, теория, приближающая нас к вещам, к человеку действительному, а не воображаемому. Воображаемый Человек, по-моему, создан каким-то чудаком на улице большого города. Знаете, как идешь в городской толпе, думаешь о всем, только не о действительных людях, потому что их чересчур много. Встречается кто-то, кланяется, останавливает, говорит, а вы не узнаете, но делаете вид, будто хорошо знаете. Расстаетесь. Кто же это был? Не можешь вспомнить и, наконец, отмахиваешься: «черт с ним, мало ли тут Человека!» А сколько жестокостей совершается из-за этого обще-человека, сколько лицемерия, книжности. Я очень удивляюсь, как Вы до сих пор не возненавидели это отвратительное понятие, созданное высокомерием, самомнением и всеми смертными грехами. Нет, у всякого человека на земле должен быть паспорт, в котором его мало что имя, а непременно и отчество.

Знаете, Алекс. Макс., у меня талант совсем даже маленький (сравнительно, например, с А. Н. Толстым), но я знаю, однако, что со своим маленьким талантом я сделаю книгу, которая далеко переживет все блестящие книги А. Н. Толстого. Это происходит оттого, что я свой маленький талант обернул и на свою жизнь. Я не разделен: талант мой – это я. Не я служу таланту, а он служит мне для жизни. Я наивно верю, что писательство – самое хорошее, самое свободное занятие в мире. Не пересчитать выгоды этого дела, я могу, например, будучи писателем, охотиться не только по воскресеньям, а и в будни, я могу быть в обществе лучших в мире людей, вроде Вас, я могу во всякое время пригласить к себе великих мертвецов. Редко Вы теперь можете слышать такое от писателей, в большинстве случаев невольников своего таланта. Я лишен чувства славы совершенно и не понимаю, как этой глупостью можно жить (сегодня я, а завтра ты). Конечно, много на свете неудачников, но я их не жалею, ничтожное племя (сам по себе знаю, сам был тоже сколько-то времени неудачником).

4 Января. Потепление. Весь день метель.

План поездки в Питер.

О сочинениях с Груздевым.
– « – с Слонимским.
О детской книге с Маршаком.
Повидать Разумника, Федина, Иванова, Шкапскую, Замятина, Толстого.
В Москве: Дунечку, Огнева, Воронского, Дынник. Поездка должна окупиться продажей детской книжки и маленьких новелл.

5 Января – 6 (сочельник). Приехал Агафон Тимофеевич из Волосовки с дровами, вздумалось поднять князя, охоту предложил ему. Собрались и поехали. К вечеру поднялась метель, ночь бушевала, намело снегу, утром не перестала. В лесу все засыпано, и снег без осадки такой рыхлый, что лыжа проваливается донизу, ходить невозможно, и остается только ждать на дороге. Соловей гнал беляка шагом, пробивал себе траншею. Заяц, верно, смекнул, сделал перебежку по полю, след его вмиг замело, и собаки вернулись дураками. Ничего из охоты не вышло.

Агафон Тимофеевич, приземистый, коренастый мужик, вежлив, но затаен, лишнего слова не говорит. Сумрачный. Хитрый, но туповатый. Скажет, напр., что собаку надо пустить побегать. Ему объяснишь, что эту собаку нельзя пустить, она прямо в лес пойдет зайцев искать, и нам ее не дождаться. Он согласится, а через некоторое время опять разговор: «Да пустите же ее побегать». «Я же, – ответишь, – тебе сейчас говорил, что нельзя». –

«Да ничего, не уйдет». И так всю дорогу. Или о погоде, мы-то уже, охотники, знаем, что если всю ночь метель будет, то следов не найдешь. «Найдете!» – говорит он. – «А если метель?» – «Не будет метели». И так он стоит на своем до утра. «Ну, – говорю, – метель!» – «Метель!» – «А как же ты стоял, что не будет». – «А разве я бог, как я могу угадать».

Так весь он, как бочонок, сбит и обтянут дубовыми обручами, простым бочкам, может быть, довольно и два обруча, а на нем для прочности лишний третий пригнали. Ему по лицу нет и сорока, а лыс, как Сократ, и это хорошо ему, что лысина, только лысина и напоминает о каком-то уме. Я за чаем вздумал раскачать его на разговор и пошутил:

– Вот, Агафон Тимофеич, деревня ваша называется Волосовка, а у тебя так мало волос на голове.

– Жизнь была трудная, – ответил он.

Конечно, из-за войны. Всего: три года на действительной, четыре на войне германской и два в Красной армии. И все лучшие годы.

Так мы вспомнили войну на Карпатах, в восточной Пруссии, и каждый боевой случай Аг. Т. передавал нам с чрезвычайной простотой и спокойствием, напр., как шрапнельный стакан ударил его по правой руке, а левой он перекрестился: «Придется же так: левой рукой!»

Мало-помалу мы подошли ко времени, когда в Петербурге началась революция и свергли царя. На фронте солдатам не сразу об этом сказали. Сначала объявили, что Николай отказался от царства. Потом объявили, что царем будет Михаил. А когда в третий раз выстроили, то подполковник вынул шпагу и сломал. Тут же было объявлено, чтобы честь не отдавать, что солдаты и офицеры на равном положении и все товарищи. Стали, конечно, догадываться и веселеть, разговоры пошли всякие. А что это значит, полковник шпагу сломал – этого понять не могли. Но вскоре приехали делегаты и все объяснили. Тогда солдаты согласились и «перемундировали» полк.

Я спросил:

– Что это значит: «перемундировали»?

Так спокойно ответил Агафон Тимофеевич.

– Известно что: перестреляли...

– Всех?

– Всех.

– А того подполковника?

– Прикололи.

Что-то было в этом последнем слове до того противоестественное, будто о курице разговор был или о баране.

– Агафон Тимофеевич, – сказал я, – за что же всех-то, как это понять?

– Это отмщение, – ответил Агафон, – мучили нас они, вот и отмщение.

– Чем же мучили? – спросил я, желая отвести от себя какую-то серую губастую тучу, наседавшую на меня угрюмо, бессмысленно. Я чувствовал, что Агафон Тимофеевич сам, конечно, сам собственными руками «прикалывал». Мне хотелось узнать, как за десять-то лет осмыслился у этого человека весь этот страшный суд.

– Что это было? – спросил я.

– Было это в Карпатах, – ответил он, – мы сидели в шинелях всю зиму и мерзли, а у них лежали полушубки.

– Почему же они их вам не выдавали?

– Потому что мучить нас хотели.

– Но ведь им же хотелось победить австрийцев, им невыгодно было морозить своих солдат?

– Почем знать? – сказал Аг. Т., – а когда пришла весна, полушубки выдали.

– Зачем?

– Чтобы носили на себе, лошадей жалко, а людей им не жалко. Мучили нас.

Мы помолчали. Было неясно. Я дал время ему немного подумать и опять вернулся к вопросу о мучительстве: ведь никакому разумному существу невозможно помириться на таком бессмысленном мучительстве.

– Может быть, – спросил я, – они берегли эти полушубки, в каком-нибудь расчете?

– Да нет же, – настаивал А. Т., – без всякого расчета берегли.

– Потихоньку, может быть, сбывали?

– А почему же весной-то выдали, всем хватило, весь полк был одет?

Агафон Тимофеевич попал на свою зарубку совершенно так же, как тогда о собаке, что собаку надо пустить побегать, и о погоде, что погода непременно должна быть завтра хорошей. Но я тоже попал на свою зарубку с полушубками и решил привести Агаф. Тим. к сознанию с другого конца. Я стал говорить о Сочельнике и о Новом Годе, что в городе и Рождество отпраздновали и Новый Год встречали, а мужики по-своему празднуют и не хотят знать ничего.

– Потому что они нас не хотят, а мы их, – ответил Агафон.

– Кто они?

На это мой собеседник ответа не дал прямого, но стал приводить примеры и так все запутал, что к полушубкам было невозможно вернуться.

Трубецкой поставил разговор так, что в борьбе народов русские на защиту своего государства выработали самый страшный противогаз: «пролетарии всех стран, соединяйтесь». Это очень неудовлетворительно. Ведь если для производства газов тратятся разные минеральные и органические вещества, то для

русского противогаза тратится самое дорогое: любовь к человеку. Потому что разделение мира на хороших пролетариев и на дурных капиталистов воспитывает ненависть, которая рано или поздно обратится и на хороших.

Тип Олсуфьева – эстет, который всего боится: все презирает и всего боится, ему нет ничего дороже на свете червленого серебра Троицкой Лавры. (Слова Трубецкого, я не знаю Олсуфьева).

Мне жалко отдавать свой интересный материал «даром»: я хочу сказать без оговорки о добывании таких материалов. Везде решительно в нашей неисследованной стране, в любом краю, в любой даже деревне каждый может делать сколько угодно краеведческих «открытий», и все-таки никто почему-то, даже учителя, не обращают никакого внимания на близкое и рассказывают детям о далеком и необыкновенном.

7 Января. Рождество. У Григорьева: спор Левы.

8 Января. Во главе с Иваном Захарычем Деулиным явились пьяные: Иловайский, Кончаловский, какой-то профессор искусств, еще какой-то профессор и какой-то англичанин. Разговор шел о национальности: икона будто бы не нацональна: ее не было в сознании народа (закрыта окладом, заколочена), а открыл ее Саша Анисимов для эстетов. Интересно, что Пушкина сделала национальным в значительной степени Валдайская возвышенность, откуда он вышел (пересчитать на себя: роль севера в образовании чувства родины).

Репетиция

Извозчик. Улица – прогресс. Бебель и Гейне, рабочий (Вильгельм). Vir juvenis* (студент и портниха), Роза Рыжая. Встреча Нового года. Поглощение людей прогрессом, и что остается людям для себя. Прогресс и заключение пространства. Тоска по родине – тоска по пространству и свободному времени. (Россия). Профессора с открытиями на три дня. – Портниха. Вызов в келлер Ауэрбаха <*2 нрзб.*>. Солдатчина.

В Дрездене: искусство. Как на остывающей звезде начинается жизнь, так на остывающей жизни начинается искусство. «Довольно!» – раздается голос из рая, и у дверей становится ангел, заграждая вход пылающим мечом. Последние люди на земле будут поэты и художники: они, умирая, под самый конец покро-

---

* юный муж (*лат.*)

ют землю статуями, картинами, и последние ученые сделают их бессмертными, земля будет музеем человечества.

Роза убеждает учиться мелиорации.

Никиш: музыка.

Значит, это и будет материалом к изображению Музея: Алпатов попал на планету, где земля покрыта статуями, людям нет никакого дела даже до друга. И кто проникается этим, ему становится «возвышенно», и страсть умолкает.

Надо поставить загадку пола у Алпатова и концом развязать ее: на этом и построить роман (напр., ему кажется: «не могу» и виновность.)

В Музее появление Ефима (к этому времени Алпатов отнес уже и рабочее движение к «прогрессу», т. е. что все так и совершится, и так надо только ему-то, Алпатову. Но он может опять «схватиться» за рабочее движение под страхом картины земли, покрытой статуями.

Узел романа: смех Ины Ростовцевой. К тому времени смех, когда Алпатов бесконечно запутался.

В дальнейшем чередование моментов, когда-то Алпатов берет верх (напр., сцена с рабочим в трамвае, красивые грезы...) Из жизни Ины: вдруг разрывает с женихом: это Алпатов узнает от подруги.

К намекам: чего же так держится его Коза, ей ли не чуять мужа?

Крещение солнцем = через Булонский лес пешком в Сен-Клу и Версаль.

Кн. Евгений Трубецкой. «Из прошлого».

О железной дороге: ехать, когда прикажут (чужие границы времени, и так же пространство: и в этом прогресс, как чужое дело).

В нежности к детям сказывалась боль его исстрадавшейся души (значит, душа, страдая, обращается к детям).

Птичье доверие.

«Но присмотритесь внимательно к этому мусору незначительных (детских) воспоминаний: если среди них попадаются крупинки золота, они всегда сосредотачиваются вокруг какого-либо любимого человеческого образа» (Е. Трубецкой, ст. 23).

«Музыкальность души у Папа выражалась «в его изумительной способности уединяться в каком-либо сильном индивидуальном переживании, нередко оторванном от всего окружающего».

«Музыкальная душа – это та, которая воспринимает жизнь не столько зрением, сколько каким-то внутренним слухом».

«Это была рассеянность от сосредоточенности».

«Целиком, без остатка, с забвением всего в мире» (к Солнцу).

«Из Прошлого» Е. Трубецкого создалась по тем же мотивам, как и Курымушка: когда революция разорвала в клочки привычные слова «отечество», «родина», явилась потребность найти в хороших людях прошлого опорные пункты для современности. И пункты эти были найдены: отечество – это отцы, которых мужественные сыны в трудные дни воскрешают в себе для дела любви.

10 Января. Сильный мороз (21^0). В час дня сказали по радио, что завтра потеплеет и возможны осадки.

11 Января. Ночью мороз все сильнее, а утром вышло, как сказали по радио: небо покрылось тучами, и пошел снег.

Я пошел в лес, спастись от головной боли. Снег очень глубокий и рыхлый. Невозможно на лыжах поравняться с гоном, хотя собака гонит шагом. Имел терпение все-таки пять часов гонять беляка. Все, что осталось у меня в памяти, были два дубовых листика, уцелевшие на ветке, мерзлые – они так шептались между собой в тишине, что я долго озирался, пока не разгадал причину. Да, они говорят, растения, животные. К этому шепоту, говору, пению мы присоединяем свой разум, и наша музыка только тем и отличается от природной музыки, что она введена в законы меры и счета, и потому над каждым творением человека необходима пометка имени назначения с именем происхождения (подпись: имя, отчество и фамилия).

Имя назначения: Михаил.
Имя происхождения: Пришвин.
Так надо окончить роман. На камне возле источника Алпатов вырезал: Работал инженер, имя его происхождения Алпатов, имя его назначения Михаил.

Я не понимаю восхищения Е. Трубецкого перед своим братом С. Н. Трубецким за то, что он свои философские мысли принес в жертву гражданственности. Нужно было осуществлять свой гражданский долг не вне, а внутри своего дарования. Не нужно было бросать свою мысль и ехать хлопотать о сидящей в тюрьме курсистке, а довести свою мысль, свою философию до ощутимости людьми волнения автора, его душевного страдания о сидящей в тюрьме курсистке. Пусть это невозможно, но довольно просто направление. Весь же ужас русской жизни состоял в том, что каждый из нас (революционеров, интеллигентов) отрекался от себя самого, жертвовал творчеством ради гражданского долга. Это была слепая Голгофа, совершенно такая же, как Голгофа бессознательных солдат на войне.

Конец Кащеевой цепи: найденная родина, это значит: верное отношение между именем своего назначения и именем своего происхождения.

Использовать для оживления речи не иностранные слова, а перевод с иностранного, какой <*не дописано*>

Большая и последняя перед писанием репетиция.

1-й План. – Формирование творческой личности.

2-й План – Половой вопрос как борьба имени происхождения с именем назначения.

3-й – «Прогресс» Европы, т. е. заключенность человека во времени и пространстве, необходим, но не может быть предметом любви.

Узел повести: Она хохочет.

Рассказ о падении <от> «я – маленький» до возвышения: «я – хозяин земли».

Алпатов входит в Берлин: первое явление прогресса: извозчик и офицер, потом студент, рабочий, vir juvenis.

Переезд в Лейпциг: развитие той же темы поглощения прогрессом личности через описания Университета, профессора Бюхера.

Падение: милые люди, Роза, Мюллер, Мейер. Техника. <*2 нрзб.*> – встреча с Ефимом и расставание. Портниха.

Явление Ины: хохот.

Париж: сердце любви.

Петербург: я – маленький.

Ток.

12 Января. Все, что приходится читать в журнале – неплохо, романы, повести, но мне лично все это неинтересно, и вообще вся эта беллетристика представляется, пишется для юношества, а не для взрослых. Тошно смотреть на печатное.

Был у Пендрие (Петр Любимыч). Говорит, что если в Августе закупить овес и сено, то содержание лошади обойдется 20 р. в месяц.

Русские не умеют трудиться, значит, работать, думая. Масса как бы прямо родится для работы и не создает среднего человека для труда. Рядом с этой рабочей массой выходят отдельные высокодаровитые организаторы. Но теперь эти люди вынуждены «саботировать», и их место занял местечковый еврей. Все это нездорово и жить скучно. Какая-то жвачка. Вот Лева рассказывал, что с ним ехала в вагоне «делегатка», читала свой делегатский журнал о происхождении человека от обезьяны. А по радио в день Рождества какой-то мотор бубнил, что Христос родился от монашки. Тошнит.

13 Января. Вчера Ефросинья Павловна во всей прелести показала свой характер, было голодно и холодно. Пришла тупая

тоска и – что еще хуже потом – какое-то равнодушие, безрадостность существования. Все планы повисли в воздухе, как рельсы ненужного мне скучного человеческого «прогресса». Письмо, полученное от влиятельной лит. группировки, не знаю уж как, всерьез или в шутку, называющей меня первым среди первых писателей сов. России, это письмо не придало мне не только бодрости, но даже капельку душевной теплоты. Все равно...

Скажут, что такие провалы духовной жизни бывают у каждого человека. Не знаю, может быть, да. Но как же быть? Положим, за час до провала я давал кому-нибудь молодому совет жизненный, то что же я скажу, если такой же придет в час провала? Или еще хуже, завтра после провала, когда я, бодрый, опять примусь за работу, придет ко мне и спросит: «Каким же образом вы из провала-то вышли, научите меня». И я должен буду ответить, что не знаю: я спал ночь, утром подошел к ведру с водой, и мне было приятно налить воды в рукомойник, в самовар, мне уже захотелось самому пойти за водой, самому наколоть дров? и мелькнула бодрая радость повседневного труда, захотелось ввести в распределение рабочего дня систему. Да, я просто утром потянулся, и сладкое чувство при этой потяжке явило мне радость существования с его творческим трудом и любовью к хорошим людям.

Вот точно так же и Алпатов, влюбленный в свою «единственную» женщину, однажды вместе с ней потерял весь мир, и ему оставалось только покончить с собой. Но когда пришел конец, он уснул на кусту можжевельника, проснулся, бодрый, среди поющих птиц, встал, потянулся к первой попавшейся женщине, и ему вдруг стало хорошо, просто хорошо, весело, интересно.

Произошла какая-то кончина старого человека, и новый родился, кажется, не от духа, а от простого мускульного движения, сопровождаемого сладостным чувством. Такое рождение «по плоти», так живет вся природа и род человеческий: «слепая выводит».

Теперь возвращаюсь к провалу моего вчерашнего дня, когда умер вчерашний человек, сегодня утром от сладостной потяжки родился другой. Возможно ли себе представить, чтобы вчера человек этот не поддался смерти (провалу) и сверх своего утомления (смерти) мог бы где-то найти точку опоры, поставить на нее свою ногу и оставить на ней готовый след для человека завтрашнего дня?

Есть сказочная мудрость: «утро вечера мудренее», в ней заключается вера в жизнь: умирающий день должен вверить себя будущему, лечь спать.

По-видимому, я так подхожу к «рождению человека», которое состоит в том, что он, раз вверившись этому «мудрому утру», начинает ему служить, т. е. сознательно действовать и

как бы хозяйствовать, заготовляя некий материал, подобный топливу, необходимый для переживания «провалов».

Так в одно «мудреное утро» я принялся писать, и это дало мне счастье. Дальнейшее все мое писательство состояло в организации своей жизни для возвращения этого счастья, вдруг заполняющего пустоту.

У меня талант, у другого интересишко, и он все равно вокруг этого организует свою жизнь. Тут все по степеням.

Писательское осияние, счастье свободы, т. е. ходить мне некуда, везде, на всяком месте я могу безболезненно остаться сам с собой – все это сопровождается любовью к человеку и миру, чем оно отличается от религиозного состояния, с одной стороны, и с другой – просто от интересишка (живчика)?

1) Религиозное состояние.

Предшествует тоже пустота (смерть), потом непременное «осияние» («слад. потяжка», рождение), вероятней всего мое состояние «счастье быть с самим собой» там выражается «счастье быть наедине с Богом» и с разливающейся отсюда любовью. То, что я называю у себя «хозяйственной организацией материалов» для возвращения этого состояния, здесь называется молитвой.

2) Состояние живчика (игры).

По существу ничем не отличается от предшествующих состояний, религиозного и художественного, все происходит только на более короткой волне, т. е. «провал» очень маленький, просто скука, и любовь к людям, поскольку они товарищи в игре.

<*Запись на полях*> NB. Тут есть гордый разрыв с «плотской» жизнью: новое состояние, все равно, будь это сверхчеловек или Бог.

Не оттого ли является Бог, что человеку надо делать не свое дело, очень скучное, очень трудное: «Бог на помощь!»

Надо разобрать три состояния:

1) Человек не удовлетворен работой и работает как раб Божий.

2) Человек не удовлетворен и делает сверх себя: сверхчеловек.

3) Человек занят весь целиком и трудом своим наслаждается. Если спросить его: «Есть ли Бог?» Он ответит: «По всей вероятности, а как же?» «Так, – сказать ему, – нет, и нет». «Извините, – ответит он, – я никогда не задумывался об этом. Но почему вам пришла в голову такая праздная мысль?» – «Попы одолели». – «Бросьте попов, займитесь делом».

Такая картина жизненного процесса захватывает огромную массу людей от спортсмена до пророка. Таким образом, нарастает творчество жизни: у спортсмена прибавляются мускулы, у

художника растет мастерство, у религиозного – предвидение и мудрость.

Но ведь одновременно с этим нарастают и разрушительные силы, образующие те «провалы», может быть, у них все душевные процессы протекают обратно, т. е. «осияние» для них является поводом эгоистических разрушительных действий (Каин, Мефистофель, Люцифер, демон, кулак, ростовщик, жулик, вор, сладострастник, разбойник и т. д., а вместо художника – мещанин – силы, работающие на смерть).

Вот эта поворотная точка к жизни, стальная решимость одного творить жизнь, называется Богом и олицетворяется, другие…

Это замечательно, что попытка организации жизни в любви имеет столько памятников во всякого рода искусствах, а дело разрушения совершается бессознательно, нигде нет учебников даже по воровству, по разбою, по лжи. Дело разрушения проходит в ночи, без формы, без лиц, и если потребуется теория, то для этого приспособляется теория любви (главная масса зла именно и проходит под покровом добра). Значит, смерть не имеет лица и только значится (знак: конь бледный, имя которого смерть, Мефистофель, Каин – все знаки, но не лица). Значит, это все неудачи, несчастия, перечеркнутые черновики.

– Какой там прогресс, процесс, просто жизнь отстоять и то великое дело, да, наше дело жизнь отстоять, а что из этого вышел прогресс, то после нас скажут наши наследники.

Всех труднее жить, конечно, художнику, потому что он вечно трепещет у самой грани жизни и смерти.

У религиозных людей огромные планы, для осуществления их ему даже земной шар не помеха, маленькая величина, у него есть рычаг, которым он вселенную повертывает, рычаг этот – Бог. Но у художника если есть Бог, то он неведомый, ему нельзя даже произнести имя Бога, пока он не явит его и, когда уже сделал, когда все кругом говорят: «вот лицо Бога», сам он недоволен и делает новые попытки, зная, что совершенство недостижимо и он навсегда останется недостойным сказать: «Я – Бог!»

Но что это за художник, о котором я говорю. Разве не были греки, Леонарды, Рафаэли, которые прямо списывали лицо Бога. Но правда ли, что списывали? Да, это было в людях. Теперь же эти видения все исчезли, теперь нет живого образа Христа. Нельзя назвать это имя, чтобы началась брань, крик и настоящее столпотворение. Надо забыть это слово так основательно, чтобы люди отвыкли, и явилась бы у них в существовании неопределенная неземная тоска. После того Бог сам явится. Бог

умер, Его нет, мы просто живем, в такой ужасной борьбе, что, выходя из дома, не знаем, вернемся ли назад. (Как в 19-м году). Мы действуем и не можем созерцать, когда накопим жизни, то нам нечто предстанет для созерцания, но я не представляю себе срока накопления, когда человек мог бы снова сказать: вот Бог! это Он! И как это мудро у хлыстов: человек работает – Бог спит, человек спит – Бог работает.

Да, конечно же, Бог не умер, а спит.

Бог спит!

Тише, тише, Бог спит!

Тише, дети, не будите Боженьку раньше времени, он устал, и если вы его разбудите, он не поможет вам, а будет ворчать, и вам будет плохо.

Не будите Бога, дети мои! пусть Он отдохнет.

Идите просто на работу и делайте не больше того и не меньше, что дано вам от природы. Не бойтесь, что без опоры на старого Боженьку вы попадете в руки темных сил, этого не будет, потому что у них ни рук, ни ног, ни лица, там нет ничего, просто дно, по которому можно ходить. Там бесплодна земля, и вам для работы непременно надо подняться выше, и только уже когда вы заберетесь слишком высоко, то в темной пропасти явятся странные призраки, но вы и будущего не бойтесь, к тому времени явится Боженька и будет вам помогать.

Трое взрослых, здоровых людей сидят на моей шее, из них один Лева связан со мной внутренно, и я не чувствую его на себе, мне для него приятно работать. Е. П-а вовсе разбаловалась. Она считает свою копню за великую работу и никак не может догадаться, что не в работе ее ценность, что работе ее грош цена. Подумать бы: я встаю в 5 часов, варю чай, работаю. В девять она подымается, пьет чай, берет у меня денег, покупает провизию, варит обед. В час я прихожу, она ворчит: «Хорошо вот так ходить руки в карманы»... и проч. А в сущности, она сделала, только что обед себе сварила и сама его съела, потому что я не в силах был слушать ея вздор и ушел обедать на вокзал. Сердиться на нее невозможно, но меня иногда бесит ее воркотня, потому что под ней скрывается неуважение и зависть раба к умственному труду: что-то не личное, а вообще русское. Русский человек не умеет работать, думая: он делает нехотя, кое-как и всегда завидует тому, кто знает секрет успеха труда (работать думая).

14 Января. Весна света стала заметна на глаз. Сильный мороз. Солнце. Звездные окна.

Родники любви у человека:

Первый родник – личное счастье, которое мне представляется годовым праздником у большого стола, за которым я сижу хозяином со своими родными и друзьями. Любовь выражается

желанием весь мир пригласить за свой стол. Однако эта любовь ограничена невозможностью созвать всех, и ее омрачает воспоминание о Лазаре, который питался крохами, падающими со стола богатых. Милосердный хозяин не останавливается перед этим и выходит за границу расчета: «Садись, – говорит он Лазарю, – и ты за мой стол!» Являются новые Лазари. «Гуляйте все!» – объявляет хозяин. И пропивает все свое имущество, сам обращаясь в ничто.

Сколько великолепных русских людей такой оргией закончили свой жизненный путь.

А поэты, подобные Есенину, разве их счастливая жизнь не была такой оргией?

Эта любовь происходит от здоровья души: мне хорошо и я желаю, чтобы всем было хорошо.

Другой источник любви от счастья (тоже и непременно от счастья), выздоравливающего от болезни несчастья (несчастье, конечно, только болезнь). Тут при бедности, хотя и нечем материальным угостить людей, зато милы радости жизни, и гости бывают без вина пьяны.

Глубоки родники этой любви, но безумно было бы здоровому искать болезни для познания любви. В этом и есть безумие христианства и страшный вред его.

С этой стороны и нападает на него социализм. Но, будучи сам порожден заблуждением христианства, будучи сам по себе лишь силой греха, социализм существует лишь до времени восстановления истинного учения любви.

Русское народное сознание: Христос был хороший, виноваты попы (царь и чиновники). Другими словами: Учение Христа верное, но виновата церковь (церковь отвечает Великим Инквизитором, а Розанов церковь оправдывает и уличает Христа). И так можно повернуть: одни считают церковь за антихриста, другие антихристом считают Христа.

Но как же я в глубине своего сознания?

Христос наверно сила спасения личности, это путь восстановления утраченного родства. Но, вероятно, Христос больше Евангелия. А то как же понять «оставь отца и мать» (против этого: «чти отца и мать»). Про себя понятно, бывает необходимо и оставить отца, но если это обернуть в «шедше, научите все народы», то как раз и получится тот ужасающий вред, от которого произошел социализм, как сила греха.

NB. С одной стороны, «научите все народы», и в ответ, с другой стороны, тоже обратная формула материализма для «всех», там все и тут все.

В настоящее время столько накопилось всякого рода религиозных изысканий по этим вопросам, что разобраться в них не хватит жизни, искание в этом сводится к исканию лишнего языка в столпотворении Вавилонском. Первая задача – это охрана в ссбе простеца, т. е. надо, имея в голове все эти темы, решать

их частично, пуская в оборот своего повседневного труда (подсыпать в жернова этого порошка столько, чтобы мельница не останавливалась). Надо иметь ввиду, своим созидающим ежедневным трудом я являюсь одной из подробностей мировой мельницы, что эта механическая мельница «в общем и целом» мелет то же зерно, как и моя духовная мельница, но только механизм личности и мировой мельницы совершенно иные, что если меня движет Христос, то другого – сила совершенно другая.

Не проповедь Бога нужна человечеству, а охрана Его в себе. Эта охрана Его в себе должна создать такое напряжение, которое передается (объективируется) в общем деле, нужно создать вещь, заключающую в себе личного Бога, не раздумывая, не подчиняясь, не насилуя, не разглагольствуя, не страдая, люди примут его «мое тело», а ликуя. (Это, конечно, не «хлеб», предложенный Христу дьяволом).

<*В подлиннике зачеркнуто*> Просто говоря, нужно заниматься творчеством, а не методикой творчества.

К Алпатову

Из беседы с Григорьевым выходит, что мысль моя о девственности, создаваемой искусством и наукой, верная. Тема Успенского: «выпрямила». Так все хорошее искусство (отчасти и наука) выпрямляет, т. е. дает возможность забыться от пола («принимающей» похоти). Таким образом, Алпатов входит в эту атмосферу девственности и сам настолько становится девой, что Ина и другие женщины с ним обращаются как с подругой. Только Ина разгадывает его подземную борьбу и потому (сама, вероятно, страдая тем же) начинает истерически смеяться.

Следовательно, Музей – это большое место в романе.

Вполне понятно отступление Алпатова к дикарям и оздоровление, но дальше, когда попрана девств. плева (искусство), дальше...

15 Января.

План работ

К 15-му Апреля я должен совершенно окончить «Любовь»: три месяца – 4 листа. Если дадут 1000 руб. – это как раз и хватит, а потом возьму еще аванс. –

<*На полях*> 2 стр. в день = 1 ½ л. в месяц.

16 Января.

– Не верьте писателю, если он пишет историческую повесть, что он в прошлом: он описывает его настоящую жизнь в образах прошлого. (Это я подумал при чтении своего романа «Любовь»).

– Человек тем отличается от зверя, что освободил свои передние лапы и создал ими культуру.

– Возвышенное искусство («выпрямила») потому так называется, что человек под воздействием его становится как бы выше своих животных влечений (это искусство все вокруг Девственницы), отсюда рождается драма: преодоление девства.

Завтра или послезавтра приедет Разумник. Надо с ним посоветоваться: 1) о собрании сочинений (и в отношении к Груздеву), 2) о «Кащеевой цепи».

17 Января. Перечитал вчера «Любовь» и понял, что это я так изобразил Голгофу, а между тем, я не знал об этом совершенно ничего и даже разбойников поместил только потому, что так было со мной. Ясное доказательство, что я человек христианской природы.

18 Января. Вчера приехал Иванов-Разумник, и сегодня я его с тоской проводил. Он так несчастлив, что ничем ему не поможешь, как-то безвыходно в нем, удар ему пришелся по голове: «Ты Разумник, так вот будь же ослом» (острие в острие). Тут как-то даже и повернуться нельзя. В его положении надо уйти от всего, чем жил, от литературы, политики, найти родники жизни глубже всего этого и в этом быть счастливым. Так все живут чем-то...

19 Января. Тихо и ясно. Лунная ночь. Сильный мороз. Великолепный восход весны света.

Нельзя говорить людям о своей слабости и тоске, но трудно иногда выносить, когда на слабом месте жизни обнаруживается вдруг чувство мысли о жестокости и незащищенности бытия человека на земле (опять говорят о войне, опять шушукаются о непрочности основ Сов. союза). Надо будет оградить себя защитными молитвами.

Чувство мысли. Появлению своей мысли всегда предшествует чувство, новая мысль непременно родится в сорочке чувства и если, появившись, вдруг забудется, то вспомнишь потом по чувству. Можно не бояться, что рожденная мысль пропадет, мысль эта непременно вернется.

Настоящая, своя, собой самим рожденная мысль является, как солнце, в предшествии зари.

Защитная молитва от жидов Госуд. издательства: ничего не помогает, кроме матерного слова. А так как это расстраивает жизнь (выводит из себя), то все переговоры надо поручить другому лицу с более крепкими нервами.

В субботу Р. напишет, в понед. – вторн. я получаю ответ о «Собрании» и до 1-го Февраля должен покончить с вопросами существования и приняться за дело.

20 Января. Тихо. Ясно. Мороз.

Не оставляет тревога о войне. Приходит в голову, что эта тревога – явление моих уклонных лет. Но это неправда. Это новое против прежнего желание жизни. Прежде мы знали, что воюет одна незначительная часть общества (наши «герои»), а общая жизнь продолжается. Но теперь, если война, значит, всех дочиста. Первобытный человек, животное, вообще все в природе: личность не защищена, и защита направлена к продолжению рода, число особей – лучшая защита рода. Личность – ничто. И вот теперь мы вернулись к тому же пещерному человеку: мы в отдельности ничто, лишь бы выжить государству, социализму, коммунизму.

Все дело в том, что в христианской культуре действующим фактором явилась личность и общественность стала лишь этапом в самосознании личности. Герой, хотя умирает за други своя, но умирает добровольно, сознательно, смерть за ближних – высшее проявление личности: так личность достигает «бессмертия» (смертию смерть поправ). Теперь же такое состояние стало обязательным для всех, а вместе с тем, и тем самым свобода личности, ее самопознание исчезло, и мы вернулись к первобытному состоянию.

Я понимаю, отчего это произошло. Навстречу бессмертной личности явилась фактическая конечность: индивидуалист, произошла подмена личности общественной индивидуальностью безобщественной (буржуй). Навстречу индивидууму встало безликое общество (как коровы вдруг соединяются против волка). В таком обществе искусство как манифест свободы личности, конечно, невозможно. И если допускается искусство, то по тем же мотивам, как частная торговля, там нэп, тут нип (новая политика искусства). Задача времени: вогнать личность (героя) внутрь рода (класса).

Быть может, это и возможно бы было, если бы класс пролетариев был чем-то однородным, но его объединяет только до некоторой степени общность материальных интересов, и то очень искусственно (крестьяне и фабричные).

Мы думаем, что личность, созданная христианской культурой, остается в стороне от борьбы индивидуализма с социализмом, что она включает в состав свой капиталистический индивидуализм как средство ощупывать вещи и социализм как средство соединения индивидуумов в общем деле преображения земли.

Вот говорят теперь, как лозунг, «труд», но поди, потрудись, если не работается.

Что думает пролетарий, когда ему не хочется работать? Он думает, где бы ему выпить. Труд, как и любовь, чрезвычайно сложные понятия, праздность и ненависть входят в процесс творчества такими же силами, как труд и любовь. Надо реко-

мендовать пролетарию не труд и любовь, а жизнетворчество. Это будет честнее, потому что скажи «трудись», значит, скажи и «не пей», но если скажешь «твори», то при творчестве можно и выпить.

Мой роман «Любовь» должен разбить это понятие и все свести к жизнетворчеству.

Прекрасная Дама непременно Дева, и родить может только Бога. Так смотрю на ангелов Рублева и чувствую в них монаха, заменившего любовь к женщине искусством. Такое же происхождение и Тургеневских женщин. И не такое ли же происхождение моей весны? Вероятно, потребность в творчестве потому вызывает образ Девы, что исходит из источника жить, значит, продолжать себя и, если почему-нибудь нельзя продолжать себя кровью, творец продолжает себя духом (отсюда разделение на дух и материю). Может быть, христианство перегнуло слишком дело жизнетворчества в сторону духа и задело этим творчество тела до такой степени, что произошло восстание плоти. Социализм только продолжает дело капитализма: пролетарий добивается не духовных ценностей, а материальных благ, захваченных капиталистами. Новым в этом перемещении благ является только страсть голодного варвара, его наивная вера, что в материальных благах заключается и духовное благо (обман голода, а как наелся, так все и кончается). И се будет продолжаться, пока не вскроется обман Великого Инквизитора.

Повторные сны
(Из своей жизни)

Я хотел написать рассказ о любви так, чтобы истратить на него все материалы моей жизни. Когда я в своей работе стал подходить к последней черте, вдруг охватила меня ужасная тоска и предчувствие беды: мне казалось, что я об этом напишу, то мне в жизни ничего не останется, и я лишусь даже способности радоваться жизни и писать.

Вот сегодня я видел сон, который как будто повторялся мне, и рядом с ним припоминал другой, тоже повторный, но уже конченный: он больше не повторялся, потому что я его записал и даже напечатал подробности в одном моем рассказе. Мне это представляется совершенно естественным, что сон должен прекратиться, если его опубликовать. Вот почему: в моем распоряжении нет средств передать музыкальность сна, я только могу рассказать его сюжет; если бы у меня были средства вполне воспроизвести его наяву, то он мог бы еще повториться и во сне, но раз я его исказил, то он забывается и больше уже не является. Так было с тем конченым сном.

Мне повторно снилось, будто я иду в какую-то совсем желтую землю за Каспием, там небо очень синее, и я иду на желтую гору под синим небом, весь растворяясь в остром сладостном счастьи. Только музыка могла бы передать этот сон, но я записал его просто словами, и сон кончился, мне больше уже не снится сладостный край желтой земли под синим небом.

Другой сон, повторный, виденный мной сегодня, я сейчас запишу и, мне кажется, тоже этим его прекращу. Эта земля, мне представляется, лежит к северу от моего постоянного места, сказал бы, что приблизительно Олонецкая, Вологодская, Вятская губернии и дальше на восток. Но земля эта совершенно пустынна и представляет из себя среднее между землей и водой, вроде шхер, по которым и корабль может плыть. Если ехать по этой земле дальше, то войдешь в открытое море, никому не ведомое и бесконечное. Там тепло, в синем прозрачно, и солнце уже никогда не сходит с неба. Сегодня мне снилось, что я собрался, было, уже ехать в эту знакомую мне по прежним снам страну, но был посажен в тюрьму, где долго сидел. И вот когда меня выпустили, вижу, едет на парусах «шестипушечный фрегат», посланный мне кем-то для путешествия в ту землю. Вокруг меня собираются друзья и начинаются радостные сборы в экспедицию со всеми прекрасными подробностями.

Вот я теперь записал этот сон и думаю, больше уже не повторится мне во сне та волшебная страна. А любовь, пережитая давным-давно в юности, ведь в разных только вариантах она снится всю жизнь. Может быть, все мои радостные писания, вся охота к ним исходит бессознательно от тех моих снов. Что же, если я сознательно запишу свою любовь, не кончатся ли все родники моего <*1 нрзб.*> существования, которое мне представляется волшебным, из-за чего и хочется жить и ждать новой весны?

Как странно сошлось, что ночью видел волшебное путешествие, а утром получил письмо из Питера с предложением приехать и заключить договор на собрание сочинений. Трудно охватить всю радость, принесенную мне этим письмом. Вчера из-за денег, необходимых для существования, я должен был расставаться со сказкой, которую, исказив, я, может быть, опустошил бы всю свою душу, сегодня я свободен. Я могу три года жить и писать свободно, и даже я могу совсем не писать! А поездка в Питер, на свою духовную родину, где я не был почти десять лет и в самое лучшее для Питера время: весной света – это совсем похоже на волшебное путешествие во сне.

Теперь я начинаю собираться радостно в эту экспедицию.

1) Отправить спешное письмо Груздеву о приезде в понед., вторн. или в среду.

2) Привести в порядок 1-й том, найти.

3) Купить тетрадку для записей.

4) Написать Леве письмо.

5) Ехать, не расставаясь и с темой романа, и все узнать новое, и дела делать не только по Собранию, напр., надо повидаться с Маршаком и переговорить о детских рассказах. Повидать Федина, в Эрмитаже быть.

22 Января. Морозно. Ясно. И уже в полдень на солнце даже после ночного мороза в 20° маслится лед. На постоялом дворе слышал крик петуха на весенний лад.

Завтра еду в Питер продавать сочинения. Если все будет благополучно и я сделаюсь на два года свободным человеком, то занятия свои распределю так. Первое, буду писать постепенно, не считаясь с редакцией, «Любовь», буду ежедневно возвращаться, как к молитве, к своей теме, и, наконец, добьюсь, что «Любовь» у меня выльется в свободном, ясном и простом рассказе. Второе, время от времени буду посещать Зоопарк с целью войти в дело природостроительства, написать потом книгу о зверях небывалую. Весенний месяц охоты с 15 апреля – 15 мая провести или на Дубне, или в Ведомше. Перевезти лодку. Заготовить материал для изгороди. Выяснить дела с «Раб. газетой» (дать о матерном слове).

К Алпатову: «прогресс» – это была особая вера науки, вера знания. Первое соприкосновение со всякой наукой сопровождается каким-то исходящим от дисциплины светом, направленным в такую сущность мира, которая в будущем открывает всем счастье. Юноше кажется, что если он этим займется, то он и определится в отношении к людям и к миру. Из всех этих чаяний, этой сердечной жизни ученых складывается общая вера знания, называемая словом «прогресс», сопровождаемая расчетом: сегодня электрические лампочки горят в богатых домах, а через 50 лет будут гореть во всех хижинах, вчера общались курьерами, сегодня по радио. Но юноша еще не знает, что эта даровая услада знания непременно исчезнет, если только сам он не станет в науке творцом, а чтобы стать самому творцом, надо когда-нибудь остаться совсем наедине с собой так, будто «прогресс» идет сам по себе, обирая творчество людей и не оставляя им для себя ничего.

<*На полях*> Странно, что наука, цель которой всякое чудесное явление мира обставить со всех сторон доступными разуму причинами, при первом соприкосновении с ней сама излучает из себя чудеса и ценой своих причин от причины к причине уводит <*2 нрзб.*> к первопричине, которая будет когда-то разгадана.

Однако если мелькнуло в уме, что на свете что-то неладно с прогрессом, то это не значит еще каких-нибудь последствий

для жизни: человек будет жить, как он жил до сих пор, пока ядовитое семя, долго вращаясь по крови, не попадет на самую середину жизни. А потому Алпатов идет на лекцию по-прежнему, слушает, записывает...

Восстановляю в памяти вопрос свой доктору Москвину в Клину: «Посев клевера есть факт несомненного перехода к более высокой культуре с. х-ва, но ведь не мы с вами выдумали клевер, мы с вами не страдали за клевер, не любили его так, что жизнь наша ставилась бы в зависимость: «клевер или я». Но если трехполка сменяется четырехпольем с клевером, то нам-то какое дело!»

Понятно, что при такой остроте запроса к личности Алпатову мир людей переставляется, и он видит прогресс только в сцепке его с человеком. Он падает в мир несчастных людей, в их трагедию: это когда «открылись глаза» (на внутренний мир). В таком состоянии происходит уверование сектанта, солнце останавливает звезды, возвращается к тем звездам человек, какими увидел их первобытный человек. Все живое. Месяц.

<*1 нрзб.*> последняя шкура была сдернута, и человек стал нагишом, нагой душой к нагой душе. Там, наверху, где-то были «счастливые», но они недоступны.

Когда Алпатов сжег письма, то в эту ночь... Он не знал, что в эту ночь он сорвал с себя последний якорь, который держал его в глубине и что он плывет теперь на прекрасную поверхность освещенного солнцем мира. (Вопрос: отчего же это произошло? от смерти, то была смерть, и выплыл наверх ребенок в детский мир; все отпало прежнее, потому что он умер, и это надо описать, как смерть; значит, Петербург ему будет агонией с мотивом: «я – маленький»).

Но ведь не мог же умереть он так, чтобы не осталась память о прежнем? она слилась со всем миром: «всем так». Смерть, как тюрьма, открывает свободу (после смерти – хорошо). (Тюрьма = смерть = кащеева цепь). В общем, тема: человек умирает и родится при жизни: переход Алпатова к радости жизни такой же «естественный», как при выходе из тюрьмы = мотивы тюрьмы = мотивам любви, только все углубляется: там было освобождение, здесь воскресение. Окончательно: человек может быть человеком, если он дает что-то другим, а дает он, если творит, и начинает творить, если исчезает «личная заинтересованность». Он <*не дописано*>

Музей – как собрание памятников творчества Девы (Дрезденский музей). (А Рубенс?) Там же встреча с Ефимом.

Волково кладбище: «Энциклопедия» Павленкову. (Виктор Иванович = святой библиотекарь Попов: почему это не настоя-

щие святые?). Это должно окончательно сразить Алпатова: т. е. что и в работе выхода нет.

Творчество истинное: так же как корчуют для нивы кустарники, так для творчества надо освободиться от себя, чтобы «я» не было преградой. Надо, чтобы «я» преобразилось в «я – это весь мир», и в нем где-то на разных ступенях и человек, и, значит, «я», вместе с миром и человеком – мы.

Музей.

Пусть Венера голая, пусть на мраморе видны все мельчайшие изгибы тела, но ведь все эти линии и краски не движутся: они отвлеченные, значит, отвлечены человеком, заменившим асимметрию своих чувств симметрией разума и гармоничного духа. Они все несут в себе печать смерти в создании девственного мира.

23 Января. Сдало. Пырхает снег. В 3.10 дн. выезжаю из Сергиева, в ½ 6-го на Николаевском, а поезд в Ленинград идет в 9.30.

24 Января. Питер. Город мертвецов. Грандиозность Невы и кучка рабочих: Ленинград. Козочка пропала. (Лавочки даже все на прежних местах). Сергей Алекс. Семенов. Ему город хорош: «Вам это литература, мне – родина». – «А как вы чувствуете класс?» – «Не люблю интеллигенцию». Дом, нельзя дом отдавать, а вот дворец и все сделано рабочими, не архитектор, а рабочие. А потом оказывается этого чувства много, и есть теория.

Евгений Львович Шварц.

Ася Никитична Старк – детский отдел.

Маршак.

Маршак до 12 звонить или в 6–7 веч. Пантелеймонов <*1 нрзб.*> (ул. Пестеля) д. 14, кв. 11, 2-й эт.

Сергей Александрович Семенов.

5 томов, 60 листов = 9 тыс. (или 10т. 500 р.).

Срок договора относительно первых 4-х томов 2 года, относительно двух последних 3 года;

Сроки рукописей и уплата денег.

Вот тут-то, конечно, все и заключается: архитектор строил или рабочие. Мне представляется, что архитектор, ему – рабочие. Но и это чувство вещей, материи он называет «классовым» чувством. Я ставлю на проверку это чувство: если оно «классовое», то сводится к революционно-интеллигентскому, если же универсальное, то это голос земли, материи; если первое, то значение его только разрушительное, если второе, то созидательное и совершенно новое и близкое мне. У меня оно есть, но выходит из сострадания, из сочувствия и жалости, у них же – из «хозяйского» чувства (вспоминается Волково кладбище: Белинский и Павленков).

Вызван дух хозяина земли. Вызвал его «интеллигент»: но интеллигент хотел стать хозяином вызванного им духа, а тот показал ему кукиш: «я – хозяин», и стали врагами друг друга (вот почему Семенов при моем запросе о природе его классового чувства сказал: «я не люблю интеллигенцию». Очень интересно еще, что все трагические положения личности, о которых я ему говорил, не могли тронуть его, а когда сказал, что это религиозное чувство, что все дело в бабе и что Мадонна есть запрещение жизни (девственность), то вдруг все понял.

А это интересно, что «классовый человек» стал хозяином и поработил не капиталиста, а «архитектора», и что тайная злоба его направлена не на «буржуя», а на личное творческое начало («архитектора»).

Мальчик смотрит на танцующих и страдает, потому что боится не «попасть в такт»: они танцуют, а он страдает, и им «барышня», а ему дева недоступная. Приходит час, и он 1) не может взять ее, робеет перед «Девой», 2) он захватывает деву, насилует ее, падает, 3) он <*не дописано*>

25 Января. Подписал договор на Собрание сочинений. Познакомился с Тихоновым. Выпил с Фединым и т. – хорошо! (Имена: Ангерт, Измаил Михайлович Ледницкий. (проверить).

26 Января. Заключение договора и в заключение скандал в «Кавказе».

Четверг 27 . Поездка в Царское. Обед у Замятина с Разумником. Поэзия писательских разговоров. Происхождение «12-и». Конец у Форш.

Пятница 28. Ссылка и каторга. Обед у <*1 нрзб.*>. Маршак. У Форш о Молли и Нолли.

Суббота 29. До 3-х – в Гизе: литература. Спать к Семенову. 30-го до... У Федина.

Воскресенье 30. Церковь. Чуфут-Кале. Памятник Суворова. Сейфуллина. О Бухарине = К Иванову-Разумнику. В Царское.

Почти десять лет я оставил Петербург и вернулся в Ленинград: да, действительно Ленинград, потому что Петербург умер – это другой город. Но Петербург был моей писательской родиной, и как только вышел я на Неву, мертвецы окружили меня и подавили все восприятие современности. Мне пришлось вступить в литературный круг Петербурга после 1905 года, когда интерес к политике в обществе совершенно упал. Некоторое время в литературе господствовало декаденство и модернизм,

все старались как будто написать как можно чудней, и эти танцы перьев были похожи на всеобщие народные танцы после второй революции. Вскоре, однако, кружком Мережковского был объявлен конец «язычеству», и желанной литературой был объявлен эпос. Мне так и не привелось побывать на «языческих» вечерах Вячеслава Иванова, а начать знакомство с литературой можно прямо в христианской секции Рел.-фил. общества под руководством Мережковского. Тут, возле этого кружка, я познакомился с Блоком и многими другими поэтами и писателями. Блок, красивый, блестящий поэт, окруженный барышнями, поразил меня с первого знакомства серьезностью своего духовного внимания. Он говорил «по духу» и там, где все обыкновенные люди говорили шутя. Розанов однажды в большом собрании Рел.-фил. общества остановил меня и сказал: «Ну как, поглядел на хлыстов?»

В это время Блок проходил мимо нас. Розанов поманил его к себе, взял за талию *<не дописано>*

3 Февраля. Погода маслится, табунятся вороны. Кричат коты. Вчера утром вернулся из Петерб. со щитом: продано Собрание сочинений.

Из петерб. впечатлений.

...и когда я увидел Неву и дворцы, то мертвецы обступили меня, в последний раз я вспомнил свою Козочку и махнул рукой: незачем искать ее и невозможно. А вокруг меня говорили, что город с 700 тыс. возрос на 1 мил. 200 тыс. и стал таким же, как и раньше, и что в хороший солнечный день на Невском, как и у Гоголя.

Сергей Александр. Семенов, писатель, и жена его Наталия Георгиевна (птица в комнате). Классовое чувство; что это такое? «Я не люблю интеллигенцию». – «А дальше?» – «Я люблю вещь, и познал, что все эти дворцы сделаны руками рабочих, а не архитектором. Вот это».

Беседы с Форш. «Встреча не произошла». Да она и не могла произойти. (По свидетельству матери Блока они не сошлись, и эта мука давала его стихи, а она осталась с арлекином).

Революционеры берутся от попов, Горькие от дурных романов (Форш), антропософы от евреев и т. д.

Почему Белый не вынимает леса из своих романов (оккультизм)?..

С новой силой встает выпитая поэтом женщина. (Сама-то Форш как поэт мужского рода и, значит, выпила своего мужа, который всю жизнь переводил Фауста). А Софья Андреевна

Толстая? сколько было тут симуляции единства! и кончилось все-таки, что они разделились: он выпил и бросил.

<*Запись на полях*> (Послано Пете 50 руб. Получен аванс с Нов. Мира – 1000 р. Послано письмо Горькому. Письмо в Англию.

4 Февраля. Ясно и тихо. Легкий мороз. На дорогах показались снегири. В лесу некоторые птицы начинают петь новыми голосами.

В народ пущено опять это слово «война!», и сразу же все стали готовиться: кому бы надо купить 10 ф. муки, покупает два пуда. Граждане думают жить по вчерашнему опыту, как вчера думали по прошлому и, несмотря на то, что жестоко ошиблись, все-таки продолжают быть методистами. Мы же будем мобилизовывать себя в том смысле, чтобы встретить конец свой равнодушно, оставаясь на своем месте.

<*Запись на полях*> Послан рассказ «Птицы под снегом» в «Следопыт». Написан рассказ «Зайцы-профессора».

Написать А. М-у о лодке.

5 Февраля (23 Января). Мое рождение: 54 года. Питерские впечатления: 1) Пустой город. 2) Дворцы. 3) Классовое чувство: «не люблю архитектора». 4) Крепостные писатели (встреча с Семеновым и проч.), кончая Сейфулиной и Бухариным. 5) Улицы: декабристы и великаны: «по улицам слона водили». Тябок. Воскресенье на крови.

<*Запись на полях*> Учитель естествознания Шевалдышев.

Леве дано до 20-го февраля:	25 р.
За машинку:	5 р.
Профсоюз:	30
	60 руб.

Остается 500 + 370 = 870
Истрачено: 30 Еф. Пав. + 60 Леве = 90

«Зайцы» – посланы в Моск. охотник:
«Птицы под снегом» – в «Следопыт» и Маршаку.
«Луговка» – Маршаку.

7 Февраля. Говорят, что белки начали гоняться, двойные следы. Стоят легкие морозцы.

В субботу в день моего рождения произошла схватка советского Левы с Григорьевым, и у меня явилась потребность обдумать все «за» и «против» Маркса (т. е. напр., о классах; от ежедневного чтения газет и всей долбежки все-таки вошло

помимо воли в себя это учение, а нужно попробовать передумать учение о строении общества вне классов, потому что это уж верно, что если о чем-нибудь много говорить массам, то это для обмана их, для прикрытия тайных руководящих сил. А еще нужно бы войти в природу великоросса).

8 Февраля. С приезда, за неделю написано 4 детских рассказа. <*Запись на полях*> Вчера написан рассказ «Куница».

Мелькает план: поработать в Зоологическом саду, пересмотреть этих же зверей и птиц на воле, напр., в Уссурийском краю и на месте у населения выспросить о них легенды (Человек и животное). Начну с посещения Зоопарка в ближайшую поездку.

Н. Т. В-а:

первое знакомство было, как встреча нежно любящих родных. Потом, разойдясь на несколько дней, он думал о ней часто, и радость встречи стала выделяться, вспоминаться, как сладостное чувство. И когда они встретились снова, то ему уже было неловко, чуть-чуть боязно, чуть-чуть стыдно. Значит, за эти дни, хотя он и не «смотрел на нее с вожделением», а только выделял сладость встречи, он «уже прелюбодействовал с ней в сердце своем». «В сердце», значит, отдельно от нее, и весь грех (отчего боязнь и стыд), что не с ней, а один (потихоньку один выпивал ее сладость). Но если бы в коротком чувстве шло до конца, то не было бы вожделения и греха, или сразу в ответ получить такое же чувство. Может быть, вся поэзия есть отдельно от нее выпиваемый поэтом напиток. 1-й пример: Блок и Любовь Дмитриевна. (Разумник говорил со слов матери Блока, что они не соединялись, любя друг друга; кончилось, что она ушла с арлекином, а у него Прекрасная Дама обернулась в проститутку).

2-й пример: Ремизов и Серафима Павловна. 3-й – я. Вообще надо заняться и пересмотреть природу всех крупных поэтов с «точки зрения»: обязательна ли для творчества поэтически выпиваемая женщина и что она непременно одна или, может быть, много. Видимость множества женщин (как у Пушкина) совершенно ничего не говорит. В этих «любвях» есть свой кульминационный пункт («Единственная»).

N.B. Встречи (совокупления) с Прекрасной Дамой у Блока, видимо, не произошло, а Ремизов ухитрился от Прекр. Дамы получить даже ребенка, которого, конечно, бросил и тем восстановил Прекрасную Даму (детей от Пр. Д. иметь никому не дано).

В моем романе это и будет: 1) подкоп под «Прекрасную Даму» (т. е. выпивание ее про себя), 2) тот же возрожденный в природе человек соединяется с женщиной естественно, просто, безгрешно.

<*Запись на полях*> Лучше всех маскирует себя тот, кто пишет свою биографию.

Итак, поэтическое чувство, это излучение чувства жизни в пространство. Поэтическое творение будет здоровым, сильным, прекрасным, если оно является завершением трагедии жизни. И оно будет упадочным и убийственно вредным, если для осуществления его поэт отстраняет от себя простую, общую всем трагедию жизни (как Ремизов устранил ребенка, как Учитель – Доктор, умерщвляющий чувство жизни в своем зародыше! Вопрос о Ремизове я поставил потому, что неизвестна мне эта история, в жизненном порядке ведь можно и ребенка устранить, лишь бы это входило в жизненную трагедию, а не устранялась бы жизнь ради поэзии. Да что! допустимо и последнее, лишь бы не было в этом загада (сознания).

С. А. С.

Анализ «отталкивания». С. А. не любит архитекторов, а я, наоборот, люблю архитекторов и не люблю рабочих, имеющих претензию на здание. Нас друг от друга что-то отталкивает.

Что это?

Может быть, меня отталкивает вообще крепко сшитое нравственное чувство старых революционеров (нельзя побаловаться), все равно, как и сектантов? Потом я сам по природе своей близок к сектантству, но избежал его (убежал).

А на другой стороне? Занятие искусством вообще считается там баловством, архитектор, с этой точки зрения, в сравнении с рабочим коллективом, строющим здание, баловник, а претензия его подписать свое имя под постройкой – ненавистна. Отсюда нелюбовь к архитектору (индивидуалисту, личности). Так с точки зрения «шкедов» – все учителя «халдеи». Наше отталкивание с С. А. – отталкивание шкеда от халдея. В этом и заключается «классовое чувство»: «шкеды» требуют себе такого «халдея», который мог бы ими управлять, а плохим халдеям кажется, что они вообще не хотят халдея.

Что я думал при чтении книги «Республика Шкид».

Первое, что теперь время не законченных в форме творений, а накопления документов жизни.

Второе, что республика Шкид все-таки была создана халдеями, что революция шкедов была ставкой на хорошего халдея.

Третье. В окошко школьной республики виднеется весь наш Союз.

Четвертое. Почему «беспризорность» у нас пользуется госуд. покровительством: напр., вся Сейфуллина появилась только потому, что описала беспризорников. Причина интересна, потому что ведь все-таки это хорошо.

9 Февраля. Купили вечером ¼ вина, 2 ф. сыру и пошли сидеть к Григорьеву. Говорили в связи с Флоренским о духовной мимикрии (die Erde, als Totalebene*) и кончили Блоком. Вспомнилось при этом удивительное сообщение Иванова-Разумника, что в поэме «Двенадцать» писатель-вития – это я, и что, значит, этим Блок отомстил мне за статью «Большевик из Балаганчика». Статья была написана мной под влиянием Ремизова в один из таких моментов колебания духа, когда стоит человека ткнуть пальцем, и он полетит. Мне очень досадно, что Блок оказался способным расходовать себя на такие мелочи. И как глупо: это я-то «вития!» Разумник советовал мне в мемуарном порядке устранить тень, ложащуюся на меня от моей статьи о Блоке. Это надо пересмотреть – есть ли такая тень? Но что Блок бросился в «чан», это, кажется, верно, и что он воскрес бумажным вождем, бумажным Христом, тоже верно, и что этот Христос – сам Блок, несомненно, и от сопоставления этого Христа с настоящим очень пакостно. Блок вообще кончил дурно. Да едва ли и была ему какая-нибудь «музыка» от революции. Верней всего это не чувство, а мистическое при–чувствие (так в зимнее время в лесу, когда воет по мерзлым ветвям метель, сухой скрюченный дубовый лист, так странно и ненужно усидевший на ветке, стучит, принимает, мертвый, тоже какое-то пугающее нас участие в музыке метели).

Надо купить всего Блока, перечитать. Мне представляется теперь, что все его написано не чувством, а вот этим при-чувствием. В то время было множество маленьких карикатурных людей, мимикрий большого мистического чувства (помню Ветрову, Минцлову: тут были и евреи: «Книжник» и друг.). Здоровому человеку невыносимо противны эти «при-чувствия», они оставляют в душе то же самое, что бывает у матроса, когда при невозможности дорваться до берега он пробует удовлетворить себя интимным приемом и тем вызывает новую силу жажды берега.

Вся большая литература в то время питалась этими при-чувствиями. Конечно, среди писателей, поэтов, художников были большие хитрецы, которые внутри себя жили не этим, но эти юродствовали или обманывали самих себя и других мистической пылью. Все вместе образовало какой-то водоворот, втягивающий в себя новичка. Втянутый сразу же терял всякий вкус к окружающей водоворот «здоровой» «гражданской» литературе. Кстати, такая литература в то время и не имела корней, и два-три (да обчелся) даровитых писателя беспомощно метались по безвкусным широтам бездари. Напротив, в мистическом водовороте вкусно, завлекательно и литературно. Петербургская литература того времени, отображая в себе красивейший город на болоте, была сама, как лилия на болоте.

* Земля как абсолютная плоскость (*нем.*)

Большой хитрец и потешник Ремизов, прочитав мой рассказик «Гусек», приготовленный для детского журнала «Родник», сказал мне: «Вы сами не знаете, что написали». Он устроил из моего рассказа свою очередную потеху, прочитав его среди рафинированных словесников «Аполлона». Его интриговало провести этот земляной, мужицкий рассказ в «сенаторскую» среду (так он сам говорил). И он был счастлив, когда рассказ там пришелся по вкусу, и его напечатали: получился «букет».

Самому Ремизову чего-то не хватало, чтобы самому писать, как хотелось, просто, он был похож на скифа, делающего себе карьеру при византийском дворе. Вот почему всех, кто подражал ему извне, постигала потом печальная участь. Пришлось и мне испытать на себе некоторое время эту заразу Ремизовской кори. Но сам Ремизов ненавидел эти подражания ему и никто другой как он сам и освободил меня от себя. Из больших писателей, мне кажется, Ремизов глубоко любил и признавал только Розанова, он был тайным врагом Мережковского, Гиппиус, Блока. Признавал еще Белого в его «бешенстве». Ремизов не своими писаниями, а своей личностью сделался единственным моим другом в литературе, хранителем во мне земной простоты. Я был не одним из таких «хороших» учеников Ремизова. Знаю, что А. Н. Толстой не откажется признать Ремизова своим учителем. На моих глазах с огромным терпением из первых крайне путаных рассказов В. Шишкова он вылупливал его здоровое сибирское ядро. Было много и других учеников у Ремизова и все, кто чему-нибудь научился у Ремизова, сделался в писаниях своих почти прямо противоположным его собственным писаниям. Столбовую задачу в литературе Ремизова я бы теперь характеризовал как охрану русского литературного искусства от нарочито-мистических религиозно-философских посягательств на нее со стороны кружка Мережковского, с другой – тенденциозно-гражданских влияний не умершего еще тогда народничества.

(...в этом роде надо описать весь «Чан» как вступительную статью к тому, в котором будут помещены: В краю неп. птиц, Светлое озеро и Родники. Хорошо бы сделать это таким же рассказом, как «Охота за счастьем»).

12 Февраля. Вчера поехал в Москву в 9.20 у. и вернулся сегодня в 4 в. Ночевал у Руднева. Читал Замошкина.

Навернулась тема: «Воскресение князя» (интеллигентная семья князя живет без имения на профессорских должностях, забыли себя как князей, а младший сын уходит из университета, поступает в гусары – и все не князь, какой же это кирасир, если бедный; он воскресает князем в беде, когда играет по кабакам. Напр., так называемое «воспитание» пусто было в той среде, это просто манера, за которой скрывается натура, часто порочная; но это не самая форма (вежливости, напр., «выдержка»)

наполняется содержанием в страдании, и форма восстанавливается, князь воскресает).

13 Февраля. К «воскресению князя»: оказалось, что положение раба выше, чем положение господина.

Л. сказал, что классового чувства нет в действительности и оно выдумано, что эта классовая ненависть есть вообще система зла.

№. подумал, глядя на рабочую массу: в этой массе... эта масса скрывает возможности и будущее наше в этой массе, но не в том смысле, что масса эта, как она есть, станет лицом: таятся в массе лица, но в ней нет лица.

Лица, выступающие в массах (ораторы), отличаются от одиноких лиц тем, что их выступление сопровождает хор.

К вечеру приехали гости: Григорьев, Ютанов, Львов-Рогачевский и какой-то Тришанов, подошли садовник и полковник. Правда, Г. слишком определенно настроен, но все-таки и по другим встречам очень заметен упадок уважения к власти. Там где-то есть силы столь темные и безоговорные, что сплющиваешься со своими протестами в ничто, и тут же решаешь в другой раз быть поосторожнее.

14 Февраля. Хорошо бы о новом и говорить новыми словами. Но можно о новом говорить и по-старому, и о старом – по-новому. Только нельзя говорить о старом по-старому – это нельзя.

Что хотел бы сделать

1) Кащеева цепь. Любовь.

2) Детская литература (охотничьи рассказы, Декамерон и проч.)

3) Изучить Зоопарк и в связи с этим пропутешествовать в Уссур. край.

4) Поселиться где-нибудь у ткачей в Орехово-Зуеве и написать такую книгу о рабочих, чтобы окончательно разделаться с социализмом (в ту или другую сторону) – последнее «исследование журналиста».

Я думаю, что роман и детскую литературу можно писать одновременно, переходя от одного к другому. Вместе с этим исподволь можно ездить в Зоопарк и работать над Собранием. 3-е и 4-е – природу и рабочих можно соединить на Урале.

Следовательно, закончу первое и потом пойду на второе.

Итак, роман, рассказы Егеря Михаил Михалыча и больше ничего.

Роман «Кащеева цепь», листов пять: «как я сделался Берендеем» – хорошо бы убедить редактора, чтобы все сдать осенью (к Августу), значит 5½ месяцев. В то же самое время в «Рабочей газете» выпросить отсрочку (письменно Смолянскому).

Поладив так, приступаю к роману: до весенней тревоги (15 Апр.) два месяца – пишу два листа. Перерыв на месяц для охоты и рассказов егеря. С 15 Мая – полтора месяца до 1-го Июля – 1½ листа. С 1-го Июля натаска Ромки и еще 1 лист до 1-го Августа. С 1-го Августа по Октябрь рассказы егеря.

Итак, ежедневная работа: 1) Роман о Берендее. 2) Сочинения. 3) Рассказы.

Итак, вхожу в роман

То, что рассказывал Лев Рогачевский о Фатове, о руковод. Гиза (разорвись, а ничего не поделаешь), о нападении на Демьяна и Сталине (сталь цепи) – перед чем сплющиваешься в ничто (так было на войне и в революцию), – чему бессмысленно, безумно противопоставлять себя непосредственно и что есть в сущности страх смерти, чего не боится китаец и что пугает христианина, как нехристианская кончина. Это же было мне и в детстве, как черное безликое божество. Вот потом в гимназии и даже сейчас ожидание удушливого газа войны, этой серы с неба без предупреждения праведникам выйти за город, напротив, сера ложится на праведников, а злодеи знают и уходят. Вот это все Кащеева цепь.

Против этого одно: «светящаяся минута», бесконечность в конечном (пир во время чумы или «помирать собирайся, а рожь сей»). Мы теперь за революцию научились знанию, что жизнь не истребима, (человек способен вот на что: культпросвет в Казани командировал в одну деревню инструктора с волшебным фонарем, но инструктор не нашел этой деревни – она вся вымерла от голода и была занесена снегом. В это время один солдат Крас. Армии из этой деревни был соблазняем товарищами поступить в партию, но не поступил, имея в виду возвращение в деревню: там ненавидели коммунистов. После окончания войны он явился в деревню, когда снег растаял, и они встретили его мертвые. Вокруг голод был. Он не знал, что делать с собой, и пожалел, что не поступил в партию: получал бы паек. Рассказывал один казанец, приехавший по случаю голода в Смоленскую губ., рабочий совхоза Иваниха. Да, человек всегда строит жизнь так, будто жить ему вечно, и все равно жить ему фактически 50 лет или год (закон Берендея: помирать собирайся – рожь сей).

1-й закон Берендеева царства:
Помирать собирайся – рожь сей!
(Да будет воля Твоя!)

Жизнь – светящееся мгновенье (тело меркнет, свет летит в бесконечность вселенной. NB: а что по физическим законам свет от угасшего светила теряется на пути или бесконечно летит?)

Кента моя часто подходит ко мне, ставит на колени передние лапы и смотрит на меня умными глазами, ей ничего не надо собачьего, сыта, нагулялась, выспалась, ей хочется от меня что-то узнать новое, чему-нибудь выучиться, но мне некогда, и я говорю ей ласково: «поди, Кентушка, на место». Меня не хватает на удовлетворение ее жажды новых знаний, и я чувствую себя перед ней виноватым, потому что без моей воли дремлет без пользы все богатство ее натуры. Я думаю, это чувство вины перед животным испытывают многие, имеющие с ними дело. Я знаю и в себе самом эти собачьи залежи сил, вспыхивающих нежданно явлением какой-нибудь мысли или образа, когда появляется мой (назову так), старший Друг. Это один из секретов бодрой жизни: сохранить до конца веру в Старшего (эксплуатататора).

В последние дни я думал о капиталистах, разделяя их на «кулаков» и благодетелей (дают блага другим). Помню, один рабочий сказал: «Зачем вы ругаете всех капиталистов, есть ведь и хорошие».

15 Февраля. Был у Анатолия Александр. Александрова, жена... Тарасовна. Блины.

16 Февраля. Больше всего боюсь самоубийства и жалею особенно тех несчастных, кто, умирая, рассчитывал что-то «смертью своей доказать». Это можно в Японии, где человек, убивая себя на глазах оскорбителя, снимает с себя оскорбление и бросает его на самого виновника. У нас же человек оскорбивший не только не смутится самоубийством, а тут же будет позорить свою собственную жертву. Так вот теперь властьимущие люди, не имеющие ни малейшего представления о поэзии, напали на бедного удавленника Советской России Есенина: начал Сосновский, потом Бухарин, потом Луначарский и вслед за ними, наверно, скоро будет прыгать наркомздрав Семашко с докладом о психопатологических основах мелкобуржуазного поэта Есенина.

Даме, написавшей два рассказа о любви:

Не советую писать о влюбленности, все это знал хорошо мужчина и то, что не мог знать, перешептала ему влюбленная женщина, и он об этом всем умеет прекрасно сказать. Но дальше: беременность, роды, кормление грудью ребенка – все это совершенно неведомо мужчине, об этом он рассеянно слушает и ничего не может сказать. Вот этот неведомый мир чувств и сопутствующих им мыслей остается как неоткрытая страна для

женщины-писательницы и для всех времен одинаково, даже для тех, когда социалисты устроят свой коммунизм. Да, пусть машинный строй захватит всю деятельность мужчины и мужеобразной женщины, производство человека не подчинится никогда законам счета и меры, явятся такие поэты из женщин, перед которыми поблекнет вся мировая мужская «песнь песней».

17 Февраля. Вчера вернулось письмо из Англии обратно. Там или нет ее, или она переменила фамилию, или умерла. Теперь исчезли, кажется, все нити, связи, значит, самое лучшее время все закончить романом. Только это не будет панихида о себе самом, а скорее пир хищника. Что за пустяк эти маленькие хищники, лишающие девушек невинности и оставляющие их беременными. Нет, большой хищник и не прикоснется к телу ее, но он выпьет самую душу девственницы, так что после того ей останется только примкнуть к суфражисткам или просто быть старой девой.

В романе жизнь ее изображается посредством слухов, которые достигают Алпатова.

18 Февраля. Началось это путешествие по жизни, сидя на месте: удачно начал писать роман. Алпатов совершенно не виноват в этом «выпивании» души девушки, он ведь даже и не знает, откуда исходит его любовь и при первом движении чувства просит руки. Если тут и есть грех, то «первородный»: он предназначен творчеству, и она предназначена отдать свою душу без тела. В этом и есть ее трагедия: она боится «жизни», думает, что, удержав при себе тело, удержит и душу, но душа убегает.

Сладость любви. Корень этой сладости есть господство: и это господство преобразуется в любовь иную. Точно так же и социальная любовь Алпатова была стремлением к господству (откуда и явилось: я – маленький).

NB. По опыту других, по книгам складывается так, что будто все известно, а когда начинается собственное движение чувства, то кажется, так случилось впервые в мире, и ужасно бывает думать, что я – исключение, значит, нет никакого примера, никто не поймет этого, ничто не поможет.

<*Запись на полях*> Приехал Лева. Был гостем князь.

20 Февраля. Явление барина.

Вчера пришел Дав. Ив. Иловайский, тяжелый, угрюмый человек, барин. Он рассказал мне как пример явления барина в народе – случай с его братом. Ему приставили к виску револьвер, стали считать: раз, два... «Погодите, – сказал он, – дайте помолиться». – «Молись!» Он помолился, повернулся, открыл грудь и говорит: «Я готов». Но они не стали стрелять.

– Как вы это себе объясните? – спросил Д. И.

– Мужеством мыши, – ответил я, – кошка бежит за мышью, но у Дурова сделано так, что вдруг мышь обертывается – и на кошку, тогда кошка бежит от мыши. А, кроме того, тут признаки «христианской непостыдной кончины живота», это убеждает.

– У него да, – сказал Д. И. – а как же у них? для них, я думаю, это было просто явление барина.

Стало очень тяжело, потому что я же сам навел Д. И-а на разговор, рассказав ему о своей теме «воскресение князя». Я хотел воскресить князя, а вместе с князем и барин воскрес. Вот почему нам не по пути с эмиграцией и, как ни противно, как ни воротит душу Маркс, придется, наверно, идти с марксистами. Это нас и держит в плену. А князь может воскреснуть только лично: князья не воскреснут, потому что вместе с ними поднимутся и баре.

Нат. Касаткина.

...и вдруг из этой, казалось, обыкновенной женщины, мимо которой проходишь ежедневно, не обращая внимания, поднялась навстречу ему живая стихия, которая, если бы уметь спросить ее в тот момент, могла бы ответить на все и всякое, и всякая попытка противопоставить ей свое нажитое лопнула бы с треском, как пощечина, или, может быть, просто даже как смех простого уличного дурака над совершенным дураком образованным.

...тут выход один: сдаться на милость, смиренно потупив глаза, это они любят и за это милуют.

А разве пережить несчастье и выйти из него с радостью ко всему живущему не есть подвиг, и может быть, более скромный, естественный, органически-жизненный, за который человек награждается истинной свободой?

Всякий бунт и скандал основан на естественной значимости каждого из нас в механизме общества (вот откуда «естественное право»).

Написать себе о вреде грамоты (в частн. политграмоты): об утрате чувства души и цельности прикосновения душ.

22 Февраля. Вчера прочел «Современники» Форш с большой радостью, казалось, будто продолжаю беседу в Питере с этой веселой в печали женщиной. Интересная книга. Да, я считаю, книга должна быть непременно интересной, это главное качество книги быть интересной в том смысле, чтобы автор сдерживал печаль про себя (подвиг) и, обращенный к читателю, увлекал (жил). Один из основных признаков жизненности книги, если после чтения читателю кажется, что это про него писано. Так я взял из книги «миражи» (Иванова, Гоголя) и долго думал о своих миражах. Да, как ни вертись, а искусство, должно быть, всегда паразитирует на развалинах «личной» жизни.

Но в этом и есть особенность подвига художника, что он побеждает личное несчастье. Весь «мираж» искусства, может быть, и состоит именно в этой славе победителя личного горя. Однако эта «слава» имеет такой же органический рост, как и жизнь, и непременно подводит художника к новому горю, которое для победы себя требует подвига иного качества.

«Новое горе» состоит, по-моему, в том, что художник мастерством своим постепенно уплотняя жизнь своего духа до физического его ощущения, начинает забывать только лично-духовное (ограниченное) происхождение своего подвига, начинает забывать свой срам в первоначальном жизненном пути, свой грех считает слишком рано искупленным и объявляет свое право святого вступления в органическую жизнь уже мимо своего художества (Гоголь, Толстой – типично, а частью – все).

На этом у Форш остановка анализа, если не считать «всечеловечность» Иванова (явно пустая). Нет объяснения, почему же у всех непременно на известной ступени творчества слова обращаются в «колоды», и какой намечается из этого выход художнику. Они при этом очень любят затушевать процесс влиянием внешних условий (у Иванова «травля», у Чистякова – «маринад» Академии), это очень надувает публику, но перед совестью – нехорошо. Ведь у нас уже достаточно ярких примеров великих художников, погибающих от одних и тех же ошибок претензий своих на творчество органического мира, данного не ими же! В «Современниках» мало трагического просвета. Нельзя же удовлетворяться влиянием в будущих поколениях. Нет, в конечном надо найти бесконечное, показать людям в перспективе прекрасную кончину живота.

Вспоминаю рассказ Клавдии Васильевны о кончине мужа ее, Ивана Сергеевича («Соловья»): «Мы сидели у его постели, знали, что он умирает, а он не знал. Вдруг он говорит: «Почему я вас не вижу, милые мои, смотрю и не вижу, почему?» А у него глаза умерли, глаза вперед умирают. Мы наклонились к нему, потрогали: мертвый». После того Клавдия Васильевна говорила, будто бы пел соловей (его «Соловьем» звали), а была зима. И все слышали, все говорили друг другу: «Слышишь?» И другой отвечает: «слышу». Рассказ я не выдумал, так было в гор. Ейске. Знаю, что нам, не бывшим при кончине Ивана Сергеича, «соловей» – только галлюцинация любящих, но это не мешает ему быть «трагическим просветом» в конце «живота». Прекрасный конец, и я знаю не один такой.

Но почему же художник умирает непременно в претензиях на религию, нравственность, сверхчеловечество, всечеловечество и всякий дьявольский вздор. И я очень хорошо знаю, что Ив. Сер. умирал от враждебных микроорганизмов в его крови. Но любящие его люди про это не говорили (я даже и не знаю, какая это была болезнь). Поэтому я считаю лишним у Форш ударение на невежду в искусстве, на их травлю. Травля везде.

В этом прекрасном романе не хватает яркой фигуры победителя своего миража, трагического просвета, что, вероятно, можно бы сделать из жизни Чистякова в поправку Иванову (ведь «тюфяк» – это убийственно и гениально выдвигает в авторе женщину, только женщину).

Опять забили на войну. А мне вспоминаются атрибуты старой власти – «незыблемость». Да, вот бы власть на весь мир, чтобы действительно была совершенно незыблема, но чтобы она была открыто без-человечна, и мы бы смотрели на нее как на физическую силу, вроде как бы на электричество и пользовались ей для себя как электричеством. Пример большевиков, потом фашистов, а потом какая-нибудь всемирная с химией <*1 нрзб.*>.

23 Февраля. Я смотрю на власть государства как на силу физическую, вроде электричества, но не в современном обладании этой силой, а когда еще электричество было нам только в виде грозы. На государственную власть люди смотрят еще до сих пор анимистически, так же как в былое время в явлении грозы видели Илью Пророка.

Революция Ленина состояла в открытом признании государств. власти физической силой, научить пользоваться которой можно (в далеком будущем) каждую кухарку. Но, вероятно, еще долго эта страшная сила будет сталкивать лбами народы, пока она в представлении людей будет совершенно обесчеловечена и подчинена разуму человека, как всякая физическая сила.

На маленьких примерах видно яснее. Несколько лет тому назад налоги собирались матросами с револьверами в руках. Теперь является агент с карандашом и бумагой для описи имущества. Через десяток лет агент не будет являться, а граждане будут вносить сами налог, и еще через сколько-то времени граждане, внося налог, будут ходатайствовать о тех, кто его не может внести. Точно так же будет и с той слепой силой, которая сталкивает народы для войны. Но для этого, вероятно, весь мир должен подчиниться на некоторое время деспотизму одной власти (химия поможет ускорить этот процесс). Другого пути трудно представить, если принять во внимание, что всякое очеловечивание власти в одном государстве ослабляет его в отношении другого. Разве только если последнее положение неверно.

Просвет в романе:

1) Как тюрьму удалось мне описать, окружив ее лесом, как тюрьма ему была школой чувства природы, так Германия – школой чувства родины, и Германия будет ему, как тюрьма в лесу, Германия – город ему будет Берлин или Лейпциг в тайге.

2) «Она» – Ина Ростовцева, тюремная невеста под вуалью так остромузыкально входит в состав его души, что каждая женщина его отталкивает при малейшем пробуждении в ней чувственности к нему. Поэтому женщина его начально влечет, как весна, как сестра, и это влечет к нему женщину, но как только она покраснела, у него: не та! – и отталкивает. Тогда мельчайшие подробности, несовершенство костюма, не такая теплота руки и пр.: холод... холодный. Другое чувство, если при сближении в нем начнется пробуждаться пол: это бывает ему так, что ему себя неловко с образованными, но зато Мейер тащит в Tanzlocal*: и там вихрь, и конец: <*1 нрзб.*>. И можно из-за этой дамы дуэль, которая подчеркнет половую силу.

Михайло Новиков из Лазарева привез дубы на забор. «Сколько тебе лет?» – «Мне: 65, а тебе?» Я сказал. «Тебе, значит, тоже немало... только не горюй, жить надоест». – «Тебе-то надоело?» – «Нет, мне ничего... ничего... нет: стройка вот замучила, кабы не стройка».

<*Запись на полях*> Купить папки: 1) документы, 2) письма деловые, 3) письма писателей.

24 Февраля. Вчера вечером весенне-морозной зарей галки разминали крылья, носились над городом высоко в воздухе: то большим дымящимся пятном, то растягиваясь кораблем. Бывают такие же отрадные галочьи прогулки и осенью.

Ночью мороз 25^0. Утром иней. Прекрасно!

Бывает порядок в доме мещанский, когда вещи поставлены неизвестно зачем: «для порядка» (так видел у Замятина). Бывает порядок музейный, это еще сносно, только для этого надо быть эстетом. Милый порядок – это когда все вещи, находящиеся в доме, живут, движутся, и дело хозяина хоть мало-мальски угомонить их, прибрать к рукам: в этом порядке всегда есть немного и беспорядка.

Высказывал вчера Григорьеву свои мысли о природе власти и нахожу, что в них есть начало своих собственных мыслей, которые надо продолжать; это не «пассивное сопротивление», а очень даже активное: не вмешиваться в дело властвования, а изучать власть как физическую силу, узнавать ее законы с целью обез-человечить, выделить от всего человеческого и потом подчинить ее человеку, как электричество и проч. Ближайшая задача: создать во всем мире единую и не-

* танцевальный бар (*нем.*)

зыблемую власть. Русский мужик – замечательный материал для анализа холодного отношения к власти.

Лева рассказывал о матросе Пашке, который в годы революции захватил где-то княжну Сумбатову. Матросы в вагоне до того жаждали ее, что, когда она просилась до ветру, приходилось Пашке провожать ее, угрожая гранатами. Просили оставить «хоть на полшишечки». Пашка не тронул, испугался, проснувшись ночью, что рука его лежит на ней, привез княжну в Москву, довел до родительского дома. Она звала к «папемаме». Но Пашка не пошел, и она его расцеловала.

Вот этот матросский романтизм есть у Горького. Он до того силен, ясен и прост, что все Блоки сплющиваются и растекаются, и все рыцарство ни к чему. Удивляюсь словам его: «мужчина в тупике»: откуда это у него взялось.

Да это Горький, это мужское. Женское, по-моему, «специфическое» заключается в скепсисе, в издевательстве над слабостью мужской («тюфяк» Ольги Форш), в создании недоступности, преодолеваемой только простотой. «Специфический романтик» – мужчина второго сорта с «полшишечкой» (это рыжий, Пашкин помощник: сидит и, мечтая о ней, думает, что Пашка оставит ему на полшишечки).

Еще к матросскому романтизму – вот где сила пола: один за другим 20 человек, что это? как вместить? Сила заключенная. Безвыходность. А у романтика есть выход всегда в бесконечном.

Лева спросил мужика: «А ты веришь Богу?»

Мужик ответил юноше: «Я об этом говорить не могу, милый мой, ведь я – пьяница».

1 Марта. Предсказывают весну воды в Марте. Явно к Апрелю романа не будет. Съездить на этой неделе объясниться к Полонскому и Смоленскому. Буду писать роман методически, т. е. непременно каждый день, хотя бы на несколько минут к нему обращаясь, чтобы вся «Любовь» написалась свободно, начиная от первого Берлинского дня, кончая током на Золотой луговине. (1-я часть: вхождение в тюрьму жизни: Берлин: гибель идеи мировой катастрофы, т. е. цельности своего мироощущения (Ины нет – есть Роза Катценэлленбоген). Половое (Беляева и портниха). Разрыв с Ефимом (вместо кружка, Ефим застает его в Музее, тогда окончательная потеря смысла и хозяйства: под влиянием Розы Политехникум. 2-я часть. Труд как тюрьма, сквозь окно которой виднеется родина. Письмо Ины: Париж – Петербург – Ток.)

2 Марта. В этот раз наконец-то я понял, как нужно писать романы и отчего я раньше не мог написать целую картину, а

писал «звеньями». Чтобы роман писать, нужно продумать материал до конца и в этой работе наметить центр картины, сердце романа, к которому и должна приливать и потом убегать, разнося кислород, вся кровь писателя. Любовь, так вся любовь! а не отдельные клочки. И удивительно, что делают средства: до февраля я мог нащупать сердце звена только на материале листа в два, теперь, получив средства от продажи сочинений, я сразу же переместил это сердце в глубину материалов, и писание пошло на большом подъеме.

Ясно: любовь, как она мне мерещится и как раскрывается смысл пережитого, есть путь к творчеству.

3 Марта. Блины.

Пустить по роману роковой посул: «не видать тебе ее, как ушей своих».

Состоялись блины, жратва, питье – дрянь. Больше такой гадости не буду устраивать и вообще бросаю питье совершенно.

Мой милый протеже напился, все хорошее, выработанное в страстотерпстве от большевиков, слетело, и остался гвардейский офицер с пошлыми словами о коммунистах, о женщинах, даже о жене. «Козья матка» слушала его и сказала: «А у меня этого нет» (и стала рассказывать о хороших коммунистах, и что она не по коммунизму смотрит на них, а по человеку). Вот в этом-то «обывательском» понимании человека и заключается единственное средство против войны.

Как разврат заводится прежде всего в голове, в воображении, так в голове же, в отвлеченности, начинается и война.

4 Марта. Снег киснет.

5 Марта. Воскресение князя: 1) Братья князья, один заграницу бежит (почему?), другой остается (мои мотивы: в Ельце – хабар бар?) и следователь. 2) Жизнь того заграницей и тайное путешествие в Россию: князь другой, отрекшись от всего княжеского (офицерского) смотрит глазами человека (а этого нет у меня...). Вот и надо сделать, и весь смысл будет: одного обнаружить как гусара, другого как человека, и когда сам человек, другие называют князем. Внутренний материал взять из себя.

Писарев Сергей Евгеньевич. Безумный химик. Трагический эротоман.

Этому человеку можно отдать идею «химического господства». Вот как значит: вся сила теперь находится в науке, причем происходит все большая и большая концентрация знания в личности, и это должно кончиться таким изобретением, которое <она> не отдает за деньги, а, сохранив его в тайне, организует для господства класс ученых. Пора, давно пора перестать ученым быть в рабстве «государей», опирающихся на физическую

силу людей, эта физическая сила людей уже отказывается безропотно повиноваться, но без единой воли государя она ничто, на ее место станет физическая сила интеллекта и сделает господами мира не капиталистов, не рабочих, а ученых. Эти ученые дознаются, что «власть» исходит вовсе не от желания народа, а существует как физическая сила, которую берут в свои руки люди, инстинктивно ее понимающие. Свет знания окончательно уничтожит господство этих проходимцев, и народы будут жить, подчиняясь тем же законам, как и планеты. Вместе с этим совершенным отделением власти от демократии и гуманизма будет освобождена личность, творящая качество жизни: нравственно – безнравственно, красиво – некрасиво.

7 Марта. 1-я неделя Поста.

Солнечный день. Зелень хвойного леса в этих весенних лучах узнает свою красоту. И темные стволы деревьев лиственных стоят, как беременные. В городе сыро стало ходить в валенках. Проселки побурели.

Радиосны.

В этой маленькой хижине, бывало, все сны рассказывали друг другу, как обыкновенную жизнь, и жизнь передавалась как сон. Теперь над домом шест со скворечником и проволокой к березе. В маленьком домике слушают радиопередачу. Зайдешь к ним чаю попить. Хозяйка станет рассказывать что-то в своем обыкновенном стиле сна.

Часто думаешь, сон она это рассказывает или явь, даже, бывает, спросишь: «Это что же у нас было на улице или вам привиделось так?» «Нет, – отвечает хозяйка, – это сказывали намеднись по радию».

К устроению Берендеева царства: обдумать новый закон (закон светлой точки), который будет относиться к «гигиене духа» для подготовки «родственного внимания». «Игра» в Берендеевом мире: «охрана детства».

На завтра: 1) Сходить к садовнику и упросить доставить доски и столбы для загородки.

2) Послать Груздеву «спешное» о корректуре и в нем <*1 нрзб.*>

3) К Егорову и в Охотничий союз в поисках егеря, может быть, к лесничему.

Организация поездки на весеннюю охоту. Хорошо бы поехать до распутицы: установить завтра с охотниками этот срок (если от 9-го ст. Марта (22) по 9 ст. Апреля (22), значит, две недели – и до Пасхи: неделю в ожидании пролета, неделя пролет, глухари, ток)...

До поездки, за две недели, надо прочитать весь роман, чтобы, вернувшись, сесть за отделку, т. е. с Мая, Июнь, Июль и к

Августу сдать: за три месяца 5 листов. С 1-го Августа опять в деревню на охоту.

Перечитав сегодня письма с почты, пошел по городу с приятным чувством, как будто у меня душа маслом полита. Долго не мог припомнить, отчего же именно: в письмах все было среднее. И вдруг вспомнилось, почему: Смирнов ужасно хвалит «Кащееву цепь». Подумав крепко, я постарался снять масло с души: Смирнов такой человек, что, может быть, и врет, и пишет, чтобы выманить у меня рассказ для охотничьего сборника, который редактирует сам. «Кащеева цепь» писалась под таким давлением нужды, что не может быть цельной, ровной вещью, в ней, наверно, есть много неверного. Хорошо еще, если достоинства перемогут недостатки.

Купить непременно «Дневник» Короленки: сегодня я читал выдержки из этого дневника и мне мелькнуло, что как некоторым людям, служившим революции, пожинавшим лавры признания, тяжело было иго революции: да, ведь были, конечно, и такие, и какая должна была за то выработаться у них, у этих «честных, прямых», личина (Розанов о Короленке: «он, конечно, несколько сумасшедший»...).

10 Марта. Начало токования тетеревей.

Продолжается оттепель, был дождик. Дороги держат еще, но очень побурели. Снег без осадки зимой – теперь уже дрыхлый, зернистый местами.

Илья Мих. Старов говорит, что за Баркановым, проезжая, видел 2-го Марта на дереве 8 тетеревей, одна самка была на дереве, другие на снегу, и один петух чуфыкал на снегу, бежал и проваливался: токовал.

О молодом рябчике

Спугнешь выводку, молодой рябчик взлетит, зацепится за черешок орехового листа, лист повернулся и закрыл его. Я заметил, вижу, а он (хозяин) не видит. Смотрел, смотрел – плюнул. «Ну, скажи!» – просит. – «Скажу только с условием: не стрелять». Он согласился, я показал.

О лисице

Лисица мышкует на поле против леса. Я объехал ее, прижал к лесной дороге. Поставил на дороге лошадь, а сам обошел лесом к другому краю, утаился за деревом возле дороги и жду в расчете: лисица пойдет по дороге на меня, а если в другую сторону – там лошадь, от лошади повернет и опять на меня.

Лисица же пошла на лошадь, увидала ее, посмотрела, тихонечко подошла. Лошадь подняла голову на нее, глядит строго. Но я крепко ее привязал: чувствует повод, стоит. А лисица это все поняла: значит, в санях нет человека. Обошла она лошадь, к саням подошла, понюхала что-то, подняла ногу, оставила тут свою заметку и пошла себе... (проверить).

О неопределенной тоске

Бывает, усталый приляжешь, и побежит по сильным ногам поток здоровья, силы, разбегается по всему телу, голова ничего не думает, а в сердце тоска щемит совершенно отдельно от тела, такая тоска вроде чувства вины за свое здоровье и счастье как будто упрек в этой тоске... В такие минуты человек надвое, *<2 нрзб.>* свое счастье – отдельно лежит, и роковой ответ за других – тоже отдельно. А то бывает, мы все это знаем, во время веселья вздох вырывается. «Чего это вы?» – «Так!» И все продолжается. Вздох этот был тоже о *<1 нрзб.>* вине, за которую чем больше будешь радоваться, тем сильнее потом и поплатишься.

Еще об этом же:

обыкновенно причиной тоски бывает забытая своя вина в чем-то: что-то сделал не так и не можешь поправить. А то, бывает, уже не от себя, а через тебя, через твою душу проходит не тобою уже сделанное, часто это сводится тоже к своим недостаткам, где-то в бесконечности воспоминаний, чуть ли не утраченных.

Сознание собственного невежества тоже иногда проходит тоской, но только сознание: естественное невежество...

Поток жизни в берегах естественного невежества, встречая препятствия в образованной среде, сопровождается тоской...

«Знакомо ли вам чувство своей вины за других?» – «Сострадание?» – «Нет, глубже: сострадание естественно и немного эгоистично: оно начинается от страха: „а что если и мне так придется". Нет, есть такое чувство неприличия бытия, отчего... бывает еще: они могут быть, а я не могу и что я не могу, это значит: я виноват...»

И это не то. Я хочу добраться до возмущения неправдой, до зарождения такого чувства, которое человека вооружает, делает революционером, или... вот что это «или»? порождает чувство своей вины за всех..., за самый ход жизни, за грубость этого ствола ее продолжения (в трепетной красоте проводят короткую жизнь свою зеленые листики и умирают, а ствол продолжается).

Ах, эта стыдливость бытия, где же предел твой...

Анализ происхождения основного чувства революционера: 1) чувство грубости властелина, желание освободить жертву из когтей ястреба, 2) это предполагает непосредственность, сознание силы своей и возможности (один властелин ведь бывает всегда на срок, за которым начинается неправда его бытия, он уже не творит, а только мучает жертву, его вина: он силой упал, и другому, свежему, будущая власть его представляется высшим правом). И в этом может быть ошибка от влияния современности: тот революционер мог и не... или в скрытом виде он был всегда претендент, очередной козел: ведь жизнь показала нам Чернова (может быть, вот это Алпатов и прозрел на Авксентьеве? но почему же он того же не видит у Несговорова?)

Вещи и сны

Вещи сжечь, сны рассказать! такие вещи больше не купишь, и повторения видений ночных перестают появляться, если о них рассказать.

Есть вещи, какие не повторяются, и их хранят, как единственные. Есть сны, которые повторяются, вновь и вновь появляются, не давая себя забывать. Но стоит только записать такой сон или рассказать, и он больше не явится. Вещь сжечь! сон рассказать!

Завтра Петя должен приехать.

– Завтра, Ефр. Павл., – говорю я, – наш гусар приедет.

– Да уж вот, правда, гусар! Елена Алексеевна первый раз, как увидала его, сказала мне: много от него останется несчастных девиц.

– И ты с этим согласна?

– Нет, не согласна: наш Петя сторонится девиц и, я знаю, он себе этого не позволит.

– Не позволит себе сделать девицу несчастной? да разве он будет сам знать об этом: влюбится в него девушка, она отдаст ему все свое лучшее, а он и не обратит внимания. Вот несчастье!

– Ну, это что: только бы не портил.

– А разве это не порча?

– Какая же порча: ты говоришь, она остается девушкой.

– А, по-моему, это еще не порча, что она не девушка по телу, есть женщины и детей рожали, а все как девушки душой. А есть «невинные» девушки с выпитой душой – вот несчастие.

Но Е. П. этого «несчастия» не хотела понять и стояла на своем (по-моему, это оттого, что Павловна цельный, совсем чистый человек, а не потому что глупая или «неразвитая»). У всех таких женщин девушка их отлично сохраняется, им и в голову не приходит, что, может быть, из человека душа выпи-

та. И у здоровых людей вообще тело имеет некоторую свободу от духовной жизни: тело поиграет, родятся дети, душа займется ребеночком, и опять не вся душа, потому что мало ли еще родится детей, надо же и им оставить силы.

12 Марта. Свержение царя.

Мы все угорели и не слышали, как ночью родила нам Кента 6 щенков: 3 кобелька и 3 сучки. От угара хотел спастись ранней прогулкой в Параклит, но голова еще больше заболела.

Сидя на месте (в России это или везде), человек самоотравляется, и он путешествует не для того, чтобы видеть чужое само по себе, а себя самого через чужое. Вся писательская деятельность есть путешествие к самому себе непременно. Центробежное писательство, которое уходит от себя как можно подальше, или юношеское, или фальшивое («международные Пильняки»).

Беляева. Всякая частица ее тела была как бы пронизана соответственной долей науки и философии, и напряжение пола было как бы на раз: родить один раз. В естественной женщине тело имеет некоторую свободу от души с хозяйственным расчетом, что рожать-то ведь не один раз придется (Беляева хочет родить гения: родить надо, но раз высшее уродство души и тела = да, это уже уродство в женщине – родить гения = похоть разбросанных разорванных остатков природы соединится и родишь не человека, а гения).

13 Марта. Кента выкинула еще двух, но сросшихся, мертвых щенят.

Роман пишется с пугающей легкостью, как будто спихнул в оттепель ком снега, и он бежит вниз, навертываясь сам по себе.

14 (1 Марта. Евдокия). Ездили с Петей поздравлять Дунечку... Объяснился с Полонским (глаза у него маленькие, нос огромный, но щеки умеют еще краснеть, щеки поправляют дело).

На обратном пути разговаривал со мной инженер-организатор. Договорились с ним, что прежде всего надо организовать отношения спец-человека, парт-человека и раб-человека. Воздух, которым дышит «спец-человек» – жертва личной выгодой (творческая личность бескорыстна), напротив, раб-человек этим только и дышит (надо этот мотив бескорыстия творческой личности положить в основу разочарования Алпатова в Германии: Бебель и Гейне).

Что такое Кащеева цепь?

Мне удалось написать несколько рассказиков, может быть, один из них был замечательный. Хотя я не вполне уверен, что я сделал нечто действительно ценное, но мне, однако, из этой работы представилось ясно, как нужно вести себя, чтобы полу-

чалось все лучше и лучше. Вот это «как вести себя» в создании лучшего я и считал путем для освобождения от Кащеевой цепи, т. е. творческим процессом, а установка личности своей будет в коррективе: «не я выдумал, а так есть», а я только хозяйствую: я хозяин. Я-то радостно узнаю себя в других.

16 Марта.

Хвосты

Пришлось «купировать» хвосты щенятам. Оказались довольно толстые, в мизинец. Еф. Пав. держит, я режу ножницами. Во время операции входит Дуня и, заметив, чем мы заняты, назад. «Не могу глядеть, – говорит, – жалко». А между тем сама помогает мужу постоянно резать лошадей, и там ей не жалко, потому что там «надо», – они живут продажей лошад. мяса – здесь же она только наблюдатель. И я тоже не мог бы смотреть на резню, замутило бы и затошнило, но когда надо действовать – ничего. Так, верно, в революцию убивали, не жалея людей: надо было.

Писатель всегда охотник за материалами, он проглатывает их, как окунь пескаря, широким ртом. Но философ проглатывает художественные произведения так же, как щука окуня.

А то я думаю иногда о брачном отношении художника и его материалов: он влюбляется, и темы отдаются ему с радостью. Цветы, птицы, звери, человек, вся земля вступает в брачный союз, и художник через это становится отцом и хозяином всех своих владений. Хорошей школой такого писательства была у меня журнальная работа: по робости своей я старался так писать о людях, чтобы не обидеть их и брать от них в свои очерки то, чем они гордятся в себе, чего достигли.

Был у дочери Розанова Татьяны Васильевны. «Хорошо, – говорит, – что вы любите природу, значит, человека не любите, нельзя его любить». Совсем Розановская манера, и лицом, и натурой совсем Розанов. Она говорила, что Вас. Вас. приходил иногда со службы расстроенный, чем-нибудь его обидели, и он долго плакал, ложился в кровать и плакал, как ребенок. И она тоже мучится службой и тоже, наверно, плачет от нее.

Глубина человеческой души измеряется памятью ее о прошлом: столько-то метров от первого впечатления до встречи с ним в работе сегодняшнего дня. А беспамятные люди все равно, что бессовестные.

Ценю того человека больше, кто больше сохранил в себе своего ребенка.

План

1) Работа над романом: набросанное звено «Зеленая дверь» хорошо бы теперь написать в отделку, а потом, не сдавая в печать его, продолжать дальше и, если понадобится потом, переделать.

2) Путешествие осуществить со Старовым, начать его в момент определенного поворота на весну воды. Роман не брать, книг не брать. Съездить к Мантейфелю с Петей в Зоопарк. Сегодня сходить к адвокату. И еще непременно к учителю.

3) Написать: 1) Груздеву, 2) Попову, 3) Маршаку.

Идеи

Считаем мы время и знаем, когда поспевает рожь. Мы знаем, сколько носит корова, лошадь, собака, сколько времени сидит птица на яйцах. Так и законченность формы выражения наших мыслей и чувств надо считать ударами сердца. У иного сердце бьется так часто, что уже в молодом возрасте он скажет все и умолкнет. У другого тихое сердце, и нужна долгая жизнь, чтобы форма созрела. Очевидно, я принадлежу к тем, у кого сбор урожая начинается с сединой в бороде.

17 Марта. Вчера сидел у меня Евдокимов. Он несколько не в том плане, что я, и потому, хотя беседа была и дружеская, но остается от нее даже на другой день взволнованность своей поверхности (от болтовни) очень неприятная. Так всегда от общения с большинством людей временно утрачиваешь себя – самое неприятное! От других приближаешься к себе и обогащаешься. Получена «Охота» Смирнова, такое же макулатурное создание, как Рог. Надо пробрать его.

18 Марта. Вчера осматривал Зоопарк (Петр Александрович Мантейфель). Звери на показе все равно, что литургия по радио. «Начинается «бурный период», – говорит М., указывая на множество уток, лебедей и гусей в пруду. А нам вспоминается «бурный» период на Переславском озере. Его обычные слова сторожам: «Покрыл? подмял?» Зайцы, открыто лежащие, волки, виляющие перед людьми хвостами. Тигры при звуке голоса ложатся на спину или трутся, как кошки, боком, мордой о решетку. Соболь «Топсик» на ласковое слово высунет из дупла мордочку и начнет вылезать, длинный какой! лезет, лезет, и все нет конца туловищу.

С другой стороны, очень уж трогательно, когда волк, узнав П. А-а, вдруг просветляется изнутри добротой и любовью в ласковом взгляде.

Впечатления: охота за Мантейфелем; русак; антилопа – родоначальница коров; медведь – вспыльчивость.

Следы тигра на снегу: вот следы! И что значит, если, скажем, в Уссурийской тайге: вот след тигра.

<*Запись на полях*> 3-го дня массовый прилет грачей.

К роману

Глава: Лейпциг. «Я понимаю теперь это перемещение нашей веры с иконы на «прогресс» и науку – это была неведомая миру наша реформация... (помнить, что я изображаю в Алпатове всю русскую интеллигенцию как секту).

Мужик из Бобошина говорит, что тетерева уже сильно бормочут и что тетерева начинают за месяц до полой воды.

19 Марта.

Тоже материал к изучению тока: Суворин в своем дневнике рассказывает со слов Григоровича, что какая-то дама, имевшая множество любовных событий в своей жизни, между прочим, и с Григоровичем, вполне затрепанная, под конец попала к поэту Толстому, он влюбился в нее и сделал женой, а в то время как он с ней объяснялся в любви, явился, было, и Григорович, но... «ретировался».

Читая это, так и видишь двух старых сатиров, подхихикивающих над любовью поэта. А между тем очень возможно, что эта затрепанная женщина переживала с Толстым свою истинную «первую» любовь.

Вчера явился ко мне вестник «Черного гостя». Я ему рассказывал о будущей своей работе по изучению «Тока», о своих думах: мы все думаем о токах по Дарвину, что этот бой петухов значит половой отбор, а на самом деле сильнейшие петухи занимаются дракой и пением, а слабейшие, робея выйти на состязание, сидят по кустам и совокупляются с тетерками. На это гость мой заметил: «Может быть, именно это и подтверждает закон Дарвина: отбор совершается по подлости и хитрости».

Суворин пишет так запутанно, что каждый рассказ его в дневнике, чтобы понять, приходится читать по два раза. Дневник – самая кокетливая литературная форма. А Суворин кокетничает по-коровьему.

Дикий зверь должен быть диким, это не зверь, не волк, если, видя человека, начинает вилять хвостом.

<Запись на полях> «Скоп копить» собирать молоко (не продавать).

20 Марта. В дневнике Суворина нашел прямые слова о женщине в смысле стимула для мужского творчества. Очень занятно бывает читать такие «заключительные строки».

Сегодня буду сидеть на запоре, есть две опасности, одна – нашествие от Григорьева пьяниц во главе с Орешиным, другая – мистиков с вождем их Горским. И лучше уж пьяницы, только не мистики. Мне эти мистики телесно противны, как вспомнишь, ведь ни одного в жизни своей не видал телом свежего мистика: какая-то в них дряблость телесная и сырость духовная, полумонахи.

Поеду изучать непременно тока, мне это отлично годится и для заключительного звена «Ток»: Куст можжевельника: это значит 1) человек упал с высоты; 2) пробуждаясь, он замечает, что весь этот земной шар, даже черви живут, как и он, и те «боги», и ему хочется опять начать все по-новому и с самого начала, и если опять подниматься, то захватить с собой всю землю: все. Это присоединение к хору будет то же самое, как в роще по выходе из тюрьмы...

Надеюсь, что всю неделю эту (3-ю) – от 21-го до 28-го можно будет писать и есть на 4-й: 4-я – 5-я – 6–7-я – месяц; за эту неделю написать в отделку лист, всего будет лист 1½ – звено «Зеленая Дверь». Второе звено «Лейпциг» в общем, как «Тюрьма» (в заключение) предвосхитит «Ток», так и «Лейпциг» возьмет мотив «Петербурга». Сильное звено «Париж», вся высота, а «Петербург» – все падение. После написания «Зеленой Двери» надо создать такие же условия «лавинные», какими писалась «Зеленая Дверь».

В эту неделю, начиная со вторника, надо начинать ежедневную подготовку к путешествию: завтра до обеда сходить в музей к Розановой, в аптеку за медикаментами.

Помню, когда я в юности был просто диким охотником и не признавал никаких правил, у меня был своеобразный нравственный кодекс против правил, выработанных для охраны дичи. Меня возмущало, что правила вырабатываются для охраны животных, предназначенных для убийства. Мне представлялось, что убивать можно только в том случае, если это делается бессознательно и, что то же самое, по необходимости в борьбе за существование, для защиты своей жизни от голода или нападения. Но если сознательно воспитывать дичь для удовольствия ее убийства, то это безнравственно и потому, отдаваясь инстинкту охоты, я ненавидел и не признавал правила: без правил – можно, по правилам – нельзя. Бывает, думаешь, когда приходится стрелять в запрещенную тетеревиную матку: «ведь запрещается стрелять в

матку, чтобы потом в новом году застрелить ее детей. Какая мерзость. Так лучше же я сейчас убью ее». (Мантейфель и ворона). Впоследствии выработалось у меня через охоту специальная способность воспринимать природу и описывать свои впечатления: для меня, как и для ученого–зоолога, охота стала главным образом в помощь работе, и я уже отношусь к правилам охоты, признавая их с точки зрения разума, но не сердца, как прежде. Однако теперь, когда я увидал в Зоопарке, что волки, встречая людей, виляют хвостами, сердце мое сжалось, и я вернулся к передумке об охоте со стороны сердца.

21 Марта. Весь день вчера просидел на запоре и так отсиделся: не захватили ни мистики, ни пьяницы. Мне кажется, я начинаю ненавидеть писателей, каких-то честолюбивых обезьян, и особенно тех, кто имеет успех в наше время. Успех в наше время почему-то особенно быстро отпечатлевается обезьяньим выражением. Самая умная и самая достойная из всех успевающих Ольга Форш, по-моему, со времени издания «Современников» получила малую, самую малую долю печати этой. А Разумник утратил печать совершенно и явно носит выражение воскресающего человека. Несомненно, и мой успех тоже дает эти обезьяньи черты и, вероятно, потому что я их очень чувствую – держусь пустынником: на людях не избежать. Боже мой, закутавшись вечером одеялом, ведь я способен улыбаться кому-то детской улыбкой, не шевеля своих толстых, покрытых конской щетиной щек. Но днем на людях как я могу улыбаться, не безобразя человека.

Встретил вчера Т. Вас. Розанову. Она мне нравится. Я ее причисляю к Берендееву царству.

Моя старая тоска («тоскливый невроз») начинается всегда под ложечкой, не раз я задумывался о близости этой боли к физической боли от желудка. Лет 20 тому назад случилось, эта тоска действительно перешла в настоящую физическую боль, хоть кричи. Я едва добрался до доктора, он прощупал живот, и оказалось, что причина боли под ложечкой – настоящая боль в области червеобразного отростка слепой кишки. Значит, все в слепой кишке, и, быть может, вся моя лирика исходит от слепой кишки.

Вчера был такой мороз, что, несмотря на солнечный день, только после обеда дорога стала рыжей. Сегодня с утра облачно, дорога припорошена, да и летит, кажется, и сейчас в 5 ч. д. пороша.

Ежедневно буду записывать о погоде, потому что наступает самое интересное время, самый любопытный вопрос: каким образом весна света перейдет в весну воды.

22 Марта. Оттепель. Мокрый снег.

Вчера пришла Т. В. Розанова в 7 в. и была до 1 ч. ночи. Я таких людей еще не встречал, в ней было мне то, чего я ожидаю себе найти в работе над детским рассказом. Это желанный человек, в свете лучей от которого насквозь все мои люди. Почему-то мне, прежде всего, пришла на память Дунечка, о которой с детства слышу: «святая». И что же? эта «святая» теперь на подножном корму у большевиков, которых ненавидит. И какой надрыв вся ее жизнь: все эти 30 лет учебы в деревенской школе ведь совершенно то же, что годы заключения В. Фигнер. Очень похоже. Ужасно, что ведь это лучшее революции!

Что особенно поразительно – это одни и те же переживания от «Лунных людей» Розанова вплоть до пренебрежения газетами: «я весь Шанхай и весь Китай и Англию – все узнаю не по радио, а по копеечке на булке: копейка прибавилась, копейка убавилась».

Очень некрасива, невзрачна, но так оживлена, так игрива в мысли, что становится лучше красивой (и проста, как Катя – тоже прекрасная).

Что же делать, сознаюсь: щупаю каждую женщину на возможность последней близости («а есть за что подержаться?»). Тут совсем ничего: полное отсутствие, в голову не приходит. Но, тем не менее, в этом общении, чисто духовном, есть особенная сладость какая-то и столь сильная, что может сравниться лишь с самой игрой, мартовской любовью. Вероятно, это сила религиозно преображенного эроса. Но Еф. Пав. ее не ревновала (как всех) ко мне, к этому не ревнуют.

Т. В. рассказывала, что когда ее позвали в ГПУ для допроса и там намучили ее глупыми вопросами до того, что, когда они зачем-то вышли из комнаты, она легла на диван и уснула. Это ее и спасло: гепеусты образумились и выпустили. И, кажется, это они же способствовали ее устройству на службу в музее: «Вам, – говорили, – там хорошо будет с монахами».

Еще рассказы ее о какой-то ее «боли», которая началась у нее после чтения «Людей лунного света», кстати, простудилась и думала, что боль от простуды. Пошла к докторам, ей сделали операцию, боль не перестала. Потом она стала мучительно работать над преодолением «Лунных людей» и когда преодолела, боль прошла.

Таким образом, у этой девушки и у меня лучшие силы ушли на преодоление боли, причиненной одним и тем же (впоследствии любимым) человеком, ее отцом и моим учителем. В психофизическом мире ее «православие» вполне соответствует моей «природе»: то и другое для спасения себя самого, но не для учительства (ни Боже мой!). Однако и мне, и, вероятно, ей эта найденная самость представляется не индивидуальным достоянием, а общим, назовем это «Христос и Природа»: очень возможно, что в моей природе есть тайный руководитель Христос,

а в ее Христе – природа. Для меня самое главное кажется в том, что оба мы свое мученичество преодолели и стали мучениками веселыми.

23 Марта. Мороз с ветром. Только после обеда дорога побурела. Грачи еще не интересуются гнездами. Где-то на стенах Лавры, вероятно, филин кричит. Начинается 2-я треть старого марта.

Был у Григорьева. Продолжает выпивать, а Кондрашка себе: с ухом плохо. Человек падает.

К роману: Сергей Писарев – технократ.

Волнение от разговора с N. не покидает меня, нетерпение новой встречи все растет, и эта встреча обещает ту сладостную соприкосновенность без конца в глубину, которая, вот именно я этого и боюсь, не перейдет ли потом в отталкивание, потому что всякая сладость физического ли порядка или преображенно-физического (душевного) должна же иметь конец, после которого и бывает всегда отталкивание. Но может быть, возможно, что эта встреча явится новым истоком творчества, около которого, быть может, я только стою теперь. Я на это очень надеюсь и потому в этом случае подойти крайне осторожно. Надо подумать еще, давать ли читать «Козла». Словом, надо взять этот материал в руки и обойтись с ним крайне хозяйственно, бережно. На первых порах надо будет определить: все ли тут свое и нет ли чего от испугу (от влияния «душеприказчика»).

Ефр. Павл.

Эта полная женщина удивительна по строю своей души, и недаром «дева» сказала, что она «правильная». Пока я с ней, она и не молится и в церковь не ходит, хотя я не препятствую: ей будто бы все некогда. На самом деле просто потому, что она удовлетворена, и, значит, молиться, просить Бога незачем. Но она знает, что когда пробьет час, она готова идти.

Встретил княгиню, идет за провизией, потому что завтра новое Благовещенье и будто бы не будут торговать. Я ей сказал: «УКОМ приказал торговать». Но она все-таки пошла. Говорят, она религиозная, только я не думаю, что сильно: она для этого просто уж очень утомлена, детей много, мать. Смотришь на нее и понимаешь, почему истоком религии считается дёвичья душа.

Говорил с Григорьевым о бремени славы, что Бунин умел это нести. Вероятно, силы для этого дает заслуженность.

25 Марта. Новое Благовещенье.

Без ветра.

На рассвете выпустил на двор Кенту, поставил самовар, вышел. Утренник приятный, без ветра. На огороде у меня рас-

тут горы навоза. Оглядел навоз, кинул ласковый взгляд на половинку месяца и вернулся домой писать главу романа из быта Германии.

Тат. Вас. сказала об отце: он был неверующий, да, в этом все: не верил...

Вот бы что надо знать о любви: любить человека не стыдно и никому это не должно мешать.

Вопрос: от какого господства люди больше страдают, от господства интеллекта или чувства?

Вечер сегодня, вот вечер-то! я вошел в лес – вот тишина! только под валенками очень сильно хрустит вечерняя намерзь. Белый, такой белый снег, так чисто, и пахнет март морозом и солнцем. Светит заря. В это время всегда деревья, выступая узорами своих тончайших ветвей на небе, своими стволами, то слишком белыми, то слишком темными, деревья-то больше всего и обещают весну.

Много разного я надумал, наслаждаясь мартовским вечером, и еще больше пробежало не захваченных мыслью чувств. Вот я помню, мне показалось, что сошлись времена в один миг и все, что совершается, как нам кажется, на протяжении веков, то стало одним творческим коротким моментом, в котором мы все, в сущности, очень немногие разновидности душ, показываемся в различных сочетаниях, переменяем своих соседей, и эта перемена представляется жизнью и смертью.

Мне вспомнилось, как Т. В. спросила меня при первой же встрече строго:

– Вы живете с одной женщиной?

Я сказал, что с одной.

– Это хорошо, – сказала она, – я рада – и давно вы живете с одной женщиной?

Мне хотелось сказать:

– Да, это очень хорошо жить с одной, потому что, когда живешь с одной, то тем более страстно ожидаешь другой.

Но я подумал, удержался и ответил:

– Я живу с моей женой скоро 25 лет.

26 Марта. Роскошное, тихо морозное солнечное утро. В правом паху у меня сегодня почему-то давит сильнее, чем это бывает у меня (я думал всегда, что это последствия аппендицита). Вот бы не хотелось болезни! но что делать, надо быть готовым всегда и твердить на этот раз и помнить: «Да будет воля Твоя!» – это очень хорошая молитва.

Замечательно, что Т. В. говорила очень хорошо о смерти, о ее величии: это в духе чистого православия и против отца. Хоронить у нас умеют прекрасно.

27 утро месяца Марта. Солнце во всей славе над снегами. Мужики везут корову в санях, потому что по скользкому хрусту ей не пройти: вся корова заиндевелая. От Горького хмурое письмо: роман не ладится, хворает. У меня роман идет, настроен все время был так повышенно, что, казалось, нет конца силам. И вот второй день тупая боль в правом паху, и я весь потускнел. Да вот то-то и надо помнить, если хочешь свести счеты с жизнью песней победы, надо все свои верования испытывать на самом простом, вроде боли в желудке. Православие для этого создало посты.

Кажется, Розанов неправ, принимая, что православие презирает плоть. Напротив, оно старается сделаться хозяином плоти, может быть, и все православие можно рассматривать как методу овладения своей плотью.

Наст скипелся и держит. Я иду прямо по снегу в валенках, только чуть хрустит. За Вифанией открывается поле десятин в пятьдесят и все покрытое высоким репейником. Множество щеглов. Я навел бинокль на березу с щеглами, и дерево, покрытое разноцветными птичками, тихо поющими, воскресило в моей памяти ранее цветущий в Крыму миндаль, трагическое дерево: сегодня цветет, а завтра мороз, и дерево на весь год остается бесплодным.

На Вифанском пруду видны следы падающих на снег пуль, видно, тут где-то военное стрельбище. Кстати, недалеко выстрел раздался. Я подумал: «вот еще убьет». И если убьет, скажут: «несчастный случай!». «Нет, друзья, – говорю я, – за случай отвечает государство, а за государство – народ» (ведь и явление личности есть не больше как случай).

Причина несчастия коренится отчасти в неуважении к случаю: случай в механистическом плане не только не принимается во внимание, а даже считается враждебным расчету. Презрение к случаю переходит и в презрение к даровитой личности и даже вообще к индивидуальности. Вследствие этого личность, попадая в сферу насилия, бездействует, тоскуя о своем эксплуататоре.

На заседании в газете «Соха и Молот» по вопросу о туризме смотрел на молоденького Сорочинского, «организатора». Этот милый с виду юноша внутри совершенно разложен, как-то до конца «публичный человек».

Горькому: «Нет, Алексей Макс., не сетуйте на свой талант, большой у Вас талант и, я сказал бы, «без-мерный»: вот если у Вас и есть какая беда, так это без-мерность. Вы сами знаете эту свою беду хорошо и всю жизнь хотите найти седло для сво-

его таланта в знании. Вы вечный какой-то богоискатель («еретик») и потому, а не по таланту, является иногда неравновесие частей в ваших произведениях. Но, знаете, одному то, другому другое: зато ведь Вы Горький, что в Вас помимо таланта много человека с неотрезанным пупом от Бога (один демонический хлыст однажды мне так и сказал: «человеку надо пуп от Бога отрезать). Примечание к понятию «Бог»: и земля Ваша, геофилия, как Вы называете, – все Бог! А ведь чистый художник, эстет абсолютный, это, конечно, человек с отрезанным пупом: такому легко. Я вот сам тоже не оторванный, но я спасаюсь как-то «службой», т. е. полагаю, что мне дано малое дело, спец-цель хранить ризы земные, ну, вот я и храню по мере сил».

Интересно: переход к Зоопарку – пример какой-то лжи в отношении с Горьким.

Теперь я начну деловые письма: пора бросить этот вздор. Дохожу в этом до того, что езжу в Зоопарк смотреть, как волки виляют хвостами Мантейфелю, как тигры от его ласкового слова перевертываются вверх брюхом и выдра бегает за ним по дорожкам. Не очень меня удовлетворяет это, по-моему, зверя не надо переделывать в человека, пусть он останется «диким». Кроме того эти ученые, развращая зверей гуманностью и даровой кормежкой, не умеют их наблюдать: они смотрят в упор на них и записывают. Нелепо в высшей степени, похоже, как если бы явился человек, никогда не видавший солнца и много о нем наслышанный, и стал бы на него глядеть, портя свое зрение. Мы же, жители земли, знаем, что к солнцу надо стать задом и смотреть на освещенные им предметы. Ученые снисходительно смотрят на нас, художников, в помощь себе. А между тем дело только тогда пойдет, когда художник в деле изучения жизни станет на первое место, пока не подчинил себя науке (хотя и понимая ее методы). У меня есть такая идейка, и проделанные с ней опыты дали приличные результаты. Я очень рвусь к этому, но не дает хода роман, <*не дописано*>

К обеду пришла Т. В-а и я читал ей Курымушку. Под конец пришла Григорьева и помешала. Т. В-на сказала, что Розанов и должен был меня исключить. Она забыла, что это худ. произведение, трагедия, в которой все люди должны делать так, как они делают. Но в действительности ведь было вовсе не так: Розанов был виноват.

В Китае начались военные действия.

28 Марта. Продолжаются тихие звездные, морозные ночи, лучезарное утро.

Катастрофа в Китае.

Пиши роман!

Слышал разговор: «Англичане-то не дураки». – «Но ведь и наши не дураки». – «Нет, наши дураки». (т. е. могут ввязаться).

Шел по улице в Сергиеве, на панели половина французской булки лежит, и никто ее не подымает. Я подумал: «Какие мы стали богатые!» Так я подумал, потому что уже мерещится перспектива новых голодных лет и вспоминаются годы, когда мы за такой кусок булки отдавали последние остатки имущества. Тяжело вновь переносить, и, кажется, невозможно. Главное, что живем все на фу-фу, где тут воевать, а кричим громче всех.

29 Марта. Юго-вост. ветер, все небо покрыто серыми сплошными облаками, и все-таки очень холодно, и дорога после обеда не оттаяла, а вечером была буря, думали – перемена, и нет – все мороз, холод. Но мне и не надо тепла. Роман пишется.

Т. В-а Розанова горячей душой, с огромным интересом в течение 4-х часов чтения слушала повесть мою о Курымушке. Но она слушала по человечеству (или сказать: религиозно), повторяя иногда: «Господи, до чего же у нас с вами похоже!» А когда доходило до природы, напр., это место «Гусек», столь прославленное всеми ценителями моих писаний, по-моему, она просто не слушала, наверно, во•всяком случае, не все принимала. Это замечательно подтверждает понимание православной души Розановым. Но, по-моему, он и сам едва ли не подходил к природе – сказать: супронатурально. Впрочем, очень возможно, что ошибаюсь. Во всяком случае, понимание природы, о котором я говорю, есть чувство самого тела, сказать так: телом сливаюсь с природой и это описываю. А то можно описывать или догадку, или отражение в голове.

Думал я, читая дневник Суворина, о своей отшельнической дикости. И в то же время думал, какую огромную роль сыграла в этой жизни Ефр. Пав-а: «здоровым» человеком в смысле того «чувства тела» сделала меня, конечно, она (да еще мать не забыть), если бы вычесть из меня мать и Еф. П-у, то я остался бы тоже «блаженным», вроде Тат. Вас-ы.

Святые православные люди (как Т. В-а) лишают доверия чувство своего тела, может быть, стыдятся его и достигают умерщвления, а может быть, как пишет Розанов, просто лишены его и, действительно, люди лунного света.

По-видимому, столкновение с Китаем Европы будет не сейчас. Но мы ввязываемся в это дело. Вероятно, не только «авантюрами большевиков», а и внутренней судьбой Востока. Господское высокомерие европейца-колонизатора и цивилизатора получило от русской революции хорошую гримасу, получит и

в китайской. В этой гримасе раба скрывается и святость сердца, а в прогрессивном жесте европейца («вперед!») пустой материализм. Китай надо принять к сердцу (вот где надо искать оправдания и смысла).

Мысль в роман о коротенькой правде: вся природа большую часть времени отдается поиску корма, но этой святости бытия нельзя достигнуть, если от разума прийти к этому (пахать, как Толстой, или «учить», давая уроки, как Алпатов), эта коротенькая правда за собой имеет душу в молитве: «хлеб наш насущный даждь нам днесь».

Очень возможно, что вожди православия действительно люди лунного света, а рабы его мучают плоть свою и «спасаются» лунным светом.

Еще для романа: тема господства, с которым Алпатову должно расстаться: истина господства за спиной видимого господина. В любви – тоже господство.

30 Марта. Порывистый ветер. Таяло немного после обеда и к вечеру замерзло, как и вчера.

Был у меня фотограф Пендрие с князем Трубецким. Пендрие снимал Кенту с сосущими ее щенятами. Вот пример, как начинается война. Пендрие начал ругать егеря Егорова такими словами: «У него места не хватает для клейм». И все это за то, что он их, воскресных охотников, поднадул с волками. О Егорове я писал статью, знаю как превосходного охотника и великолепного рассказчика. Пендрие знаю как темную личность, метиса француза с евреем. А тут еще присоединились думы о Китае. И вот я выпалил, что не для русского народа клейм не хватает, а для тех случайных пришельцев, которые являются к нему и господствуют над ним. Я говорил, что русский народ, вор и мошенник, когда-нибудь со всем Востоком покажет все величие своей души. А еще говорил, что господствует не тот, кого фотографируют и выставляют в витринах напоказ толпы, а скрывает и лицо свое, и имя за спиной своего господина. Кончил я все это рассказами о лучшем каждой народности и так нарисовал картину подлинного интернационала.

Конечно, все это говорилось потому, что был и Трубецкой. Пендрие такой прохвост, в присутствии которого мы все большевики. Да, пожалуй, если бы он был чуть-чуть поумнее, он мог бы подумать, «все русские – большевики, одни только официальные, а другие тайные и огромное большинство тайных».

Пендрие – помесь еврея с французом. Он говорил, что он по своему призванию коммерсант крупного размаха: в этом он мог бы себе найти удовлетворение, а на малом деле он совершенно пуст.

Предсказание погоды на завтра:
Дальнейшее потепление. В полдень оттепель.
Порывистые южные ветры.

«Цум Шпасс».*

Надо подгонять ход романа к идее «коротенькой правды»: что, значит, эта коротенькая правда (выполнение заповеди труда как проклятие человека) и является Алпатову личным препятствием в творчестве мировой литературы, напр., больше надо подчеркнуть работу Мейера в деле достижения анстэндан фрау**.

31 Марта. После обеда стало много теплей, чем раньше, и вечером долго не замерзало на дорогах.

Был в редакции второй раз на совещании об экскурсиях, никто из интеллигенции не был. Мальчишка-редактор препротивный. Не надо больше ходить.

Розанова вернула «Кащееву цепь», и было очень неприлично это: все-таки, несомненно, это жест, иначе она сама бы занесла книгу, жест очень тонкий вышел. В общем, мира с покойным Вас. Вас. не происходит.

Китай приблизился. Родина. Россия показывается в новом свете. И стало, будто человеческий мир стоит на трех китах: Россия, Индия и Китай.

Мне принесли большой портрет Розанова, сделанный с маленькой карточки, которая висела под большим портретом Курымушки. Портрет мне так понравился, что я переменил решение подарить его Т. В-е, поставил его на полочку, а маленький снял с гвоздя для Т. В-ы. Через несколько часов в комнате у меня все переменилось: пока Розанов был маленьким и висел под большим портретом мальчика, он возбуждал во мне любовь, жалость и чувство большого светлого примирения. Но когда портрет стал большим, я стал испытывать, встречаясь с ним глазами, все более и более неприятное чувство, как будто я опять вернулся в тот гимназический класс, из которого меня выгнали. Сегодня утром я снял портрет большой, повесил маленький, и стало опять хорошо. А большой портрет сегодня же направлю к Татьяне Васильевне.

Пендрие, когда зайдет речь о Трубецком, всегда вздохнет и скажет: «Мне так жалко, мне так жалко, я не могу сказать, как их жалко». И тут же расскажет, что однажды сердце его не выдержало, он вынул 25 р. и заставил взять. В этот раз опять

---

* в шутку, шутя (*нем.*).

** порядочная женщина (*нем.*).

сказал, что привез детям конфет (жалко!). Подумаешь, какой благодетель, а между тем, когда я отругал его, князь, видимо, был очень доволен. Верно, нельзя поганому человеку взять хорошего подарками, да, наверно, и никак не взять. Вот почему и литературы нет хорошей, а жизнь у нас так нестройно идет, что подходят к ней не изнутри, а извне.

Эта внешняя жизнь в советских учреждениях города Сергиева начинается в десятом часу. А еще в 4 утра встала сестра царя Берендея и ушла молиться в лесной скит. Навстречу ей из лесов, из <*1 нрзб.*> монастыря Параклит сила монаха... и проч... Целый мир прошел... когда проснулись обыкновенные <*1 нрзб.*> люди, стали открываться учреждения, кооперативы. И сестра царя Берендея вошла и села за машинку.

1 Апреля. Дальнейшее потепление. Надо собираться ехать.

Были у Тат. Вас. Розановой. Рассказывала о конце В. В-а. Он оставался, оказывается, до конца при своем, что христианство создало революцию. Письма за 4 дня до смерти.

Книга мне возвращена, конечно, по приказу Старца, даже и письмо видел. Очень любопытно: испугалась жизни, не хватает сил ее выносить, а там даётся жизни новое русло. Вот бы неврастеникам что!

2 Апреля. Серый день. Зовет на охоту.

Сегодня день разведки. 1) Справиться о деньгах в банке. 2) Встреча с лесничим. 3) Бухгалтер Фролов. 4) Охотприпасы. 5) Яловецкий (вечером).

Назавтра, часов в 11, к Яловецкому на базар, в 5 придет Фролов, в 7 к Ник. Рудол. Обрехту, к лесничему. Ехать надо в Торгошино.

Путешествие Татьяны Васильевны в миску (рассказ о щенке). Т. В-на очень слабая, но умная. У Кэтт 6 щенков. Одна маленькая. Какую себе выбрать? Самую умную. 1-я двинулась сучка с белой звездочкой. Солома, бревно. За бревно и свалилась, там сходила и вернулась. Миска, в которой ест мать: овсянка с бульоном. Рядом с матерью, точно такая. И в миску. Когда явилась назад, все стали ее лизать. Она что-то поняла. На другой день полакала в миске, а голова вся в овсянке. Ее опять полизали. Потом все отправились с ней. Тогда мы стали молоком поить и мать освободили. Типы: змей (характер) и другие характеры: сучка с одной коричневой звездочкой и белая лысина, с двумя звездочками.

Наблюдение: первую неделю в борьбе за молоко брали верх сильные кобели, но потом сучки изловчились и приладились лучше их.

Слабые сучки приладились, когда все уснут и мы покроем их одеялом, тихонько выходить из-под одеяла к матери и сосать в одиночку. Сегодня щенята начали определенно играть друг с другом и пробовать хватать лохмотки шпалер.

Глаза голубые.

3 Апреля. Серый день. И, кажется, еще будет теплей, чем вчера. Был с Вяч. Павл. Яловецким на базаре, огромный базар. Это последние базары (перед распутицей). Со всеми советуюсь о последней дороге, и все говорят, что еще неделю поездят.

Нужно ли... был у меня бухгалтер МСПО Фролов, охотник. Рассказывал, как собака из норы за хвост вытащила лисицу и половина хвоста осталась у нее в зубах, а лисица опять пошла. Забилась под корень дерева, и тут один охотник схватил ее за ноги задние, другой за шиворот, и так взяли (вопили и переживали радость: нечто от далеких времен).

Пришла Т. В-а и принесла печальную весть: умер Ив. Алек. Рязановский 30-го Марта от астмы. Написать жене.

Т. В-на – портрет Розанова. Ее лицо так просто, что на улице не заметишь. Она истощена и жизнью, и постом своим. И вот при всей своей невзрачности, при невозможности думать о ней как о женщине, она вносит в мою душу атмосферу какого-то тончайшего сладострастия, что это? понять еще не могу. Она так утонченна, так умна душой, что все мои лучшие и интересные люди вспоминаются как примитивы, даже Дунечка и Форш.

Будь она монашка с отрезанной от мира душой или же просто женщина в мире, все было бы обыкновенно, но она соединяет то и другое, она, по-моему, не фиксирована в христианстве, и утверждение ею Христа так же мучительно зыбко, как отрицание Христа Розановым: отец и дочь с разных концов проживают жизнь одинаково.

В этот раз она сказала: Розанов был неверующий, он верил в себя, в свое открытие. Сегодня, напротив, говорила, что именно он был верующий, потому что ему *<1 нрзб.>* близок был Христос, и он кончил тем, что два раза причастился, (странно, однако, почему она об этом говорила не горячо, а как бы вопросительно: что это значит?).

Перед самым концом Розанов что-то увидел, и ему это большое надо было скорее сообщить Флоренскому. Послал Таню: беги, беги скорей. Но Флоренский почему-то не пошел.

Она еще говорила мне, что я слишком верю в людей, что в людей нельзя верить. Да, это очень верно, что я держусь верой в людей и что в Бога начинают, должно быть, по-настоящему верить, когда теряют последнее зерно веры в человека... Ефросинью Павловну, естественного человека, это возмутило, она смешалась и поколебалась.

Розанов страдал детской верой в людей, он потому и обнажался, что как бы хотел сбросить с себя на народе все и найти себе людской путь.

Но это же и верно! это светлый героический путь. А неверие в человека есть несчастие, есть болезнь роковая. Люди, ну а дети? Вот, вероятно, тут-то в этом месте и поймал старец Марью Моревну и опутал ее Кащеевой цепью, непременно ему надо разбить все ее связи, чтобы безраздельно одному пасти ее душу. В этом духовном союзе есть больше сладострастья, чем в плотском: тут оно тоньше, слаще, длительней. А если нет сладострастия, то власть сама по себе дает удовлетворение. (При первом знакомстве: вы природу любите, это хорошо, значит, не любите человека).

Т. В. сказала: «Нас соединяет не христианство, а чуткость и сложность переживаний: сколько вы накрутили себе».

Неверие в людей. Меня всегда пугала эта бездна, когда я подходил к ее краю, и тут я все брал на себя: не люди плохи, а я! И когда я уходил в себя, страдал о себе, что я не такой, как все, что у меня нет чего-то, что все имеют, вдруг при каком-нибудь нечаянном взгляде на мир какая-нибудь березка, птица, река являлись в необыкновенной красоте и тогда я, как бы прощенный красотою, я с любовью обращался к людям, я верил им, и они мне помогали.

<*Запись зачеркнутая*> Литературная деятельность, хотя бы даже чисто художественная, непременно имеет дело не только с обществом, но и с рынком. Можно освободиться от влияния рынка, но от читателя ведь не освободишься...

Я хотел сказать, что с какой-то высокой точки зрения писатель как человек, имеющий доверие к безликому обществу настолько, что позволяет себе перед ним раскрываться и мало того! получать за это деньги – смешон, потому что наивен, и если не имеет наивности... < потому> что подл. Возможны два отношения к читателю: или читатель – друг, и роман будет письмом к другу (наплевать на всех), или читатель – дурак, которому отвести надо глаза героем. В своем романе я буду чередовать обращение к другу обращением к дураку.

<*Запись на полях*> Шлагбаум: Поезд проходит, и все кланяются.

<*Запись на полях*> Женщина пришла к старцу в безумной тоске и отдала все свои деньги, только чтобы он взял от нее тоску. Старец стал молиться. Женщина освободилась, но сам он был охвачен ее тоской.

Толкование Ефрос. Павловны: в народе есть поверье, что если отдать другим любимую вещь, то и болезнь отдашь ему.

5 Апреля. Сегодня, друг мой, в Москве на Тверской я увидел, как два пожилых гражданина встретились и вдруг узнали друг друга, наверно, не встречаясь полвека, один вскрикнул «Сережа!», другой «Миша» и обнялись.

Я завидовал им: вот наговорятся-то!

Сколько в жизни своей эти люди, наверно, налгали, сколько переменили личин и запутались так, что даже от себя-то самих отделываются игрой в карты, и вдруг эти седеющие люди – мальчишки, вдруг – все по правде высказывают.

Вот и я так думаю иногда о себе: а вдруг мне когда-нибудь встретится друг, и я выскажусь до конца... Когда-нибудь, а теперь не <*3 нрзб.*>. Такой я не один, и, значит, лирика моя в романе имеет всемирное значение жажды затерянного человека найти родную душу для встречи.

Ровно серое утро с самым легким морозцем. Везде бормочут тетерева, начиная от 1-й ж. д. будки в направлении Переславля, прямо вышел за Красюковку, и слышно. В ½ 7-го ток везде прекратился. Я ходил до Ляпунова завода, вышел в 5.20, вернулся в 9.20 = 4 часа. Таяние очень медленное. Снег не только в лесах и на поле весь цел. Грачи орут на гнездах, поют овсянки и синицы, но скворцов и жаворонков не слышно.

Иванов-Разумник рассказывал <со слов Клюева – рукой Иванова-Разумника>* о смерти Есенина: что как будто бы перед этим явился он к Клюеву и стал звать его к себе. Клюев пошел одеваться, а Есенин за это время задул у него перед иконой лампадку. «Ты, может быть, и богат, – упрекнул его Клюев, – а у меня богатство это одно: благословение матушки». В номере у Есенина оказалось до того отвратительно, бутылки, закуски, грязь, что Клюев принялся убирать, чистить. Потом Есенин стал его умолять ночевать с ним, но Клюев сказал «не могу» – и ушел. Потом он объяснил, что видел над головой Есенина уже голубой венчик смерти и что весь он был окружен бесами, сделать тут ничего он не мог, и потому пошел домой за него молиться и молился всю ночь.

Иванов-Разумник это рассказывал, видимо, очень возмущенный Клюевым: по Разумнику, непременно Клюев должен был остаться.

А когда я то же самое рассказал Т. В. Розановой, она стала на сторону Клюева. «А то, что Есенин перед концом просил помощи у Клюева, – говорила она, – именно и доказывает, что

---

* Здесь рукою Иванова-Разумника вставлено: «со слов Клюева» и зачеркнута фраза: «что как будто бы».

все уже было кончено. Самоубийцы часто перед концом и в церковь заходят, хватаются как бы за последнее, но эта последняя попытка вызывает новый сильнейший приступ злобы, и потом бывает конец».

Я сказал ей о Разумнике, она это назвала: «обыкновенное интеллигентское толкование». Я же думаю, что не совсем интеллигентское – вот Ефросинья Павловна тоже возмущалась, в этом случае интеллигентское толкование совпадает с естественным толкованием здравого смысла. И хочется быть уже просто неверующим дураком, способным помочь, чем обладать способностью предвидения и устраняться.

Тут ошибка в том, что человек живой в такую минуту не уполномочен устраняться... «Интеллигентское толкование» – это значит настойчивость в осуществлении воли Божьей на земле, такая настойчивость, что и вплоть до разрыва и непременно до гибели (если же не погибает, то запоет: сами, сами комиссары, сами председатели!). Этот страх «интеллигентского толкования» и уводит Т. В-у от Христа (потому что отказываться от веры спасающего действия своей руки и передать дело спасения воле Божией – не христианский поступок).

Вот еще о том же. Дочь «гениального» Розанова («Все, все мне говорят: «Ваш отец был гениальный») не в 19-м, а в прошлом году получила место курьера при музее и с ведома заведующего носила дрова по квартирам Музея. Трудно себе представить более слабую физически девушку, чем Т. В-на, и все же на глазах администрации она носила, конечно, не вязанками, а по пяти поленьев, да, по пяти поленьев ½ сажня в день! В этой беде ей помогли не образованные люди, а два простых дворника. И едва ли эта помощь их исходила оттого, что они верили в Бога: им было просто жалко, и вот это и есть религия человечества естественная, та самая жалость к человеку, которой страдают и немногие боги, Прометей, Христос...

Игра с Ромкой

Я подхожу к окну и стучу по стеклу пальцем. Ромка знает по стуку, что я у окна, и в несколько скачков влезает на всю высоту штабеля лесных материалов против моего окна: он хорошо знает, что только с этой высоты он может видеть мое лицо у окна. Несколько мгновений он вглядывается, насторожив уши, потом узнает, и голова становится гладкой, хвостом вильнул несколько раз и остановился: Ромка ждет от меня какого-нибудь действия. Я молчу и не двигаюсь. Ему это невтерпеж, он вызывает меня:

– Гам!

И насторожив <*1 нрзб.*> уши, ждет ответа. И как только я в ответ на его «Гам!» кричу свой «Гам!» – стремглав бросается

со всей высоты штабеля, мгновенно исчезая из поля моего зрения. Но я знаю, что он делает: он бросается к стене дома под моим окном, потом становится на задние лапы и – такой дурень! – пробует передними лапами дотянуться на всю высоту окна, превосходящую высоту его прыжка в десятки раз. Его останавливает, однако, не высота, будь лицо мое видимо, он не посмотрел бы на высоту и во что бы то ни стало попробовал допрыгнуть до моего носа. Его останавливает от геройского прыжка только то, что лицо мое снизу не видно, останавливает, что исчезла самая цель действия, полученная от зрительного впечатления с высоты штабеля лесных заготовок. А если исчезло лицо, то надо скорей его увидеть, проверить, все ли я еще стою у окна. И он в три прыжка взлетает на высоту, всматривается, узнает, опускает уши, опять вызывает меня:

– Гам!

Я кричу ему: «Гам!» И он опять бросился вниз и опять исчезает, и опять появляется. И это можно повторять с ним сколько угодно. Я этим пользуюсь, чтобы нагулять его на маленьком дворике в самое короткое время.

Тарасиха о Тане Розановой.

– Очень хорошая, но все-таки человеком никогда не будет. Я так ей и в глаза сказала: «За глупого ты не пойдешь, а умный тебя не возьмет».

7 Апреля. Благовещение. Вчера сказали: «Если хотите попасть в Ведомшу, спешите, дорога еще держит, а болото опрело».

В Ведомшу едва ли поеду, потому что я не свободен, роман висит на шее. Заберусь на время здесь где-нибудь к леснику.

Собрался, было, с Ефр. Павл. пойти в скит к заутрене, да как-то голова очень свежа, писать хочется, и к тому же вспомнилось, что нога у меня растерта. Е. П. пошла одна, а я принялся писать рассказ «Нерль и Дубец». В этом-то вот и есть одно из главных невозможностей быть художнику христианином: там у них своей воли, своего каприза быть не должно, здесь же своя воля, как пар для машины.

После 9 у. пошел мелкий частый дождь. Явился Старов, говорил, что скворцы, жаворонки прилетели дня три тому назад, а вчера слышал, просвистел передовой кроншнеп.

Ведомшу по боку: роман не дает ходу. А охота будет и здесь: тяга около Хотькова, – дер. Шипилово, глухари около Васильевского, домашняя тяга в $1^1/_2$ в. от Сергиева в направлении Хотькова от линии.

Сегодня написан рассказ «Выбор щенка», или «Нерль и Дубец».

Ломакин взял 25 р.

Сегодня, день Благовещения, надо считать в этом году таким же началом весны воды, как прошлый год 16-е Апреля. Видели уток, журавлей.

8 Апреля. Туман.

Попытка Суворина в конце дневника говорить афоризмами похожа на буксование колес паровоза в тех местах, где рельсы смазаны жиром.

После обеда солнце.

9 Апреля. Ночь без мороза. Туман утром.

Поправлял рассказ «Нерль» вчера, сегодня в отделку. От Замошкина: деньги получил. От Каратаева: приедет 17-го за Яриком. Кончил Дневник Суворина. Замечательная книга, поучение: бойся оптимизма, вспоминал гимназию, царя Николая II («Царь» – исследование жизни Николая II; поначалу купить дневник Витте).

Тарасиха – елецкий человек, специфически елецкое что-то: пренебрежение к идеологии (своим умом обойдемся; два типа умных купцов: «своим умом обойдемся» (елецкие), и, напротив, вера в энциклопедию Брокгауза (белевские); в моей природе есть то и другое.

В моей природе есть от елецких купцов некоторое пренебрежение к ученому уму: «своим умом обойдемся», и есть от белевских Игнатовых слепое доверие и уважение к ученым умам.

Намечается тема «Из жизни Алпатова»: «Розанов» (изображ. на этом сюжете Религ.-филос. общества).

Бурмистров предлагает материалы по Гидростанции на Зимняке.

С 6 утра до 11 д. – переписывал рассказ «Нерль».

В 12 пошел к Т. В. в Лавру занести ей какао. В Лавре шел я, думая о своем, какой-то молодой без шапки встретился мне, плюнул мне вслед и громко сказал:

– Тьфу, е. твою мать!

Я оглянулся. Он шел вперед, не оглядываясь. Я решал задачу: от моего вида ему сплюнулось или, может быть, от вида роскошных строений религиозного культа. Скорей всего, от моего вида: в моем лице есть что-то раздражающе-интеллигентское. Удивительно, какие есть еще люди! но есть, я знаю: эти теперь стали самыми подонками, но когда-то... Было страшное время. Их двое сидело у окна в вагоне. Один выкинул наган и сказал: «Ну как, попаду в того старика?» Потом выстрелил, и другой: «Попал, е. твою мать!» Я болен этим воспоминанием.

Возможно, что человек этот шел из финотдела и ругал фининспектора. Мгновенно все в голове: «Нет, не спущу». Подхожу: «Гражданин, стойте!» Он повернулся ко мне с порога двери в Финотдел. «Вы за что меня сейчас изругали и плюнули вслед?» Он был крайне изумлен, потом вдруг вспомнил и рассмеялся:

– А, вы думали я это вас... Фу, черт, вот еще. А я ведь это фининспектора.

Превращение фининспектора в черта (а тот обыкновенный чиновник).

Сост. отм. в 7 у. 9 Апреля

Состояние погоды за 8 Апреля:

Морозы в бассейне Печоры. Температура выше нуля в остальной стране и заморозки ночью на севере и в бассейне Волги. Днем на юге Украины и в Крыму до 12 или 15^0 тепла, в Закавказье до 20^0. Небольшие осадки на севере, северо-западе и Белоруссии.*

Виды на погоду в Ц. П. О. – 10 Апреля.

Ночью незначительные заморозки возможны на востоке области. Завтра по всей области теплая, переменная облачность, умеренные, южные ветры. Дожди местами на с.-з. области.

Дождь.

В 6 в. вышел с Левой к Яловецкому. Полный развал зимы, шоссе обесснежилось, дождь идет теплый, и когда я почувствовал, что этот дождь мне знакомый, то вдруг как бы в ответ себе увидел высоко над городом пролетающую цаплю. Я сказал Леве, он остановился. Мальчишка, пробегавший мимо нас, остановился, вгляделся. Мы сказали ему: «Вот цапля!» И он закричал: «Цапля!» И собрались люди и долго смотрели.

Так я увидел и открыл людям цаплю этой весны.

11 Апреля. Утренник и прочный наст, открытое небо и горячее солнце. Иду по шпалам, гляжу на желтый песок и слышу над снежными полями песню жаворонка, первого ангела жизни.

Жаворонка слушать и понимать надо еще на снегу.

Параклит и Коминтерн.

Переписал рассказ «Нерль». Вечером был Ив. Вас. Евдокимов. Говорили о нашем гнилом строе, но я нарисовал ему перспективу, в которой возможно, что мы по совести будем стоять за большевиков.

Он рассказал анекдот о торжественном открытии Крематория. Нашли замерзшего человека, положили в печь, через час открывают, а оттуда голос: товарищи, закройте, холодно.

---

* По радио сообщение погоды.

12 Апреля. Безличный день, ни холодно, ни тепло, но вечером солнце и заря вечерняя были прекрасные. Заходили Григорьевы, мы провожали их по темным улицам с белеющим снегом, на горизонте была светлая полоса долгой зари. Светилась самая яркая луна, и звезды были всю ночь. Мороз явился к полуночи и к восходу крепко заковал лужи.

13 Апреля. Утро тихое, светлое, роскошное. Встает заря, кричат петухи, дерутся собаки, пыхтит паровоз, достукивает последний час свой колотушка 12-го века и еле слышно бормочут тетерева...

Есть религия жизни и религия смерти, наши великие художники, исповедуя радость движения... <*не дописано*>

(Роман: однажды Беляева увидела у Алпатова шаль и спросила о ней. – У меня была в институте подруга Ина Ростовцева. Они виделись с ней в Берлине, на Фрид. шт. №14. Это к Лейпцигу. Она говорила, что была тюремной невестой...)

Мартовская песня жаворонка над снежными полями, прелестный хор зябликов в неодетой березовой роще.

Апрельский хор зябликов

Шоссе обтаяло и по утреннику сухое. Только на самых высоких холмах кое-где начинают обнажаться озими. Малые речки еще не трогались. Все леса звенят зябликами. Хороши в апрельском свете белые березы с их тончайшим сплетением ветвей по голубому.

Земля трудом человека не насытится, сколько ни трудись, все как будто кто-то смотрит на тебя и ждет усилия особенного в понимании. В тревоге без памяти отдаемся труду до изнеможения, а собачка рядом сидит и глазами своими говорит: «Брось пустяки, не вертись, пойми, а потом делай, пойми сразу и начинай». Самая пустая собачонка, а тоже трудно забыть эти глаза.

Искусство играет богами, как куклами...

Искусство – продолжение жизни, а жизнь играет богами, как куклами. Почему и явился такой Розанов: ему в жизни во всем было отказано, а когда явился наконец талант, он был ему все: и богатство, и вечная юность, все было ему в таланте. Тогда он проклял черного бога, мешающего жить, и объявил религию человеческих зародышей, религию святого семени.

Флоренский и Мережковский происходят от католичества, где знание признается тоже даром Бога и им пользуются для укрепления веры. Но едва ли выносимо это для православия, которое в таком отношении к католичеству, как староверство к никонианству. Если, однако, знание не противоречит религии, то в чем же дело, почему вместе с знанием люди теряют веру в Бога (ведь и сам-то Флоренский верит ли?)

14 Апреля. Продолжаются яркие дни с ночными заморозками. В малых речках вода везде идет поверх льда. Напирает везде на дороги и размывает. Трещат рябинники, кое-где изредка посвистывают певчие дрозды. «Давно ли скворец у тебя, Иван Петрович?» – «Дня четыре свистит». Теперь бы только один дождь, и сразу бы явились вальдшнепы. В этом особенность весны: птицы летят по морозцу, а не с водой: день птичьего дождя отсрочился. Наст держит на поле и среди дня.

Птичий дождь.

Я прошел сегодня до Параклита на Дерюзино и оттуда Дерюзинской дорогой домой. Немного таких дней бывает у нас, это воистину святые дни (от прилета зябликов до первого кукования: «святая неделя»).

Остановишься, сядешь на пень отдохнуть, возле где-то поет зяблик, свистит в глубине леса желна, далеко бормочет тетерев. Но если пойдешь по дороге на час, на другой, то, кажется, весь лес густо звенит птицами, потому что голоса по пути в себе собираются и вырастают в себе же чистые березы с раскинутыми по голубому небу нераскрытыми почками в сплетениях тончайших ветвей. Скоро все это кончится в природе: березы оденутся, ручьи протекут, птицы сядут на гнезда. Но собранная певучая роща святых дней в себе остается навсегда.

Параклитский монах поднимал в город навоз на серой кобыле и крикнул: «ну, черт!»

Кто-то из обезбоженной колонии инвалидов имени Каляева пел на весь лес: «вечерний звон, печальный звон», хотя было утро, и было так весело, и колокола запрещены.

Да, монах крикнул: «ну, черт!», а революционер пел: «вечерний звон»! Я подумал: «Как далек человек от согласия с песней земли, даже если бы Шаляпин явился сюда, то не мог бы ничего спеть согласного с пением маленьких зябликов. Только древний монах, пустынножитель, не оскорбил бы природы».

Еще я думал о вере и знании, что не в самом знании заключается источник разногласия с религией (Короленко. Дневник. Т. I.), мы и сейчас можем найти среди верующих католиков много ученых, а у нас есть Флоренский. Но дело в том, что (вероятно, вследствие ошибок, «греха» церкви) знание ускользнуло из церковного руководства и было направлено против

церкви как орудие борьбы. Христианином, конечно, можно быть и без знания, но защищать веру в обществе можно только при помощи знания. Поэтому собирать церковь в наше время – это значит привлекать к церкви ученых, которые в наше время являются тайными господами эпохи. Все это, конечно, хорошо известно католикам, и все это делается.

(При первой возможности надо организовать чтение по вопросу о распаде церквей – где же гнездится начало революции).

<*На полях*> (На привале мы собрались и заспорили, одни охотники говорили, что собак надо драть, другие – обходиться с ними лаской.

– Ну, а ты как думаешь, Илья? – спросили мы молчавшего егеря.

– Я учу, – ответил Илья, – собак лаской, конечно, какая собака, другая требует плетки, но редко, а больше, я думаю, бьют от жестокости, а жестокость бывает от непонимания).

– Жестокость, – сказал Старов, – бывает часто от непонимания. Приходилось вам разбирать заячьи петли? Ну, хорошо, вы это понимаете. А вот приехал ко мне на охоту лесничий. У меня собака была по русакам первая в волости. Разобрал я петлю русака, пустил Завирая. Лесничий стал на пригорке, а русак прошел по дороге. Он на дорогу, и Завирай следом бежит по дороге. Вдруг лесничий видит сметки с дороги и след по снегу. Манит Завирая, а тот понюхал этот свежий след и бежит по дороге дальше. Я подхожу, лесничий говорит: «Вот след, если бы это моя собака, я бы убил ее». Посмотрел я на след и вижу: лапки круглые, значит, беляк, а мы русака гоняли. Я ничего, однако, не сказал и только ответил: «Убить никогда не поздно, не надо только убивать сгоряча». Потом пошли мы дальше по дороге, стали. Слышим, гонит Завирай, и русак бежит прямо на лесничего по дороге назад. Лесничий убил. Завирайло понюхал зайца и дальше, а как дошел до сметки, пустился гнать. Через короткий час лесничий поймал беляка на кругу. А когда Завирайло пришел, я напомнил лесничему: «За что же вы хотели убить Завирайлу?» Он смешался и говорит: «Я не понял». А я ему ответил на это: «Жестокость часто бывает от непонимания».

Меня продолжает волновать Т. В., и все происходит во мне совершенно так же, как бывает у влюбленных. А между тем Т. В. столь непривлекательна как женщина, что даже Ефр. П. не ревнует. Она объясняет мой интерес к ней пережитым с В. В. Розановым. Но мне кажется, не совсем это верно. Я думаю, что моя страсть влюбленности была от одиночества, от жажды встретиться с понимающим другом. Этот чистый душевный

процесс тогда маскировался физической потребностью женщины. Потом все это разделилось, животное было удовлетворено семьей, а духовное писательством. Но писательство, в конце концов, разряжает душу излучением в пространство. Раньше казалось, что кто-то, какой-то друг (читатель) явится вследствие этого писания, но потом оказалось, что он никогда не придет и не может прийти. И когда явилась Т. В. вне писательства, и все у нее оказалось мне столь близким, что казалось, душа с душой коснулись физически, до сладострастия. Это было удовлетворением одиночества столь уже привычного мне, что я перестал его ощущать, как будто это у всех, и человек с этим рожден.

<На полях> (Одиночество, доведенное до возможности страстного влюбления в душу другого).

Последний же разговор оттолкнул меня от Т. В. крайней запуганностью ее христианством, ее старцами, и что она даже в одном мне солгала. Мне показалось даже, что при волнении у нее на лице показываются синие трупные пятна, и что в этом старцы виноваты. Убегая от жизни, которая ей не переносима, она запостила себя до умора. Ее жизнь продолжается только в расчете на смерть. Своим бытием она доказывает «темный лик» христианства, открытый ее отцом.

Она живет помощью старухам, калекам, убогим и не хочет признать, по крайней мере, равным этому, если, живя, помогают другие прекрасным детям и юношам, словом, тем, кто жить начинает, а не кончает.

Дальнейшие наши беседы положительно вредны друг другу, потому что она, доказывая обязательность для другого, что годится лишь ей – будет переходить за черту необходимого смирения, и я непременно буду заноситься со своим писательством, которым ничего нельзя доказать, а только можно показать тем, у кого для этого открыты глаза.

16 Апреля. Вчера с полудня захмылило, потом ветер начался, небо все стало серым, в сумерках чуть моросило, и ночь обошлась без мороза, и утро настало серое, теплое. Можно думать, что в лесах уже есть довольно проталин и сегодня потянут вальдшнепы.

К роману:

Алпатов – художник: отечество для меня только пейзаж, но дорогой пейзаж: в Германии он обходится гораздо дешевле.

В Дрездене Алпатов в ожидании Ины Ростовцевой увлекается искусством (у гравера), потом встречается с Ефимом, вступает в спор с ним, (вызывающий) за искусство и личность (мы граждане мира, почему же я не могу быть таким же граж-

данином в Германии, как в России?) Тонкий ответ Несговорова. Вообще в личность Несговорова надо вложить все лучшее в нравственном отношении: заботу о человеке и позитивный ум. Он может привезти новости из России – сличить эпоху по Суворину и Короленко. Разговор: земля процветала в Германии – но это есть национальное буржуйство, ты посмотрел бы, что в военной Пруссии, а что делает Европа в колониях. Ты должен знать, мне стыдно. Алпатов доказывает, что личность... и т. д.

Потом ему встречается Нина, приходит к нему в комнату, видит шаль, говорит ему, что Ина ее подруга, она встретила кого-то, он увлек ее: она переехала в Париж и теперь она невеста, а он создает в России положение.

Идет к Ефиму и просит дела. Тот назначает его в Лейпциг. – Этим кончить звено, – следовательно, «Любовь» будет содержать: звено 1-е – «Тюрьма», звено 2-е – «Зеленая дверь». 3-е звено – «Vir juvenis ornotissimus». 4 – «Я – маленький ток (Петербург и болото)».

Звено «Vir»: Университет, Русская колония, в которой Алпатов хочет устроить марксистский кружок, только русские (Писарев). Совесть: а Ефим ведь придет!

Половая «проблема»: дуэль за проститутку. Ефим приехал. (Идейный порядок: начиная с вступления на почву Германии вскрывается лед формул мировой катастрофы, и подо льдом живая вода любви к родине, «к пейзажу», это любовь в 1-й бурный период, выражаясь в формуле мировой катастрофы, во 2-й – «пейзажный» – ученьем для дела, в 3-й – любовный: личного творчества, которое находится в таинственной связи с питающей его родной землей (Ефим приехал). Расстаются. Роза спасает. Является <*1 нрзб.*> труда (отлетают политика и соблазны всех дисциплин). На этом, как и во II-м звене, обрывается Лейпциг и переход к Парижу: от зачета к зачету, хим. весы: труд лабораторий и земля потряслась: письмо: «откликнитесь!» И Алпатов едет в Париж.

На Красюковке было очень грязно, едва сапог вытягиваешь, а мне надо было дойти до кольца и повернуть к себе, мне казалось, это очень далеко и потому, погрузив себя в безнадежность, я стал думать о своем и шлепать, и так прошлепал мимо поворота и, по крайней мере, еще столько, сколько было необходимо. И все потому, что было неприятно, и это неприятное переоценил в душе и, повинуясь принятому на себя кресту, продолжал нести его, когда уже и не нужно было. Так, я думаю, и многие христиане, искренние верующие, раз однажды, испугавшись ужасов жизни, взяли крест, понесли и несут, когда уж никаких ужасов нет.

<На полях> Дерюзинские пьяницы – птичку понимают.

Был кн. Трубецкой, у него малярия, пошел он в больницу, сказали ему: и малярия, и склероз, и расширение сердца, вина пить ни-ни! а только хину в 6 часов вечера, когда начинается припадок малярии. Из больницы вышел с решением не пить: ведь 7 человек детей и такая нужда! Но встретился приятель и стал звать на выпивку. Князь ответил: «Только хину». «Какое совпадение, – сказал приятель, – у меня хинная». Князь согласился, выпил здорово, и когда пришел час малярии, в 6 вечера, припадка не было. Князь погибает.

<Запись на полях> В этих оргиях винных как-то все рассчитано на погибель. Помню, когда мне сделали первую прививку от укуса бешеной кошки, Грин, пьяница, с таким состраданием смотрел на меня и просил не доверяться прививкам, а на всякий случай съесть фунт чесноку (чесноком будто бы лечатся животные, и случай был с человеком, спасся чесноком). Но случилось, в тот же день начали торговать «Рыковкой». Вино после прививок – невозможно. Он знал это и все-таки я едва спасся от его уговора.

Трубецкой сказал, что в Софрине видел вчера первых вальдшнепов. Я пошел к ручью возле киновии и стал слушать вечер. Лес был живой, певчие дрозды везде пели, ручей говорил. Далеко от Сергиева доносился звон – была Вербная Суббота. А киновия молчала возле меня. С начала революции в этой церкви не служили. На ступеньках паперти выросли частые березки, на самой паперти росли уже порядочные деревца. Как скоро заросла церковь! Но было мне что-то приятное в пении птиц и гурковании ручья.

Вот певчий дрозд на высоте, какая только доступна ему, на последнем верхнем пальчике высокой ели восклицает: «вначале бе слово!» Да, оно было, конечно, всегда. Ведь какие-нибудь только 2000 лет читали Евангелие, и пусть это же было в других религиях еще несколько тысяч лет. Но в человеческий-то мир слово попало от птиц, ручьев, от деревьев (пустынники все это взяли из природы, конечно). Да, когда слушаешь певчего дрозда на вечерней заре, как он все по-разному восклицает, чувствуешь ход зари, как богослужение.

С высоты ели видно, конечно, как погружается солнце, и это отмечает птица в своих восклицаниях: и «слава в вышних Богу» и «о вышнем мире» – все есть, и все было всегда от сотворения мира. Только там было все «бессознательно», т. е. каждое существо, делая свое частичное дело в мировом хоре, не выделяло свое дело в «дроздовое», в «зябликовое», «ручьевое» и т. д. Сознание начинается, когда выделяют «человеческое», и грех сознания, когда этому человеческому делу приписывается значе-

ние высшего (вот на каком пути возникает революция, и вот что преодолевает в себе человек, которого называют «святым», он преодолевает, значит, в себе революцию человека относительно всего мира и становится действительно «высшим», потому что не он сам себя, а кто-то другой (Отец? Природа? Мир? пусть имя ему будет Весь) признал его.

Позвольте, позвольте, не перебивайте ради Бога, я что-то еще скажу. Вот у нас от кого-то пошли слова о гнилой цивилизации, закате Европы, о спасении себя и мира в природе. Эта обратная революция – реакция таит в себе грех еще пущий, чем первоначальная молодая претензия сил, тут слабость, гниение силы величится, опираясь на силы естества. Напрасная иллюзия! Если это взять в основу спасения, то иссякнут все родники жизни, леса вырубят, люди погибнут от болезней. И я думаю, все эти «побеги в природу» означают смирение паче гордости. Надо смириться до того, чтобы взять на себя и силу знания, и силу искусства и только переключить их движение от разрушительного к созидательному. При этом переключении окажется самое удивительное, что огромная часть людей вовсе и не так плохи, и все они останутся на своих же местах, кто был в деревне – его не будет теперь в городе, и кто был в городе – он хорош и в городе, все останутся на своих местах и только чувствовать себя будут иначе.

17 Апреля. Вчера на тяге слышались выстрелы, вероятно, где-то тянули немного. Но я стоял неудачно, в овраге, было сыро тут и немного мрачно, а кроме того, и день-то был тусклый. Впрочем, мне кажется, я видел, один вальдшнеп без крика перелетел ручей и тут же где-то в лесу опустился.

Сегодня с утра мелкий желанный дождь. Вифанка вся черная, и снег клочками белеет только возле некоторых домов, защищающих ее с юга. Но Дерюзинские мужики на базар все едут в санях, потому что дорога к ним вся в воде и под водой лед.

Мы говорили с женой о Дерюзинских мужиках, что только очень немногие из них, охотники да запойные пьяницы понимают природу, как мы. Огромное большинство этих «детей природы» не обращают никакого внимания и на прилет птиц, и на вешние воды смотрят чисто практически (в санях ехать или в телеге). Нужно их в тюрьму засадить или на фабрику, и тогда «тоска по родине» начнет открывать им глаза на природу. А пьяницы почему-то и так, без тюрьмы, все понимают...

В 4 д. приехал Николай Петрович Каратаев за Яриком. Потом пришел Яловецкий. Читал им из «Смены» свой рассказ «Игрушка», и они оба признали меня «материалистом». Я ничего не понимаю в этом «материализме», вероятно, потому, что это у них не философский материализм, а из политграмоты.

«Какой же я материалист, – говорю, – если признаю: «в начале бе слово». Это «слово» я воплощаю и эту плоть даю вам: «примите, ядите, сие есть тело». Вы принимаете это «тело» (материю) и говорите мне: «вы материалист». Они ничего не поняли.

Вероятней всего они меня считают материалистом, потому что я имею дело с материей.

18 Апреля. Ночной мороз и снег. День холодный, серый. Мы ходили с Яловецким к Параклиту на тягу, совершенно перемерзли, потому что много снегу. Ничего не слыхали. В правом паху у меня определенная боль.

Я думал на обратном пути, что до революции мне и не снились такие сочинения, как «Смертный пробег» и «Курымушка», и что, значит, революция мне пошла очень на пользу. Это вышло потому, что, во-первых – стало как-то не так боязно (все равно стыдиться-то не перед кем), во-вторых – все-таки несомненно спало бремя креста интеллигента. И хотя переворот в смысле требования жизни самому себе произошел много раньше, все-таки я был в этом не смел. А после революции все это чувство вины, долга спало (зачем я буду думать о революции, если для этого существуют чиновники = я свободен). Вообще как будто «Старшие» исчезли: я сам Старший стал («сами стали комиссары» – значит, было и в отношении себя).

Моя весна бывает от прилета зябликов до первого кукования. Перед этим временем бывает весна света, как ожидание, и после весны воды, как заключение, весна зеленых деревьев. Надо установить, сколько же в среднем бывает дней от прилета зябликов до кукушки.

В воскресенье мы с Каратаевым подошли к стрелочнику узнать, когда идут в Москву поезда, и тот нам не мог сказать ничего наверняка. Пока мы разговаривали, подошел другой стрелочник и заспорил с нашим. В конце концов оба посоветовали пойти на вокзал и справиться у дежурного по станции. Между тем, оба стрелочника заняты исключительно тем, что пропускают поезда. Это очень типично для русского человека.

Как глупы слова «он курицы не обидит», как будто так легко это обидеть птицу, да ее и в голову-то не придет обижать, а если бы захотелось, так труднее всего обидеть курицу, которая ни на что вообще не обижается.

Влад. Короленко. Дневник стр. 118 («Веселая барышня») – «Она усвоила этот тон обращения с людьми, и уже только тогда расскажет им о том, что заставляло сжиматься ее сердце от тоски и ужаса смерти, когда сможет над этим смеяться».

«Веселая барышня» Короленки мне очень понравилась.

19 Апреля. Погода менялась на дню сто раз, к вечеру собрались летние тучи, и хлынул проливной дождь крупными каплями. Потом все перешло в крупу. Ночью был мороз.

20 Апреля. Порхает с утра снег. В общем, предсказание верное: весна затяжная.

«Веселая барышня» – Т. В. Розанова, эта еще «веселей», чем у Короленки. Ее мотив: надо людей не любить. Это правда – людей надо разлюбить до полной уверенности, что в беде они тебя не только не поддержат, а спихнут в новую бездну. Но я не знаю, разве это любовь, если рассчитывает на помощь? Во всяком случае, от этой «любви» или «веры в человека» надо освободиться, и когда «ничего не останется» – вот тут и открывается бескорыстная любовь, у одних к Богу, у других к природе, у третьих к искусству, у четвертых – пусть даже к кошке, и все-таки эта любовь к кошке будет глубже, умнее и чище, чем та первоначальная «будто любовь» к человеку. Тогда выпадают (отстрадаются) первоначальные рассчеты любви найти опору себе и является веселое лицо в отношениях. Тогда начинают показываться не люди вообще, а родственные себе души, и «человек вообще» расставляется в чины и ранги.

Все это очень годится в роман «Кащеева цепь» (Не забыть при описании русской колонии в Лейпциге переводчика Толстого с переменной фамилией, который распределял людей на дурных и хороших, смотря по тому, отказывают они ему в ссуде или дают. Взяв у одного, он точно в срок возвращает из занятых у другого, сумма нарастает, и когда ее на месте невозможно достать – переменяет место, фамилию и так начинает сначала. Его оценка людей на основании своего принципа довольно верная (дают или отказывают), и потому «хороший» человек принимает его за хорошего. Хорошими людьми он и настраивается соответственно, с марксистом – марксист, с народником – народник, потому что человек, в конце концов, может на все отзываться. Имя ему в Лейпциге Николай Булгарин. Он годится для прообраза – карикатуры любви, рассчитанной на хорошего человека. Беляева эту любовь прошла, но птичкой (в малом кругу, женском), и потому Алпатов ей кажется наивным, с одной стороны, но интересным, потому что он широк. Словом, Беляева «веселая барышня», и Алпатов должен проделать то же самое, но в большом кругу.

«Концентрация всякого хотения»

Иван Акимыч и его «Apriori»*, Коль – (народник с пустым сердцем и жаждой любви), агроном: на капусте концентрация.

---

* на основании известного (*лат.*).

Итак, Булгарин, Беляева. Еще Писарев Евгений; химик – господство ученых, Роза Котценэлленбоген. Писарев является Алпатову в ответ на его веру в науку: карикатурный прообраз идеи господства ученых, Авксентьев – эсер, барин в эсерах и под ним социология и старые народники с безлошадными (мужик-сфинкс, прообраз гуманизма). Минятин – Коноплянцев, прозревшие через Достоевского в славянофильство, и промежуточный тип «идеолога», познавшего теорию в библиотеке от марксизма к идеализму и от идеализма к реализму, и от реализма к теургии (Булгаков).

На этом фоне «зерно» Несговорова. Пусть это «зерно» будет заключать в себе весь социализм, всю его правду и необходимость русской революции до конца. Гуманизм, который разлетелся в пух и прах в 17-м году, пусть разлетается в прах в сознании Алпатова (представитель, прообраз гуманизма Авксентьев). В Дрездене должно быть жестокое объяснение Несгорова с Алпатовым. Оказывается, что такие «настоящие» люди тайно существуют в Германии: «конспирация» продолжается...

«Зерно» Несговорова заключается в долге к родине (намекнуть на это можно в диалоге с Алпатовым: Алпатов восхищается искусством – Несговоров обрывает, культурой земли – обрывает, откуда же власть его? Что-то «серьезное» (это, как теперь Т. В-на думает о старцах, – это серьезное, а писатели – легкое). Кругом «легкая жизнь» (Дрезден), и все это могут, а Алпатов не может, «Нельзя». Сюда и женщина настоящего (Дрезден). Последовательность событий в Дрездене: 1-я встреча с Несговоровым: бунт против него, 2-я встреча с Беляевой, которая рассказывает об Ине, тогда поворот: Алпатов идет к Несговорову, и тот дает ему задачу в Лейпциге.

Утро, по морозу крупа, потом дождь, «20 перемен на дню».

Тяга

Ветер стих к вечеру. Солнце. Дорога очень грязная, в лесу снег и проталины. Я иду под березами у дороги по сухой спинке земли, выброшенной когда-то из канавки обрытой дороги. Под ногой мягко от прошлогоднего листа берез. Везде поют дрозды. У меня мысль в голове: «если я что-нибудь люблю, то хоть не все, хоть часть, а есть это и во мне, то самое, что я люблю».

Пройдя ферму, я вошел в большой лес и отсюда завернул в мелкий, который дремал на заре: березы и между ними иногда группы елей. Местами дорога протаяла, идешь по земле, местами вода, как в реке, и дно реки – лед, поскользнуться и весь

выкупаешься. А то хрустит под ногой лед, и это хуже всего: пугает поющих дроздов.

Место выбрано на поляне. Ноге холодно, и вообще заря не теплая, я не знаю, будет ли тяга. Вокруг меня поют одни только дрозды, в стороне слышится пыхтение паровой мельницы в скиту, иногда свист паровоза, иногда колокол ударит, и проиграют часы в скиту. На самой высоте ели на верхнем ее пальчике сидит мой певун и поет: «о свышнем мире». Я слушаю его и хочу помириться и с равномерным пыхтением мельницы и с грохотом отдаленного поезда и свистком паровоза. Дрозды переменяют голос, я это знаю к чему, сейчас это будет...

Да, бывает всегда на тяге такая минута, когда становится пусто, и далеко слышно, и тогда, если даже и нет вальдшнепа, то или насыщенная, как губка, вода под ногой, или в сапоге что-то, или ремень у сумки прохрапит, будто вальдшнеп. Тогда схватываешь с плеча ружье, ставишь предохранитель на бой и ждешь повторения звука. Слух напрягается до последней возможности...

Я долго ждал...

Вдруг показалась звезда и вместе с ней погасла надежда: не прилетит. А как раз тут-то недалеко раздается двойной выстрел и через короткое мгновение давно жданный звук подлетающей птицы.

Так бывает, но теперь не было. Я тихо удалялся из леса, раздумывая о Сикстинской Мадонне, о Джиоконде и о том, что если шевелится в душе к чему-нибудь любовь, то это любимое есть и в себе: и это «люблю» значит, я сам подхожу к тому месту, где надлежит мне в мире и быть.

Так верно это не будет глупо сказать, что одно из значений слова «любить» значит подходить к месту своей родины.

<*Запись на полях*> Расположить в этом рассказе материал параллельно, чтобы на тяге я искал себе место и когда нашел, то понял одно из значений слова «любить»: значит к месту своей родины, и тоже приложения цельного действия всей своей личности.

Соединить это с предшествующим рассказом о киновии, заросшей березами.

Великий Четверг. Всю ночь на 20-е буря. Утро: ноябрь и ноябрь. Хлещет косой дождь, меняется вдруг на снег. Так ни один дождь не проходит и кончается снегом и морозом.

<*Запись на полях*> (Интересен у Короленко «народник» с пустым сердцем и жаждой любви, который все упования своего сердца возлагает на переселение мужиков.)

В дневнике Короленки по поводу глупой няньки, которая иногда вдруг становится мудрою, есть близкие мне догадки об отношении стихийного и личного, и все рассуждение кончается

защитой личности, которой не на что опереться: или «математическая формула», или «единое управляющее сознание» (не хочет сказать Бог). Из этого «зерна» потом вышли религ.-фил. искания, Мережковский и Блок.

Эта «жажда любви» пустого сердца характерна для всего народничества, и если бы народник осознал себя, то его бесконечное смирение (переселение мужиков!) есть обломок веры в «управляющее сознание», тогда как марксист основывает свою дерзость на вере в «математическую формулу».

А как же Алпатов? Т. е. конец его, как я теперь думаю: я думаю, что стихия больше народности, и вера шире православия. О, мой друг, не буду я вам рассказывать о бесчисленных своих, часто глупо мелькающих мыслях, из отбора которых посылаю вам только одну, облекая ее в полновесное слово. Не буду потому и спорить с вами, что управляет миром: единое сознание или математическая формула. Я хочу из всего этого сделать жизнь свою собственную, чтобы вы, зайдя ко мне в гости, без всякого спора просто своими глазами увидели жизнь мою, мое бытие и мое сознание просто, как вещь, и сказали (сам я это не смею сказать): «хорошо ты живешь!» Но тогда, мой друг, я бы очень обрадовался, и ваше признание положило бы предел моим колебаниям, и я бы осмелился подвести вас к обрыву, на котором стоит мой дом, чтобы сказать:

– Весна, силы природы зовут человека: садись! силы просто дают ему вожжи: твори! Будем же, дорогой, творить свою жизнь, обращая все наши мечтания в вещность.

К этому на рассмотрение Ефрос. П-ы все мои сотворенные вещи, продиктованные мне, как я думаю, «любовью»: она скажет примерно так: «Очень хорошо, очень глубоко, я всегда думала, что ты деловой человек». Если бы она была развитее, то назвала бы «дельцом любви» и этим бы подчеркнула некоторую второкачественность моей любви, т. е. примесь в ней эгоизма, ограничение любви. Она бы сказала, что вера больше любви, и если делаешь по вере, то любовь является сама собою, что любовь делает вера, а не сам человек, и вера должна определиться в Боге.

Но это углубление выходит за пределы романа, потому что Алпатов оканчивается на достижении своей творческой самости, а не любви.

И я думаю, что Короленко не прав, когда говорит, что пустое сердце народника жаждало «любви», и потому пустое сердце он заполнял делом переселения мужиков в Сибирь: сердце его жаждало не любви, а бытия (вот хорошо изобразить переход Алпатова к бытию картиной нашей весны, столь похожей на книгу бытия (вначале был свет и т. д.).

<*Запись на полях*> (Есть власти освобождающие и власти «придержащие».)

Теперь обращаюсь к Несговорову:

если Алпатов страдает оттого, что он «не сам», то Несговоров «в себе»: он – власть. Он отсек себе сам пуп от Бога и заключен в человеке. Этот «пуп» к разговору о Сикстинской Мадонне. Воспоминание о гимназии. О родине и страдании народа: «Как ты себе представляешь Россию? Вот тут Мадонна, а там ведь этого нет». – «Разве нет?» – «Она и тут есть: вот американцы проехали. Но поговори на улице с рабочими. Она вред приносит: расслабляет». – «Наука? ты видел Берлин: вся наука выжата в технику».

В Париже Джиоконда: смех Ины Ростовцевой.

Несговоров не пуст сердцем: он верит в Маркса (он покажет новый портрет, скажет что-нибудь из Бельтова, и это при первом свидании удивит Алпатова: ему покажется это далеким, чем-то юношеским... при втором свидании, однако, он подчинится. При 1-м свидании говорит:

– Я верю в рабочее движение, все будет непременно так, но... я-то почему в этом обязательно и непременно сейчас: разве нельзя мне духу набраться? Ефим, скажи мне, вот, например, у нас в России трехполье и чересполосица, так было и в Германии, и будет в России непременно система земледелия с клевером, так непременно будет само собой – хочу я или не хочу. Меня это не занимает, я помещаю себя в рабочем движении, и пока я занимаюсь этим, там совершается без меня: меня там не будет в земледелии. И миру от этого все равно. Так разве это рабочее движение прекратится, если возьму себе отпуск и поработаю для себя, для своего развития отдельно?

– Но почему же ты раньше понимал, что твое развитие идет лучше всего в деле, а когда приехал в Германию, то стало отдельно. Скажи откровенно: тебя уводит искусство и притом мертвое, буржуазное.

– Ты говоришь о Рафаэле?

– Да, о твоей Сикстинской Мадонне. Представь себя снова на работе в России, и она окажется совсем не нужна. Ты просто балуешься, и у тебя, мне кажется, есть что-то другое за спиной этой Мадонны.

Алпатов покраснел и не мог ничего сказать. Потом он рассердился за то, что покраснел и вдруг выпалил:

– Ты так думаешь, вероятно, потому, что и у нас с тобой за Марксом живое лицо: где теперь наш Данилыч?

– Видишь, – сказал Несговоров, – я так и знал: я не говорил, что у тебя за Мадонной живое лицо, я сказал «что-то», а ты сразу перевел на живое лицо. Данилыч отправился в Нарым, но «живых лиц» в эмиграции тут сколько угодно.

– Значит, конспирация и здесь продолжается?

– Продолжается, а ты думал... нет, тебя что-то сбило с пути: ты перестал понимать.

Алпатов возвращается домой. У него Нина Беляева. Рад ей. История с шалью. Когда лицо <*1 нрзб.*> Алпатов вернулся в Россию: дать образ Маркса как мужика, и что все дело о русском идет. Потом он идет к Ефиму. И тут дать основную черту характера Алпатова: вдруг как бы покаяться всенародно, открыто сознать свою ошибку. – Ну, теперь давай мне поручение...

Мало-помалу ветер стих, но дождь лил весь день без перерыву, и я уснул в 10 в. – все лил.

<*Запись на полях*> Перья на шляпе: Алпатов на Тангейзере (в Дрездене = тут встреча с Беляевой).

В разговор: Мадонна собирает дам всего мира, и тут они задают работу модисткам всего мира: Мадонна – единственная польза Мадонны, что она дает работу модисткам...

– Ефим, Ефим! Это женщина прошлого: Мадонна на картине и в жизни проститутка.

21 Апреля. В 4 у. небо чистое, только закрыт восток. В 5 ч. на восходе все тонкие лужи померзли.

Вчера был у Яловецких. Вера Антоновна сказала о «Кащеевой цепи», что автор человек верующий, сильный, интересный человек, но зачем эти страницы о «геометрии», как мог он «снимать покрывало Майи». Надо подумать.

Читал «Охота за счастьем» и услышал толкование рассказа на индусское, вроде как бы я – русский Тагор.

– Вы не читали..?

– Нет, не читал.

– Откуда же вам это пришло?

– Я очень русский, – ответил я, – очень возможно, что через кровь пришло. На русский народ ведь всегда смотрели с загадкой старины – и все в нем казалось плохо, а кто пробовал взглянуть на него глазами востока (Лев Толстой), напротив, казалось, не плох народ. Это надо хорошенько подумать: Платон Каратаев, русские похороны, отношение к смерти.

Роман.

Дрезден: Мадонна и дамы, Тангейзер, встреча с Беляевой на Тангейзере..., гравер.

<*Запись на полях*> Мальчишки после тяги орут и стреляют. Яков Ксенофонтович сказал:

– Алаберничают.

– Как? – спросил я.

Он не мог повторить этого слова. Таких слов, своих собственных, бытовых, русские люди стыдятся и не повторяют.

Погода: то снег, очень даже настоящий, порхающий, густой, то град. Вечером перемерзли на тяге, было очень ветрено и все-таки нельзя сказать, чтобы не тянуло; Петя стрелял и потерял. Мы охотились возле дачи М. Я. Герценштейна. Провожавший нас кустарь-охотник Иванов Яков Ксенофонтович (токарь по дереву делает матрешки, вставашки и красную армию). Я спросил: «Большое имение?» – Он ответил: «Жили хорошо». – И показал на пруд. – «Рыбы сколько было! Теперь всю выловили. Последний карась был пойман прошлый год: 5 ф. весом». Вблизи этого имения есть Белый пруд, сказание о нем: тут были закопаны драгоценности Лавры от поляков, и когда вынули их, образовался пруд. Недалеко отсюда есть Сорочье болото. На обратном пути встретили князя, он убил двух, и тянуло 15, но у него было 4 патрона.

Сюжет для охотничьего рассказа «Политика». В тревожное время в 16 г. приехали на охоту два офицера, один был тайный большевик, другой «до полной победы», спорили всю ночь; вот утром посылает (зачем-то) большевик егеря, другой велит: «Не ходи!» – «Покормил собаку?» – «Нет, ваше благородие». – «Почему?» – «Их благородие остановило». – «Да, я остановил, – отвечает другой, – вы сказали, что никто не имеет прав распоряжаться другим человеком и делать все самим: вот я остановил, покормите сами». Вышли на охоту. Вдруг у них опять спор. Я спустил собак: стали искать, молю Бога, хоть бы заяц! И вижу, жарко, один <*1 нрзб.*> поправил, другой за ружье хватается, и смотрю – и тот за ружье. «Если вы еще посмеете – я вас на месте как собаку застрелю». Другой как схватит револьвер. И вдруг заяц... Этим спаслись.

Начало одичания.

Е. П. подает Пете вынутую просфору. Я протестовал. А Петя спрашивает: «А для чего вынимают просфоры?» Петя кончает школу 2 ступени, готовится в Университет.

В Петербурге среди писателей было трое совершенно «русских»: Розанов, Ремизов и Пришвин, к этим же я могу присоединить Тат. Вас. Розанову, но Щеголева, напр., нельзя – почему? он не меньше «русский», но не то. Вот почему: как все на свете имеет оборотную сторону и лицевую, так и человек имеет лицо и кишки, и лицо считается лицом и кишки кишками, а честь им разная; у Розанова все пошло на лицо, у Щеголева от лица отнимается сколько-то на кишки. Вот в этом русская жизнь, ее все рыцарство: чтобы отстоять это во всем до конца: в кишки должно идти из земли, но не от лица. У Розанова, сотрудника «Нового Времени», «писателя с органическим пороком», лицо оставалось до того чистым, что он до старости краснел, если приходилось соврать. Другие делали лица по-европей-

ски (честные кадеты), по-народнически, но это цельное, честное европейское лицо имело глубокую червоточину...

К роману: надо, изображая лицо Алпатова, рисовать нарастание этих извилин (излучин), чтобы получился «русский». Это будет, когда он... так бывает с выпуклой поверхностью жестяного лица – тронул пальцем, и выпуклость перешла на ту строну, а это стало изнанкой. Так вдруг все стало на свое место, и прежняя наивность покрылась извилинами лукавости: это будет уже, когда появится Чурка... = народ («так вот оно что!»).

Еще о Несговорове

Он личное считает частным. Алпатов: «Но куда же ты денешь мое личное». – «Твое личное помещается в общем, а все остальное имеет значение частных интересов. Мы сейчас находимся под управлением частных интересов, которые надо подчинить закону. Ты чувствуешь в себе закон?» – «Чувствую, да, но мне кажется...»

Подвести весь разговор к Мадонне, Мадонну к капитализму, к проститутке и к «у тебя что-то есть свое за Мадонной».

Дрезден – удобная обстановка для зарисовки черт русского интеллигента (напр., что не пускают без воротничка).

<*Запись на полях*> 18 ст. Апреля – разгар глухариного тока. Лес редкий: от березы к березе сходишь за прутьями – сапог изотрешь.

Ружье у Сережи качалось: ствол рыбу удит.

Пасха

24 Апреля. Вчера был довольно теплый вечер, и первая заря была совершенно тихая. Мы, Петя и Лева, ходили к Ильинке на то место, где накануне, по словам князя, протянуло 15 вальдшнепов. Мы слышали только одного. Чем это объясняется? Я думаю тем, что те вальдшнепы пролетели дальше, а новые еще не прибыли. А. М. Егоров говорит, что на Дубне главный пролет был неделю тому назад (а там кто его знает). После тихого вечера начался ветер и дождь и продолжается в ночь. И утром сегодня все дождь. А снега в лесу вчера еще было довольно, местами до колена хватало.

До Мая буду писать здесь о своем романе.

Заключение звена – Зеленая Дверь: в чем-то, не в чем-то в отдельности, а вообще я виноват, но всякая вина исчезает, если

широко распахнуться: вдруг становится радостно: Зеленая Дверь закрыта. Идти к Ефиму и возвратиться к своему делу: «Ефим, я пришел сказать тебе: ты прав, меня привела к Мадонне личная жизнь, я хочу это в себе обрубить, дай мне дело». Несговоров вдруг стал, как и прежде был, и вся неловкость отпала. Дело было в Лейпциге: «Там большая русская колония находится под влиянием социалистов-революционеров, там надо организовать марксистский кружок». Алпатов не стал даже и расспрашивать, ему кажется это знакомым. В Лейпциг. «Пока налаживай, а потом я приеду и дам особое поручение: налаживай!»

Тогда все стало ясно. Зеленая дверь закрылась Алпатову.

Лейпциг

В жизни каждой страны есть свой пульс, и очень редко он бывает «лихорадочным». А юноша меру своего собственного пульса принимает за ритм страсти. Так и с вами, конечно, бывало не раз: кажется, вот беды натворил, вот как трудно теперь будет взяться за дело, а когда вернулся к делу, то оказывается, ничего особенного не случилось с тобой, и это все представлялось бедой, потому что преувеличил требования дела: дело никогда не спешит и долго ждет человека. Вдруг оказалось, что первый и особенно, если <*1 нрзб.*>, первый летний семестр прогуливают почти все студенты и потом во второй все нагоняют. Алпатов, вступая в университет, теперь как будто впервые только глаза раскрывает, ему теперь, как в рассеивающемся тумане, впервые стали показываться очертания великого храма германской науки. Снова сердце его трепетало перед необъятной возможностью сделаться, кем только он хочет, студент философского факультета в Лейпциге может сделаться как Лютер, и реформатором религии, и каким-нибудь Либихом, преобразующим основы земледелия. Вот бы для русской-то земледельческой жизни сделаться Либихом? Не пойти ли по химии? Но это потом, а прежде всего, философия. В Германии философия похожа на вымя со множеством сосцов, питающих все науки. И, конечно, Алпатов записывается на факультет философский. Ректор вызывает его из толпы студентов:

– Господин Алпатов, Россия!

И молодой человек, такой же вполне приличный, как европейские студенты, идет по длинному ковру к ректору. Но ему представляется, будто он такой неловкий, вот-вот зацепится за что-нибудь, вот-вот кто-то засмеется. Алый ковер перед ним кажется бесконечной лентой, как во всенощной, когда его привезли в первый раз в жизни в город Елец и перед гимназией повели ко всенощной. И он идет по алому ковру и <*1 нрзб.*> проходит в Царские врата, и вдруг за ним как будто все

провалилось: он что-то сделал ужасное. А потом священник возвращает его назад не через Царские, а через маленькие воротца, и в толпе смеются и говорят: архиерей!

Эта русская жизнь с кривыми робкими тропинками... ведь никто из европейских студентов не знает, как трудно русскому юноше идти по прямой!

У ректора в руках пергамент и, встречая Алпатова, он спрашивает:

– Философия?

Алпатову кажется, что он и слово-то это не имеет права сказать, но отвечает он твердо и ясно:

– Да, господин ректор, философия.

Ректор спрашивает еще:

– Вы из Ельца?

Алпатов отвечает:

– Да, господин ректор, я из Ельца.

Потом Алпатову показалось, будто глаза ректора уменьшились при слове Елец, и вслед за улыбкой должен явиться вопрос: «Ну, как же это вы, господин Алпатов, добрались сюда к нам из Ельца?» Но ректор только пожал ему руку, вручая пергамент. А на пергаменте было напечатано огромными латинскими буквами: Vir juvenis ornotissimus studiosus russus*.

И после торжественного печатного просто от руки было приписано по-немецки: «Из Ельца, Орловской губернии».

Алпатов отлично понял, вернувшись в толпу с пергаментом, что глаза ректора засмеялись, потому что он был из Ельца. А Мейер из Jenn, получая такой же лист, тоже Vir ornotissimus us Jenn вовсе не чувствует ничего особенного: ведь Ienna не <*1 нрзб.*> Елец, и все же это исторический город и ему этой Ienna нисколько не стыдно...

Но Мейер, вернувшись с листком к Алпатову, с такой радостью встречает его, так поздравляет его и Алпатов... Имматрикуляция.

Ветер продолжается весь день до вечера. Тяга слабая. Ходил с Яловецким.

25 Апреля. Тихое солнечное утро.

Материалы к звену: «Vir juvenis ornotissimus...»

Имматрикуляция. (Сюжет: Алпатов хочет устроить марксистский кружок, но, раз потеряв к тому вкус, не может: увлекается наукой. С другой стороны, и наука не дается, потому что не может ей отдаться из-за оглядки на приезд Несговорова. Типы эмигрантов. Половой вопрос. Дуэль. Приезд Несговорова.

---

* юный друг прекраснейший, русский студент (*лат.*).

26 Апреля. Вторник. Первая ночь без мороза. Утро солнечное. Днем жарко. К вечеру дождь и потом в темноте первый гром и молния. Слышали массовый пролет свиязи.

Мы с Петей путешествовали на тягу в Шепилово. Я в жизни своей не видел столько пьяных. Все пьяные злятся на трезвых охотников, пристают, дразнят. Ругаются всячески, и, между прочим, два рабочих прямо из рабочего клуба вышли и, хотя трезвые, не утерпели и тоже назвали нас: «Пошехонцы!» Я думаю, это они произвели от «пешеходы». Милиция по обыкновению отсутствовала, и над пьяною толпою на вокзале красовался плакат пивоваренного завода: аэроплан поднимает в воздух три огромные пивные бутылки.

В темноте на «шоссе» от Шепилова мы утонули в грязи, это было ощущение всей русской грязи. Рискуя ежеминутно сломать ногу или свалиться плашмя в топкой грязи, мы держали путь свой на далекий огонь заводского фонаря и, когда выбрались на каменную дорогу, стали говорить о пользе железной дороги, о том, сколько это стоит, чтобы возле каждой станции было шоссе и фонарь, и что мужики наши не ценят затрат государства и, когда является жел. дорога, считают, что это так и быть должно.

Совершенно измученный, я сказал, наконец: «Петя, давай послушаем ночь». И мы, ощупав руками выступающий поверх грязи корень елки, сели на него и стали слушать. В темноте невидимая, посвистывая, летела свиязь на озера. Тогда я почувствовал, как, отдав свою жизнь обществу птиц, деревьев, людей высокого сознания и их разбросанным в книгах мыслям, – сколько оставил я за собой в грязи не просветленного ни единым движением духа человеческих жизней! Я не раскаиваюсь в этом, я должен был их оставить. Но что с ними будет?

Верю ли я, что я буду потом после смерти и встречусь с близкими?

– Скажи прямо хоть раз в жизни, – говорил я себе.

Тогда мне представился впереди человек, который, наконец, разгадан. Вот в это я, несомненно, верю, что «тайна» бытия будет раскрыта. И мне представилось ясно, этим раскрытием будут воскрешены все, кто шел по этому пути. Но только эти, а кто не боролся за это, кто просто «жил» и просто передавал всю свою жизнь другим, тот весь пошел на передачу своего семени дальше. Вспомнилось чудесное <*1 нрзб.*> среди этих: цветы, птицы, смиренные труженики... – все это «яко цвет сельный»... и не будет, и не станет...

Да, если мы раскроем тайну бытия и «нам» будет хорошо, то куда же денутся все эти, кто шел в этой грязи и там остался, неужели все эти века неспасенных людей, тысячелетний навоз так и останется навозом? Что же, мы их воскресим?

Фонарь осветил нам шоссе и завод. Стояла церковь, и возле фонаря было неплохо: «клуб». «Трудно этой церкви тут, – сказал я, – вероятно, и не служат». Вместо церкви был клуб, где воспитывалась претензия невежества на господство и мещанство на «хорошую» жизнь. Два рабочих из клуба, взглянув на нас, покрытых грязью, измученных задумчивых, трезвых, бродящих с ружьями, сказали презрительно, злобно: «Пошехонцы!»

На вокзале нас дразнили все: «Где зайцы? Смотри, у него заяц привязан». Один подсел ко мне и лезет: «Сколько уток?» Я молчу. Он говорит: «Какой дикий человек! может ли один гражданин другого спросить?» Он лезет ко мне в ягдташ. Я отстраняю его руку. Он говорит: «А, ты драться, ты, верно, буржуй, не рабочий». – «Ну, эта песня уж спета, – сказал я, – пропета и пропита». Вообще у пьяных является какое-то право распоряжаться жизнью другого, требование, чтобы всякий другой с ним был по-хорошему... в особенности ненавидят они тайну (гордость).

Орехи

На охоту идешь, по правде говоря, не убить, а подумать совсем про себя. И так мы идем с Петей молча, каждый занят своим. А сзади кто-то идет и щелкает орехи: раз, два, три, без конца через равные промежутки времени, – щелк! Едва только начинается какая-нибудь мысль про себя и – вдруг щелк! и забывается. Мало-помалу это начинает раздражать. Мы прибавляем шагу, чтобы не слышно было, но тот прибавляет тоже, идет вплотную возле нас, очевидно, ему почему-то приятно идти в нашем обществе. По сторонам везде непролазная грязь, но мы высматриваем другую тропинку, перелезаем через топину, и тот, очевидно, думая, что мы достигаем лучшего, лезет за нами через грязь. Щелканье сзади нас продолжается и на новой тропе, становится невыносимым, приводит в бешенство, и вся сила духа уходит на борьбу с возникающей ненавистью. Наконец, мы останавливаемся, рассчитывая его пропустить вперед. Он, однако, не хочет идти вперед, он именно хочет идти за нами и тоже останавливается, пользуясь нашей остановкой, чтобы и себе тоже оправиться. Но мы ждем, мы все ждем и, наконец, говорим:

– Ну, гражданин, проходите!

Во рту у него орех и лицо такое бессмысленное, какое бывает только лицо человека, когда во рту у него орех. Он мотает отрицательно головой в том смысле, что он может и еще подождать, что он не торопится.

Мы идем дальше и слушаем: щелк! щелк! К слуховому отвращению присоединяется зрительное впечатление бессмысленного

лица и вдруг, как молния, прорывается спасающая мысль: я вдруг понимаю, почему я приходил в бешенство от щелканья орехов.

– Петя, – сказал я, – мне кажется, я понимаю все: ведь обезьяны в тропических лесах тоже сидят на деревьях и весь день щелкают орехи. Но это нам не противно, а когда человек начинает, как обезьяна, – это возращение к образу быта наших предков ему даром не проходит, и лицо его становится отвратительным в бессмыслии.

– Но почему же так прекрасна белка, когда она щелкает орехи? – спросил Петя.

– А воробьи, – отвечаю я, – овсянки на дорогах, тетерева на березовых почках, весь день одно и то же, и все они прекрасны, и чем больше смотришь, тем больше любуешься. Человеку же, если он погружается только в еду, то не прощается, и лицо его становится отвратительным. Ты не догадываешься, Петя, почему это так?

– Потому что, – сказал Петя, – он человек, и с него больше спрашивается.

Тогда мы вспомнили знакомых интеллигентных людей, и каждое лицо с орехом во рту становилось отвратительным.

Но детей мы представляли себе хорошо: у них сверкающие наслаждением глазки, хищные зубки – очень хорошо.

Значит, решили мы, грызть орехи безнаказанно могут лишь дети.

К роману:

«орехи» приводят к половому акту, в котором так легко представить себе красивым животное и немыслимо вообразить человека прекрасным. А между тем я должен Алпатова довести до того, чтобы нам его совокупление не было омерзительным... (если не прекрасным):

– Вот тело девушки под ножом хирурга, вот все тайны ее открыты художнику, и под лучом солнца он передает их на полотно, которое потом все будут смотреть. Но когда приближается к этому телу жених ее, от которого ей надлежит иметь детей, то наступает ночь... тайна.

Безумие Алпатова было в том, что он хотел обойтись без тайны, что как художнику ему довольно было созерцания, и это он переносил как требование к половому чувству: сам он наблюдает, он создает картину, если отдаться влечению, он упадет. Он победил: женщина стала ему «Золотой луговиной», а потом после этого стала просто (ночь).

<*Запись на полях*> (Лицо края = образ края.).

26 Апреля. Утро пасмурное. Среди дня ливень. Вечером тихая золотистая заря. Мы все были вечером у Александрова.

27 Апреля. Утро солнечное, но ветреное. Но особенно громко птицы поют. Лягушки прыгают спаренные. Лед на нижних прудах почти разошелся. Бьют щук из ружья и острогой.

К р о м а н у: О покрывале Майи:

пока зверь не убит, охотник прячется от людей, потому что все смеются, видя охотника, а когда волк убит – вот когда можно и на люди, тогда люди удивляются.

Все смешно, что находится в процессе творчества, смеются над художником, над писателем. А когда дело доходит до творчества жизни – тут уже вовсе смешно, потому влюбленные прячутся...

<*Запись на полях*> (От пролета зяблика до кукушки проходит вся красота весны, за это время растает снег, зазеленеет земля и покроется первыми самыми дорогими цветами, потрескаются почки на березах, раскроют зеленые крылышки, запахнет ароматной смолой, и тут прилетает кукушка – тогда все говорят: «началась весна, какая прелесть!», а для нас, охотников, все кончилось: наши охотничьи птицы уже пропели свои песни, самки сели на яйца, и у них началась страдная пора).

Евреи в Москве. Их жизнь такая «мещанская», столь же далекая от нас, как жизнь в цыганском таборе. Но цыгане дикие занимаются лошадьми и потому в нашем сознании сливаются с природой, которая тоже ведь очень «мещанская». А евреи тем удивительны, что свою потребительскую ценность простирают и на самые высокие достижения национальной культуры, часто симулируя даже и творчество. Конечно, и все народы имеют свои корни, которые нам и представляются «мещанством», но корни наши погружены в землю и потому невидимы. Корни же еврейского народа паразитируют в культуре другого народа, они похожи на корни растений в вегетационных опытах в стеклянных сосудах с раствором минеральных веществ: все видно.

28 Апреля. Солнечное тихое утро. Мороз-утренник все прибрал, подсушил и постриг, но солнце очень скоро расстроило его заутреннее дело, все пустило в ход, на припеке под лужами острия зеленой травы начали отделять свои пузырьки.

В тени елей, однако, долго еще оставались лужи затянутыми. Кое-где на северных склонах еще сохранились клочки снега. А на южных склонах чуть заметно зеленеет мурава.

Я не знаю и не хочу знать, на каком это дереве увидал я родные хохлатые почки, и через них все пережитые весны мне стали как одна весна, одно чувство, вся природа явилась как брачный сон наяву. Может быть, я делаю ошибку, что свое чувство природы хочу понять как первую встречу ребенка. Вероятней всего это чувство зародилось целиком в брачный пери-

од, и через это потом уже откликнулось детство. Это началось, когда впервые мелькнуло, что, может быть, необходимо расстаться с любовью, и когда на этой стороне стало так больно в душе, что хоть пальцами потрогай, и боль отзовется, то на другой стороне взамен этого вставал великий мир радости, и, казалось, так легко заменить свою боль участием в радости цветов, птиц, зверей, леса, земли, и какого-то благословенного труда в этом, радостного себе и всем, мире. Тогда и родина явилась во всей своей привлекательной силе, и вот когда встала ярко впервые первая встреча в детстве с природой, и родной человек в родной стране показался прекрасным.

<*На полях*> публичные звери Мантейфеля.

Петя – председатель Шика (школьный исполком).

Петя раньше был очень консервативен и с пренебрежением относился к советской общественной работе. А когда его выбрали в Шик, и он там занял какое-то положение, то вдруг переменился и утвердил себя в ненависти к Англии. А так как и Лева определяет себя в ненависти к буржуазии в виде Англии, то можно подумать, что и вообще молодежь теперь смотрит в ту сторону (понятно: буржуазии нет у себя, значит, она там, в Англии).

Чужой выстрел, когда мирно ходишь в лесу и слушаешь птиц, так действует на меня, что я бросаю все свои наблюдения, теряю мысли и, повернувшись спиной к тому месту, откуда послышался выстрел, удираю дальше и дальше, чтобы не привелось слышать другого. И то же бывает, когда ранним утром по росистой траве вышел куда-нибудь во всем восторге от великолепия утра и вдруг догадался по следам на траве, что впереди тебя тоже идет кто-то – пропадает все очарование и свертываешь в другую сторону, переменяя план только потому, что на росе увидел след другого. Садишься, бывает, отдохнуть на пенек в глухом месте, думаешь: «Мир все-таки велик, можно рассчитывать, что есть аршин земли, куда ни разу не попадала нога человека, и что на этом пне никто никогда не сидел». А глаз, бродя по траве, открывает возле пенька скорлупки съеденного кем-то яйца: кто-то здесь, на этом пне, уже наслаждался, бежать, бежать! Но и чужой выстрел в лесу, и чужой след по росе и пороше, и остатки чужого обеда в траве – все ничто перед тем ужасом, когда приближаемся к зверю, заключенному в клетке напоказ толпе. Сколько бесстыдных глаз <на> осрамленного, неустанно с утра до вечера шагающего из угла в угол тигра, и льва, и пантеры, белого медведя, и бурого, и антилопы, и серны и страуса – публичные звери! Тут я уже не вижу пугающего меня в лесу следа, тут все испытано и поругано.

Я часто слышал, будто гриб, замеченный человеком, перестает расти от глазу, и много раз проверял: нет, гриб растет. И я думал при этом, что, значит, сам человек, напуганный глазом другого, перенес свои мелкие чувства на гриб. Слышал я даже, будто птицы переносят яйца свои, замеченные человеческим глазом, и проверял – нет, птицы невинны, доверчивы, а это человек переносит на них свой грех, вполне сознавая свое окаянство...

Но там, где совершенное безлюдье, бывает, очень обрадуешься единственному следу человека, и сердце трепещет в ожидании узнать своего единственного друга.

Я много раз проверял в лесах и пустынях эти следы очарованных странников по девственным местам, одни пропадают совсем и сходят на нет: редко когда увидишь; все другие возвращаются к людям и теряются на мостовых и площадях. А когда потом слушаешь музыканта в концерте, или видишь картину в музее, или читаешь поэму, то, захваченный восторгом, думаешь, узнавая родное: вот это голос очарованного странника, вот это он, затерявший следы своего путешествия на мостовой. Тогда я думаю, что это не напрасно пугает чужой выстрел в лесу и чужой след на траве и пороше, и надо всякому <побывать> в какой-то стране непуганых птиц, чтобы вполне и крепко обрадоваться другому и узнать в нем родного и близкого.

Чудесные странники! затеряв свои следы на мостовых, они теряются в толпе совершенно, бреются, надевают котелки и перчатки, выходят кланяться к рампе и даже не отказываются протерпеть, как все, трудный вечер своего юбилея. Я изумляюсь, представляя себе их великий путь от испуга при виде скорлупы яйца у пенька до полного обладания собой на своем юбилее. Но есть очарованные странники, которые не дошли до конца и вернулись с полпути, прославляют виденное ими великолепие пустынного мира и проклинают города, мостовые, трамваи, котелки, юбилеи и необходимые всем поклоны у рамп: они самые вредные люди, потому что заманивают туда, куда сами еще не дошли, и проклинают необходимое в жизни, без чего невозможно прожить, без чего... *<не дописано>*

29 Апреля. Опять такое же, как вчера и, пожалуй, еще лучшее солнечное тихое утро с морозом. Скворец прилетел к моему скворешнику и запел, я очень обрадовался, думая – раз он запел, значит, и поселился. Но оказалось, что запел он для отвода глаз, не решаясь сразу на моих глазах уворнуть, что ему надо. Спев немного, он спустился к моей куче навоза, захватил такой большой лохмот, что только бы унести, и полетел к соседу и там юркнул в свое гнездо.

Вчера Ефр. Пав. нашла где-то первый желтенький цветок.

Весна идет! нет сил городить спокойно кропотливым трудом эпические фразы, когда разгорается торжественное утро, кажется

преступлением сидеть и стучать молотком, надо где-нибудь между зорями урвать час и сказать все прямым обращением другу. Весна! лирика побеждает эпос...

В закоулке Вифанского озера в тепле под ореховыми золотистыми висюльками тысячи спаренных лягушек, выпучив глаза-микроскопы, хрипели и урчали. При моем приближении в спаренном виде они прыгали с берега и снова показывали из воды свои микроскопы. Несмотря на все омерзение при виде такой любви, все-таки оставалось, в общем, к ним некоторое уважение, вероятно, потому, что все-таки нелегко, наверное, им было переносить, шлепая, такую любовь. Через уважение к лягушкам мне вспомнился учитель-натуралист Шевалдышев, который занимается специально ими и вылавливает массами для Москвы. Наверно, этот натуралист, как все они, презирает мое сочинительство, считая это занятие пустым и легким, и в лучшем случае «Божьей милостью». А между тем, пока я писал одну коротенькую главу романа, он, шлепая по грязи, изловил и отправил в Москву пятьдесят тысяч лягушек.

30 Апреля. Туман.

Заключение «Зеленой двери».

В России как было: если у меня хоть мало-мальски благополучно в доме, все необходимое для жизни есть, могу учить детей в гимназии, и если поехать куда по железной дороге, то могу поехать во втором классе, а на пароходе и в первом – если у меня благополучно во всем, то совесть моя неспокойна: вокруг море последней нужды и беспросветной тьмы. А если у меня и не очень тонкая совесть, то все равно грубое предчувствие неминуемой катастрофы омрачает мое бытие, и я с ужасом смотрю на моего неповинного, благополучного ребенка, спящего в чистой кроватке: не придется ли в будущем отвечать ему за благополучие, выпавшего на мое счастье?

А что я желал в то время другим? я желал им только достатка, к этому сводились все мои желания в отношении к ближнему, чтобы он мало-мальски поправился. Совесть моя была неспокойна, и я жалел ближнего, а он, конечно, не верил мне, благополучному, завидовал моей железной крыше и ненавидел. А если все понять до конца, то какая же выгода жить, работая изо дня в день для скромного существования, и при всякой материальной удаче наживать все более и более беспокойную совесть? Долой же мещанство! я служу катастрофе. Я материалист и желаю людям достатка и, пока они не выйдут из этих клещей Кащеевой цепи, я не скажу им: любите друг друга. Силой разбейте Кащееву цепь, а потом просто от нечего делать, от скуки даже начнете любить. Я материалист, но себе ничего не желаю и останусь без постоянного крова, и даже имя свое скрою в подложном паспорте, я анархист, потому что власть

ненавижу, она источник зла, я коммунист, потому что служу общему делу.

Никакой лазейки совести и никаких дверей, ни зеленых, ни белых, ни черных, – совесть моя, завяжись стальным узлом вокруг материального мира, я – акушер и режу человеку пуп от Бога, чтобы ему никакого не было выхода от человеческого дела здесь на земле.

<*На полях*> Красные грибы из-под снега.

Муж одареннейший из Ельца. Авксентьев (эсер) побивает Алпатова на собрании ссылкой на гносеологию. Философия – мать всех наук, и последнее дитя ее – гносеология.

Работа в лаборатории, красота работ на химич. весах и вообще все, тигли, точность, Оствальд. Писарев и цианистый калий. Соблазны Писарева: господство ученых посредством химии. Половой вопрос: потер пальцем по мрамору.

Минятин – Коноплянцев = Достоевский и славянофилы. Разговоры о вере. Прошение Победоносцеву.

Графы́

Улица Красюковка в Сергиеве названа по имени землемера Красюкова, который имел на краю большой клок земли. Он выстроил здесь церковь, разбил свою землю на мелкие участки, и после смерти его здесь началась Красюковка. Во время революции на этой улице собралась прежняя знать, князья, графы, и постепенно дошли здесь до полной нищеты, получив от населения общее имя «графы́». На этих графо́в, как на бедного Макара, все шишки летят. Даже самый отчаянный противник Советов, которому днем и ночью видится, что зазвонят колокола Лавры, если его довести до бешенства, становится революционером в своем роде и бросит вам в лицо: «Графы́ понаехали!» Вот сегодня на бугре натаскиваю Ромку, вижу, идет человек со щитами, знаю по лицу, что такой богомольный человек из тех встает в 4 утра к заутрени и в 10 является на советскую службу. Увидев собаку, он испугался, как баба, закричал и замахал щитами. Ромка, увидев такое, брехнул. Я схватил его, привязал. А человек со щитами все стоит. «Проходите же», – говорю я. Он осторожно подходит и дрожащим голосом спрашивает: «А как его кличка?» Мне противно, я говорю: «Проходите, вам не нужна кличка моей собаки». Он крысится: «А если мне хочется ее поласкать?» «Проходите, – говорю, – вы мне человек незнакомый, узнаете кличку и украдете!» Вот тогда он вовсе окрысился, быстро прошел и, проходя, не обертываясь:

– Черт! графы́ понаехали!

Булгарин, человек с непостоянной фамилией, занимающий деньги.

Алпатов побежден и осрамлен на собрании по причине: что он уже не тот, а ему представляется, будто он необразован, и это его толкает в науку. («Пуп» – вложить Несговорову и, может быть, Лейпц. звено соединить с «Зелен. дверью» и кончить его приездом Несговорова).

<*На полях*> Гениальное одичанье.

«Я никогда не откладываю свои дела – и если мне предстоит что неприятное, то иду ему прямо навстречу и проглатываю черта, даже не посмотрев на него».

«Ты знаешь, как я не люблю, когда обыкновенное, естественное хотят представить чудесным и, наоборот, как люблю, когда чудесное происходит естественным образом» (Гете).

К состязанию Алпатова и Авксентьева (эсера): Авксеньтьев, владеющий парламентскими приемами, быстро уложил Алпатова, осрамил (потому что тот искренностью хотел взять, может быть, юродством... может быть, Курымушка). На помощь встал Писарев, бледный, с горящими глазами, на голову всех выше, но вдруг лицо его исказилось, пальцы задрожали, и он выпалил с какой-то последней ненавистью: «Народ, народ! сейчас он ругает какую-то едреную мать, и то вы не любите, а подождите, когда он разогнет свою спину, он вам покажет еще Кузькину мать!»

После собрания Алпатов вышел один, и за ним шел Писарев... они разговаривали в кафе: Писарев был умен и все... но вдруг лицо его переменилось, и он стал говорить о господстве ученых с бомбами: Алпатов дрожал: безумный был перед ним, и это было настоящее (шалун).

1 Мая. Первая парная ночь с дождем, утро серое, пахнет землей...

Садовник Сер. Алекс. вчера предложил мне бросить охоту, ходьбу по лесам и заняться садом. Но я представил себе восход солнца, когда все городские собаки начинают лаять, и все петухи дружно орать. С. А. на это вспомнил время Троицкого звона, когда этот чудесный звон, казалось, соединял в себе все лесные и полезные звуки при встрече солнца, и притом было в нем еще что-то большее. «Тогда, – сказал он, – ни собак, ни петухов при восходе почему-то не было слышно».

Мы потом долго говорили о системе учения любви, которое христианская церковь продумала на всякое лицо, на всякий случай и вместе с тем все ничтожество Кино и Радио. Я спросил С. А. в упор:

– Скажите прямо, соберитесь в себя и вдруг отвечайте по совести: зазвонят ли когда-нибудь колокола Лавры?

Он ответил, не думая:

– Зазвонят.

Потом стали мы гадать и желать, чтобы они зазвонили не на кровь, а на любовь. Оказалось, что власти центральные не очень и против, а мешает белое духовенство, которое боится господства монахов.

Вот был бы гениальный человек, кто сумел бы так повернуть все, чтобы колокола зазвонили не через господство белого и черного духовенства, царя, большевиков, а чтобы пришлось какое-нибудь дело так по душе всем, так стало бы хорошо всем, чтобы и самый вопрос «кому звонить?» – исчез, просто кто-нибудь, первый же прохожий вспомнил: «а почему же не звонят?», и другие схватились бы, вызвали старых звонарей, и начался бы звон как бы сам от себя, словом, чтобы колокола зазвонили сами. Будет ли это?

«Только тот велик и счастлив, кому не нужно ни повелевать, ни повиноваться, для того, чтоб жить на свете с удовольствием». (Гете, Гец. Вейстинген).

Дружно взялась трава. Все 1-е Мая – дождь. Но, несмотря на дождь, вся площадь наполнилась колоннами с красными флагами вокруг памятника Ленину, перелитому из колокола киновии. Вся церемония из года в год совершается одинаково, так, что даже ученики, замечающие все, как зверюшки, говорят: «Точь-в-точь, как прошлый год, все такой же молебен и все под дождем».

Я по теплому дождю утром был в лесу. Вода и зеленая трава помогают березам – стоят напряженные, тронуть, и брызнет сок. Вдруг лес наполнился дикими звуками. Это колония инвалидов, слепцы, хромоногие, безрукие шли под красным флагом на площадь и ревели «Интернационал».

Дождь продолжался и в ночь. Гроза ночью.

2 Мая. Потоп. Лавки закрыты, потому что по случаю десятилетия революции будут праздновать два дня. Еще через 10 лет, значит, будут три дня праздники, через 40 – четыре и через 3650 лет революция освободит нас от труда совершенно, все мы будем круглый год праздновать.

Читал Гете, «Ифигения». Очень старо как-то, видно, что все приемы расхвачены последующими авторами. Надо найти работу какую-нибудь: 1) Гете как натуралист с точки зрения современных достижений естествознания. 2) Узнать: кто еще был поэт-натуралист. 3) Язычество Гете: причины его и чем кончилась его школа.

Ходил на «Кряж» (15 м.). Встреча с лесником из Ведомши, советует побывать в сторожке около Батьковского озера (6 верст от Федорцова, 6 от Ведомши). Беседовал с детьми о птицах, и было так просто с ними и с другими встречными, что удивился себе, как, зная такое обращение, я бываю иным с простыми людьми (светлая минута, воспоминание обратного: в Хотькове черная злоба).

Молодые ивы начинают раскрывать почки. В старых березах и тополях напор соков так велик, что почки у тополей, как сосок при напоре молока, а кроны берез от разбухших почек стали шоколадными: время шоколадных берез. Подводная трава в болотах вышла наружу, и образовались везде зеленые острова. Во всем растительном мире напор жизни, земля вся кругом зеленеет.

Прочел «Ифигению» Гете с великим восторгом. Узнал в этом подъеме от трагедии начало своего трагического подъема в одном из последних весенних писем. И вот завет себе: добиться в своем романе трагической значимости высших моментов в подъеме.

Великий богоборец Розанов. Его семья, воистину, как в греческой трагедии, несет небесную кару за спор отца с богами (муки Тантала).

Спасение по всему смыслу трагедии должно явиться в последний момент борьбы, человек всю жизнь свою положит и за то, что он положил ее – спасение. Так, если церковь Христова есть путь спасения, то это не значит, что она освобождает его от борьбы, напротив, она включает его только в трагический круг, поселяет в нем трагическое сознание. Вот почему и Толстой, и Розанов, не посещая церковной службы, не причащаясь – больше христиане, чем другие, это истинные, современные подвижники христианства, и в особенности Розанов, который, только умирая, разрешил себе причаститься.

3 Мая. Вчера мы так и уснули под песню дождя. Проснулись – солнечное утро. Мне была радость увидеть поющего скворца у меня на дереве и рядом с ним у скворешника другого. Я видел, как один из них спустился к навозной куче, схватил клок и юркнул в мой скворечник. Теперь не остается сомнения: скворцы у меня поселились. Но еще уже великою радостью мне было услышать сквозь лай собак и крик петухов бормотание тетерева за Красюковкой.

Роман

Переплет событий у студента в освещении приезда Ревизора совести (Ефима): 1) Имматрикуляция. 2) Бой в колонии. 3) Ду-

эль. 4) Приезд Ефима. 5) Новый год в кабаке (рабочий = родина) и следствие этого Катценеленбоген. Фармакология и его мелиорация. Конец звеньев Германии.

Парижское звено. Начало:

Система предметная сдачи экзаменов в университете – гибель студентам беспорядочным, откладывая трудные зачеты из года в год, они делаются вечными студентами. Но зато энергичный студент при такой подвижной системе легко может вырвать из жизни год обучения, а совсем упорный, одаренный и два. Когда все свои интересы, все желания Алпатов обрубил, как садовник все побочные ветви тополя, когда осталась одна только воля сделаться мелиоратором, Алпатов сдает свои зачеты, лаборатории, чертежи быстро и верно: ничего, кроме тетрадки лекций, записанных своею рукою. Так просто: записал лекцию и дома вечером в десять минут повторил, по окончании семестра сутки на просмотр – и готово. В лабораториях есть система рецептов и анализов, вот только чертежи, если бы не чертежи! Но и это проходит, и остается последний проект осушения большого русского болота с переключением тепловой энергии торфа на месте в электрическую...

Милый друг, ты стальную пружину коленями согнул, следи же за собой, помни, что хотя и крепко твое колено, но главная сила в твоем внимании, тут малейшее расстройство внимания, и пружина выскользнула из-под колена и, развернувшись, отбросит тебя далеко!

В детали проекта торфодобывающей машины не хватило красных чернил выделить систему придуманных Алпатовым подшипников. Эти чернила были у него на квартире, он побежал к трамваю, но весь он был ...<*не дописано*>

Теперь, когда просыпаюсь, спешу скорей открыть занавеску и поскорей узнать, что там делается, открываешь занавеску на окне, все равно как перевертываешь страницу неожиданной новой захватывающей книги.

Кукушка знает, когда прилететь: везде лезет трава, вдали на ранних ивах показалась зеленая дымка, и вот она тут, сначала увидишь ее молчаливой и скромной на ветке еще неодетой березы.

Я видел сегодня одну. Утро ясное, но холодно, потом северный ветер. Птицы поют умеренно.

На Кончуре были небольшие серые кулики, которые все время почти смешно покачиваются, за что мальчишки их зовут Ваньками-Встаньками.

Если кто скажет, что бездна тянет его туда броситься, то значит, что он сильный стоит у края ее и удерживается, а сла-

бого бездна не тянет, а отбрасывает на покойные, смотря по времени и устройству, страны, сухие или грязные безопасные дороги. Бездна – испытание силы всему живому, подойди к краю и узнай, и если слабый... Да, что же делать слабому? Слабому, я так понимаю, надо гордость иметь,.. не ставить себя на последнее испытание, чтоб ему бездна сказала: «Уйди прочь, ты не можешь!» Нужно вовремя отвернуться от бездны, сохраняя в себе последнее на крайний, на последний случай: «хоть раз, да могу». И тогда может случиться в жизни, казалось бы слабый человек победит ужас смерти последним, веселым желанием...

Нина Беляева должна быть у меня с женской стороны представляющей «темного деспота». Выход для Алпатова – творчество, но как преодолеет это же девушка. (Она постучалась в стену с лестницы – какая хитрая! и вошла молча, села на кресло возле дивана. Алпатов сидел у кресла. Она молчала, потом закрыла глаза и медленно стала склоняться в сторону Алпатова и до его плеча, и на плече лежала ее голова и жаром дыхания обдавала его шею. Ему было это и неожиданно и не очень приятно, но он, показалось ему, «чтобы не обидеть», должен не упустить случая и быть как все, и он протянул руки, как все. Она припала к его губам, но тут Алпатов одумался, погладил рукой ее голову, встал к окну и приложил лоб к стеклу. Както неприятно было ему на губах от чужого поцелуя и хотелось бы вынуть платок из кармана, но это было сделать невозможно, а в пальцах руки было совсем такое же чувство, как будто, аккуратно очистив яйцо в крутом мешочке, он взял его теплое пальцами, чтобы забрать в рот целиком и там раздавить. Потом Нина встала и опустила зеленую вуаль, накинула пальто и, ничего не сказав, вышла из комнаты. Алпатов по-прежнему стоял у окна и, когда Нина ушла, вдруг встрепенулся. Вспомнились сны, такие как будто невинные, будто приходит какая-то женщина сама и берет его с собой, и он идет с ней, как с сестрой, но под ними синее теплое море. И вот все наяву совершилось, пришла женщина, и у него осталась на пальцах только теплота дрожащего яичного мешочка, а с губ он стер платком что-то кислое...

А там где-то далеко исходил подземный пожар невозможный и мерещилось что-то совсем красное и страстное и совершенно безликое.

(После этого дуэль).

Теперь надо расставить вехи в Парижском звене, потом в Петербургском и в последнем.

<*На полях*> Кудрино, резчик Варнасков Василий Петрович.

Поверь, лишь тот знаком с душевным наслажденьем,
Кто приобрел его трудами и терпеньем!
И небо без земли наскучило б богам.
Зачем же ты взываешь к небесам?
(Гете. Зем. жизнь художника).
Я понесу тебя к соседу-богачу
И за тебя, предмет очарованья,
На хлеб малюткам получу.

4 Мая. Ясно. Ночной мороз. Утром слышал соловья. Сережки на березах (крестики) зазолотились. Старов начал огораживать мой участок. Вчера был у меня Яловецкий и Т. Розанова со своей Верой. Яловецкий рассказывал, как он ездил судить на Вознесенский завод. Мужик, которого он должен был защищать, угощал его, как приедут в какую-нибудь деревню, сейчас завертывает к родне и велит: «Урегулируем!» и, выпив, едет дальше, нажимая на лошадь: алло! алло! едрит твою мать! Адвокат умоляет его не угощать: ведь невозможно пьяному дело вести. На последней станции хозяин внял просьбе и сказал: «Ну, не хочешь пить, граммофон заведем». Завел, а было это в полночь, все спали и, просыпаясь от граммофона, очень ругались.

<*На полях*> Чутко слышно:
– Если ход машины в Васильевском чутко слышно, то через день-два – ненастье.

Ячмень сеют

Ячмень сеют, когда молодой скворец голову из окошечка высунет.

Если в селе (Васильевском) чутко слышно машину, то через день, два – ненастье.

У Яловецкого жил зяблик, он выпустил его, когда все зяблики сели на яйца, пары не мог найти и пел. Даже после Петрова дня, когда и кукушка даже перестала, одинокий зяблик все пел.

Не удивляют величайшие изобретения, осуществляющие тысячелетние мечты о них, авиация, радио: как только изобретение входит в обращение, народ проглатывает их без особого удивления и благодарности человеческому гению.

<*На полях*> Ранние ивы покрылись своими светло-зелеными шариками.

Мы с Яловецким, Вяч. Ант. и Олей пошли на тягу в Смушки (за Блок), было очень тепло, жарко, по сторонам линии ж. д. были чудесные тропинки, окаймленные самой молодой, толь-

ко что отделившейся от весенней зеленой муравой. Оля собирала там сморчки, Волчье лыко и примулы. И так было тихо, так тихо! Мы ожидали прекраснейшей тяги, но прямо же после заката вдруг стало очень холодно, и мороз начал затягивать лужи. Тетерева с вечера еще не бормотали, они начинают с вечера, верно, когда чуют сквозную, верно, теплую ночь. Но зато в тишине и морозе необыкновенно четко слышны были голоса певчих дроздов и токующих бекасов.

– Откуда в России люди такие нашлись, ты вот что скажи?
– Во-на, откуда... в русском народе есть все!

Ефим Несговоров – надо, изображая его, поглядывать на Ленина. (Керенский и солдат: «для вас – и земля, и отечество, а для меня – могила»). Ведь вот «правда», которой служит Ефим. А кончается эта правда новой «ложью» СССР (иначе: все отвергается во имя настоящего в реализации земных потребностей индивидуума, и революция, сделав полуоборот, становится ногой на сегодня и обращается к завтра: желанный день переносится вдаль).

Медицина. Пришел к доктору Михайлову, определил воспаление почек и назначил: ни под каким видом не пить и есть: манную кашу без масла и суп без соли. Пришел домой: пьют. «Ты, – говорят, – не пей, а попробуй». Я попробовал и выпил и напился совсем. После прихожу к Михайлову: надо покаяться, и все рассказал. «Самогон, – спрашивает, – пил?» «Самогон, – отвечаю, – и после денатурат». – «А чем закусывал?» «Самогон, – говорю, – закусывал свининой и солеными огурцами, а денатурат пил без закуски». Доктор Михайлов покачал головой и сказал: «Если бы это с образованным человеком случилось, я бы счел за чудо, а у крестьянина во внутренностях и долото сгниет».

В Лавре будто бы пел один диякон, и голос его был первый в России. Такую силу забрал этот монах своим голосом, что потребовал у игумена разрешения жить ему в Лавре с женой. «Ты же монах», – сказал игумен. «Я монах, – ответил диякон, – да я человек: под рясой у меня такое же мясо».

5 Мая. День, похожий на вчерашний, днем очень тепло и ясно, к вечеру прохладно.

Старов работает второй день: прибиты жерди к столбам.

Вечером ходил в «долину реки Кончуры» на тягу.

Вальдшнепов очень часто стреляешь при звездах, но если на тяге увидишь первую звезду и еще не слышал вальдшнепа – плохо! ведь и тяга-то вся бывает всего полчаса, сколько же остается времени после звезды.

<*На полях*> Видел ласточку, но ласточки уж несколько дней как прилетели.

Ем простоквашу от своей болезни, а голос Судьбы говорит: сколько ни ешь простокваши, все равно умрешь, как Мечников.

Приходит близкий человек после разлуки – как постарел! А он заметил по лицу или уж сам знает, что постарел, и болезненно ждет восклицания и готов уже ответить: «Жизнь-то какая, вы знаете»... Я знаю все в нем и понимаю, и мне в знакомом человеке это кажется несправедливостью, случайностью и невольно думаю: «Не случилось с ним такого, был бы еще молодой». И когда потом после него выходишь на улицу и встречается много-много таких старых незнакомых людей, то через того близкого старого начинаешь понимать, что ведь с каждым таким незнакомым был «несправедливый случай», так много было тяжелого и ужасного, иначе почему бы они так уродливо состарились, а сколько, значит, в жизни всего такого...

Пчела берет мед из нектарников и уносит его в свое государство, мед не пчела приготовила, она была экплуататором цветка в пользу своего государства. Но цветок не обижен пчелою, напротив, ему хорошо: пчела помогла пыльце перенестись с пестика на тычинки. Вот если бы нам, русским людям, дождаться таких эксплуататоров в пользу своего государства, как пчелы: берите все из нектарников, но не обрывайте наших лепестков и не ломайте стеблей.

От прилета зябликов, когда еще и не трогался снег в лесу, ходишь по вечерней заре и чего-то ждешь, и редко бывает совсем хорошо, все чего-то не хватает: то слишком морозит, то моросит дождь, то ветер возьмется свистеть по неодетым деревьям. И вот приходит, наконец, такой вечер, когда уже кукует кукушка и ранние ивы развертываются, и вспомнишь, сколько зорь я прождал, сколько было всего плохого и хорошего, пока сотворился вот наконец из всего этого такой чудесный вечер, не напрасно я ждал!

«У моего свата глаз кривой, и тебе того желаю».

7 Мая. Тихое серое утро после дождя. Я хочу попробовать уйти в Дерюзино, потом в Бабошино, чтобы убить петуха и освободиться тем от болезни: ведь не могу работать!

«Человек» в литературе – это чувство трагического.

Теплое утро. В 12 пришел в Дерюзино. Холодный ветер, мороз и снег. Ночью буря. Утро ясное встретил, сильный мо-

роз. На охоту из Дерюзина не выходил. В 6 утра вышел из Дерюзина, зашел в Параклит посмотреть коров и в 9 у. был дома.

Описание путешествия

Серое теплое утро, в сером тепле слышится кукование, на сером фоне неодетых деревьев, как чудо показывается цветущая верба без листьев: куст в желто-зеленых цветах, похожий на желтых цыплят, только что из яйца. В стройном тихом бору громко рассыпаются зяблики. На черемухе почки раскрылись, на облоге фиалки, в канаве примулы и в лесу огромное волчье лыко. Я иду в гору между лесами, и так, мне кажется, я поднимаюсь на свой собственный Олимп, приближаюсь к невинным богам, из которых я сам состою. И мне удивительно думать о поэтах, прибегающих для выражения себя к образам старых богов, в которых они сами не верят.

Было это, как молния жизни из солнца, поражающая разум и всю отдельную жизнь человека совершенно до основания: солнце явилось как истина-красота и вокруг него, как планеты вращались в несомненных кругах добро, правда и все, что едва-едва, как желание, просвечивало тускло в обыкновенной жизни людей.

Самое главное в этом было расположение светил между собою в вечном круговом вращении, и отсюда вдруг становилась понятной вся повседневная жизнь человека, все теневые стороны ее, как заход и прогресс, как восход. Внезапно переместились сознающие центры куда-то туда и все, что казалось центром раньше – стало иллюзией, но зато из центра эти иллюзии стали на свое место, и когда стали, оказались реальностью. И отсюда все мелочи, все волнения жизни, своей личной жизни определились. Оказалось вдруг, что рабочее движение может совершаться без своего участия: я сам могу заниматься своей личной жизнью и в этом осуществить весь свой долг и к рабочему движению: я могу любить девушку, могу искусством заниматься, а там все будет идти... Тогда все слова ее вдруг стали понятны и слились с гимном всего живого на свете, и от сотворения человека и до сотворения у всех животных был брак... Оказалось, он смешивал все и когда <*1 нрзб.*> вот теперь-то сказать ей, все будет понятно, скорее же вызвать ее – petit bleu!*

<*Запись на полях*> (Это в бытовом плане: русский интеллигент, незрелый умственно человек, дикарь: его поражает идея, и он вслед за появлением идеи действует.

---

* маленький голубой <один из символических образов «кащеевой цепи»> (*фр.*).

На самом деле у настоящих людей между появлением идеи и действием проходит время, заполнение которого и составляет личную жизнь).

Слащавая христианская романтика «Освоб. Прометея» после Эсхилова «Прикованного» – невозможное чтение. Но если бы это Эсхил написал сам после своего «Прометея», то можно бы поверить в чудо.

Все это потому, что классический мир нами не может быть принят – вот это, если кто принимает – отвратительно фальшиво, но было бы совсем иным, если бы классика приняла романтизм: это трогательно. Все равно, как и в нашем современном русском народе бесконечно трогательно, когда отдельные люди после грубого «язычества» вещевой жизни становятся «идейными». Но обратное – невозможно. Невозможно, напр., нам, «интеллигенции», понять жизнь Мани, которая любила мужа так, что как индусска бросалась к нему в могилу и просила вместе зарыть, а потом вскоре из чисто рабочей необходимости делается женой другого, вдовца семейного. Трудно понять тоже, что через год жизни с ним, когда при дележе взрослых его детей, вещи ее (сундук) попадают в дележку, она, желая сохранить вещи, разводится с ним... А Ефр. Пав., которая имела уже пример моей жизни перед собой и хлопочет, чтобы одного неизвестного ей беженца устроить Мане мужем...

Прометей сам себе сотворил жену, Пандору.

У Алпатова одно время было так, что если является какой-нибудь неожиданный вопрос, то он должен ответить на все, что он должен знать все, и так он есть у каждого на спешной работе, если когда молот поднят – подставляй железо, опуская – убирай руку – раздумывать некогда. Но так ведь и все живет, разрешая делом чужие вопросы, и кто-то приходит после, делает вывод и начинает по-новому. Кто же это пришел и подумал, как у него явился досуг такой, и не я ли теперь должен взять эту роль на себя, и если взял, то остановлюсь... (разработать).

Помогите, грамотный друг, чтобы установить себя в моей летописи личной жизни по неверному опорному пункту своего собственного уродства, остерегите меня от обманчивой выдумки.

Нет, я не верю прямо в Зевса, но я уважаю Эсхила, который верил в Зевса и создавал своего Прометея, и знаю, Прометей любил свою мать Фемиду, чтобы мог сам из своих мыслей и чувств создать сам себе жену свою Пандору: он мог, конечно, создать себе жену, но невозможно представить себе, чтобы даже и всесильный бог мог себе создать свою мать. Да, я не верю в Зевса, и очень возможно, что и Невеста моя – это я, спасаясь в

образ, силой моего собственного творчества и жену свою создал я сам из ребра, но мать моя была и есть во мне, и вокруг рождающая земля – все мать, как могу я это не видеть...

8 Мая. Мороз и северная буря этою ночью ворвались в дело солнца и столько напутали, нашалили и нагромили: даже голубые фиалки были покрыты кристаллами снега, и, казалось, утром даже солнцу было стыдно в таком сраме вставать. Нелегко было все поправить, но солнце весной не может быть посрамлено, и уже в восьмом часу утра на придорожной луже, открытой солнечным лучам, поскакали наездники.

Птичий хищник, распластав огромные крылья, поплыл на добычу, я ожидал его и, хотя было не в меру высоко, пустил в него дробь. Он смешался на мгновенье, но схватился, сильнее взмахнул крыльями, много подался вперед, еще – раз, еще и еще... Но легка пустая кость в крыле птицы и не прочна. После, рассмотрев все вблизи, я понял, что одна только моя дробинка ударила в кость и она тогда, наверно, только чуть-чуть надтреснула. Но сильным взмахом орел на сломанном месте надломил себе кость и вдруг, беспомощно кувыркаясь, серым комком полетел вниз с шумом, ударился громко, подскочил, как мяч, встал, обернулся на меня и зашипел: ему только и осталось, шипеть на меня. Да, пуста, легка птичья кость в крыле птицы, непрочна, как жизнь человека.

10 Мая. Ночь звездная, перед восходом мороз. Утро чистое. Попробую съездить в Васильевское на последнюю охоту.

Дети хотят быть как взрослые, и взрослые хотят быть «как все» – появляется мода, начинается быт. Если же дети изображают героев и взрослые друг на друга не смотрят, то это революция.

Когда резали у нас черную корову, Е. П. легла, закрылась подушками и плакала до тех пор, пока не пришел Томилин и не сказал: «Е. П., куда девать потроха». Как только Т. сказал «потроха», хозяйка забыла чувства и принялась все убирать.

11 Мая. Все небо ровно серое, тихо, тепло, мелкий дождь. Второе, всего только второе такое водоносное утро за весну.

В общем, весна вышла на редкость затяжная и нехорошая. Но я не обижаюсь, плохая погода зависит от тебя: делай что-нибудь в природе и удивишься, когда будут кругом говорить о плохой погоде. Вот и сейчас охотники на вальдшнепов, любители по сухой тропинке подойти к живописной заре и осрамить ее своим выстрелом – все эти охотники жалуются на плохую

весну. А глухариные охотники (одному пришлось семь верст водой идти до глухариных мест) говорят, что весна была очень хорошая, и давно не было такой удачи с глухарями.

Я тоже не обижаюсь. Меня даже страшат чередом следующие, роскошные дни весны: я теряюсь. А теперь несколько хороших дней дало мне всю весну.

<*На полях*> фининспектор, превращенный в черта.

Кто-то едет навстречу мне по улице на извозчике, мне кажется, я узнаю кого-то, но фонарный столб пришелся как раз перед моими глазами и закрыл собой с тротуара извозчика и седока, и даже лошадь. Я иду вперед и думаю: «Вот сейчас покажется», но как он может показаться, если тоже движется в мою сторону и так остается за фонарем. А когда я освободился от фонаря и оглянулся назад, я увидел только спину и не узнал и очень может быть, навсегда упустил встречу с человеком самым желанным: мне помешал фонарь.

<*На полях*> Вязень, Тресна, бочаги, скепсис.

Нестеровские леса.

Около огородов монахи работали, а один стоял у дороги возле пня и кланялся. Мы думали, он корчевал, а оказалось, молился, и когда мы подошли, он исчез, сел на лавочку и стал в раздумьи перебирать пальцами. Вероятно, это был наблюдатель дороги, как у журавлей.

Как загоготали монахи на огороде.

Скепсис. Привыкли скепсис понимать почти как нигилизм, но почему нельзя и верующему посмеяться над теми, кто веру свою считает единственной, и злобно крысится ею на другого, считая единственным путем спасения?

12 Мая. Утром сильный снег.

Коровья вера

Мы ходили под дождем в Параклит покупать корову. Заметили (это надо заметить!) на дороге беспорядочно рассыпанный горох, целые версты гороха. Далеко впереди по шоссе поднимался в гору монах. Еф. Пав. сказала, что горох этот рассыпан кем-то нарочно: есть такое поверье, что если кто-нибудь потеряется, то надо посыпать на дорогу птицам гороха, птицы помогут найти. «Не монах ли тот идет там впереди и сыплет горох?» «Очень может быть!» – ответила Павловна. А мне вспомнилось, что вчера объявляли по радио о воздушном шаре,

который улетел с экипажем и пропал, и что если кто-нибудь найдет, то получит награду в 1000 р. Я рассказал об этом Павловне в связи с горохом: «Вот бы нам птицы помогли найти шар!» Она подумала, что я смеюсь над ней, и рассердилась. Монах же медленно поднимался в гору, мы медленно спускались, дождь нас хлестал, а когда монах взобрался наверх и скрылся из глаз, спускаясь с холма, небо прояснилось, дождь перестал, и в ответ на это стали в лесах куковать кукушки. Мы долго поднимались в гору следом монаха, и везде по сторонам дороги был горох, все горох без конца. А когда мы наконец взобрались наверх, и открылся вид опять на шоссе в гору, то показался монах, и как только он показался, вдруг опять начался дождь.

Мы подошли к Параклиту, наш монах сидел на лавочке. Мы сели рядом с ним. Напротив работало много монахов в огороде. Я высказал монаху свою мысль, что революция больше всех сослужила службу религии: теперь останутся в церкви только верующие, потому что теперь это «невыгодно». Монах был из самых темных и вздумал меня запутать нелепостью, постоянно употреблял вместо «говорит» – «глаголет». С трудом я добрался до смысла его темной речи, он хотел мне сказать, что если люди думают только о насыщении и работа их идет вся только для желудка, то нечего и говорить об укреплении веры (он выразил это очень темно: «лес страдает, птица страдает – печаль, трава плачет, цветы плачут – (дождик), не только человек – все! и глаголет камень даже: есть хочу!) На это я возразил ему, что в делах веры надо смотреть на сильных, отдельных людей, которые побеждают плоть и потом увлекают за собой массу, пример: Сергий Радонежский. «Препод. Сергий, – ответил монах, – был князь, и утроба матери его была благословенная: первое, должна быть благословенной утроба, а церковь это уж сугубо благословляет».

А монахи под дождем ползали по огороду, цепляясь за невыкорчеванные пни седыми бородами. Дождь усилился, они перестали работать, отошли под елки и там были очень красивы в лесу. Мне нравилась их работа. Я сказал: «Почему вы, отец, не работаете с ними?» «Я из Черниговского скита, – ответил монах, – нас выгнали оттуда, здесь мы поселились, а земли нам Параклитские монахи не дали».

Так что черниговцы как бы плебеи, а те патриции.

– Работать землю не дают, – сказал монах, – а трапеза «складная» (ходит в скит и там получает за моленье).

Я очень хорошо понял, сколько попреков получают плебеи за «общую трапезу», понял происхождение пессимизма этого монаха.

Потом пришел о. N., у которого мы хотели купить корову, мы пошли с ним, высокий крепкий человек, в лес и увидели четырех его тучных коров, которых пас старый мужик, похожий

на эллинского пастуха. Монах рассказал нам историю дружбы его с этим мужиком: безродный старик поселился с ним в караулке, купили вместе телушку и, когда отобрали хутор у монастыря, переселились вместе в Параклит и взяли телушку. От этой телушки развилось теперь собственное стадо (собственность внутри монастыря). Я мог догадаться, что корову они продают, чтобы купить себе домик и доживать в нем на свободе. Я передал отцу свой разговор с монахом, сказал ему, что гонения укрепляют веру и революция идет церкви на пользу. Владелец тучных коров вполне со мной согласился.

Собирали сморчки, <*3 нрзб.*>

Возвращение: другой монах шел служить, шли по гороху, и дождь.

Брачное звено

1) Надо «брак» разделить на мельчайшие психологические детали, соотвест. деталям процесса творчества.

2) Конечно, работая над романом, я в то же время решаю труднейшие вопросы современности противопоставленных друг другу учений социализма и капитализма. Ведь Курымушка поверил в соц-м в надежде, что в будущем он получит от него все, чего лишен в настоящем. А в настоящем виноват капитализм, который превратил женщину в проститутку.

Наш коммунизм проваливается, потому что не может воспитать творческую личность, а не может, потому что творческая личность…

Первое условие творческой личности – свобода…

Элементы творчества: свобода, искренность, бесстрашие.

Бодливой корове Бог рог не дает.

Социальное творчество может проявляться, когда оно станет личным. (Все лежало у большевиков, пришел Ленин и выразил.)

Капитализм это понял.

Все религии дают систему воскрешения мертвого (творчества) путем превращения его в личное (люби ближнего) – все это попрано в социализме.

Но вот правда большевизма, ленинизма: государство есть механизм, долой из него человека, долой оклад с иконы, пусть обнажится подлинный лик власти, сила власти как покоренная людьми сила физическая (электрификация) и государство как фабрика.

Но большевистская правда есть ложь, потому что часть выдается за целое: за человека и за Бога. Все вертится вокруг государства. Силу физическую должен взять человек, но «человек» превращается в новый фетиш «рабочий» (сами, сами комиссары, сами председатели).

Весь день шел снег. К вечеру небо открылось и стало сильно морозить. Весны совсем почти не было, и такого не запомнят.

У Старова сгорел сват. Старов сказал ему: «Не горюй, брат, пожар стройки не портит, у меня есть лишнее колесо, у брата другое, соберем телегу, все соберем, мы ведь не бумажные коммунисты».

Кащеева цепь

Если удастся Парижское звено сделать цельным, то начать последнее звено надо в доме Алпатовых. Начало: Под тяжелым серебряным окладом, убранным драгоценными камнями, таится никому не известный лик Богоматери, такой же прекрасный и, может быть, еще гораздо более глубокий, чем Рафаэлева Мадонна. Лик закрыт невозможно безвкусным и совершенно оскорбительным окладом, перед которым, нагревая металл, постоянно горит множество восковых свечей, и оттого постепенно из года в год темнеет лик Богоматери. Сотни тысяч людей ежегодно целуют металл оклада, не позволяя даже мечте своей иногда в часы дозволения себе всяких случайностей, коснуться закрытого купеческими приношениями истинного лика святыни. Так век за веком проходит, и вот наконец кто-то из ученых-эстетов открыл, доказал, и сняли оклад. А тогда случилось самое страшное: оказалось, в прекрасном лике Рублева народ не узнал Богоматери и ничего не понял в этих таинственных символах. Так народ, поклоняясь неизвестной неведомой силе, не узнал ее образа и остался во тьме. И сколько их, таких же чудес искусства, осталось в лесах, где-то в староверческих часовнях. Вот об этом и жутко так думать, когда поезд переносит из стран *<2 нрзб.>* и перед глазами леса – только леса, и *<1 нрзб.>* поля, то топкие болота.

В лесах ярусы – история. В полях Алпатов.

Погодите немного с Алпатовым, даю голос моему ручью рассказать о себе. Правда, я думаю, до чего эта повесть, как она складывается, похожа на реку, пробегающую в своей истории через препятствия. Впереди совсем необоримые, кажется, скалы идейных вопросов, ясно видишь: конец, бросай, этого не разрешить. Смотришь, эти скалы вопросов уже позади и ручей, обегая их, смеется уже под каменной грудой вековечных скал. Любуйтесь же его новой излучиной, ее никогда не придумать: она просто далась, и в ней все доказательства и смысл без «почему». Так и повесть течет совсем легкомысленно, а смотришь, иначе никак невозможно.

13 Мая. Вчера вечером стало ясно, тихо и строго, взошла луна, все обещало ночью сильный мороз. Я вышел в 1 ч. 20

ночи в Смушки (имение Герценштейна). Мне там нравится, потому что в дубовой роще много певчих птиц и первых цветов, так и зову это место: страна маленьких птиц и лиловых цветов.

Вскоре на западе стала заниматься заря, и свет пошел на восток, как будто заря утренняя внизу за чертой горизонта взяла вечернюю и потянула к себе. Я шел очень скоро и так согревался, что не заметил даже, как сильный мороз схватил зеленую травку и стыдливые лиловые цветки. На восходе я взял один в руку, он был твердый как фарфоровый, и даже сломался. Тетерев пробовал токовать и смолкал, бекас с криком взвился и не осилил, смолк. Но кукушка прилетела, не обращая никакого внимания ни на меня, ни на мороз: напружив кадык, задрав хвост, натуживаясь, она издавала тот звук, который издали кажется нежным и грустным и поселяет догадку о заколдованной девушке. Натуралисту очень трудно понимать эти превратные отзвуки в сердцах далеких людей, и вся такая поэзия да, кстати, и такая гуманность кажутся какой-то сентиментальной пушинкой. Но плохо мне не бывает даже в майский мороз, потому что почти во всяком плохом есть намек на пережитую в прошлом большую беду, после которой всякая новая маленькая беда – пустяки, окруженные радостью, спасенье от той великой беды.

Монахи

Дуня проклинает старца Порфирия за то, что велел ей терпеть жизнь с пьяницей-мужем, вот десять лет терпела и ничего не нажила: только детей с негодяем вконец загубила. Дуня и знает, что если она к старцу обратилась, то ему нельзя иначе сказать было, но ведь не помог он ей, и она ругает его. А какая ее жизнь, вот пример: Ефр. Пав. дожидалась меня обедать, хотя ей хотелось есть, дожидалась, потому что у нас полагается вместе. А Дуня «вместе» никогда с мужем не обедала: к обеду он пьян.

Монахи вообще втайне презирают мирскую, брачную жизнь (это воспитывает келья), но в их плане владеть миром, и они терпят возле себя мирян, как терпят большевики буржуазию в новой экономической политике.

14 Мая. Теплое серое утро (по бюллетеню: в ожидании дождя и ветра). Завтра последний день охоты. Меня начинает позывать изнутри перейти от охоты и путешествий к оседлости, от внимания к животным, к изучению растений. Я так и сделаю, но постепенно, чтобы не соблазниться «принципами».

Князь продолжает постепенно, выпивая, приближаться в веселом духе к концу.

О Т. В. Розановой думал: как страшно и трудно дойти до того, чтобы отдать свою волю другому лицу, но как ужасно, это еще ужасней – решиться взять на себя волю другого.

15 Мая. Прохладное солнечное утро. За Красюковкой, слышно из моего сада, токует тетерев.

Вчера весь день боролся с головной болью без пирамидона, если эта боль будет учащаться – брошу курить.

Закончена корчевка и посеяна вика. Старов нам рассказывал об ужасной жизни соседа Стрелкова, о его несчастных детишках:

– Я обедаю, девочка ко мне подошла, я посадил ее рядом, утер ей сопли, поговорил. На другой день она сама подходит, садится рядом и пылает. Я опять с ней поговорил, и она стала уже меня называть дядя Илюша.

– Почему пьяницам, самым пропащим людям, достается хорошая женщина: у всех таких людей женщины – золото!

– Это, Илья Михайлович, последнее, женщина всегда женщина, и что нам в ней плохо кажется, то это ей самой жить хочется. Ну, а у этих женщин вся своя жизнь уже кончена, она для себя уж совсем не живет и потому она вам и кажется хорошей.

Весна бывает всегда разная, но одна весна не бывает на другую похожа, и любовь, как весна, у одного человека бывает одна, проходит и такой не повторяется: это жизнь человека. Но из этого не получается так, что нет никому интереса до другого, напротив, потому наш роман бесконечный, что все мы по-разному, со всех бесчисленных сторон переживаем одну и ту же любовь. Так одно и то же солнце светит нам при Рамзесе и Ленине, и все-таки каждая весна рождает у человека хоть одно стихотворение о солнце, небывалое в прошлых веках.

Вот отчего и является смелость писать о любви, кажется, если я докопаюсь до своего, совсем до своего, как было только со мной, то это непременно будет по-новому. Видите, друг мой, я сознаю так ясно и просто, когда рассуждаю, но до рассказа от рассуждений далеко, как от настоящей минуты моего бытия до минуты происхождения той истории, о которой я хочу рассказать. Бесконечно трудно очистить ту минуту, узнать ее в том свале времени, из которого состоит мое настоящее. Я так понимаю свой путь в этих раскопках.

Если бы в своем настоящем потерял бы я последний даже горький вздох при виде прекрасного или способность забыться во всем от восхищения, встречая вечернюю звезду или весенний цветок, и совершенно бы равнодушен был к встречам среди людей, то я, мертвый, не узнал бы в прошлом свою минуту любви. Вот почему непременно я должен в своем настоящем, в моем сегодняшнем страстном дне искать свою первую минуту любви и первых проблесков сознания в моем детстве. Моя

жизнь, теперь преображенная счетом дней и мерой пути, но это все та же самая жизнь, которая отлична от других жизней и в утробе моей матери.

Друг мой, вспомните себя, так ли проходило у вас, как у меня. Несколько женщин, которых я любил, располагаются теперь в моей памяти в странном порядке, та, с которой мне жить и которую я теперь уж, несомненно, люблю, находится перед моими глазами, и это вполне естественно: просто вижу лицо ее на том конце стола. А дальше эти лица располагаются особенно: те, которых я не особенно любил, встают передо мной так ясно, что я могу их нарисовать, иногда в профиль, иногда и en face*. Не могу сказать наверно, но это будет почти правда, если скажу, что черты этих женщин выступают теперь в моей памяти тем более не ясно, чем я сильнее любил и, наконец, от которой все началось и к которой все мое возвращается, вокруг которой все другие женщины вращаются, как погасшие земли, это одно совершенно не поддается восстановлению линиями и красками.

Я могу сказать, конечно, что глаза у нея были карие, волосы каштановые, щеки ея были розовые, рост средний и вся она была в фигуре с некоторой склонностью к хозяйственной полноте. Я мог бы с точностью описать все ее кофточки, юбки, шляпки, в которых она приходила ко мне на свидания. Я могу, например, по шотландской клетчатой кофточке ее вспомнить мельчайшие детали пейзажа, архитектуры домов и лица, которые в ту минуту попадались на глаза. Мало того, теми самыми глазами, которые видели шотландскую кофточку, я могу сейчас увидеть страны, народы, мне кажется, еще бы немного мне прибавить той божественной страсти и я бы мог весь земной шар изобразить как лицо. Все от нее, а между тем ее лицо, когда я повернусь к нему, исчезает. Мало того, я и человеком-то разумным и деятельным, и любящим жизнь стал сознавать себя, когда научился понимать, что и не надо смотреть ей в лицо, искать ее. Очень похоже как если бы слепец, наслышанный о красоте нашего великого солнца, прозрел бы и стал бы смотреть на него: он ничего бы не увидел и, кроме боли, ничего не узнал. Так о солнце нашем узнать можно правду, только если не смотреть на него, повернуться к нему спиной и смотреть на освещенные им предметы. Совершенно так же было со мной и в любви: не только не вижу ее прекрасного лика, но и духовное все исчезает в лучах, и те другие женщины, которых я после пробовал любить, вращаются вокруг меня, как потухшие земли вокруг нашего солнца.

Как странно, что иногда за свою неспособность к какому-нибудь обыкновенному всем доступному знанию приходится благодарить. Я совсем неспособен к математике и потому к астрономии. Благодаря своей полной бездарности в этом, я не

* лицом к смотрящему (*фр.*).

зарылся в формулах движения мира так глубоко, что не могу вернуться, как настоящие ученые, к самой силе, от которой дается толчок к знаниям по вычислениям хода миров во вселенной. Безвыходное положение моего разума в смысле счета и меры обращает его внутрь себя, и там я узнаю по себе, по своим женщинам совершенно такое же круговое движение светил и земель, и всей жизни нашей, как математик узнает в свои трубы с огромными стеклами.

Сегодня весь день идет теплый дождь. В общем, лес все еще шоколадный, и только земля совсем зеленая, и тоже дымкой зеленеют вдали молодые кусты ранней ивы и черемухи.

Что делать? золото прошлого передается нам в навозе...

Наярятся в девках, а там все равно, куда нести хомутину.
– Как это отдать девичью честь под кустом неизвестному человеку?

Политика. Налет на торгпредство в Лондоне.
В мировой политике у нас стало похоже на прежнее положение нелегальных кружков: бывало, налетят жандармы, а либеральная пресса возмущается, так по этой либеральной мягкотелой пушнине подвигалась вперед революция. Теперь же в Англии не пушнина, а какие-то «твердолобые». Они могут сказать: «Да, вы правы, товарищи, в нашей среде много зла, от которого терпит рабочий класс, но если дать вам власть, зла не уменьшится, а потому нам передавать вам власть нет никаких оснований, кроме одного: нашей слабости, и у вас нет никакого права на власть, кроме природных прав варварства над слабыми. Значит, весь вопрос в силе, и если вы нас называете культурными варварами, то некультурные варвары слабее ведь, вы свою слабость...» <*не дописано*>

16 Мая. Дождь (теплый) продолжается всю ночь и утром... Снились покойники в Хрущеве, мы с Лидией собираемся мирно жить в старом доме, тут же кто-то из братьев, но я вспоминаю, что, во-первых, Ефросинья Павловна с Лидией не уживется, во-вторых, что елецкая природа мне после северной не по душе, и отказываюсь.
Давно уже не снились родные, вероятно, потому что я их описал. И тоже невеста моя забыла меня, и тоже, конечно, потому что я взялся ее описать.

Миролюбов ездит из Москвы каждую субботу в Дерюзино и уезжает в понедельник на службу. Он говорил, что там два петуха токуют, и раз случилось, он одного убил. «Теперь, значит, один остался?» – спросил я. «Нет, два, – ответил он, ведь

это случилось со мной лет 5 тому назад». Вот такие бывают охотники.

Вчера была Т. В. Розанова. Боюсь, что она со временем станет совершенной ханжой. В среду мы пойдем с ней в 4 д. искать могилу Розанова.

Политика международного заговора с провалами в полпредствах, большое с техникой малого, мне кажется, достойна осуждения и с большевистской точки зрения: «шалуны».

Друг мой, теперь, наконец, я понял, почему многие, изображая героев, так осторожно пользуются историей собственной любви, что только малые крохи достаются нам этого золота в пухлой лигатуре героев романа. Все боятся, как бы не проболтаться им, чтобы другие не сочли их слишком сентиментальными и еще хуже безумными. Конечно, да, безумными, потому что своя интимная ночь ведь совершенно своя и никому не понятна. А еще нельзя рассказать свою тайну из опасения, что потом себе-то ничего и не останется. Ведь есть чудесные повторные сны, которых нельзя рассказать, потому что как только расскажешь или запишешь, они больше повторяться не будут. Я это все очень хорошо сознаю: без «героя» свое рассказать невозможно, герой необходим. Но ведь критики за своими письменными столами, читатели за своими самоварами будут непременно говорить об Алпатове, продолжая понимать его через себя. А я тоже читатель, и мне тоже хочется поболтать о себе и так представляется, что это не должно ослабить интереса к роману.

Сегодня в 7 утра.

Состояние атмосферы в 7 у. 16 мая: высокое давление в южной полосе Европы, в большей части Сибири (Днепро-Петровск) 772, Томск 770) и на севере Скандинавии (Ингой 766). Низкое давление на Западе Европы, в Туркестане и на северной половине Европы (Кызыл-Орда 760, Вологда 751).

17 Мая. Лунная ночь. Слегка прохладное светлое утро.

Рассмотрел, что вся работа Старова никуда, и сам он, такой умный, такой начитанный и речистый, теперь лежит вдребезги пьян, рядом с ним тоже пьяный сын его мальчик Пашка. Приходил рядиться на отделку нижнего этажа Василий Савельев, смотрели работу Старова. «А как хорошо говорит!» – сказал я. «Это всегда так, – ответил Василий, – значит, плохо работает». – «Почему так?» – «Потому что у каждого своя специальность». В словах Василия была глубокая ирония, просвечивающая в огромную массу настоящего трудового народа, где все делают молча, где разговор – серебро, молчание – золото.

2-й закон Берендея:
разговор серебро – молчание золото.

Есть люди, которые понимают в искусстве только трагическое. К ним принадлежит Т. В. Розанова. И это у нее из жизни: одна за другой сестры кончают самоубийством, сейчас подходит очередь к Вере, которая приехала смущать Таню, без того уже еле живую.

В русском интеллигенте-сектанте, старом революционере, одной из главных черт было чувство трагического, явление такой личности сопровождалось тяжелым молчанием, обреченность... (трагедия).

Астрономия любви:
как солнце рождает Аполлона: сын солнца.

Человек непременно должен быть хозяином и, если он даже великий ученый, великий поэт – все равно: хозяйство – это Библия, Ветхий завет, это долголетие.

Нина Беляева – трагедия девушки, которая должна сделаться ученой женщиной: хочет любить Алпатова, и он хотел бы, но не может, потому что она «интеллигентная».

Величайший момент творчества в природе, когда заря вечерняя встречается с зарей утренней и начинает светить не на востоке и на западе, как будто где-то внизу под чертой горизонта заря утренняя берет вечернюю и ведет вчерашний день к себе на восток.

Тарасиха о Тане Розановой: «Ей много дали, и она это не может вместить: ведь головка у нее такая маленькая».

Полонский из Крыма спешным письмом умоляет дать роман, который только складывается у меня в голове. Пишу «ложь во спасение», сошлюсь на аппендицит, которого, и правда, немного боюсь.

Дорогой Вячеслав Павлович,

у меня ноет appendix (старая моя болезнь), я ем простоквашу, напрягая все силы, чтобы избежать операции, которой не хочу. Вот почему, не зная вперед, чем все это кончится, не желая еще раз Вас обманывать (впрочем, и тогда не обман: а так вышло), я буду говорить только о том, что у меня есть. Вчерне у меня готово звено «Зеленая Дверь», которое представляет из себя такую же целую повесть листа в 2½, как и «Тюрьма».

Я эту повесть представлю Вам, как говорил, точно 1-го Августа, она в таком виде, что если меня и зарежут хирурги – Вы напечатаете. Я остерегаюсь ее давать раньше, потому что в связи с работой над дальнейшими частями все более и более намечается необходимость кое-что подработать. Итак, это не журавль, а 1-я синица, 1-го Августа: «Зеленая дверь», 2½ листа. 2-я синица: небольшой острый рассказ вроде «Нерли», но не из собачьего мира, а из коровьего, называется «Коровья вера»: для Июля, к 1 Июню пришлю в «Новый Мир».

Об остальном буду говорить, простите, как о журавлях: если здоровье позволит, я надеюсь, что, сдавая к 1-му Августу «Зеленую Дверь», я буду иметь в руках новое звено «Vir ornotissimus russus», а когда это сдам, сделаю звено любовных мистерий и потом последнее «брачное». В общем, я пишу роман не для нынешнего дня, переплываю неизвестное море и, конечно, мне очень трудно думать о журнале, как бы хотелось.

Вы не очень тужите о недостатке материала высшей добротности. Виноваты не Вы и не мы, а переходное время. <*Зачеркнуто*> (много, слишком много младших, но мало старших, мало критики свободной, т. е. старшего читателя.)

В нашей русской природе бывает высший момент напряжения творческих сил, когда утренняя заря сходится с вечерней – вот теперь: в 1 ч. ночи рассветает на западе, утренняя заря берет вечернюю и ведет ее на восток. Так и в литературе для творчества необходим момент схождения зорь, тайное ночное единение. <*Зачеркнуто*> (в сущности, ведь понятие культуры раскрывается как нарастание мировой связи людей, значит, опять-таки схождение их, а не война). Субъективно искусство происходит как самая отчаянная борьба, а объективно, общественно – это мир. Будем спокойны, Вы – отличный редактор, я – трудовой писатель, а дальше – не мы. Но это ничего не значит: помирать собирайся, рожь сей! Не будем же унывать и подчинимся 1-му закону Берендеева царства: помирать собирайся – рожь сей.

Крепко жму Вашу руку. М. П.

18 Мая. Проснулся под бормотание дождя.

Можно (поэту и ученому) на собственном своем дворе увидеть вселенную, но большинство людей («государственных») делают из вселенной свой двор.

Григорьев представил мне всю бессмыслицу молитвы, которую мы теперь слышим и твердим с колыбели: сначала разрушим до основания, а потом устроим лучший мир.

Приступаю к рассказу «Коровья вера».

В общем, леса шоколадные, определенно зеленеет ива и – присмотреться – на березах почки раскрылись.

Дождь и после обеда. Мы ходили на могилу Розанова: мы с Е. П., Тарасиха и Таня.

План могил

Могила В. В. Розанова на кладбище Черниговского скита в расстоянии 21 метра 85 сант. по бетонной дорожке от крайнего приступка паперти церкви Черниговской Богоматери; под прямым углом от этой точки на W как раз против 3-го слева окна 4-го корпуса в 3-х метрах находится центр могилы Конст. Леонтьева, и по той же линии к 3-му окну в расстоянии от ½ до 1 аршина находятся 3 могилы семьи Розановых, левая по всей вероятности, В. В. Розанова.

Чугунный памятник К. Леонтьева опрокинут, центральная часть его с надписью выбита. Очертаний могилы Розанова на земле почти незаметно.

Корпуса Черниговского скита населены преступниками и проститутками (Исправит. дом имени Каляева). Тане Розановой одно время предлагали должность «ухаживать за проститутками». Такая злая ирония: Розанов писал так любовно о «священных проститутках» у дверей храма и вот лежит теперь прямо у храма, в котором не служат, окруженный обыкновенными проститутками, и дочери его предлагают за ними «ухаживать».

Тарасиха положила два красных яйца на могилу Конст. Леонтьева, тогда среди окружавших нас преступников было заметно движение броситься на них. Но они удержались, конечно, боясь нас. Что там было, наверно, когда мы ушли!

Тарасиха, конечно, черносотенка, а теперь стоит за Совет, за большевиков, ненавидит жидов, кадетов, Керенского. Сама при большевиках отлично живет. Через нее отлично, прямо насквозь понятно, почему черносотенцы были сразу поглощены большевиками и отлично устроились жить в кишках революции.

Розанов звал Тарасиху «бабой Ягой». Это понятно: она груба, форсирует-де «Мадам сан жен», а он любил внутренних, извне стыдливых людей. Розанов был сам нежный, тихий человек с таким сильным чувством трагического, что не понимал даже шуток, сатиры и т. п. Розанов мог быть, однако, очень злым.

Тарасиха, деревенская баба, и знает всех писателей, Толстого близко даже.

У Марьи Викентьевны Алексеевой было 22 жениха (да, но какие женихи! а профессор? да, но какой профессор!)

Тарасиха: «Таня былинка, Маня скала! Маня умная! потому и не вышла». – «У нее страсти нет». – «Потому что умна, а страсть у глупых». – «А Анна Каренина?» – «Конечно, глупа, вот Софья Андреевна умная».

Страница из дневника с планом
могил К. Леонтьева и В. Розанова

Тарасиха о Толстом: «У него была голова развращенная, потому он и требовал много любви от Софьи Андреевны, а здоровому телу не нужно много любви, и ум легко справляется при здоровом теле со страстью».

20 Мая. Закончил очерк «Коровья вера». Читал у Яловецкого. Надвигаются грозные события. Но я думаю, что все разрешится в политику измора со стороны Англии и внутреннего нашего оскудения, т. е. еще некоторое время, снижаясь, мы поживем. А все кончится непременно интервенцией, русский народ выучится непосредственно у иностранцев работать и потом уже... А впрочем – кто знает?

21 Мая. Тихое теплое, мягко-сырое с просветами солнца духовное утро. Распускаются березы, хотя общий вид их еще не зеленый, а золотистый от сережек. Все птицы, кто только голос имеет, поют, и соловьи. Я бы теперь праздновал Духов день, мне почему-то кажется, что у отцов церкви в этом была ошибка: вперед должен быть Духов день, а потом уже праздник других лиц Троицы.

В истории необходимы эпохи, когда современникам хочется поиграть костями своих мертвецов, но когда играть начинают сердцем и разумом отцов – тут беда! Ведь все-таки уже десять лет мы поем один и тот же «Интернационал», шестая часть мира со всеми своими дипломатами, профессорами, поэтами, военными и учителями во все торжественные дни распевает совершенную бессмыслицу: «...разрушим, а затем».

Надо продумать до конца все «страхи» будущего.

Жизнь поколения людей короче поколения большинства деревьев, из этого вытекают огромные последствия для психологии человеческого общества.

Когда наслушаешься кукушку в лесу, то и дома в комнате за двойными рамами все кажется, будто кукует.

22 Мая. Никола Вешний (9мая). Туман и солнце за туманом: легкий, тонкий, как кисея, на красном лице.

Всякий творческий акт какого-нибудь лица есть воскрешение множества людей, накоплявших материал для последнего творца и тоже безымянно творивших. Имя последнего творца есть соборное имя, и слава, его окружающая, есть торжество встающих в творческом акте мертвецов...

Вчера из беседы с «Паном», читающим иностранные газеты, выяснилось, что наш Союз вовсе не так уже занимает Европу

и войны, конечно, не будет, потому что зачем с нами воевать, если мы во всех отношениях совершенно безвредны...

Сюжет для очерка Растеряевой улицы: N. – «омужиченный» русский интеллигент (т. е. доведенный чтением газет до полного непонимания событий). Налет на Китайское полпредство. Все скупают соль и муку. Дуня тоже собирается на последние гроши. N. смеется и говорит: «Ты смотри на меня, когда я корову буду покупать, ты покупай соль». Дуня разнесла это по всей Растеряевке. N. забыл это и однажды ему пришлось купить корову. Растеряевка, увидав корову у него, скупила соль. Исчезла соль.

Я закопался в своих тетрадках до тех пор, пока не рассеялся туман совершенно и солнце начало припекать: кончилось раннее утро, и начался день. В этот раз из утреннего тумана вышли бутоны молодой черемухи, красные листья бузины... трава, цветы видны из тумана, будто из памяти...

Попробуйте, друг мой, вспомнить свои годы, когда вы жили, не думая, едва ли вы вспомните: все что-то думалось. Но ничего, все равно, вспомните хотя бы, когда ваш поступок насквозь не продумывался, и ваши думы просто туманом, внутри которого жили вы, конечно же, не думая. Невозможно собрать из себя то, что рассеялось в пространство туманом, надо вернуться к тем пашням, деревьям, цветам и птицам, звездам, на которых клочками, как сено на кустах в лесу от продвигавшегося воза, повисли мгновения вашей необдуманной жизни... На брачной песне соловья как-то все сошлось в этом, но мне иная пластинка граммофона, услышанная на ходу из трактира, под открытым окном которого виднеются скромные цветочки желтой акации, мне больше говорит, чем песнь соловья. Ведь мы только условно говорим «соловей», подразумеваем под этим, конечно, каждый свой, никем не повторяемый брачный полет.

Решаю: «Зеленую Дверь» перекинуть из Дрездена в Лейпциг и на фоне эмигрантов-политиков вычертить сильную и страшную фигуру Ефима Несговорова. Звено достигает своего разрешения в появлении Ефима после дуэли и заканчивается новогодней встречей Алпатова с рабочим в трактире. Эта ночь прославит страну труда и решимость Алпатова работать для родины (жизнь представляется реально).

23 Мая. Звездная ночь. Светлое тихое крепко-росистое утро. У берез пора красования, как у невест, когда они расчесывают свои девичьи косы и заплетают по-брачному. Будто косы, густо осыпанные золотыми сережками, плакучие ветви с удивленными птичками с двумя сверкающими зеленью крылышками.

За красивое люди часто принимают свое желание иметь и у себя такое, что есть у других, каждому хочется, каждого тянет не отстать от других, а то даже и перещеголять в чем-нибудь. И вот это желание быть как все обыкновенные и выражается в предметах, которые почему-то считают красивыми.

А по правде говоря «красотой жить» невозможно: создавать, рождать в мучениях красоту и восторгаться от этого новым встречам с миром – это да! но жить изо дня в день красотой невозможно, как невозможно художнику писать в день по десятку Джиоконд.

Нет никакой беды и даже на пользу пойдет, если женский бульвар будет рождаться, как женщина у Леонардо, но если бы вдруг зажил бульвар любовью Леонардо к Джиоконде, принимая ее за ту любовь, от которой родятся дети, то в один миг, как при «коротком замыкании», перегорели бы пробки жизни, и весь бульвар с живыми людьми стал бы одним крематорием. Вот почему и говорят: «красота – это страшная вещь». И потому не страшен девушке любовник, который «обманет» и бросит ее в одиночестве охранять рост случайного семени, это совсем неопасно и для многих бывает единственным счастьем. Но страшно, когда какой-то «Он» придет, захватит, унесет изнутри все «самое лучшее», и Она останется с перегоревшей душой отрешенною девой, и все другие потом о ней говорят: ни ворона, ни пава! Верьте, друг, что все это так, а то как же это возможно было понять, что иной, не имея ни таланта, ни красоты и часто даже здоровья является победителем сердец, а другой со всеми достоинствами проходит один. И на другой стороне, почему тоже мы видим везде, что самые лучшие девушки остаются в жизни ни с чем, и их синие глазки потом на повялом лице оставляют нам такую же грусть, как те удивительные синие цветочки на полях после осенних морозов и даже первого *<1 нрзб.>* снега?

Да, мой друг, я думаю, это не только у людей, но во всей природе, даже в клетке для спаривания кроликов они бегают долго так, все не даваясь, не от его желанного ей семени, а от страха, что он схватит ее, возьмет себе и оставит ни с чем: пустоты боится природа, а не полного семени.

Даю вам честное слово, мой друг, что я пишу эту любовную историю не по символам, напротив, даже с величайшей осторожностью восполняю неизвестные мне пробелы в жизни Алпатова из материалов других жизней, я все силы кладу на то, чтобы держаться земного следа живого человека, потому что наша маленькая земля разнообразнее неба и оставляет надежду следопыту найти след совершенно особенный. Только уж когда раз я установил след, мне не страшны делаются и символы. Вот и сейчас мне совершенным сюрпризом является от жизни Алпатова в погоне за Иной Ростовцевой соединение в пучок бесчислен-

ных концов <*1 нрзб.*> всей жизни природы, даже у кроликов, посаженных в клетку для спаривания: она, самка, бежит от него, и он ее догоняет. А дальше я перехожу к вопросу: почему так бывает всегда и везде?

24 Мая. Третье утро тепло и дни без дождей.

Начали сегодня работать плотники. Я вернулся к Алпатову в Германии.

Замечаю, сколько ни есть религиозных людей, которые ходят ко мне, все боятся и чувствуют отвращение к моим собакам. И, вероятно, так у них обстоит вообще с живой природой, иные, конечно, чувствуют < ее>, но только духовно, по-нестеровски. Так я догадываюсь об этом, что отцы церкви, устраивая церковный чин, все начинали с природы, они жили с ней и брали от нее все ее прекрасное, ничего не давая взамен. Так было достигнуто насыщение, предел, после которого созданная форма была создана, пуповина, соединяющая церковь с природой как родоначалом ее, была оборвана, и эта форма стала воспитывать келейных монахов, которым природа кажется греховной, грубой и страшной.

И что еще: если эти религиозные люди чувствуют омерзение к животным, то я лично в чем-то к ним самим брезглив, все равно как брезгую эстетами, чиновниками, претендующими на власть, оккультными людьми и т. п. Надо, однако, не очень отдаваться этой брезгливости, а относиться к ним приблизительно, как мужики к попам.

Все эти люди должны брезговать и моей литературой, она им, как собака в церкви, и ведь все живое искусство (не на старую тему) им враждебно, все искусство им – собака в церкви.

Перехожу сразу к роману, потому что выпитое отцами «лучшее» природы похоже на выпитое художником для картины из женщины. Надо сделать в романе, чтобы Алпатов непременно получил от Ины ее лучшее, обобрал ее, оскорбил ее, как монах природу (смех ее – месть ее). Очень может быть, что вся революция для Алпатова будет местью разгневанной природы за «свое лучшее», запечатленное именем «греха». Все похоже, как если бы печники... для какой-то своей постройки выбрали место в бору и стали под соснами выбирать постепенно песок, вырыли глубокую яму и бросили, а ветер навалял бы в яму высокие красивые деревья, и эта яма налилась водой, развелись бы лягушки, и все это место стало называться грехом («букольница <*1 нрзб.*>: возможен монах, который хочет возвратиться в природу и броситься в яму (букольница) (вот что значит и «Крутоярский зверь», и «Принц» из Птичьего кладбища).

Нина Беляева (поздний синий цветок) вянет, потому что уже кем-то духовно обобрана, и она готова испробовать то, что у

всех есть и отдаться Алпатову, но у них ничего не выходит: он в другом помещен, она тоже в другом, и их объятие, над которым они потом смеются, у Алпатова все разрешается катастрофой, в которой он находит «сдачи», а Нина добросовестно работает.

25 Мая. Вчера шел дождь весь день. Меня замучил Пяст, и я, не выходя из дома, не знал, что дождь такой теплый. Только вечером, когда перестало дождить, я вышел, понял, что этот дождь перевернул все, был первый настоящий, теплый вечер, и только теперь можно было сказать, что деревья распускаются.

Перед обедом Пяст мне сказал, что он уезжает, и я так обрадовался этому, что стал за ним ухаживать, а он тоже обрадовался и попросил у меня разрешения остаться еще на одну ночь. Есть ужасно несчастные люди, как Пяст и Таня Розанова, их жизнь снаружи сплошная чепуха, а внутри настоящая, азартная игра в счастье, которое временами они тоже остро испытывают. Я сам разделяюсь от этого состояния не дубовой стеной, а скорее ширмой, за которой мне слышна вся их жизнь.

С утра парная жара, вероятно, перед грозой. Массовый вылет комаров. С этого дня надо считать законным совершенно все творчество весны.

Пяст читал из своего романа «Поцелуй Джиоконды». Уже стало рискованно пользоваться в изящной литературе Джиокондой. Вся беда, что ее однажды украл из Лувра безумный итальянец и вследствие этого сейчас же ее в сотнях тысяч воспроизвели фабриканты конфект на коробках и через конфекты сначала в столицах, потом в губерниях и, наконец, даже в провинциях начались дамы, изображающие собой Джиоконду: была Костромская Джиоконда, Харьковская, Киевская, Рязанская, а после них везде: в театрах, в садах, на Волжских пароходах и всюду, даже в Ельце, показывались дамы с поджатыми губами и таинственной улыбкой.

Надо купить следующие книги:

Есенин – сочинения; Казин; Кириллов; Волошин; Anno mundi; Сельвинский (конструктивист); Шапин; Кочетков; Багрицкий; Гумилев: посмертные стихи: Огненный столб; Ахматова; Анно Домини; Мандельштамм; Fristia; Всеволод Рождественский; Лето, Б. Медведица. Луговской; Клюев; Ленин, Избяные песни. Сергей Городецкий, новые стихи. Тихонов Орда, Брага; Грузинов; Иннокентий Анненский.

После обеда уехал Пяст, я лег спать и не выспался: до того утомил он меня.

За день распустились тополя и присоединились к березам, а липа еще черная, парит ужасно, стало в одной рубашке жарко, начинается сильная гроза, летний дождь, и переворот в природе завершается ночью сверканием беспрерывным с разных сторон всего неба (Воробьиная ночь). Этот переворот сразу открывает нам загадочное лицо этой весны (никто не запомнит).

Пяст рассказал мне, что у Блока была грыжа, которая делала невозможным для него половой акт (это плюс к тому, что сообщил Разумник: Люб. Дмитр. была его Прекрасной Дамой). Еще Пяст сообщил, что Блок говорил ему о происхождении его Христа: «Слово само написалось, почему, я не знаю». Я объяснил Пясту, почему написалось, и он согласился (Блок бросился в «чан», и ему представилось, что он воскреснет вождем народа, Христом).

Из романа Пяста, несомненно, автобиографического, вижу я тождество со своими переживаниями: 1) Поцелуй Джиоконды 2) Ее ненависть. Но Пяст беспомощен в изображении, пишет по свежим следам и не может значимость своей жизни утвердить вне себя.

Горький прислал письмо о злобе Гиппиус (злоба политическая из-под Христа).

Розанов, конечно, страшный разрушитель, но его разрушение истории, вернее, разложение столь глубоко, что ближайший сосед его на том же пути неминуемо должен уже начать созидание. Ведь борьба с Христом сводится, в конце концов, к борьбе с историческим уклоном людей, с изменой их вечной трагедии человека, представляемого в образе Христа. Отняв у людей исторического Христа, Розанов предоставляет рост человека «естественным силам» (полов), которые вырастают тоже трагически (т. е. в Христе). Вот почему сосед Розанова неминуемо должен начать созидание.

Одна из гримас Блока: надо разбить Венеру Милосскую...

Горькому ответ:

Вы правы, Алексей Максимович, что мало меня интересуют и наши эмигранты и вообще политики: эмигранты именно потому и не интересуют, что осуждены на политику. В этом я вижу и Кащееву цепь своей прошлой жизни интеллигента: осуждение на политику. То, что нас с вами и познакомило и что теперь соединяет как общее дело, у меня очень медленно выбивалось из-под политики, из-под виновности, долга и тому подобных атри-

бутов интеллигента. Как это ни дико, но я так сознаю: поскольку я творческая личность и в искусстве, постольку я не интеллигент («гуманист»). Кризис не гуманизма, а политиканствующего гуманизма. Вам известно, что я не пошел в ногу с революцией, очень даже капризничал – я боролся остатками своего «гуманизма», но только революция освободила меня от политики, и я в самое трудное <*1 нрзб.*> время создал лучшие «охотничьи рассказы» и детство своего Алпатова. Но все созданное мною пустяки в сравнении с тем внутренним устроением и смелостью, которые мне достались от революции. Эмигранты, осужденные смотреть на Россию только с внешней стороны, не могут видеть, как перестроился изнутри весь русский человек через свои беды. А впрочем, Зинаида Гиппиус гениальна как явление подлинной фурии в наше столь отдаленное от эллинов время.

Вот и Розанов пленяет меня изначальной силой, это титан, который в настоящее время вызвал на бой богов.

26 Мая. Опять весь день парило, и вечером все небо было серое, как бывает при лесных пожарах. Проходя на почту, я остановился послушать, не начался ли у них уже зеленый шум, но грохот телеги заглушил первый шепот еще маленьких нежных и смолистых листиков. Только вечером, когда мы улеглись спать, через окно от наших берез был нам в комнату послан ими этот новый ласковый звук.

Таня Розанова была у нас, гуляли с ней, и было нам всем от нее на душе мирно и тихо. Я через нее начинаю узнавать ее отца как человека.

Приходила Трубецкая, и я дал ей для В. С-а рекомендательное письмо.

Зеленая Германия. Зеленая дверь.

Счастливая мысль закончить звено «Зеленая дверь» преображением земли, а остальной материал организовать в звено о Ефиме Несговорове.

Звено «Ефим»

О красоте. Цвингер. Встреча с Ефимом. Спор о красоте, Боге и человеке. Разрыв. Встреча с Беляевой. Шаль и правда об Ине. Раскаяние и возвращение к Ефиму. Миссия в Лейпциг. Эмигранты. Неудача в политике и обращение к науке. Не может отдаться науке из-за политики. Вследствие этого должен падать: роман с Ниной и кабак Мейера. Дуэль и явление Ефима. Заключение: Новый год в кабаке и Прославление Германии.

27 Мая. После грозы вчерашнего дня сегодня свежо, но полетнему. Липа распускается. Начал звено «Ефим Несговоров». Какой-то Павел Медведев пишет: «стиль М. Пришвина соеди-

няет в себе строгость и точность реалистической манеры с Тургеневской романтической эмоциональностью».

28 Мая. Все раннее утро сильный дождь.

По словам Т. В-ы у Розанова в натуре вообще отсутствовала «категория игры» (загубленное детство! А ведь у нее тоже игра отсутствует, у нее почему?) Итак, формула: натуральный человек, homo sapiens* – игра = человек (трагическая натура). Христос тоже не играл (загубленное детство: был у Христа-младенца сад) и тоже обращался к детям: будьте как дети. Надо больше думать об этом: очень возможно, что в этом и заключается происхождение трагического.

Роман вступает в фазу пола, т. е. определяется, что Кащеева цепь заключается в отношении к женщине.

От Разумника Васильевича хорошее письмо, и в нем я узнаю то же, что складывается в отношении к Т. В-е, а также и появляющуюся и исчезающую минуту «родственного внимания»: складывая то и другое, получаешь то, что вложено в слово «мир»: «и на земле мир».

29 Мая. Серое теплое утро, растут и растут на деревьях листики: там дом закрылся, там забор, там березовая ветвь закрыла вид на всю слободу. Стало покойно и не тянет больше вставать до свету и куда-то бежать ни свет ни заря. Так бывает у людей, когда невеста украдена и начинаются брачные ночи. Искать нечего, вокруг все такие же, как я сам.

Разгадка влияния старца: когда пришла Т. к старцу, что друг ее уехал ... и она не может без него жить, старец сказал: «Милая, откуда взяла ты, что он уехал? Ведь он же с тобой, да, моя дорогая, ты живи спокойно: он с тобой». Вот как схватывается женское сердце, а не проповедью: сначала надо за что-то схватиться, за что-то подержать, а потом уже присоединять к Христу.

У меня определенное чувство брезгливости к женскому телу в городской одежде, но деревенская женщина, даже в грязном виде, влечет. А если городская, несомненно, красавица и чиста телом, умна, образованна, то чувствую к ней страх, потому что боюсь оскорбить ее тем же самым чувством, которое испытываю к деревенской грязной, но здоровой и сильной телом девке.

Припадок бешенства из-за ворчания Е. П. Не могу выносить ворчания, не могу и поставить себя так строго, чтобы истребить попытки к нему у женщины. Мне нравится понимать жену как мать и быть ребенком – это значит, положиться всецело на ее

* человек разумный (*лат.*).

характер, за это вот и приходится расплачиваться. Жену вообще делает не скульптор из цельного куска камня, а клеит столяр из кусочков, и вот почему при ненастной погоде расклеиваются иногда браки уж после серебряной свадьбы, и все кругом руками разводят: «жили 25 лет, старики, и вдруг... время какое пришло, безобразное (жен бросают)!»

В журнале «Краеведение», говорят, изругали «Родники Берендея» за неверное краеведение (!): это, конечно, влияние Смирнова, в котором я вскрыл весь яд «смиренного труженика науки». Мне это годится для анализа Алпатова, когда он стоит перед необходимостью удовлетвориться положением «маленького труженика». В этой связи изобразить Филипьева с «энциклопедией», а также выяснить причину, почему маленький человек в Германии живет в раю (Зеленая Германия – рай маленького человека), а в России он терпит адские муки.

Ходил в лесу с Ромкой. Налило воды везде больше, чем от вешнего снега. Везде цветут желтые цветы бубенчики (коровий напар). В ароматном весеннем, золотистом цветке бубенчика таится часто жалящее насекомое, в украшенной множеством мелких цветов болотной кочке спит змея: сел – и она укусила.

К роману: Ефим.

1) Во второе свидание Алпатов, утратив Ину, возвращается к революции Ефима, потому что оказывается, что у Ефима родник.

2) к Парижскому звену: «Джиоконда расхохоталась». Ина встречает 1-й раз человека, который не обращает внимание на Джиоконду (внешнее), и потому она стала истерически хохотать.

Закон Берендея: от тюрьмы и сумы не отказывайся, но старайся все-таки жить так, чтобы суму не носить и не бывать в тюрьме.

Толкование закона: убегая от трагедии, человек непременно в нее попадет, значит, не надо навязывать себе мысль о смерти, а по возможности меньше о ней думать. Для огромного большинства усердных прихожан церковь существует для чина в их быту, и так они обмирщают трагедию, но если бы все приняли целиком Христа, то, конечно бы, весь мир кончился. Вот откуда Розанов.

Я до такой степени приблизился посредством охоты к жизни природы, что меня удивляет, зачем это писатели, не будучи даже поверхностно знакомы с жизнью природы, считают своей обязанностью описывать погоду, леса, реки, моря. Потому наверно и старцы, близкие к сокровенным сторонам жизни чело-

века, с недоумением относятся даже к гениальным произведениям искусства; все эти Гамлеты, Отелло и т. д. тысячами в живом ежедневном виде бывают у них, они это просто видят и должны им помочь, им кажется бессмысленным тратить время только на изображение виденного (суета сует!), кормить бульвар своей кровью и плотью, поселяя у людей представление, будто едят они в кондитерской пирожные.

Кто-то сказал о нашем советском государстве, что оно очень хорошо приходится народу, в нем все хорошо за исключением одного пунктика. «Какой же это пунктик?» – спросили слушатели. Чудак ответил: «Коммунизм, выньте коммунизм, и будет все хорошо».

Закон Берендея о молчании: разговор серебро, но бывает разговор и золото. Молчание золото... (выработать).

30 Мая. Ночью начался дождь, утром лил, как из ведра, и моросил до обеда. Вечер установился солнечный майско-роскошный, распускаются липы, зацветает черемуха, и всюду соловьи поют, даже у нас на Вифанке.

1 Июня. Яркое июньское утро. Я работаю спокойно: теперь не боюсь больше что-нибудь пропустить, там сотворилось – теперь я творю. К вечеру небо стало ровно серым, но дождь не пошел. Очень тепло, и воздух, напоенный ароматом берез, тополей, черемухи. Урок на болоте Ромке: приучаю ложиться с ходу.

Письмо от Разумника о договоре на детскую литературу.

Леве деньги «за ученье». В наше время говорили непременно не за ученье, а за «право ученья». По-существу, платить за право ученья, конечно, более обидно, чем просто за ученье, но «правоученье» сливалось в одно истолкуемое слово, и циничный смысл платы за ученье закрывался. Иные говорят, раньше было лучше, приличнее, иные, что теперь правдивее.

Есть ли на свете другой народ, кроме нас, русских, кто так удивляется, радуется и просто любит, да, и любит! жизнь другого, чужого ему народа, и при этом совершенно молчит о своем или даже бранит. Я, друг мой, теперь только вполне понимаю, отчего это так: русский, восхищаясь другой страной, так выражает смертельную любовь к своей родине. Он восхищается устройством другой страны, представляя себе возможность безграничную для культуры своей натуральной родины, а то почему же, если приходится ему от первых восторгов чужим перейти к жизни и задержаться на чужбине, он изны-

вает в одиночестве, не имея ни вещей, ни слов, чтобы иностранцу выразить неопределенную любовь к своей родине: он с внешней стороны делается иностранцем, а внутри сгорает, тоскуя по родине. И что это за пытка любить существо с закрытым лицом, не иметь возможности любимую не только показать, а и самому увидеть в настоящем, и все свое переносить в далекое будущее, стараясь открыть лицо возлюбленной. А вы думаете, друг мой, эта вся судьба былинного народа не переходит в особенный склад повседневных отношений какой-нибудь скромной личности в <*1 нрзб.*>, в мысль, в любовь его к женщине и в его <*1 нрзб.*>.

2 Июня. Цветет черемуха. Росисто-крепкое ясное прохладное утро. Вывелись вальдшнепы. Показались первые выводки тетеревей. Скворцы молодые летают. Исключительной красоты, роскошного спокойствия день.

Катынский рассказывал, что спугнутый вальдшнеп-самка тащит в лапах и своего маленького, взлетит и с ним опускается. А еще сорока заглянула в дырочку скворечника и хотела выхватить оттуда скворчонка, но не могла: отверстие мало. Так постоянно бывает.

По-видимому, селиться надо в Бору. Близость лесничего может вернуть меня к лесной теме.

Тоскую о себе самом, что не могу ничего ровно любить. Я хотел бы, как садовник, ухаживать за посаженным деревом и цветами, любить их жизнь в своем уходе за ней, а не влюбляться в одно, выпивать сладость и переходить на другое. И каждый раз, когда я влюбляюсь, мне кажется, что вот открывается в безмерную даль новая любовная жизнь, а вскоре с горечью видишь брошенный на произвол, забытый предмет любви...

Перечитал «Зеленую дверь» и нахожу, что образ Ефима надо непременно ввести с самого начала.

Евдокимов сообщил, что пропал Пимен Карпов. Его арестовали. И потом все учреждения вплоть до Моск. Чека ответили: «не числится». Предполагают расстрел. Есть что-то общее в облике Пимена Карпова, Орешина и Клычкова, к ним же подходит Есенин и отличается от них только большей силой таланта. Другая группа писателей новых – Евдокимов, Яковлев – это карьеристы.

3 Июня. И еще один роскошный день «состоял». Приступил к окраске крыши и стен своего дома. Плотники строгают, конопатчики стучат, маляры гремят крышей, и стекольщик явился, как прилетают вороны, увидев работу сорок. А тут еще

пришла корректура «Колобка». Сколько людей работает вокруг моей затеи, а у самого только две перемены белья. И сколько на свете таких же, как я «предпринимателей», которые называются «эксплуататорами».

Трубецкой стал настоящим литератором и едет в Туркестан от «Следопыта». Я сказал об этом Тане, и она обрадовалась. «Вы знаете, – сказала она, – какой это секрет делать добро». «Знаю, – ответил я, – и открываю его вам: чтобы вышло добро, нужно, решаясь на него, быть готовым получить за него себе зло».

<*Записи на полях*> Переписка Николая и Алекс. Романовых, т. У. (1914-17) ГИЗ.

«Творчество есть всякая вообще причина для всего того, что из небытия переходит в бытие» (Платон).

«Задача поэта говорить не о действительно случившемся, но о возможности» (Аристотель).

5 Июня. Мы – именинники.

Денек разгулялся. Маляр прибежал крышу красить и говорит: «Это дело-то не внутре, если бы внутре было, то как захочется, а погоду воровать надо».

На именинах были:

о. Леонид. Т. Розанова, Тальниковы, Трубецкие и Яловецкие.

Яловецкий рассказывал, что их прокурор, когда слышит какое-нибудь известное всем изречение вроде «к добру и злу постыдно равнодушен», приписывает это Ленину.

«Когда художник на ступени самосознающего духа изображает общее содержание в особой форме, он делает нечто аналогичное природе; где вполне удается выразить дух в явлении, там возможно прекрасное... Если общее и частное, явление и дух образует нераздельное единство, то возникает символ» (Ионас. Кон).

6 Июня. День рождения Пушкина (1799 г.). В нынешнем году пушкинисты сделали «открытие», что дом, о котором до сих пор думали как о месте рождения Пушкина и куда паломничали почти полвека (Басманная, 10), не тот!

7 Июня. Вечером гроза.

Плотники – белодеревцы. «Мастер загулял».

Происхождение романтизма: творческая сила природы, перемещенная в личность; как примитивный человек создает себе материального бога (идола), так непременно примитивный человек-творец на первых порах бессознательно (а иногда и сознательно) обожает себя самого.

8 Июня. В полном цвете яблони и рябина. Плотники окончили работу. Вечером была Т. В. Розанова.

11 Июня. Зацветает желтая акация. Свистит иволга.

Т. В. говорила, что ей непременно надо идти ко всенощной, иначе завтра будет у нее тоска и день в мучении пройдет. У меня бывает приблизительно так же, если я разрываю связь свою с наблюдениями в природе и не записываю в этом дневнике ничего.

(Детство Розанова: около Костромы, сын лесника (лесн. кондуктора?), лесник рано умер, такая нужда, что печеный лук ели вместо сахара. Розанов в Берлине вышел на балкон в одних подштанниках (скандал).

В четверг к нам приехал Андрюша, комсомолец.

Истоки обнажения Розанова: 1) религиозный, 2) простая любовь к общению (быту).

12 Июня. Троица. Солнечное росистое утро. Встал я, когда не прогнали еще лошадей из ночного, а коров не выгоняли в поле. Дымилась трава на заре, и оказались на лугу первые дымчатые шарики одуванчиков.

Пионы, подаренные мне Яловецкими, надышали в моей комнате, я подумал было, что это Кента где-нибудь тут ночевала, но Кента, оказалось, лежала в другой комнате в углу, и от нее не очень пахло: значит, эти цветы были, такие красные, такие огромные, такие страстно животные, что пахли собаками.

Было только половина четвертого, я отворил комнату, чтобы не прослушать стук Тани: она обещалась перед заутреней перепечатанную рукопись. Я подумал о ней в связи с цветами, такие страшные мефистофельские цветы! догадается она, что они такие, откажется или возьмет с собой в церковь?

Я смотрел на пионы и ждал: они так сильно открылись, что их огромные красные подолы закинулись даже назад и сюда наружу выперли толстые пестики, окруженные, как солнцем, бесчисленным множеством желтых тычинок, и пахли неприятно собаками, но у этих собак хорошо, а у цветов было так, как будто нельзя.

Таня крикнула со двора:

– Михаил Михайлович!

– Идите сюда, – сказал я ей.

– Нет, я спешу к заутрене, возьмите рукопись.

– Но вы же без цветов идете, возьмите у меня цветы.

– Да, вот разве цветы.

Я с некоторым волнением ждал ее, потому что думал, что она испугается красного, не решится идти с ними в церковь и потом еще к своему старцу за советом, да, к старцу с цветами, которые пахнут собакой!

В последний раз она мне сказала: «Я догадываюсь, что вы очень хороший человек». «Догадается непременно, – думал я, – и лишит меня снова доверия».

Она вошла и ахнула: «Какие цветы, откуда вы их взяли».

Понюхала.

– Кажется, они совсем не пахнут.

– Да, кажется, нет, – сказал я.

И она взяла, такая маленькая, такая некрасивая, но живая, как ртуть, огромный < букет> и побежала с ним молиться и советоваться со старцем о спасении своей души. А вслед за ней пошли монашки в черном, с желтыми лицами и с ландышами: ландыши так свежи, они так несчастны жалки и желты... Вот удивит-то старца Таня своими огромными красными цветами, не остерег бы только ее хитрый старец, что такие цветы пахнут собаками, не спросил бы, от кого она их получила: уверен, что он уже слышал о мне от нее и остерегал...

После Ефима на улице Алпатову стало совсем не так, как было раньше, он был смущен, и ему казалось, с этой Мадонной он вступает в какой то роковой круг, заключающий самое страшное. Вы поймете это, мой друг, если от невинной как будто и естественной красоты Сикстинской Мадонны перейдете к другой знаменитой картине, Леонардовой Джиоконде. Напомню я вам немного о ней.

...и таинственной улыбкой.

И вот Алпатову после разговора с Ефимом стало так же представляться о людях, окружающих Мадонну, вероятно, от ревности к ней, как нам, понимающим странную красоту Джиоконды, кажутся эти провинциальные дамы. Но только Алпатов представил себе это совсем несчастливо и предчувствовал себя вступающим в какой-то роковой круг сил очень серьезных, с чем он, не зная, играл как ребенок с огнем. Первый раз во все его пребывание в Германии его схватила тоска, почти такая же мучительная, как бывало в тюрьме, и стала так мучить, что он скоро потерял силу разобраться в себе и как бы отдался во власть своих ног, влекущих его довольно быстро по бульвару.

Письмо в Зиф.

Уважаемые товарищи,

благодарю вас за приглашение в постоянные сотрудники Вашего журнала, я бы охотно принял Ваше предложение, если бы не связан был серьезным обязательством в других крупных журналах. В конце осени я освобожусь от этих обязательств, к тому времени у Вас определится состав сотрудников, художественные задачи, и тогда мы сговоримся о серьезной работе, а сейчас пока я прошу Вас не публиковать мое имя в числе сотрудников.

Разрешите мне сделать маленькое замечание относительно формы, в которой Вы обращаетесь к писателям, и дать добрый совет: Вы пишете, что при неполучении ответа в течение двух недель будете считать молчание как знак согласия. Это, по-моему, не совсем удобно: писатель может, особенно в летнее время, быть в отъезде и, вероятно, запротестует, если увидит имя свое, независимо от собственной воли, примкнувшим к какой-нибудь несродной ему литературной группировке.

Но я думаю, что у Вас это вышло от поспешности в делопроизводстве, Вы не будете и сами публиковать имени без письменного согласия их обладателей. Смею так же сделать и еще одно маленькое замечание proclomozua*: я страдаю, простите меня, некоторой щепетильностью в отношении к сокращению человеческих имен, и меня обижает, когда вместо моего имени Михаил пишут какой-то «Мих». Уверяю Вас, однако, что эти пустяки, даже если они повторятся, не помешают мне в конце осени, если сговоримся всерьез, вполне отдаться работе для Вашего журнала.

В день Троицы были у меня: Т. В. Розанова, Голицын с женой, Яловецкий с дочерью, Трубецкой, В. С. Кацаурова, К. С. Пришвина, Андрюша и С. П. Коноплянцева с сыном.

Яловецкий рассказывал о случае в судебной практике: обвинялся старик 60 лет за покушение на убийство жены, с которой жил множество лет, обвиняемый не хотел признать никаких смягчающих обстоятельств, ни «запальчивости», ни «состояния опьянения», просто хотел убить и пырнул ножом в бок основательно и не думал, что она останется жива. Жена, однако, дала показания неожиданные: оказалось, что во время ее выздоровления и суда они с мужем впервые узнали такую счастливую жизнь, такую любовь друг к другу, какой не мерещилось и в первые дни их совместной жизни.

15 Июня. Ежедневные дожди.

Вчера приехал Петя, несколько дней тоже и Андрюша живет. Читал им роман. Андрюша сказал, что множеству комсомольцев чувство любви, описываемое в романе, совсем непонятно, они считают это «воображением» и живут, как велит природа и ее случай. Я ответил ему, что, да, любовь, конечно, действие воображения, но и «чубаровский коллективный акт» есть дело воображения, и еще, что, может быть, и в самой природе нет полового акта без воображения: песня соловья, зяблика... «Но, – сказал я, – в половом бесчинстве комсомольцев виноваты мы, отцы их, революционные интеллигенты, мы говорили им, что когда изменятся условия жизни общества, то и

* заявление, прокламация.

отношения полов сами собой изменятся. Мы не говорили, как их нужно изменить...»

Алпатов – это воплощение вопроса пола и семьи, возникшего несвоевременно в истории рев. движения. Вопрос пола и семьи есть вопрос действительности, таящейся в «идее» (плане), это реализация плана, воплощение мечты, это Альдонса и Санчо Пансо в душе Дон-Кихота, которые требуют согласованности плана с их существом. Все сектанты, в том числе и наши интеллигенты, и наши <*2 нрзб.*>, кончают развратом.

Здоровое звено социализма (его «материализм») есть именно вопрос об Альдонсе (рабочий и крестьянин)...

17 Июня. В 3 ч. утра.

Закончено звено «Зеленая Дверь» (три листа). Новое звено «Брачный полет» захватывает вначале Лейпциг, и на «золотом сечении» изображается с величайшей напряженностью Париж (Микарем). Последнее звено «Золотая луговина»: Петербург и болото.

19 Июня. Красная смерть = расстрел.

Мы с Яловецким ездили искать место для осенней охоты на Дубне, выехали в 9 у. и вернулись в понедельник 20-го в 3 д. Наметили дер. Александровку.

Константиновская долина р. Дубны похожа на дно озера, которое давно пересохло, и люди стали пахать на том месте, где раньше плавали.

Яловецкий влюблен в эту долину, и она действительно прекрасна и, главное, тем, что на человеческий глаз не изменяется: «в десять лет раз заметишь, засохла где-нибудь старая ива и больше ничего».

Комиссар Леонов, зав. школой в Шеметове, мальчишка, ехал с обозом, в его распоряжении было 8 человек. По дороге шел пьяный портной. Мальчишке показался пьяница подозрительным, он выстрелил в него и убил. Осмотрели портного и нашли у него в кармане всего полкоробка спичек.

В Константиновке видели крестный ход в Спас-Закубежье. Крестьяне прекрасно возделывают поля и здорово пьют. Экономика их: пять мешков картошки за ситцевую рубашку.

Милый на ногу наступит: он характер узнает.

Я увидел тропинку, рассекающую рожь, видел на лугу раковые шейки, слышал на болоте свист кроншнепов, видел над деревней четырех пролетающих журавлей: все свое, любимое,

Александровка: Николай Фадеев Фролов,

Никульское: Клягин – охотник,
Бобошино: Палин, Михаил Петрович,
Шеметово: Фролов Николай Никифорович,
Ясниково: Васильев, Семенов.

Борода

С Петра Великого началось великое гонение на русскую бороду, и все ничего сделать не могут, потому что борода и, значит, растет; стриги, скобли ее, все растет. Нельзя русскому человеку жить без бороды, первое, что жене не за что ухватиться, а второе – кто плюнет в глаза, попадет в бороду, и это на счастье выходит.

Планы:

22-23 закончить звено, 24-25 – выправить, в Воскресенье утром отчистить, вечером 26-го чтение у Тальникова и ночевка, 27-го понед. сдать рукопись Полонскому и заявить о деньгах.

28-29-30 сборы, 1-го Июля отъезд в Александровку. Июль, Август, Сентябрь – в Александровке.

22 Июня. Друг мой, пишу вам на этот раз о...

Закончена переписка «Зеленой двери».

Константиновская долина должна дать мне окончательный материал для «Золотой луговины».

Мужчина начинает понимать женщину, когда его животный инстинкт ослабевает, тогда оказывается, что кутерьма его любви главным образом и была препятствием к тому, чего он от нее добивался.

23 Июня. Весь день дождь. Каждый день дождь, и не совсем тепло даже. Плохая жизнь в это лето слепням, комарам и дачникам.

Лева приехал. Низ закипел. Смотрел на трех молодых Пришвиных и вспоминал братьев: эти ребята, пожалуй, получше, все серьезные, деловые.

Когда животный инстинкт ослабевает у мужчины, и он находит себе отвлекающее его от любовной кутерьмы занятие, тогда он обыкновенно начинает понимать женщину и, наконец, находит себе жену.

24 Июня. Весь день без просвета, как в ноябре, дождь. Окончено, завершено «Зеленое Звено».

Творчсство – это страсть, умирающая в форме.

Даже простая расстановка вещей, наведенный порядок дает некоторое спокойствие, а создаваемая форма – это счастье: (Порядок и форма). Значит, можно сказать, что творчество – это удовлетворение страсти формой.

Читал интервью Горького с Коганом, вот противно-то! Коган развивает два мотива: Горький доволен Сов. Россией, Горький есть Лев Толстой. Если Горькому приведется пожить – его совсем одурачат.

Поездка в болото

Ружье Гюйо. Шомпол – купить. Бинокль. Дробь №№ – 10, 6 и 3-й, картечь. Пенсне и лупу – купить. Керосинка Гретца. Компас. Кровать складная. Книги. Заявление на почте. Марки, почт., переводы.

25 Июня. (Солнцеворот). Прошло перед этим несколько хмурых дней, как в Ноябре: дожди без просвета. Ссгодня, наконец, разразилась страшная гроза с таким ливнем, что Кончура вышла из берегов и загремела, как горная рска. Стало парно-влажно, как в Батуме, как в оранжерее. Ночью в 1 ч. на Моск. улице (возле Григорьева) наблюдал первый свет на западе, затея облаков над Лаврой была интересна, чудссный мотив для картины «весенний солнцеворот».

Читал у Григорьева звено «Зеленая Дверь». Был препод. пед.-техник. Казанский Сергей Петрович, словесник. Он привык судить о писателях мертвых, классиках, о которых мнение установилось. Вероятно, 1-й раз в жизни он слышал живого писателя, и его вызвали на общественный суд. «Человек в футляре» был очень жалок и без того, а злой Григорьев совсем его забил. Григорьев сделал замечание о «Зеленой Двери», – допустим ли в романе тот «хор», который предшествует у меня рассказу в каждой главе.

26 Июня. В лесу бушует слепень. Кента, вся облепленная слепнями, то катаясь от них по траве, то хлопая их ртом, то подпрыгивая, все-таки довела меня до выводка в лесу около Черниговского скита. Тетеревята немного больше воробья, матка безумствовала. Молодой собаке это даже и показывать вредно.

Пришла в голову мысль, что Алпатов может и, догнав Ину, быть поставлен в такое положение, будто он продолжает ее догонять, т. е. будет раскрыт не внешне, а внутренно весь механизм рокового посула: «не видать тебе ее как ушей своих».

Ходил на Кончуру с Яриком искать бекасов. Трава на болоте выше пояса. Собаки не видно. Вдруг послышался писк, похожий на бекасихин, а взлета не было. Я стал смотреть туда, а она пискнула сзади. Повернулся назад – писк совсем в другой стороне. И я понял, что в густой траве, через которую так трудно было продираться, внизу, где ноги вязли по колено, бегала, как по гладкому полу и с быстротой летающей птицы, водяная курочка.

Сюжет для рассказа. У некоторых собак нет догадки, что веревочку, на которой она сидит, можно перекусить. Охотник натаскивает собаку с веревочкой. Выскочил заяц. Собака бросилась и не вернулась. Через год нашли скелет, дочиста объеденный лисицами, и только не был объеден кончик носа, рядом с носом лежал ошейник, и от него тянулась к дереву веревочка, конец ее был захлестнут в развилине. Умная собака была, а не догадалась перегрызть веревочку и от этого умерла голодной смертью. Но, люди, не очень гордитесь своим умом перед собачьим: вы все умираете, потому что не догадывались перегрызть свою. Но, люди, не очень гордитесь своим умом перед собачьим, вы все сидите на веревочках и не догадываетесь перегрызть.

27 Июня. Второй день без дождя. Ясно, воздух свежий.

От Горького восторженное письмо о Нерли, от Горького вышло сладкое, а от сладкого, от сына Левы, вышло горькое. Утром я спросил его: «Лева, как думаешь, заслужил я себе хороший патронташ, разориться на 14 руб.?» «Ну как же, папочка!» – воскликнул он. И поехал в Москву покупать. Привез плохой. Я посмотрел на билетик, написано 9 р. 50 к. «Сколько стоит?» – спрашиваю. – «Четырнадцать рублей». Сомневаюсь и, раздражительный, донимаю его за ужином жалкими словами, что работаю, как вол, и все на них идет и т. д. точь-в-точь, как моя мать, бывало, на нас. Потом смотрю, на диване какой-то пакетик, развертываю: зеленая рубашка и чулки. «Понимаю, – говорю, – ты сэкономил на патронташе и купил себе вещи. Все ничего, но зачем ты солгал?» Он рыдать и: «Прости, больше не буду, тебе тяжело? прости, ты меня так любишь». «Любил, – говорю, – да, любил...»

Всю ночь не спал. Всякой беды ожидал от Левы, приготовился на самое худшее, но при такой гордости его отцом, при самолюбии никак не ожидал мелкого обмана. Буду сегодня объясняться, постараюсь вскрыть все основы лжи, потом, обдумав все, вероятно, переменю денежные отношения. Положу, например, ребятам по 50 р. в месяц и матери 100, пусть знают границы.

Полонский назначит в среду совещание. Если скажет о «Зеленой Двери» плохо, возьму и брошу Н. М., если хорошо, то

потребую 400 р. за лист 3 = 1200 – 700 долга = 500 + 500 аванса = 1000 р. Итого, у меня будет 1500 руб., которые буду проживать по 300 в месяц, значит, по 1-е Декабря, и за это от сочинений накопится 2.500 руб. Уплачу за дом 1000 руб., останется 1500 – напишу за 5 мес. $2^1/_2$ листа = 1000 – 500 аванс = 500 и всего к 1-му Декабря <*1 нрзб.*> 2000 руб.

Итого: 1 Дек. 27 г. имею 2000 руб. + «Ток», и выйдет совсем не так.

6 Томов по 12 лис. = 70 листов = 70% = 7 тыс. 800 руб. = $15^1/_2$ месяцев, т. е. с 1 февр. 27 г. – по $^1/_2$ Июня 28 г.

С Июня останется. 3.400 руб., значит, до 500 руб. до 1 Января 1929 г.

29 Июня. Весь день слонялся расплющенный физически даже, и все только через Леву. Он же объяснился со мной коротко, получил прощение и щеголял в этой «майке», стоившей мне так дорого. Он получил от матери в наследство незлобливость, забывчивость, а также и другие черты, не столь симпатичные и свойственные быту крестьян (есть некоторые черты у крестьян, очень близкие к животным, напр., когда собака даже чужую кость немного подержит в зубах – она считает эту кость своей собственностью).

Изгнать романтизм из половых отношений («любовь») значит вернуться к кастовому строю общества, потому что т. наз. «естественное» отношение полов – вполне соответствует кастовому (всякий вид животных и растений имеет предустановленную форму брачных отношений). «Естественное» состояние у нас есть лозунг революции, это значит беспорядочное, неизбежно переходящее потом в кастовое состояние, если не поможет романтизм, т. е. попытка личности прибавить к опыту других нечто свое, небывалое в мире.

Пусть Алпатов догонит Ину, это будет поводом начать догонять ее внутреннее существо, которое переменчиво, загадочно. Как только он догонит, Ина разделится на две: обыкновенную «кастовую» («выйти замуж») и ту, которая создана им самим. Он ее крадет, «увозит» – это значит из касты увозит.

«Ты – моя!» – это значит: ты подчинилась созданному мной образу. Вот этого она и боится, этого бежит, и потому Алпатов при встрече должен начать сызнова свой пробег.

Не знаю, как это выйдет, но можно подумать, что Алпатов создает себе жену сам, для чего он должен нечто претерпеть, и вот интересное и собственно мое должно быть в изображении психологического процесса творчества «Пандоры»: это ощущение материи в смирении.

10 мин. восьмого утра: солнечное затмение, все мои смотрят в саду, в $^1/_2$ 8-го будет закрыто 0,73 всего диска.

Что значит смириться? По-моему, это значит 1) перенести сознание из только разума в чувство. Вероятней всего наибольшая сила этого «смирения» должна быть в момент полового акта.

Ущемленность света стала заметна в комнате, берендеи едут по улице, и все смотрят на солнце.

8 ч. понемногу начинает светлеть, рожки солнца обернулись в другую сторону.

Удивление простого человека, «естественное удивление» обыкновенно и глупо, а если нет его, то плохо: значит, испорченный человек. Но удивление <*1нрзб.*> сложного человека само по себе чудо и является каким-то необходимым этапом в творчестве.

Удивление и доверчивость. Удивление рождается из доверчивости, и когда наступает полная доверчивость, то удивление переходит в восторг (пол. акт).

Материалы к роману.

Полетаев – а впрочем, он же и Вертель, и Арбузов и т. д., он же вдруг оказывается родственником Черниговского короля. Он знает всю эмиграцию. Занимает деньги и отдает и движется дальше. Алпатову... он... (просмотреть).

Сборы

В воскресенье 3-го Июля – отъезд.

Б. сундук.

Ват. куртка. Фуфайка, пиджак. Трое брюк. Сандалии.

1 Июля. Отправлен в «Красную Ниву» рассказ «Служба Пана». Закуплен провиант в Александровку. Ставлю вопрос: совсем выкинуть из головы «Кащееву цепь» до конца охоты или же понемногу заниматься и романом, и Ромкой? Думаю, не оставлять романа и в особую тетрадку накоплять материалы. Основная же работа «Натаска Рома».

«Меня беспокоит, что Ром, когда его приглашаешь на привязь, рычит и потом, положив свою огромную голову между передними лапами, смотрит страшными глазами с красными белками, вроде чумного. Вчера я решился, было, его побить, он зарычал сильней и принял положение нападающего тигра. Я схватил стоявшую под рукой лопату и отвозил его. Он забился в угол и оттуда рычал. Я очень сожалею о происшедшем, но не раскаиваюсь: а если бы он бросился на меня и укусил? пришлось бы делать прививки, и собака осталась бы без натаски. Его мать тоже не позволяет себя бить, и это она меня научила обходиться с собой без плети. Попробую то же делать и с Ромкой, не бить и держаться в этом до последней возможности.

2 Июля. Прекрасное утро, и после обеда роскошный ливень. Очень боюсь, что приеду на место, и делать будет нечего: бекасы в крепях, а туда теперь после таких дождей не добраться.

Не забыть о Ромке: моя зимняя забава с ним под окном: на дровах и внизу...

Рычание Ромки происходит от особенностей характера матери: если ей дать кусок хлеба, который она не может проглотить сразу и потому ляжет с ним на место, то непременно рычит. И это так занятно, ведь только что моя же рука ей дала этот кусок, и перед этим она умоляюще столько времени сидела, и вот она уже собственница. Я не боюсь этого ворчания, очень люблю схватиться пальцами за кусок, будто отнимаю, и так немного дразнить ее. Другая особенность Кэтт, что она не дает себя бить, не только бить, но даже если сказать ей грубое слово, она начинает кричать и делать такой вид, будто вот-вот бросится и разорвет. Это унаследовал Ромка – богатырь, но мы не знали. Когда однажды я подошел к нему, чтобы повязать ошейником, он зарычал на меня, как дикий зверь, барс, готовый растерзать меня. Я не заметил тогда, что возле него была кость, которую он охранял. Я схватил лопату, больше ничего не было возле, и дал ему здорово, чтобы он другой раз не смел так. Потом подошел к нему и привязал, хотя он все время ворчал. И потом глаза у него были кровавые, страшные, как у чумных собак. После водворения его на место я рассмотрел кость, из-за которой он ворчал, вспомнил мать и понял, что напрасно я бил его, и едва ли можно отучить его от наследственной привычки. Я решил брать его лаской и на другой день, лаская, уговаривая, подошел к нему с ошейником, как только он увидал ошейник, он опять зарычал. Я долго его уговаривал, кое-как привязал с риском, что искусает. Он лежал, голова между лапами, и смотрел на меня опять страшными глазами. Теперь уже кости не было, и рефлекс злобы был прямой от ошейника. Опасаюсь, как бы не сделать еще такой ошибки, что он прогонит меня с болота.

С удивлением прочитал вчера на кирпичном Лаврском здании под надписью цифры: 1392–1892. Я понял, что эти 500 лет означают юбилей Лавры, но не знал, почему же именно цифры выбиты на новом кирпичном здании. Встретился учитель Казанский и объяснил мне происхождение цифр на кирпиче. Один монах таил у себя выигрышный билет и прятал его между крышками часов. После его смерти билет был найден и по справкам оказался выигрышным на десять тысяч. На эти деньги и выстроили странноприимный дом к юбилею Лавры. Да, Россия не Англия, тут старое плохо обрастает легендами, и всюду сквозит через годы «естественная жизнь».

Вот и раздумываешь о «естественной жизни»: сколько тысячелетий насилий, усложнений было в природе, пока быт ее ра-

стений, зверей и птиц стал сам казаться «естественным» и «простым», как бесконечно сложно то, что кажется нам таким «простым», и какое безумие было у Руссо и Толстого звать нас от науки к природе. (Понаблюдать для этого жизнь птиц, их разделение на касты.)

3 Июля. Палящий зноем день. Базар огромный. Все мужики пьяные, и о подводе сговориться было невозможно. Отложил поездку до понедельника.

Лева просыпался на славяноведении. Он начинает опять меня тревожить. Необходимо перед отъездом отобрать у него план его занятий летом.

К роману: Студент пел «на бой кровавый святый и правый», а курсистка его поправляла: «святой». Студенту очень хотелось, чтобы в революционной песне было так же торжественно, как в религиозной: святый Боже, святый Крепкий, святый Бессмертный.

Часто говорят: «она просто одевается, он просто пишет» и т. д. В искусстве и в быту «простое» означает самое трудное, самое редкое, и чтобы отделить это понятие в этом смысле, первоначальное понятие «простого» называют «примитивным». «Простое» в искусстве означает обыкновенно новое достижение художника в совершенствовании той формы, над которой работали до него другие художники, которая стала привычной и теперь возрождается в новых условиях. Потому эта форма и называется «простой», что знакома всем, и потому она так особенно трудна, что требует нового совершенствования того, что, казалось, великими мастерами совершенно закончено.

Круглые камни, влекомые по дну реки тысячелетиями, представляют нам нечто «простейшее» именно потому, что работа воды над шлифованием камня совершалась из года в год преемственно от весны к весне без катастроф.

Усложнение формы в искусстве бывает от внедрения в творчество личности художника, претерпевающей катастрофу. Бывает, это личное отвечает душевному состоянию многих людей в обществе, и тогда эта усложненная форма является желанной и господствующей, конечно, до тех пор, пока влекомая дальше потоком творчества не разобьется на простейшие первоначальные формы, заключенные в сложном, как разные горные породы в конгломерате.

Мы все так часто оглядываемся на творчество природы, как на пример для своего, потому что там личная судьба человека является не больше как «трагедией частного». Оглядываясь на творчество природы, мы успокаиваемся тем, что видим свое в ней как частность и, значит, круг нашего человеческого размыкается, трагедия частного, разрешаясь в очертаниях всего мира,

обещает гармонию: спасение мира. Этот выход из трагедии частного освобождает такое же огромное чувство жизнерадости, как таяние льда – скрытой теплоты весенней порой. Раз испытавшему это чувство хватит на всю жизнь... оптимизм становится возможным при условии личной трагедии.

Вот источник моего оптимизма, и очень возможно это «простейшее» (как я называю) было в основе «естественных» законов Руссо и потом Льва Толстого.

Возьмем пример из английского быта, в котором мало того, чтобы выйти вечером непременно в цилиндре, нужно, чтобы цилиндр был известной марки. Мы этим возмущаемся вместе с Толстым и Руссо и требуем для себя свободы выбора шляпы. Таким образом, мы, носящие круглую шляпу, являемся революционерами, а носящие цилиндр – консерваторами. Кто из нас прав?

Консерватор может сослаться на закон природы, в свою очередь он скажет, что природа живет, сохраняя формы...

План Левы на лето:

С 15-го Июля по 30 Июля: подготовка к зачету по истории России 19–20 вв.; с 1-го по 15 Августа пустое место; с 15 Авг. по 1-е сентября – языковедение. 1-го Сент. сдает зачет по языковедению, после этого неделя по истории и сдача экзамена. За это лето повторить немецкий и прочесть книжку Шпенглера.

Камушек на стрельбище. Начало рассказа:

– Однажды меня выбрали почетным судьей по стрельбе в тарелочки...

7 Июля. Эти дни сижу, готовлю III и IV т.т. сочинений. Завтра надеюсь выбраться. Погода: день простоит без дождя, и за счастье считаешь.

Чувство природы – это религиозное чувство («блаженны чистые сердцем»).

8 Июля. Говорят, начали косить большие луга на Дубне.

Мне принесли белую водяную лилию. Я дожидался, когда солнечный луч попал ко мне в окно и поставил стакан с купавой против луча. Тогда желтое внутри у цветка вспыхнуло, как солнце, а белые лепестки стали так ярко белы, что неровности бросили синие тени, и я понял весь цветок как отображение солнца на небе. Долго смотрел на прекрасный цветок и затосковал по воде.

9 Июля. Наконец-то Ермолай Алексеевич из Деулина берется доставить меня в Александровку. Выезжаем в 5 ч. у.

В 11 д. в Константиновке. Перед Никульским рассыпались колеса. Продолжает везти меня Дмитрий Герасимов из Спас-Закубежья. В 2 ч. дня мы в Александровке.

К Филатовке (на сев.) – «Поддубье» – тетерева, на востоке лес – мошарник.

Сосед мой «на социальном обеспечении»: старый слесарь, привык жить скупо. Жена и дочь пошли в подвал со спичкой, загорелся бензин, сгорели. Тогда слесарю дали «соц. обеспечение», он по-прежнему живет скупо, но теперь еще ничего не делает, скука. В Москве – скука, в деревне – скука.

Всюду отбивают косы (вечером).

10 Июля. С утра моросит дождь. Потом сверчки. Болотное сено думают бросить, недоступны болота. Забота, как бы спасти клевера.

Ромка положил голову между лапами, и глаз не сводит с меня. Ему это ново и необыкновенно приятно быть с хозяином. Я вчера плетью заставлял его лежать в телеге, а когда шли, одергивал, чтобы приучить ходить к ноге. Он до того растерялся от счастья быть со мной, что второпях поднял ногу на мою ногу, как на дерево, и цыкнул.

<*Запись на полях*> (деревья – пожар... вулкан)

– Вы живете как на вулкане: вмиг всего можете лишиться. Моя речь о вулкане вызвала у хозяина речь образованного человека, он сказал:

– Это потому, что мы со средним образованием.

А я удивился: «как со средним!»

– А как же, если бы мы были образованные, то уж, конечно бы, не боялись друг друга, но, конечно, мы все бывали, жили в Москве, и потому я считаю себя со средним образованием.

Началась натаска Ромки: всего будет 20 дней.

Ровно в 5 у. вышел молодой человек в желтой куртке и стал позванивать в железную доску с большими ровными промежутками. Он звонил до 6 и, вероятно, дольше: оказалось, это он созывал сходку. В 6 у. дождь перестал, и я вышел с Ромкой через прогон мимо прудика. Пустил... Он отлично бегает на кругах и до того слушается и голоса, и свистка, что металлический свисток я решил пускать в ход лишь в роковой момент, когда он погонит.

Мы перешли небольшое ржаное польцо, обрамленное болотным кустарником, утопающим в цветущих травах. Рожь буреет. Луговые цветы в этот год благодаря постоянным дождям необыкновенно ярки и пышны. Мне их не хочется называть – до того обыкновенны эти названия и так мало говорит каждое в отдельности. Надо каждый из этих цветов описывать как яв-

ление, значит, давать всю обстановку и в ней разыскать такой момент, когда цветок этот является как бы героем.

Вот, например, мы шли потом довольно долго кустарниками, была ольха, ива, чахлый болотный березняк, потом начался мелкий осиновый кустарник и, как только осиновая чаща сменила березовую, вдруг там и тут закраснела чертова теща. А когда кончился осинник с чертовой тещей и мы вышли опять на край ржаного поля, то голубые васильки, проглядывающие в аквамарине стеблей, обласкали меня больше, чем звезды ночною порой. Я бы очень хотел в это лето каждому цветку найти его место, где он является единственным в своем роде.

Избрав себе наугад тропу в ольховом кустарнике, обливающем меня водой с головы до ног, я выбрался, наконец, в долину речки Вытарасовки. Дома хозяин мне сказал о ней:

– Видите, она в Ясникове, и к нам завернула, вроде как бы вытаращилась, за то и называется Вытарасовка.

Собственно говоря, речки нет, даже и признаков, долина представляет широкое болото, берег которого на одной стороне представляет кочкарник, поросший кустарником ольхи, ивы и частой березы – очень крепкие места, прекрасные для вывода дичи. На другом берегу, верста или даже больше, пашни и села. Налево эта долина переходит, наверно, в Дубенские болота, направо она закончилась лесом, и там, на горе, белела в диком месте новая крыша человеческого жилища.

– Новый Свет, – сказал мне после об этой крыше михалевский пастух.

Я подумал, что пастух говорит иронически, и сказал:

– Новый Свет, значит, Америка?

– Какая там Америка, – засмеялся пастух, – просто говоря, живет Дмитрий Иванович.

И рассказал, что Дм. Ив. пробовал устроить не то коммуну, не то кооператив, не то частную торговлю и назвал это «Новый Свет». Несомненно, среди древних финских и славянских названий «Новый Свет» начнет свое бытие, и дай Бог ему, новому, чтобы со временем он стал так же стар, как и они.

В воздухе свистели кроншнепы, я стал смотреть туда и услыхал другой желанный крик: «Качу-ка-чу!» кричал бекас. Я увидел его. Он сложил крылья и спустился над серединой болота. Было довольно далеко, и я не мог точно определить место. Долго водил там Ромку против ветра на веревочке, наконец устал и пустил его бегать свободно, с тревогой ожидая его роковую встречу с бекасом и уповая на свой металлический свисток. Но встреча не произошла: Ромка, очевидно, еще совсем не умеет пользоваться чутьем.

Я жалел, что случайный бекас отвлек меня от крепких мест, где, несомненно, надо было теперь искать выводка. Там, около этих мест, топталось стадо. Я вспомнил рассказ одного охотника с Дубны, что будто бы там охотники иногда нарочно дают пастуху на чай рубль-два, чтобы он прогнал стадо; и когда от

прогона скота начнется грязь на болоте, бекасы высыпают на грязь из крепких мест. Я подошел к пастуху, спросил. Он сказал, что только сейчас видел бекаса и указал мне место, куда он сел. Я вошел в кочкарник с высокой травой и редкими кустами ольхи и берез. Вскоре вылетел бекас с криком «ка-чу, качу» и сел неподалеку – очевидно, гнездовой. Я навел туда Ромку, он пырялся носом и не чуял следа: бекас быстро бегал внизу между кочками в высокой траве и вылетел совсем не там, где мы искали. Переместился опять недалеко, мы пошли туда, и вдруг там метнулся над травой и опять опустился... о, великая радость! – молодой бекас. Ромка его видел и пошел, было, позрячему, но, очевидно, не чуял ни верхом, ни низом: молодой бекас вылетел невидимой для него тропкой и сел, я точно заметил, возле чахлой березки, в кочках, в траве.

Я веду, очень волнуясь, на веревочке Ромку. Мне кажется, вот он взял воздух, вот ведет, вот он остановился... У меня сердце забилось. Но Ромка остановился... и стал есть осоку. Я взволновал его словами «ищи, ищи!», он стал шарить и вдруг, взметнувшись высоко из травы, схватил в воздухе пролетавшего мимо слепня. А мы стояли на том самом месте, где опустился молодой бекас.

Я, когда волнуюсь, всегда хватаюсь за трубку, набиваю, а сам: ищи, ищи! Ромка тоже взволновался, останавливается, всматривается в мое дело и... раз! выбивает носом трубку из рук. Еще совершенный дурень!

Молодого бекаса мы так и не нашли. Но раз, помню, и со старой опытной собакой в таком кочкарнике я не мог найти переместившегося молодого бекаса.

Между тем бекасиной матке стало тревожно, она сама поднялась и с криком полетела у меня над головой. Я пошел в направлении ее полета, свободно пустив Ромку, в надежде, что металлический свисток его остановит. И вдруг у него из-под носа вылетает бекас. Если бы Ромка не растерялся, он мог бы схватить его. Я успел в момент его замешательства схватить кончик веревки. Рассчитывая на молодого, я сказал: «Ищи!» Ромка сунулся носом в кочку, мгновение там задержался, и в другое мгновение я его оттащил.

Разобрав траву, я нашел гнездо с тремя яйцами, два были раздавлены носом собаки. Я наказал Ромку, уложив его возле кочки, взял за веревочку, повел к сильно переместившейся матке, искал – не нашел, и когда соскучился, пустил Ромку свободно, и как только пустил, – он стрелой пустился к гнезду; я кричал, я свистел в металлический свисток, – он летел. Я сам бежал и настиг его, когда совсем уже было подшаркал гнездо. При моем приближении он лег на спину и задрал ноги вверх.

Опасно наказывать такого молокососа – можно сразу испортить. Я только серьезно переговорил с ним и повел. И когда я отвел его далеко, уже с полверсты и пустил понюхать место, с

которого, раскидывая коленца, вырвался старый холостой бекас, Ромка опять стрелой пустился к гнезду. Но в этот раз я его удержал.

Между тем солнце так разогрело болото, такой силой осадили меня слепни, что я решил уходить скорее – да, только бы поскорее выбраться. Стал переходить чистое грозное болото с мелкой травой, не глядя на собаку от крайней усталости. Кроншнепы низко носились, раздражая криками собаку. И вот тут, нечаянно посмотрев в сторону Ромки, вижу – из-под самых его усов поднимается вялый бекасенок и летит куда-то. Я таким громким голосом крикнул, что Ромка опять перевернулся вверх брюхом. А потом, когда я обласкал его за послушание, стрелой пустился в сторону полета. Мне удалось сдержать. А потом Ромка очень усердно искал на том месте, откуда взлетел бекасенок. Мне кажется, он теперь понял запах бекаса – и в этом достижение 1-го урока натаски.

Два больших сомнения овладевают мной, первое – есть ли чутье у собаки, не напрасно ли я буду с ним возиться, второе – в его огромном теле, в безумно загорающихся глазах таится сдерживаемая дикая воля – удастся ли мне повернуть этого волка себе на службу?

Я выходил из болота с отдыхом через каждые пять шагов: так было жарко, так устал в эти 5 часов. С радостью вышел на суходол и пустил Ромку на широкие круги. Вдруг из куста выскакивает кошка – не только за свисток хвататься, но даже крикнуть я не успел, как Ромка ринулся.

Я нашел их на поляне: кошка сидела, сгорбившись, готовясь к смертельному прыжку, выражение кошки было самое страшное, какое только может быть на свете: так, иной слабейший из людей, в последнем отчаянии, чуя смерть, говорит: «Не боюсь, потому что моя смерть будет и смертью твоей».

Перед этим чудовищем в ромашках Ромка стал неподвижно с налитыми кровью глазами. Я свистнул. Я крикнул. Он медленно перевел глаза на меня. Я потряс в воздухе плетью. Он медленно, обходом куста, подошел ко мне. А как исчезла кошка, я не видал.

Ромка такой видный, такой большой, что лошади его пугаются и бросаются в сторону.

Все дороги были покрыты тучами бабочек-крапивниц (красные с черным пятном), Ромка их хватал, когда они поднимались, в этот момент я наступал на веревочку от парфорса – и бабочка невредимой вылетала из огромной пасти. После 20-30 раз Ромка перестал ловить бабочек.

Стало совсем жарко, когда я вернулся домой. Хозяева лихорадочно убирают сено. Кобыла щиплет траву, а ее жеребенок стоит вплотную к ней с теневой стороны.

<*На полях*> причина обилия церквей.

Что случилось со мной? Как лягу, так начинаю кашлять, и при дыхании клокочет в груди и даже поет сверчком. Так продолжается уже с неделю. Я думал, это от табаку, но теперь курю мало и больше махорку, а боль не проходит. Живот от внезапной перемены образа жизни тоже не в порядке. От всего этого ложусь рано, в 8 вечера, а вскоре вскакиваю от сильного крика под самым моим окном: это две необычайно горластые девочки, гуляя по улице, выкрикивали частушки. Потом у амбара против моего окна грянула гармонья. Танцевали кадриль. Я метался по комнате, не зажигая огня до тех пор, пока не почувствовал себя в силах снова заснуть. И заснул было, но гармонисты кончили кадриль и пошли сами по улице, выкрикивая частушки в несколько голосов. Шествие это столь дикое, столь лавинное, что даже немного жутко лежать, кажется, раздавят. Этот выкрик частушек со всей натугой, на какую только может быть способен зверь во время течки, правда, очень напоминает рев зверей в брачный период. Я опять метался в темноте из угла в угол. Выглянул осторожно. Под окном проходил молодой человек, обхватив рукой сзади тоненькую девушку.

11 Июля. Второе обозрение.

Встал в 3 утра. Вчерашние гуляки шли с косами. Спешили: день ожидается жаркий. Я вышел в 4 у. по плану моего хозяина. Вчера, выслушав меня, он сказал: «Это вам было первое обозрение, а завтра другое».

Оказалось, эта же самая речка подходит с другой стороны к самой Александровке, расплываясь здесь в огромное болото. Ходьбы до этого болота всего 5 минут вдоль изгороди. Я решил осмотреть болото и, если успею, попасть берегом его на вчерашнее место. Болото оказалось зыбучее, голое, с бочагами, оно левой стороной упиралось в лес, покрывающий берег до самой Дубны. Оттуда слышались крики журавлей. Неподалеку слетел кроншнеп, и Ромка долго нюхал наброд, шил по нем носом, как швейной машинкой. Болото покрыто низкой травой с преобладанием хвоща и прямо без зарослей переходит в суходол. Трудно было ожидать здесь встретить в это время бекасов.

Я решил суходолом сократить путь ко вчерашнему болоту. Небольшие ивовые кусты с болота вместе с пушицей и душистой белой спиреей (медовкой) переходят и на суходол, к ним тут присоединяется поляна с клевером и погремушником. Красные клевера и желтые погремушники, сливаясь вдали, дают цвет этим бедным, безжизненным бедным холмам с жалким редким кустарником ольхи и ивы. Огромное пространство на Руси таких пустырей с переродившейся травой. Небольшие холмики под ногой происходили, вероятно, от бывших здесь когда-то

огромных деревьев. На этих кочках росло много цветов, и особенно мне бросились в глаза Анютины глазки. Никогда не было у меня никакой Анюты, но Бог знает отчего, когда я опять встречаю эти цветы, мне представляется какая-то Анюта, и я сам себе кажусь рыцарем Анютиных глазок. Правда, есть в детстве и в самой ранней юности такие тончайшие, стыдливые чувства, которые остаются в себе тайными, а потом навсегда отметаются как глупость и появляются у иных разве только в смертный час на прощанье с чем-то единственно прекрасным в жизни...

Пока я переходил безжизненные холмы и спускался к болоту, жара усилилась, и начали жилять отвратительные потыкушки. Ромка сразу наткнулся на бекаса, вылетел сонно из-под маленького ольхового куста, окруженного кочками с высокой травой, и сел неподалеку. Раз вылетел так сонно и без крика, то можно догадаться: тут гнездо с яйцами.

Из опасения подавить яйца, как вчера, я отвел собаку в направлении переместившейся самки. Между прочим, очень важно в интересах охотничьего хозяйства установить минимум жертв при натаске собаки.

По пути к переместившейся самке в ста шагах от гнезда вылетел самец и помчался на своих легких коленцах, потом вылетела самка и опять села недалеко. Я подвел туда Ромку и пустил, он тыкался носом бессмысленно до тех пор, пока она не слетела сзади невидимо для него. При этом огорчении мне вдруг стало понятно, что значит выражение «он на своем деле собаку съел». Но перед тем как понять значение поговорки я пропустил через свою голову довольно сложный поток маленьких дум.

Я думал так, что ведь для книги моей решительно все равно, выйдет из Ромки собака, которую, значит, я съем, или не выйдет: книгу можно ведь написать и по отрицательным результатам. Но после того я спросил себя, что же мне хочется иметь – собаку или книгу, и что во-первых, и что во-вторых. Когда я все взвесил, то почему-то с большим удовлетворением признал, что собака во-первых, а книга во-вторых. И когда я это решил, то мне и стало совершенно понятно выражение «он на своем деле собаку съел». Я понял, что собака должна быть мною съедена, то есть выучена артистически, поглощена мною, и тогда, во-вторых, явится книга как изложение дела, на котором я съел собаку.

Так, видно, Бог не обидел меня разной ерундой, которая приходит мне в голову, когда становится скучно. Проклятые потыкушки, или «монахи», длинные, темные прямо срывали кусочки кожи, руки были совершенно в крови, сердце от жары схватывалось в кулак. Но я не хотел возвращаться домой с одним «обозрением» и решил перемахнуть входящую в болото косу джунглей, чтобы поскорей попасть на то место, где вчера встретил бекасиную выводку.

Скоро, однако, я залез в такую пропасть, что пожалел. А Ромка время от времени поднимался на кочку высоко и сейчас же со страхом прижимался ко мне. Я думал, он это по-глупости, но вдруг увидел прямо перед собой рога, и направо, и налево торчали рога. Это коровы забрались в дебри от потыкушек и, почуяв собаку, стали на нас наседать. Угрожая плетью во все стороны, я надбавил ходу и скоро пролез в открытое болото, и только вышел в те кустики, где вчера поднял выводку, вдруг из-под носа у Ромки вылетел бекасенок. А когда я, чтобы остановить Ромку, очень громко крикнул «тубо», с того же места вылетела матка с другим бекасенком, и тут Ромка не только не бросился бежать, но сделал настоящую картинную, по всем правилам, стойку. Я подошел к нему – он стоял – гладил по голове – стоял и смотрел в траву. Я даже подумал, не застрял ли там бекасенок, но нет, Ромка делал стойку только по месту, с которого слетели бекасы.

Много мне дала та стойка; первое, что он понял требование, и второе, что подтвердилось мне мнение, сложенное по натаске его матери – это что природа легавой определена на стойку, а не на побег за дичью, что гонять за дичью собаки приучаются, когда их не сразу выводят на дело, а вываживают для упражнения в поиске по полям с маленькими птичками.

От радости я не рассмотрел, куда переместились бекасы, и трудно их было искать, когда и я, и собака были облеплены потыкушками.

На обратном пути мне показалось, что Ромка стал серьезнее, не хватал бабочек, не гонялся за слепнями. Теперь только бы у него было чутье. Будет – и собаку я съем.

Я забыл записать, что сегодня Ромка с веревкой обошел два раза дерево и был задержан. Ярик в таких случаях не догадывался, и я думал, что собаки вообще и в таких случаях не находятся. Но задержанный Ромка вернулся в обратную сторону намотке и был отпущен. Вероятно, его большая голова не пуста.

Еще я забываю, что вот уже второй раз в болоте вылетает какая-то птица иссера-черная, величиной с желну, осанка ее не болотных птиц, а скорее похожа на ястребка. Что это?

<*Запись на полях*> (Городской крестьянин: не может не думать и от этого видом лучше, а жизнью хуже. Жена Владимира. Деревни бедные: Алмазово, Нищаево, Ясниковское, Чирково, а сзади богатые Константиново и впереди Закубежье. Купца час кормит.

К годовому празднику. К Петрову дню.)

Вчера сосед рассказывал мне о происхождении множества церквей в этих болотных местах. Вот, например, в Иванках:

барин поссорился с попом и выстроил себе отдельную церковь, и велел себя похоронить в ней. А то бывали разные благодетели-строители.

Говорили о праздновании Петрова дня. Хозяин сказал. «Отыгрываемся на днях отдыха». Объяснил: «Праздники нельзя праздновать, а дни отдыха можно. Вот запишем Петров день в дни отдыха и празднуем».

Деревня переходит на отруба. Хозяин сказал: «Вот перейдем, и тогда празднуй, кто как хочет».

Провели прекраснейшую кобылу. Я ахнул от удивления, а хозяин сказал: «Не к рукам куделя! Нельзя мужику ничего хорошего иметь. Вот попал жеребенок, куда его девать? погнал в стадо, а там простой жеребец, и двух лет не было жеребенку, ожеребилась и еще двумя, конечно, мертвыми, а на другой год опять. Так и сгинет, конечно».

Вечер после знойного безоблачного дня стал прохладным (вот когда натаскивать надо, по вечерам!), мы сидели на лавочке, и на воздухе не было ни одного комара, а хозяйка доила в хлеву и жаловалась: в хлеву теплей и комар там.

Хозяин сказал: «Места наши, с одной стороны, тоскливые, а кому интерес есть – очень занимательные. Гляжу на вас: вы скуки не чувствуете? А вон смотрите, сосед получает социальное обеспечение и одна скука!»

Старик стоял, повертывался в разные стороны и медленно незаметно приближался к нам, и когда расстояние стало очень маленьким, вдруг направился к нашей лавочке.

Хозяин говорил, что его дело – торговля, он до 24 г. жил в Москве, все дети выросли в Москве, и вот ошибся: надо было купить дом в Сергиеве, а он выстроил здесь и стал на крестьянство. Купца час кормит, купцу невозможно сделаться крестьянином, потому что нельзя отогнать думу: на крестьянстве у городского человека голова работает зря. «А крестьянин, – спросил я, – думает всегда об одном, о хозяйстве?» «Нет, он совсем не думает, – ответил хозяин, – в этом его счастье, если у него колесо стало пузырем – он едет и будет ездить до тех пор, пока не развалится; пол провалился, слазит вниз, подставит столбики и опять живет, ему ничего не надо, и если сгорит, дом у него является в лучшем виде: пожар стройки не портит. Но городской крестьянин всегда в заботе».

Я осматривал поля – прекрасные поля (большинство в деревне городские крестьяне), семиполье с клевером, живут лучше, чем просто крестьяне, но потребности выше возможности, и потому городские крестьяне несчастны.

– Вот молодая женщина! – указал хозяин на жену Владимира, соседа с человеком на социальном обеспечении, – ей 30 лет, а у нее 8 человек детей, рождает каждый год.

– Конечно, женщина, – сказал соц. обеспеченный, – женщина – и родит…

12 Июля. Петров день. Найден путь к Михалевскому болоту в 20 минут. Выхожу в 3.40 из дома. Вижу, летит бекас с большого болота через кусты и садится возле деревни за рожью в поточину. Что это значит? Оставляю загадку нерешенной. Бекас домашний. Понаблюдаю. Осмотрю сегодня поточину по возвращении.

Выводок бекасов (вчерашний) нашелся, как и вчера, у крайнего к открытому болоту куста. Ромка стал. Потом взорвались бекасы. Но я не могу верно сказать, была это стойка, или же он стал, прислушиваясь к крику кроншнепов или к окрикам пастухов. А бекасы просто пришлись к случаю. Бекасы разлетелись. Один полетел на меня, и так хорошо, что я чуть не вздумал его схватить рукой – вот бы Ромке пример! В крепких местах мы ничего не нашли. Я оставил выводок с тем, чтобы пойти проверить островок на болоте, потом зайти к вчерашнему гнезду и возвратиться опять к выводку.

Виновница этих болот Вытарасовка оказалась самым маленьким ржавым ручьем, закрытым тростниками. Перехожу эту речку, дальше из болот выступают родники, возле родников сосочки, около сосочков кое-где ольховые кустики, среди них я узнаю свой, где вчера мы нашли бекасиху.

Ромка работает сегодня по-новому, огромными скачками через кочки и обрушивается с шумом в лужи. Я его не стесняю, боюсь смять поиск. Пусть рушит. Один раз, напротив, что-то причуял и долго вел, даже не поднимая нос из травы. Старый бекас и потом бекасиха вылетели не совсем на том месте, как вчера. Гнезда не нашли и теперь. Я предполагаю, что это начинает новое гнездо та бекасиха, у которой Ромка носом подавил яйца. Я направил Ромку к переместившейся бекасихе, но она его не допустила и вылетела для него незаметно. Когда же он подошел, то вдруг стал. Я был уверен, что он стоял по ее наброду, но мне и это было очень приятно. Я подходил, он стоял по-настоящему. Я огладил его, он пошел тихонько, и вдруг вылетела болотная курочка. Он, было, сунулся, но по крику сразу остановился. Вот это уже достижение – первая настоящая стойка.

Мы возвратились к выводку. Я не ожидал, что за это время выводок мог собраться и как раз под тот же самый куст. Знаю, что вылетело из-под Ромки, но была ли стойка, не видел. Мне мелькнула только матка, летящая в открытое болото, и бекасенок в крепких местах. Я бросился к Ромке, он был растерян. И вдруг около самой его лапы поднимается молодой бекасенок, совершенно как старинная игрушка-птичка, летящая посредством резинки. Дурачок сел в 50 шагах на совершенно открытом месте в низкой траве.

Я наметил глазами два темно-зеленых бугорка, между которыми опустился молодой, стал сажать Ромку на парфорс, и у меня рука дрожала от волнения. Я мечтал даже взять бекасенка живым, если он уткнулся, как это бывает, носом в жидкое место. Вот о чем я мечтал! Но пока я привязывал веревку, бугорки исчезли, я не мог их найти и повел Ромку приблизительно. Там, где я думал, Ромка не причуял и стоял дураком, слушая кроншнепов или пастухов. Я оглядел его, он быстро двинулся вперед, веревка натянулась, Ромка завернул, веревка прошлась по траве и подкосила бекасенка. Но, к счастью, пришлось, его бросило не назад, в крепь, а дальше, на совершенно голое место; и в этот раз я точно заметил: бекасенок пролетел над можжевеловым кустиком, половина которого была рыжего цвета, и опустился во вторую от кустика, густозеленую кочку, торчавшую над желтым болотом. Кажется, вот теперь кончено: мой бекасенок. Мы подходим туда, в стороне срывается старый бекас, мне послышалось, он даже крикнул, и не бекасиха, а сам, и я даже успел порадоваться, что в этот раз открыл самца возле знакомого выводка. Я очень осторожно подвожу Ромку, и он от этого дуреет – то на меня посмотрит, то на небо. Он ничего не чует и ставит лапу на ту самую кочку, где таится бекас. Я нашептываю: «Ищи, ищи!». Он шьет машинкой – бекас не взлетает. Я шарю сам – его нет. И возле нет, нигде нет.

Я отпускаю Ромку, он забирает вправо и тут начинает понимать, то ведет, не поднимая нос из травы, то вдруг подымает голову и нюхает воздух.

Это большое достижение: нюхает воздух. Да, он знает, что где-то близко бекас. Делает быстрый дальний круг, и вдруг из-под меня поднимается бекасиха, кричит свое «ка-чу, ка-чу» и улетает в крепь. Но куда же делся бекасенок? Я десяток раз прохожу все места, и нет. Мне остается предположить только одно, что бекасенок в очень короткое время моей подводки успел отбежать в сторону, и что это он вылетел, а не как я думал – старый бекас.

Некоторое время я искал старую бекасиху, пускал Ромку по наброду, он что-то чуял, поднимал голову из травы, направлялся по воздуху, опять опускал голову. Но все-таки мы ее не нашли.

Подходя к дому, я вспомнил об утреннем бекасе, пролетевшем в поточину. Пустил Ромку. Он потянулся, потом шлепнулся в воду, как лошадь, в стороне порвался старый бекас. Я пошел по веселой зеленой ручьевой чисто бекасиной траве, Ромка шлепал в кусту. Определенно теперь можно сказать только, что в присутствии бекаса впадает в состояние какой-то тревоги, не стойки, а только тревоги: то голову поднимет, то зашьет носом в траве. Вылетает бекасиха с криком «ка-чу», он смотрит ей вслед, из-под лапы вылетает маленький бекасенок, он сунулся... Я остановил. Другой вырвался...

Так старый самец, прилетевший на восходе сюда, вероятно, с большого болота, открыл мне выводок почти возле дома. Вчера мужики просили меня истребить сорочий выводок и указали как раз на это место. Вот теперь я взведу ружье, убью для Ромки молодого бекаса и скажу, что сороку убил.

Вообще бекасов теперь лучше искать не у больших болот, а в таких ручейках с веселой травой на одной стороне и с крепкой зарослью на другой.

Так окончился третий урок. Я вижу успех в понимании задачи, но если не считать водяную курочку, вероятно, сидевшую под его носом, – какое же у меня доказательство чутья Ромки? Но вспоминается Кэт: не три раза, а сто раз водил я ее среди бекасов, и она их не чуяла и почуяла вдруг, когда я сводил ее на куропаток. Разве тоже сводить осторожно разок по тетеревам?

Хозяева за мной так ухаживают, что мне как в хорошем санатории, не говорю я уж «как дома». По случаю праздника зарезали курицу, а смешанная в дороге с песком манная крупа отличный материал для каши–запеканки. Дверь к хозяевам часто стоит открытая. Сейчас входит хозяйская кошечка, и вдруг на нее Ромка... Сила взрыва его была так велика, что железная тяжелая двуспальная кровать, за которую он был привязан, отъехала до половины комнаты. Кошку потом с трудом нашли между листьями лимонного дерева. Да, огромный запас взрывчатых веществ таится в Ромке, когда-то удастся его обломать!

Хороша в праздничный день лесная деревня, все-то отдыхают у себя, и домики стоят на солнце такие чистые, как и в Элладе. И девушка выходит из одного домика к соседнему, стала на лавочку, потянулась к окну и в окне исчезла. Ведь так жили в своих тесных городках-деревнях и древние эллины. Вероятно, эта деревенская тишина выманила тетерку с цыплятами перейти дорогу, и что-то случилось с ней на пути: один цыпленок, чуть больше грецкого ореха, остался на дороге и запищал. Мне его подали в окошко. Я испытывал на нем терпение Ромки.

А ночью против моего окна у амбара начнется ток, страшно подумать, что будет. И замечательно, что, как и у животных, токовище всегда одно и то же: старый дед рассказывал, что и он плясал у этого же самого амбара, – но амбара того не было, а ветлы те же самые. Две маленькие девочки прошлись и теперь, еще очень робко покрикивая:

Милый на ногу наступит:
Он характер узнает.

Видел, прошла к колодцу за водой эта ежегодно рождающая женщина, какие у ней груди! но какая бы ни была сила – де-

ревня вытянет все соки из женщины. Ведь каждый год рождает, и кормит грудью весь год, и кормит руками артель в 11 душ, и на поле.

Соц. обеспеченный старик без картуза похож на Сократа. Сейчас он у себя в малиннике в одних подштанниках ест малину.

Федор, у которого зимой со двора волк украл его знаменитую гончую, взялся показать мне лес «Подмошник» и тропинку в нем на «Остров». Конечно, мы взяли с собой и Ромку. Вот теперь есть что рассказать, потому что в этот вечер, я думаю, если только не считаться с одним обстоятельством, Ромка вполне определился как охотничья собака. Федор указал мне тропинку на Остров, а идти туда отговорил: поздно. Он просил меня, когда я пойду на Остров, хорошо запомнить тропинку, а то она одна, и другого выхода нет: кругом зыбучие болота, а если угодишь в сторону Дубны, то и совсем непроходимые места, и если даже и перейдешь их, то ничего не найдешь: берег Дубны состоит из плесов в зыбучей чаще.

Мы повернули от Острова и, минуя Подмошник, вышли на знакомое мне большое зыбучее Александровское болото по Вытравке. Ромка, гонимый потыкушками, стурил бекаса. Федор указал мне уголок этого болота, где осенью лепится вся дичь. Потом мы свернули в Жарье на просеку, и Федор с сокрушением сердечным поведал мне трагедию одной неугомонной тетерки. Как же! выдумали устроить гнездо на самой просеке. Конечно, тут народ ходит, каждый сгоняет, каждый замечает. Но все-таки гнездо долго было цело, и только недавно кто-то побил яйца. Только в 7 вечера болотный гнус успокоился, стало прохладно и совершенно тихо. Мне захотелось посмотреть на своих бекасов возле дома, и я, дойдя до поточины с веселой бекасиной травой, пустил Ромку. Тогда вот и произошло то удивительное событие, о котором я хочу рассказать. Мне кажется, в этом значительную роль сыграло то, что был вечер, значит, бекасы за день дали большой наброд и, что главное, было очень прохладно-чутьисто в воздухе, как еще не было ни разу при этой натаске, и что внимание собаки не отвлекал гнус, без которого, по правде говоря, не обходилось ни одно утро. Да, это был момент вечера, когда и человеку вдруг все запахнет (такой момент бывает и на утренней заре, когда трава обдается росой).

Ромка несколько раз ткнулся в траву, потом высоко поднял голову, задумчиво играя ноздрями, огляделся и потихоньку пошел, переступая с лапы на лапу, совершенно так же, как его ученая-разученая мать. Следуя за Ромкой, крайне взволнованный, выше колена в поточине, я оглянулся на Федора, думая, что он остался на берегу. Но Федор, хотя и заячий только, но все же страстный охотник, не выдержал и босой по брюхо в болоте двигался возле меня.

– Видишь? – шепнул я.
– Вижу, – ответил он.
– Удивляешься?
– Удивляюсь.

Мы свернули по ручью направо, и тут Ромка остановился возле куста и долго смотрел туда, не решаясь войти. Кажется, ему даже страшно было войти в куст, и оттого его вдруг бросило от него на берег. Но быстро он вернулся и решился войти. Я следовал за ним, не выпуская конца веревочки.

С большим трудом я пролез за ним, и так мы обогнули куст и вышли опять на простор веселой ручьевой травы, и тут Ромка перевел свою огромную, высоко стоящую над болотом голову в направлении поточины, постоял, поиграл ноздрями, утвердился и, тихо переступая, пошел: раз, два, три... Впереди порвался сначала старик-бекас, отец, и махнул по-бекасиному по зорьке, через кусты. Потом ближе, с теканьем матка и два молодых бекасика.

Это значит, собака поставлена, и ведь без всякой придумки с заранее пойманной дичью с подвязанными крылышками. Я даже не ознакомил Ромку с запахом убитого бекаса.

– Интересно? – сказал я Федору.

– Очень даже интересно, – ответил он.

Я, конечно, не стал говорить Федору о моем одном маленьком сомнении: ведь Ромка здесь был утром, и бекасов мы подняли с ним утром именно под этим кустом. Но шел ли теперь он по памяти, как было у меня когда-то с его матерью? Вот это сомнение оставил я до утра. Но если все будет благополучно, то, значит, собаку мне удалось поставить в три дня.

Радость моя была представлена в небе явлением цапли. Не знаю, почему так люблю я ее медленный полет вечерней зарей на безоблачном небе. Всякая птица летит, значит, летит, то повыше, то пониже, то вздрогнет, то свернет, а это не птица, а будто карета едет – карета радости. Это едет по небу хозяйка необозримых болот.

И я тоже хозяин. Мне кажется, люди как-то из-за комаров, слепней и потыкушек, естественных стражей девственной природы, не догадывались о красоте их, и я без борьбы с ними, без зависти, просто взял в свои руки великое царство...

<*На полях*> объяснить все памятью.

<*На полях*> а есть ли где-нибудь девственная природа без гнуса?

13 Июля. Новое обозрение.

Вчера вечером я оставил себе на ночь большой чайник крепкого чая, рассчитывая в темноте попивать из носика и так перебить предстоящую ночь ужасного тока против моего окна. По вчерашнему разу я готовился услышать пронзительный голос барышни Изюмовой. Я узнал от хозяев, что голос такой

именно ее. («А есть у вас, – спросил я, – кому алименты платят?» «Есть», – ответил хозяин. «Изюмова же не барышня, – сказала хозяйка, – да вот без алиментов». – «Ну, это что: это значит только, что она обходиться умеет»). Конечно, я все-таки лег в кровать, зная по опыту, что беспокойный сон все-таки что-то значит усталому. Я спешно заснул до Изюмовой, и вдруг она с подругами запела прекрасную русскую песню. Я сразу заснул, и утром мне объяснили хозяева: не пришли гармонисты.

Я подождал до пяти часов, чтобы успели бекасы немного побродить, и пустил на ручей Ромку. Он быстро все обшарил, ничего не нашел и выскочил на берег. Значит, вчера он шел не по памяти, и я теперь свободный человек, мне теперь не надо спешить: Ромка будет просто доходить постепенно до всего во время моих прогулок для обозрения пространств, на которых осенью буду я бить бекасов, дупелей и тетеревов.

Я пошел по зеленой дорожке кустами в Филипповское дупелиное болото. Везде по кустам были болотинки, иногда уже с подкошенной осокой. Очень возможно и даже будто наверно, потом, когда подрастет отава, бекасы подвалят сюда из кустов. До Филипповского болота полчаса ходьбы, под конец прекрасными Поддубовскими тетеревиными местами. Болото является продолжением Ясниковско-Александрово-Михалевского, но кочковатое, как раз дупелиное, версты полторы шириной, а в длину безмерное. Пастух, завидев собаку мою, бросился ко мне. Он хочет покупать себе ружье, ведь он пастух и может обходиться без охотничьего свидетельства.

– А есть бекасы? – спросил я.

– До пропасти, – ответил пастух, – пойдем, я покажу. Своей длинной палкой он стал показывать Ромке. Тот сначала оглядел, а потом бросился к пастуху, обнюхал его, схватил его лапами и стал обходиться, как с самкой.

– А ну тебя, – крикнул пастух. И сказал, что он будет сам искать и больше найдет, чем я с собакой.

Мы разошлись и скоро были на расстоянии с чем-то верста. Бекасов не было. И только уж когда я шел навстречу ему, он крикнул. Ромка, дойдя до места спугнутого бекаса, стал приискивать.

Подошел пастух, крайне удивленный отсутствием долгоносиков. Можно было верить, что он действительно видел, но куда они делись? Предполагаю, что в какие-то часы они вылетают сюда из крепких мест. И ставлю себе эту задачу на разрешение.

Я вернулся по Александровским полям. Лен цветет, как хорошо!

<*На полях*> жизнь бекаса в крепких лугах.

К роману. Чем дальше пишу, тем все ненавистней становится классическая форма романа. Сколько условности! Сколько хит-

ростей, чтобы умолчать и о пустоте своего собственного сегодняшнего дня и сколько цветистой придумки для выражения своей обыкновенной радости. Все для того, чтобы закрыть родники и втереть людям очки.

Мне же хочется такой роман написать, чтобы исток его был – мой сегодняшний день и показывалось в нем только то, что я вижу своими глазами. Знаю, какие глаза у меня – и все-таки свои, знаю, какое ничтожное значение имеет для человечества мой день – и все-таки он мой, то самое мне интересное, и потому я хочу непременно писать об интересном себе самому, но не вообще.

Сейчас меня больше всего на свете волнует, что лен цветет. Я сижу у края нежного зеленого поля, покрытого голубыми цветами, и вереницей подгоняются во мне думы и чувства из прошлых переживаний. Но ведь лен – виновник всем этим явлениям прошлого, мой сегодняшний скромный голубой цветок на тонкой зеленой былинке. Вот почему я хочу, чтобы мой сегодняшний день, от которого я исхожу, нашел непременно свое почетное место в романе, и с отвращением отбрасываю старую условность скрывать от читателя свое авторское бытие.

<*Запись на полях*> (Беда с мальчишками, стоит только отворить мое окно, как целая ватага их пройдет и ахнет во все горло, как я ни просил, не помогает.)

<*Запись на полях*> (ископоть коровья, кочки, грязь, коровья ископоть.)

14 Июля. Ночью чуть не задохнулся от кашля и потом проспал утро. Надо принимать решительные меры. Иду в Константиново к доктору. Так жаль, что приходится откладывать натаску.

Я не рыбак, потому что утомляюсь следить за поплавком. Слов нет, можно, конечно, и по сторонам поглядеть, можно думать и не только о рыбе и поплавке, но можно думать и о своем и по сторонам глядеть. И все-таки надо не совсем отрываться от поплавка, нельзя быть совершенно свободным при ужении, как все равно хозяйке нельзя отойти совсем далеко, если на плите молоко.

Мне это утомительно и потому, конечно, что я – не рыбак. В охоте с подружейной собакой роль поплавка играет собака, с которой никогда нельзя спускать глаз. Собака – это в сто раз утомительней, чем поплавок. Ведь только на волне бывает иногда беспокойно следить за поплавком, а на тихой воде он лежит. Собака вечно кружит, исчезает в кустах, изменяет направление, что-то причуяв по ветру Бог знает откуда. Нет «тихой погоды» в обстановке охоты с собакой, нет в собаке са-

мой того постоянства, о котором думают хозяева, получая наученную собаку из рук егеря. Собака не поплавок от пробки, она всю жизнь учится при хорошем хозяине и, натасканная прекрасно, сейчас же разучивается в неопытных руках. И весь опыт основан совершенно на том же самом, что при ужении рыбы: глаз нельзя спускать с собаки, собака у охотника – это поплавок у рыбака.

Да, в сто раз утомительней следить за собакой, чем за поплавком, и все-таки смотреть на поплавок – мне утомительно, потому что я не рыбак, и я же не утомляюсь не только при охоте с подружейной собакой, но даже и при натаске. Как люблю я в этом море болот, с мокрыми внизу и слегка поросшими вверху кочками, бросить собаку на весь карьер и легким посвистыванием или движением руки, или оборотом лица в другую сторону управлять, не спуская глаз с того живого поплавка. Я люблю то волнение, когда еще молодая собака на бешеном карьере встречается с бекасом: роковая встреча! Устоит ли моя собака при взлете, как стояла, когда я сдерживал ее веревкой. Удержит ли ее теперь вместо веревочки мое слово. И вот охотничий поплавок остановился – это значит, в переводе на рыбацкое: поплавок исчез под водой. Вот взорвался бекас...

Нет, я не то хочу сказать, такое любимое может найти каждый страстный человек в своем деле и так представить свое ремесло, будто оно самое лучшее и только им одним можно заниматься. Силу любви своей я испытываю не по хорошему, а <по> тому злу, которое приходится переносить. Болотный гнус...

Был в Константиновке у врача. Оказался «просто бронхит», и мне дали Даверовы порошки. Надо бы юбилей справлять таким порошкам и каплям, которые живут, не считаясь со временем.

Т. В-а небольшой обломок той моей «суженой», которую не суждено было встретить.

Вечером прошел от Михалева до Филипповской гати и дальше по жидкому болоту до Абрамова. Я думаю, что количество дичи вовсе не пропорционально площади, удобной для ее обитания, напротив, в маленьких болотцах дичи больше бывает, чем в больших. Нашли коростеля, по которому Ромка сделал стойку, а потом до самой Филипповской гати, до грязи от коровьева причала встречен был один бекас. Возле гати в трясине было два бекаса. Они несколько раз перемещались, и я воистину с ослиным терпеньем подводил Ромку. Мне только раз удалось добиться стойки и то уже после взлета, по месту. Вообще Ромка может причуивать, сильно волнуясь, низом, по наброду, без стойки, может верхом что-то чуять, тихо брести по запаху, но вскоре терять струю... Около нашей деревни в бо-

лотных кустах, где коровье стадо устроило целое маленькое озеро грязи, нашлось несколько бекасов.

Слепни почти совсем кончились, говорят, и потыкушек значительно уменьшилось. Самое лучшее время для прогулки вечером в 7 ч., когда потыкушки уже кончились, а комар не начинал.

Стараюсь с бешеного карьера переводить Ромку словом «тише» на более тихий и внимательный поиск.

Видел, как ложились белые холсты на болота. Потом вошел в этот туман. Мозгло.

Замечали вы, что когда где-то тут, вот за этим болотом, крикнут гнездовые журавли на своем болоте, то всегда кажется, будто у них там как-то совсем не по-нашему хорошо, интересно?

15 Июля. Стоят жаркие дни. По утрам роса, как после ливня. Косят болота. В 4 утра пошел 1-й выводок против Михалевского болота и сначала не нашел его. Потом возле «Островка» Ромка причуял, и пока ворочался в траве, вылетела сонная бекасиха и очень близко, сложив крылья вилочкой, упала в траву. А Ромка, вдруг что-то причуяв в траве, отстранился, сел и перевел глаза на меня. Оказалось, гнездо с тремя яйцами.

Нужно все-таки отдать справедливость Ромке: на редкость послушный и памятливый. Потом много раз я подводил Ромку по перемещающейся самке, и подводил на веревке, и так свободно, уговаривая на тихий ход, приближал: в лучшем случае он прихватывал и начинал шарить, а бекасиха взлетала без стойки, в худшем – он не чуял и не видел взлета, но потом, когда подходил ближе к месту, с которого она срывалась, делал настоящую стойку.

Я утешал себя тем, что трава была очень высокая, роса слишком большая и что мать Ромки целый месяц тоже не понимала, что, схватив чутьем бекаса, нужно довериться этому запаху и стоять, играя ноздрями, или двигаться вперед с крайней осторожностью, нащупывая место, от которого исходит запах.

Удивительно, как на всяком деле сначала удается как бы вперед забежать, а потом вернуться к начальным позициям и доползать очень медленно до случайно открывшейся возможности. То была раньше «проба», а собственно ученье вот только, теперь и происходит. Буду теперь ждать стойку по бекасу, как он делает теперь по коростелю (коростель-то очень близко!).

Когда я вернулся (через 2 часа) к месту первоначного выводка, Ромка вытурил без всякой стойки коростеля, а когда я отправил его в направлении перемещенного по большим кочкам, то выводок бекасов сорвался прямо из-под Ромкина живота. Я расплевался и не стал больше искать перемещенных.

До дому оставалось перейти ржаное поле, как вдруг Ромка сильно натянул веревочку, растянулся на траве и стал хлопать носом. Я отпустил веревку подлиннее, он пополз раскорякой в куст, скрылся там. Потом раздалось хлопанье крыльев. Я успел разглядеть тетерку и маленького цыпленка. Вот счастье! искать тетеревей в лесу долго я считал вредно для молодой собаки, но если даром дается, то почему же не дать понюхать необходимую дичь! Я уложил Ромку и стал посвистывать, направо перелетела матка, налево свистел цыпленок и такой, верно, маленький, что свистел еще без коленца, я стал ему подражать, и скоро отозвалась матка.

Когда, мне показалось, прошло довольно времени, чтобы молодые тетерева дали по росе свои бродки, я встал и отпустил, конечно, на веревке, Ромку. Он сделал шаг или два, – из-под ног вылетел тетеревенок, он посмотрел вслед ему налево – справа возле самых ног вылетел другой, он поглазел направо – вылетел слева. И тогда он бессмысленно запахал носом по траве, полез раскорякой даже с криком. Потом он метался по следам туда и сюда, и там и тут просто от шума в траве его громоздкого тела вылетали тетеревята. Вот какой он еще, значит, совершенный осел!

Вечерняя работа по тетеревам.

Следы утренние смешались с вечерними, и Ромка, сколько ни пахал носом, ничего не мог найти на лугу возле ржи.

Потом надо непременно сделать описание этого интересного уголка природы, где на таком малом пространстве сходятся столь различные угодья: рожь и луг суходол, и болото ручьевое, и болото боровое с мохом и ягодой. Ромка все перенюхал возле ржи и на сухом лугу. Я перевел его для отдыха в болотце, тут спугнулся кулик. Потом из этого болотца Ромка вытянул меня в моховое и врастяжку потащил меня по траве.

У молодых легавых такое обыкновение – мчаться по тетеревиному следу как можно скорей. Вот почему и нельзя их пускать в лес. На следу, по которому тащил меня Ромка, я заметил тетеревиное перышко, вернул Ромку, показал, он крепко понюхал; я поднял перо – он слизнул у меня его и проглотил; а после этого он перестал тянуть, стоял и смотрел на меня, куда я пойду, потому что раз я могу достать из тетерок перо, то уж, конечно, знаю, где они... Через некоторое время мы добрались до тетерки – верно, это другая, холостая.

После работы по тетеревам учил по крику «тише» ходить на коротком поиске. Ромка на это поддается, но я боюсь, <не> будет ли этим сбит «естественный поиск».

16 Июля. Работа по бекасам от четырех до половины восьмого. Возле Филипповской гати поднялись два молодых бекаса. Ромка пошел искать и, вероятно, задел на ходу лапой: вдруг

осел, согнулся, отошел шага два и сел, поглядывая на меня виновато. Бекас лежал без признаков жизни. Я поднял его, он был совершенно теплый, и скоро зашевелился у меня в руках, а потом как только повеселел, то я связал ему на случай ноги. Это была драгоценная добыча для натаски.

Я десятки раз прятал бекаса между кочками и в кусту. Вот результат: стойки нет. Причуивает через траву аршина на полтора, не больше. Часто проносится мимо. При таком чутье, если без следа найти может только мертвого, вот почему за неделю мы и не нашли ни одного молодого и все срывались раньше, чем причуивал. Но это не конец! С матерью его было то же самое и продолжалось до осени. Вероятно, осторожность, оглядка и особая догадка способны удесятерить это чутье на аршин.

Возвращаясь болотами, против Михалева из низкой травы Ромка вытурил бекасов: старого и молодого. Я прицепил веревку и стал подводить к молодому. Шагах в десяти Ромка уловил запах бекаса, но как раз в этот момент он вылетел.

Стал кружиться по коростелиному следу. Я отвел и пошел искать старый первый свой выводок бекасов. Усердно искал минут двадцать, если не полчаса, а потом, когда вернулся к тропинке домой, Ромка вдруг стрелой куда-то помчался. Свистки не помогали. Я нашел его на том самом месте, где он полчаса тому назад был отведен мной от следа коростеля. Подобное было с ним сегодня и с бекасом.

Расставаясь сегодня с бекасенком, я устроил его очень удобно в кочке под лозиной (бекасенок до того посвежел, что пищал, и когда я его подбрасывал, то опускался, как осенний жирный дупель). После того, как я устроил бекаса и пошел, Ромка охотно побежал за мной – ведь бекас ему достаточно надоел. Так мне представлялось, на самом деле он расставался с бекасом только потому, что над ним висела моя воля. Но когда уже на довольно большом расстоянии от бекаса я встретил пастуха и стал с ним разговаривать и, значит, внимание мое по управлению собакой ослабело, Ромка стремглав покатил к бекасу.

Очень возможно, отчасти у него это возвращение происходит от наших опытов над отозванием от пищи. Одно время, подготовляя собаку к анонсу по Зворыкину, мы заставляли ее приходить с просьбой о пище за нами в другую комнату, и, когда мы разрешали, стремглав бросалась туда.

Стойкой называется положение, какое принимает собака для того, чтобы схватить при взлете притаившуюся дичь. Человек пользуется этим положением собаки, чтобы узнавать, где именно находится дичь, которую ловить (дробью) он будет сам, а собака не должна и с места тронуться. Значит, обучение собаки состоит главным образом в том, чтобы естественное состояние – готовность к прыжку – закрепить как таковое, не давая

собаке после взлета птицы докончить то, к чему она приготовилась. Таким образом, стойка – это сложное состояние, в котором определяется наполовину дело природы и наполовину рука человека. И вполне понятно, почему Ромка делает стойку по коростелю, который может убежать, но не делает по бекасу, у которого связаны ноги.

Остается вопрос, почему он не делает стойки по свободному бекасу, но это, по-моему, объясняется тем, что бекас слетает раньше, чем Ромка его чует. Таким образом, стойка должна явиться в тот момент, когда явится способность чутьем угадывать местонахождение дичи.

Я думаю, что нормальная собака за время натаски Ромки давно бы причуивала бекасов и делала стойки, что не будь примера Кэт, Ромку можно было бы определить как собаку с очень слабым чутьем. Но с Кэт было точь-в-точь так, потому полное основание думать, что сын ее тоже обладает чутьем, но не умеет им пользоваться. Вот почему в высшей степени интересно найти тетеревиный выводок и проверить все мои рассуждения на тетеревятах, которых всякая собака чует раньше, чем они вылетят. Итак, все на разных выводках.

Шея моя распухла от комариных укусов. Не завидуют мне даже косцы болот. Козлов сказал:

– Там хоть сено возьмешь.

– А тут, – сказал я, – дорогую собаку.

– Но сами же вы сказали, – ответил хозяин, – что-то у него не совсем ладно в носике...

Сегодня погромыхивает гром, но стало еще труднее: парит. Живу какой-то открытой жизнью, с улицы все слышно, и днем и ночью, днем больше мальчишки, ночью – большие. Но основной звук, конечно, отбивание кос, похожий отчасти, когда в старом доме при полной тишине работает жучок-пилильщик, шашель.

Может быть, от перехода к одиночеству и от книги к единственному делу – «натаске Ромки» является с такой отчетливостью сознание отсутствия в моей жизни близкого, глубоко понимающего меня друга. Вот почему именно и получается это незнание до сих пор ни своих способностей, ни цены им. И я думаю, что обращение к другу («Зеленая Дверь») не просто придумано. Только теперь надо бы найти образ этому другу.

Я...

Стук-стук! молотком по косе.

Ласточка мелькнула и <*1 нрзб.*> между поленцами дров. Квохчет наседка. Хозяйка ругается с жеребенком. Запечалилась береза: чует грозу.

Сегодня Ромка начал, как и мать его, преследовать кур и стоять над ними, не бросаясь, долго в большом сдержанном

волнении, заметном по дрожи. Вероятней всего эта страсть пробудилась от встречи в лесу с тетеревами, и обратно через кур, очень может быть, он научится тихонько подходить к ним по следам.

Надо помнить, что многие навыки у собак, все равно, как и людей, являются не прямо вслед за примером, а спустя время, в которое пример дозреет в себе. Так очень может быть, что если продержать Ромку дома недели две и вывести на бекасов, он будет их чуять на большом расстоянии.

<*На полях*> сделать 1-ое – шли по тетерке (перо проглотил), а потом <*2 нрзб.*> по курице.

Тучи гремели сегодня. Крестьяне спешили копнить сено. Брызнул дождь, прибил пыль, смочил кусты, и больше ничего. Но по тетеревам я не пошел, слишком мокро в кустах.

17 Июля. Кончилась первая неделя натаски. Сегодня даю восьмой урок.

Работа по бекасам и тетеревам (от 5 ч. – 9 ч.) в Михалевском болоте и в Жарье.

Туман. Потом солнце, но после грязи легко. Очень пахнет спирея на болоте.

Называю первый мой бекасиный выводок «учебным». Повел прямо на него, и Ромка сразу смахнул сначала матку, а потом из-под лап, удивленный, выпустил бекасенка. После того я повел Ромку к Острову на гнезда. И тут он вспугнул без всякой задержки матку и, по своему обыкновению, испугался, причуяв гнездо. Я видел, что Ромка не тронул гнездо, между тем, оно было обнажено, из трех яиц осталось два, и лежало одно от другого пол-аршина, одно яйцо было протюкнуто. Вероятно, пошевелили коровы. Я положил оба яйца рядом.

Мне пришла счастливая мысль сдерживать карьер Ромки, стараясь, чтобы он бегал близко около меня и рысью. Пусть я сомну его бешеный поиск, но иначе у него не бывает времени разбираться чутьем в запахах. После, когда он станет причуивать бекасов, можно вновь переводить его на карьер. А также в определенных бекасиных местах я не буду пользоваться веревочкой, которая часто сама сшибает бекаса, а главное, что Ромка сосредотачивается не на бекасе, а на борьбе с веревочкой. Вблизи бекасов я буду сокращать его поиск до последней степени и таким образом *освобожу массу энергии для одумки.*

С полчаса я занимался упражнениями и потом, рассчитывая, что выводок собрался, пошел осуществлять свой план. Сдержанный в движениях Ромка высоко задрал свою голову над травой и потянул по одному направлению. Мне сразу мелькнуло, что это не совсем обычно для него. И только подумал, вылетела бекасиха, а потом бекасенок. У меня еще осталось сомнение: движение

Ромки могло быть случайным. Я решил, было, отложить проверку нового метода до следующего раза, так как не проследил полет бекасенка, а матка села далеко в крепь. Но вскоре Ромка сделал то же движение, как только что, вроде как бы повел, я крикнул – он не послушался, свистнул в свисток – он все пер туда, и когда выпер из высокой травы с высоко поднятой головой, тогда шагах в двадцати от него на месте с очень маленькой травой сорвался бекас. Правда, бекас мог бежать, и очень возможно, что Ромка чуял, но не прямо его, а только его наброд, но, во всяком случае, найденный метод для Ромки был верный, и мне открылись перспективы натаски. Слепней по прохладному утру после грозы не было совершенно, кусали только комары.

Я решил еще раз попробовать свой способ, а чтобы дать время выводку собраться, пошел в другую сторону искать новых бекасов. К сожалению, как всегда нарвались на дергача или курочку и, вероятно, с семействами. Ромка зашил машинкой в осоке, изрезал себе нос осокой и страшно взволновался. И все-таки, когда я привел его к выводку, он немного повел, во всяком случае, я знал, что это по бекасу, и бекас действительно вылетел.

Мне думается теперь, что индивидуальность собак слишком разнообразна, и вот, вероятно, почему все руководства к натаске так слабы. Авторы этих книжек в большинстве случаев очень опытные и натаскивали множество собак – и пишут по воспоминаниям, нащупывая сходственные случаи для правила. Но именно потому, что индивидуальность собак чрезвычайно разнообразна, что сама натаска происходит в чрезвычайно разных условиях, едва ли возможно этим путем найти какие-нибудь твердые правила. Самое лучшее – это записать всю натаску хотя бы одной собаки изо дня в день, обрисовать этим совершенно индивидуальность данной собаки и потом применением приема изменять согласно новой индивидуальности.

Когда мы подходили к месту тетеревиного выводка, я немного зазевался, любуясь обилием обрызганных росой лесных цветов. И вдруг увидел, что шагах в пятидесяти от меня Ромка вытянулся и, переступая с лапы на лапу, медленно скрывается за кустом. Это было страшное зрелище, потому что если так он идет по зрячей тетерке, отводящей собаку от молодых – все пропало! и притом именно теперь я обратил внимание, что на белой шее Ромки не было темного ошейника: вытянутая белая шея казалась огромной. Что ошейник был потерян им, это не поместилось в мое сознание, я принял то, что Ромка был совершенно свободен в своих движениях. Я гаркнул на весь лес не своим голосом: «Тубо, назад!» – и бросился вперед, пролетев пятьдесят разделяющих нас шагов тигром. А Ромка в это время, обезумевший и от сильного тетеревиного запаха и моего крика, лежал, и притом лежал на боку, и когда я приблизился к нему, вовсе задрал ноги вверх. Вообще это особенность Ром-

ки, что в его огромном теле до сих пор сохранилась чистая щенковая душа. У меня Лева был долго таким...

<*Запись на полях*> Щенячья душа.
<*Запись на полях*> Следы ястреба.

Я кое-как без ошейника привязал Ромку на веревку, огладил его и пустил, придерживая кончик. Ромка немного понюхал и быстро пустился по дорожке вдоль леса и стал на поляне, покрытой ромашками и кустиками ивы. Он долго играл ноздрями и повел на середину поляны, и тут стал повертывать голову во все стороны, как будто старался из множества запахов, идущих со всех сторон, выбрать самый верный. Я был уверен, что вокруг нас разбрелся выводок. Я огладил Ромку, ободрил его, он медленно пошел и вдруг вытащил в место, осыпанное перьями тетеревенка. Ястреб, вероятно, только за несколько минут перед этим, кончил свой завтрак, до того были свежи капли крови на траве и красные кусочки мяса.

После того Ромка повел, упрямо натягивая веревку до последней возможности в кусты, через них в мокрое осоковое болотце, разделенное стеной заросли от мохового болота с пьяникой. Став по колени в воду, высунув голову из травы, как тюлень из воды, Ромка смотрел через жидкое болото в заросли совершенно как на самой короткой стойке, и это было бы бесконечно, если бы я не огладил его и не сказал: «Вперед».

Но он пошел не вперед, в заросли, а параллельно им по болоту, постоянно оглядываясь на заросли и останавливаясь. Так мы прошли все болото до конца, и так получилось по Ромке, что тетерева сидели один к одному вдоль всей заросли. Потом Ромка начал такое же обратное передвижение. Мне это наскучило, и я пригласил его следовать к зарослям. Он шел с осторожностью, и когда мы дошли, дальше следовать отказался. Никакие уговоры не действовали, и, когда я сам залез туда, он прыгнул назад.

– Не будь дураком, Роман Василич, – сказал я, – самое страшное волк, но я же тебя волку не дам.

Потом я вытащил Ромку из зарослей в моховое болото, и он зашил машинкой между кочками с пьяникой. Получилась какая-то ерунда, и я все так объясняю: тетерева вышли на полянку, одного накрыл ястреб, другие разлетелись в кусты. После того, собирая тетеревят везде по росистой траве, много набегала матка. Возможно, она осокой провела выводок в моховое болото. Но возможно, что ребята собирали пьянику, и стойка была по ребятам...

Так вот сколько всевозможных приключений является, когда натаскиваешь собаку, а потом автора понимают прямо по общим правилам!

Гнездо на Острове оказалось пустым, хотя вблизи того места вылетела не только самка, но и самец. Очевидно, вывелись. Исчезновение яйца утром и перешевеление яиц объясняются этим. А скорлупка падала в пустоту между кочками.

Хотел дать вечером урок, но пришел молочник из Константинова Даувайзер с пойнтером и просил указать выводок тетеревей поупражнять пойнтера. Пустили по тетеревам, мчался, как пуля, и ничего не нашел. На болоте спугнул всех моих учебных бекасов и делал множество пустых стоек и когда делал, хозяин, восхищаясь, обращал мое внимание. Под конец вылетел коростель, и пойнтер за ним помчался. Я успел закрыть глаза Ромке. Поиск у пойнтера широкий, шагов на триста и ближе не подходит. Я попросил охотника взять на сворку собаку и пустил Ромку. Тогда вот и оказалось, какой Ромка послушный, какой у него прекрасный поиск. Так часто бывает, что все недоволен собой, и вдруг случается поглядеть на других – другие-то, оказывается, куда хуже!

18 Июля. По пути к Филипповским бекасам запутался в лесу и открыл возле дома большое моховое болото. Так случилось, что я пришел на тропу к Михалевскому болоту и таким путем, все время упражняя Ромку на коротком поиске, дошел до той олешины, под которой в кочках спрятал тогда учебного бекаса. Ямка между кочками стала его могилой: там он лежал мертвым. Несмотря на все мои упражнения, Ромка спихнул и старого, и молодого бекаса. И это было все, зачем я пришел сюда и потерял все утро. Желая наверстать потерянное, я пошел направо от гати в бесконечное пространство болот, стараясь придерживаться краевых зарослей. Ничего не находилось. Я решил попробовать перейти по ту сторону к кустам. Чем дальше я шел, тем сильнее ходило подо мной болото и хрипело на далеком пространстве. Поднялось множество кроншнепов и чибисов. Одного из кроншнепов, летавших возле меня кругами, я долго наблюдал, и уже не знаю чем, но он мне напомнил собой лося: такое же диво с своим кривым носом в воздухе, как лось в лесу, да и размерами, если взять из куликовых самого маленького гаршнепа, кроншнеп, как лось.

Болото ходило все сильней и сильней, нигде я не проваливался выше колен. Истома, жуть одиночества охватила меня. Ромка бегал зря в этих огромных совершенно пустых пространствах. В тоске я дошел до того, что называл его Романом Василичем, разговаривал с ним, как с человеком, совершенно как с другом. И вот тогда в этой пустыне, с какими-то птицами, вызывающими в памяти чередование формаций в жизни земной, как будто уцелевших чудом в живом виде от отдаленнейших времен, когда не было совсем человека, я почувствовал творческое одиночество на земле человека, мне представилось «Я» мое,

как «Адамово», что я совершенно один и в тоске создаю другого, что всякий другой создается мною из себя самого в припадке тоски, выразимой только творчеством себе подобного.

– Роман Василич, – говорил я, переправляясь через речку, – как тебе не стыдно, ты перешел, бегаешь по другой сухой стороне, а я, может быть, сейчас провалюсь – и ты ничем мне не поможешь.

Эта речка, вероятней всего, была все та же Вытравка, но, может быть, и Кубжа. Она отделялась от остального зыбучего болота только более темной окраской покрывающих ее растений, среди которых были и кувшинки. Сплетенный корнями покров этих трав был, вероятно, тонок, и я висел в нем, как в гамаке.

Но, тем не менее, постоянно разговаривая с Ромкой, я перебрался на другую сторону, совершенно сухую (Поддубовскую) вырубку, покрытую редкими березками и ковром цветущих трав.

Тут я устроился на пне, уложил Ромку, сломил веточку и стал отмахивать от него мух. Ему это до того понравилось, что он даже приподнял одну свою крышку и обнажил живот. Он был похож на ребенка, вернее, на то лучшее, что осталось мне от сына, когда он был маленьким...

Множество людей мне вспоминалось, которые жили без «друзей», вернее, без потребности их создавать; конечно, их окружали какие-то люди, близкие по образу жизни, вообще по необходимости, но этим занятым людям и в голову тогда не приходило творить друзей, у них для этого творчества не было пустоты, в которой бы под ногами качалось над бездной тонкое сплетение растений, а в воздухе носились птицы – пережиток формаций, с длинными кривыми носами.

Так я говорю: «Друг мой!» – и не вижу его лицо, и этот друг мой – это лучи души моей, которая встречает теперь собаку, и она становится другом, и так все, решительно все рождается из пустоты, из ничего, все лучшее, все высокое сознание человека на земле.

<*Запись на полях*> Формации.

Ромку я понимаю мало-помалу через мать его, на каждом шагу узнаю ее и в своих действиях держусь этой линии. Например, вот теперь, желая прогуляться по тетеревиным местам, я пустил Ромку свободно, потому что через мать узнаю в нем послушную собаку, которая не может ничего сделать особенного, выйти за пределы наших отношений. И когда он стал прискивать, я не надевал ошейника. По мере того как мы приближались к птице, он сильнее метался в стороны, и, наконец, когда стал делать прыжки, петух взорвался в кусту.

Такое же было и с матерью, как она металась вначале, а потом как-то осенью вошел я в лес, и она сразу повела к тете-

ревам очень осторожно. Так будет и с ним – сразу поймет, что надо не метаться по следам и шить машинкой, а причуять по воздуху и прямо идти на птицу.

В деревне около изгороди совершенно птичьим голосом, вроде галчонка, закричал на Ромку молодой хорек. Я понял, что это один из тех, которых наши соседи поймали и прикармливали. Им нечем стало кормить, и они их выбросили. Вот это уж видно, что московские крестьяне – подумать только, хорьков, злейших врагов кур, не убили, а выпустили на волю!

Я долго играл с хорьком, давал ему в зубы плетку, а потом подбрасывал в воздух. Он прыгал, корчился, как кошка, старался быть очень страшным, но у него плохо это выходило, потому что младенческая невинность была даже в мордочке молодого хорька, что-то очень наивное в сочетании огненно-черных глазок с белыми приплюснутыми ушами и нежным рыльцем. Я оставил его жить, сказав: «Живи, но только смотри, у моего хозяина кур не воруй!».

Зашел проверить тетеревиный выводок и опять ничего не нашел, даже следов. Очень возможно, что ястребу помогла расправиться со всеми молодыми лисица или хорек, а старики улетели в моховое болото на пьянику.

Начинаю беспокоиться, что первого Августа нечего будет стрелять, бекасы молоды и не так их много. И какие бекасы первого Августа? все Поддубовские выбиты скотом, на Острове, говорят, только три тетеревиных выводка и то в глуши, – на что же охотиться?

Пастух сказал, что в лесах и комар, и вся муха пропадает к посеву ржи. Вот, в самом деле, естественное время в нашем краю для начала охоты. 1-е Августа слишком рано.

Вечерняя работа по бекасам (семь-девять вечера) на большом болоте.

Стурил двух у закрайка: одного и, удивляясь первому, сейчас же второго. Потом вел к кустику, из которого вылетел жаворонок, я думал, поведет по жаворонку, и отозвал, а после оттуда вылетел бекас, и затем другой. Еще вел далеко из болота к кустику по всем правилам, сделал перед кустом настоящую стойку. Я весь трепетал от желания взлета бекаса: ведь если после подводки такой и стойки да бекас вылетит, то все дело в шляпе! и тогда все это благодаря моему новому методу. Ох, и сидит этот метод у меня на горбе! Ведь чтобы он шел рысью, надо почти беспрерывно останавливать криком «тише», потом переносить дурацкую остановку и ласковым голосом повторять: «Ну, ищи, ищи!»

Так ждал я бекаса, а его не было, мне так хотелось его, что я даже кочку одну развернул и увидел там самого маленького лягушонка. Вечером над болотом летала короткая и лупоглазая сова.

В заключение Ромка самым наглым образом выпустил у себя между лапами молодого бекаса и потом хотел его кокнуть, и даже бежать!

19 Июля. Половина пятого – девять утра. Пройдено большое болото по берегу до Вытравки, рекой до Михалевой тропы, по Жарьей пустоши кустами, под конец пытался найти тетеревей.

Сегодня я потерял терпение и одно время должен был признать, что не я съел собаку на деле, а собака съела меня. Все вышло из-за предположения, что собака не причуивает бекасов, потому что невежлива. Я учу вежливости, то есть чтобы тише и ближе ходила. Между тем она мало-помалу начинает смутно понимать свое значение, свое преимущество перед хозяином в розыске, забываться на следу, не слушая зова, свистка. Да это не трудно – выучить молодую собаку ходить по свистку, когда она еще не понимает запаха дичи: теперь собака ходит за хозяином, как теленок за маткой. А вот когда начинается своя собственная жизнь и приходится ей поступаться иногда явно тем, что она как будто лучше понимает хозяина, тогда другой разговор.

Всех четырех бекасов, найденных точно на тех местах, где были вчера, Ромка стурил без признака потяжки. По прямому вел, но сегодня это оказалась курочка. Несмотря на все мои предостережения, стурил дважды бекаса на Михалевском болоте, сделал великолепную стойку с оборачиванием головы на меня по следу слетевшего бекаса (но очень возможно, что опять тут замешана курочка). Возле Островка ничего не нашли, верно, матка увела молодых в островок. Учебного выводка тоже не нашли. На этом месте подвел и стоял по коростелю.

<*Запись на полях*> Пробуждение личности.

Сюжет для рассказа.

В охотничьих делах нет церемоний, плюньте тому в глаза, кто станет говорить, будто чутье собаки можно определить в раннем возрасте по розыску хлеба или мяса. Чутье собаки, помоему, можно определить только во время натаски и то не сразу, а очень постепенно, потому что как все равно у людей голос, так у собаки чутье – чтобы спеть, нужно понимание, так и чутье у собак больше в голове, чем в носу. Вот была у меня собака Кэт, Ромкина мать, стуряла мне бекасов...

Трагедия охотника: все положил на собаку, а не знает, выйдет или не выйдет. В прежнее время егеря как поступали с собаками: возьмет в натаску, попробует – не идет, и возвращает хозяину – «чутья нет». И собаку стреляют. Егерю иначе и нельзя, ему надо десять собак натаскать, и если возиться все

лето с одной – сколько же надо взять за это денег? Я же не хозяину собаку натаскиваю, я – себе, и я хочу сделать себе не просто собаку, а друга. Конечно, говорят иногда, что и машина есть друг человека, я же не в этом одном вижу друга, что он мне полезен. Я люблю с собакой разговаривать: на работе собака мне – товарищ, а дома и в отдыхе – друг. Но все-таки плохая выходит дружба, если на работе такой товарищ тебе на каждом шагу изменяет и сводит с ума.

Трагедия в том, что человек ищет себе друга, и это действительно друг, а в деле потому и особенная ревность, что столкновение высокого идейного друга с плохим товарищем (моя идея). События в натаске подводят егеря к необходимости застрелить собаку. Спасает ее мать, которую егерь вспоминает (или она показывается) в последнюю минуту. Что-нибудь подвести такое.

Если бы убил, то съела бы собака, а теперь егерь собаку съел и получил друга. Вот оттуда и пошло теперь, когда говорят: «он на своем деле собаку съел». Это значит в точности: съесть собаку и сотворить себе друга.

На Михалевском болоте сегодня паслись три журавля.

Роса была совсем седая, как в сентябре, на осоке пауки развесили свои гамаки. Масса маленьких золотистых стрекоз. Потыкушки пропадают.

Река Вытравка. Вот река Дубна местами раскидывается огромными болотами, но все-таки это река настоящая, местами течет в крутых мелких берегах, и хотя не широка, но глубина в крутых берегах у нее непомерная, и после всего вливается в Волгу – это река! А то называется тоже рекой Вытравка, которая впадает в Дубну, вот эта река во всем своем течении столь ничтожна, что почти и не видима среди огромных порожденных ею болот, а различима только от болот по более темному цвету травы по ней, и переходишь ее точно так же, как и болото, качаясь, вот-вот, думаешь, провалишься, а перейдешь: никто никогда не проваливался. Сколь ничтожна эта река, можно видеть в тех местах, где она течет в сухих берегах, до того ничтожна, что из-под нее произрастают не только водяные растения, а и обыкновенные травы, конский щавель, зонтики – верно, за это и название свое получила Вытравка, значит, вся в травке. Но вот остров среди болот – деревня Александрово со своими хорошими полями; стоишь тут на высоком месте и видишь вокруг нее все болота, местами шириной в версту, а то и больше, и, когда подумаешь, что все эти болота наделала ничтожная Вытравка, кружится голова, теряясь в сроках земли: сколько времени нужно было сочиться ничтожной струе, чтобы заболотить такое пространство?

От нечего делать в жару нарисовал на двух листах бекасов и приготовил два патрона десятого номера с целью проверить заряд, а также начать обстрел Ромки. Но с поля возили клевер, и мне показалось неудобным сегодня стрелять. Дома хотел попробовать в комнате стрелять пистонами. Вид ружья почему-то смутил Ромку (не помню из его детства похожего случая испуга от ружья, но очень возможно, что дети набедокурили), а когда я выстрелил, бросился под лавку и сам не свой дрожал. Я дал ему баранку (любимейшую) – не прикоснулся. С большим трудом я уговорил его съесть, а потом принялся стрелять.

Он забился опять под лавку и там лежал до семи вечера, когда я стал собираться на болото. Он вылез, как только я стал пристегивать к поясу плеть, и заметался по комнате от радости. Я хотел окончательно его успокоить и дал баранку, но как только он увидел баранку, то сейчас же бросился под лавку: баранка ему напомнила ружье. Вот еще возня-то предстоит!

Работа по бекасам в семь-восемь вечера на бекасином болоте.

Мокрое без кочек болото с ярко-зеленой тонкой и нежной осокой – самое лучшее для натаски болото, во-первых, потому что водянистое место само по себе предопределяет тихий ход собаки, во-вторых, на воде при низкой траве, конечно, легче причуять.

И вот Ромка вдруг остановился, повел в воздухе носом и стал окончательно. Потом шагах в пяти от него вылетел старый бекас и переместился глубже в болото. Вот, наконец, наконец-то я дождался первой настоящей стойки по бекасу. Очень обрадовался и, конечно, очень обласкал Ромку. Он же, очевидно, запомнил, куда сел бекас, отправился прямо туда и чем дальше, тем скорей. Свисток не помог, он, шлепая, полетел, стурил. На обратном пути стурил молодого бекаса, который махнул через кусты на суходол, и другого молодого, пересевшего недалеко в болото у маленького кустика.

Я основательно наказал Ромку, взял на сворку и стал очень осторожно, уговаривая, оглаживая, подводить. Все мои усилия были напрасны, бекаса Ромка не причуял, он вылетел и пересел недалеко. Я опять стал подводить тем же способом, уговаривая, оглаживая, и, чтобы вышло естественнее, под самый конец пустил на самостоятельный розыск. Опять ничего не вышло, и опять бекас пересел в замеченное мной место. Я опять повел и спустил еще на большем расстоянии, чем в предыдущий раз. Потом с замирающим сердцем стал руководить тихим поиском, вправо прошли – нет, влево повернул – нет, опять вправо подальше, и тут Ромка вдруг что-то почуял и стал, и стоял, а я говорил: «Тубо». Он сделал шаг вперед, и бекас вылетел сзади него.

Считаю сегодняшний день великим: и стойки добился, и поиск стал много осмотрительней.

20 Июля. Со дня моего приезда установилась погода ровно жаркая: день в день, как в зеркало смотрится.

Сегодня Володя принес мне из Константинова газет за неделю, пачку писем, среди которых удивительное письмо дурака Раскольникова, сменившего в «Красной Нови» Воронского: смеет меня приглашать, вот истинный дурень-то! Еще принес Володя баранок, папирос Сафо. Житель я! я! как скоро привыкается, болезнь прошла, к «току» привык – сплю, и вообще стало хорошо: много ли надо!

Работа по бекасам на большом болоте от пяти-шести утра.

Потянул с края болота к вчерашним кустам, я думал, это по памяти о вчерашних бекасах, подводил прекрасно, но стойки не сделал: вылетел молодой бекас. Опять я, как вчера, направил, тихо уговаривая, к пересевшему. В первый раз причуял сверху, остановился, но вдруг запустил нос в траву, фыркнул там, и бекас вылетел. Второй раз схватил на слишком коротком расстоянии, только схватил, остановился, и он вылетел.

Теперь явно определились наилучшие условия натаски: 1) мокрое болото с высокой осокой и редкими кустиками; 2) работа над вежливостью собаки при подводке к перемещенному бекасу.

Елань

Работа на Острове по тетеревам.

«Остров» то же, что «Чистик» в верховьях Днепра. Характерна топкая «приболотица» приблизительно в версту шириной. Но моховое болото здесь слабо выражено, местами это просто молодое березовое редколесье, сменившее бор.

На приболотице бойся не трясучки, покрытой травой, а тех мест, где скошено и люди ходили и проваливались. Я провалился до самого живота обеими ногами и прямо не знаю, как бы удалось мне выбраться, если бы не было Ромки. Вероятно, я, погруженный в болото, коротенький, как человек с отрезанными ногами, показался ему странным, и он подошел ко мне. Его необыкновенно толстая белая шея с висящими по ней складками, как у людей за 60 лет или у породи-стых быков, навела меня на мысль схватиться за нее. Ромка, подумав, что я хочу делать с ним что-то невероятное, сильно рванулся, и я сильнее впился пальцами в его бычьи складки и так выбрался.

Вокруг до Острова по топким местам были ольховые заросли. Ольха – это прозрачное дерево. Правда, ведь всякое дерево потому и дерево, что основательно, то есть имеет ствол, утверждающий себя корнями в твердой земле. А ольха стоит на

грязи, нигде даже не стоит, а едет по широкому плесу на своей «плавине». Эти жидкие леса и недоступны, и обыкновенно пусты. Я их очень не люблю, они мне представляются последствием извращенно удовлетворяемых желаний.

Единственная тропа по Острову привела меня к большой, не менее полверсты в диаметре, чистой вырубке, на которой были разбросаны кое-где отдельно стоящие деревья, на которых сучья росли только по одной стороне ствола. Это произошло не от действия северного ветра, как на Севере, а от борьбы за свет между деревьями в лесу. Эти уродливые великаны представляют из себя индивидуумы, пережившие некогда большой здесь коллектив зеленого бора. Вот теперь, когда все вырублено, можно ясно видеть, какую жалкую жизнь влачил индивидуум в могучем лесном коллективе. Один из этих уродов совершенно засох, и ветер обломил его тонкую вершину, а на притупине сидел большой ястреб-тетеревятник и высматривал добычу. Проходя через вырубку, я спугнул его, а когда через три часа вернулся, он сидел по-прежнему на притупине сухого дерева. Я уже к тому времени видел у одного черного пня среди красных цветов и ромашек перья расклеванного тетеревенка, я видел <среди> раскопанных муравьиных кочек, иногда на песочке оставался след отдыхавшего тетерева, иногда дырочка в старом пне рассказывала, что это черныш пробил ее себе клювом и по рыхлой сердцевине выбрался вверх на край пня, и под краем висела голубая ягода пьяника, петух вытянул шею вверх достать себе голубую ягодку, может быть, для равновесия взмахнул крыльями, и тут его заметил ястреб, сидящий на притупине сухого дерева. Я думаю, он поджидал, когда петух расклюется, и потом кинулся...

Я много прочел таких историй, когда я вернулся на вырубку и встретил опять злосчастного ястреба на той же самой сушине. И так мне все на этой вырубке представилось особенным царством: внизу в роскошных цветах, в зеленом свете проглянуло через листья солнце, живились разные птицы, бегали, играли, размножались, кормились, зная, однако, что при малейшем неосторожном движении сидящий на вершине сухого дерева вмиг уничтожит жизнь и оставит только сухие перья на зеленой траве и капли крови на белых ромашках.

А тишина какая! Ведь уже не поет ни одна птица, и стада здесь не пасутся, и на покос никто не заходит. Только на севере, где-то у самой Дубны, опушенной непроходимыми зарослями, кричали журавли.

Я осмотрел превосходные тетеревиные места по правую и левую сторону просеки, но Ромка, причуяв след, мечется, не зная, что с ним делать, и бросается тотчас, если видит, что я удаляюсь: он верит до сих пор, что я лучше его знаю, где тете-

Страница из дневника с планом местности охоты

рева; благодаря этому я спокойно иду, а он бегает на коротких кругах. Но вот он совсем обезумел и стал метаться из стороны в сторону с треском и шумом. Тетерка откуда-то взялась над его головой, я так крикнул «Тубо», что Ромка лег на ходу, так что задние ноги у него растянулись, как ноги коростеля при полете. Дурак дураком!

Но и тетерка обезумела и полетела прямо на меня, так что я невольно отклонил голову от нее, и если бы захотел, легко бы мог сбить ее плетью. Вероятно, цыплята были еще очень маленькие, потому, во-первых, что тетерка долго квохтала возле нас и, во-вторых, что сколько я ни топтался, так и не нашел детей: самых маленьких бывает найти нелегко.

Потом мы засели в куст и, несмотря на то, что пересохшие мои губы издавали звуки совсем непохожие на тетеревят, тетерка все-таки бегала вокруг, хотя и не квохтала. Замечательно, что Ромка чуял ее на большом расстоянии и водил носом и страшными глазами вслед ее передвижению. Я убедился в этом, когда, наконец, после долгих усилий губы мои издали желанный звук и тетерка отозвалась: в это время Ромка именно туда и указывал, откуда послышался звук. Потом я пробовал пустить его по следу на веревке. Он тянул неимоверно, и если бы я его пустил, то рванулся бы в карьер, но я огрел его плетью, и после того некоторое время он крался нормально, и, главное, не тыкался носом в траву, и больше хватал по воздуху. Этот найденный мотив я и буду культивировать в дальнейшем.

Знаю по книгам, что в первое поле собаку надо натаскивать в болоте, иначе она привыкает к «нижнему» чутью. Я думаю, что собака, если у нее есть сильное чутье, сама поймет и в лесу или на болоте, что верхнее чутье важнее. Опасным я считаю пускать по тетеревам, потому что они очень горячат собаку. Но если собака хорошо повинуется, то почему бы не натаскивать и по лесной дичи? Я буду продолжать, пока в состоянии буду справляться с собакой.

Вечер по бекасам.

Прекрасная подводка на пустое место. Спихнул старого очень близко. Спихнул молодого. Подвел и долго стоял по молодому, который вылетел далеко справа. Наметился очень издалека на куст и рысью, не слушая моего крика, поскакал и спугнул старого бекаса. Засел на стойку в высокой траве, на топком месте, сидел буквально на заднице по курочке. В общем, стал много вежливей подводить, но часто ему «ни к чему», и потому стуривает. Постоянство чутья, очевидно, требует у собак того, что в работе людей называется терпением. Вот пример гениального терпения, это урок натаски на болоте такой, как сегодня. Я забыл еще отметить, что ведь раз пять подводил к перелетающему молодому, и все было напрасно.

21 Июля. Казанская. Мужики празднуют.

Сегодня с утра наволочь. Болота, в общем, «застроились», правда, картина их совершенно изменилась, когда появились эти города стогов везде, и даже на самых зыбучих местах. Но все еще продолжают косить, и под вечер видишь людей с косами, носилками и граблями, идущих из болот, вид этих намоpенных, искусанных слепнями, комарами и мошкой людей напомнил мне рабочих в плавильном отделении чугунно-литейных заводов: смотришь на них и дивишься, на что способен человек, и втайне радуешься, что самому удалось увильнуть от такого труда.

Когда в Константиновском кооперативе не управляются с доставкой сахара и начинают имеющийся запас продавать в ограниченном количестве – фунт-два на одно лицо, то все бросаются покупать соль в огромном количестве. «Не буду скрывать, – сказал хозяин, – войны боимся». – «При чем же тут соль?» – «Очень уж солоно пришлось в тот раз. И потому люди стали длинновидными».

Я сказал своему хозяину о его ужасном труде, на что он мне ответил. «Вы больше работаете и больше мучаетесь, только не замечаете за собой...»

Работа в болоте.

Большое болото буду называть школой 2-й ступени, а Михалевское – 1-й. Завидев даже небольшую лужицу с бекасиной травой, Ромка останавливается и нюхает, нет ли тут бекаса.

Теперь Ромка перед болотом останавливается и, поиграв ноздрями, с высоко поднятой головой, тихо идет. Так он дотянулся до куста и стал мертво, влепился в болото. Я уже понимаю такие стойки: коростель или курочка. Пришлось отвести его подальше. Но и тут он растянулся по траве и стал, страстно принюхивая, змеиться – это значит тоже по коростелю. Я не успел отозвать его, к сожалению, в своем страстном поиске коростеля, он наткнулся на бекаса старого, потом на молодого. По перемещенному молодому не сработал раз и два. Бекас улетел на суходол в кусты. Я пустил Ромку туда, не принимая никаких предосторожностей, и вот, побегав между кустами, он вдруг стал в великолепнейшей позе, какую можно только желать от легавой «Тубо, тубо, Ромушка!», – уговаривал я его, стараясь приблизиться к нему. И достиг, и погладил его рукой, и еще он долго стоял. Потом вылетел бекас в шести шагах и за двумя небольшими кустами. Очень возможно, что он отбежал, но возможно, что и нет. Ромка смотрел не под ноги себе, как при коростелях, а именно туда, откуда бекас вылетел.

<*Запись на полях*> Твердая стойка.

Большего желать нечего, разве только чтобы так повторялось почаще. Это событие очень большое, ведь настоящая длительная стойка по бекасу – это первая.

Когда мы вернулись к бекасу, Ромка – к кусту, из которого вылетела птичка, и когда он стал, я думал – по птичке. Но вылетел из куста коростель, сел в десяти шагах, Ромка видел это, но с места не тронулся.

<*Запись на полях*> Ловля ветра.

Очень важно было в это утро, что ветер был, и Ромка сегодня научился ловить ветер. Схватит, остановится и пойдет, и пойдет далеко, и там остановится. Так я видел один раз, как вылетела утка, а Ромка ее не заметил, еще раз ветер привел его далеко на скошенное место, и тут возле самой травы по скошенному все-таки вылетел бекас и пересел в траву. А еще было: Ромка окаменел в непроходимой осоке возле маленького кустика, и я должен был туда пробираться, раз погрузился до пояса, но дошел. И вдруг что-то шлепнулось из куста в осоку и помокрому побежало там буль-буль! – и осока вверх по бегущим далеко шевелилась. Конечно, это была водяная курочка или коростель. А когда мы выбрались на суходол, Ромка бежал впереди, и мне было не видно его, и так пришлось, что из-за куста я увидел такую картину: впереди, удирая от собаки, бежал кроншнеп, а Ромка, погруженный в след, идет нижним чутьем и не догадывается посмотреть впереди себя: вот пример, почему необходимо отучить собаку ковыряться в следах, почему надо непременно вперед натаскивать в болоте и потом уж в лесу. Кроншнеп улетел, а Ромка так и не знал об этом и продолжал преследовать, пока не пришел к концу следа, и тут стал метаться из стороны в сторону...

Так сегодня получилось общее впечатление, что стойка уже не редкость для Ромки теперь. А вежливость его стала такая, что если мы встречаем даже маленькую зеленую бекасиную Еланку, он останавливается на краю, задирает как можно выше голову, играет ноздрями и потом очень осторожно, с таким значительным видом идет шагом в осоку.

Работа по тетеревам.

Легкий дождик брызнул и сильно испортил мне работу по тетеревам: и мне мокро в кустах, и тетерка боится выводить маленьких на большую росу. Я осматривал Жарье. Ромка бегал свободно в кустах. И как же я испугался, когда Ромка на мой окрик не пришел, на свист не явился, и тут вылетела где-то с треском и заквохтала тетерка. Я ринулся к тому месту, представляя себе, что Ромка мчится за маткой, но Ромка стоял в какой-то недоуменной позе. «Не задавил ли тетеревенка?» – по-

думалось. «Ну, что же, чего стоишь, где, что у тебя?» – спросил я, оглаживая и разбирая траву под его лапами. Он подобрался и насторожился, а вслед за тем у меня из-под руки вылетел маленький, меньше дрозда, тетеревенок и переместился в чащу. Я освистал выводок, отозвались и цыплята, и матка, но чаща была вокруг страшная, веревка путалась, обвивала и растирала без того уже окрасненную заднюю ногу Ромки. Я бросил искать. Мне пришло в голову, что тот выводок, тот самый первый выводок, из которого ястреб взял одного – тот был по ту сторону ржи, этот по другую, очень возможно и «перевела».

Чтобы проверить это, я отправился на другой конец поля и так ничего не понял и подумал: «Так оно и есть». А между тем, постоянно мелькая в кустах, <Ромка> не вернулся с последнего круга из чащи, за которой была та самая Еланка с осокой против мохового болотца, где теперь он вел и не провел, и я подумал, он это по мальчишкам ведет, собирающим «пьянику». Я крикнул – он не явился. Я свистнул, и вслед за тем взорвалась тетерка там, за чащей. Когда я выскочил из чащи, Ромка стоял в осоке против заросли, разделяющей жидкое болото от мохового. Не успел я подойти к Ромке, как тетерка опять взлетела в кустах, не более пяти шагов от Ромки: значит, в первый раз она вылетела из осоки и опустилась в правый куст, и Ромка не бросился за ней, а только подошел и опять стоял на ней, пока я не пришел и не поднял тетерку. Все-таки я надел на него ошейник с веревкой и пустил в заросли. Через некоторое время тетерка взлетела, а Ромка опять стоял в чаще неподвижно. Я думаю, что это у него отчасти результат моих упражнений с ним над курами; ведь он у меня до того застаивается над курами, что и зевает, и даже брехнет, если видит, пробежит собака – стоит, стоит, а сунуться никак не посмеет. Очень возможно, что тетерка ему как курица.

Из всего этого я вывожу, что и тогда Ромка вел по осоке по выводку, а не по мальчишкам, и это значит, за рожью, там другой выводок, и оба выводка с маленькими цыплятами и, если присоединить сюда тот, от которого отбился тетеревенок и был пойман в деревне в Петров день, и еще на Острове, то значит, можно думать, что первое гнездо тетеревят было уничтожено по холодной весне, и это все уже вторые и, значит, охотиться первого Августа будет не по чем. Ведь и с бекасами происходит то же самое. Надо узнать, что с утками.

Меня очень порадовал сегодняшний день и привел к раздумью о «собаку съел на своем деле». Смотрю на Ромку, представляю себе его в будущем первоклассной полевой собакой, и великое множество разных бродячих, полудиких русских собак встает в моем представлении, тех собак, которых под предлогом бешенства массами расстреливали в городах и селах. Какое жалкое зверье! Посмотрите же на этого красивого Романа Васильевича, такого умного, такого ученого, такого доброго, что

редкий прохожий не скажет ему ласкового слова, – неужели и такое организованное существо можно тоже назвать тем же именем собаки, которое дается всем тем? Нет, други мои, той собаки нет уже в моем Ромке, ту собаку я съел, а Ромка теперь уже не просто собака, собака в нем преображена моим творчеством, она – друг человека. Вспомните, как часто мы слышим, и о человеке говорят: «Со-ба-ка!» Если это не в сердцах говорится, а по правде, то, я думаю, человек этот принадлежит к тем несчастным, которые в своем творческом уме не съели собаку, а напротив, их съела собака...

Вечерняя работа.

Школа 2-й ступени начинает мне не нравиться, она переполнена коростелями и курочками. Не успел я пустить, как уже Ромка стал, а из куста на него даже цыкало что-то: у коростелей (тут, кажется, была курочка) с детьми, крик довольно зловещий вроде, как у хорьков (конечно, тихонько, но тон такой неприятный). Я отвел от одного, от другого, нашел и по пути к нему спугнул бекасов.

По мере того как Ромка начинает дальше и дальше ловить носом по ветру запахи, становится труднее повертывать его свистком или окриком. Так он плыл в осоке и все завертывал к более далекому, шагах в пятидесяти-шестидесяти кусту. Мне хотелось обыскивать правильно, и я его возвращал назад. Стремление его к далекому кусту я объяснял себе его наблюдением, что дичь находится не в открытом болоте, а все больше около кустиков. Мне, наконец, надоело его возвращать, и когда он не послушался окрика, вернул его на берег болота и вздул. И все-таки даже после этой неприятности он опять полез к далекому кусту, и я, чтобы не повторять порки и овладеть собой, так и быть, не стал ему препятствовать. А между тем, чем ближе к кусту, тем больше стал он подбираться, больше, больше и стал. Пришлось мне лезть за ним в топину. Лез я, лез, а он все стоял. И когда я добрался, я чувствовал себя перед ним виноватым и стал оглаживать его на стойке. Ужасно он любит, если его гладят на стойке. Мне кажется, он распустил бы слюни, если бы тут не вылетела утка, старая, а потом не замелькали в осоке крошечные малыши.

Вот утка – тоже, значит, и у них запоздание.

22 Июля. Утром покапало, намочило кусты. После обеда побрызгало еще посильней и нахмурилось.

Пастух с утра, в ожидании пока не обсохнут кусты (самому мокро), выгнал скотину как раз на то самое место, где живут мои четыре бекаса. Посмотрим, не явятся ли после скотины новые.

Я успел слегка осмотреть болото до скота, но, к удивлению, первый раз за все время не нашел бекасов на своих местах.

Около 6 д. отправился на Остров и прошел его по тропе насквозь до болота «Дядькино» или «Вторые полосы». Между 1-й и 2-й просекой потащил меня Ромка очень сильно, я прицепил к ремешку веревку и, предполагая, что он тащит по тетеревам, стал плетью успокаивать его безумный ход врастяжку криком. Между прочим, это упражнение в тихой подводке к тетеревам надо начать проделывать систематически и достигнуть того же, что достигнуто уже на болоте по бекасам. Я имею себе об идеальной собаке в лесу более ясное представление, чем в болоте. Собака в лесу должна искать, как Кента – быстрее, но на коротких кругах, в 20-30 шагах в диаметре, виться волчком. При встрече со следом собака должна серьезно его вынюхать, сделать осторожный круг, найти выход и вести чрезвычайно осторожно, переступая с лапы на лапу, вздрагивая даже, если треснет сучок.

Притом, однако, собака должна быть напорна и нагонять бегущих тетеревей, а не делать беспрерывно стойки.

Все это явилось у Кенты само собой и вдруг: то носилась вроде Ромки, как сумасшедшая, а то вдруг после серьезных охот на болоте пошла и по тетеревам.

Но все-таки нельзя рассчитывать на эти «вдруг» у Ромки, а следует приучать. Вот почему я и наказываю его плетью.

Между тем, вокруг нас стало почему-то светлее, я осмотрелся, и это оказалось вот почему: земля была покрыта кочками-подушками с голубой ягодой «пьяникой», между этими кочками росла веселая светло-зеленая осока, и довольно редко друг от друга были расставлены молодые березы, вот потому и светло, что эти березки белые, и внизу светло-зеленая рама осоки вокруг голубых кочек. Идти было очень мягко. Было так тихо в этом очень пустынном уголке: ныл комар, и, верно, от такой тишины казалось, где-то далеко в облаках пролетал аэроплан.

Будь у меня вежливая собака, я мог бы подойти к птицам в упор, но Ромка совсем одурел от страсти, я хлопнул его плетью, и они услыхали. Их крик был не тот солнечный звук, который слышится нам издали, а как будто в старинной усадьбе или музейном каретном сарае повернули колесо дормеза, оси которого не смазывались со времен Екатерины Второй.

Но они все же не улетели, и мы довольно долго еще шли по ним, и мох вокруг был осыпан их перьями и пухом. Они поднялись очень близко, шагах в тридцати, и в воздухе крикнули уже по-настоящему, по-журавлиному. Эта лесная пустынька – их постоянное место кормежки. Где их маленькие? Вообще я почти ничего не знаю о жизни этой гнездующей у нас птицы, и городским жителям представляется даже, что они очень далекие, удивляются даже, когда скажешь (если припомнить, то порядочно и знаю, только маленьких журавлей никогда не видал). Расспрашивать крестьян.

Открытое болото Дядькино к лесу все кочковатое, скошенные кочки, такие тесные, что между ними не помещается нога, и на них не помещается, и застревает между ними или глубоко уходит – эти плоские подстриженные косой кочки, с точки зрения бегающих там между ними бекасов, похожи на башни или на небоскребы огромного города. Я послал Ромку, но и ему нелегко было ходить. Откуда-то взялся бекас и сел возле стога. Я направлял на него Ромку, раз – возле стога и другой – по-перемещенному, ничего не вышло, вероятно, и трудно учуять, и вообще по указанию, должно быть, всем собакам трудно: собака смотрит на хозяина, стараясь вычитать из глаз его, а не напрягает все силы в чутье, когда работает сама. Но все-таки я буду продолжать эту операцию, она полезна тем конфузом, который остается у собак, когда бекас вылетает, уважением к знаниям хозяина, а, кроме того, иногда ведь удается даже с таким новичком, как Ромка.

Больше мы не нашли бекасов, и я бы не хотел их искать: очень редки. В больших болотах надо знать места дичины, их не так много, вероятно.

На обратном пути свободно пущенный Ромка спихнул черныша и после того остановился в глупом замешательствс. Я пробовал сокращать его гигантские прыжки, ходить потише, но у меня ничего не вышло, и я решил с ним более сюда не ходить.

Племянник хозяина в субботу отправляется в Сергиев. Я поручу ему привезти Кенту. Закажу, чтобы в воскресенье приехала Е. П.

Свисток. Карты. Сапоги. Машинка. Переводная бумага.

Мих. Мих. Карпов указал новый (третий) выводок тетеревей в Жарье, дети только что вывелись. Он же на днях нашел кроншнепа на яйцах и разбил одно, чтобы узнать, не на мертвых ли яйцах сидит птица до такого позднего времени. Яйцо оказалось совершенно испорченным.

Несколько лет тому назад молодого журавля поймали в Михалевском болоте. Гнездятся, вероятно, на Острове. Журавлиха на яйцах. Журавль гнездует в глухом болоте, а пасется в степях, красуясь на длинных ногах.

До ночи и в ночь шел окладной дождь.

23 Июля. Хмурый день с нависшими неподвижными тучами, как глубокой осенью, ни тепло, ни холодно. После обеда просвечивало солнце.

Семья бекасов покинула болота второй ступени, и на всем болоте я нашел одного старика, которого Ромка и причуял, но стойки не сделал. Здесь была мертвая стойка по коростели. Ромкина стойка до того красивая, до того «классическая», что ничего (себе?) не оставляет: такое видишь на всех охотничьих картинах, на тысячах фотографий.

После этого болота с одним бекасом мы перешли в 1-ю ступень. И там не нашли учебную семью, шагах в шестидесяти вылетел старик, которого потом не нашли. За дорожкой по густой осоке вылетел вялый бекас, похожий на матку, и недалеко пересел. Несмотря на довольно высокую и густую траву, Ромка сделал по нем мертвую стойку. Потом я пригласил его идти вперед, он там впереди ничего не нашел и пошел взволнованно и беспорядочно по следу до тех пор, пока бекас не вылетел. Вот теперь я хорошо понял, что Ромке не хватает «подводки» к птице, его стойка – это просто недоумение, но вовсе не сознательный момент в деле достижения дичи. Очень возможно, что некоторые из стоек, которые я считал «по коростелям», были и по бекасам, а я принимал их за «по коростелям», потому что он после стойки бросался в беспорядочный розыск. Вот это и есть главное, в чем я убедился за день: Ромка не умеет подводить по дичи. Сегодня я много истратил энергии на управление Ромкой, чтобы держать его всегда в готовности воспринимать запах дичи. Карьер, галоп, шаг – в конце концов, все равно, лишь бы собака не зарывалась и всегда была в состоянии «медиума». Это сразу заметно по общему виду собаки. Во всяком случае, Ромка вполне постиг, как надо пользоваться ветром. Сегодня, когда мне приходилось идти вперед под ветер, Ромка забегал далеко вперед и потом приближался ко мне галсом «на ветер». Он это отлично усвоил.

Можно все-таки впасть в отчаяние от такого ничтожного количества дичи – проходить по болотам с шести до десяти часов и найти всего двух бекасов! Посмотрим, что будет в Августе.

Зашел в кусты по указанию М. М. Карпова, и Рома сейчас же поднял тетерку. Я отвел его, чтобы не подавить пискунов. Итого найдено пять выводков, и все с крошечными цыплятками. Я уложил Ромку и подсвистал матку, она стояла на опушке в пяти шагах и смотрела долго на Ромку, а когда он заскулил, ушла в кусты и там квохтала. Я думал о слабой жизненности птенцов (тетеревей и бекасов), это столь нежные существа... Когда думаешь о хрупкости птенцов, начинаешь понимать происхождение беззаветной стойкости, героизма их матерей. Да и вообще истоки героизма и мужества надо искать в нежности души. А чувство трагического (то есть чувство человечности) целиком происходит из жалости.

(Весной в Москве. Ребенок прошел, вслед за ним с крыши рухнул ком льда вдвое больше его. Люди сказали: «Ну, счаст-

лив твой Бог!») Потом шел другой ребенок, и лед упал перед ним. Ребенок с плачем убежал назад. И тогда кто-то бросился к дворнику.)

Получено известие, что Петя провалился. М. М. Карпов едет за ним.

Плеть самая прочная из цельного ремня с оборотом на головке конца до половины. В головке вделан карабинчик. Я приспособил еще в головку стальное кольцо, которое продевается в мочку свистка. Плеть со свистком на карабине в один момент прицепляется и отцепляется от пояса. Ошейник с колючками (парфорс), который может быть колючками повернут вверх. На этом ошейнике кольцо, за которое карабином прицепляется ременный поводок с двумя карабинами на двух концах. Я могу... обернув поводок вокруг дерева, другим концом я прицепляю к ошейнику, и собака в один момент привязана. Могу иногда увеличить длину поводка, прицепив к нему карабином плеть. Веревка, несколько потоньше мизинца, аршин десять длиной с карабином, чтобы на стойке, не волнуя собаки, можно было сразу прицепить. Компас.

Я рассказал своим хозяевам, что вчера усталый я нашел стог болотного сена в Подмошнике. Покусывали меня маленькие длинные слепни «монахи», где-то вблизи в болотах косили, и Ромка брехал на голоса, но все-таки я уснул. И мне снилось, будто люди в болотах за кустами были необыкновенные, у иных были подвижные хвосты, которыми они, как лошади, отмахивались от слепней, у других подвижные бороды, у третьих гривы. «Это сон не простой, – сказала хозяйка, – это сон какой-то чудесный». Хозяин возразил: «Я ничего чудесного не вижу, человек спал, усталый, его кусали слепни, и ему захотелось хвоста на них». «Да, – сказал я, – это очень понятно». Только после пробуждения к сну прицепились разные чудные мысли. «Вы знаете, например, что люди когда-то двигали ушами, как звери, и это теперь у некоторых встречается». «Знаем, знаем!» – закричали все. И назвали какого-то Ивана Михалева, который двигает ушами. «Вот, – говорю, – знаете, тоже у людей были когда-то и хвосты. Говорят, всё это пропадает, потому что становится ненужным. Но вот болота существуют, слепни существуют, почему же у болотных людей не сохранилось хвостов?» «Я вам скажу, – ответил хозяин, – потому что человек один и по нему все равняется: вот если бы всему человеку надлежало жить в болоте, то хвосты бы сохранились».

Ту же самую мысль сказал, не помню, Ницше или Метерлинк, приблизительно так: «Если в стране есть несколько гениальных мыслителей, то крестьянин живет иначе, чем если бы их не было».

Сегодня в болоте мелькнула мысль: «Что бы ни было, как бы ни было, все-таки мне ближе викинг, чем китаец, без Дон Кихота я бы умер, как рыба на берегу».

Лева пишет, что Яловецкая назвала его рассказ «мудрым». Это Леве-то сказать! Я начинаю ненавидеть бальзаковских женщин, если только нет у них много детей как поглощающего труда (как у доктора). Все они телом и душой развращены так, как и не снится мужчинам. И вот эти женщины именно и есть колыбель лжи. Мне представляется, что ложь – это есть освобожденная мудрость. И тоже: мудрость – это прилаженная к делу ложь, это есть «ложь во спасение».

Яловецкая сказала, что для артистической карьеры ей надо было иметь пять мужей, но она осталась верна одному и потому карьеру не сделала. Бедный Вячеслав Антонович! Вот, наверное, натерпелся-то!

Мой хозяин – несомненно, талантливый человек, а жена его очень честная, как всякий талантливый человек, хозяин мой тонок, наверное, не без грешков и потому жены своей побаивается. Такое же впечатление произвожу и я. И Розанов был таков.

С «лучшим» необходимо расстаться и всем без исключения, разница только в том, что одни отдают его добровольно, тем самым удовлетворяя и себя (творцы), или у них его отнимают насильно (рабы).

24 Июля. Утро очень хмурое, осаждается что-то мельче дождя. Ночью сильно тосковал о Леве, хотя ведь не Лева провалился, а Петя. Как в течение одной зимы исковеркался в Москве этот юноша. Всего нахватался, возомнил. Весь вне себя и внутри пусто. Вот выхватил из моей библиотеки слова Лосский, Бергсон, интуиция, только увидал это (где ему понять!) и уже мне пишет об интуиции и звонит, наверное, всем знакомым в «умных» разговорах. Это еще счастье, если нарвется на когонибудь и будет «прострелен», а то неминуемо быть пустозвоном. Беда, что «прострел»-то часто бывает смертельным. Я тосковал и болел, стараясь унять свою боль. Как бы я хотел вместо этого хвастуна иметь стыдливого юношу, самолюбивого в своих истинных достоинствах, вроде Андрюши.

Вышел в шесть часов утра краем полей и Поддубовского. Начался дождь такой теплый, что я в одной рубашке проходил под ним до десяти утра. Был почти у Иванова, потом завернул, болото вправо, Поддубовское влево, прошел до гати, обошел кругом Филипповское и Михалевское, болотом вернул-

ся домой. И на всем этом пространстве не нашел ни одного бекаса! Пропали и все мои «учебные» выводки. Вообще надо сказать, что гнездовые бекасы, по-видимому, куда-то переместились, но куда же? В ближайшее время надо посмотреть на той стороне Вытравки. И если не окажется там, надо бросить бекасов и натаскивать по тетеревам. Стоек по коростелям и курочкам было множество. Несколько раз подводил как будто к бекасу, долго обыскивал, не мог найти, не мог? или это ночной наброд?

Моя юность (пишу в оправдание Левы) до 29 лет, как до 16 у других, и то далеко не у всяких. Полное незнание жизни и в голове постоянный сумбур от прочитанных книг при поразительном невежестве. Тем удивительнее, что я все-таки «вышел в люди» и считаюсь теперь «замечательным художником». Таким образом, я думаю, что мой талант рос целиком за счет моей личной жизни и что этот талант был у меня взамен жизни как удовлетворение ненасытному желанию жить. Коноплянцев называл меня «поэт жизни».

Человек на социальном обеспечении внезапно забил окна своего дома и скрылся, оказалось, что в Москве у него отобрали комнату, и он полетел спасать положение (он был слесарем).

В подтверждение моих догадок, что семейные бекасы перекочевали с мест гнездования к ручьям, получил сведения от Федора Ивановича, что бекасы второй ступени, штук пять находятся на Вытравке. Точно так же надо проверить и первую ступень: сходить на родники возле Ясникова. Видели выводок летающих кряковых – слава Богу.

Интересное о журавлях. На рассвете весной и теперь журавли кричат у своих гнезд, и так по крикам можно сосчитать, сколько гнезд. Федор знал выводок на Острове в болоте, в частом березнике на вырубке, на кочке два больших белых яйца.

Вчера прогуливался под вечер по дороге во ржи, слышу, едут, рожь мокрая, спрятаться не хочется, а нужно бы: я без собаки, а на поясе плеть, в сандалиях и в чулках, но главное, на шее бинокль и сбоку футляр, цветом совершенно как кобура от револьвера, до того похожий, что милиционеры честь отдают. Дико увидеть такого человека в полях! Подвода меня нагнала, на телеге женщина, рядом мордастый мужик. «Здравствуйте, – сказал он, – добрый день!» – Потом отъехал десять шагов и говорит: «Откуда нам такую собаку занесло?» Я рассказал хозяевам. Они ничего не поняли. Я попробовал навести на свою догадку и сказал:

– Мой чехол от бинокля так похож на револьверный, что мне милиционер отдал честь.

Хозяину что-то мелькнуло, и он протянул:

– Ага-а-а...
Я ему добавил:
– Мои штаны широкие, и ноги в чулках выглядят, как в галифе, а на поясе висела плеть, и собаки со мной не было.
– Собаки не было? – охнула хозяйка.
– Не было.
– Ну, тогда все понятно.
И хозяин весело сказал: «Вам надо было к нему подойти и сказать: «Ведь ты, дурак, ругаешь чехол от бинокля!» «Но почему же, – спросил я, – он приветствовал меня и через десять шагов...»
– Русский человек так постоянно: проехал, значит, неслышно.
– Скажите, М. М., русский человек по своему происхождению не к северным азиатам принадлежит?
– А что?
– Да, уж очень он скверно ругается.
– Ну, это от бедности, – сказала хозяйка.

Я уснул, как всегда, в воскресный день, под токование барышни Изюмовой: я понял в этот раз значение выкриков, называемых частушками – такой однообразный выкрик совершенно возвращал человека к природе, где он уже не человек, а токующий зверь.

Об этом Шура мне рассказывала: эти песенки не у них сочиняют, никто у нас в деревне не сочиняет ни одной песенки, но все-таки они прикрепляются к каждой деревне: есть Ясниковские, есть Константиновские и т. д. Собрать все звуки, которые врываются за день в избу. Против три учреждения: колодец, часовня, ток.

Так начинается очень рано, девочки пяти-шести лет идут по улице в обнимку и лепечут частушки (какие?), потом присаживаются на бревно возле сарая... постепенно нарастает...

Типы криков: под общий гул разговора и шуток Изюмова одна или в два голоса бросает песенку... А то, бывает, все смолкнет, как будто нет никого и вдруг с нечеловеческой резкостью (частушка) в несколько девичьих голосов и в совершенной последовательности хор мужских голосов отвечает похабщиной («...на х... надевать»): как будто так и надо. Потом щупка и визг девок, и когда он ощупает, то кричит: ну ты, е. тв. мать, го-го-го! (изучить, записать).

Я своим ушам не поверил, но через некоторое время слова повторились, заканчивая куплет: «на х... надевать».

Я возвращался под вечер. Она боронила длинную полосу от дороги до Подмошника и пела-токовала. Выкрикнув фразу, она говорила лошади: но-но! и так же тихонечко повторяла ту же фразу без слов: но! та-та-та! после чего следовала громко вторая, заключающая песню фраза. Я спросил ее, не сама ли она это сочиняет, она ответила, что нет, этого они не могут.

Я предложил ей свою, она выслушала, повторила. И когда я отошел, она пела мою песенку, и так родилась песенка, и будет жить долго.

25 Июля. Утро ясное – задымленное, прекрасное, потом дождь.

Ходил в крепь на Вытравке, как указывал Федор, искать куда-то исчезнувшие выводки, но ничего не нашел. Нет, конечно, их и на открытых лугах, но, несомненно, в эти дни произошло перемещение всех выводков. В крайних случаях охотник обращается на совет к пастухам и редко не получает от них верных указаний. Возле Ясникова я спросил пастухов, и они мне прямо указали болотце возле стада, то самое, про которое мне много раз говорили: совершенно открытое, с кочками, по которому много раз прошло стадо. По словам охотников и пастухов, это болото, излюбленное бекасами (и дупелями), и с испокон веков сюда ездили охотиться. Болото в нескольких местах пересечено ручьями, впадающими в Вытравку, всюду родники, сосочки. В этом болоте мне придется бывать много раз, и я к нему еще возвращусь, такое оно типичное. Пролетного дупеля вероятней всего надо будет искать именно здесь.

На одном небольшом участке болота собралось бекасов, вероятно, больше десятка, многие из них недалеко перемещались, и вот где, кажется, было мое самое большое испытание: собака, если и не съела меня, то под конец оставила еле-еле живым. Ромка в большинстве случаев спихивал их, не причуивая, а то, причуяв, опускал нос в траву, хрипел, фыркал, и бекас улетал для него незаметно, то, схватив по воздуху, быстро мчался, и бекас взлетал где-нибудь в стороне от шлепанья. Наконец как будто дождался я мертвой стойки, уговаривая ласковыми словами, я подобрался к нему: его глаза были погружены в кочку; я разобрал траву и нашел в ней маленького лягушонка, какие бывают всегда в великом множестве после дождя и всегда мне напоминают одну из «египетских казней», когда будто бы падал дождь из гадов. Вероятно, в детстве наш батюшка и указал мне на таких лягушат. Да, это была настоящая египетская казнь охотнику, величайшее испытание терпения человека.

Был самый трудный момент в нарастании моего раздражения, когда Ромка, вглядываясь в улетающих бекасов, обратил свое внимание на ласточек и, как бы разочарованный в возможности достигнуть бекаса, пустился за ласточками. Я его постегал раз и два, а когда ему пришлось подставить бок третий раз под плеть, то зевнул с таким выражением, будто он на всю охоту зевнул, что не стоит умным и порядочным людям и собакам заниматься такой ерундой.

Я отупел от повторения слов «тише», «тубо», «назад», до того отупел, что перешел какую-то опасную черту, когда взры-

вает всего изнутри и человек, обращенный в зверя, забивает ударом плети свое, в сущности, неповинное животное. Я эту черту перешел и одеревенел. Много помог, конечно, опыт с матерью Ромки, когда я, как говорила Е. П., возвращался «весь белый». Ведь непосредственно я тогда ничего не достиг, а она потом сама вдруг поняла. Вот я это все время имел в виду. Наконец, я придумал способ. В тот момент, когда по моим приметам Ромка причуял бекаса и бросался шарить носом в траве, я кричу громовое «тубо». Ромка останавливается в недоумении, иногда в нелепой позе, нос в небо, как выпь, иногда очень похоже на стойку, даже с загнутой передней лапой. Однажды это вышло очень даже недурно, и пастухи, все время наблюдавшие эту картину, выразили большое одобрение моему искусству учить собак. Но они были неправы. Это была не стойка, не подводка. А что было раньше, и стойки, и подводки, то теперь мне казалось такими пустяками, такой случайностью, о которых и говорить не стоило.

Сегодня Петя должен привести Кенту. Я жду ее с великим нетерпением. Пусть она покажет сыну подводку, и пусть он сам не причует, но по примеру поймет, как нужно подводить, какое величайшей важности существо представляет из себя бекас. А второй мой расчет – на стрельбу: пускай посмотрит, как они будут падать от наших с Петей выстрелов, пускай понюхает их мертвых в траве и в сетке, а потом, может быть, и поймет, в чем тут дело.

Тут же начались стойки турухтанов. Так это и быть должно, на хорошем дупелином и бекасином болоте всегда бывают и турухтаны.

Пастушонок мне рассказывал, что сегодня утром на речке <видел> выводок тетеревей штук восемь, молодые были почти в матку. Очень возможно, что врут. Пастух указывал место выводка: по просеке идти до дороги в рожь и тут направо. Вероятно, это он про ту матку говорит, которая устроила гнездо на просеке, и все его знали.

Читаю с удовольствием Форш «Одеты камнем» – она обломок большой литературы. Не могу ничего сказать о поэтах и их стихах, но писатель вообще поставил себя в такое положение в обществе, что радости нет и от успеха. Правда, ну, что это: вот я приблизительно в чине полковника, а дальше ходу нет, дальше следуют чины генеральские, которые занимают грязные, нахальные придворные поэты Демьяны, Маяковские, дальше двигаться и неприлично.

К описанию звуков: сверчки (Ольга Людвиговна).

Большого сверчка увезли на Трубу, и там он был продан за полбутылки, и от него родилось столько сверчков, что хозяин из дому убежал.

26 Июля. Хмуро с утра, прохладно, как в сентябре. Вчера пришел Петя с Кентой и с Яриком. Петя сразу обратил внимание на множество поющих у нас сверчков и рассказал, что О. Л. Кардовская (художница) всю жизнь мечтает завести у себя на печке сверчка, ездили куда-то очень далеко за ним, но когда приехали, сверчок перестал петь, и его не могли найти. Наловим штук пятьдесят и пошлем.

Петя мне говорил, что он эти сорок пять верст шел с частыми перерывами от дождя, пережидал он дождь под елками, и с ним пережидали собаки и, когда он поднимался, они вскакивали и шли с ним, как будто знали куда и зачем надо идти. Вот это его дорогой очень занимало, что они шли в совершенно неизвестное им место, неизвестно зачем, и так бы могло быть бесконечно, сколько сил хватало, пока бы не умер от усталости и голода, а они бы все шли...

Но вот они входят в деревню, в дом, и тут их встретил хозяин, воспитатель, учитель, который пропадал уже третью неделю. Мать Кента встречает своего сына, Ярик – врага Ромку. Сколько в их жизни чудесного! Вокруг них собираются все деревенские дети, восхищению нет конца, и было такое замечание, сам слышал: «Это не собаки, это игрушки!»

Я же за это время до того сжился с Ромкой, что Кенту как будто несколько лет не видел, и удивлялся ей, и все мне казалось, что она стала какая-то не такая.

Мы вышли не рано под дождем краем болота второй ступени. Там, где раньше были бекасы, я пустил Ромку, чтобы показать Пете подводки по памяти, как было прежде с его матерью. Но Ромка не пошел, как обычно, к двум березкам, а куда-то вбок, но, видно, не попусту. И скоро вылетел прямо с подводки без стойки, мне подумалось, молодой бекас, но Петя узнал гаршнепа. Он сел недалеко, мы хорошо заметили место и пустили туда Кенту, а Ромку пока придержали. Кента, конечно, сразу причуяла, подвела и стала твердо. Петя прихватил ее на веревку, и я стал подводить Ромку.

Во время этой подводки мы заметили самого гаршнепа и почти у ног Ромки, причуять он его не мог, так как нос его выдавался далеко вперед.

– Осади, осади, – прошептал Петя.

Я подал Ромку назад, и он сразу причуял и впился в гаршнепа глазами. Кента, конечно, тоже гипнотизировала маленькую птичку своими страшными глазами.

Гаршнеп сидел на грязной плешинке болота между травами под углом в 45° к нашей линии, хвостом к нам, носом к открытому болоту, нос его был несколько опущен книзу, и великолепно блестели две его золотые полосы, параллельно идущие с головы и дружно огибающие сверху бочонком, как обручами, все его тельце до хвоста: далеко его можно увидеть по этому

«рыжему золоту». Гаршнеп тяжело дышал, очевидно, испуганный до последней степени. Я предложил Пете шевельнуть его пальцем. Он тронул хвостовые перья. Гаршнеп не летел.

– А если взять? – спросил я.

– Можно, – ответил Петя и взял в руку.

Мы дали Ромке хорошенько его понюхать, и когда пустили, то он не только полетел с фигурами, но даже и крякнул. По этому полету и кряканью мы предположили, что гаршнеп был старый.

Второй раз была спущена Кента и опять скоро нашла, и Ромка, подведенный, тоже учуял издали, и мы опять увидели гаршнепа сидящим открыто на островке грязи, среди воды. В этот раз Петя просто подкинул его пальцем, он пробежал немного и взлетел. Так мы шесть раз его поднимали, из них два раза Ромка нашел его совершенно самостоятельно и один раз учуял его на семь шагов через кусты и стоял твердо.

Вот когда уже не оставалось никакого сомнения и в прекрасном чутье Ромки, и в отличной его подготовке. Ромка сдал свой экзамен блестяще.

В бесконечную даль уходили стога сена на болоте, небо рассекали своим мерным полетом на два хозяйства две цапли, внизу под стогами выводок крякв кругами облетал болото.

Мы вышли на суходол отдохнуть. Кента села, вся-то мокрая. Ромка стал облизывать мать очень усердно, начиная от губ, по глазам, по шее, по спине, по животу, по сосцам, которые когда-то сосал, добрался до хвоста и тут от избытка чувств поднялся на задние лапы, а передними обнял за шею. Но последнее было лишним, сразу испортило прекрасное впечатление от первой ласки, Кента обернулась и так поучила его, что он жалобно викнул.

Потом откуда-то взялся в воздухе бекас, мы заметили, куда он сел, и пустили в том направлении Кенту. По ветру она взяла его шагов на шестьдесят, если не больше, и повела, но бекас сидел на скошенном месте и взлетел шагах в пятидесяти.

Нет ничего во всей охоте более изящного, чем подход собаки к бекасу, когда она его далеко зачует по ветру. Вот откуда, вероятнее всего, возникла непостижимая серому охотнику утонченность вкуса и строгое требование к породе собак. Подумайте, что происходит в таинственной глубине отношений человека и животного: человек – хозяин, учитель, воспитатель и бог. Но вот бог и раб переменяются местами, раб ведет своего господина. Необычно сладостное состояние изнутри, но извне ведь довольно глупое положение, если только собака не настолько красива, что всякий не посмотрит на охотника.

При этом мне вспомнилось, как я подумал, когда Ромка десятки раз не мог причуять перемещенного бекаса, что вообще и старой собаке трудно причуять перемещенного. Мне вспомнилось это как пример самообмана, когда устал, и не

можешь переносить скуки – и хочется лучшего, и тут сочиняешь себе, совершенно забывая свой большой опыт в действительности наперекор всему. Так огромное большинство охотников врет именно от скуки, ведь если серьезно охотиться, то это очень трудно, а несерьезно – ничего не попадается, скучно, и начинают врать.

Расставаясь с этим болотом, мы крикнули Кенту, которая разбиралась в каких-то следах в осоке. Я крикнул, потому что думал, она шьет носом по наброду хронштепов, но от моего крика из куста возле болота вылетело два петуха. Лесная тетеревиная база была довольно далеко от болота, и можно было удивляться смелости этих петухов, бродящих под дождем открытыми местами.

Потом мы перешли Вытравку и подобрались к тем местам, где вчера я встретил много бекасов. К сожалению, тут их было немного теперь, и потом на пути к нашей тропе встретил только одного. Я упражнял Ромку в подводке, следом за матерью, и один раз пустил одного, и он тихо подводил, хотя окончательной стойки не сделал. Потом я пустил его в поиск свободно вместе с матерью, и он работал отлично. Ввиду безгорячности матери и его большого послушания, мне кажется, можно его на таких совместных поисках учить с большим успехом. К сожалению, пустовка Кенты хотя и кончилась, и она отбивает, но для самцов еще продолжается влияние пола, так что когда долго не находилось следов, Ромка начинал свое бесплодное ухаживание, а раз увлекся до такой степени, что воспользовался стойкой Кенты по коростелю, и мы были свидетелями собачьего пастораля: она стояла, гипнотизируя глазами невидимую дичь в траве, а Ромка сзади облизывал ее ляжки около хвостика.

Звуки: привязанная собака у соседа визжит. Утята. Петух. Поют ласточки.

27 Июля. Хмурое утро. Клеверное сено горит. У амбара ток ежедневный. Девицы выкрикивают песенки свои, часто сентиментальные и наивные, стараясь отсрочить страшно грубое наступление хора мужчин. Вероятно, озорство парней рождается от ужасной скуки выслушивания тетерок. Сначала тихо и глухо, потом смелей и смелей, наконец, хор начинает свое наступление, и частушки умолкают. Вчера был особенный случай, бунт девичий, хор парней само собой и само собой хор девушек, частушки со взвизгиванием, ахахаханьем и прочее – целый букет. Похабные песни обыкновенно имеют вид самых старинных, приличных вроде «Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке».

Шел дождь. Тетерева прятались под кустами. Прояснивало, они опять выходили и давали наброд, и новый дождь частью

смывал следы, частью они оставались под деревьями и в густых кустах. Вот почему на Острове было очень утомительно и скучно следить за Кентой, и, в конце концов, часто мы оставались в дураках.

Немыслимо было пустить Ромку и вредно: в наброде необходимо разбираться нижним чутьем, и только очень опытная собака может по таким набродам не горячиться, а постоянно сдерживать себя, поднимать голову и проверять по воздуху, нет ли их уже где-нибудь вблизи.

Недалеко от того места, где я в тот раз нашел матку, мы и теперь нашли ее с одним маленьким, в воробья, тетеревенком, и было смешно смотреть, как за большой, почти в курицу, птицей, спешил воробей. И тут же недалеко найден был выводок с двумя тетеревами в черном пере. По сырой погоде тетеревята так далеко разбежались, что, очень возможно, в этом выводке и еще были, нами не найденные. Это был первый выводок, доказавший нам возможность встречи с уцелевшими от весенних морозов ранних гнезд. Потом, под конец, с правой стороны первой просеки около тропы Кента подвела к чернышу.

О слове «елань».

Слово «елань» я услыхал впервые здесь от Федора Ивановича и просил повторить его. Но редко можно бывает добиться от туземца повторения специального слова, потому что таких слов своих, коренных, он как бы стыдится, их можно произносить как бы нечаянно, но сознательно нельзя. Я стал наводить Федора.

– Да, вот ты сейчас рассказывал мне дорогу на Остров, что когда я пройду после между льном и клевером, то будет тропинка в Подмошник, и потом вскоре откроется...

Я вдруг вспомнил слово:

– Ты сказал, откроется большая елань, что значит «елань»?

– Лохань, – ответил Федор.

Я потом проверил значение слова у своего хозяина, и он объяснил мне, что «елань» значит поляна в ближнем лесу и что Федор ведь немного шепелявит, вот он застыдился, когда я пристал к нему, и так поправился на лохань. Я совершенно уверился в справедливости объяснения своего хозяина и, увидев на пути своем из Подмошника елань, смело пошел по ней, принимая за лесную поляну. Но не прошел я и половины, как вдруг погрузился в трясину до пояса. Вокруг не было ни одного кустика, ни одной веточки, чтобы ухватиться рукой и выбраться.

Ромка, разыскивая меня, вылетел из леса, остановился, всмотрелся в человека как бы с отрезанными ногами и принялся брехать на маленького... Никогда я не заставал себя в таком беспомощном положении. К счастью, Ромка узнал меня скоро, бросился ко мне, я схватил его крепко за шею, он испугался, думая, что я хочу его утопить, сильно рванулся раз, два... и в

третьем своем порыве вытащил меня из лохани, и я тут понял раз навсегда, что «елань» значит не лесная поляна, а просто лохань.

28 Июля. День князя Владимира.

Хмуро с утра, как и вчера, только немного холоднее сегодня, окна отпотели, как в сентябре.

Ошибочно думают о деревенской тишине, в деревне постоянные звуки, иногда такие сильные, что непривычный высоко подскочит в своей постели, это раз, когда разыгравшийся парень прижимает свою барышню к вашему подоконнику, она завизжит, как резаная, а он оглушит ее адским словом, или когда ночью гармонист, раздирая гармонь, пройдет под окном с ревущими товарищами. Сильный звук вырывается еще ранним утром, когда гонят коров и одна из них рявкает под окошком. Но есть и чудесные певучие звуки: сверчки, о которых, впрочем, скоро забываешь, потому что они постоянно поют. Люблю свист маленьких утят и гусенят. Приятна тоже по раннему утру беседа женщин у колодца, из которой иногда узнаешь, что сосед собирается в Сергиев своей дочери «сачок» покупать, значит, можно и для себя кое-что поручить.

Вчера барышню Изюмову увезли дергать зубы, она не явилась на ток, и без нее было засилие мужской стороны с большим похабием.

Помещик подарил икону кн. Владимира и выстроил часовенку (сам был Владимиром), и повелось у крестьян этой деревни в этот день брать Иверскую икону Божьей Матери из Спас-Закубежья...

Четыре пуда весу: легко ли нести на себе. И решили в этот раз пересмотреть, и этот праздник, может быть, соединить с престольным Ильей. И отменили бы. Но дождь попарил клевер. Вина была своя: нужно было за вёдро убрать клевер, а они бросились на болото. Но ведь как-то не удумали. Сами виноваты. Попустил Господь! и решили праздновать св. Владимира, но икону не нести на себе, а на лошади.

Возле каждой избы после службы происходила заминка с деньгами, просили разменять, поп считал, сдавал сдачи, иногда ошибался... Я спросил, что это значит. Сосед Мих. Мих. ответил: «Я подал ему рубль, он спрашивает: „Сколько?"» «Сколько дают люди», – говорю. «Люди дают разно, – говорит, – кто пятьдесят, кто шестьдесят, кто семьдесят». Вижу в глазах, соврал: семьдесят, я знаю, никто не дает. Взяла меня злость, хотел дать шестьдесят, а теперь говорю: «полтинник». Он посмотрел на меня косо и говорит: «Ведь я князю Владимиру служил». «Нет, батюшка, – говорю, – вы не князю, а святому Владимиру служили: князья теперь дань не собирают, а святые все равные».

После того все стали говорить, что их поп все-таки хороший *<4 нрзб.>* не ругается.

Ветер был от нас, и потому Кента не учуяла единственного бекаса на берегу болота второй ступени. Потом недалеко от мостика через Вытравку на совершенно сухом, покрытом едва заметными кочками лугу, Кента стала. Я подумал – по птичке, но поднялся и сел вблизи бекас. Мы его еще раз подняли – он сел так, что весь был виден, как на выкате. Загадочное поведение бекаса вскоре объяснилось. Из болотистого Жарья вышел пастух, и за ним показалось стадо, направляемое на водопой. Бекас был вытурен, вероятно, с места гнездования стадом и пережидал беду на лугу.

На Ясниковском болоте я нашел только двух бекасов, потому что тут паслась скотина. Хорошо бы здесь походить до скота.

Эти найденные два бекаса были один от другого на расстоянии не менее ста шагов, но Кента по ветру почуяла дальнего, потому что он, вероятней всего, сидел на кочке. Высверлив себе носом по воздуху таинственный путь, она прошла к дальнему бекасу мимо ближнего, и он снялся от нее шагах в шестидесяти. После того я пустил Ромку, и он зашил носом по наброду ближнего бекаса, раскидывая в стороны прутик. Так он вытурил его, конечно, без стойки.

Вообще он может делать стойку по внезапно схваченному по воздуху запаху дичи, но не подводит издали. Он не может даже внешнего примера взять с матери, чтобы передвигаться, не шлепая лапами, не фыркая носом, не встряхивая ушами.

От его приближения Кента сильно вздрагивает, и тогда чувствуешь, какой напряженно-сосредоточенный процесс представляет собой эта подводка собаки к дичи.

Через три дня будет охота... Я оборву натаску Ромки изо дня в день и предоставлю дальнейшее усвоение им подводки к дичи естественному ходу дела, и когда буду брать его на охоту, и он как-нибудь сразу поймет.

Сегодня благодаря северному ветру день обстоялся, хмурые утренние облака обернулись в чистые летние, белые на синем, там высоко смешиваясь с клочками облаков. С криком летали журавли, свистели кроншнепы.

На сходе утром решился вопрос ворошить сено или же, по примеру прочих лет, идти в Закубежье за Иверской. Решили идти за Иверской.

Я сегодня сказал хозяину:

– Который день дождь. Сколько хозяину отдыха! Он ответил:

– Да ведь только говорят о тяжком труде крестьянина, жизнь крестьянина легкая. Тогда вступилась его жена:

– Это легко тебе говорить, когда за тебя пять человек работают. Крестьянская жизнь легкая, если есть рабочая семья и лошадиная сила.

Расчесанные кочки.

...«Ну, а как в самую попадушку попадешь».

Все бекасы второй ступени и с молодыми найдены в том же болоте, но в более крепком месте, где едва ли их тревожат. Вероятно, и другие выводки находятся вблизи своих мест гнездований, там, где их труднее найти.

Если около Петрова дня выйти на закате солнца и с запада смотреть через всю долину реки Дубны возле села Константиново со всеми ее поймами, болотами крошечными, невидимыми в осоке притоками, раскинувшими вместо воды широкие болота, с бесчисленным множеством деревень и сел на сухих пригорках между болотами, то всегда непременно до Петрова дня на закате увидишь – горит верст за тридцать вдали на Дубне от последних низких лучей солнца окошко. Не сразу поймешь, что за тридцать-то верст невозможно увидеть блеск окошка на закате, кажется, вот окошко блестит, и этот свет, проходя через большое пространство болотных испарений, кажется, дышит, мерцает, как звезда. Но, конечно, это не окошко блестит, это небольшое озеро, попадая в косые лучи заходящего солнца, возвращает к нам на запад их свет под каким-то необходимым для таких отражений углом и на очень короткое время, а после Петрова дня от нас не увидишь больше играющего блеска какого-то озера, а вместе с тем перестают петь кукушка и соловей, исчезает большой слепень, за ним редеет мелкий <*1 нрзб.*>, а там и комар. Вся долина покрыта стогами осоки, которую вывезти можно будет только зимой...

Ток разгорелся ужасный. Ночью в разгар тока приехала Павловна.

<*1 нрзб.*> На току орали во всю мочь, без памяти.

29 Июля. Холодно-росистое утро. Стекла отпотели.

Заснули под пьяные дикие крики парней и визг барышень, проснулись – в солнечном свете щебечут ласточки.

Павловна привезла с собой какое-то понимание деревни, как чего-то родного, и стало почему-то хорошо. Да, это вот деревенское ощущение природы, как чего-то подлинного, пусть и плохого для других, но себе хорошего – это мне досталось от нее, это ее «лучшее» (пусть омерзителен «ток», но только около него поймешь прелесть утреннего щебета ласточек после Петрова дня, когда деньки уже начали сплывать). Вот это и

надо передать в Алпатовском «токе»: дикость, безобразие и через это приближение к чему-то прекрасному. Нет ничего, и все-таки...

Елань

Была тропа к мочевине, и по ту сторону ее тропа продолжалась, значит, люди тут ходят, но вы пойдете по этой тропе и погибнете в бездонной пучине болота, потому что это не сплошная тропа, это во время работ на болоте с одной стороны люди ходили за водой и с другой ходили за водой, и, кажется, будто сплошная тропа.

Болезнь Ромки

Он вырос на объемистом корме, ел много овсянки (ошпаривается кипятком растертый на мельнице овес). Я давал ему хлебное крошево в молоке. Он при перемене пищи стал ходить неправильно, больше жидко, часто и с глистом. Через две недели он совершенно исхудал. Я думал, что от непривычной работы: жил почти без движения, и вдруг ежедневно часов семь быстрого хода. Смолол овса и дал с молоком. На другой день он сходил правильно, большим калом, но с кровью. И теперь так пошло, если молоко и хлеб, то жидко и с глистом, а если овес, то круто, но с кровью, и крови выходит довольно много. Я предполагаю геморрой. Будем лечить так. Две недели не буду давать ему бегать. Кормить мало, но не овсом.

Утром осматривали мох с пьяникой, примыкающий к деревне, от нас с правой руки. Мох отличный, мы скоро нашли петуха и больше не смотрели, потому что <Ромка> для лесной охоты никуда не годится.

Вечером взяли Кенту и на сворке Ромку, чтобы, не пуская его, поупражнять на тетеревах. Сразу нашла Кента матку и потом тетеревенка величиной с дрозда. Тетеревенок забился глубоко в моховую кочку и был там, в глубине ее, совершенно как в гнездышке. Взяли его, дали понюхать Ромке и на глазах его пустили. Он пересел недалеко и своими тайными ходами между кочками пробежал значительное пространство. Ромка причуял его ход, но так волновался, что пускать его было опасно, да и сами мы могли наступить на кочку и придавить под ней тетеревенка. Пришлось оттянуть Ромку и пустить Кенту, которая сразу же пошла и уставила нос в точку. Сколько мы искали, разбирая мох руками с величайшей осторожностью! И все это время он смотрел на нас из-под другой кочки, прямо на нас черными живыми глазами: лежал курочкой и как будто очень спокойно глядел.

Я велел Пете отвести Кенту, а Ромку держал крепко за ошейник, и он долго стоял и дрожал. Потом я тронул тетеревенка, он не полетел. Я его погладил – сидит. Оглаживаю Ромку, оглаживаю другой рукой тетеревенка. Петя смеется. Пришлось взять в руки и пустить. Он полетел невысоко, в чаще зацепился за куст и с шумом в него погрузился. После того мы сели на моховую кочку, затихли.

Очень был тихий, ясный и прохладный вечер. Тетерка отозвалась нам необычно громко, и вскоре засвистал тетеревенок. Так этот трудный урок обошелся без жертвы, и это вообще возможно, но только при старой опытной собаке и помощнике. Мы думали, сколько должно погибать птенцов от неумелых рук и обычном, легком отношении к жизни. Этот выводок с мелкими птенцами – новое доказательство гибели гнезд от весенних морозов.

<*Запись на полях*> Ток, часовня, мох с одной стороны, мох с другой.

30 Июля. Очень крепкая роса. Прохладно поутру, но уже в девять часов собака разинула рот и свесила язык.

Я ходил с Кентой в ближайшем лесу. Насекомые совершенно исчезли. Запах баговника мне как морская качка: не укачивает меня, но беспокоит постоянная мысль о возможности болезни, так и во мху от этого пьяного сильного запаха все кажется, что закружится голова и останешься тут в тишине таким же неподвижным, как моховая кочка.

Вспоминаю случай в таком мху. Был у меня гордон Верный. Во время нашего отдыха он так крепко уснул, что мы вздумали посмеяться над стариком и тихонько отошли от него. Потом услыхали мы свист тетеревенка из разбитого перед этим нами выводка. Мы стали его подсвистывать, тетеревенок пошел к нам, а Верный спит. Было очень смешно. Потом тетеревенок приблизился к нам вплотную, и мы позвали Верного. Он не вставал. Мы пошли к нему, тронули, он поднял голову и еле-еле поднялся. Позвали его, поставили на след – не взял. Как ни бились, не мог причуять, не стал искать. И потом шел сзади. Никогда ничего такого не случалось с гордоном, и нам не оставалось никакого сомнения, что он опьянел от запаха баговника.

Кочки покрыты голубыми ягодками пьяники и высотой в полчеловека, собака скрывается в них вся и там невидимо остается, потом неестественно высоко поднимает голову, причуяв запах по воздуху, и так ведет: у Кенты выходит подводка во мхах, как уж плавает по воде, с поднятой головой. Вот огромная кочка и в ней, будто воткнуты прямые тоненькие березки.

Тут Кента опускает голову, нащупав тетерева по сквозняку в коридоре между высокими кочками.

Считаю необходимым для себя изучение натуры и вижу в этом изучение одного из способов преодоления натурализма и обретение свободы своего воображения. Иному это, может быть, совершенно не нужно и даже вредно, потому что он ходит по своей вольной волюшке. Но мне это необходимо, как тюрьма для воспитания чувства свободы. Воля дается в большей или меньшей степени каждому, и так положено, что эту волю потом кто-нибудь отнимет. Но свобода обретается, когда рожденный на воле и потом заключенный человек сознательным трудом изо дня в день, как стальною пилой, распиливает свою Кащееву цепь. Так я, изучая природу, нащупываю препятствия и потом летаю, как летучая мышь летает, не задевая распределенных в комнате в частую клетку проволок.

При хорошей жене муж ходит немножечко виноватым и побаивается... (иногда, мне кажется, это бывает оттого, что она по природе своей ненасытна, а он, напротив, короток в супружеских ласках, в этом случае будь он семи пядей во лбу, и делец, и кроток, как ангел, все равно не избежать ему упрека от хорошей жены).

Ромкин желудок уже исправляется. Большая искусница стала Ефр. Пав. в деле выхаживания собак.

Вечером (½ 8) перед закатом вышли пройтись берегом болота 2-й ступени. Еще не пуганные налетели на нас четыре кряквы. <Ромка> вытурил бекаса, потом потянул с болота на суходол, и там был найден спелый выводок: четверо тетеревей (солнце только что село – как долго они не убирались с поляны!). Потом легли на болото туманы. Вечернее, безоблачное небо рассекла цапля. Это надо помнить, что часто махающая крыльями цапля – постоянное явление болотного пейзажа.

31 Июля. Тихое прохладное солнечное утро. Мальчики из Константинова приглашают идти с ними на уток. Яловецкий прислал письмо, что идет ко мне. Я командировал Петю на уток, а сам пойду с Яловецким.

<*Запись на полях*> ложь и правда.

Есть рассказы, которые создаются в плане возможного, и талант художника так делает, что возможное больше принимается за действительное, как если бы оно происходило в самом деле. Но есть и такие события в жизни, которые никак не выдумаешь, они кажутся невозможными, но были, и дело художника в этом случае найти способ так рассказать, чтобы в это

поверили: так не бывает, но вот все-таки один раз было. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, на этом умении передавать гениальность творчества самой жизни в ходе ее по особенным случаям основано все мое искусство, и собственное мое мнение о себе как об исследователе и летописце жизни, и устремление мое к природе и <*1 нрзб.*>. Понятен делается и мой беспокойный пробег в поисках особенного, и то доверие к жизни, вследствие которого религиозные люди сочувственно относятся к моим писаниям. Мне помнится, в начале моих литературных занятий, когда Ремизов брал материалы у Рязановского для своей повести «Неуемный бубен», и мы поздно ночью шли с ним домой, он сказал мне что-то вроде этого: «Вы говорите о жизни, но ведь там нет ничего, все мы делаем». Помню, каким ужасом повеяло мне от этих слов, и как смутно стало на душе, и даже злобно к кому-то (я думаю, что злоба была к самому Ремизову, который брал материалы у Рязановского и это считал ни за что). Понятно теперь и то, о чем Блок сказал мне: «Это не поэзия, нет, я не так сказал: это поэзия и еще что-то». «Что?» – спросил я. «Не знаю», – сказал Блок.

Утром осматривал болотные кусты в районе вчерашнего выводка, ничего не нашел. Перешел в моховое болото, где учили Ромку по тетеревам. Тут я нашел подряд трех маток, у двух было по одному тетеревенку, у третьей два, и все маленькие. Одного из тетеревят я придавил нечаянно ногой, но не очень жалел, п. что он пойдет уже в пищу. Дома с Петей сказали друг другу «ни пера, ни пуха», и он отправился в Константиново.

Читал «Известия», с большим трудом одолел огромную статью Сталина и не нашел в ней ничего свободного, бездарен и честен, как чурбан.

Все нет, нет и возвращаются к мысли «ложь на службе»: ведь этой мудростью пользовался каждый провокатор. И все-таки, несомненно, – величайшие благодетели человечества помогали ему именно тем, что привлекали зло на службу добродетели. (Часто это достигается способностью выжидать, т. е. попускать зло, изжить себя и сдаться.)

Кстати, в каждой деревне есть свой политик, вот мои знакомые: 1) М. из Следова: прислуживался к власти на помощь и себе, и мужикам, 2) «Барон» из Костина: бездельный дурак, стремится к легкой жизни, но своим предательством ничего не достигает, 3) Филипп Яковлевич из Дубровки – тончайший дипломат, игра ума: вот кто из бесов очень близок к мудрости... и все-таки не мудрец.

1 Августа. День разрешения охоты, все равно, что день Пасхи у детей, родители которых целиком предаются обряду.

В радостной тревоге я проснулся в 2 ч. н., было еще темно. А в три часа проснулся, вышел с собаками на улицу, и на Дубке уже была стрельба, как на фронте. Я еще вчера решил идти на бекасов, вчера узнал, что на Ясниковском болоте не пасут, и потому не надо было мне торопиться, чтобы попасть до охоты. Я выхожу с ружьем в 4. 20 минут. Солнце довольно высоко. Роса крепкая, трава от нее, как алюминий. На фоне темного леса еще не исчезла легкая полоска синего тумана.

(Под конец этого очерка). Свесив на грудь мглистую бороду, легкой юношеской поступью идет царь Берендей тропинкой в кусты, спускается в приболотицу. Есть ли на свете такое шампанское, от которого так закипает детство в старой груди, как теперь у Берендея. Есть ли на свете невеста так украшенная цветами и бриллиантами, как украшена в это светлое утро любимая земля...

Так он проходит, и, ей-богу, мне тоже не стыдно идти ему вслед, и у меня еще очень легкая поступь, и глаза мои отдохнули от книг совершенно, ружье надежное, собака вернейшая. И самое главное, что ведь это счастье мне являлось в самых трудных для жизни условиях болота, больше того, что никому не нужно, что я ничего чужого не взял.

Очень возможно, что уже с тропинки по приболотице сорвется бекас, и вот я чувствую, не посрамлюсь, чем я тоже не Берендей!

Но с тропинки бекас не сорвался, а там, где был выводок бекасов, теперь разгуливало стадо. Я обошел его и, не надеясь на это болото, стал спешить через него к Ясниковскому. Только одно местечко мне захотелось смотреть, там, где дня три тому назад мы с Петей за все утро нашли только одного вялого бекаса. Но хотя я здесь десятки раз бывал с Ромкой и почти ничего не находил, все-таки непостижимой силой оно меня привлекало своей дупелистостью. Там ивовый кустик, утонувший в осоке, там высунулась высоко грядочка тростников, между ними мох с редкой осокой, и так хорошо тонет нога, ступишь... и грязный колодец. Тут Кента стала «заедать», потом повела, я чмокнул ногой, и вылетел дупель. Я взял его неверным выстрелом, ранил в крыло. Я был изумлен, ведь я тут три недели ходил и нигде не видел ни единого дупеля. Я уже начал думать, что мы этого дупеля в последний раз принимали за синего бекаса, но в этот момент вылетел тот самый синий бекас и с той же остожины. От великой радости обладанья дупелем я не успел стрельнуть по бекасу. Но Кента уже вела по-другому через траву на скошенную полосу, и как только мы подошли к скошенному, вдруг взвились два бекаса, я выстрелил, и мимо, и это было понятно: неверно стало ружье в первый раз, неверно и во второй. Мы перешли через траву на следующую

скошенную полосу, тут взвилось пять бекасов, я выстрелил, и второй раз было мимо, и еще вылетел, и еще мимо. Тогда я взял себя в руки и решил только с прицелу стрелять, и как раз как решил, вылетел дупель, я из левого заряженного ствола с точной наводкой, отпустив шагов на 30, верно бы стрельнул, но дупель летит, я нажимаю, он летит, навожу опять, нажимаю, и он все летит. Удивительно, как это до сих пор еще не могу приладиться сообразить в первый же момент об осечке и нажимаю, и нажимаю... Потом на следующей скошенной полосе вылетело штук десять бекасов, я с точным расчетом несколько вперед стрельнул летящего в правую сторону, и он упал, потом выбрал вдали что-то более крупное, и стрельнул в угон – и это был дупель, а вправо бекас. То же и на следующей полосе, я стрелял в крупное, и это был третий дупель, и потом еще бекас. После того моя сумочка с восемью патронами 10-го номера была расстреляна, из восьми выстрелов три промаха, три дупеля и два бекаса. На обратном пути на скошенной полосе возле ольшаника взлетел вальдшнеп, а с близстоявшей кочки медленно поднялся орел.

Приехал Яловецкий и потом Миролюбов.

Вечером все и с деревенскими охотниками ходили на утиный перелет. Я убил крякву. Яловецкий 2-х чирков. В лохани на Вытравке Ярик ходил тоже среди бекасов, и когда взлетывали, поглядывал и продолжал ходить.

В ¼ 7-го вечером (перед закатом) в воздухе показалась стайка небольших птиц, пролетела над нами высоко и спустилась дальше в болотах. Охотники крестьяне сказали: «Турухтаны!» Яловецкий: «Кулики!» Петя: «Бекасы!» Начался спор. Петя с азартом крикнул: «Я не буду спорить, я видел носы!» Тогда все поверили, что то были бекасы и потом позднее убедились в этом. И это было важно отметить, как начало кочевок, наблюденных одновременно с высыпками.

Убитая мною утка была очень большая, значительно больше обыкновенной кряквы и по-местному называется «озерка». В темноте потом Алекс. Вас. привел Миролюбова. Все охотники собрались, посмотрели на мою крякву, кто-то спросил: «Матерая или молоденькая?» Никто не мог ничего сказать, было совсем темно, но Алекс. Вас. сказал: «Молодая». Он все знает (Алекс. Вас. был содержателем пивной в Москве, теперь крестьянин, ябеда, сутяга, тип ненавистного человека и действительно негодного, существующий в каждой деревне.)

В то время как я в утро 1-го Августа чудесно охотился на дупелей, Петя воистину страдал на утиной охоте. Без лодки, пешком он забрался в болото при Дубне (Константиновские плесы), насквозь промок там, и там его захватила ночь, и весь

мокрый он провел холодную болотную ночь на кочке. Он убил крякву и пять чирков, и два бекаса. Но это была бессмысленная охота, потому что такое количество дичи легко убить на сухом месте при их перелете, а если уж заходят в плесы (на лодке), то привозят громадное количество уток. Он рассказывал, что местный перелет уток огромный, но были моменты, когда в поле зрения не было утиных стай. Охота на плесах создает особый быт, и надо непременно съездить раз на эту охоту и записать (Сковородино – дядя Максим, Огинтово – Тычков, Замошье – Сергей Душин, за поездку в течение дня на лодке берут 5 р.).

Способ испортить вражеский плес: стрельнуть в него бумагой или, проезжая на лодке, посыпать соломой, утки тогда не присядут.

«Весной бьет утка подсадная, летом охотник (т. е. тот, кто знает плесы), осенью ружье (дальняя стрельба).

«Раздирать плес».

«Замыслы наполеоновские, сразу и по глазу».

Еще надо ко дню 1 августа отметить, что и там, где мы стояли на перелете уток, на скошенных местах, вылетели бекасы (возле заросших бочагов Вытравки), и что Ярик, посланный достать чирка, вступив на место высыпки, интересно охотился: ступит шаг, два, в стороне фыркнет бекас – остановится и посмотрит туда, снова пойдет – бекас в другой стороне, и он туда смотрит. А Петя надрывается: «Ярик! Ярик!»

Перелет уток. Это значит их перемещение с дневок на плесах, но к местам кормежки на более легких болотах, открытых. За ночь утка пасется, а утром летит на плес и, переваривая пищу, спит на воде, заложив голову за спину.

Ильин день (2 Августа – 20 Июля). Накануне утки купались (ныряли) на деревенском прудике, и это верный признак близкой непогоды. Весь день сильно парило, невозможная жара была в болотах, к вечеру собралась грозовая туча, сверкало, гремело, но дождь был только очень маленький.

Петя повел Миролюбова на Константиновские болота с Яриком. Миролюбов стрелял из ружья-браунинга, не попадал, а Пете стрелять не приходилось. Могли бы убить дупеля и штук 15 бекасов.

Мы пошли с Яловецким сначала на Ясниковское болото, имея в виду потом захватить и то место, где я охотился вчера по дупелям. Я плохо выспался, был рассеян до того, что иногда стрелял, не переменив патронов. Мы стреляли по очереди, Яловецкий тоже мазал ужасно, и так мы поравнялись, я убил дупеля и трех бекасов, он дупеля, двух бекасов и гаршнепа. Между тем стрельбы было много, а Кента переходила от стой-

ки к стойке с редкими промежутками в 10-15 минут. Яловецкий в совершенном восхищении от Кенты и говорил, что награда золотой медалью для нее – смешная награда. Ему особенно нравилось, что она, теряя иногда струю ветра, доносящую ей запах бекаса, всегда возвращалась назад, проверяя все пройденное с целью узнать, не остался ли бекас позади и потом уже вновь искала запах по ветру и наступала. Она не прошла ни одной птицы, не сделала ни одной ошибки. Но меня волновало, что она, приученная раньше подавать дичь, делала попытки сронуться с места после выстрела, хотя вначале и сразу останавливалась по крику «назад». Но чем больше она входила в охоту, чем сильнее уставала от палящей жары, тем упрямей пыталась поставить на своем и достигнуть убитой дичи. Кажется, не было ни разу, когда она достигла бы своего, но все-таки голос повышать приходилось мне все сильнее, сильнее, и, наконец, я, сам очень усталый, разволновался больше Кенты, и так она ухитрилась оставить меня два раза в дураках. Один раз я, думая, что она ведет нас по коростелю, стал отзывать ее, она не слушалась, я грозил, я ругался и, наконец, привязал ее к поясу, а через несколько шагов поднял бекаса, по которому она вела. Другой раз, предполагая, что стрелянный мной бекас спустится в кустах раненый и убежит, я стал заставлять ее искать в этом кусту, она не хотела, я десять раз, возмущенный, возвращал ее, она не подчинялась и, наконец, совсем перестала меня слушаться, на свой страх подвела к этому бекасу, перебежавшему от кустика довольно далеко.

Кента подводит к бекасу обыкновенно высоко подняв голову, время от времени наклоняясь к земле, как бы верх низом, и низ верхом. По дупелю начинает всегда нижним чутьем, покопается немного, потом пригнется на лапах и, низенькая как лисица, извивается в коридорах между кочками, иногда осторожно выглянет поверх кочек, и опять спрячется, и ведет в низкой горизонтали...

<*Приписка на полях:*> Наслаждение болотом всем доступно: я ничего чужого не взял.

Погоди, господин-гражданин!

Особенно хороша была одна твердая стойка, когда случилось, что я очень далеко был от собаки. Кента не чувствовала меня близко и потому твердо стояла. Но как только заслышала мои шаги, оглянулась и, убедившись, что я тут, возле – тихонечко шагнула вперед раз, два, и бекас вылетел.

Желая перейти с Ясниковского болота на то, где я охотился вчера, мы перед этим хорошо отдохнули в прохладе густого ольшаника над омутами Вытравки и потом перебрались через речку. Вблизи речки нашлось тут небольшое отдельное

болотце, на котором Кента закопалась и повела по дупелю. Яловецкий близко стрелял, позорно промахнулся и в совершенном отчаянии схватился за голову. Следующий выстрел был мой, и я направил Кенту к перемещенному дупелю. Вскоре Кента сделала стойку и повела особенно, как по коростелю, тихо наступая, преследуя бегущую дичь. Так мы прошли довольно далеко, и я сделал предположение, что вблизи дупеля был коростель и, негодяй, отвел нас от драгоценной птицы. Я хотел было уже привязать собаку и оттащить от горячащего следа, но вдруг она поняла, что ведет ложно, что птица осталась позади и, бросив след, стала проверять пройденное и, сделав круг, наткнулась наконец на неподвижное, уткнулась в это носом и повела туда глазом. Я вынул у нее из-под носа крохотного, в спичечную коробку дупеленка с длиннейшим своим носом, с черными своими глазками. Трудно передать, как прекрасен был этот дупеленок, выражавший и своим маленьким тельцем, и не по телу длинным носом, и блеском своих мокро-черных глазок, соединивших в себе одновременно как бы и значение древней культуры, и явление совершенного детства... Он еще не мог летать, и мы пустили его в траву. Благословили счастливый промах в мать его в 15 шагах, поговорили о возможности близкого покоса травы и опасности выводка от кос. Потом вспомнили, что крестьяне бросятся теперь жать спелую рожь и нескоро возвратятся к этой траве. И ушли мы с этого болотца, внимательно глядя себе под ноги, чтобы не раздавить возможных других птенцов. Но, вероятно, других больше не было, потому что, несомненно, этот птенец был уже из второго гнезда, и когда первые яйца погибнут, то потом обыкновенно бывает только одно, много два яйца... Важно отметить, что бекасы, по росе утром высыпающие на скошенное, в жару распределяются по одному в траве около скошенного.

В 12 д. мы подходим к своей деревне. На выгоне служил молебен священник, окруженный скотом. Как ни старались мы пройти незаметно, все-таки овцы заметили Кенту и всем стадом пошли за нами, а за овцами тронулись и коровы. Пастухи длинными арапниками вернули стадо на место, и молебствие продолжалось.

Гармонист, однако, не дождался конца молебна и прошелся по деревне. Этот единственный мотив он потом играл весь день. У него было лицо скульптурное, для дерева: подстрижен в «крупную польку», т. е. вся голова почти голая и только спереди оставлен кок, лихо завернутый набок, лоб узенький, нос выдающийся, губы, щеки кирпичные, играя на гармонии все время в такт ходит весь ходуном. Адвокат говорил, что когда такой входит в суд, он, не спрашивая, знает по какому делу, конечно, по алиментам.

Я смотрел в щелку двери из своей комнаты на Шуру и удивлялся, как это 14-летняя девочка в обыкновенной жизни довольно миленькая, превращает себя в праздничную куклу. Часами она стояла перед зеркалом, взбивая себе на правой стороне волосы, подобно тому, как веселкой взбалтывают сливки. По одному и тому же пучку волос, непокорно торчавших, она тысячу раз проводила влажным пальцем, постоянно смачивая его и так, наконец, заставила лежать. Весь этот туалет был так сложен, так, главное, неустойчив, что потом требовал для сохранения себя полного соответствия, полной перестройки всего поведения сравнительно с будничной жизнью. И потом, когда я увидел ее проходящей под моим окном с подругами совершенно как бы замороженную, фарфоровую, с неподвижными глазами, выкрикивающую во всю силу голоса короткую песенку, полную звуков однообразного токования какой-нибудь птицы, я понял происхождение чина в недрах самой природы. Любопытно было, когда девушки, разодетые в городское, отходили от парней, составляли хоровод и пели прекрасные старинные русские песни.

Среди всех девушек выдавалась одна приезжая, настоящая городская барышня с бледным лицом, с русалочьими волосами, с обнаженными тонкими не деревенскими руками, эта Мануфактура меняла платье через каждые полчаса, только неизменно оставался у нее на груди золотого цвета баульчик, или дамские часы. Возле амбара, где всегда бывает ток, расселись быстро пятнадцать парней, среди которых скульптурный гармонист непрерывно тянул, фигурничая, свой мотив. Прикатили большое бревно и на нем напротив парней расселись барышни. При белом свете я, наконец, понял сочетание девственно невинных частушек и похабных песен парней. Я понял это по особенному выражению Мануфактуры, несомненно, служащей в Москве горничной у богатых евреев – хоть (может быть, так?) она пропускала похабное мимо ушей, не меняя чина своей фигуры: вокруг ведь были все родные и к родительскому слову все они с малолетства привыкли. Так первое странное впечатление от тока («нет ни у одного народа, погибающий народ») разложилось и стало как будто неверным: ведь так всегда было, и это «накипь», а тут же рядом живут тихие углубленные люди, всякие. Что же верно, первое или теперешнее? Потом началась среди молодых парней драка, все девицы смело бросались между дерущимися, прибежали бабы, старики. Мимо нашего окна протащили совершенно избитого и без гармоники гармониста, который все время грозился, что он еще придет, и он вспомнит, кто его бил, и он покажет.

Хозяин говорил мне, что все это пустяки, что стоит только ударить в чугунную доску, и сторожа вмиг разгонят всю эту молодежь. Но это в крайнем случае, потому что все-таки опасно, посторонние ребята могут поджечь клевер.

– И сено? – сказал я.

– Нет, сено не опасно, – ответил хозяин.

И сообщил мне очень интересное, что сено не горит. Он может <*2 нрзб.*> бросить спичку в стог, огонь сразу обнимет весь стог и потом сам в себе задохнется. А клевер непременно сгорит.

Это происходит, конечно, потому, что в сене мало воздуха, а в клевере много. И хозяин мне сказал, что есть и горючее сено. Он был когда-то приемщиком сена при заготовках и хорошо знает даже географию сена, так, сказал он, все сено заливных лугов по Оке не горит.

3 Августа. Дневка. Стойка Кенты.

После двух маршрутов назначена дневка для запаса и отдыха собакам.

Второй день гуляют, и у молодых еще пьяней. К обеду парни перепились и вовсе отвалились, и девкам стало скучно одним, и они пропали. Тогда в тишине запел тоненько прекрасный тенор – откуда он взялся? И стало под тихое пение чудиться, будто истинное счастье тоже скрывается совсем незаметное где-то под ольховым кустом у лесного ручья.

Да, конечно, все эти выкрики, все эти разодетые куколки и драка – все пустяки: ведь сильный сидел и не дрался, прекрасный голос таился. Важно было, что, начиная с молебна о здоровье скота, в деревушке действительно царствовал праздник. Надо было видеть, с какой радостью наша хозяйка угощала своего зятя, как смертельно испугалась она, когда маленький внучек соскользнул с лавки, упал под стол, и как нежно она его отхаживала. Пусть в отдельных домах у отдельных людей нескладица, во всей деревне истинный, и не годовой, а родовой праздник. Ведь у крестьян нет личного праздника, именин, тут праздник: именины рода, и это есть годовой праздник.

Вчера какой-то парень дерзко обошелся с дочерью соседа Мих. Михайлыча. Ранним утром ударили в чугунную доску, собрался сход. Мих. Мих. потребовал от общества на сегодняшний день гарантии для обеспечения порядка. Вспомнили, что в гостях у них тут милиционер из Софрина, и постановили просить его следить за порядком. Милиционер с большим удовольствием взялся за дело, и сход этот был в 9 утра, а в 10 милиционер уже тащил при громком хохоте двух пьяных парней.

Около полудня я выводил на болото Ромку. Он несколько позабыл мои уроки и стремился по болоту скакать. Пришлось хорошенько стегнуть его и, когда он сделался от удара робким, войти с ним в кусты. Вероятно, тут набродил петух и усмирен-

ный перед этим Ромка стал замечательно подводить по этим следам, и даже когда потерял или запутался в наброде, то не бросался, а ползал раскорякой, ни на мгновение не выпуская меня из виду. Очень возможно, что он будет отличной лесной собакой, и надо помнить, что если придется стегать плетью, то лучше раз да так, чтобы помнил, чем десять раз потихоньку. Завтра у нас план с Петей. Мы идем на бекасов и стреляем по очереди. Тот, кто не стреляет, ведет Ромку, наводит на след, подводит к убитому. Так мы будем его обстреливать.

Конец праздника. Зять собирается уезжать (в Терехово). Женщины-хозяйки усталые и радостные, что все кончается, собрались с ребятами, детьми и внуками на руках в кружок, там, где собирается сход, и беседуют.

Перед закатом солнца мы пошли на перелет туда, где Федор разодрал плес и поставил шалаш. Какое воистину прекрасное место! Идешь, и гора перед тобой качается, добрался – и стать некуда на сухое. В болоте, однако, значительно теплее, чем на суходоле, и комар, который там уже совершенно пропал, свирепствует здесь с такой силой, что завопит и самый привычный.

Я сделал два напрасных выстрела по кряквам 6-м номером на 70 шагов: ружье не берет; надо сделать патроны с 3-м номером. Чирки и бекасы летят значительно позднее крякв, уже в сумраке. Солнце садилось красное. Молодой месяц показался свежим огурчиком. Легли белые холсты тумана по суходолу. Я простился с высокими красно-малиновыми цветами в болотных кустах и душистыми белыми спиреями. Живые минуты природы после заката: растет, свиваясь на берегу большим белым холстом, плотный туман, кажется, вот-вот он накатит на нас и закроет нам весь горизонт. Но растущий туман по непонятным причинам вдруг начинает отступать и остается, наконец, неподвижным, обнимая лес, оставляя в своем белом море от леса верхушки только самых высоких деревьев. Со всех сторон в воздухе закричали перелетающие бекасы, я видел их иногда очень близко на фоне красной зари летящими близко от меня, но стрелять по бекасу не из-под собаки мне кажется так же глупо, как по воробью. Один прилетел к плесу и сел на берегу его в десяти шагах от меня. Чирок неожиданно откуда-то взялся. Я не сумел остановить его стремительный полет: считаю за самую трудную стрельбу, бекас из-под собаки пустяк. Я оробел от промаха и много пропустил, не смея вскинуть ружье и, когда выстрелил, опять промахнулся. Потом показалась на красном целая стая несущихся на меня чирков и еле заметной стала на голубом, опять явилась на красном, пропала на синем, на мгновение опять мелькнула близко, почти на выстрел, на красном, – совершенно стерлась, как погребенная, когда снизилась и стала мне на фоне темных болот, потом вдруг, как будто вырва-

лась из-под земли, взмыла фонтаном возле меня над плесом, и тут одного я взял даже на мушку, и он, падая, прошумел в тростниках и булькнул в недоступном человеку омуте. Петя выслал за ним Ярика, и он скоро его оттуда принес. Потом Петя крикнул: «Он принес еще и чирка Яловецкого». Я сказал: «Понюхай, не протух ли он за два дня». «Живой, – кричит Петя, – совершенно живой».

Я забыл еще сказать, что перед началом перелета вблизи болота, на лугу совершенно сухом, густо покрытом подсыхающим диким клевером и погремушками, из-под стойки Ярика я убил дупеля. Откуда он взялся? Кочевал он перед вечером к местам новой корчевки или выгнало его из крепи стадо коров? Вернее всего прокочевал, потому что ведь во всех болотах показались эти ржаные (т. е. высыпающие ко времени жатвы ржи) дупеля.

Два чирка и дупель, взятые во время этой маленькой охоты вечером, были как раз нам троим на обед.

<*Приписка на полях*> О тетеревах: почему гнезда погибли (на суходоле) и утиные сохранились в болотах (теплее?)

4 Августа.

Обстрел Ромки

В 5 утра мы выходим обстреливать Ромку, будем стрелять из-под Кенты: один стреляет, другой держит Ромку и в момент выстрела с поднятой вверх плетью велит ложиться.

Только в болотах бывает такое крепкоросистое светло-туманное утро. Для опыта я тронул один куст, и от этого сильный дождь крупными каплями пролился на землю. Спускаясь по вязкой тропе приболотицы к открытому болоту, мы сделались свидетелями небесного явления, которого я всю жизнь не видел, вероятно, потому что не жил никогда в таких сплошных болотах. Перед этим солнце все пробивалось через туман, и от этого нам все светлело и светлело. Вот, вероятно, ко времени нашего спуска в болото солнце окончательно завоевало себе свое огромное голубое царство, а весь туман свился в огромную толстую белую радугу. Но это не была обыкновенная плоская радуга, это была большого диаметра круглая, согнутая в отчетливую на синем плотно-белую дугу колонна.

Чтобы проверить себя, я спросил Петю, не различает ли он в этой дуге каких-нибудь признаков цветов радуги. Нет, Петя тоже не видел цветов. Несколько мгновений мы <*1нрзб.*> над концами белой радуги, они были не совсем белые, как бы розовые. Потом, как в обыкновенной радуге, ее отражением внутри дуги явилась вторая белая радуга, и она светилась несколько сильнее. Я спросил Петю: «А это, по-твоему, как?» Петя

ответил: «Эта старается быть несколько похожей на радугу, но тоже у нее ничего не выходит».

Нет, мы не всегда правы, когда бываем скептиками, часто просто желудок наш бывает не совсем в порядке, когда мы презрительно говорим: «Животная радость!» Почему, почему плоха животная радость, когда она никому не мешает и является даже в никому не нужных болотах, в не переносимых для множества условиях? И, наконец, почему сказать слово «жизнь» – хорошо, сказать «живет» не плохо, а сказать «живот» до того неприлично, что в салонах его заменяют и говорят: не «живот болит», а желудок.

Чудесная животная радость охватила все существа, когда растаяли все признаки белой радуги, и каждая капля засверкала маленьким солнцем. Весь с ног до головы орошенный, свесив на здоровый живот свою мглистую бороду, выходит царь Берендей из кустов по приболотной вязкой тропе и оставляет в стороне от тропы на кочке большую печать Берендеева царства. Журавли, издали приветствуют его громкими кликами и, не замечая нас, семь огромных проносятся у нас над головами. Конечно, мы не хотим портить им настроение своим бекасинником и пропускаем их с радостным трепетом.

<Приписка на полях> «Озерки» утки пусть повторятся в описании, наши озерки. Так и царь Берендей (этот образ пойдет в роман).

Первый выстрел мой. Мы условились: кто кого обстреляет, тому на сутки переходит печать Берендея. И когда мы такую говорим ерунду, вдруг с этой вязкой тропы, в районе, где не бывает бекасов, срывается один. Наши ружья еще за плечами, и собаки на веревочках. Мы спускаем Кенту, и она сейчас же ведет вязкой тропой по второму бекасу. Тут любопытно отметить, как стремятся ночью бекасы на грязь: не пропустили даже узенькую, растоптанную тропинку. Я слыхал, что здешние деревенские охотники, не умеющие стрелять влет, раздирают болото, делают грязь и в кусту ждут, когда бекасы прилетят на это место.

Я промахнулся. В момент выстрела Петя уложил Ромку легким ударом плети. Потом Петя промахнулся, и я уложил Ромку. И так пошло, вначале мы оба плохо стреляли бекасов. Кстати, с бекасами что-то неладное. Очень возможно, что 6 утра слишком позднее время, во многих местах бекасы, много набродив, перелетели на свою дневку, и Кента мучилась в наброде попусту. Мы нашли их немного. В дупелином болоте, таком спелом, что нога даже в большую кочку проваливалась, мы нашли только одного молодого дупеля, которого Петя убил. Перейдя с этого болота на Ясниковское, вытурив коростелей,

мы нашли его молодого совершенно черного, как негра, цыпленка с куриным клювом и довольно злыми черными глазами. Потом мы обошли ту полосу, где в прошлую охоту с Яловецким нашли дупеленка, и когда через две полосы от него вылетел дупель, я решил, что это не тот, и выстрелил. Мы привязали Кенту и выслали искать Ромку. Он его нашел без стойки; подстреленный в крыло, он прыгнул возле самого носа собаки, и Ромка по нашему приказанию не только не бросился за ним, а лег. Потом мы долго его держали на стойке. Вскоре вылетел другой дупель, которого, по счастью, мы не успели стрельнуть. Затем вылетело маленькое существо, принятое мной за гаршнепа. Я промахнулся в него, потому что он очень маленький, а ружье мое уже на значительном расстоянии бьет очень кучно, вблизи – пулей. Удивленный промахом, я сел отдохнуть и уложил Кенту. У Пети застрял патрон, и он пошел в кусты вырезать себе шомпол. Прошло значительное время, когда я обратил внимание на странную позу Кенты: она лежала, уставив нос в кочку. Ведь не меньше 15-20 минут прошло, когда я, наконец, обратил внимание на ее позу, догадался и вытащил из-под ее лап дупеленка, который полетел совершенно так же, как и первый, принятый мной за гаршнепа. Кента перевела нос к другой кочке, под которой стоял Ромка, и какая же уморительная у него сделалась рожа, когда из-под его пуза, между передними лапами, минуя его бегемотную пасть, пролетел дупеленок!

Очевидно, эта поляна с высокой травой и ивовыми кустиками по сторонам была местом гнездования не одного дупелиного выводка, очень возможно, что и убитый мной был одним из родителей. Мы поспешили оставить это опасное место и зареклись надолго в него не ходить.

На Ясниковском болоте, усталые от жары, мы заговорились, и Кента, наверное, тоже усталая и ожаревшая, забыла о нас и удалилась на огромное расстояние. Мы заметили ее там далеко, подводящей к бекасу. И вот, наверно, когда бекас ей пахнул отчетливо, она вспомнила о нас и оглянулась. Как мы далеко! Я послал Петю подходить медленно, чтобы Кента не успокоилась и не рассчитывала на его скорый приход. А Кента, заметив медленное приближение и спасая себя от искушения, совсем отвернулась от своей цели и просто ждала и ждала. Только уже когда Петя был от нее совсем близко, она продолжала подводку.

Бекас вылетел шагах в 50, и Петя его отлично убил. Вот Ярик, он тоже долго ждет на стойке, но как-то сам по себе. А Кента ведь сознательно сотрудничает. Едва ли когда-нибудь я наживу себе другую такую собаку и даже думаю, едва ли много есть на свете таких разумных собак! Маленькая Нерль, совершенно похожая всем на Кенту, подает мне большую надежду, но уцелеет ли она от чумы? Я буду плакать о ней.

На краю болота в сухих кочках Кента подобралась к дупелю, но он полетел так низко, что, опасаясь за Кенту, я не вы-

стрелил, и он полетел за речку. Тут же нашелся другой дупель. Ружье мое определенно «живит». Я понимаю, отчего это происходит: пулей трудно попасть в летящую птицу, и попадают краевые дробные заряды. Сегодня я разделил заряд перекладинами или буду класть меньше пороха.

Ромка опять не сделал стойки, но не погнался за прыгающим дупелем и по приказанию лег. Обстрел с последующим приказанием лечь, подтвержденный часто ударами плети, совершенно покорил этого могучего, но послушного сотрудника.

Перевел через речку, мы скоро нашли улетевшего с болота дупеля, и я его чисто убил. Наша добыча была невелика, но приятна: три моих дупеля и у Пети дупель и бекас. Охота кончилась, и печать Берендея по уговору переходит ко мне. Но выстрел оставался за Петей. Так как болото около нашего дома было пусто, я пустил вместе с Кентой и Ромку. Долго привязанный, измученный нравственными муками при постоянном созерцании подводки и стоек матери, он ринулся в бег, но скоро от жары выпустил свой огромный язык, цветом похожий на пастилу, устал, и я взял его поиск в руки грозным приказанием: «Убери пастилу». Не было никакой надежды на дичь, но вдруг Ромка растянулся на ходу и довольно нелепо, на карачках стал подводить. Потом вылетел бекас, и вот это было отлично, что Петя его убил. Мы послали Ромку искать своего бекаса, он далеко почуял и сделал свою столь картинную стойку. Так чудесно закончился обстрел Ромки, и явилась возможность даже с ним одним идти на охоту: пусть он иногда будет и стуривать бекасов, но все равно же их можно бить, и так приучить на практике Ромку к осторожной разумной подводке. Самое главное, что он абсолютно послушен, и стрелять можно, не опасаясь, что он побежит. Шестая убитая птица поравняла нас с Кентой, и, таким образом, печать Берендея осталась на кочке.

5 Августа.

Охота с Ромкой

Прямо после праздника (Ильин день), с 4-го Августа закипела жатва. Стоят все знойные дни. Сегодня ночью был дождь.

Мой опыт охоты с Ромкой по бекасам до того не удался, что кажется, это вышел самый несчастный день, за все время натаски и ни разу я не был так близок к мысли, что вся работа моя была впустую и что ничего не выйдет из этой тяжелой головастой собаки.

Сначала все было хорошо. Еще на тропе Берендея, где мы вчера спугнули бекаса, Ромка что-то учуял, завозился, вылетел бекас, и я на глазах собаки убил его, и он, причуяв убитого, сделал по нем стойку. Потом мы долго ходили возле Филип-

повского и ничего не нашли. Наконец, я подошел на обратном пути к своему болоту, но ближе к Михневу, где еще не бывал. Здесь Ромка, причуяв наброд бекасов, пустился по наброду с такой быстротой, что я не мог поспеть за ним, и он без стойки стурил бекасиную матку с выводком. Я узнал этот выводок, знакомый мне еще, когда он был в яйцах около Островка, а может быть, это был и учебный выводок, вдруг пропавший: тот или другой непременно, потому что и Островок и ольховый лесок были очень близко. Ни крики мои, ни свистки не действовали на Ромку, когда он летел по наброду, и только уже когда он, одураченный взлетом бекасов, опомнился – услышал и мой голос, и мои свистки и, конечно, узнал хорошо полное действие моей плетки. Хочется при этом еще раз сказать о совершенно исчезающем значении комнатной дрессировки. Не только комнатная, но и полевая натаска изменяет совершенно свою картину, когда пробуждаются свои глубокие инстинкты. Можно даже вполне сделать собаку готовой для охоты, можно охотиться с ней прекрасно, и вдруг какой-нибудь случай вернет какой-нибудь непобедимый инстинкт, и вся работа пропала (Ярик).

Поиск собаки – это все равно, что стиль у писателя. Несомненно, что как человек сам с собой, так и писатель родится со своим слогом. Но необходимо, однако, изломать этот природный стиль совершенно, чтобы потом он возродился, преображенный культурой, и сделался собственным стилем, а не просто слогом, потому что стиль предполагает усвоенную (у-своенную – ставшей своей) культуру.

Мысль эта мелькнула мне как спасение, когда я сел отдохнуть после экзекуции: спасение от собаки, которая терзала меня. После того, наметив кустик, куда переместились бекасы, я начал ломать вдребезги поиск Ромки, заставляя ходить его лентами тихо вправо и влево не более как в десяти шагах от меня. Дорого мне стоило это, мне кажется, за четыре часа упражнений я тысячу раз повторял: «Тише, назад, поди сюда». И все-таки я ничего не достиг: причуяв наброд, Ромка не отдирает носа от травы и так подвигался бы непосредственно до самого бекаса, если бы он не взлетал. Теперь я имею множество доказательств, что он может чуять, и беда не в чутье, а в его огромной башке, набитой соломой. Едва ли какой-нибудь егерь посвятил натаске столько страстных часов, как я, едва ли какая-нибудь собака перенюхала и перевидела столько разнообразной дичи во всех возрастах, как Ромка – и все напрасно. С Кентой была одна сотая возни, и то я тогда отчаялся и бросил, у нее в голове потом само дошло, и потом она сразу пошла в первый поиск, как старая собака. Очень возможно, что и Ромке я даю слишком много и что у него теперь должно в голове само доходить, если только есть какие-нибудь мозги в его го-

лове. Пусть же доходит в эту осень, но мне не улыбается перспектива кормить его еще целый год до новых сомнительных опытов.

Я до того отчаялся, что, велев идти ему сзади, повесил ружье и, понурив голову, пошел по сухому с комьями кочек лугу. И вдруг из-под ног два дупеля, которых я напрасно искал на прелых «дупелиных» местах. Так это и надо усвоить, что «ржаных дупелей» надо искать на сухих, хотя, и может быть, и кочковатых краях болот или на лугах, расположенных вблизи болот. Потом возле Михалевских капустников Ромка, на свой манер, похрапывая в наброде, стурил мне бекаса, и я убил его. Бекас оказался матерый, толстый в сравнении с первым убитым тоненьким в белом фартучке, как дупель, бекасом. Больше я ничего не мог найти, т. к. не отпускал Ромку на близкий розыск. От 5 у. до 10 я так измучился, что целый час просидел на кочке под тенью ольхи в полудреме. Летний ветерок скоро уговорил меня, постоянно лаская и щеки, и раскрытую грудь, и мне было неплохо. Я даже и думал, и беседовал с другом.

«Друг мой, ведь до самого основания по одному кирпичу расшвыряли наш храм, и я всю жизнь собираю кирпичи и складываю памятник. Бывают моменты, и я ими живу, когда у меня что-то выходит, и является даже гордое сознание, будто я выполняю: «Разрушь храм сей, и я его в три дня воздвигну». Впрочем, я не мог бы так резко это признать, а как бы только ставлю ногу свою в чей-то верный след. Вот как в этом великом окружающем меня Берендеевом царстве не я царь Берендей, но все равно, ежедневно спускаясь в болото по его тропе, я часто узнаю его в себе самом. Да вот и сейчас, когда собака почти совсем съела меня, обласканный ветром и музыкой шумящей листвы и возвращенный в царство Берендея, я протягиваю примирительно руку к глупой собаке, как сам Берендей, и говорю: «Дурак, дурак, зачем ты сам себя губишь, вытряхни поскорей солому из своей башки. Губастый!»

Петя за это время убил двух дупелей и трех бекасов, один дупель был на сухом лугу, другой на коровьей грязи. Бекасов за пищу можно считать только матерых, а дупеля уже покрыты слоем жира толщиной в пакетную бумагу.

6 Августа.

Охота на тетеревей

Мы вышли в 5 у., хотели на Остров. Но роса оказалась прямо непроходимая, идти по некошеной траве в кустах значило купаться в холодной воде вместе с ружьем и всеми доспехами охотника. Тогда вместо жданья махнули мы в Терехово, оттуда к Устинову, из Устинова к Садникову, потом к

Абрамову и через Филипповскую гать вернулись домой. Всего чисто шли мы 9 часов, исключая 2 часа отдыха, прошли, значит, около 40 верст, наполовину болотами, и в самых тяжелых сапогах.

Иванково

На улице слились старые-старые, раскидистые тенистые ветлы, под ними блестит объерзанное за десять лет бревно, на котором обсуждаются деревенские вопросы жизни. Тут же висит, как и у нас в Александровке и почти во всех деревнях этого края, большой пустой снаряд, по которому бьют, созывая сход, снаряд – все равно, что вечевой колокол. У дороги на расстоянии – стяг с двумя дощечками, на одной написано правильно: «дорога в Александровку», на другой дощечке, в другую сторону должна быть обозначена деревня Пеньё, куда надлежит нам идти, но мы не можем прочитать слова, так написано отчетливо, а прочитать невозможно. Долго мы мучились, на улице никого не было, все жали или косили луга. Вдруг Петя сделал открытие: некоторые буквы были расположены в обратную сторону, не справа налево, как обыкновенно пишут, как тут же написано «дорога в Александровку», а слева направо, и если так прочесть, то выходит – «дорога в Пеньё». Петя, подумав, что дощечки просвечивают, и с той стороны если зайти, будет правильно читаться, зашел туда, но оказалось, дощечка толстая, и оттуда ничего не видно. Тогда вдруг мы догадались, почему «дорога в Александровку» было написано правильно, слева направо, – сама дорога эта шла слева направо, а «дорога в Пеньё» написана была обратно расположенными буквами, потому что она шла обратно, справа налево. Разгадав для образованного человека эту трудную загадку, мы принялись хохотать от восторга, представляя себе, что ведь на объерзанном блестящем бревне у вечевого колокола под ветлами десять лет собирались, смотрели на росстань, и никому и в голову не приходило, что буквы не люди, что люди, если желают идти в Пеньё, должны идти влево, а буквы могут идти вправо, и все равно попадают на Пеньё.

– Видишь, Петя, – сказал я, – это интереснейший пример антропоморфизма...

Тогда сзади нас кто-то стал хохотать, надрывая живот. Мы оглянулись. Старый Берендей, оказалось, все время стоял сзади нас, вникая умным глазом в чудные буквы, вслушивался в наш разговор. И когда, наконец, он все понял, то схватился одной рукой за живот, другой за мглистую бороду и стал хохотать. С трудом он справился и сказал нам, мигнув веселым глазом на вечевой колокол:

– Здорово пишут!

Тетерева

Песчаные горки в болотах реки Кубжи, покрытые редким березняком с кочками краснеющей брусники, пахнут тетеревами, и все-таки их тут нет, мы нашли тут одного петуха, по которому я неудачно стрелял в чаще, и холостую тетерку, в которую, по уговору, не стали стрелять. Так, обойдя все эти горки, мы спустились к широкой долине, поросшей болотной травой, и задумались, Кубжа это или просто большой луг. Была тут тропа, мы пошли по ней, постепенно утопая все глубже и глубже, и когда добрались до непереходимого плеса, узнали, что это действительно река Кубжа. Потом мы пошли краем болота и так пришли к мосту, за которым виднелся лесок Филатова, где, говорили нам, водились тетерева. Тут мы нашли единственного петуха и взяли его с трудом, потому что удивительная в подводке по тетеревам Кента сделала ошибку: разбираясь в следах, она до того закопалась в них, что вплотную подобралась к нему и спихнула, а мы, непринужденные, не расставились, а петух вылетел сзади куста. Этот редкий случай с Кентой вернул меня к мысли о Ромке: вот именно потому он и не делает стоек, что идет низом по наброду, напротив, если дичь переместилась и сидит без наброду, то стойка ему часто удается. Значит, весь вопрос в том, как заставить его не отрывать нос от наброда и время от времени проверять близость птицы верхним чутьем. К этому сводится теперь вся работа над Ромкой, и я не вижу в этой работе для себя сознательного пути, весь мой расчет, что он «головой дойдет».

Предполагая, что петух не должен улететь из этого отъема (кругом болота), мы пошли в направлении его полета, и когда Кента почуяла его верхом, нажали из леса, перегнали через дорогу в крайний мысок, к крайним в поле кустам, из которых он и предпринял свой роковой перелет по открытому месту. Около Садникова в мыску нетронутого скотиной леса, выходящем прямо в овес, мы нашли тетерку, которую убил я нечаянно, приняв за петуха. Мы нашли ее единственного цыпленка, настолько все-таки большого, что взяли. Еще нашли холостую тетерку вблизи нашего дома – и все. В общем, можно теперь сделать заключение окончательное, что гнезда погибли от мороза. Говорят, что на утиных гнездах действие мороза не сказалось – не потому ли, что в болотах теплее?

<*Приписка на полях*> Чтобы успокоить себя, я сказал Пете: «Вероятно, это холостая». Но в это время послышался писк тетеревенка, и Кента сделала стойку.

Есть тоже болота хвощевые, ровные без кустика, по которым идешь и думаешь: вот уж тут нет ничего. Но Кента у нас повела. Мы думали, что это по курочке она, но взлетел бекас,

Петя неудачно выстрелил, и хорошо, оказалось, Кента вела по нем, как по коростелю, потому что бекасиха бежала и отводила нас от маленького, который еще и летать не умел. Хороши, смешны эти маленькие бекасята с перевешивающими их носами.

<*Приписка на полях*> 1) Мензбир: 2 тома. 2) 2 ошейника. 3) Поводок ременный. 4) О трубке. 5) Дробь-порох. 6) Зворыкин о натаске.

Во время дупелиного перелета надо непременно побывать в отличном дупелином болоте возле Пенья, конечно, не надо забывать Филипповские кочки против гати на той стороне. Нам указывали на прекрасное место тетеревиное в Станках и дупелиное в Солнцеве (рядом, путь через погост Дмитрия Солунского). Но самое главное место, говорят, в Лихачеве и дальше в каком-то Заборье возле Дубны. Пастух нам сказал: «Там много всякого гада, молоденькие разбегутся и глядят на тебя».

7 Августа. После вчерашнего маршрута – дневка.

Вечером Лева приехал. Он еще мальчик, вполне юноша, и потому грехи его надо ему отпустить (пока).

8 Августа. Не спалось. Грызла страшная тоска, переходящая в физическую боль. В 2 ч. ночи стало чуть-чуть белеть. Напился чаю из термоса и в ½ 3-го вышел в болото. Первый свет через туман был как «невидимкою луна». На тропе Берендея Кента повела, и я увидел в тумане на черном какую-то серую бегущую птицу. Потом она остановилась, и Кента замерла. За это время стало виднее, и я узнал коростеля.

По росистой болотной траве, как по воде, я направился к тому сухому холму, где в последний раз с Ромкой поднял двух дупелей. Межевой столб, выступавший из тумана, указал мне это место. А за время перехода уже так повиднело, что стрелять стало возможным хоть на 100 шагов. Меня смущали какие-то голоса за холмом, сначала я боялся нашествия масловских охотников, потом понял, что нет, что голосов множество. Но я сейчас же забыл эти голоса, как только смущенная Кента верхом, не касаясь почти травы, повела. Тогда я заметил на востоке не с горизонта, а немного повыше бледный серпик солнца, и вокруг серпика туман был, как светлая венчальная кисея. Только самым ранним утром бывают такие чудеса, трепетная радость проникла в сердце, – вот вино Берендея: он этим полон. Кента стала. И тогда из-под холма в тумане показалась впереди голова и полчеловека, и еще голова, и весь человек, и другой, и третий и множество с косами и граблями, как с оружием. Они все увидели меня и собаку на стойке и перестали гометь: им

интересно. Их все прибывает, они лезут с разных сторон, кто-то кричит: «Охотник, не убей, мать твою...»

Я не люблю стрелять и часто промахиваюсь, если даже пастухи наблюдают с холма. Что делать? Вылетает с легким, чуть слышным гульканием сразу два дупеля. Стреляю. Один падает, другой улетает в туман, и оттуда еще новая голова с другой стороны и голос: «Не убей, твою мать!» А Кента стоит по новому дупелю, и опять вылетает пара, и у меня осечка, и хорошо: с той стороны еще голова и еще крик: «Не убей, твоя мать!» Но Кента снова делает стойку. Господи, какое мученье! А солнце висит розовой лампадой и в тумане *<1 нрзб.>* и все, как херувимская. Вылетело еще два дупеля... Потом вся эта масса людей и тут и там ниже, куда улетели дупеля, и там дальше в еще не видимых через туман болотных низинах пришла в движение: там в низинах об этом узнать можно было только по крикам, здесь кто пошел, кто побежал. Я был и со своей замечательной собакой, и с дупелями забыт, растаял в сознании деловой массы, как ничтожная росинка тумана. Они размеряли полосы и перекликались сверху в низину и, верно, интересы их личные тут скрещивались, потому что голоса сверху были иногда с домашней тревогой, особенно женские: «Мишка, проклятый, не зевай. Алешка, не лопать, не лопать, поди в нашу сторону».

В это время вверху было уже небо, под этим голубым – белое небо тумана, под вторым небом – мое мертво-синее нерасходящегося порохового дыма. Я увидел еще признаки радуги, но тут же вокруг нее белым тоненьким столбом колышется туман, и так расходилась болотная светлая белая радуга.

Я бежал от своих дупелей через речку на Ясниковском болото. По пути Кента нашла молодого бекаса, я взял его в руки, полюбовался чудесным болотным птичьим ребеночком, пустил его, но он не полетел, побежал, некрасиво пригнувшись, но страх его через мгновение прошел, он стал очень высоким, на очень длинных ногах, задрав свой нос чуть ли не в спичку, и побежал петушком. Перемахнув через Вытравку, я очутился сразу на Ясниковском болоте, скотина еще не прошла, ни один человек еще не прошел, против солнца росистая целина кочек была, а собака сверкала металлом. Почти все взлетающие из-под стойки бекасы падают от моих выстрелов, только иногда попадало в крыло, и я, придерживая за ноги, убивал легким ударом головой о носок сапога: что-то непереносимое, непереступаемое для многих людей, легко, как-то «сквозь пальцы» пропускалось в охотничьей страсти...

Но дупелей все не было. И вот пример того, что не собака, а человек управляет: на обратном пути я заставил Кенту идти по кочкам краем сырого болота, и тут она скоро внимательно обнюхала одну кочку, еще более серьезно отнеслась к рыжей лепешке засохшего коровьего навоза и повела. У самого края жидкого болота вспорхнул дупель и тут же упал от выстрела,

дым закрыл полет другого, но потом я успел рассмотреть, как он упал, широко раскрыв длинные крылья в середину болота. Присоединив к ранее убитому дупелю и десяти бекасам второго, я сосчитал: «три дупеля», кто не промахивался по дупелю на открытом месте. Но я напрасно так сосчитал. Все мои усилия найти были напрасны, я десятый раз сажень в сажень *<1 нрзб.>* проверил болото – дупеля не было. Решил, что Кента от усталости и жары больше не чует, и ушел. Но мне попался на пути бекас, Кента отлично причуяла, я убил его и вернулся к дупелю и еще раза три прошел, и он все-таки не нашелся. Считал невозможным такое западание птицы, но вот приходится признать...

Когда я вышел на холм, с которого было видно все болото, по которому я странствовал в тумане, мне открылась при полном солнечном свете картина, которую я никогда не видал. Все болото было покрыто разноцветными флагами, белыми, красными, голубыми, желтыми, на каждой полосе стояли шесты с бабьими платками, по которым косцы вели полосы. Может быть, у некоторых женщин были и не совсем чистые белые платки, но солнце делало их такими белыми, и фигуры издали были такими стройными, что казались живыми мраморными статуями. Косы вспыхивали на солнце, как выстрелы, когда, бывало, на войне видишь такой огонь и потом ждешь грома. А потом было целое поле телег, на которых выехали целые деревни.

Я потом вблизи проходил, мне кто-то крикнул из кустов: « Иван Устиныч!». Я подошел. «Вижу, егерь идет», – сказал мне рыжий, – и подумал: Иван Устиныч». Он осмотрел мою сетку, наполненную красной дичью, и сказал: «Зачем это ты воробьев настрелял?»

Дома после удачной охоты, перед засыпаньем, мне было виденье, какое постоянно бывает мне в глазах, если я мало пишу и много хожу. Мне привиделась стена болотных зарослей, резко оборванная ярко-зеленой отавой осоки. Стена эта была тростниковых дудок, гораздо выше обыкновенных со множеством темно-зеленых, желтых отмерших, чем-то еще перевитых. И вот из этой стены скачками выходит на отаву маленький в спичечную коробку с носом в спичку на длинных ногах дупеленок, и вслед за ним из желтой стены зарослей большой свет, только не желтый, как у Рембрандта, а серебряный, и в свете этом на коленях старец со сложенными руками на груди: он был серебряный, прекрасный, могучий и двигался вперед дивно, не переступая, на коленях вслед за маленьким болотным цыпленком...

Я проверил себе происхождение этого виденья и понял, что оно в возмещение идеала, живущего во мне и попранного разбитыми головками о носок сапога.

След идти – это значит, муж на одном краю полосы стоит, высоко держит косу, на косе шапка, а баба его идет вниз, и у нее на косе платок: так провешивают, и малейший уклон к соседу, если густая трава, лишний воз или два.

Сегодня Петя с Левой убили 5 бекасов и вечером утку.

В последнюю охоту в болотном березняке на берегу Кубжи мы нашли на болотной кочке, через которую вырастала березка, пятнадцать белых грибов. Дупеля, как белые грибы, нашел одного, ищи другого рядом, сегодня два нашел, а через три дня на том же месте можешь четыре найти или шесть.

Под вечер вышел прогуляться с Ромкой, он подбежал к кустам, понюхал и стал. Я подошел, вылетел петух. Нет, из него будет собака.

9 Августа. Правило: чтобы собака остановилась, нужно остановиться самому. Чтобы собака тише ходила, надо самому тише идти.

Упражнение с Ромкой

Лева шел с ружьем, я с плеткой. Мы согнали бекаса. Потом Ромка учуял его наброд и повел верхом. По месту стал. Верхняя подводка – новость. Я сделал предположение, что за время отдыха он одумался и что вчерашняя стойка по петуху имеет для него такое же поворотное значение, как для Кенты была куропатка. На скошенной отаве, очень короткой, он стал примеривать, очень осторожно подводить, прохватывать верхом, после короткой стойки вылетел дупель, по которому Лева не успел стрельнуть. В кустах Ромка тихо подводил по какому-то следу, я думаю, тетеревиному; потом, когда ему не удалось сразу найти птицу, он стал волноваться, и я отвел его. На некошеных полосах Ромка после недолгого розыска (розыск все-таки был) поднял голову и сделал настоящую твердую стойку. Вылетел бекас, по которому Лева промахнулся. Потом два раза с разбегу спихнул дупеля, в третий раз причуял, подвел близко, умер на стойке. Осторожная манера поиска, полное спокойствие при взлете даже из-под носа и при выстреле давали впечатление старой опытной собаки. Значит, совершилось почти то, что было с его матерью. Вероятно, осень он пойдет и по тетеревам и будет к концу сезона готовой собакой.

10 Августа. Охота на Острове по тетеревам: мы с Левой и Кента.

За вырубкой по ту сторону просеки Кента обнюхала кочки, стала серьезной и повела. Мы думали, что она ведет по коса-

чу, потому что он явно убегал от нее: она вела очень долго. Косач бежит в чащу, и это у него делается сознательно, бежать в пустое место и потом взлететь за кустом, невидимо для охотников. Стрелять часто приходится по мелькающему пятнышку, даже шуму, что возможно только, если держать пальцы на спуске и нервы в очень напряженном состоянии. Но долго ведь так невозможно, или сделается до крайней степени трудно, почти больно и неприятно, думалось: «поскорей бы, поскорей это прошло». А напряжение собаки доходит до того, что при нечаянном громком переломе сучка под ногой она вздрагивает, поднимает голову, оглядывается по сторонам страшными красными глазами, нервная Кента теперь уже делает прыжок.

Ко всему этому еще прибавляется, что боишься, как бы не стрельнуть в сторону товарища, которому шепчешь «равняйся, равняйся!», или если от него разделяет куст, тихонько даешь знать о себе. Охота с собакой по косачу в росе, когда он так далеко бежит, становится все равно, как по тигру...

И вот, наконец, раздался сильный треск, в кусту что-то мелькнуло, и в это мгновение дробь хлещет прямо туда.

Мы подходим туда, лежит не петух, а старая тетерка. Та самая, о которой мы в Союзе, получая свидетельство, дали подписку, что не будем стрелять. Что же делать, мы не хотели. Но если увидят, то оштрафуют. Нечего делать, остается спрятать получше в сумку и не попадаться никому на глаза.

Потом нашли мы знакомую тетерку с одним маленьким, к счастью, все вышло на поляне, и мы не стреляли.

После долгой ходьбы мы напали опять на след с бегущей птицей и до крайности, до изнеможения долго крались. Оказался выводок, вероятно, та самая тетерка с двумя взрослыми тетеревятами, которых нашли тогда с Петей. Несмотря на чащу, я все-таки поймал выстрелом одного взрослого, почти в матку тетеревенка.

И стало жарко, до того жарко, что Кента, не имея возможности за все утро напиться, легла на мох, как умирающая.

В жаркие дни по тетеревам невозможно охотиться. Но в такие дни надо вставать на рассвете и охотиться до 9 ч. по бекасам и дупелям – вот это охота! И вообще надо признать, что при возможности охотиться по бекасам и дупелям тетеревиная охота кажется грубой, мало интересной, главное потому, что, я сказал бы, немного как бы уничтожает собаку, собака ползет, а не плывет против ветра, вычуивая из стольких всяких случайных запахов один только необходимый. Так по мере улучшения качества моих охотничьих собак я из лесного охотника переделываюсь в болотного.

В жаркий полдень за болотами, какими удивительными нежными тонами голубеют леса и чем дальше, то все лучше и лучше. Друг мой, за лесами, прими себе туда и мой голубой луг!

Ведь как мало остается мне жить, ведь непременно и без остатка сгнию, и ничего не останется, и нечему будет воскресать.

Удастся ли закрепить мое мгновение в этом сочетании слов, чтобы оно присоединилось к делу связи людей, которое называют «культурой». Друг мой, прими себе мой голубой луг туда и не смотри на меня здесь, в моей мастерской, на моей родине. Я живу, я люблю свою родину, но родина моя, боюсь, не для другого, другому в ней жить нельзя...

Я старался представить Леве, что он как охотник – плохой, потому что охота его не от страсти, а только забава и случайность в жизни. И говорил, что он плохой студент филологического факультета, если не знает грамматики, ни одного иностранного языка, почти не читал Пушкина, Гоголя, Тургенева. И что он плохой поэт, потому что в его стихах, боюсь, нет поэзии.

Я говорил ему, что поэзия в основе своей предполагает, вероятно, гораздо еще больше той умной энергии, которая создает хорошего охотника и хорошего студента. Еще я говорил ему, что поэзия живет в глубине души, прежде всего, для себя, а потом прорастает из себя самого для людей, – они скромны и чрезвычайно стыдятся. Он же, напротив, раньше хватается за людей, а потом за себя. Я высказал ему свою большую тревогу о нем, что он поздно доживет до этого понимания, и оно пронзит его сразу, как стрела, и если он не предохранит себя заранее знанием и способностью трудиться, как все, то стрела эта будет ему сразу смертельной.

11 Августа.

Болотная охота с Ромкой

Ночью была, наконец, сильная гроза, и утро сложилось самое хорошее, самое мое любимое, когда невидимое за облаками солнце ласково посылает в долины смягченный свет, и оттого все вокруг становится задумчивым.

Сегодня мы охотились с Ромкой, иногда совсем даже забывая, что это молодая собака, болтали между собой, вверялись его поиску, и не было ни одного случая, когда бы он спугнул дичь раньше, чем мы подошли к его стойке. Так оправдались мои предположения, что он как-нибудь в один «прекрасный день» совершенно так же, как его мать, сразу поймет всю науку и пойдет, как старая собака. Вероятно, так и вообще при натаске собак, результаты надо ожидать не прямо во время уроков, а несколько спустя, надо непременно давать время одуматься собаке. Впечатление получается такое же, как от ночного роста трав, – собачье сознание растет тоже, вырастает как будто ночью во сне. Учишь, учишь, и собака становится все хуже, и вдруг в один прекрасный день она все поймет. Конеч-

но, предшествующей охотой мы были уже подготовлены к новым достижениям, но все-таки не в такой степени.

Сегодня Ромка прежде всего завоевал наше доверие к своему кавалерийскому поиску, когда со всего хода схватил наброд дупеля. После этого, наконец, я перестал его стеснять постоянной угрозой держаться ближе, постоянным обрыванием его собственных планов. И только если он уходил далеко за пределы выстрела, я возвращал его свистком. Это он себе завоевал и нам доставлял большое удовольствие своим свободным скоком.

Я убил из-под его стойки наконец-то первого дупеля, чрезвычайно большого и вполне налитого жиром. Но радость была омрачена, когда он после выстрела, увидев падающего дупеля, бросился к нему. К сожалению, пришлось его наказать, а потом я с волнением дожидался следующего выстрела, очень опасаясь пробуждения трудно победимого инстинкта погони. Мои опасения оказались напрасными, убитый бекас упал еще ближе на воду, чем дупель, еще ближе к нему, и он сделал попытку прыгнуть, но по крику «назад» остановился и даже лег. Это значит, собака в руках. Так, я надеюсь, и в будущем обойтись совсем не только без парфорса, но даже без обычной веревочки, которой останавливают попытки бежать.

Мы нашли и того странного дупеля, которого в последнюю охоту не могли разыскать с Кентой, дупель был молодой, и нашли именно там, где мы его искали в тот раз. При выстреле и падении птицы Ромка не тронулся с места.

Раза два или три Лева промахнулся по бекасам и по дупелю, и этим окончилась первая настоящая охота с Ромкой. Я уверен, что он теперь с таким же успехом подведет и к тетеревам, но не буду этим его перегружать, пока не проведу несколько больших охот на болоте.

Считаю сегодняшний день в натаске Ромки днем его выпускного экзамена. Таким образом, вся натаска продолжалась ровно месяц, с 10-го июля по 10-е августа. Если бы у меня была другая собака, то я не только в ущерб Ромке, но даже с пользой для него мог бы натаскать другую, день с одной, день с другой. Если бы я так делал, то, во-первых, давал бы Ромке возможность отдыхать и усваивать про себя уроки, во-вторых, не загонял бы его тогда до изнеможения, в-третьих, сам бы я, имея в виду не ту, так другую собаку, был бы спокойнее и, наконец, я бы в счастливом исходе имел за то же время не одну обученную собаку, а две.

Ясниковское болото интересно тем, что лежит по холмам, никогда не подумаешь, подходя, что там болото. Это происходит потому, что его образуют родники, образующие бассейн Вытравки. Такое болото подлежит охране.

Вечером с кровати Е. П. спросила:

– Чего ты не спишь?

Я ответил:

– Сверчки не поют, без них не могу.

Я намекнул ей на обиду: она сегодня задавила одного.

– Как ты переменился за месяц, – сказала она, – тебе дома тишина была нужна, а тут гам, крик, ругань под окнами, и вот сверчков полюбил.

Это – неправда, я не переменился, а всякая пустыня своими наполнена звуками: тут в деревне голоса на улице и сверчок за печкой – звуки глубочайшей тишины.

Ночью мне снилось, будто я в Хрущеве и там Дунечка. И я стал ее расспрашивать о родных и знакомых, кто где.

А еще я видел во сне свою недоступную мне невесту и, проснувшись, обдумывал этот свой «пункт» помешательства, которое в этой точке несомненно, если смотреть на меня глазами этой «невесты».

<*Приписка на полях*> Записывать больше деревенского быта: сегодня весь день мужики ходили с землемером: переходят на отруба.

Часы остановились. Посылал узнавать, нигде не дали ответа, в деревне нет времени, часы идут, но только «для хлебов» (то есть по ним узнают, сколько хлебам в печке сидеть).

Часы у хозяина с музыкальным боем, и когда на его половине ночью сквозь сон слышится бой, а у себя под окном гремит улица, то кажется, где-то там у хозяина есть высокие комнаты с паркетными полами...

12 Августа. Рано утром так же задумчиво, как и вчера. Мы вышли в 5 у. на тетеревей, но вдруг откуда взялось, брызнул дождь, кусты стали мокрыми, и ходить по тетеревам было нельзя. Мы пошли на старые места по болотам с Кентой. Тот дупель, по которому мы не стали стрелять с Яловецким, принимая за мать, оказался холостым, но то, что мы думали дупелята, оказались бекасята. Они уже отлично летали и вспархивали с матерью разом всем выводком. Дупеля я взял, а больше их на Ясниковском болоте не оказалось. Мы попали дальше по Вытравке к погосту на отличные бекасиные места, как вдруг целой деревней явились мужики и принялись косить болото. Неприятно охотиться у всех на виду, и потому мы перешли по ту сторону речки, где в кустах было сухо и дочиста выкошено. На старых болотах оставался только знакомый выводок подрастающих бекасов и больше ни одного. Я думаю, потому нет их, что одни уже убиты, другие напуганы и разлетелись. Надо при-

знать, что бекас не глупая птица и скоро перемещается, если его сильно пугают.

Теперь на неделю оставляю Ясниковские болота, то есть до 19 августа (до яблочного Спаса), когда сделаю основательную проверку на дупелей. Охотиться буду на тетеревей, на бекасов, по бочагам на Вытравке, схожу с Яловецким или с Петей (если тот не придет в воскресенье) в Солнцево и в Станки.

<Приписка на полях> Видели на болоте большую, штук в 30, стаю журавлей. Значит, журавли сбиваются уже в стаи?

Охота с Левой трудна, потому что часто обрывается спорами о феодализме, о народности и т. п. Ведь вот он и не комсомолец, но все равно пунктик марксизма вбит так крепко в его голову, что он не может мыслить не от печки, и это меня дергает. Я думаю, что самым свободным государством надо считать такое, в котором юность может усваивать знания не для завтрашнего дня, а sub specie acternitatis*. Это понятно, ведь государство имеет дело с массами, оно опирается на «среднего человека», и потому какие бы ни ставило оно героические задачи (социализм, коммунизм, интернационализм), все это средний человек переварит на свою личную выгоду. Замечательным примером этого может служить тот факт, что в нынешней молодежи отсутствует стремление сделаться учителями и докторами: педагогические и медицинские институты пустеют, а инженерные переполнены.

Едва ли столица потеряла в моих глазах очарование только потому, что я потерял интерес к успеху, к славе, словом, потому, что перерос свою среду. Страшно опустилась среда сравнительно с той, в которой я начинал писать...

Собаки

Усталая Кента выбирает место на полу, где светится солнечный зайчик, и так свертывается, что зайчик приходится как раз на ней и она чувствует своим телом его теплоту.

Развелось множество мух. Я засыпаю после обеда, закрываясь весь с головой от мух простыней, и оставляю свободным для дыхания только небольшое отверстие, в которое смотрит кончик моего носа. И вот когда Ромке захочется до ветру, он подходит к моей постели и долго стоит. Иногда я это чувствую и просыпаюсь, а если этого не чувствую, он так приблизит свой нос к моему, что усы его щекочут мой нос, и если я это не чувствую, то лизнет, и тут уж я непременно проснусь.

---

* с точки зрения вечности (*лат.*).

<*Приписка на полях*> Присоединить к молебну, когда Кента увела стадо и поп остался один, потому что крестьяне уже угощались дома в ожидании молебна на дому.

Я всегда обхожу стадо, потому что коровы всегда напирают на собаку, вероятно, подозревая в ней волка, даже на Кенту, которая и рубашкой своей, и что без хвоста, и еще чем-то напоминает овцу. Это я заметил еще давно на вырубке, где паслись овцы и тетерева к ним привыкли, на этой вырубке после стойки, если я не стрелял и не видим был за кустом, тетерева взлетали возле самой Кенты, садились, принимая ее за овцу, в нескольких шагах, и она опять подводила. Я не из-за овец и даже не из-за коров избегаю встреч со стадом, а боюсь с детства быков.

Петя совершенно не боится быков, он, не раз встречаясь даже со страшным быком, хватал его за рога, как за ручки, отпрыгивал, удирал, получал даже от него удар лбом по заднице и все-таки удирал.

В последний раз он настоял, чтобы мы прошли через стадо, потому что иначе нам надо было проходить через трудное болото. Коровы и бык нас пропустили благополучно, и только двум достались удары Петиной плети. Но овцы все пошли за нами и окружили робкую Кенту. Одна самая большая рогатая овца стала против Кенты и загородила ей дорогу. Кента приготовилась и, вздрагивая, ждала наступления. Я очень боялся, что она выявит собачью природу и вдруг укусит овцу. Но Кента, напротив, вытянула нос ближе, как бы заявляя рогатой овце: «я тоже овца». И та, глупая, поверила, тоже протянула нос, и ей не запахло собакой. А Кента лизнула нос овцы, и та совсем успокоилась, решила «овца!» и отошла. Потом началось такое же представление с другой овцой, с третьей. Кента перелизала штук пять, нам надоело, мы прогнали овец и увели Кенту.

Стойка за стогом

Мы подошли близко к стогу на болоте, так что он заслонил нам много неба, а Ромка с левой руки повел направо за стог. Опасаясь, что бекас сорвется вправо в то время, когда мы будем обходить стог слева, мы направили свои ружья направо и стали ожидать, когда покажется или бекас, или нос Ромки. Нам пришлось долго ждать. «Вот так стойка!» – радовались мы работе Ромки. И у нас не было никакого сомнения, что он стоял за стогом, потому что уйти куда-нибудь, не видя нас, он не мог. «Вот так стойка!» – перемигивались мы с Левой, ожидая бекаса. Мы условились, что первым будет стрелять он, а я поправлю, если выстрел будет неудачным. Еще мы успели условиться в том, чтобы в случае, если бекас близко упадет и потому Ромка

за ним стронется, не забыть остановить его громким криком и уложить поднятой вверх плетью. А время все шло и шло.

– Вот так стойка! – сказал я, – давай потихоньку обходить стог навстречу ему, интересно посмотреть, как он стоит.

И когда мы обогнули стог, то увидели...

У него был запор.

– Вот так стойка! – сказали мы вместе.

Вечером проходил с Ромкой краем болота, он шил носом возле кустов в траве и так вытурил коростеля, которого я убил.

13 Августа.

Анонс

Вот на что это похоже, когда мужики «идут след» при дележе полос на лугах, и всякий стоящий со значком на краю полосы орет что-то ведущему пограничную черту – издали это похоже на болотную облаву. И весь этот невозможно дикий концерт происходит на самом лучшем дупелином болоте. Остается идти только по тетеревам в лес.

Ромку боюсь пустить по тетеревам. Приходится второй раз подряд идти с Кентой. Мы ходили в Поддубовском. Счастливо удержались от выстрела, когда из под стойки во мху вылетела старая тетерка. Потом я заметил, что Кента в лесу ходит не обычным своим коротким, но таким быстрым ходом, что постоянно мелькает в глазах, вертится волчком.

Этот поиск был гордостью моего обученья: я третье поле охочусь с ней и не помню случая, когда она хоть раз бы подняла тетерева без меня, никогда я не искал ее на стойке в лесу. Такой поиск давал мне возможность бродить спокойно по лесу, глаз привык следить за собакой, как за поплавком, и оставалась возможность и наблюдать жизнь в лесу, и раздумывать о своем.

И вот Кента теперь исчезает так, что я не могу за ней следить, свищу, кричу, и так это неприятно ходить в лесу с криком и свистом. Все объяснилось, конечно, особенным увлечением болотной охотой в эту осень.

Мне стало обидным, что Ромка, юнец еще, может скорее обыскивать большие пространства, чем его мать. Вот я и стал пускать ее в карьер на большие круги и радовался, что немецкая легавая против всего, что говорят о ее поиске, летала нисколько не хуже, чем сеттер или пойнтер. Теперь в лесу она, конечно, ходила не так далеко, как в болоте, но все-таки, значит, гораздо дальше, чем раньше, раз я стал терять ее из вида. И, наконец, случилось самое волнующее лесного охотника событие: тетерева сорвались где-то далеко в стороне. Пришлось наказать собаку сильным упреком, угрожая пальцем. Она, чувствуя вину, визжала тихонечко, пожалуй, потише свиста рябчи-

ка: понимала! Но прошло немного времени, и Кента совершенно пропала. Тянулись, как часы, тягостные минуты, – не приходила. Что делать? Если свистеть, или кричать, то лишаешься последней возможности убить, так как птицы не полетят в сторону свиста, я это много раз проверял по осенним вальдшнепам.

Мы решили разойтись между собой за пределы достижения выстрела и так искать каждому на свое счастье и на случай, если птицы полетят на ружье. Поискав собаку там и тут, я, наконец, решил, что правильная работа собаки мне дороже, чем выстрел по тетереву, и стал свистеть. Через некоторое время Кента является с каким-то особенным видом, будто она там где-то обмывала покойника, и мы по своему пустяковому делу вызвали ее неприличными свистками.

Я крикнул Леве, что собака здесь, и он прибежал. Я быстро высказал ему свое соображение, что мы собаку оторвали от дела: ведь взлета птицы не было слышно. «Ну, ищи, ищи!» – сказал я. Она довольно скоро побежала в свою сторону, откуда пришла, и потом стала снижаться на ногах, как обыкновенно при подводке, и, наконец, повела со всей своей таинственностью и осторожностью. Потом из куста по ее указанию вылетел старый черныш и сразу был остановлен в полете над кустами.

Оставалось только маленькое сомнение в анонсе, потому что петух мог подвернуться случайно и совсем не тот, по которому она пропадала. В пользу анонса было воспоминание о некоторых отдаленных ее стойках на болоте, когда она при подводке оглядывалась и останавливалась, дожидалась, не отрывая глаз от нас, подходящих к ней медленно, и потом, когда мы близко подходили, снова вела.

Убитого большого петуха нам было довольно для обеда. Становилось жарко. Явилась тропа, и мы пошли по ней домой, велев Кенте идти сзади. Мы, сильно болтая, забыли о собаке, и вдруг Лева мне говорит: «А ведь Кенты нет назади». Подождали – нет. Свищу раз, два, много свищу. И она появляется на тропинке. Теперь мы прямо возвращаем ее назад, откуда пришла, и спешим за ней, чтобы не упустить. Возвращается она довольно скоро, но все-таки можно следить. Потом снижается, подводит, останавливается, и за кустом вылетают раз, два, три – целый выводок.

Не остается больше никакого сомнения, что Кента – собака с анонсом, и я сам ее натаскивал, и сам об этом не знал. Важно это потому, что я очень доволен был ее лесным поиском и вообще не ищу добра от добра. Я натаскивал собаку не для полевых испытаний, не для медали, не из-за фокусов, а для успешной охоты своей. И, очевидно, если собака умная, то она сама поймет, как надо лучше, чтобы выходило дело. Итак, значит, не очень нужно при натаске быть педантичным и требовать

от собаки чего-нибудь сверх необходимости. Если собака в лесу не теряется, то для чего ее мучить излишними для целей охоты требованиями? Кроме того, если собака по природе своей не расположена к анонсу, то зачем мучить себя и ее заставлять делать невозможное.

14 Августа. Пришел вчера вечером Яловецкий, и мы решили с ним поехать в Солнцево.

Так и сделали. Ехали через Филипповское, Караваевку (имение Зимина, жена его теософка, он общ. деятель, толстовец), в стороне было еще какое-то имение, от которого теперь остался пруд и старые березы.

Яловецкий сказал: «А ведь это имение было Алексинского или кого-то из таких. Журавлев рассказывал, он там пировал. Поближе подойти, там есть акация».

Нам были видны только березы, и листья на них двигались от легкого ветра, и уши, не слыша, слушали, как они шумели. Хотелось сесть там на траве и выбирать в шуме листьев свое. Сколько там в своем тоже теперь было такого разрушенного. Я думал: есть явления природы, встречи с людьми, разговоры, слова, которые необходимо, надо запомнить, и если забывается, то это сопровождается досадой, грустью, упреками совести. Но почему это неохотно возвращаемся к воспоминаниям о великой войне и русской революции, а когда вернешься к ним и заметишь, что память изменяет, то не встречаешь в своей совести упрека?

Еще была по пути богатейшая деревня Кузьмино (влияние Зимина, вспомнился Воргунин), потом погост Дмитрия Солунского и Солнцево. Вокруг болота было скошено, дичь загнали на середину, куда, как казалось, невозможно пройти. Нашелся только один дупель, по которому у меня вышла осечка, и он переместился в недоступную крепь. Мы ушли с болота, но разузнав, что есть к нему тропа внутрь его. Тоже сделал ошибку Яловецкий и в тетеревиной охоте, доверившись своим воспоминаниям и не проверив их расспросами. Ходили по выбитым скотом местам, пугали холостых тетерок, а рядом были некоси и вырубки, не тронутые скотом.

Мы пришли, было, к заключению, что тетеревиные гнезда померзли, но это оказалось не совсем правда, многие померзли, но некоторые и сохранились. Нам сказали, что Катынский здесь убил 20 штук в черном пере.

Вот об этом надо расспрашивать: на каких местах (болото или суходол) сохранились выводки. Нашими трофеями были за целый день ходьбы один тетеревенок, убитый Яловецким, и бекас, которого я убил на Филипповском болоте. Относительно большой дичи надо признать, что теперь, вследствие покосов, они убрались в крепи, и высыпки надо ожидать недели через две, к Успенью, когда подрастет отава.

<*Приписка на полях*> Один бекас был нами поднят на месте, откуда еще не была убрана скошенная трава, это говорит, что бекасы не совсем боятся сел.-хоз. работ, хотя в общем, конечно, к тому времени убираются подальше.

<*Приписка на полях*> Председатель союза охотников Раевский ходил в лесу и потом сказал: «Смотрел на елки, шишек много, значит, надо ожидать белку».

<*Запись на полях*> Задачи кооператива.

Ночью Петя явился. От Разумника письмо, в котором он пишет по своим деревенским наблюдениям, что «война неизбежна» совершенно так же, как в 16-м году в воздухе висела революция.

Не знаю.

Караваевка

Все говорят кругом «Караваевка», но это оказалось ни село, ни деревня. Это было имение толстовца Зимина, которого недавно выселили. Дом владельца разобрали, осталось большое кирпичное здание устроенного им народного дома. Были еще какие-то незначительные постройки. «Почему же, – спросил я, – все говорят «Караваевка», и что означает это слово?» «Это культурный центр», – ответил Яловецкий.

Я высказал Яловецкому свое обычное раздумье при виде руин усадеб либеральных людей, отдавших все свои силы на просвещение народа: вот то же было с Воргуниным под Ельцом, который настроил много образцовых школ в уезде, и потом ему в награду дали возможность занять в своем доме одну комнатку наверху. «Собственно говоря, – сказал я, – они-то именно и подготовили революцию. Так почему же так?»

Яловецкий молчал.

– А может быть, – высказал я догадку, – им за то именно и пришлось солоно, что они подготовили революцию!

Яловецкий улыбнулся.

– Видите там вон высокие березки, там было тоже имение.

Мы скоро подъехали к старым березам. Яловецкий сказал:

– А ведь это имение было Алексинского или кого-то из таких. Журавлев рассказывал, он там пи-ро-вал. Поближе подойти, так можно видеть еще акацию.

Нам были видны только березки, листья на них двигались от легкого ветра, и уши, не слыша, слушали, как они шумели. Хотелось сесть там, на траве, и выбирать там, в шуме березовых листьев, свое. Сколько там в своем тоже было теперь такого разрушенного...

Есть явления природы, встречи с людьми, разговоры, слова, которые необходимо надо запомнить и, если они забываются,

то это сопровождается досадой, грустью, упреком совести. Но почему это мы неохотно возвращаемся к воспоминаниям о великой войне и русской революции, а когда вернешься к ним и заметишь, что память изменяет, то в совести своей не встречаешь упрека?

Я все раздумываю о пророчестве Разумника: «война неизбежна». Он это высказывает после того, как побывал в деревне. Я понимаю: его поразило величайшее разногласие деревни и города, скрытая война, которая должна разрешиться явной войной. И, наверно, он в своем уповании по-прежнему опирается на народ и как социалист на простой народ, что равняется революционной народности. Впрочем, это я говорю, конечно, грубо, схематически, в смысле «родников».

<*На полях*> Бергсон.

Разумниково дело мне и было, и теперь представляется каким-то юношеским, и когда от него я перехожу к себе, то чувствую не то что старость, а какой-то давний <*1 нрзб.*> в себе распад этого: народность распалась, социализм распался, религия... так бывает, после заката в болотах собирается туман, плотный, как небо, и через него слабо видны звезды и месяц, а утром это небо поднимается вверх и становится тем, что мы называем далеким небом. Вот и общие понятия: народность, религия, социализм, любовь и все такое, мне кажется, будто побывали в болотах и потом, как туман, как легенда, ушли в небеса. Я в болоте живу, где качается земля и человек висит над темной бездной, опираясь ногой в сплетение растений, где зарождаются туманы и создаются небеса.

Вот эта болотная неустойчивость, кошмарная, непереносимая бытовым человеком составляет сущность души художника... Жизнь представляется сплетением болотных растений, на котором можно кое-как удержаться, и вот этот найденный момент равновесия художника над бездной собственной и понимается как творчество: застойным людям почему-то нравится это качание, им тоже хотелось бы покачаться.

Возвращаюсь к Алпатову. Едва ли можно кончить роман делом осушения болота инженером Алпатовым. Скорее всего, его надо оставить в раздумьи: будет ли от осушения людям лучше: другие чужие люди придут, и те, кто остается, станут себе самим как жестокие чужие и сожрут себя самих, прежних, как тучные коровы сожрали тощих.

15 Августа. Хотел показать работу Ромки Яловецкому, но неудачно выбрал место: тот самый комариный омут Вытравки, от которого по трясучему болоту идет канава и на ее грязи

сидят ночью бекасы и остаются на дневку. Тут один молодой бекас вырвался из-под ног Ромки и поманил его за собой на короткое расстояние (сегодня, кроме того, Ромка в 1-й раз пытался схватить курицу). После того невзначай поправился, сделал стойку и после выстрела не тронулся. Но, в общем, на жидком болоте, где собака иногда даже плывет, невозможна работа по бекасам (Кента, однако, и тут может).

На этом месте, подкарауливая уток, вечером я не раз видел пролетающих бекасов, и пролетающих очень близко. Я ни разу не стрелял по ним, потому что без собаки, без стойки бекас мне, как ласточка, не охотничья птица.

Петя ходил в Константиновское за вещами и по пути из-под Ярика убил одного бекаса. На вечерней заре прогуливались возле нашего болота. Крестьяне возят сено.

16 Августа. Яловочные штиблеты, вчера полученные мною, самая удобная летняя обувь для болот.

Сегодня хочу сделать опыт охоты до солнца, которая мне удавалась, и настроение бывает удивительное, и ничто не мешает, не работают, стадо не вышло, и бекасы, застрявшие в своих ночевках, никем не стронуты.

В 3 ч. 10 у., прислонясь спиной к изгороди Ясниковского капустника, смотрю на ущербленный месяц и сопровождающую его утреннюю звезду. Море ночных туманов плотно, не шевелясь еще, лежит на низком болоте. Еще не слышно выстрелов по уткам просидевших в тумане на пнях охотников.

Но свет от зари мне кажется достаточным, чтобы стрелять, и я пускаю Кенту. Она подводит прямо, чуть ли не с места, что-то взлетает, и я стреляю, не видя мушки, но довольно уже прикидалось ружье и наметалась рука: птица падает, и мне кажется, долго кто-то двигается по темной траве, мелькая белым пером. Вслед за этим взлетает дупель, это я очень легко слышу по его гульканью, но совершенно не вижу и стреляю зря.

После довольно долгих поисков Кента приносит мне дупеля. Вскоре, когда рассвело совсем, Кента сделала стойку у края сухого кочкарника над мокрой лощиной. Я был от нее очень далеко, она оглянулась – я, не торопясь, приближался – ждала. И когда услышала мои шаги, стала спускаться в лощину и там замерла окончательно. Бекас выдержал отличную стойку, и я убил его, уловив после колеи момент спрямленного полета.

Надо как-нибудь собраться описать это интересное Ясниково-Чирково-Алмазовское болото по родникам Вытравки и по самой Вытравке вплоть до Троицы Вытравской. Тут есть мягкое болотце с очень топким местом, занимающим угол поворота Вытравки, поросший ольшаником. Тут я уже убил двух дупелей и много бекасов. Тут всегда есть дичь. В этот раз на топком месте был дупель, бекас старый, бекас молодой и несколько маленьких болотных птиц, такие, которые часто сбивают соба-

ку. Все это по ветру далеко поманило Кенту, и она шла сюда по струнке с высоко поднятой головой. Когда мы спустились при переходе в лощину, она потеряла запах дичи, а потом уже стала искать неопределенно по наброду, пока, наконец, не уверилась и не повела по-настоящему. Слетели из-под стойки те две маленькие <*1 нрзб.*> птички, она посмотрела на них, заволновалась, сделала несколько шагов вперед и вдруг поняла: «не то!» Вылетел старый бекас. Я промахнулся, и он махнул через ольху. А Кента не поинтересовалась даже проверить результат выстрела и повернуть голову в ту сторону. Она говорила: «и это не то». Потом она снизилась совершенно и пошла черепахой, и стала окончательно и как бы навсегда. Вылетел большой дупель и, отпущенный мною шагов на 40, свалился.

Я не очень хорошо в это утро стрелял по бекасам, два раза промахнулся, потому что выжидал из-за положения собаки: я был от нее далеко, и дробь могла ее поранить. Раз обзадил, другой раз взял слишком вперед. Все бекасы, однако, сидели удивительно крепко, некоторые перемещались, как дупеля, на недалекое расстояние. Были и молодые, которых я не стрелял: всего я убил до 7 у. трех бекасов и трех дупелей. Особенно меня порадовал последний дупель, найденный мной на кочковатой поскотине далеко от кустов. Это означало, что дупеля стали показываться и на больших открытых пространствах. Впрочем, больше я не нашел. Возможно, что Кента на таком большом пространстве и прошла нескольких. Завтра я это проверю.

Вот как чудесна эта утренняя охота, ведь никто меня не видел. Солнце было уже довольно высоко, а месяц все оставался, но когда исчезла его звезда, я не заметил. Только в 7 у. с разных сторон вдали из кустарников стали выступать стада.

Когда я вернулся с дупелями, Петя только вылезал из сарая. Увидев дупелей, он даже чаю не стал пить, пошел в лес и к обеду принес пару молодых тетеревей в черном пере. Выводок был из трех молодых. Он отправился сегодня в Константиново на утиный перелет, переночует у сыровара и проберется на Мергусову бель за дупелями. Я завтра пойду с Ромкой искать тех дупелей, которых тогда во время сенокоса не мог взять. Мне думается, что они спрятались в тростниках, около которых теперь выкосили, нет ли теперь их на скошенном?

17 Августа.

Охота с Ромкой на дупелей

Первый дупель. Удивительно, как я раньше не догадывался искать дупелей возле тростников, как не догадывался я, что это место их гнездований, – а на сухой холм они выбрались очень

просто: он же прямо прилегает к тростниковому болоту. На скошенной полосе Ромка причуял, раскорякой повел, остановился, и дупель вылетел. Упал в траву Ромка, по приказанию лег, хотя видел падение птицы. Потом я велел ему искать, и он тихо подвел к убитому. Второй дупель. В скошенном мягком месте, где кочки проваливаются под ногой, рядом с той выкошенной, где был убит первый дупель, Ромка стал ползать, но раньше стойки дупель вылетел из-под меня, пришлось неловко, и я промахнулся. Ромка был пущен разыскивать переместившегося, напоролся на него и так испугался, что даже присел и смотрел, как он летел в мою сторону, а когда я убил его и поднял вверх руку, лег, не сходя с места.

Третий дупель. Я слишком долго отпустил собаку, и когда он стал подходить, пришлось подбежать. Я успел подойти к вылету, но рука от пробега дрожала, и дупель был ранен в крыло. Ромка подошел к нему с моего разрешения, дупель прыгнул из травы перед его носом, закричал по-своему, побежал. Я велел Ромке лечь и на его глазок поймал.

Четвертый дупель. Вылетел у меня из-под ног, я убил его, и он упал перед Ромкой. Крикнул «тубо», и Ромка не тронулся.

Не оставалось сомнения, что это были те самые дупеля, которые тогда разлетелись в тумане. Их было шесть, один был убит, значит, оставался еще один. Но мне захотелось пострелять по бекасам, и потому я пошел к нескошенным полосам к Вытравке. По пути с некошеной полосы сорвался тот дупель, по которому Лева стрелял («Левин дупель»), и перелетел в кусты. Возле Вытравки мы нашли только одного молодого бекаса, он долго бежал в траве, и Ромка, нелепо снижаясь, добирал его. Я убил молодого только, чтобы доставить удовольствие Ромке.

5-й дупель. Возвращаясь домой, я зашел на то место, где мы сегодня взяли 4-х дупелей, хотелось проверить, не прошли ли мы. На скошенной полосе Ромка стал причуивать, сделал стойку, ползал, делал круги, возвращался и опять корячился. Я подумал, что мы были на месте 2-го убитого и это он выделывает по старым следам. В это время через дымок облаков стало припаривать солнце, дупель разлежался до того, что я чуть не наступил на него. Я услышал сзади себя его гулькание, обернулся и успел схватить его выстрелом в угол.

Шестой дупель. Оставалось последнее необысканное место, узкая полоса некошеной, густой травы возле тростниковых зарослей. Ромка там стал на всем ходу как вкопанный. Дупель взлетел и тряпкой свалился от выстрела.

Так взято было сегодня из-под Ромки 6 дупелей и бекас. Можно еще многого желать от него в выработке формы поиска, устойчивости от стоек, но что это исключительно послушная собака, что на болоте можно с ней охотиться уверенно и успешно, что она в эту же осень также хорошо пойдет и в лесу – в этом нет никакого сомнения. Собака в руках, собаку я «съел».

Но как ни послушен Ромка, все равно ему никогда не достигнуть грациозности и, главное, удивительно умной расчетливости его матери. Ее заместительницей вижу только Нерль, с ее стеклянными глазами, всегда думающими. Нерль, мне кажется, выражает еще больше собой то особенное, что есть в Кенте. Трудно выразить, что это такое: как будто это холодок, сопровождающий мысль, но что-то еще... (трагическое преобладание разума). Буду искать выражения.

Таким образом, я истребляю местные, гнездовые дупеля. Мне приходит в голову тревожная мысль, что ведь так можно и всех истребить, и некому будет в будущем году прилетать на место гнездований.

Могу я сказать, что собака моя «единственная», лишь если знаю, какие собаки у других, но если я знаю только свою собаку, то как можно утверждать ее превосходство. (Это годится для рассказа о «друге человека», в котором (Бородин) влюбляется в свою собаку зря). Хорошее слово «кругозор» (горизонт).

Дома муха заела. Перешел спать в сарай. Лезу наверх, под крышу. Перед моими глазами гнездо ласточек, в один, два ряда молодые, налево и направо. Мать прилетает с червячком, прицепляется к гнезду и коротким движением головы передает червяка птенцу, это короткое привычное движение мне напоминает из моего детства богослужение, всенощную, когда множество лбов подставляется священнику для помазания, и он тоже, как ласточка, таким же коротким движением помажет тебе лоб. Я заметил, что ласточка, постоянно улетая и возвращаясь, действует безошибочно, сначала одному даст, потом другому. Значит, думал я, она, добывая червей, все время держит у себя в памяти, что дала левому, положим Петру, а потом надо дать Павлу. Но все оказалось иным, когда вслед за одной ласточкой, может быть, самкой, прилетел самец и сделал то же самое, что и самка. Значит, что не одна ласточка работала, а две, и очень возможно, что одна ласточка кормит одного, другая – другого.

Разумнику о «Юрке»

Вечная молодость «Юрки» повеяла на меня из Вашего письма ощутительно. Я должен был сильно напрягать память, чтобы вспомнить Авдотью Столярову – и вспомнил! и что Лизу спас – вспомнил, все до точности, даже, что Якову Макаровичу говорил глупости, которые он будет носить в себе до гробовой доски. А сколько, значит, всего-то забытого собой, и посеянного, и живущего не знаемо! И дальше... где то, удерживающее все это Сознание, и как велико потом, и как велико это Сознание! Вот это чувство великого, – как передать его другим

людям, как их на этом воспитать? Так, начав от Юрки, я кончил политграмотой и стал думать о конце Вашего письма, о войне. Я верю Вашим словам, но только слово «война» стало таким же сложным понятием, как *<1 нрзб.>* и т. п. Я понимаю Ваше чувство грядущей войны, как все равно бывает иногда: «так жить нельзя». Другой спросит: «А как же война?» И вот тут, не видя выхода разумного, говорит «война». Вы знаете, когда в нашем сельском кооперативе не подвозят сахару и начинают его выдавать фунтами – по книжкам, то крестьяне окрестных деревень наряжают подводы за солью и берут десятками пудов. Так выходит, что недостаток сахару вызывает прямой спрос на соль, и все это потому, что люди бесконечно, до обморока напуганы войной и голодом. Но из этого опять-таки не следует вывод, что не будет войны, напротив... Впрочем, Вам известно, что я никуда не годный политик. Я это теперь так сознаю, что стал через то даже хорошим политиком, до того плох, что хорош – нет сахару, беру соль, т. е. оставшийся кусочек своего бытия на земле во всей его правде. И вот когда беру его в правде *<6 нрзб.>*.

Сегодня пришла из Шеметова Вера Антоновна с Лилей и рассказывала о каком-то красном архиерее, которому община «для спасения веры» вставила зубы (архиерей получил возможность громко говорить). Еще она рассказала о дьяконе в той же общине, что дьякон тот пьяница и такой бабник, что, впиваясь в женщину глазами, роняет кадило. На вопрос ее: «Зачем вы такого держите?» Ей ответили: «Дешево».

18 Августа. Удивительно, что бекасы совершенно исчезли из моих владений. Мне напоминает это появление бекасов в Егелевских кустах (под Переславлем) и потом вскоре исчезновение их. Остались еще бекасы и даже *<1 нрзб.>* прочно утвердились в мокрых лугах, примыкающих к речным бочагам.

Мы с Петей ходили по дупелям в моих обычных местах, убили трех и одного упустили, еще убили бекаса.

1-й дупель нашелся на неистощимом, по-видимому, маленьком, но топком болотце на Вытравке (назовем это место «Родники», а Михалевский угол «Сосочки»). Дупель не хотел лететь, я не знал, что с ним делать, не хотелось разбивать, а когда отпустил, то первый раз, наконец, промахнулся. Он перелетел на ту сторону Вытравки, и там мы его нашли перелетающим от собаки с кочки на кочку.

2-й дупель. Это был дупель около «Сосочков», который пасся на охотничей полосе, по которому Лева промахнулся, потом Ромка еще раз его вытурил далеко от меня. Я поставил Петю на пути, по которому он улетает в лес, а сам пустил Кенту, и она повела сразу по нем. Но по пути к дупелю ей встретился перемещенный нами с Вытравки бекас, она подвела к нему, я

убил его, думая, что принимал тогда этого бекаса за дупеля. К счастью, Кента сейчас же повела по дупелю, и мы взяли его, матерого и очень жирного. Вот пример того, как привязан бывает дупель к месту своей кормежки.

3-й дупель поднялся около черты вчерашней охоты (я вчера не дошел сюда с Ромкой), забыл заложить патрон после бекаса, чикнул по нем и вторым стрелял далеко, притом дробь была № 12-й. Дупель сделал в воздухе огромный высокий круг и, как бекас, спустился не очень далеко от нас. Мы отлично заметили его по кустику, но не могли найти, как ни бились: повторяющееся явление, на которое следует обратить внимание. Возможно, что № 12-й попал в него, и дупель замер, но скорее всего он запал. Это мы узнаем потом.

4-й дупель был из пройденных мной вчера с Ромкой. Петя стрелял его на 40 шагов 12-м, дупель упал, крылья были его целы, но сам он был жив. 12-й номер дроби, вероятно, по дупелям не годится.

19 Августа. Преображенье. Я обогнул кругом Вытравку от изгороди до тропы Берендея и убил только одного дупеля на Родниках, верно, одного из двух, стрелянных мной в полумраке. Бекасы все около топких бочагов кучками на грязи. Петя нашел бекасов по скошенному около топких мест на Кубже, против Иванкова, тут же одного дупеля, и на лугу взял двух крупных молодых тетеревов. Я не мог пустить Ромку в очень топкие места, потому что он невежлив для таких мест. Вообще я был сегодня недоволен, у него не выработана ни стойка, ни подводка; однако, очень возможно, что свое недовольство на отсутствие дела я перенес на Ромку. Думаю, что не исключена еще возможность проявления в нем вредной горячности. Теперь все Берендеево угодье чисто от дупелей и почти от бекасов. Начну поиск после Успенья, когда станут косить овсы, а теперь займусь усердно тетеревами.

<Приписка на полях> На болоте Ромка потянул от куста по следу, я думал, бекасы, и стал спиной к кусту, чтобы стрелять. Вдруг сзади меня в кусту послышалась возня, закопошь. Я понял, что это черныш, обернулся. Черныш там застрял, куст ходуном ходил, перья летели в разные стороны белые и черные. Куст был ивовый, я ожидал, что увижу черныша под ним, но он пошел низом, я увидел его далеко не в меру.

Так проходят жаркие потные мушиные дни. Добирают сено (а что в болоте не скошено, то так и остается). После воскресенья сев, после Успенья жатва овса.

Сгорело Кулебякино – 15 дворов и мальчик. На вулкане живем. И правда, видя крестьянский труд, зная, как это все у них наживается, какую ничтожную получают они страховую премию, невозможно найти предел горю сгорающей семьи. Так,

говорят, одна девушка в Кулебякине вдруг сошла с ума: у нее сгорело приданое, и мальчик сгорел, кажется, тоже у них. И при всем том приедешь на будущий год, на месте сгоревших изб будут стоять лучшие в оправдание поговорки: «пожар стройки не портит».

Вечером мы с Петей ходили на утиную вечерку возле Иванкова. Я устроился у плеса Кубжи, к которому пригонят скот. Уток было мало, но все-таки можно было понять прелесть этой охоты, когда в хороший вечер постепенно все переменяется, погружается в мрак, и все эти днем молчаливые, неподвижные большие птицы начинают свою таинственную жизнь. Соблазнясь, вероятно, растоптанной возле прудов скотом грязью, бекасы стремились сюда, кружили над плесом, как летучие мыши, или вдруг так стремительно падали, что воздух гудел, – как только они не разбивались! Да, понять жизнь болот можно только ночью, да и вообще болото, – ночная стихия.

<*Приписка на полях*> Изюмово: круговая подсадная утка: крикуша.

20 Августа. Проходили все утро в Поддубовском и убили только одного тетеревенка. Жара сухая. Туманы почти перестали. Охотиться стало плохо. Дома заела муха.

Федор Ив. рассказывал, как он ходит на Дубну за утками: провалился в полынью, а голова попала в петлю хмеля, так что не успей ухватиться руками, то и удавился бы. Ночь сидел мокрый на пне.

«Дрожал?» – «Дрожал немного». (При случае расспросить его подробности пути). Я дал ему 11 зарядов, он с вечера истратил 10, оставался 1, из-за одного выстрела он просидел всю ночь мокрый и дрожал на пне, утром убил крякву. Дома сварил крякву и радовался, что суп получился с глазком утиного жира. «Трудно, конечно, трудно, – сказал Федор, – да уж знаю твердо, что этот плес никто у меня не отымет» («Плес Федора Ивановича». Разодрать плес. Борьба за свой плес).

Федор говорил, что на Дубне уток меньше, чем в прошлом году, кто убивал 40 пар, теперь убивает 20; и утиные гнезда померзли.

21 Августа. Утром с Кентой прошелся в Поддубовском болоте, чтобы вернуть Кенте прежний, осторожный поиск в лесу. И такая эта умная собака! Сразу поняла и стала ходить, как и раньше. Вообще эта собака если плохо работает, то на себя надо принимать: я упускаю.

Жаркий день был разделен грозой. После дождя я вышел с Кентой на Вытравку проверить бекасов. И оказалось, что их

там множество. Так, значит, надо установить, что в это время они возле речных бочагов, у грязи. Первый бекас из-под далекой стойки полетел прямо на штык, я, конечно, промахнулся. Второго убил, в третьего и четвертого промахнулся, потому что заходила вторая гроза, бекасы летели на темное, вечерело, и нельзя было точно стрелять. И обилие бекасов, и работа Кенты меня сильно обрадовали. Так, один раз она стала очень далеко от меня, и я стал ее отманивать. Но она не послушалась, бекас взлетел. Я позвал ее и сделал сильный выговор. Вскоре после этого Кента опять взяла бекаса и начала наступать. Я крикнул ей: «Подожди!» Она остановилась, оглянулась, и хвостик ее, выпрямленный перед этим, быстро завертелся. Я нарочно очень медленно приблизился, и она все стояла, оглядываясь, а вместо движения, как полагалось бы, двигала хвостиком, кружила им часто, и очень похоже было все на неподвижный мотор на холостом ходу. Так она меня дожидалась, и бекас вылетел в 40 шагах. В следующий раз я просто отозвал ее.

Вот правило: нет собак законченных, как механизм, собаку надо всегда учить. Еще надо помнить, что удовольствие убить бекаса происходит в меньшей степени от счастливой стрельбы, чем от хорошей работы собаки. И обязанность охотника не только стрелять, а также искусно управлять полетом.

Вечером пришел Петя от ветеринара, сказал, что рана у Ромки пустяки, но что тик (у Кенты) болезнь неизлечимая, если он постоянно в одном положении, то ничего, но если прогрессирует, то все может кончиться параличом. Это омрачило меня, едва ли когда-нибудь я наживу такую собаку.

<*Приписка на полях*> Собаку всегда учат.

Ночью опять явился призрак моей старой любовной болезни, и потом я раздумывал об этом, главное о том, что все было совершенно впустую, как у Дон-Кихота с Альдонсой. Чего-то в этом замечательном романе не хватает, скажу: психологии. Ведь совсем непонятно психологически, каким образом произошло превращение Альдонсы в Дульцинею.

22 Августа. Ночью был еще дождь, и потому день вышел довольно прохладный. Я охотился утром с Кентой на бекасов, начал с грязной канавки по Вытравке и потом обошел все наше болото, бывшее когда-то Ромке школой 2-й ступени. Бекасов тут появилось так много, что Кента почти непрерывно подводила. Я стрелял сегодня плохо, многих пропускал и всех, которые вылетали не из-под стойки. И все-таки принес домой семь штук.

1-й бекас был взят первым выстрелом, не доходя до канавки. Я ударил его, когда он делал зигзаг вбок, взял немного вперед, и он свалился в тростники.

2-й бекас наделал много хлопот Кенте, которая достигла его долгим розыском по бродку. Она встала против ветра и как раз против меня, удивляясь, почему я не наступаю. А я провалился и был в таком положении, что не до стрельбы. Долго я выбивался из трясины, пока, наконец, не утвердился на кочке, взял ружье наизготовку, и Кента сделала шаг и два вперед. Бекас полетел вбок, и взять его было легко.

3-й бекас вылетел над куртиной тростников и упал по ту сторону в недоступную мне топь, покрытую кувшинками. Пришлось велеть Кенте принести его, и она мне очень скоро доставила и притом живого с перебитым крылом.

4-й бекас слетел очень далеко от собаки на скошенной полосе и тоже был подстрелен. Кенте пришлось аппортировать его из тростников, погруженных в воду. Принесла живого. Вместе с этим бекасом и особенно после выстрела поднялись и справа, и слева, и спереди.

5-й бекас взят был по той же скошенной полосе, что и 4-й. Кента, не обращая большого внимания на слетающих по сторонам, вела по-своему, сделала мертвую стойку, и так я стрелял бекаса в угол, как тетерева.

6-й и 7-й взяты были в суматохе охоты, которая была непрерывной от потяжки к потяжке со взлетом множества по сторонам.

<*Приписка на полях*> Бекасы срывались со всех сторон во время подводки «кэрк!», и Кента поворачивала голову, а потом она, как бы сказав: «не тот», ведет дальше и опять «кэрк!» и опять: не тот и, наконец, вот тот, и я, удержавшись от близких, стрелял не в меру...

Так я совсем потерял голову, Кента перестала мне верить и не подводит. Вот я теперь с политых водой стогов высматриваю невысокий стог, забираюсь наверх, раскидываю сырое до сухого, Кента укладывается, а я считаю, сколько же у меня еще осталось патронов. Посмотреть бы со стороны: там ястреб <*1 нрзб.*> тут человек.

Из промахов были настоящие, когда стрелял как будто и верно, а бекас улетал. Особенно досадный промах был под конец, Кента, схватив далеко рядом сидящих на скошенном двух бекасов, подвела к ним так близко, что сама не верила даже, что никогда не бывало с ней, немного прыгнула. И все пока они сидели. Наконец, она ощупала их точно и уставилась. А когда я и по таким бекасам промахнулся, то слегка взвизгнула и бросилась искать неупавшего.

На одной топкой полосе, мне кажется, был дупель, он переместился очень на близкое расстояние на чистом месте, и мы не нашли: такое бывает только при дупеле.

Если бы не жалко было Кенты, я мог бы еще так охотиться и весь день. Это уже настоящая, осенняя высыпка бекасов.

Характер болота: Дубна разрушает всякое представление о реках. Ведь всегда видишь, когда едешь по обыкновенной реке, что в нее вливается вода, а из Дубны, кажется, наоборот, выливается, часто прямо видишь, что берега как будто ниже уровня воды. И вот почему речки, текущие в Дубну, доходят до нее просто, как трясущиеся болота. Где-то в середине таких болот есть жидкое непроходимое место, или плесы, или бочаги, или просто трясина в воде, обозначающие собой смутно направление речки. Где можно косить, скошено, и рядом со скошенным полосой стоят тростники или просто некось по жидким, в котором собака плавает. Вот такое болото, очевидно, бекасам самое привольное. К сожалению, едва ли долго придется на нем охотиться, потому что при всем старании все-таки непременно намочится сапог, и пока тепло – ничего, а когда вода станет холодной, едва ли спасешься от ревматизма.

Я нашел способ укрывать Кенту от мух. Велю ей лежать, она свертывается калачиком, я же беру целую большую газету и запаковываю калач плотно со всех сторон. Она очень хорошо понимает цель запаковки и лежит под газетой часами, не двигаясь.

Поздний вылет ласточек

На сеновале близко над нашими головами оставалось до сих пор гнездо с ласточками, четыре птенца. Я давно желал увидеть, как вылетают ласточки, потому что это сущее диво: когда гнездо бывает прилеплено к окошку на 5-м этаже, а внизу каменная мостовая, – вот падение! Сегодня, проснувшись, я услышал щебет молодой ласточки не только в гнезде, но и еще где-то; я увидел птенца на сене возле Пети, взял его в руку, пустил в ворота, и он полетел себе, и старики ласточки окружили его, отец, мать и другая родня собрались, и молодой степенно летал между стариками; потом бросился другой из гнезда, третий, четвертого мы вытолкнули сами. Так ласточка учится летать в момент падения. Но так ведь и у нас, людей, ползающих, бегающих и летающих, у всех, кто рискует летать, пришло это им тоже в момент падения...

23 Августа. Погода после той грозы резко переменилась, и хотя солнце светит, а жары от него большой нет, и весь день можно ходить в болоте без утомления. Мы прошли сегодня значительный путь, от моего дупелиного болота через Филипповское и до плеса на Кубже возле Иванова.

Дупель. Мы загадали так, что если кроме одного оставшегося найдется новая парочка на месте их гнездования, то бросить бекасов и разыскивать дупелей по всем нашим дупелиным

местам. Нашли мы и взяли только одного известного дупеля и в дальнейшем пути по подходящим местам ни одного не нашли. Овсы только начали жать. Через неделю, наверное, появятся новые.

Коростель. Кента гнала коростеля по траве и, когда мы его прижали к скошенной полосе, он вылетел. Коростель был еще худой.

Бекасы. Мы нашли их в значительном количестве рассыпанными по топким болотам. Некоторые были уже довольно жирными и летали прямым осенним полетом, а в большинстве бекас был летний, легкий, вертучий. Мы стреляли из рук вон плохо и взяли только 7 штук. Следуя за собакой по подводке к одному бекасу, я раз десять проваливался до пояса и так измучился, что смалодушничал и велел стрелять Пете, хотя очередь была и моя.

<*Запись на полях*> «Нелегкий тебя под руку!»

Передохнув немного, я сообразил, что ступать надо не по кочкам и не между кочками, а около самих кочек, а на ровном месте выбирать, где травка погуще. Так я оправился, отдохнул, крикнул подводящей Кенте «подожди!» Она оглянулась, приостановилась, и я подошел во время. В таких условиях, еще при сильном ветре, по которому собака схватывает на огромное расстояние, сбивается, возвращается для проверки назад, опять ведет ощупью, стрельба по бекасу чрезвычайно трудна: ведь взять уже одно то во внимание, помимо провалов в болото, что ружье оттягивает руку и потом оно не совсем слушается, когда надо бывает схватить мгновенье. Однако охотничья страсть разгорается от препятствий, преследование бекаса волнует немного разве меньше, чем крупного зверя, какого-нибудь бизона. Да, охота на бекасов ближе всех других охот к искусству: она делает из бекаса бизона, и даже больше, из мухи слона и не какого-нибудь обидного, а лучшего, чем действительный слон.

Изо дня в день охота завлекает, и нет возможности думать о чем-нибудь другом. Мы охотимся и спим. Потом говорим о будущем дне, и так проходит время.

24 Августа. Прохладное, бодрое утро. Восход в прозрачных, тонко окрашенных облаках. Сердце стукнуло, и отозвались годы, многие годы, в которые оно стучало, и я встретил мою радость, всю мою радость.

Вчера после обеда был дождь, жатва прекратилась, и, отдохнув, вечером загудела молодежь.

Я засыпал под пение похабных песен деревенских парней, и когда пробудился в темноте, было темно и тихо.

Мне привиделся во сне Илья Николаевич в виде беспощадного революционера, друга Плеханова. Потом, при раздумье, в полусне, я увидел его с необычайно нежным сердцем, и этот второй человек был как бы в стальном футляре. И, наконец, прошла вся его жизнь, похожая на жизнь моего хозяина, крестьянина из торговых людей: как мой хозяин, будучи прекрасным крестьянином, никогда не чувствует удовлетворения в этом труде («все голова работает о чем-то постороннем»), так и этот бывший революционер не мог удовлетвориться деятельностью просветителя русского народа. Умный, образованный, трудоспособный обманулся в 5-м году, обманулся в 17-м совершенно и умер, отвергая «академический паек» и принимая его из рук жены своей еврейки. Вот трагедия! Ищу ошибку. Она в том, что революционер (русский) – оборотная сторона медали самодержавия, и либеральные лица были двурушники: в своей деятельности они удовлетворяли свое революционное чувство и потому вместе с самодержавием должны были сами погибнуть. Потом думалось: «а я?»

Этому будет продолжение: «явления прошлого в охлажденном уме, и настоящее в освещении прошлого».

<*Приписка на полях*> Мундштук.

Новые успехи Ромки

Прошло довольно времени с тех пор, как я пустил неудачно Ромку по жидкому болоту на бекасов. Теперь я решил проверить его на этом самом трудном деле, не одумается ли он, пока у него заживала рана. Сначала мы проверили дупелей на Родниках Вытравки. Нашла только одного и то на том месте, где они по одному всегда попадаются. Ромка подводил к нему совсем по-новому, постоянно возвращаясь назад для проверки, делая потом короткие стойки, когда нападал на свежий след, и потом окончательно замер. Петя ухитрился упустить этого дупеля и потом даже и коростеля: малый совсем развинтился. Далеко до бекасиного места на Вытравке возле погоста по ветру Ромка схватил бекаса верным чутьем и подвел к нему – и это было совсем новое: он вел на ветер с таким определением местонахождения бекаса больше, чем за 100 шагов. Вот это дело!

Я ранил бекаса, он с подбитым крылом спустился на берег Вытравки. Потом, когда мы подняли его, и он слегка полетел, стремясь убраться в кусты за Вытравку, я разгорячился и сделал зря два выстрела в него, чуть-чуть летящего, это был пример, до какого волнения может довести охотника преследование маленького бекаса. Где-то я читал, что бекас, в крайнем случае, бросается в воду и недурно плывет. Теперь я был свидетелем

этого: он не понадеялся пробиться через густые ольховые кусты на той стороне и бросился вплавь в воду. Через реку лежало не очень толстое дерево. Придерживаясь за куст ольхи, Петя бросился по дереву наперерез плывущему бекасу, тот забился между прибрежными корнями ольхи и там был схвачен.

Ромка, взятый на сворку, несмотря на угрозы плетью, все время брехал.

Интересно было, когда мы собрались переходить ручей и пустили Ромку вперед, он подошел к струящейся воде и вдруг отпрыгнул назад. Потом крайне осторожно подошел опять и когда убедился, что вода течет, струится, значит, вода живая. Снова отпрыгнул и брехнул раз и два, и пошел, и пошел потрясать воздух своим басом.

– Ромка, Ромка! – убеждали мы, – не будь дураком, иди, иди.

Он послушался, подкрался. Ручей струился по камушкам только посередине, а по сторонам застойная вода его была поддернута слоем зеленоватой тины, и край ее ветер, наверно, погнал к берегу и развесил на прутиках. Вот... Ромка, подумав, что все дело в этой тряпке, схватил за край тины и потянул. Обнажился какой-то черный ком, и тут Ромка, решив, что не в тряпке дело, а что ком во всем виноват, схватил зубами за ком и потащил. Но ком был только началом большой затопленной коряги, и когда она, большая черная, показалась... Ромка бросил ком и со всего маху бросился опять на берег и там уж так забрехал, так забрехал! И даже когда я на глазах его перешел ручей, он не сразу пошел за мной. Он, увидев меня на том берегу, завизжал сначала, потом набрался храбрости, скакнул таким быстрым гигантским скачком, что живая вода не успела схватить его за ногу.

<Приписка на полях> рвал траву и, не успевая проглотить, выбрасывал и был все время такой, что зеленая трава так или иначе усами висела из него.

После того мы перешли в жидкое топкое болото, и Ромка тут работал безукоризненно, правда, он ходил по воде несколько бурно, но как только причуивал след, начинал тихо подкрадываться, и бекасы иногда его подпускали совсем близко. Спихнул он несколько штук, только когда возвращался по ветру и, значит, не мог их причуять. Но зато на ветер он причуял одного не меньше как на 200 шагов и, ни разу не опустив голову, не возвращаясь для проверки назад, прямо, как по струне, подвел к нему и стал. Мы, к сожалению, не проверили расстояние шагами в болоте, но потом на сухом нарочно смерили усвоенное приблизительно расстояние, и оба решили, что минимум оно было 200 шагов. Значит, будем говорить, что по ветру Ромка причуивает бекаса и может точно по линии подойти к нему за 200 шагов. Однако Ярик и Кента могут проделать то

же самое. Надо спросить знатоков, каким баллом надо отметить такое чутье. Занимаясь Ромкой, мы не очень интересовались стрельбой и взяли только трех бекасов, которые были уже все осенние жирные.

К рассказу о Ромке

У прежних больших охотников их помещичье хозяйство завершалось охотой: они могли это позволять себе. Но почему бы и моему литературному хозяйству за 25 лет не завершиться такой охотой, чтобы я три месяца изо дня в день мог охотиться и до того уставать, чтобы ни одна литературная тема не приходила в голову? Я свободный на 3 месяца, у меня с собой легавых 3 собаки: Старый Ярик. <*Не дописано*>...

Вы, гражданин, считаете себя свободным, когда достигаете права на лучшую жизнь в сообществе со своими согражданами. Вы, художник и писатель, вольноотпущенники, по своей природе свободу видите в самом процессе труда. Я же, простите меня, свободу ощущаю вполне, когда восстанавливаю в себе свое раннее детство: с ружьем на плече и с собакой иду в болота, в леса...

25 Августа. Ночью в час Петя отправился в Сергиев и вернется в среду на той неделе.

Я встаю рано. Утро прохладное и солнечное. Задумал идти в Чистый мох, но, умываясь, нащупал на шее большую опухоль и остался дома.

Все думаю об Илье Николаевиче, о том, как он сознательно жил после Парижа в России, как удивительно ясно определился в «Русских Ведомостях» и как потом все это оказалось «ни к чему». Оказалось, в России нельзя было спасти свою душу разумной деятельностью на пользу сограждан и надо было свою душу погубить, как Ленин, с одной стороны, и как, я думаю, были подобные из монархистов: то или другое.

Еще думаю об Алпатове в противоположность Игнатову. Пронзенный стрелой любви безумной и почти беспредметной, он потерял всякое самоопределение и растворился в русском пространстве, расходуя энергию только на добывание минимума средств существования, потому что он ничего не умел.

В отношении к женщине он ограничился простейшей деревенской бабой, убежавшей от своего мужа, сошелся с ней чисто по-животному и объявил ее своей женой и ее ребенка взял сыном. Он расстался с таким, что было у всех, таился стыдливо, не смея поднять глаза на разумно устроенных или убежденных сограждан.

В его представлении и либеральный просветитель народа, и крайний <*1 нрзб.*> социалист сливались в одно: все они что-то имели в себе, он не имел ничего, кроме боли в душе, стыда. Его жизнь, однако, была живой борьбой с последним позором человека, злобой неудачника и сломанным самомнением, бессильной претензией.

Мало-помалу он стал удовлетворять себя радостью случайной, как подаяние, и это считать за реальность, а свою боль, страдание – за позор, за необходимый стыд человека, который надо укрывать от глаза, как укрывает всякий человек отправление своих естественных потребностей.

Изо дня в день, из года в год накоплялись эти радости, создавалось поведение, метод их накопления, и когда, наконец, началось хозяйство, пока, наконец, являя свое лицо, он заявляет: «я отец и хозяин всех моих владений». Итак, это был путь преодоления своего подполья, на это все и ушло, и потому теперь, вспоминая людей, и погибших в русской эмиграции, и победивших, он не находит себе места среди них и чувствует себя иностранцем, путешественником в стране, жизнь которой ему интересна, но не близка, и рассказывает о ней с удивлением в письмах на свою родину.

Этот же самый путь прошел и Розанов. Он ненавидел социалистов за... Он подозревал, что социалист злобу свою, т. е. экскремент своего бытия, слагая его с другими злобами, находя выход себе из подполья, сам пуст и зол, а общественно если сложить данное в «класс», получается небывалое в мире добро, спасение человека. Так что если взять гавно, то оно просто гавно, а если из гавна сделать лепешку, то она будет вкусна.

Страсть к охоте растет после усталости, и так изо дня в день складывается и в охотнике почти тот залп, от которого собака хахает, как только берешь в руки ружье. Так я не выдержал, завязал опухоль полотенцем и отправился с Ромкой убить пару бекасов в болото.

Вчера мы его промяли на карьере по сухому часа два, и потом в болоте он сбавил ход и ходил хорошо. Сегодня вышло иначе, он прямо начал с того, что стурил, не причуяв, бекаса, потом другого, за третьим ушел дальше от меня, и я долго ждал его и свистел. Пришлось наказать его, а потом целый час маяться в кочковатом лесу в зарослях. После того он пошел хорошо, длинных подводок, как вчера, не было, но стойки были настолько крепкие, что я издали успевал подходить. Убил двух бекасов и трех турухтанов, двух маленьких и одного большого. Высыпка турухтанов, по моим приметам, является признаком близкого появления дупеля.

Вчера я забыл отметить, что Ромка во время длинной подводки к бекасу оглянулся на меня. Это, по-моему, является на-

меком на способность собаки к анонсу. И потому каждый раз, когда будет из-под него убита птица, кроме обычного «лежать» и потом тихо подводить и стоять над убитой и, особенно раненой птицей, я буду еще и отзывать. Пользоваться буду каждым подстрелом и потом, когда наладится, стану отзывать с крепкой стойки по дупелю... Между прочим, сегодня некоторые бекасы выдерживали близкую стойку совсем под дупеля.

Тяжело все-таки охотиться с молодой собакой: постоянная тревога за собаку страшно горячит, когда хочется и убить. Я из-под Ромки то и дело пуделяю, а бывает, и еще хуже. Вот, например, вчера Ромка ушел далеко, я долго свистел его, наконец, он, не дойдя немного, снова замешкался и закопался, не слушая меня. Я разозлился и крикнул вне себя: «Куда, негодяй!» От моего крика возле него вылетел бекас. Я еще больше рассердился и еще громче крикнул, и еще один бекас вылетел, и потом третий. И ни по одному я не стрельнул, потому что весь отдался собаке, и она была не виновата, она не шла, потому что чуяла бекасов. Такого много бывает...

<*Запись на полях*> Натура художника. Мозги женщины.

Натура актрисы

Я думаю о В. А-е, что у нее уже нет совершенно натуры: вся натура съедена искусством, натура пошла на жесты. И вообще искусство питается натурой, да, к счастью, не всякая натура легко поддается (в народе: «натуристый человек»).

Мозги женщины

В досаде на Ефросинью Павловну я что-то сказал не то о «женской логике», не то еще что-то вроде этого обыкновенного, а Петя вдруг выпалил: «Нет, мама, правда: это уже доказано, что мозг женщины весит меньше мужского». Надо бы ответить Павловне: «Все это верно в общем, милый мой, бывают очень тяжелые мозги, да вот не знаю, как твои, а кроме того, мозги могут быть тяжелы, а человек живет глупо».

Пошлость этого веса женских мозгов по силе своей равняется только «происхождению человека от обезьяны», то и другое поразительно быстро усваивается невежественной публикой и служит первым признаком грубейшего мещанства среды. В нынешних школах 2-й ступени с наплывом в них деревенщины очень развивается в мальчишках презрение к «девчонкам», и эта деревенщина в них культивируется, подпирается мерзостью научных выкладок, составляющих евангелие невежества.

Заповеди невежества

1) Человек происходит от обезьяны.

2) Мозги женщины весят меньше, чем мозги мужчины.

3) Любовь – абстракция полового чувства.

4) Гуманизм – идеалистическая надстройка над экономическими отношениями.

NB – Вспомнить другие заповеди.

Болотные кочевники

Турухтаны, которые стайками и в одиночку вдруг показались на тех местах, где все лето не было ни одного, вероятно, принадлежат к тем известным холостым кочевникам, перелетающим почему-то на болотных пространствах с места на место. Но, в сущности, ведь и все кулики склонны к кочеванию, как рано, например, исчезает от нас кроншнеп. А перемена дневок и ночевок бекасов? Вот из-за чего, по-моему, главным образом, охота на простую дичь интересней, напр., чем на тетеревей.

Население болот постоянно меняется, прибывает, убывает. Приходя утром к краю известного ежедневно посещаемого мной болота, я жду сюрпризов.

Но в лесу глухари, тетерева, рябчики в несколько посещений бывают сосчитаны, на них скоро начинаешь смотреть, как на кур, и радуют только случайно пройденные.

Вот, например, в кустах на берегу болота, где я стрелял ежедневно бекасов, есть спелый выводок тетеревей, и я не могу собраться его разбить, потому что эта охота по знакомым птицам – не охота. Я оставляю тетеревей возле себя приезжему охотнику, который примет их за «находку», за свое «счастье». Чувство охотника связано с чувством перемены, это чувство живое, как радость: или я странствую, или птица странствует. Так, болото сидящему на месте гораздо интересней, чем лес. Для меня существует два рода охоты: 1) Вся промысловая охота и 2) Охота на бекаса с собакой.

Художник и человек

Говорят: «как художник» и «как человек» – что это значит? Я думаю, что «как художник» – это значит... вот, что это значит? но «как человек» это я понимаю, это значит как существо, живущее в себе, т. е. имеющее сокровенную натуру, прикосновенную к другим личностям не посредством дела своего (как художник), а прямо («по-человечески»).

Почему охота – дело мужское: взял и пошел к новому. А дальше чувство радости в мечте о постоянстве: да, чисто мужское: взял и пошел к новому месту. И вот почему неприятна женщина-охотник, а не потому что мужчина узурпировал права.

Радость

Не знаю, будет ли это верно для всех, но мне так представляется, что вся наша радость на земле бывает от друга, если же кому не удается найти себе друга среди людей, то иной делает себе друзьями животных – от кошек и собак – и до всего сущего, так что обнимает дружески все на земле: и солнце, и луну, и горы, и мельчайший жгуток подорожника на своей тропе. Таких людей, не умеющих устроить себе счастье, таких обиженных, что его даже не замечают, называют, смотря по силе способностей, чудаками или художниками. Их большое значение в том, что, созерцая их творения, в сущности, счастливые люди начинают замечать свое счастье, понимать его и делать жизнь на земле.

26 Августа. Бормочет с утра молодой тетерев где-то возле самой деревни. Молодые березки на болоте заметно желтеют. Я ошибся в расчете на прохладное утро и вышел поздновато и прозевал чудеса раннего утра. Пока дошли до Ивановского болота, стало жарко, и я скоро устал. Но как ни устал, не могу забыть танцующих кочек в ржавой воде, когда Кента подводила, и потом на солнце фейерверк серебряных подкрыльников взлетавших бекасов. Успех стрельбы по болотам зависит от быстрого прицела, чуть стал выгадывать и рассчитывать, промах непременный. Верный выстрел сопровождается как бы озарением, сразу и так. Бывает, нога стоит не так во время выстрела, поправился, подумал, стал прицеливаться и промахнулся. Надо просто бить, смеясь над промахом, не жалея патрон, не досадуя, и тогда будешь попадать без промаха. Я сначала рассчитывал и промахивался, пока, наконец, плюнул на учет и убил подряд трех и очень трудных и на большом расстоянии. Заметил, что если близко стреляешь, то чаще подстреливаешь.

Получил книжку «Новый Мир» и удивился: там Воронский! Он пишет о Льве Толстом, но не забывает и Бабеля. Едва ли свою собственную, но все равно глубокую высказывает мысль: «Творческий акт есть акт, в котором (стиль семинариста Воронского), надо сказать: «в творческом акте принял участие и художник, и его модель».

<*Запись на полях*> Перекидывает от ветра.

Статьи Воронского (для маленьких детей) приводят в большее уныние, чем другие, потому что ведь это уж все, что остается в защиту русской культуры. Но лучше молчать, чем сравнивать время Толстого и наше в отношении к семейному укладу с намеком, что у нас есть против того времени что-то большее (в смысле преобладания общественных интересов над семейными). Было время революции, когда с женщинами обращались приблизительно так, как Степан Разин со своей княжной.

Но теперь не только преобладание общественных интересов, но даже людей-то тех почти не осталось, и кто остался, тот отрастил себе комиссарское брюшко и в поправку стареющей жене завел себе балерину. Теперешнее время характерно грибным размножением мелкособственнических кустарных интересов и в соответствии с этим готовностью использовать и прошлое.

Это смутное время усвоения массами азбуки общежития. Мы переживаем теперь время ликвидации неграмотности в массах, и сравнивать время семейной культуры Толстого с нашим можно не качественно, а количественно.

В том-то и беда, что интеллигентский социализм ничего не дал положительного и нового в отношении устройства семьи, и вполне понятно, почему: сам русский интеллигент есть продукт разложения общества, значит, и семьи. Отношения полов в революционной интеллигенции определяются не в интересах потомства, а по-товарищески в подпольной работе. Те, кто одумывались, женились к 30 годам на девушках из среднедворянского круга и так устраивали себе сносную жизнь. Некоторые женились на еврейках, и те устраивали мужей своих тоже практически по законам своей библейской крови. Социализм ничего не придумал нового для устройства семьи, т. е. для жизни. Наше время есть ликвидация социализма, обмирщение сектантской идеи и усвоение массами азбуки общежития, созданной не одним русским народом, а всеми народами мира.

В чистом виде русский социализм есть аскетическое учение и лучших людей так же, как и христианство, обрекает на безбрачие. Вторым же людям («не могущим вместить») социализм не дает ровно ничего, тут пустота. Характерно, что все, и писатели, и критики, когда хотят сказать что-нибудь в защиту нового быта, то говорят о герое, который жертвует семьей для общего великого дела. Так Воронский приводит в пример Левинсона, опускающего в карман письмо своей жены нераспечатанным.

<*Приписка на полях*> Старые жены лучше и дешевле.

27 Августа. Вчера вечером пришел Яловецкий и сегодня взялся проводить меня в Константиново к доктору (воспаление слюнной железы). Так и прошел весь день. Познакомился с бывшим начальником милиции по фамилии Бергсон. Был он

Савельевым, от которых он отрекся и в ознаменование этого назвался Бергсоном. В Укоме его спрашивали, почему он так назвался, не имеет ли он приверженства к идеям философа Бергсона. И когда он разинул рот от удивления, то сказали: «Нет, это просто человек с воображением». Мне он объяснял, что на войне в Германии на его глазах умерла молодая сестра милосердия Бергсон, и это имя он избрал себе в борьбе с Савельевыми. Теперь он не у дел как больной, у него «истерическая гангрена ноги», и он живет как муж учительницы. Яловецкий рассказывал, что злоба нашего дня, конечно, растрата, и происходит она на почве встречи дикаря-выдвиженца с московской цивилизацией, всегда является дама, которая играет дураком. (Жаль, эту серьезную тему Катаев разработал как фельетон. Не надо забывать Мареева, Сергиевского судью, который погиб оттого, что его послали на недельные городские курсы).

Вечером явился великий туман после хорошего дня. Показались в деревне чужие озорные быки: все коровы покрыты, бык бросает стадо и бродит в поисках коровы. Завтра вся деревня отправляется гулять к Спасу. Хозяин отсеялся и скосил овес.

28 <Августа.>Успенье.

Поле красно рожью, а речь – ложью.

На рассвете мы подошли к болоту, окутанному туманом. Наша охота сначала была в облаках, в которых было душно и мозгло. Потом туман поднялся, и это наше же небо мы увидели наверху, закрывающими солнце облаками. И, наконец, пробилось через облака солнце, и стало невозможно жарко.

<Запись на полях> Стайка чибисов и свист кроншнепов: все еще здесь!

В первое время охоты в облаках вылетающие бекасы нам представлялись такими большими, что мы принимали их за дупелей и даже чирков. Я так было обрадовался, что в ранний утренний час подсмотрел ночные прогулки дупелей, но когда вместо дупеля попал в мои руки бекас, стал очень сомневаться в виденном: туман страшно все преувеличивает. Удивительными были в тумане большие остроконечные крылья бекасов, когда они, перемещаясь, садились в траву.

Мы убили в тумане трех бекасов, и охота по ним в топком болоте была, как на лосей. Собака ведет за речку, прыгает туда, там подводит, останавливается, а мы, утопая в болоте, ищем переправу, уговариваем издали собаку: «Подожди, ради Бога!» И вот когда все выполнено, бекас убит, и мы, потные и от волнения, и от труда, окутанные опасным мозглым тума-

ном, закуриваем папиросы, и в самом деле кажется, будто лося убили.

В то время, когда с гор на болото потянул ветерок, вероятно, от движения тумана и начали показываться признаки неба, мы вошли в Чистый мох, где было, как в Лапландии: мельчайшие в папоротниках березки, кусты вереска и можжевельника, кое-где разбросаны карликовые сосны, краснеющие клюквой кочки. Площадь моха круглая, как всегда в чистиках и вся кругом защищенная непроходимыми зарослями. Тетерев с клюквенных кочек видел нас и не <*1 нрзб.*> улетел в крепь. Но одного старого черныша мы все-таки взяли.

На возвратном пути, когда явилось солнце и стало невозможно жарко, мы, увлеченные превосходной работой Кенты, вернулись к бекасам и взяли только трех, потому что, измученные жарой, не могли верно стрелять. Когда нервное напряжение, передаваемое нам работой собаки, кончилось и мы вышли на сухой берег, с Яловецким сделался сердечный припадок.

29 Августа.

Проверю дупелей с Ромкой

Сегодня был на болоте небольшой туман и поднялся незаметно, не мешая ясному свету солнца на синем небе.

Я завернул к своему болоту проверить тех двух птиц, которых мы вчера сочли за дупелей. Ромка нашел одного у тех же березок, и он, спугнутый, пересел на несколько шагов, как дупель. К сожалению, Ромка спихнул его далеко от меня, и выстрел мой не удался. Недалеко от этого слетел бекас, так что я думаю, и 1-й был тоже бекас, а летел он низко и пересел близко, потому что в тумане с утра бекасы тоже низко летят и близко пересаживаются.

Я взял Ромку на сворку и перевел в Ясниковское дупелиное болото, и тут мы ничего не нашли, хотя раза два Ромка ползал по наброду, значит, ночью гостил тут бекас.

Бекас. На угловом болотце, где никогда не обходится без бекасов и дупелей, Ромка по ветру привел к бекасу на мертвую стойку. Я взял его в угол и после выстрела уложил Ромку.

1-й дупель. Вскоре после бекаса Ромка прихватил еще какой-то след, и я любовался, как он страстно полз и, казалось, прочно стал. Подходя, я на всякий случай сказал «тубо», после чего Ромка, вероятно, желая угодить моему голосу, сделал еще рискованный шаг, пригнулся, повернул голову утюгом, и это было так близко от птицы, что глаза его стали рассматривать траву впереди носа. Я увидел, вылетел дупель и, сраженный, упал. Ромка лег по приказанию. Я зарядил ружье и велел тихо идти и опять лечь, когда он причуял и потом увидел убитого дупеля.

2-й дупель. Это было на том самом месте, на той самой точке даже скошенной полосы с короткой отавой, где одно время у меня тут был «привязанный» дупель, и мы убили его с Петей «облавой». Находка нового дупеля на том же самом месте, хотя вокруг было множество мест на глаз совершенно одинаковых, служит примером привязанности дупеля к одним и тем же местам, вероятно, более других обеспеченных кормом. Вот и угловое болотце величиной с десятину оказывается прямо неистощимым дупелями. Ромка подводит ко второму дупелю так же, как к первому, рядом коротких стоек и, казалось, очень рискованных движений, пока, наконец, не уставился носом в точку и не стал туда запускать «глазенапы». Этому дупелю попало только в крыло, и так мне представился случай уложить Ромку возле живого дупеля и потом отозвать его. В следующий раз отзову его, уведу на долгое расстояние и заставлю тихо подводить.

3-й дупель неожиданно нашелся там, где дупелей еще никогда не бывало, недалеко от тропы Берендея, почти против Ромкиной школы 1-й ступени. Этот дупель обрадовал меня больше других, обозначая собой наступление нового «овсяного» времени. Овсы, впрочем, еще не совсем скошены.

В эту охоту были промахи и у Ромки, и у меня по стрельбе. На угловом болоте он прошел бекаса и потом его спихнул, – это раз. Второе было в том, что развивал слишком уж бешеный поиск, так что приходилось постоянно свистеть. Мне кажется, такой кавалерийский пойнтеровый поиск не совсем идет к такой тяжелой собаке и невыгоден, слишком расходуется. Ромка, легавый по матери и пойнтер по отцу, чутьистый, разумный и послушный, при таком поиске похож на артиллериста в кавалеристе.

Я промахнулся по коростелю, и это был промах, который я делаю постоянно: птица летит на меня, я примериваюсь к стрельбе, пропускаю, ловлю на мушку, не могу поймать и стреляю зря. Бекаса пропустил по другому и тоже типично для себя. Вылетел близко, мне не удалось схватить его, как нужно, и стал поправляться, а он дальше и так улетает без выстрела, если же стрельнуть, то будет мимо. Словом, это бывает какое-то замешательство, нерешительность, тупость – бекасиная афазия. Вообще в бекаса нельзя целиться, примериваться, а стрелять сразу. Огромное большинство промахов бывает у меня в состоянии, похожем на «засмысленность» в писании или разговоре, когда слово или сравнение не являются и говоришь: как... как... как... Хороший выстрел по бекасу, и он, падая, белеет обрамленным брюшком, как блестит удачно сказанное слово.

Яловецкий говорил мне, что страх войны заставляет деревню запасаться товарами, и это является как бы беспроцентной ссудой, и, значит, страх войны – мощный рычаг для выколачивания денег. К этому тема: когда нет сахару, покупают соль:

форма бессознательного сотрудничества. А еще раздумье: есть циники-физиологи (напр., мозг мужской весит больше женского, и потому... любовь – абстракция полового чувства – и потому...) и есть циники-экономисты: гуманизм есть надстройка над экономическими отношениями. И еще, покупка соли крестьянами означает дорогое страхование своей жизни от социальных переворотов.

Стрелять дупеля так просто, что и для среднего стрелка значит почти что рукой брать. Работа собаки по дупелю некрасива в сравнении с бекасиной, потому что запах крепко заседающего между кочками дупеля не относится далеко по ветру: собака причуивает в большинстве случаев по наброду и продолжает вести к нему, помещая нос низко между кочками, ловя в обманчивых сквозняках запах. Вся работа в сравнении с бекасной какая-то в полном смысле принижающая собаку. Там и стрельба, и работа собаки малоинтересны, а между тем дупелиная охота увлекает до того, что ради нее временно бросаются все виды охоты. Это происходит потому, что дупель редок, что он среди других охотничьих птиц все равно как белый гриб среди березовиков. Да, охота на дупелей во многом напоминает охоту по белым грибам: при находке дупеля ищешь настойчиво рядом другого, и тоже сегодня нашел дупеля и убил, а завтра часто на том же самом месте, на том же пеньке, у того же куста находишь другого. В особенности интересно ходить на дупелей с молодой собакой, подающей большие надежды по части розыска и развития чутья.

Бывает ужас такой большой и, даже сказать, лишний для простой гибели, как бывает жар такой сильный, что вода на добела раскаленном железе остается в виде дрожащих шариков. И мы, люди, распределяя свою мгновенную жизнь на дни, часто по-своему долго живем в виде таких безумных шариков, да притом еще успеваем выучиваться, делать личины и маски такими убедительными, что никто и не подумает о свернутой в шарик душе над раскаленным металлом. Ключ к такому бытию это – что сам тоже человек с перегретой душой, раз увидев нечто такое, никогда больше не смотрит туда, и личина, которую он показывает людям, совершенно искренняя: он ее создал сам для себя и в это по необходимости верит.

Вот жизнерадостный охотник отправляется в лес, и находит дичь, и целится, но выстрела не следует. Охотник переменяет осекнувшийся патрон, собака его опять делает стойку, и опять улетает невредимая птица. Осекнувшись два раза, охотник вспоминает, что, переснаряжая патроны, он плохо прижал пистоны.

В этот момент случилось после многих лет ему оглянуться назад, и то большое, достаточное в одном проценте для *<1 нрзб.>* показалось ему не все, конечно (все невозможно), а в

количестве около одного процента. И он закладывает третий патрон с плохо прижатым пистоном, скоро устраивается с ремешком, направляет ствол себе в рот и тянет. Третий патрон осекается.

Но после того охотник продолжает охоту, вылетает дупель, и четвертым патроном он его убивает, и пятым потом, и шестым. Случилось много дупелей, он возвращается радостный с полной сумкой. Он будет еще много охотиться, и в этом роде с ним больше ничего не случится на охоте: один процент своей основной беды он пережил, а там дальше годы подведут и к другому, и к третьему... Да, бывает иногда долгая интересная жизнь, проходящая как бы только для рассеивания одного основного события, бывает жизнь, как вода в сфероидальном состоянии, дрожащая каплей над раскаленным металлом.

И что особенно замечательно, причина основного испуга, если ее прямо высказать, ничтожна в сравнении с тем, например, представлением, какое вызывает рассказ об осечке, так она обычна до смешного, так банальна и так часто со всеми бывает это, что рассказать никому невозможно. Вот то и ужасно, и весь ужас, наверно, в том, что со всеми бывает – и ничего, а со мной было – и весь мир перевернулся, и, значит, я существо как бы неугодное всему миру, неспособное, полугорбатое, с килой, и это так внутри о себе, а снаружи человек этот стройный, красивый и сильный.

30 Августа. Удачные находки дупелей так меня настроили, что родилось много планов большой охоты с Кентой. Я выбрался один и вышел при звездах. План был начать искать дупелей на лугах, начиная с Ясникова краем болотных кустов и до Константинова, в 7 утра зайти в Чистый мох на тетеревей. Но место для дупелей оказалось неподходящим, я ничего не нашел и в 5 утра свернул на тропу в Чистый мох.

Тропа повела меня далеко и вдруг там растеклась в огромных кочках, увенчанных чахлыми березками и погруженных в черную топь. Проходя по этой тропе, я заметил другую, ее пересекающую, вернулся к ней и пошел. С этой тропой вышло то же самое. Но мне не хотелось терять время и возвращаться, и начинать все сначала. Я разыскал намек на третью тропу и по ней упрямо все шел, шел и так, в конце концов, потерял все утро и совершенно истощился.

Таких болотных кустарников возле Дубны много тысяч десятин, переходящих иногда в совершенно неприступные джунгли, березняк мешается с ольшаником, обвитым хмелем, качающимся на трясине. Все-таки, в конце концов, я разыскал Чистый мох для того, чтобы издали увидать там тетерку и убить коростеля.

Последним усилием хотел наверстать на нашем болоте бекасами, но жара была уже (в десять утра) такая сильная, что я не мог следовать за собакой, она делала стойки, бекас вылетал,

и я смотрел почти равнодушно. Перед этим меня извел бекас-бегунок, который долго бежал по трясучке, собака напрягалась до крайности, а он ухитрился так, что с насмешливым своим криком вылетел вне выстрела.

И еще был один трудный – бежал, бежал, а двигался по такой трясине, что впереди меня вздымалась гора. С большим трудом я, наконец, достиг собаки так близко, что моя гора подняла и ее, потом, когда я достиг ее, новая гора подняла бекаса, он вылетел, и я стрельнул зря два раза. Вот после того я и достиг того, что не мог идти за собакой и равнодушно смотрел, как вылетали бекасы.

<*Запись на полях*> Сами кочки качались... Докачнулось до бекаса, и он вылетел. Бекас бежал. Седая зелень.

<*Запись на полях*> Долгий просек.

<*Запись на полях*> Чистый мох с каплей росы.

Душа болит

К рассказу о шалаше Федора Ивановича на вечернем утином перелете... Когда туман закрывал внизу деревья, в моей душе, напротив, открывались таинственные зеленые тенистые леса, те же самые, как и на земле, с той же самой их географией, с мысами в поля и с еланями внутрь, но только совсем живые, свои леса. И когда над упавшим на землю небом виднелось только несколько темных точек от вершин самых высоких деревьев, вся исчезнувшая земля с ее географией стала своей собственной душой.

Чистый мох

Круглое моховое место-чистик. Под ногами до колена то вереск, то можжевельник, то березки высотой в папоротник, и между ними там и тут кочки, покрытые краснеющей клюквой. Я люблю такие чистики среди болотных лесов, ведь это место было дном озера, и теперь это дно, как руины, поросшие мохом. Вон там на чистике островок темных высоких тростников, я знаю, тростники растут на последних каплях прежнего прекрасного озера. Тетерева кормились на кочках, заслышав шум, вытягивали шеи, и так рассмотрев поверх березок мое приближение, взлетали не в меру. Солнце сверкало всей силой на безоблачном небе, но роса еще не сошла, и зелень была совершенно седая. Вдруг мне что-то сверкнуло впереди в островке тростников. Я понял, что это сверкнула на солнце большая скопленная капля росы. Она сверкнула еще и еще: огонек как будто перебегал с тростинки на тростинку. Было совершенно безветренно, и я догадался, что тростинки шевелит бегущая пти-

ца. Смекнув, я свистнул собаку, направил, она скоро причуяла и повела в тростники.

31 Августа. Проверял дупелей на своих местах с Ромкой, ни одного не нашел, убил пару бекасов, в девятом вернулся домой.

Бекасы стали выдерживать стойку, западая под носом собаки или удирая от нее. Вот когда удирает бекас между кочками, поиск собаки становится совершенно таким же, как по дупелям и тетеревам, и, следовательно, поиск и стойки надо характеризовать не птицей, «по дупелю» или «по бекасу», а по характеру местности. Бекасы теперь иногда пересаживаются так же близко, как дупеля. Один пересел всего в нескольких саженях от места взлета, Ромка видел и опять стал. Я убил этого бекаса, он был очень жирен.

Ясниковское дупелиное болото занимает всего десятин пять, небольшая «слатинка» от родников, притом на холме. Эту слатинку полукружит Вытравка, поросшая по берегам ольхой, другая половина круга заключена в громадную кочковатую поскотину. Дня через три надо снова проверить эту слатинку.

Сегодня утром за чаем вспомнился заключительный «акт» похищения «лучшего», и так больно стало, что я простонал. «Что у тебя болит, где болит», – спросила Павловна. «Да, – сказал я, – стрельнуло где-то около пятки, больно».

Конец Августа и тетрадки.

Раннее утро

Солнце еще не вставало, в низинах туман. По седой зелени мокрого луга пишет узоры мой быстрый Ромка. Ему очень везет на дупелей...

Кто кого закопает?

Е. П. предложила мне разломить с ней косточку дупеля, чтобы узнать, кто у нас кого закопает. Я отказался и убедил Павловну в отвратительном значении этой шутки, обходящей весь мир. Когда я потом сообразил, какая сила бессмыслия скопилась в этой шутке, сотни лет повторяющей всем мирам, я почувствовал удовлетворение от себя как революционера.

Но как только я счел себя за революционера, то вдруг мне представился Каменев с брюшком, говорящий толпе с балкона против обелиска Свободы. Мало того, Каменев, всякий, говорящий с трибуны, вырастающий на вкусах масс, мне представляется самым зависимым человеком, намотавшим теории на самомнение.

И я был доволен своей революционностью, своей мгновенной находчивостью в отказе разломать с женой дупелиную косточку.

Мудрость

Санчо мудрей Кихота, но немудрый Кихот все-таки больше Санчо. Если бы у Санчо была идея, если бы у Кихота была мудрость!

Евреи мудрые, слишком мудрые люди, на них так бы и надо смотреть, как на Санчо. Откуда же неприязнь? Вероятно, потому что они, по существу низшие, имеют претензии высших. Попробовал бы Санчо унизить Дульсинею!

Но это все кругом около истории одной любви, когда он пропустил один жизненный момент и от этого стал поэтом, но ничего не могло и не может заменить упущенного мгновения: а потому «идеал недостижим». Библия такого не знает. Еврейский пессимизм, значит, тоска по тоске.

<*Приписка на полях*> Общий бекас. Пара журавлей. Работа по перемещению. Понимание бекаса определило ход по болоту, а не наоборот.

Вечер 31 августа

Ясно. Сильный ветер. Холодно. Березовый лист слегка погорает. Ходил с Ромкой по болоту вокруг мыса Острова и ухитрился ни разу не провалиться. Это тоже искусство ходить по болоту, тоже уверенность явилась: пусть себе качается, я не покачнусь. Убил одного бекаса. То, чем обрадовал меня Ромка утром, вечером на том же оплошал: бекас переместился у него на глазах, и он его стурил. Получил здоровую порку. Надо учить походу осторожному к перемещенной птице.

Журавли начинают свои осенние эволюции. Хорошо смотреть, когда пара летает, планируя рядом, три раза один махнет, и три раза другой, и опять планируют, и опять по два маха, и...

Когда-то я убивался, учил Ромку ходить по топкому болоту, а теперь смешно думать об этом: тихий ход сам собой определился, когда он понял, для чего это нужно. Вот, я думаю, и в лесу также определится.

<*Запись на полях*> Журавлиный полет.

1 Сентября. Ночью бушевал северный ветер. Утром хозяева вышли в полушубках. Так случился мгновенный переход к осени.

Собаки волнуются: кого возьмет хозяин. Кента выбежала, когда я надевал сапоги, вернулась к себе и там замерла. Она

выйдет опять, когда дойдет у меня черед до ружья. У Ромки безумное волнение, его перед охотой подавил страх, что его не возьмут, и он положил свой утюг между лапами и смотрит большими глазами.

<*Запись на полях*> Кого возьмет? Стог обжал. «Чмок» бекас: чмок болото. Ученье собаки: кого возьмем? Ветер в лесу.

Выходим с Кентой на Остров. Тетерева не даются, взлетают не в меру. Ветер сильно шумит. Я это в лесу не люблю. Мне бывает в сильно шумящем лесу, как когда за столом, когда каждый рассказывает что-нибудь интересное, а там ложку уронили, стали поднимать, уронили стакан, кто смеется, кто ссорится, а меня совсем забыли с моим интересным рассказом, и когда, наконец, гости опомнились и сказали: «ну что такое хотели нам рассказать?», я вдруг сам забыл, о чем я хотел рассказать. Ветер в лесу шумный гость и не дает жить про себя.

Я бросил лес и стал обходить Остров болотами. Отступя от леса шагов на 200 или 300, в зыбунах кое-где были разбросаны рыжеющие ивовые кустики, и в них попрятались гулявшие по скошенному болоту черныши. Их было три, два вылетело не в меру, одного я убил бекасинником.

Только один бекас <*1 нрзб.*> взвился против ветра и устроил такое колено, что я и стрельнуть не посмел. Другие, не смея подняться, перемещались от собак, как дупеля, на десять шагов и потом взлетали второй раз, замирали в воздухе, так что двух я взял прямо с прицела. На опушке леса и болота подвернулся и дупель. Итак, всего я взял за короткое время на возвратном пути: петуха, дупеля и четырех бекасов. Пришел к заключению обратному, чем пишут: лучше нет стрельбы в бекасов, как по сильному ветру, и очень добычливо, и очень занятно: каждый бекас бросается на ветер, как в пучину на счастье, с дразнящим своим, вызывающим «чмок!» Схватишь его и скажешь: «вот тебе чмок!»

Я совсем перестаю проваливаться в болоте и пришел сухим. Надо опасаться стогов и подходить к ним с осторожностью, потому что стог своей тяжестью обжимает болото и вокруг него всегда грязно.

<*Запись на полях*> Искусство ходить по болоту, стога.

Читал речь Бухарина, и мне больно думать о жизни Троцкого, Зиновьева и Каменева. Судя по тому, что говорил о них Бухарин, эти люди окончательно разочаровались в революции и, победив, продолжают какую-то мышью свою беготню: в их положении надо или верить, как хочет верить честный Бухарин, или покончить с собой.

Но нам со стороны трудно думать иначе как в направлении к национальному реформизму. Нагулялся по всей волюшке

Ленин, расходился во всю-то головушку... все испробовано, какой там социализм!.. Лезет, прет мужик во всю силу, а остальное все представление.

Очень возможно, что Бухарин ненатуристый человек и склонен интеллектуально настраиваться на роль во всемирном спектакле. Эти люди около чего-то большого и реального стоят, но не знают его и называют бессмысленно.

Вот я охотник и знаю, что такое свобода, и если бы я взялся за революцию, начал бы стоять за ощутимую свободу. Они же обладают только футляром от всяких свобод, и на футлярах золотые слова. Иных «человек <*1 нрзб.*>, других просто мужик привлекает мощностью своей натуры, человек натуральный, целостный, всегда привлекательней «частичного» человека, на этом правдивом чувстве и построен социализм. Но схватившись за натуру, социализм разбегается в политику... И вот, в конце концов, в чем же обвиняет Бухарин Троцкого – horribile dictu* для материалиста: обвиняет в том, что Троцкий не верит (так и написано). Милый Бухарин, это последнее, если один социалист упрекает другого в неверии.

Охота на бекасов в ветреный день

После удачной охоты долго потом переживается в подробностях каждый интересный случай, сегодня я вспоминаю, как прижала к кустарникам Кента бекаса, и ему надо было лететь непременно на ветер, он же предпочел махнуть через собаку, <*1 нрзб.*> затишинке кустов опушки, и как его нагнал мой выстрел.

А то был один опасливый, взлетел невысоко и стал опускаться. Я взял его при спуске возле травы, так что потом приходилось подходить с осторожностью, не взлетел бы, и он не взлетел. А то был интересный бекас, как будто не осилил ветер, замер в воздухе, и я взял его прямо на мушку, как дрожащего кролика на месте кончины. И то же самое было с другим, и как было приятно, поднимая его, узнать дупеля.

Тоже не забывается, как вдруг в трех кустах пропала Кента. Я оглянулся вокруг, везде было чистое болото, и, значит, Кента невидимая стояла сзади куста, и раз уже было так с Ромкой, вылетел петух, может быть, и сейчас... И в этот момент в заключение догадки, как он вырвался! с какой безумной быстротой ринулся в лес и раз! бекасиная мелкая дробь выбила перья, он летит, кажется, сколько он пролетел! но это всего два шага, другой выстрел поправляет первый, немного вперед, и черныш с разбитой головой валится... Сегодня пришла Вера Антоновна с Лилей.

---

* страшно сказать (*лат.*).

2 Сентября. Тихое свежее солнечное утро, потом сильный ветер. Разбился термос – какое горе! Расстроился желудок. Я вышел только в 7 утра на близкое болото с Ромкой. Сделал подряд пять промахов в бекасов и вернулся домой не совсем здоровый. Друг мой, вырви язык охотнику, который говорит, что он стреляет бекасов без промаху.

Ромка тоже работает неважно, схватил бекаса очень далеко, по топкому болоту, не успеешь за ним, а он все лезет и лезет на болотную стойку, пока бекас не слетит. Но хорошо, что по взлете бекаса, если я по нем не стрелял, Ромка не только бежит за ним, а приходит ко мне виноватый и ложится...

<*Запись на полях*> Работа собаки в ветер.

Я пробовал пустить его против ветра, он схватывает далеко, и мне плохо приходится. Потом пробовал пускать его по ветру, так он держится ближе, потому что ему нужен ветер и приходится обертываться назад. Так выходило, будто невод закидываешь и потом собираешь его к себе: отбежав шагов на сто, Ромка делает круг в обратную сторону, выбирает ветер и вдруг, схватив желанную струю, вытягивается, наступает. Часто ему не верится, он подается назад и оттуда несется на всем карьере к тому месту, где ему пахнуло и перестало, и если опять на этом месте он остановился, значит, это уж верно: бекас где-нибудь тут. Нет, скорей всего: Ромка не плохо работает, а это я плохо стрелял по болезни и с больной головы переводил на здоровый живот.

3 Сентября. Ясная, тихая и очень холодная ночь. Перед восходом было холодно и в шерстяной куртке, потом начался сильный ветер. Охотился с Кентой на Ивановском болоте. Бекасов очень много, постоянно пересаживаются, как дупеля. Я убил, направляясь против ветра возле кустов, восемь штук, назад, на Кубже было еще больше, но и Кента их за ветром спихивала, не причуяв, а патроны мои давали осечки.

Всех бекасов подарил Вере Антоновне, которая сегодня отправилась в Шеметово. Сегодня удалось мне наконец-то узнать, почему Кента иногда не находит убитых бекасов: один из убитых мной бекасов так запрятался в кочках, что, когда Кента и причуяла и указала носом, я не мог его найти, и только уже когда велел ей подать, она запустила нос в глубину и вытащила.

<*Запись на полях*> Брусника.

Запасаемся брусникой. Чтобы отделить ягоду от листьев и всякого мохового мусора, который неизбежно попадает при сборе, ставит Е. П. наклонно крышку стола и катит по ней ягоду, и мусор, и листики остаются на столе.

<*Запись на полях*> Боговник и кочки.

В. А. задохнулась в моховом болоте от боговника, ей представилось, что ей ко рту приложили вату с хлороформом, ей страшно стало, что огромные кочки качаются и что их было много, без конца. Ужас ее охватил. И через это я понял огромное расстояние вкусов культурного человека от болот.

<*Запись на полях*> Царство болото.

А Берендей потому мудрый царь, что заставил себе служить все, что люди называют злом: комары, слепни, гнус, и топь, и кочки – все это охраняет Берендеево царство от вторжения недостойных людей. Потому попасть в Берендеево царство все равно что в Невидимый град: надо потрудиться, надо быть сильным и чистым сердцем. Вот и простые русские люди на болотные кочки...

<*Запись на полях*> Хозяева стали позднее вставать (молотьба). Лисья шуба.

4 Сентября. Хозяин говорил вчера Е. П-не, что этой зимой сына ему придется женить. «Есть, – говорит он, – у нас лисья шуба, я ее к свадьбе берег, а он теперь стал понашивать и заносит, а к свадьбе придется другую делать». Так выходило из слов хозяина, что лисья шуба главная причина скорой женитьбы Сережи. Женится и кончено: хомут на всю жизнь, да и какой хомут!

По вечеру больше заметно движение осени, чем по утру. Но все-таки замечаю и утром, что мои хозяева стали много поздней меня вставать. У меня начинается самое хорошее время, предрассветные часы, в которые лучше всего работается. Я вышел сегодня не совсем рано, в 5 у., солнце, впрочем, еще только что поднялось и в тумане было, как месяц. Я пошел с Кентой на Ивановское болото пострелять бекасов всласть и на обратном пути в кустах проверить тетеревей.

Утро было прохладное, тихое и росистое. Мелкий лес, – березки, через пятое десятое, осинки и как редкость сосна или елочка с краснеющими кочками брусники – этот лес ждал охотника.

Я очень спешил попасть на болото до скота. В $5^1/_2$ солнце вышло из тумана, и я отпустил Кенту, сказав «ищи!» Но нет, на поскотине дупелей еще не было. Я перешел на ту сторону Кубжи за бекасами, и как раз в это время вошло на мое место стадо, все лошади собрались в кучу и стали смотреть на мою собаку.

Мне казалось, они это на меня смотрят, попаду я или промахнусь в бекаса поначалу. Среди них был, конечно, и не ви-

димый мне пастух. Я всегда делаю промахи, когда на меня смотрят. Не было исключения и в этом разе: три раза подряд. Но это меня ничуть не потревожило, теперь я уже уверен в своей стрельбе и знаю даже, что промах вначале лучше, чем счастливый выстрел. Опираясь на удачу, можно отлично разохотиться и без промаха бить в этот день, но это не значит, что завтра опять будет так. А вот когда началось с промахов, и притом знаешь наверное, что впереди будет лучше и лучше, то это уже не гаданье, а стрельба.

В охоте на бекасов, прежде всего смелость, решительность выстрела, чтобы стрелять не выцеливая, не выжидая, а сразу. Это не значит, что в этой стрельбе «сразу» тоже нет расчета, есть, конечно, только там уж рассчитывает не этот утопающий в грязи человек, а какой-то другой, легкий, свободный, счастливый. Вот именно надо выйти из расчета, из страха промазать на глазах всех лошадей, от всего этого мелкого надо отрешиться и выйти на всю волю. После трех неудачных выстрелов я, наконец, вышел из расчета, забыл лошадей.

Бекас летел, казалось, чуть-чуть не в меру, и я решился, стрельнул ему поперек пути. Он продолжал лететь после выстрела, но я что-то заметил, верно, это была оставшаяся в воздухе пушинка, а может быть, особенность полета. Бекас как будто совершенно нормально выбрал себе с высоты место для спуска, снизился, раскрыл крылышки совершенно так, как они делают при опускании в траву, но последнюю четверть аршина он спускался не так, было что-то неестественное, прямое... Я взял Кенту и, когда приблизился, выслал ее. Она сделала стойку и потом поняла: бекас лежал мертвый. Вот после этого, казалось бы, дурацкого, но смелого и решительного выстрела все пошло хорошо, и я взял свою норму (за норму считаю просто больше бекасов в сумке, чем промахов).

На обратном пути в кустах нашел ранний выводок тетеревов, который разлетелся невидимо. Потом нашел тетерку с двумя петушками, начинающими чернеть. Это был поздний выводок. Я взял обоих петушков, и бекасов у меня было 7 штук.

Ветер начался только в 10 у., но и то не такой, как вчера, и сегодня значительно теплее.

<*Запись на полях*> Безлюдье.

Я немножечко принастрелялся бекасов, тетерева в этом году с маленькими выводками неинтересны, все что-то нет «овсяных» дупелей.

Сижу я, отдыхаю в лесу под кустом, и является мне что-то вроде упрека: «как можешь ты выносить на родине такое безлюдье?» Мне очень знаком этот «социальный» голос по старому времени. Я тогда себе так ответил: «а как же моряки, как путешественники, исследователи, колонизаторы и т. д., мало ли

таких людей на свете: все они живут надеждой на свидание с родными, с друзьями. Когда-нибудь и я увижусь».

И мне мой литературный путь кажется путем к близким мне людям. Оно так и оказалось, появились искренние люди, близкие, и стало среди них почти как в семье. Но все это было не совсем то: истинный друг так и остался недоступным, где-то за морями. Вот и теперь после разрушения литературной семьи стало еще виднее, что друг этот недоступный существует непременно и что этого довольно, чтобы выносить безлюдье пустыни и часто быть счастливым и не одиноким.

Корни социализма

<*Запись на полях*> Ромка – пылесос.

Ромка сидел двое суток без дела и одурел от скуки. Он выдумал превратить свой нос в пылесос, так делает: к тонкой щелке между половицами прижимает ноздрю и остальную часть носа туго пришлепнет, так что тянется только из щелки, и тянет, и тянет в себя движимое содержимое подполья; отнюхав одно место, переходит к другому и оставляет на первом мокрый отпечаток своего пятачка.

Мне надоело слушать этот пылесос, пришлось под вечер пройти с ним на болото. К вечеру бекасы, вероятно, приготовлялись летать, были строгие, слетели далеко, но один большой вислокрылый, снявшись, пересел на глазах Ромки в 10 шагах за куст. Мне удалось издали, то угрожая плетью, то лаская теплым словом, не только удержать Ромку от покушения бежать к нему, но даже призвать к себе. Потом я заставил его идти сзади, это было очень трудно, но все-таки я заставил, и так мы подошли к кусту: он, вспомнив, стал на старое место, я с другой стороны.

Вероятно, взволнованный работой над отозванием Ромки и особенно возней во время подхода, я промазал. Бекас, однако, опять пересел недалеко, и снова мучительный подход. После выстрела как обыкновенно уложил Ромку и теперь уже заставил подходить к мертвому определенно сзади себя. Когда возвращался домой, несколько раз проделал это: так с ружьем наизготовке, и он крался сзади. Это может быть примером ученья прямо на охоте без предварительной дрсссировки.

В это поле не думаю пускать Ромку в лес, пусть пройдет его юношеская горячность.

<*Запись на полях*> Учил Ромку ходить позади.

5 Сентября. Ветер переменился, стало много теплее, но, конечно, все-таки пахнет осенью, и всю охоту можно выдержать в шерстяной толстовке.

Сегодня я беру Ромку для проверки дупелей и накидываю в сумку побольше баранок. Я достигаю баранками этими две цели, первое, даю Ромке за хорошую работу и, второе, уничтожая запас их, приближаю время, когда Е. П-на возьмется за печенье.

Первый дупель взят был на тропе Берендея, второй на полосах, в третьем узнал от пастухов на Ясниковском болоте (что каждый день швыряют в него палками), этот третий дупель был не виданных мною размеров, почти вдвое против первых обыкновенных и тоже не худых. Вероятней всего эти последние из молодых, а большой – многолетний самец.

Характерно для теперешней охоты, что все время слышишь курлыканье журавлей и иногда любуешься их полетом.

Вчера ночью появился Петя и принес известие, что деньги мне за Собрание не присланы. Это считаю как угрозу «отдаленной зимы».

<*Запись на полях*> Дупеля.

6 Сентября. Вчера сухотье и дождя не было, сегодня вот началось утро и опять сухотье.

Еле можно писать на рассвете, но мне нужно, и неясно так вижу, что мне надо записать. Бывает, проснешься в темноте, угадывая предрассветный час, и чувствуешь, слежались, как одеяло, как туман на болоте ночью заветные чувства, сгустились они так тяжко, что вот бы только высказать их, и сразу выглянет солнце, и туманы рассеются. Но далеко до солнца в предрассветный час! попробую разобраться в этом тумане.

Я думал о любви и о черном хлебе во время голода. Бывало, как мечтаешь поесть, и когда дорвешься, потом разочарование: «неужели это все?» И вот когда очень хочется есть, то как ни мечтай об этом, так мечтой не привлечешь к себе кусок хлеба. А любовь привлекается мечтой, красивые слова возбуждают у девушек доверие, она доверяет и отдает «свое лучшее». Любовь вся совершается в кредит. И продолжается дальше, когда родится ребенок: мать свое лучшее опять доверяет.

В заботе о хлебе насущном результаты труда «пожинают» и говорят: «что посеешь, то пожнешь. Там весною и летом работают, а осенью едят и зимою лежат на печи.

В любви сначала полежат, а потом начинают заботиться. Организация счастья у крестьян такая, чтобы сразу в момент появления любви отдавать ее на растерзание заботам о добывании пищи и подчинить эту силу одному закону утоления голода… Крестьянам не приходится отрабатывать долг любви, напротив, им любовь остается в долгу…

<*Запись на полях*> Вечером дым от выстрела лег на траву и остался лежать на ней белым, далеко заметным пятном, будто сметану пролили.

<*Запись на полях*> Счастье крестьян.

И все это для того, чтобы раскрыть значение слов «я отдала свое самое лучшее». Значит, что отдала всю свою силу доверия к другому, она уже не может в себе найти ничего равного. Это доверие может ограничиться только духовными силами, без которых тело ничего не значит, так что «лишение невинности» не значит «лишение девственной плевы». Таких девственниц, лишенных невинности (т. е. доверия, делающего матерью), множество.

Вообще любовь с самого начала является врагом материального, «экономического фактора», и так разделяется жизнь, что личность, творчество остаются на одной стороне (с любовью), а общественность на другой стороне, на добывании средств потомству (экономическ. фактор).

<*Запись на полях*> Любовь.

<*Приписка на полях*> В стае журавлей еще не совсем прочная связь: отделяются три, и это были два старых и один молодой – журавлиная семья.

Петя был командирован на разведку в Солнцево, но Ярик от него удрал. Я прошелся с Кентой по Жарью. Убил одного бекаса, Петя трех из-под себя.

Приехал Андрюша, провалившийся на экзамене. Леве грозит опасность не сдать экзамен и быть исключенным из университета. Ворчу.

Журавлиное время. Охота на дупелей всегда сопровождалась перелетом журавлиных стай.

<*Запись на полях*> Дупеля и журавли.

7 Сентября. Великая сушь, но прохладно, и облака по небу ледянистые. До чего сухо, что дорога стала мягкой, как пуховик, а боковая тропа твердой, как асфальт. Вчера селезень из прудика вышел на дорогу и начал, как у них это ведется, стал на месте хлопать крыльями, – так он в одну минуту поднял вокруг себя облако пыли. Сегодня на дороге мы рассмотрели отпечатки лап русака, видно было, где он шел, где посидел, где скинулся и потом снова пошел. Мы с Петей шли этим следом до самого Дмитрия Солунского.

Овес весь в копнах. Посевы ржи зеленеют. На нескошенных болотах осока сверху погорела, и болото стало бледно-рыжего цвета. Зеленело только там, где было скошено, и теперь пошла отава. В утренний час стаи журавлей непрерывно перемещаются с поемных лугов на поля, а то и наоборот, если спугнут на полях. Заметно, что их стаи еще непрочны: иногда вдруг отделяются от стаи три журавля, два большие и один между ними

поменьше, значит, детеныши, значит, все три журавля – одна семья, и полетит эта семья стороной куда-то в другое место или, исчезнув на горизонте, появится и спустится в общую стаю. Так скопилось на Иванковских полях и лугах, я думаю, не меньше двухсот, куда ни глянешь, везде шеи и головы, как бутылки торчат.

Вот интересная тема для орнитолога – собрать материалы о журавлиной общественности, как она складывается из присоединения к стае новых семей. Наблюдать журавлей легко в самый ветер, когда кусты на болотах шумят и можно близко подкрадываться.

Мы с Петей сегодня вышли в 4 утра и в 4 вечера вернулись домой, так что почти без отдыха шли 12 часов: шли на Дмитрия Солунского, потом тропой на Солнцево, обошли Солнцевское болото, встретился только один, наверно, гнездовой дупель и несколько бекасов. Около Стогов убили молодого, нынешнего года, черныша, у него была только голова серая. При выслеживании его нам очень помог колокольчик, привязанный к ошейнику Кенты. Колокольчик был довольно большой, как раз такой, какие бывают в деревнях у собирающих деньги. И все-таки тетерева его совсем не боялись, напротив, мне кажется, даже были смирнее, вероятно, потому, что принимали за коровий звонок. В наших местах, где и от покосов, и от скота тетерева забираются в крепь, колокольчик необходим и заменяет анонс. Одно плохо, что с колокольчиком собака плохо слышит свисток.

Болотная охота очень портит лесной поиск собаки, мне почти каждый раз приходилось переучивать Кенту, и каждый раз выходит в лесу все хуже и хуже. Звонок становится необходимым. От Станков <*1 нрзб.*> мы прошли до Садикова, спустились в Ивановское болото для охоты на бекасов, но так устали, что не могли охотиться. Однако дупеля я убил на совершенно сухой, покрытой можжевельником лесной поляне, вероятно, его перегнал сюда скот на болоте. Итого, за весь день у нас был убит черныш, дупель и бекас. Такая неудачная охота объясняется тем, что тетеревиные гнезда померзли в этом году, что не начинался перелет дупелей и что бекасов после тяжелого похода не были в состоянии стрелять. Впрочем, на Ивановском болоте от частых охот бекасы уже заметно поредели.

<*Запись на полях*> Болото и лес: одно портит другое (собаку).

Войско царя Берендея теперь исчезло, как исчезает всякое войско, когда нет в нем надобности. В осеннее время Берендею уже не грозит нашествие дачного типа людей.

Стрелок бекасов, не расчетливый, а вдохновенный стрелок. Состояние духа при стрельбе бекасов близко подходит к творчеству.

Царь Берендей, окруженный своим войском.

Андрюша тоже поражен видом мохового болота, первый раз видит, как растет клюква, пьяника и брусника.

Спросить Федора Ивановича о работе на просеке. «В 30-м году Дубна будет близко». А в этом году землечерпательная машина поломалась, и рабочие целый месяц сидят без дела. На наш век хватит.

Выехать из Александрова в Сергиев можно будет, когда определится перелет дупелей и бекасов.

По деревенской молодежи нельзя судить о состоянии деревенских нравов, потому что в момент женитьбы молодой человек в деревне принимает заветы старого времени.

Барышня Изюмова с вечера по-прежнему поет у амбара под нашим окном: «Милый Коленька, я беременна». Но осень делает свое дело, ребятам надоели свои девки, и темная ночь скоро глушит веселье.

8 Сентября. Ночные дожди. Утром небо в тучах, тихо, очень прохладно. Остальной день сильный ветер.

<*Запись на полях*> Правила натаски.

Охота с Ромкой по Вытравке. Выработались следующие правила охоты с молодой собакой:

1) Когда бекас убит или улетел после выстрела, собака должна лежать. Если птица убита, собаке велеть идти назад и как бы подкрадываться вместе с охотником. В нескольких шагах от убитой птицы собака пустилась впереди и, когда сделает стойку, ложится.

2) Если птица ранена (часто в крыло), собака укладывается перед живой птицей, охотник отходит на расстояние десяти шагов, отзывает к себе собаку, потом вместе с ней медленно подходят (подготовка к анонсу).

3) Если птица переместилась недалеко на глазах собаки, всеми средствами препятствовать ее продвижению, лучше всего отзывать.

4) При чистой работе в момент укладывания птицы в ягдташ собаке дается кусочек баранки.

5) Если бекас вылетает без стойки от сильного хода собаки, или потому что был за ветром, собаке дается выговор, надо стремиться, чтобы собака сама винилась и ложилась. Если бекас вылетает от слишком скорой невежливой подводки, так, что охотник не успел приблизиться на выстрел, собаке говорят:

«Что ты сделал?» Она ложится, ее прицепляют к сворке и дают удар плетью. Непременно прицеплять, так как иные собаки отпрыгивают от наказания.

6) Когда приходится идти под ветер, то собака забегает вперед и очуивает полукругом все пространство между ней и охотником, и потом опять так, и в общем получается, будто невод закидываешь.

7) При поиске на ветер собака иногда причуивает очень далеко, тянется туда струной и так быстро отходит от охотника. Это надо предупреждать и отозвать собаку, иначе она уйдет слишком далеко, птицу не убьешь и собаку подпортишь.

<*Запись на полях*> Гаршнеп, ласточки, турухтаны.

<*Запись на полях*> Охотничий ветер.

Этот свежий осенний ветер умеет нежно разговаривать с охотником, как часто сами охотники говорят между собой от избытка радостных ожиданий; можно говорить и можно молчать, чуть мелькнуло что-нибудь в воздухе, и охотник потом: «а о чем я говорил?», и не вспомнишь, и ничего, можно опять что-то рассказывать. Так ветер охотничий осенью постоянно шепчет о чем-то и, пересказав одно, переходит к другому – от крика журавлей…

<*Запись на полях*> Охота в ветер.

Ветер очень обманывает собаку: вот она повела определенно, стала, опять повела, вот близко птица, но эта струя ветра кончилась, пахнуло от дальней птицы, собака, обманутая, ведет к дальней, а охотник, следуя за ней, сам выгоняет пройденную.

А то бывает: собака бежит, напрягая все силы, чтобы поймать отдаленнейший запах, и вдруг из-под носа у нее вырывается птица, запах которой ветер резко уносил от нее. При сильном ветре собаке работать очень трудно, промаха не избежать, но все-таки, в общем, возможно: так Ромка два раза спихнул носом бекаса, один раз мимо близкого провел к дальнему; один раз прихватил на таком расстоянии, что было невозможно к нему подойти вовремя по болоту, было много стоек без определения местонахождения птицы, запах маленьких птичек при ветре его иногда занимал, но было достаточно и твердых <*1 нрзб.*> стоек, чтобы с удовольствием охотиться. Но если вполне верно пишут (Мензбир), что ветер обманывает собаку, совсем неверно, что в свежую ветреную погоду «бекас на чеку» и далеко вылетает.

Огромное большинство бекасов сегодня отлично выдерживали стойку. Стрельба в ветер тоже, наверно, признается трудной, в ветер бекас часто теряется, летит прямо и тихо, и низко перемещается на близкое расстояние, и во всяком случае бывает оживленным, и разнообразный взлет весьма интересный.

В этот раз резко определилось, что бекасы стали держаться ближе к краю болота. Еще мы встретили как новость двух гаршнепов и много турухтанов. Ласточки так табунятся, что если присмотреться, иногда небо бывает покрыто от них, как бы сеткой. У охотников примета: когда ласточки табунятся, является дупель пролетный.

Мы взяли 5 бекасов.

План ближайших охот до конца.

Мне остается теперь дожидаться дупеля, поохотиться на перелете и потом отправляться домой. Конец тетеревиным и дальним охотам. Я буду ходить понемногу краем Вытравского болота, за Ясенкой по лугам до Никольского, на Родниках и против Михнева. Вместе с тем начинаю чтение «Кащеевой цепи» и так подготовлюсь для писания.

9 Сентября. В предрассветный час (от 3 до 4 утра) слышен был с улицы ровный гул, и я очень обрадовался, я думал – это началось несчастье, дождь, значит, можно садиться за «Кащееву цепь», а между тем прилетят дупеля. Но когда я встал и открыл окно, то оказался не дождь, а сильный, ровношумящий деревьями, юго-западный ветер.

Надо залучить Федора Ивановича и выспросить у него все названия урочищ, по которым я охотился. Кроме того, мне нужно от него узнать о просеке на Дубну.

В 6 утра вышел на Алекс. болото. Очень сильный ветер справа на болото.

1-й бекас. Кента, сбитая ветром, закопалась в наброде, и вдруг «чирк!» – бекас вылетел, мне не с руки. Какой-то вызывающий, дразнящий крик, и какое зато удовлетворение, когда на это «чирк» грянет выстрел, и белое из серого вдруг становится белым, падая вниз.

<*Запись на полях*> Охота на бекасов.

<*Запись на полях*> А журавли, которых видел Петя (200 шт.) у Садикова, прилетные.

2-й бекас. Кента схватила по ветру, вылезла из мокрого болота и стала перед кустом. В это время солнце пробилось через облака, и я залюбовался сверкающими каплями, которые падали мерно с каждого сосца Кенты и особенно крупные с уголка правой повернутой на стойке передней ноги. Я не мог отвести глаз от капель, и это спасло жизнь двум бекасам. В первый момент не успел, а потом стрельнул по обоим неверно. Но теперь я больше не боюсь промахов, знаю, что наверстаю.

3-й бекас. Какие-то две птицы вылетели на берегу из кустов, может быть, дупель, может быть, вальдшнеп, и полетели к Ясникову. Мне пришло в голову сделать описание полета птиц, как мы, охотники, узнаем их издали по полету. Кента закопалась в наброде, бекас вылетел у меня из-под ног, и я успел пересечь ему путь.

1-й дупель. Я нашел его в «Родниках» возле той самой канавы, где убил последнего, которых пастухи гоняли палками. Дупель. Кента взяла его верным чутьем. Дупель был такой жирный, как прежний.

2-й дупель оказался неподалеку от первого на зеленой, слегка кочковатой полосе, между полосой скошенного овса и льняным сланцем.

3-й. После того начался дождь, и я спешно пошел домой, но на среднем Ясинском болоте Кента с ходу сделала стойку. Дупель после выстрела улетел довольно далеко и опустился в траву, казалось, в обыкновенной своей повадке. Но пущенная на разведку Кента принесла его мертвого.

4-й дупель нашелся на «Слатинке». Жирным оказался только первый. Я не сомневаюсь, что пролетный дупель пошел (ласточки, журавли, турухтаны). А дождь пошел настоящий, дупельный, мелкий, шел до вечера, и потом при сером небе в сумерках все шла мокрая мга. Завтра проверю те же места.

10 Сентября. После дождя сегодня в предрассветный час в туманной мгле так пронизывающе сыро и холодно, что жуть брала в одной шерстяной толстовке спускаться в болото по тропе Берендея. Но скоро все это «обошлось» и начался роскошный рассвет с пурпуровой зарей, светящей через туман.

Перед восходом солнца, как бывает у нас при сильнейшем восторге от красоты, начался в природе обычный озноб... И я чувствовал, что меня знобило от радости утра и мне казалось, что вся природа холодела тоже от великого счастья.

Много, много у меня прошло дум, таких быстрых, что сказать о них невозможно. То мелькала мне жалость, что вокруг чувствуют не так, как я, а то, наоборот, я себя самого жалел. что не могу вполне быть, как все. Но что соединяло меня со всей природой прочно и дружно, это было доверие к грядущему солнцу, готовность моя отдаться ему, и я двигался быстро на болоте по моему охотничьему делу, как двигаются все...

И, несмотря на то, что все мое тело, колеблясь на кочках, постоянно двигалось, все-таки мелькали и человеческие мысли, я думал, помню: «ведь вот никакая бы жизнь на земле была не возможна, если бы все поступки людей были основаны на недоверчивом, «а почему?» А сколько писателей насмешливо изобразили учителей и ученых-педантов, пытающихся устроить свою жизнь на «почему», и все-таки юность, предшествующая любовному экстазу, стремится жить «по причинам» (логически).

...Вдруг Ромка что-то причуял, повел, стал внимательно обнюхивать одну кочку. Я ожидал в нетерпении дальнейшего, потому что часто, переходя к следующей кочке, собака начинает больше узнавать запах, дальше еще больше, и так начнется подводка к дупелю. Но Ромка, обнюхав внимательно кочку, поднял на нее ногу и кончил. Отсюда поговорка в Берендеевом царстве: «если собака понюхает кочку и на нее ногу поднимает, значит, дичи тут нет».

<*Приписка на полях*> Ромка ногу поднял на кочку.

Годится для рассказа: «вчера я ждал дупелей и обыскивал болото: их не было. Я вчера очень присматривался к коровьим лепешкам, нет ли на них дырочек от прикладывания носами дупелей. Вчера ничего не было, я заметил именно одну лепешку между двумя кочками с кустиками, и сегодня лежала эта самая лепешка на том же месте, но вся была покрыта мелкими дырочками...».

<*Запись на полях*> Коровьи лепешки.

Сегодня я совсем не нашел дупелей ни на вчерашних местах, ни на Ясниковских овсах, ни на лугах, ни на Вытравке. Убили коростеля и бекаса на Алекс. вытравке. Сегодня я почему-то совсем не видал и не слыхал журавлей. Мне показалось, что на Вытравке было много мелких бекасов. Около 9 утра стало очень холодно.

Петя отправился проверять Мергусову бель.

Вот вопрос: фактический социализм, то есть, как он является в рабочих массах, имеет ли что-нибудь общее с тем социализмом, на котором воспитывались мы?

Массовое творчество сводится к личному творчеству, и личное творчество есть основа культуры; о соц-е и кап-ме можно говорить только как об условиях личного творчества.

Мир существует, конечно, для живых, но вопрос, кого считать живыми? Ведь есть мертвые, которые живее живущих, и есть живущие, мертвее мертвецов.

Раньше вокруг меня все было ладно, да я не устроен, теперь, наоборот; у меня все сложилось, а вокруг все расстроилось.

Отзыв со стойки

Я теперь понял, что Кента приходит от стойки в лесу на свисток, если слышит его в решительный момент, когда подвела к тетеревам, им взлетать надо, а хозяина нет, вот тут если

она слышит свисток, то возвращается. А у Ромки бывает, когда его уложишь возле подранка и станешь отходить, опрометью бросается к тебе, вероятно, от страха, что ему одному не выдержать стойки.

<*Запись на полях*> Анонс: Отзыв со стойки и от подводки. Мудрец – это кто, обладая всеми знаниями, сохранил свою натуру.

Мудрец

Считаю мудрецом человека на высоте современных философских знаний и в то же время сохранившего свою натуру (инстинкт).

Навык

Вспоминаю, как Ромка после долгого напрасного обучения понял вдруг все, что от него требуется. Так же мы, учась какому-нибудь техническому навыку, например, ездить на велосипеде, понимаем всегда вдруг, вероятно, в момент достаточного накопления подсознательного опыта. В этом человек и собака друг от друга мало отличны.

Волчок
(собака Никифора)

Я люблю собак за их способность к такому доверию, какое уже и недопустимо в современном обществе людей: такое доверие в наших отношениях невозможно и связывается в нашем представлении почему-то с рабством. Но есть и у нас одна скрытая форма доверия, которая независимо от строя общества будет еще долго оставаться главным условием бытия на земле человека, – это доверие рождающей матери к новому маленькому существу. Я считаю себя как бы посланным жить своей матерью, она не жила и доверила мне свою жизнь. Да, у них есть за спиной неоплатный долг, и вот это самое всегда встает во мне, когда смотрю в глаза моих домашних зверей. (Лесная кормушка)

Лесник Никифор хитрый и злой, носящий маску раба. У него Волчок, маленькая собачка, невероятной злости. Продал мне ее за 4 рубля, конечно, зная, что Волчок будет его. Волчок привязан. Я подхожу к нему. Он допускает. Кормлю – ест. Можно сделать, что Никифор уходит куда-то далеко и потому продает. Волчок, в конце концов, отгрызает веревку и уходит к Никифору.

<*Приписка на полях*> Так вот тоже довериться высшей силе, руководящей миром (религиозные люди, художники) – это доверие ставит непременно вразрез с окружающими и как <*1 нрзб.*> материнского происхождения.

Охота на черныша со звонком

У Кенты на шее звонок, ведет по чернышу, он бежит. Я знаю, что в кустах есть поляна, и он, подбежав к поляне, взлетит, и я его не увижу. Я делаю круг, ухожу и становлюсь за поляной. Слышу Кента звенит, ближе, ближе: ток-тик! и вот он выходит, взлетает и на меня.

Любовь мертвеца

Лермонтова – (мне это снилось сегодня) это вышло из слов девушки «ты взял мое лучшее». Потом она может это и отогнать от себя, зная, что она девственница, она может выйти замуж, а то было «увлечение», но это все будет второй сорт, удовлетворения ей не будет, она обручена с мертвецом.

Ястреб и тетерка

Все произошло на моих глазах, почти из-под моей собаки он взял ее, и я не успел выстрелить. Но мне осталась мысль, что и все так, что сама материя не противопоставляется духу пассивно, а разлагается надвое: одно дается, другое берет. В охотничьем хозяйстве нельзя убивать всех ястребов, а то куропатки выродятся, надо знать меру: основной состав нужен. Разумная общественность основана по законам меры. Одни ангелы своими силами не могут управлять государством. Социализм имеет в виду одних куропаток. Вывод американский: сделать, чтобы для способного к творчеству – положение рабочего было временным.

11 Сентября. Утро неожиданно теплое, но небо совершенно закрыто серыми тучами, шел мелкий дождь. После обеда солнце и вечер такой теплый, чисто летний, что на болоте явился в достаточной силе комар.

Я ходил с Кентой по Иванковской кочковатой поскотине в поисках дупелей, ничего не нашел и явился домой с бекасом и погонышем. Видел много журавлей. Петя принес с Константиновского болота дупеля и семь бекасов, видел он еще одного дупеля. Думаю все-таки, что пролетный дупель понемногу идет и завтра пойду, проверю свои болота.

Вечером пошли на утиную тягу в свое болото, по пути убили гаршнепа (того самого, по которому учился Ромка) и двух бекасов. Утки летели плохо. Бекасы бешено носились. Месяц вышел огромный красный.

Когда Петя отделился с Яриком от меня и выстрелил по бекасу, Ромка стал скулить и лаять, я его бить. Он понимал, за что бьют, но не мог сдержать себя, уткнув нос в болото, чтобы заглушить себя, но и там громко хрипел, и грязь летела из-под его носа вверх от сильных его вздохов. В конце концов я его победил, и он залег в куст на весь вечер.

Когда месяц поднимался, то мне было, будто и меня он с собой вытянул из-под земли, и я по-новому оглянулся на уходящие вдаль темные стога, на лес, на все вокруг, потом исчезло все: счеты, меры и сроки, добро и зло...

12 Сентября. Дупелиный святой: Александр Невский.

Надо знать мою страсть к охоте, то бешенство, в которое впадаю я, чтобы понять, как приходится мне сдерживаться при стрельбе. Эта страсть включает в себя, конечно, и ревность. Вот на днях, когда я убил 4-х дупелей за рощицей, куда я не заглянул, потому что дупелей там не бывало, и, казалось мне, быть не могло, раздался выстрел, и когда я поднялся из болота по тропе, то увидел охотника с белым пойнтером. Пока я пришел домой, этот охотник сделал четыре выстрела. Потом эти выстрелы мне спать не давали, я ужасался мысли, что кто-то у меня из-под носа взял дупелей. На другое же утро чуть рассвело, я был на этом месте, проверил и успокоился: в высокой траве дупелей не могло быть, неизвестный, наверно, стрелял в погонышей. И так могло быть: приди ко мне неизвестный, спроси у меня, я сам бы свел его и указал дупелей. Сегодня было еще смешнее, я убил двух дупелей на поскотине, заключенной между Ясниковским, Гороховским и Алмазовским. Несомненно, тут оставались еще дупеля, но я решил перед подробным осмотром пройти дальше ручьем и осмотреть узкую полоску кочкарника. Я не ошибся, дупель там нашелся, я убил его. Надо бы дальше немного пройти, но, оглянувшись на оставленное мною болото, я увидел над ним низколетающего ястреба, который, очевидно, тоже охотился на дупелей. Тогда я бросил ручей и пошел скорей туда к ястребу.

Я убил всего сегодня 5 дупелей и одного жирного бекаса. Ромка неважно работал. Это была охота на большом пространстве при сильном ветре. Взволнованный высыпкой, я предъявил к молодой собаке большие требования и часто выходил из себя. Вот недостатки Ромки:

1. Поиск слишком широкий, и потому приходится держать свисток почти неотрывно у губ.

2. Часто неверная пойнтеровка. Иногда это объясняется при сильном ветре сквозняками в кочках. Бывает, например, соба-

ка чует дупеля издали, верно идет, но когда приближается настолько, что ветер приносит запах сидящего за кочкой дупеля через голову собаки, она или проходит впереди мимо дупеля, или, как часто делает Ромка, бросается Бог знает куда проверять назади, а потом теряет то место, а охотнику дупель этот попадает под ногу. Я потому не могу утвердительно сказать о неверной пойнтеровке.

3. Подводка небольшими стойками, после которых он быстро пробегает вперед. Хотя весь процесс довольно продолжительный, и редко приходится не поспевать даже очень издалека, но все-таки желательно бы иметь последнюю стойку на значительном расстоянии от птицы. А у Ромки имеется расчет сделать мертвую стойку, когда птица у него под носом. И потому мертвая стойка у него очень редко выходит. Мне нужно этот недостаток исправить, потому что Ромка страшно винится, когда птица слетает без выстрела.

4. Слишком бурный розыск. Напав на след и вдруг потеряв его, Ромка стремительно мечется на коротких ногах, пригнув утюг к кочкам в сторону, назад, пока не найдет более свежий след. Так его бросает иногда Бог знает на какое расстояние.

<*Запись на полях*> Пусть религия – дурман для народа, но от своих охотничьих святых я никогда не откажусь. Петров день, когда раньше разрешалась охота, Ильин день осенняя.

<*Приписка на полях*> В писании утверждайте жизнь по своему опыту и вере.

Я вернулся в 11 ч. страшно усталый, потому что с Ромкой серьезная охота очень трудная. В 12 ч. была сильная гроза с ливнем. Лег спать. Но Петя не пощадил меня. Явился с одним бекасом весь мокрый. И ходил чуть ли не возле дома (это во время-то высыпки!) У него есть часы. Он знает, когда я ложусь спать. Конечно, рассердился.

Писатели!

В писаниях своих утверждайте жизнь своего опыта и по своей вере.

13 Сентября. Теплая ночь, совсем как летом, даже перед восходом не похолодело. Это утро «осенней весны», редкое, драгоценное. Я вышел с рассветом, а в 10 утра уже стало жарко ходить. На вчерашнем месте я не нашел ничего, и это доказывает, что Ромка отлично обнюхивает.

Сегодня я взял с собой записную книжку, чтобы записать всю охоту, трудно жить этой двойной жизнью – страстно охотиться и хладнокровно тут же записывать, но я привык и могу. Я думаю даже, что если бы распяли, и смерть не пришла, то и

к положению на кресте можно было бы привыкнуть, и даже начались бы какие-нибудь ежедневные радости, драгоценные тем, что им бы уж, кажется, никто не позавидовал.

Я убил сегодня трех дупелей на Родниках вблизи канавы, где пасут лошадей.

Первый дупель. В кочковатой лощинке Кента понюхала и вытащила свой утюг, уверилась и пошла прямо на коротких ногах между кочками. Дупель полетел прямо и низко, но был еще утренний полумрак, и на прицел попало только белое хвостовое перо. Дупель оказался подраненным в крыло. Чтобы вернее стрелять, я подождал немного, из синей хмари показался красный не сверкающий, как лунный, взлобок солнца. Полная луна совсем побледнела. Показалась пара журавлей, летящих в горизонтальном согласии. Я пустил Кенту, и она сделала полукруг, стала и повела.

Это был бекас, но уверенный, что вылетит дупель, я приготовился стрелять с выдержкой и точным прицелом. А потому я пропустил момент для верной стрельбы и промахнулся. Это уже у меня не первый промах в бекаса при охоте на дупелей, одна стрельба противоречит другой. В дупельной охоте стрельба детская, дело не в стрельбе, а в находке, дупель интересен, как белый гриб среди березовиков.

Второй дупель. Кента остановилась, но пропеллер, как я называю ее короткий хвостик с белым концом, играл. Она повела прямо на коротких, опять стала. Пропеллер все тоже чуть-чуть играл. Мы стояли рядом. Я сказал тихо обычное «фун-ты!» Она пробежала несколько шагов на коротких ногах и опять стала. Пропеллер больше не двигался. Я заговорил себя так стрелять, чтобы не было подранки в крыло, как это часто бывает у меня при кучности боя, и совсем тихо сказал: «фун-ты!» Кента двинулась, и дупель полетел так же низко, как первый. Этот был чисто взят. Заряжая ружье, я взглянул на небо. Солнце уже поднялось. Ветер усилился. Колыхаясь, летели четыре журавля.

Третий дупель. Кента повела, но сквозняк между кочками от сильного ветра обманул ее, она дупеля прошла, но продолжала вести, отчасти по упрямству, отчасти в надежде, что встретится опять с запахом. Вела со всей строгостью, а пропеллер вертелся, и я понимал, что шли неверно. Наконец, она посмотрела на меня, спросила, не знаю ли я, и осторожно стороной махнула назад и там надолго закатилась в наброде. Перемещаясь за ней, я сам наткнулся на дупеля и перехватил его боковой полет.

Вот что и такая опытная и разумная собака при ветре могла обмануться и зарыться в наброде, показывало, как несправедлив вчера я был к Ромке. Неверно указывают на дупелей как на лучший материал для обучения молодой собаки. Кочки при ветре в сквозняках, они постоянно бывают ширмами от ветра;

собака, теряя запах, горячится, мечется из стороны в сторону и, наконец, закапывается в наброде или в розыске наугад. Для молодой собаки только бекас! Вот тоже нельзя обижаться на Ромку за далекий ход при ветре на большом открытом болоте, запахи сманивали и Кенту одинаково в большую даль.

Охота на бекасов вполне бесполезная, тут исчезает всякая иллюзия добычи.

Одна лепешка коровья была не только истыкана, а на ней оставался даже и кал, верно бекас набекасил (не знаю, одни ли дупеля тыкаются в коровяк или тоже и бекасы?), дупелиные кочки веселые (зеленеют).

Если очень захотеть, то не промахнешься в бекаса, все равно как если спичка одна, то и на сильном ветру непременно закуришь.

«Гора» в полукружии речки, по речке ольха, и этот ольшаник, как сеть, всякая летящая птица не перелетает ее, а остается в болоте.

Бекас, гонимый охотником, даже после двух выстрелов на всем лету определяет удобное место и ткнется непременно возле сырого местечка.

<*Приписка на полях*> Стрела, пронзающая юность.

14 Сентября. Вот уже два дня после обеда гроза и даже очень сильная и странная в сентябре. Рассвет сегодня был тяжелый, другой сказал бы, это будет дождь непременно, я же привык к облакам, были сегодня облака ледянистые, дождя не обещали. Когда я спустился на первом рассвете по тропе Берендея, в Константинове догорал сенной сарай, и этот пожар был вместо утреннего светила. Вчера Фед. Ив. сказал мне, что он на Михалевских полянах спугнул дупелей, я давно на них не заглядывал и сегодня решил начать с них.

1-й дупель встретился вблизи тропы Берендея. Ромка, вижу теперь, должен быть каждый день на работе, потому что за сутки отдыха он наливается страстью прогрессивно. Я сам это по себе чувствую, чем больше вхожу в охоту, чем больше утомляюсь, тем сильней после отдыха тянет опять на охоту. Как только почуял Ромка дупеля и он ошибся при подводке, так и начало его швырять в разные стороны. На коротких ногах с выпирающими мускулами, с утюгом в одной горизонтали, только чтобы гладить кочки, он с невероятной скоростью, крайне удивительной при неестественной позе, рыскает во все стороны, пока не натолкнется на более свежий след и по нем принима-

ется подводить. Сделает короткую стойку и перебежит, опять стойка, и вдруг назад молниеносно, и поймал в стороне, и опять стойка, и опять. Безумная страсть передается охотнику с готовым ружьем; оглядываешься туда, сюда, перебегаешь, сердце колотится. Вот стал, видимо, окончательно, только далековато, бегу, а он за это время решил сделать еще маленькую перебежку поближе к дупелю, двинулся, и тот взлетел. Выстрел смаху, на ходу, неверный, дупель улетает и пропадает в кустах.

У меня, наконец, открываются глаза на работу Ромки по дупелям. Он ходит по ним, как по тетеревам, чего я в нем боюсь, чего пережидаю и не пускаю по лесу, пока он не образумится. Так и надо различать охоту, не по птицам, а по условиям работы собаки, есть две охоты, одна по болоту (мокрому), другая по суходолу.

Дупелиная охота ближе к тетеревиной, если только дупель не живет в условиях бекаса. Жирные дупеля, по которым я охотился с Ромкой, находились на гладких, мокрых местах, и потому мне казалось, все хорошо: но сам он работал как по бекасам.

Тогда я не мог проследить и неудобств его очень широкого поиска, и эти безумные броски на коротких ногах по наброду, и, главное, незаметно было, что птица слетает, в сущности, от его движения. По бекасу это нельзя проследить, по бекасу он ведет черным чутьем, очень издалека, останавливается, опять ведет, опять останавливается, бекас очень редко подпустит в упор на мертвую стойку. И если бывали такие случаи, то обыкновенно я подходил, и бекас взлетал от меня. Не раз было, что бекас взлетал и без моего посредства, когда Ромка стоял истуканом и потом, не двигаясь, провожал его удивленно. Вся эта продолжительная бекасиная охота была ширмой, открывшейся теперь беды: окончательно мертвой стойки по дупелю у Ромки нет.

Взволнованный всем этим, и беготней, и промахами, и упущенным дупелем, я на целый час бросил охоту и решил, прежде всего уходить Ромку на его карьере, чтобы он держался не дальше 50 шагов. Я прятался за кочки, он искал меня, показывался, свистел, кричал, все было, и так мало-помалу я взял его в руки и продолжал.

Второй дупель. Он был возле куста на скошенной полосе без кочек, как бекас. Ромка взял его по ветру далеко через широкую травяную поляну и повел струной. Остановился раз и два, утвердился. Но в последний момент он двинулся, и дупель взлетел, потому что был ранний утренний час, и он был еще на кормежке, значит, сравнительно строг. Был взят, но чисто по-бекасиному, мертвая стойка отсутствовала.

Третий дупель нашелся вблизи и взят был совершенно как первый, по-бекасиному, я опять отметил последнее движение, вследствие которого именно и взлетел дупель.

Первый бекас. Нашелся на той же скошенной зеленой мочевине. Ромка очень осторожно повел по ветру и стал в 40 ша-

гах, во время этой стойки бекас взлетел и был сразу схвачен выстрелом. Вот пример отличной работы по бекасу, маскирующий совершенно то вредное движение. Вскоре после этого Ромка работал на той же мочежине по журавлю и так же осторожно и тихо, как по бекасу. Это пример, что подводка зависит не от птицы самой по себе, а от условий, в которых птица живет.

Мужик и баба. На Ясинковском болоте давно прогнали скот, надеяться на встречу с дупелями было трудно. Но перед работой на большом сухом кочкарнике я решил час помять ход Ромки на этом кочкарнике, почти сухом, части дупелиного болота. На холме пахал мужик и, как только увидел меня, стал к лошади задом и глядел на меня. Я ходил и свистел, поднимал руку, укладывал Ромку, опять опускал, наказывал, одобрял. Мужик весь час стоял к лошади задом. Потом я скрылся от него минут на десять в лощину, а когда вышел из нее, на том же месте, на той же лошади пахала баба, вероятно, сменила его жена. Я сильно свистнул. Баба оглянулась, чуть-чуть задержалась глазами на мне, но лошадь не оставила. Я еще с полчаса занимался собакой, она ни разу не взглянула, кончила пахать и уехала.

Второй бекас.

Переходя на большое сухое болото дупелиной высыпки на мочежине попали на большой наброд. Ромка медленно ползал по нем, бекас взлетел без стойки, и был взят счет прежний, почти как молодой дупель.

4-й дупель. Но вот переходим мы на сухое, и Ромка мчится в карьер, я сдерживаю свистком на ходу, он натыкается на дупеля, и тот улетает далеко в кусты. Проводив его глазами, Ромка лег, и когда я подошел, он часто заморгал, а когда я совсем приблизился, повалился и подставил бок для битья. Но такой промах за ветром бывает со всеми, и я только строго выговорил.

5-й дупель был среди островка зеленых сочных веселых кочек против К... Ромка, переутомленный, бегал сдержанным галопом, взял в наброд, метнулся на коротких ногах в разные стороны, повел между кочками. Сделал стойку. Я попробовал крикнуть «тубо» – никакого внимания, и вдруг со стойки молниеносная перебежка через десяток кочек, и опять стойка очень напряженная, с носом, уткнутым в коридор между кочек. Я, держа ружье наизготовку, ухитрился хватить его плеткой и уложить. Он лег, ничего не понимая. Я знал вперед, дупеля не было. «Вперед», – сказал я Ромке. Он перебежал опять молниеносно вправо через десять кочек и стал. Мне показалось, что уже окончательно, однако и тут был не конец. Он вдруг хватил круто влево и замер. Потом двинулся, и в тот же момент вылетел дупель, и он стал. Сам удивился, как я, очень взволнованный, его не упустил.

Шестой дупель. Нашелся среди сухого болота на мокром месте без кочек. Ромка взял его далеко по ветру, как бекаса, но в последний момент соблазнился набродом, закопался, и дупель, страшно вялый, вышел из-под моих ног. К счастью, я удержался от близкого выстрела и не разбил его.

<*Запись на полях*> Погоныш вылетает, как мотылек, неслышно.

15 Сентября. Теплый пасмурный лень. Отправились с Петей далеко по тетеревам, дошли до Борисова и в ходу были почти без отдыха 12 часов. Первые часы в лесу после болота осенью были прекрасные, тетеревиная охота казалась не так интересна по работе собаки и по стрельбе и не заменима болотной охотой по своей обстановке – прекрасный воздух, красиво, сухо.

Но как измучили старые тетерки без выводков, и неприятно было нечаянно убить двух. Второй день замечаю, что бекасы стали показываться на сухих пригорках, среди можжевельников, не говоря уже о дупелиных местах. В мелких кустах много показалось коростелей. Сильно полез гриб, подосиновик и белый. Дупелей на новых местах совсем не нашли. Пронесло двух тетеревей и коростеля.

Поутру невидимый пастух, выгоняя стадо, так чудесно играл на свирели, мы с Петей остановились и задумались, но вдруг, вероятно, корова отбилась, и грустная мелодия оборвалась матерным словом.

<*Запись на полях*> Под Иванковым в можжевельнике у поля вылет тетеревей – спугнули 4-х петухов.

Вечером явились Лева с Мишей Коноплянцевым. Лева привез мне 1-й том моего Собрания. Вот постарались издать, даже неловко: есть в этом томе порядочный хлам.

Ночью был долгий дождь и небольшая гроза.

16 Сентября. Утро собралось перед дождем. Возле нашего дома токовали тетерева. На клеверном поле собралось 4 петуха. Петя услыхал их на сеновале, встал, подкрался и убил одного.

Мне пришлось идти с Левой, который не может по-охотничьи думать и жить в этом, он неустанно рассказывает новости из студенческой жизни, а Ромка требует усиленного внимания. Лева и Ромка так с разных сторон выбили меня из себя, что я промахнулся по двум дупелям. Сегодня еще виднее показалась неустойчивость Ромки по дупелям, но само дело показало и выход. Раз на большом расстоянии от нас он стал подводить, и когда мы стали ему кричать издали, остановился и дождался. Вот, значит, 1-е – надо стараться держать его ближе и 2-е,

обрывать его подводку и заставлять лежать. Так можно охотиться, но вот вопрос: как добиться от него понимания границы, на которой ему следует кончать подводку и стоять мертво. Охотник, не видя, не чуя дичи, не может указать эту границу. Вот пока одно возможно: это, когда явно видно, что дичь возле, то взять на сворку и держать как можно дольше, и если собака двинется и спугнет, то в этот момент не стрелять, а хватать хлыстом по собаке. Так это мы и сделаем с Петей.

Бекасы опять встретились на сухом. Дупелей нашлось на всех болотах только три, несмотря на то, что день я пропустил. Мы взяли 1 дупеля, 1 бекаса и 1 коростеля.

Лева отправляется ночью. Его счет: Дано 20 р. с 30 августа по 15 сентября. Дано с 15 сентября по 15 октября 50 руб.

Поручения Леве.

1) В Сергиеве. Узнать, к какому сроку после заявления надо застроить участок, и если не к этой весне, то заявить и уплатить 7 р. 65 к.

2) В Сергиеве. Узнать в Банке, пришли ли деньги из Москвы и сколько.

3) В Москве. Если деньги за июль и август не выплачены, то узнать, когда они будут выплачены. Причем, если в Москве будут опять говорить, что им неудобно платить в Банк, то сказать, что из Ленинграда было очень удобно, почему им нельзя.

4) Взять копию договора и получить 1-й том – отправить посылкой Яловецкому, 1 экз. отдать Коноплянцеву.

17 Сентября. Светлая лунная ночь, и после рассвета сильный мороз, трава шумела под ногой, как сухая, и очень скользила. Везде кругом токовали тетерева, гурковали и чуфыкали, как весной. На клевере там, где весной токовали 15 петухов, теперь осенью ток продолжается, и замечательно вышло: Федор Иванович еще месяца два тому назад сказал, что из 15 им убито 11, значит, осталось четыре, и вот как раз теперь 4 и вылетело, и на токовище. Значит, можно заключить, что осенний ток есть продолжение весеннего.

Вчера ласточек еще видели, сегодня мы их не встретили. Обошли с Ромкой все болота и нашли только двух дупелей. Одного взяли, другой был подбит и затерялся. После вчерашнего Ромка ходил много спокойней и, по-видимому, ему надо ходить каждый день, не надо давать ему застаиваться.

Есть женщины такие значительные, что кажутся всегда старшими, и если есть у них мужья, то они ими как бы проглочены.

Часто муж, такой талантливый, влиятельный человек в обществе, но все равно, это его мужское дело, в сравнении с тем большим каким-то материнско-женским, что есть в его жене, кажется слишком маленьким. (Такие Мстиславские)

Женщина в водовороте («инфернальная»), ее оттталкивает рождение ребенка (потому что именно из-за этого, что она не может быть «счастливой»), она летит к погибели. А-в почти оскорбил ее, когда сказал, что у него есть ребенок. Еще у А-ва была некая эстонка Мария, и ее он тоже оскорбил, пожелав ей иметь ребенка. Значит, все около этого...

«Дульцинирование».

Данные организма: половое желание; удовлетворение половое: самка; удовлетворение социальное: жена; удовлетворение духовное (у берендеев): жена становится матерью, и человек через это вступает в родство со всем миром. Неудовлетворенное половое чувство (вернее, отсеченное, превращенное) разрешается чисто «духовным» состоянием человека и общением с Прекрасной Дамой в творчестве.

Половое чувство начинается душевным движением, которое в зародыше содержит всего человека. Так, у Алпатова сразу встали с первым движением полового чувства: 1) половое удовлетворение (быть, как все живое); 2) иметь жену, значит, быть самостоятельным, т. е. быть, как все люди; 3) быть творцом.

Значит, если все одновременно, то все в противоречии: воздержание от полового чувства до брака, воздержание от брака для творчества. Напротив, если взять все в этапах переживания, то противоречие разрешается..

Вопрос «дульцинирования»: начало движения чувства сопровождается «избранием», «она», значит, лучше всех на мой вкус. Это избрание «на свой вкус», вполне естественное, может при известных условиях превратиться в избрание на всеобщий вкус: «моя дама лучше всех», и рыцарь сражается за ее первенство. Этот процесс универсализации Девы может сопровождаться полным забвения истоков самого чувства (Альдонса), и от женщины остается только принцип «Дульцинея». Тогда забытая Альдонса мстит рыцарю Дульсинеи, показывая ему в жизни обратную сторону (рыцарь везде натыкается).

Месть Альдонсы (значит, все «бабы».)

Теперь переходим к анализу самой возможности возникновения такого принципа Дульцинеи, который обращается против своего начала, т. е. против полового желания, связанного в процессе своего удовлетворения непременно с заботливым вниманием к Альдонсе (мое: «родственное внимание»).

18 Сентября. Ночь тихая светлая была, и опять срыкнул мороз, но с восходом поднялся ветер и смахнул белое, а позади кустов лежала еще долго и после восхода белая тень грядущей зимы. Теперь с опенками плохо, едва ли явятся. Лист потек.

Ходим по тетеревам напрасно, выводок загремел далеко, петух убежал и снялся не в меру. Напали случайно против Филипповского на тесную высыпку бекасов. У нас было толь-

ко по несколько штук зарядов с бекасинником. Мы решили стрелять только верных бекасов, и потому оба стали, как перестарелые вековухи, не можем остановиться в выборе, бекасы летели со всех сторон, а мы не стреляем. Принесли только трех. Поднялся сильный, какой-то мертвый ветер.

Продолжение «Дульцинирования».

Половой акт невозможен без «ухаживания», т. е. внимания к самке и, следовательно, явление Дульцинеи, через которую не видна естественная жизнь, противно половому акту.

19 Сентября. В предрассветный час дождь, потом и рассвело, но при теплом мелком дождике, который не помешал нам выйти на охоту. День сложился пасмурный, умеренно теплый, прекрасно охотничий. Петя убил на Михал. полосах двух дупелей, я убил бекаса и гаршнепа на Алекс. болоте. На Ясниковском дупелей не было.

<*Приписка на полях*> Детское село, Колпинская, д. Кучумова – Иванову-Разумнику.

На рассвете, когда шел на Ясниковское болото, журавли хороводились, как будто спросили о чем-то, и потом из всей массы отделились три и полетели от них в другую сторону.

Токовал тетерев у самой дороги, гурковал и чуфыкал, близко подпустил, с ним были, кажется, две тетерки. Вполне можно охотиться и по токующим. После 9 ч. я опять к нему подошел, и когда он взлетел над кустом, выстрелил, выбил много пуху, но тетерева не нашел.

Продолжительная охота возможна, если дома есть, кто с радостью берет убитую дичь, и еще есть, кому рассказать об охоте. У меня Е. П-е дичь только подавай, а рассказываем мы с Петей друг другу долго и с мельчайшими подробностями.

Бекасы стали похожи на сонных, осенних мух – на отравленных мух, и какие-то сонные, и встречаются не на своих местах.

Под вечер пошел промять Ромку, по правую руку от трона Берендея открылись отличные мокрые скошенные полосы с невысокими мягкими кочками, и сразу нашелся дупель, потом другой, бекас, другой, и всех их я взял без промаха.

Возвращались в полумраке, болотные совы вились над Ромкой, тут же садились на кочке, и ушастые провожали нас большими круглыми глазами.

Я был счастлив этой картиной и удачной охотой. Мне ясно представилось, что Дульцинея это как солнце, и рыцарь слепнет, потому что смотрит на солнце. Так, чтобы любоваться сол-

нцем, нужно обернуться к нему задом и внимательно разглядывать освещенные им предметы. Да вот и сам Бог, если смотреть в его сторону, ослепляет ум, который начинает или отвергать Его или доказывать Его бытие с помощью высшей математики. Чтобы видеть Бога, нужно, как и с солнцем, повернуться к Нему спиной, взять чурочку, вырезать из нее небольшого божка и в утренней и вечерней молитве связывать с ним все свои действия, уверяя себя, что это он все посылает, если все тут хорошо, и если плохо, то мешает черт. Если не хочется или не можешь молиться чудотворной чурочке, как дикари, то заведи себе тетрадку и пиши в нее вместо молитв стихи, воображая все-таки, что у тебя под подушкой лежит чурочка, представляющая бога взамен непостижимого принципа, лишающего человека совершенно его разума.

Иной, прочитав это, назовет меня скептиком или безбожником, но это совершенно неверно, как неверно создалось представление самого скептицизма. Я вовсе не равнодушен к чурочкам, которых люди себе берут вместо бога, я, например, с большим интересом отношусь к чужим для меня чурочкам, научаюсь через них понимать жизнь на земле, я ненавижу тех чурочек, которым заставляют меня поклоняться и присягать, наконец, у меня есть множество своих собственных любимых чурочек, между которыми я всей силой души стараюсь создать единство. А о моем безбожии могут говорить лишь те злодеи, которые, навязывая свои чурочки другим, в них не верующие, хотят установить через это свое господство над умами и чувствами людей.

20 Сентября. На рассвете я вышел до ветру и устроился за сараем против прудика. Прилетела утка широконосая и села на пруд.

Открываю поутру окно, слышу, токует тетерев на клевере. «Петя, – бужу я, – слышишь?» – «Слышу», – говорит он.

Вчера я велел Ромке подходить к убитому дупелю, лежащему в траве. Он сделал по нем стойку на большом расстоянии и стоял, недоумевая – откуда пахнет, и когда стал подходить, то не в том направлении, и когда потерял запах, шарахнулся далеко в сторону.

Если бы дупель был жив, то Ромка, сделав верную стойку сначала, потом наткнулся бы на следы и стал бы по ним карячиться долго, пока охотник, следуя за ним, не спихнул бы дупеля ногой.

Так постоянно бывает у нас с Ромкой. Я делаю предположение, что так происходит от слишком сильного его чутья. Близкий запах залепляет чутье, нужно отбежать от него, чтобы почуять. Итак, близко определить не может, а потом ведет верно.

Еще неудобства большого чутья показались вчера на бекасе. Ромка был далеко от меня. Я свистнул, чтобы его подозвать, но в это время он, высоко задрав голову, причуял и не пошел на свисток, очевидно, боясь упустить струю ветра. И потом, колыхаясь, как яхта, задирал голову выше и выше, набегом стал захватывать воздух: это он понимает, что чем сильнее движения, сильней и пахнуть будет. Наконец, он добрался до верного запаха и стал. Пока я добрался через огромное расстояние, он тоже попробовал поближе добраться к бекасу, и тот, взлетев, пересел шагов на десять. В это время он расслышал свисток, обернулся ко мне и виновато лег. Я подошел, наказал, велел следовать сзади и пошел впереди к бекасу. Когда я приготовился для стрельбы, то оглянулся и увидел, что Ромка сзади меня тоже стоит с подогнутой перед ним лапой.

Сегодня сеет дождь, но с перерывами, во время которого успеваешь обсохнуть немного. Была даже радуга. Ветер не очень приятный. Поутру тетерева не бормотали, но осенью для них нет положенного времени, и в 11 дня один завел все-таки свою музыку. Сегодня Петя отправился проверять все Берендеево царство, и я взял влево от Берендеевой тропы в Сибирь. Дупелей в Сибири не оказалось, и думаю, вчерашние два, взятые мной, попали сюда из метрополии.

Бекасы нашлись на прежнем месте против П-го леса, опять все были кучкой и очень строгие. Кента совсем измучилась по ним и, наконец, стала смотреть на меня, не знаю ли я, как можно к ним подбираться. Это, наверно, сошлись бекасы с Иван. болот, где теперь их вовсе нет. В лесу нашлась тетерка с поздним тетеревенком и потому меня подпустила. Тетеревенка я взял. Недалеко от дома в кустах возле растоптанного скотом болота нашел, наконец, первого вальдшнепа. Хозяева копают картошку. Под потолком появился лук.

Петя во всем Берендеевом царстве нашел двух дупелей, принес одного, двух бекасов и погоныша. Из всех убитых дупелей было три особенных, с виду более серых, чем наши, а на самом деле собственно серые наши, а у тех на брюшке по белому пятен больше, и оттого они кажутся более серыми, между тем как эти пятна и на брюшке, и под крыльями коричневого цвета: в этом главное отличие, у нас пятна серые по белому, там – по белому коричневые. Сторож Егоров считает этих дупелей пролетными.

Сегодня, когда Кента жалась ко мне, спрашивая, как быть с бекасами, вылетающими без всяких правил, я под влиянием дурной погоды или упадка духа от недостатка дупелей долго не мог решиться стрельнуть, и когда стрельнул, то дал промах.

Я вообще, в среднем, очень посредственный стрелок, вероятно, потому, что нервный человек по характеру своему: я часто стреляю блестяще, но так же часто из рук вон плохо. Для хорошей стрельбы мне надо быть в обладании полного своего жизнеощущения, или, как часто бывало тоже, при пониженном жизнеощущении вдруг как бы «выйти из себя», сделав случайный хороший выстрел, с этой удачей связывается другая, и так, выйдя из себя, там, в этом повышенном состоянии, находить свой верный расчет, меру, даже метод; каждый вылетающий бекас мелькает белым брюшком, и кажется, в этом совершенно бываешь уверен, что так будет всегда.

И вот на другой день выходишь с этим найденным методом быстрой решительности при стрельбе, готовишься к выстрелу вдруг куда-нибудь по виляющему бекасу с вызывающим криком, и вместо него вылетает бесшумно, как мотылек, растрепанная коростель. Вместо моментального выстрела берешь не на мушку, ружье почистил, мушка играет, и после выстрела коростель улетает невредимая. Этот промах поселяет раздумье, и когда вылетает бекас, вдруг не решаешься бить, потом схватываешься, что еще можно, и стреляешь или не в меру, или неверно, и сам знаешь, что совсем неверно, и удивляешься себе: «если знал, что неверно, то зачем же стрелял!»

Я теперь, однако, после долгой стрельбы нашел себе верный метод стрельбы по бекасам и поэтому могу считать себя вообще средним или неплохим стрелком: метод этот состоит в том, чтобы с самого начала не угнетать себя раздумьем о промахе, стрелять и стрелять, считая, что за каждый промах потом бекас непременно ответит. И вот обыкновенно после трех, четырех промахов я наконец одного убиваю и потом непременно второго, третьего, и когда потом подсчитываешь, – убитых бекасов оказывается больше, чем промахов, значит, и хорошо, это и есть моя норма.

Такая стрельба, как и всякая страсть, берущая в данный момент всего человека, если подумаешь, отражает всегда всю перспективу своей собственной жизни, и видишь себя насквозь в своем жизненном деле: тоже и там весь успех, все достижения, наконец, обретение уверенности в себе в чувстве твердой земли под ногой сложилось, когда перестал бояться своих промахов, своих неудач, и в этом нашел свой жизненный метод пережить неудачи с терпением и даже иногда с веселостью. Все берендеи это очень хорошо понимают, и когда у одного не выходит, другой помогает ему, утешая: «не все в кон, можно и за кон».

Из статьи Замошкина о мне:

«Его художественное мышление обращено не в себя, а как бы в свое зеркало – он смотрит на себя как на постороннего. Реальное бытие чужих «я» для него закон. Отсюда инди-

видуальность М. Пришвина воспринимается через призму, общую для всех людей». По-моему, это сказано замечательно, и я, правда, что-то создал, если только не всякое эпическое повествование создается именно на этом пути, т. е. смотреть на себя как на постороннего и признавать реальность не только чужих «я», но и всяких вещей, как у Гомера, у Толстого и у всех подобных им писателей, созерцающих жизнь людей целостно, а не частично, подпольно.

Перечитал внимательно всю «Кащееву цепь» и так сужу: «Голубые бобры» – 5, «Маленький Каин» – 4, «Золотые горы» – 3, «Бой» – 4 с минусом (хуже «Каина»), «Тюрьма» – 5, Зеленая Германия меня еще волнует, и трудно судить, но, кажется, хороша. Боюсь, однако, что Зеленая Германия сравнительно с «Голубыми бобрами» выезжает на внешнем блеске. «Голубые бобры» имеют лицо самого обыкновенного и невидного человека с большим затаенным внутренним миром – в них больше человека, в Зеленой Германии – больше Германии, все равно как в «Каине» больше гимназии.

Итак, 2-й том «Кащеевой цепи» (Любовь) теперь начинается двумя звеньями, чрезвычайно слитыми (Тюрьма и Германия) = 5 листов. Предполагаю, что всего будет 12 листов, значит, останется 7. В отличие от 1-го тома в этом романе не будет разрыва между звеньями, он должен беспрерывно поднимать читателя. Он будет иметь один сюжет: Алпатов достигает Ину: Ина есть подвижный предмет, как Колобок. Правда, на момент он ее достигает, но только временно, видит редко, она от него убегает. Да так и надо ухитряться пасть, чтоб это заметно было: догнал, а она из-под рук (это произойдет в Париже), и потом в России он опять за ней, пока Берендей не научит его, что нельзя человеку смотреть на солнце: глаза слепнут.

В романе должен быть изображен священный акт рождения человека, и это будет акт «половой», а не тот суррогат его, который называется «духовным» актом, «духовным рождением». Только через пол можно обрести истинное сочувствие к «униженным и оскорбленным», словом, надо воспользоваться («материализоваться») и так пережить это унижение. Оно так и должно быть, если человек сброшен на землю и узнает впервые соседей, своих людей, которые тоже все были сброшены («боль»).

Ина для читателя только просвечивается, она загадка, она двойная, она – вся женщина, вся ее сущность непостижимая, как сама жизнь в своей текучести: надо самому течь, самому жить, и тогда станет понятным. Значит, Ина потому же недоступна, почему и разум не может схватить и, значит, умертвить всю жизнь. И вот почему спасение Алпатова в природе у берендеев.

Звено, в котором Алпатов догоняет Ину для того только, чтобы она от него ускользнула. Лейпциг и Версаль. Солнце – принцип.

Звено, в котором Алпатов... достигает положения и не может достигнуть. Крушение разума и падение. Тут возможна рука помощи от теософов, чтобы понять бессмыслицу «духовного рождения» для тех, кому надо просто жить. В соответствии с другими звеньями следует и здесь вкрапить эпоху, но едва ли удастся: это было в 900 годах перед первой революцией, начало декадентства; эта эпоха для Алпатова должна исчезнуть в сознании, т. к. он же поглощен собой. Его мистика уводит от земли. Но очень возможно, что изображение Нового Израиля заменит «общественность». Кстати, на этой секте можно подчеркнуть по контрасту и природно-личный путь Алпатова с его Дульцинеей и т. п.

Звено: рождение Берендея, это должно быть написано тем же тоном, как Родники Берендея, и очень возможно, что многое войдет в него из теперешних моих дупелиных болот. Жизнь у берендеев, как Миклухи Маклая в Новой Гвинее. Записочка в лесу и слезы.

21 Сентября. Дождь лил всю ночь. У нас в деревне уже нет ласточек, а в поле вчера Петя встретил табунок, верно, это пролетные.

У меня отчего-то опять шишка раздулась на шее, и на охоту идти не могу. Пойдет Петя с Ромкой проверить берег Дубны под Сковородиным.

Месть Альдонсы.

Начитался своей «опытной мистики» и под влиянием этого думаю о революции так: вся революция была, как «месть Альдонсы», унижены революцией были все, кто хотя бы в тайниках своей души презирал свою животность и выделял свою духовность. Равенство плоти – вот требование революции. Так один мужик, увидев портрет мужика Калинина с семьей и вспомнив, что царь тоже любил сниматься с детьми, сказал: «Один х...». Как бы сделать это литературным?

Один мужик из этой деревни, откуда вышел Калинин, увидев его портрет с семьей, сказал: «Вот и царь тоже любил сниматься с детьми». Я посмотрел на портрет и подумал: «один козырь». Конечно, мужик не козырь сказал, а другое непечатное слово, но все равно, он хотел этим сказать, что природа людей одинакова, а только живем мы по-разному.

<*Приписка на полях*> Начало письменности: один парень на шоссе во всю дорогу камушками выложил обыкновенное безобразное слово из 3-х букв. Я незаметно для него смотрел на работу и вспоминал гимназическое время, когда мне показали

словарь Даля: то же самое слово, которое складывал парень на дороге, было первое, что я захотел разыскать в словаре.

Другой пьяный на базаре в Талдоме пристал ко мне, желая высказаться в своем каком-то глубочайшем веровании, нес всякую ерудну и о солнце, и о Боге, и о <*1 нрзб.*>, и о царях, и пролетариях. Как вдруг дорогу нам преградил рогатый баран. Пьяница уставился в барана, когда его замяло, и он вдруг мне открыл то самое главное, о чем он хотел сказать. И он сказал... Но вот меня и остановило его замечание, потому что, конечно, он другое слово сказал, не козырь. Это было сказано вовсе не с тем, чтобы выразить превосходство человека в чем-то другом, духовном, нет, пьяница был просто удивлен, потрясен открытием не в унижении человеку, а скорей в открытии права барана на жизнь. И так он сказал: – А и у барана такой же козырь!

География моей охоты

Всегда едешь по реке и видишь, как в нее вливаются другие реки, а по Дубне едешь, то видишь, как из нее везде выливается вода и образуется огромная пойма или болотные заросли, иногда совершенно недоступные человеку. Речки только вдали от Дубны текут в нее, потом как бы задумываются, раскидываются бочагами по своим долинам и, наконец, совсем исчезают в осоке.

Сегодня весь день сеял дождь. Петя ушел на разведку к Сковородину. Я сижу дома, всматриваясь в свое далекое прошлое. Ноги мои отдыхают немного от охоты, и мысль тихая и ясная, такая трезвая: теперь безумие, которое казалось раньше таким страшным, является мне настоящим радикальным пониманием жизни других людей.

Петя вернулся только под вечер, сделав огромный круг поза – Иванкову до Берендеева и обратно. Он принес только одного бекаса и вальдшнепа, найденного на опушке леса возле озими. Теперь не остается сомнения, что высыпка вальдшнепов началась. Я его допрашиваю:

– А журавлей видел?

– У-у! масса, – говорит он.

– Что они делают?

– Ходят горбатые человеческими шагами.

– А ласточек видел?

– Вот я хотел сказать это: видел в поле большой табунок.

В Сковородине наше болото, разделенное Островом, продолжается, там это пойма с канавой на Дубну. Канава начинается плесом, а возле плеса место, куда вытаскивают лодки, называ-

ется «Исады» (общее название конюшни лодок). Едут на лодках по канаве, вокруг пасутся стада. Мужик кричит: «Пастух м... т... овцу утопил!» После этого похода легко представляется берег Дубны: мелкий непроходимый лес по кочкам с плесами, потом полоса частого болота и, наконец, деревенское поле на холмах; по временам береговая полоса леса прорезается чистой поймой, как в Сковородине. Между Александровым и Ясинковским, надо понимать, находится водораздел речек Вытравки и Кубжи.

22 Сентября. На рассвете моросит дождь. Но тетерев бормочет. Я к этому до того привык, что мне это все равно, как бой часов. Но этой привычки я не боюсь, потому что в природе столько перемен, что непременно что-нибудь да выведет тебя из тупого покоя привычки.

<*Приписка на полях*> по-за болотью, по-за болотью, по-за Иванкову, по-за рекой, по-за Кубежью.

Несмотря на дождь, я пошел посмотреть вальдшнепов, не нашел, заглянул в Междуречье: дупелей не было, только бекасы и гаршнепы. Так и надо считать, что кончилось передвижение гаршнепов и вальдшнепов. Бекасов после дупелей скучно стрелять. Я принес сегодня позорную норму: коростеля, гаршнепа и три гриба подосиновика. Наконец, конец! Царь Берендей объявляет свой переезд в свой зимний дворец.

Сегодня сборы, и мы с Петей завтра выходим, а Ефрос. Пав. выезжает послезавтра. Следовательно, всего вольного житья с 10 июля по 22-е сентября: около $2^1/_2$ месяцев. Довольно работы ногам, пора начать голове. Конец, конец!

<*Приписка на полях*> Петя принес 1 гаршнепа, видел дупеля и 7 гаршнепов.

В среднем это будет немного, если считать мою ходьбу по 25 верст в день, всего 80 дней, значит, пройдено 2000 верст и еще ведь по болотам! Расчет с хозяином...

Сочлись. Смазал сапоги. Е. П. пошла прогулять собак и сообщает: возле самого дома взлетел бекас.

Я говорю:

– Нет, Петя, по правде говоря, рано мы уезжаем, бекас только рассыпался, бекас теперь жаркий, как дупель, гаршнепы посыпали, вальдшнепы, а там гусь, там по заморозкам охота по дорогим жарким кряквам, могли бы еще...

Хозяин сказал:

– Благодарю, благодарю...

Я ему:

– Не за что, вас благодарю, а то в деревне много таких людей, только и смотрят тебе в карман.

– Совершенно верно, – ответил хозяин, – моральный человек в настоящее время совершенно запутался в паутине.

Хозяин бережет для меня самые свои драгоценные выходные слова.

– А что значит «моральный человек»? – спросил я.

– Это вы сами знаете,– ответил хозяин, – деревенский человек способен только на одно дело, и когда ему другое, он путается. А торговый человек способен на все. Вот у вас собака по бекасу ходит, умственное дело, а можно приучить, значит, она способна и на зайца, и по волку, а которая по волку способна, тоже ведь не может по бекасу! Вот так и торговый человек служит в торговле: он, как собака по бекасу, способен на все.

И стал рассказывать, как мальчиком он жил у хозяина и ему был экзамен 1-й – это обед у хозяина. Мальчик ест, а хозяин смотрит и после обеда говорит:

– Ты мне ненадобен, вяло ешь.

– А как вам было? – спросил я.

– Мне было, – ответил хозяин, – он сказал: «Оставайся, ты весело ешь, значит, будешь на все способен, ты – моральный человек».

<*Запись на полях*> Начать: «Русский язык природный».

– Разрешите сказать с точки зрения...

– Увольте <*2 нрзб.*>

– Разрешите, Мих. Мих.!

– Ладно, говорите.

– Я хочу сказать, что моральный человек в настоящее время запутался.

<*Приписка на полях*> Когда поэты и чувствительные граждане начинают говорить о гибели деревенской природы, меня это не задевает: девственность природы меня интересует не анатомически, я знаю женщин многодетных и девственных, знаю, наоборот, много развращенных девиц, анатомически девственниц.

23 Сентября.

Забытая книжка.

В 4.25 у. я вышел из Александровки. Рассветало. Кругом бормотали тетерева. Небо ясное. Все в ожидании мороза. Около Никольского зеленая трава от росы стала седою. Потом засверкал крест и стекла далекой церкви, и за Константиновским, когда солнце взошло уже, на свежеструганных бревнах засверкали искры мороза.

Теперь я забыл множество замеченных мной красок, вроде «седой зелени», и соответственно с ними каких-то волнующих воспоминаний из своей юности, и новые неожиданные оценки своих поступков через тридцать лет!

Помню, схватился за свою записную книжку, чтобы внести в них названия родников моих мыслей, вроде «седой зелени», и посредством этих отметок хотел восполнить извилистые пути моих мыслей. Но оказалось, что книжку я забыл дома. Я сожалел об этом одно только мгновение и потом, оглянувшись на раскинутую перед моими глазами долину, одетую низко лежащим белым плотным туманом, махнул рукой и сказал: «куда наша не пропадала!»

И мне представилось тогда, что Творец всего этого великолепия в природе проходил здесь тоже, забыл свои предначертания, и все осталось незаконченным. И вот почему, может быть, каждому, кто проникается воздухом сверкающего росисто-морозного утра, хочется тоже принять участие в личном творчестве, продолжить его. Может быть, вся природа казалась мне забытой записной книжкой Творца.

Брачный полет

Они встретились в трамвае. Сцена с рабочим. Они не узнают друг друга сначала. Потом он начинает горячо говорить о рабочем, и она взволнованно вспоминает о тюремном женихе. После того в Париже смех и т. п. Следовательно, в этом звене одна тема: тоска по родине, другая тема: как ускользнула невеста из-под рук.

«А там тебя сосна поведет через леса».

Очень грязное шоссе, смешалась даже в грязи и пешеходная тропинка, но мокрая грязь впереди далеко сверкала в осенних лучах солнца очень красиво серым металлом. Мне попался интересный спутник овчинник дед Григорий, который потом у меня ночевал в Сергиеве. Я предложил ему папиросу, он руками замахал: курение – это непробудное пьянство.

– Старообрядец? – спросил я.

– Нет, – заметил он.

Я же ему сказал, что курение моя слабость, но меня радуют мои дети, я сказал им: «Не берите с меня дурной пример, не курите». И они из уважения ко мне не курят.

Вот это страшно обрадовало старика, и он вдруг мне весь открылся: он не старообрядец, но с некоторого времени увидел свет жизни. Это было 7 лет тому назад, умерла жена, вот с тех пор, как умерла...

Я понял по-своему...: что тоска по жене.

Мы сели отдохнуть под кустом. Я сказал ему, что я егерь, учу собак и продаю, и об охоте пишу в журналах: мне платят,

этим живу. Дед хорошо понял меня. – Мне приходится, – говорил я, – жить в болотах и много ходить, часто проваливаюсь, ночи все мокрые, вот и согреваешься, и оттого я быстро хожу и не умариваюсь.

– Как тебе досталась эта легкая жизнь?

– Кто тебе сказал, что легкая: она трудная.

– Да, но тяжелого все-таки ты не поднимаешь, как я?

– Нет, не поднимаю. А вот как далась легкая жизнь, я тебе скажу: нелегко. Я свою охоту очень люблю и так положил: жить одной охотой, умру или достигну и вот достиг. Это был путь к личной жизни. А у тебя есть к чему-нибудь охота?

– К пчелам, – ответил Григорий.

– Почему же ты не шел этим путем?

– Потому что родился крестьянином: крестьянство у меня, жена, четыре девочки, питомца приняли: три рубля в месяц за него платили. Потом мы овчинники, у нас крестьянством не проживешь, у нас весь уезд овчинники. Дело грязное, тяжелое. Мы ведь рабы: нам из-под «вига» не выбраться. Вот и не мог пчелами заняться. Капитал нужен. Было время до революции. Он запрягал дурака, но кормил. Теперь он опять запряг дурака и не кормит.

– Да, – сказал я, – но ты мне говорил, что с тех пор, как умерла жена, ты вроде как бы из-под «вига» вышел и видишь свет. Как это ты увидел свет?

– А вот как увидел. Ежели говорят, что муж с женой ладно живут, это понимай, что у них есть достатки. Но у нас таких достатков не было, чтобы ладно жить. Четыре девочки, их надо одевать. Я ворочаю весь день и сплю четыре часа. И самые трудные работы прошел, а нет труднее работ: пилить в лесу дрова и, второе, камень колоть, я все прошел. А девочки все не одеты, и все мне колют глаза. Ну вот, давеча подросли: трех замуж отдал, жена померла, младшая дочь осталась хозяйкой. И тогда все переменилось.

Я остался один, и никто больше меня не попрекает. Я, бывает, теперь в лес так пройдусь или краем полей, и радость меня охватывает всего: всему дивлюсь и все понимаю.

Вот, к примеру, смотрю на пчелу и на муравья: на пчелу смотрю дома и на муравья в лесу. И я так понимаю, что оба они живут, как люди, от своего труда. А насекомые заводятся от теплого весеннего воздуха. И если мороз хватит, то пчела и муравей умирают: они как люди умирают совсем, они трудятся и умирают. Насекомые от мороза спят, и, как тепло, они оживают: муха, червяк, всякая такая дрянь, им смерти нет...

Вот как жена умерла, стало мне сначала очень даже чудно и страшно: работы мне не убавилось, мне прибавилось работы, ведь хозяйство остается то же самое, два надела, лошадь, корова, пять овец и опять овчинное дело, и дрова пилю, все то же самое, только жены нет... и плотским грехом я больше не за-

нимаюсь. А когда приду домой один, и никто меня не попрекает. Вот мне тогда явился свет, и я стал о всем думать и все понимать. Так на восьмом десятке вдруг жизнь пришла.

<*Приписка на полях*> Охота служит делу свободы.

Было время. Выйдет человек, станет на бочку и обещает всем по кадушке моченых яблоков.

– Все ваше будет!

А мы <*1 нрзб.*> раскрыли и в ладоши хлопаем. Проходит время, запряг он дурака и не кормит... Вот так моченые яблоки!

Это война будет последняя: сразится Арх. Михаил, это, значит, человеку будет дано оружие сразиться...

Разговоры о десятирожном звере и об <*4 нрзб.*>, о тысячелетнем царстве, о Ленине, предтече Антихриста: очень смутно и не твердо: все это недавно только узнал от одного юриста.

Обед в «Кулинаре». Старик брезговал обедом, плохо ел. А пива выпил. И всему удивлялся, глядел на человека за прилавком, который сидит. «Вот этого я бы не мог: сидеть, я бы сбежал».

За чаем и за ужином у меня.

Он спросил:

– А что ты думаешь о геенне?

– Ничего, – сказал я, – это было у меня в юности, теперь я не имею этого страха: Бог – это не пытки, а милость.

И старик весь встрепенулся.

– Вот ты говорил, – продолжал я, – и насекомые рождаются от теплого весеннего воздуха: комары, слепни, гнус болотный и всякое зло. Я охотник, дорожу болотом, чтобы никто за пустяком в него не ходил и не пугал дичь. Мне комары и слепни большую пользу приносят: они праздных людей ко мне, в мое царство не пускают. Стало быть, они у меня вроде как бы на службе.

Старик стал смеяться. Я серьезно сказал:

– А мое дело хорошее, это я знаю.

– Охотницкое?

– Ну да, вот ты же сам говорил, что у тебя самое хорошее дело – пчелы, и охота – это свобода. Я, значит, свободе служу, а комары и гнус мне помогают.

Старик стал еще веселей смеяться. Я еще серьезней:

– Вот бы так и злых людей на хорошую службу поставить: разбойников, воров.

Старик стал серьезным < *2 строки нрзб.*>:

– Каким же способом можно заставить их служить, как их связать?

Подумав, я сказал:

– А милостью. Я помню, раз одного вора у себя накормил и обогрел, так он мне потом очень пригодился.

– Связал его? – сказал старик.

– Да, связал.

Старик приподнялся, сел и весь просиял.

– Великую правду ты говоришь: хлеб, соль да милость и разбойника поражают.

О рождении слова.

В Бобошине зазвал меня Палин чай пить и сказал, что по собакам у них есть замечательный знаток Артамонов, а у Егорова только слова. Как вспомню Егорова, так и встает Клычков: и тоже красные слова. Талант краснословия и проституирование словами. Полная растрепанность. И в противоположность этому Берендеевы девственные слова (дедок Григорий), когда сам человек и не знает, что он сказал и какую это имеет цену.

<*Приписка на полях*> Сын мой православный, в церковь ходит и вдруг говорит:

– Отец, я хочу поступать в партию.

– Что же, говорю, я тебе не препятствую, у меня такой силы нет.

А сам так решаю:

– Если есть Бог на свете, Он не допустит, а если поступит, значит, Бога нет. И вскоре после того узнаю: в партию его не приняли.

Вот еще слова Григория:

– А будет время, когда человек будет питаться видением, увидел глазами и сыт?

Об этом теперь не может сказать самый ученый востроум.

Сын мой женился в Москве. Я пришел к ним, она одна, я ей говорю: «Вот кабинет, где вони нет». А она мне: ась-вась. Приходит сын, слышу, она ему в кухне: «Вот так отец у тебя, вот так деревня, пришел и говорит: «это кабинет, где вони нет».

– Подожди, – говорит, – он тебе еще и не то скажет.

Я же смеюсь над ними, деревенские люди, а говорят по-дворянски: ась-вась.

24 Сентября. Утро раннее было прекрасное, с морозцем, а в девять полил дождь, и так было до ночи. Это утро обмануло наших, они выехали, а потом тащились весь день по дождю и приехали в темноте, насквозь мокрые. Петя вчера убил последнего дупеля.

Встретил Зимина, который летом поехал в Бобошино учить собаку, но попал в историю (собака укусила мальчика)

и не мог натаскать собаку. Он успел показать своей сучке только трех молодых чибисов. 1-го августа он поехал с этой собакой на охоту. Она еще стойку сделала по молодому тетереву, по другому. На болоте они напали на дупелей, провели по дупелям, и так он стал сразу с ней охотиться. Собака его – сука, плохого экстерьера и в английских сеттеров по природе вежливая – это главное, второе – Зимин хорошо занимался с ней домашней дрессировкой. Я думаю, главная причина успеха – индивидуальность собаки (как Кента), а к этому умелая проработка дома. Из этого вывод: какая разница между собаками!

Вылет и пролет дупелей, как говорил Зимин, по всей силе было с 11-го сентября и продолжалось, уменьшаясь, неделю. Так было и по моим наблюдениям. Дупеля ему нашлись тоже пятном (около Зимняка) и почти в том же количестве, как у меня, только я брал их ежедневно по 3–4, а он сразу, и потому у него было дело с настоящей высыпкой.

25 Сентября. Теплый день, серый с утра, с теплым туманом и осадками мглы, потом хороший, с просветами солнца. Такой прекрасный вечер. Мы с Петей и Яловецким весь день ходили с Соловьем. Убили бекаса. Видели несколько вальдшнепов.

<Приписка на полях> Уродистый – большой, крепкий, породистый.

«Меня, члена проф. союза, обложил матом и по партийной линии назвал обормотом».

Напугали войной население так, что все бросились закупать продукты, и теперь за мукой и крупой такие же очереди, как в революцию, и так же выдают по фунтику; вид хвостов само собой еще больше пугает, и так паника все растет и растет. Мне кажется, большинство крестьян не верит в возможность внешней войны и называют войной грядущий передряг внутри, при котором будем опять голодать. Я спросил деда Григория:

– Вот запугали войной народ совсем зря: войны, по всей вероятности, не будет.

Григорий твердо сказал:

– Война будет непременно.

Я очень удивился твердости его слов и сказал, как он может это знать, если и мы, образованные люди, спорим об этом.

– Никто, – ответил Григорий, – в настоящее время не может сказать, когда будет война, но что она будет – это верно ведь сказано, что все прощается и только не прощается хула на Духа. Вот почему непременно архангел Михаил дает оружие верным людям им сразиться с духом тьмы. Эта война будет непременно, а когда будет, не скажет ни один востроум.

27 Сентября. Воздвижение.

Вчера весь день дул южный знойный ветер и было жарко. Ночью стало тихо, вызвездило. Мне кажется, после восхода я видел где-то в лесу побелевшую от мороза зелень, но потом было так тепло, хоть в одной рубашке ходи, и тихо. Это был счастливый сентябрьский день. С 5 у. до 12 я обошел большой круг золотыми лесами – искал с Кентой вальдшнепов: от Киновийского ручья по канаве между большим лесом и малым до большой вырубки, ольхового заросшего по Черному ручью (так называю его по «Черному мосту», возле Параклита), краем озимого поля возле линии, потом опять большой ольховой зарослью, ельником, березняком до исходной точки. Я видел на всем этом пространстве только двух вальдшнепов и взял их. Один попался вначале в еловой чаще между большим монастырским лесом и малым. Кента сделала стойку – я провел по глазам ее линию: взлет вальдшнепа, мне казалось, в этой чаще был невозможен для стрельбы, верно, и Кенте это не нравилось, она зашла с другой стороны и стала опять, я провел линию с глаз до пересечения с первой линией, и как раз с этой точки вальдшнеп взлетел, был он виден одно только мгновенье, но рука, поставленная на бекасах, сделала верно, и вальдшнеп упал вместе с листьями и сучьями. Другой вальдшнеп нашелся в кусту возле озими. Я стрелял из кустов по опушке. На высоком берегу Черного ручья громыхнул невидимо выводок тетеревей, молодых не нашел, но старуху поднимал раз пять. Все утро токовали черныши. Я одного захватил врасплох возле озими, и он спасся только потому, что у меня был в стволе № 10-й. И еще было поднято несколько тетеревей. В общем, не исключается возможность иногда <*1 нрзб.*> петуха. Попадалось много рябчиков, больше только слышалось пырханье, но раза два все-таки можно было убить. Рябчиков я нашел даже возле Канавки, почти у себя дома. Огромная стая журавлей (перелетных), курлыкая, летела прямо на юг.

Решаю записывать материалы к роману теперь уже отдельно, чтобы потом сразу же и писать. Материалы эти будут записываться не по звеньям, не в порядке рассказа, а – или как что вспомнится, или – главные, по темам. Я надеюсь весь этот том написать одним духом, то есть как писались первые пять листов, Тюрьма и Зеленая Германия: в одном непрерывно нарастающем, все более и более завлекающем рассказе.

28 Сентября. Ночью до рассвета был дождь. Вот теперь, наверно, вальдшнепы подались к зеленям. Петя отправляется в Симушки с Ромкой. Это будет начало лесной натаски, так и пойдет.

В 7 у. началась гроза. Я долго не верил – так поздно! – думал, не телега ли гремит, но, взяв к уху трубку радио, убе-

дился, что гроза самая настоящая. Около 8 у., казалось, все кончилось, пролетело, и я пошел проверить Зубачевскую озимь, возле которой в тот раз убил вальдшнепа. Это озимое поле, окруженное разводами (так называются прореженные для покоса кустарники), я возьму на примету, как дупелиное болото в Александровке, и буду следить, проверяя его, за пролетом вальдшнепов, кстати, сюда вылетают и тетерева. По линии ж. д. до Зубачевских полей около часа скорой ходьбы. В 9 я прошел к полю, но как раз тут начался сильный дождь и громовые раскаты одновременно в разных частях неба, так что гром был почти непрерывный. Я сидел целый час под елкой, потом быстро обошел часть опушки по озими, опять забрался под елку и потом, махнув рукой на дождь, мокрый вернулся домой.

В это время Петя мучился в Симушках. Но ему все-таки удалось хоть повидать одного вальдшнепа, на которого Ромка напоролся вне выстрела. По словам Пети, Ромка в лесу держится, хотя и недалеко, но ходит неправильно. Говорит Петя, что один рябчик свистел и во время дождя.

Под елкой

Когда начинается сильный дождь, вальдшнеп, заяц и тетерев перемещаются под елки, потому что дождь мало проникает туда, и, главное, там не пугают тяжелые от мокроты, падающие от ударов капели и своей тяжести листья. Я, как и все живое, тоже нахожу себе надежную ель. Собака уже хорошо знает все, начинает копать ямку до совершенно сухой земли и свертывается в ней калачиком. Но я сгоняю собаку, кладу в ямку кожаный ягдташ и сажусь на него, прислонившись спиной к дереву. Собака выкапывает рядом другую ямку, свертывается, и время начинает проходить под шум дождя и раскаты грома. Избранная мною ель довольно высока, и когда раздается резкий, короткий, как выстрел, удар, то поднимается страх, что следующий удар молнии придется в мою ель. Но я уговариваю себя не бояться, потому что ведь своего удара грома все равно не услышишь...

Через час прояснило немного, и надо бы встать, но все както боязно выходить. Так вот даже елка, если перебыть под ней во время дождя, становится немного, как дом: не хочется выйти из-под нее, и кажется, если случится опять дождь, то такой удобной уже не найти. Но я сделал усилие и вышел осматривать опушку озими. Это был напрасный труд: вальдшнепы во время дождя без следа сидели тоже, как я сидел, где-нибудь под елками. Я не успел пройти и половину опушки, раздались новые удары грома, и притом в разных частях неба, все небо загремело, полил дождь, и я опять забрался под елку, теперь уже не очень высокую, всю осыпанную золотыми листочками березы.

Весь этот подневольный труд сопровождается стонами, воплями, постоянными ссорами, ворчаньем, необходимой жестокостью, грязью, вонью, болезнями, легионами кусающих насекомых, мух, комаров, слепней-потыкушек и мелкого гнуса. В этих условиях человек замирает, скрывается глубоко так, что и сам не помнит себя как человека, существо и всепобеждающее, и милосердное. В таком состоянии никакой правды нельзя узнать из прямых слов: люди, большей частью, говорят обратное тому, во что они верят, на что надеются и как будто ненавидят самое любимое, оскорбляя на каждом шагу свою мать. Но он не виноват во всем этом, он ничего не может, ему так надо быть, и потому когда случится кому-нибудь очнуться, то непременно встает он прекрасным существом, так что в изумлении открывает глаза и спрашивает себя, откуда это взялось!

<*Запись на полях*> Так крест. Жизнь – миражи.

Процесс творчества сопровождается чувством собственности, как любовь ревностью, как жизнь явлением личности.

<*Приписка на полях*> Долго смотрел на меня и спросил, наконец: «Сами-то чем занимаетесь?»

29 Сентября. Всю ночь до утра сильный теплый дождь, с рассветом неопределенно, потом дождь весь день.

Разбирал дневники: много толстых тетрадей. Наряду с глупостями и невозможной откровенностью иногда есть ценные записи, а кроме того по ним возможно восстановить фактическую жизнь лет за 17. Если я погибну от несчастного случая, то дневники должны быть уничтожены, и вместе с тем погибнет ценное. Вот почему при первой возможности надо выписать все ценное из них. Вот, например, что:

– Значит, есть в пустоте воздух, в тоске радость, в мечте воля к преображению жизни!

30 <Сентября>. Софья, Вера, Надежда, Любовь.

У нас именинница Вера Антоновна.

Творчество сопровождается чувством собственности, как любовь ревностью, как сама жизнь явлением личности, но беда наша в том, что собственность бывает и без творчества, ревность без любви, как в самоуправстве, а личность без соответствия с жизнью – в эгоистическое существование...

Явление чувства собственности, нарастание его и потом исчезновение ясно можно проследить в процессе писания: как нарастает чувство собственности к моменту завершения повести и как оно исчезает, когда книга выпущена в свет и «собствен-

ником» ее становится издатель. Сыграв свою роль, как спутник, как хранитель творчества, собственность как бы умирает и на трупе ее поселяется паразит, издатель. Особенно резко бывает видно явление паразитов при творчестве Бога... Ясное зрение паразитизма бывает у крестьян, впервые попадающих в городские учреждения.

Мы, когда брались за социализм, принимали его за силу, освобождающую жизнь от паразитизма («эксплуататоров»), но удары наши попали в самую жизнь, и собственность, взятая отвлеченно и уничтоженная, обескрылила творчество...

День весь был, вот-вот пойдет дождь, и одно время как будто немного и моросило. От 6 у. до 12 д. я обошел лес вдоль линии, посмотрел опушку Зубач. озими и вернулся опушкой леса. Видел всего двух вальдшнепов, но не стрелял. Один был на лесной полянке (скошенной, – в некосях в это время дичи не бывает) возле елки; когда Кента стала по нем и потом пошла по правую сторону ели, я пошел кругом по левую, чтобы встретить вальдшнепа, но он, вероятно, услышал меня и вылетел на Кенту. Так и не удалось выстрелить. По другому Кента стала на холме, поросшем ольхой возле Черной речки, когда я взбирался на него из-под низу. Вальдшнеп не выдержал стойки и метнулся камышами, как бекас, так что не только выстрелить, но и даже определить направление полета было невозможно. Тем не менее я вскоре его нашел, но опять было и далеко и трудно стрелять по камышам. Редко приходится видеть таких вальдшнепов. Еще я застал на берегу речки тетерку с петухом, которые снялись так быстро, что как будто это причудилось. Пырхнули несколько раз невидимые рябчики. Вот и вся моя охота!

Думал о Писареве

Именины у Веры Антоновны были замечательные обилием южных (донских) закусок, которые она удивительно изготовляет сама, своими руками. В. А-а дала мне понюхать чабер, которого здесь нет, и я перенесся мгновенно в Хрущево. И оказалось так ясно, что вторую родину сделать нельзя.

Друг мой, родина моя настоящая, степь, казалось мне, совершенно для меня кончилась, я заставил себя леса полюбить и это считал десятками лет своей новой родиной, в творчестве которой и сам лично принимал участие; в лесах я и любовь пережил и научился работать. Но вот недавно в одном доме дали мне понюхать чабер, которого нет в северных лесах, и вдруг с необычайной силой и с болью встала передо мной моя настоящая детская родина, и тут я понял, что эта первая родина скрыта всегда во мне, что вторую свою личную родину я создал сам

себе взамен детской, что радость моя в лесах происходит от боли расставания с первоначальными степями, что в лесах тайно для себя я жил чувством своей первой родины, оставался верным ей, неизменным всю жизнь и что самое главное понял я, что родина моя хороша!

Дорогая, все мои письма к Вам вернулись обратно... (и т. д.)

Был у меня Трубецкой, проделавший в тайге то, что я когда-то проделал на севере, убил даже медведя. Это путешествие преобразило его, и он из дебрей тайги явился к нам князем.

Вяткин рассказывал о Тютчеве, хранителе Тютческого музея, вот противоположность Трубецкому: ухитрился в своих привычках эстета и барина пережить и коммунизм!

Что вы говорите мне о мертвецах! есть разные мертвые — одни, которые до сих пор из глубины пережитых тысячелетий и теперь властно определяют направление нашего современного лучшего, другие мертвецы, живущие с нами, обладающие часто бычьим здоровьем, пожирают наше творчество, прут нас всех живых упрямыми лбами в могилы...

1 октября. Сегодня я ходил по лесу с Ромкой с целью узнать, полезно или вредно в это время годя приучать молодую собаку к лесу. Вопрос, оказывается, сводится к тому, полезно или вредно пускать собаку по следам птиц, которые не только не выдерживают стойки, но часто улетают далеко до того времени, когда собака причует их следы (тетерева и рябчики). Я думаю, для Ромки это вредно, т. к. у него и без того стойка нетвердая. А, кроме того, возможность наскочить на вальдшнепа или рябчика дает повод разгоряченной собаке за ними погнаться, а руководителю трудно в чаще схватиться в первый момент и удержать собаку. Следовательно, поздней осенью лучше воздержаться от работы в лесу и подождать следующего лета, когда выведутся молодые тетерева.

Сегодня тихо и так глубоко задумчиво, и так выразительна «песня без слов» золотисто-желтых берез и осин в еловых и сосновых лесах.

Заходила В. Антоновна с Лилей, принесли хризантемы. Донская земля с казачьим бытом. Там за цветами в степи ездят! В Елецком краю, опустошенном, разделенном всюду оврагами, от всего великолепия степей остался только чабер, и то этот чабер через всю жизнь дает о себе знать. Запах особенно местных трав больше всего сохраняет в себе чувство родины.

Явился вечером Лева. Читал свои рассказы; как пусты они в сравнении с очерками, которые он начал было писать под моим руководством. Я начинаю упускать его жизнь. Мне непонятна она: к учению отношение легкое, – сдать бы экзамены, попыток к самообразованию никаких, интересов общественно-политических нет: живет в Москве и ничего не знает, никаких даже новостей не привозит. Заметно легко относится к людям, познакомится, заинтересуется, свяжется, а потом плюнет, как и не был знаком.

2 Октября. И еще один теплый задумчивый день без солнца в свете своих золотых берез, лип и осин.

Сегодня валовой пролет вальдшнепов. Лева нашел пару в Киновийском овраге, где он бывает только на пролете. Я нашел пять или шесть за Глинковым между Дерюзинской и Параклитской дорогами в мелятнике. Но мне в стрельбе не повезло, и принес только одного. Охота на вальдшнепов осенью – это экзамен и собаке, и охотнику, от собаки требуется высшая школа вежливости, от охотника – решительность выстрела, как при бекасах и, кроме того, сообразительность и смелость при обходе кустов во время стойки. Вот это последнее я упустил, когда Кента сделал свою первую стойку прямо возле стены зарослей. Только безумный выстрел в момент подъема перед стеной зарослей может случайно убить, и потому надо решиться оставить эту возможность и обойти заросль ради верного выстрела. Я оробел и остался на месте. Мне пришлось стрелять в крону осины в направлении полета мелькнувшей птицы. А когда я пошел проверить результат выстрела, из-под ног вырвался другой вальдшнеп. Это надо всегда иметь в виду, как при дупелях и бекасах, что часто рядом с одним бывает другой.

Второй выстрел был по вальдшнепу в осиннике, поднятому без стойки, я в нем не раскаиваюсь, сделал, что мог, в быстроте.

В третий раз опять я не обошел куртину елей и хватил, даже не приложив ложе к щеке. И только в четвертый раз наконец я опомнился. Кента стала перед группой высоких елей. Я начал их обходить слева, а Кента, уверенная в месте пребывания вальдшнепа, с опаской вела глазами по линии моего продвижения. Со всей возможной осторожностью я достиг, наконец, такого положения, что стоял против Кенты, и, значит, вальдшнеп был между нами. Тогда я сказал тихонечко: «Фун-ты!», и Кента сделала вперед только один маленький шаг. Я удивляюсь этой способности ее к предельному равновесию на стойке, ведь только один маленький шаг, и вальдшнеп взлетит свечой по линии бесконечно высокой ели. Я стреляю наверняка, и мог бы еще и еще раз стрелять, так высока свеча-ель. И нашел я его прямо под елью вверх брюшком с раскинутыми серыми из-под низу крыльями. Это было так прекрасно сделано, что не хочется и вспоминать один позорный промах потом.

Охота на вальдшнепов осенью стала лакома, работа собаки в кустах требует такого неустанного, такого напряжения внимания, что редко удается оглянуться вокруг себя, но зато, когда оглянешься, то скорее подзываешь собаку к себе, говоришь: «подожди!» и смотришь, смотришь – («очей очарованье!») – и думаешь: «нет, конечно, на синем просвете неба тончайшая паутина обнаженных ветвей в грудах золота не просто для глаз: под этой листвой трепещет и мое горячее сердце, подавая кровь к обнимающему огромное пространство разуму, сердце бьет: «хоть одна минута, да моя!», разум вбивает гвозди в минуту усердно как будто и навсегда.

<*Приписка на полях*> Старшие бесы отказываются всегда от своих злых дел: они желали только хорошего, и они могут это доказать, если хотят, математически.

Старшие бесы

Старшие бесы всегда отказываются от тех злых дел, которые мы им приписываем, доводя до них поступки младших: они желали только хорошего, и это можно доказать, если угодно, даже математически. Что же касается поступков младших, то они являются большей частью вследствие нерасположения людей к добру: младшие бесы творят зло только потому, что люди не желают добра.

Разборы

3 Октября. Тепло. Задумчиво. Тихо. Лист с деревьев потек со всей силой.

Мы с Петей рано вышли к Торбееву. Мастеровой человек весь в грязи поднялся из канавы, встал, как с кровати, и побрел в направлении колонии инвалидов. Скоро он присоединился к трем идущим под руку слепцам из колонии, и мы услышали: «Переживем как-нибудь, переживем!» – говорили калеки.

«А кризис будет!» – говорил мастеровой. «Но вы не беспокойтесь: месяц, два, не больше». «Переживем» – отвечали калеки.

Мы обогнали их с двумя собаками. Я ходил в разборах у Торбеева. Сразу поднялся вальдшнеп из-под Кенты и сел в 10 шагах от нее. Он сделал стойку, но я не успел пролезть через куст, и он улетел. Это было чуть ли не под тем же кустом, как прошлый год, и я сразу вспомнил до мельчайших подробностей всю эту местность, которая часто мне снилась и наяву нелепо вставала с прошлогодними вальдшнепами, но я не знал, где это было. Второго вальдшнепа я неудачно стрелял. Потом один или два сорвались за кустами. Одного стрелял вместе с

Петей под конец, очень устали, и оба не попали, потому что устали до крайности. Как и в болотной охоте на бекасов, охота на вальдшнепов требует непременно свежих сил, способности мгновенно собирать их все как бы в одну точку прицела. Пришли еле живые и без поля. А между тем высыпка несомненная и обильная, как говорят гончатники: всюду вальдшнепы.

Одного вальдшнепа мы видели из-под стойки сидячим.

Завтра Петя едет в Москву за учебниками. Поручить ему купить:

1) Весы для безд. пороха.

2) Термос и стакан для моего термоса.

3) Ленту для машинки черную и узнать, нет ли шрифта для Гоммонда, а также сколько стоит ручная машинка.

<*Приписка на полях*> Разборы. Весна осенью. Гроза. На своем месте. Срыв стойки.

4 Октября. Яловецкий наговорил мне, что по левую сторону Московского шоссе он нашел 10 вальдшнепов, «правда, говорил он, на громадном расстоянии». Я вышел проверить, но меня встретила гроза, надвигалась громадная туча. И так тепло! Весна этого года все свое лучшее отдала осени, и вот теперь в Октябре мы переживаем весну. Как это часто бывает с людьми в русской тяжелой иногда беспросветно-трудовой и подневольной жизни, сплошь и рядом в крестьянском быту женятся и замуж выходят, не подозревая даже, что бывает на свете любовь и свобода. А если случится мало-мальски вздохнуть, то в 60, даже в 70 лет иногда человек вдруг очнется и начинает жить, как юноша. Вот так и пропущенная весна и в этом году явилась поздней осенью. Мне все-таки не захотелось мокнуть, я вернулся домой, разрядил ружье, повесил и сел за стол. Но через 10 минут туча прошла. Я снял ружье и пошел через овраг к шоссе. В этом районе я никогда не бывал. Открылись огромные пространства мелкого леса, сплошь вальдшнепные места, мне кажется, так на десятки верст. И часа два, три я ходил по ним, не встречая вальдшнепа и не удивляясь этому: при таких-то пространствах сколько же должно быть вальдшнепов, чтобы им часто встречаться! Но вот я попадаю в типичные разборы, где даже остался кучками хворост и вообще беспорядок ужасный: там разобрали молодняк так, что осталась только чистая зеленая отава, там полоска березняка и осинника, не убравшего свою часть, там бурьян из чернобыльника, там чистый облетевший осинник с отличной опушкой молодой травы, покрытой опавшими листьями. Тут, наконец, Кента сделала стойку. Вальдшнеп как бы нехотя поднялся, я выцелил его – выстрела не последовало. В частом осиннике вальдшнеп летел, как бабочка, тихо, лавируя между ветками, я выцелил его и опять – выстрела не было, и я с отчаянием вспомнил, что ружье разрядил

при грозе и потом забыл опять зарядить. Терять еще 2–3 часа, чтобы найти другого, не хотелось, ведь можно и совсем не найти и ввернуться пустым. Потому я решил пройти на то свое место, где я впервые определил высыпку и оставил трех вальдшнепов. Вальдшнепы в таких необъятных зарослях, как дупеля на больших болотах: надо знать места и не ходить по всему болоту. И уж если нашел такое пятно высыпки, то и ходи по ним. К сожалению, много охотников за вальдшнепами, и потому места неизвестны, и надо очень дорожить местом, где оставил на примете хотя бы два-три вальдшнепа. Я не ошибся и под той же самой елью, где в прошлый раз я нашел вальдшнепа, Кента и теперь сделала стойку, обошла ее и... я думаю, она просто увидела сидячего, постояла немного и вдруг махнула на него с такой быстротой, что невозможно было крикнуть ей. Я выстрелил навскидку. Когда дым рассеялся, я увидел Кенту, сидящую верхом на вальдшнепе. И это Кента! И эту Кенту пришлось мне наказывать!

Вот пример, когда процесс охоты портит даже самую лучшую, старую опытную собаку. Я помню этим летом раз я выстрелил по бекасу, и мне казалось, промахнулся. Бекас, как ни в чем не бывало, отлетел далеко и спустился в куст. Мы пошли туда. Кента стала перед лохматой кочкой в кусту. Я долго ждал взлета. Потом вдруг она сунула нос в кочку и достала мне живого бекаса. И когда вслед за этим я увидел второго бекаса, она бросилась на ним после выстрела без разрешения. Только сильно наказав, я заставил ее опять не бросаться. Еще было совсем недавно. Вальдшнеп упал. Желая доставить ей удовольствие, я послал ее принести. Она отправляется, но вальдшнеп вдруг поднимается и тихонько летит низко вдоль опушки. Она бросается за ним, ловит в воздухе и подает. Я не мог ее наказать, ведь я же сам велел ей его принести. И вот теперь после того явился соблазн схватить видимого, сидящего в двух шагах вальдшнепа. Но теперь уж я наказал ее по-настоящему. Вскоре она нападает на след, ковыряется, крадется, опять ковыряется, и вдруг сзади нее в частом осиннике взлетает тетерка, очевидно, глупая: она запуталась крыльями в частых ветках, упала, опять взлетела, опять запуталась. Кента обернулась и бросилась, было, но я крикнул «назад», и она стала. Немного отлегло от души. Потом на холмике с одной маленькой березкой и елочкой Кента делает мертвую стойку. Я захожу вперед ее и вижу сначала глаза, а потом и нос, и все: вальдшнеп сидит! Считаю, на охоте нехорошо подозрить птицу во время стойки: нарушается вся прелестная таинственность стойки по невидимой птице, нарушается равновесие выстрела, уже определенного куда-то в воздух, и обыкновенно делается промах.

Захотеть, можно сразу убить сидячего, но я крикнул: «Лети, дурак!» Вальдшнеп взорвался в пяти шагах и к елочке, которая

шагах в десяти, а за елочкой его бы и не видать. Я бы все-таки и в десяти шагах пресек бы его полет перед елочкой, но мне мелькнуло в глазу какое-то движение Кенты, и я чувствовал, из-за этого выстрел чуть-чуть запоздал. Когда рассеялся дым, Кента стояла у елочки (я все-таки ведь грянул: «назад!»), а вальдшнеп далеко мелькал в чащуре.

Так я принес одного, а мог бы трех. После обеда начался редкий теплый дождь.

<*Запись на полях*> К разборам: любимая у вальдшнепа гладкая лесная поляна и на ней ель, чтобы убежать под нее.

5 Октября. Ночью дождь, я просыпаюсь в 3 утра, в свой час – все дождь и так хороша эта музыка, и так чудесно под музыку переживать редкое и мое желанное сновидение.

Друг мой, я думаю сегодня, что счастье, это наше личное солнце, и в современном подобии; как солнце над землей, так счастье над головой человека. Мы не можем смотреть на солнце, кто смотрит, ничего не видит и вредит только своим глазам. Но оно существует, и мы узнаем красоту его в процветании земли. Так и к личному счастью мы должны, как к ослепляющему светилу, повернуться (задом) и узнавать его благодетельный свет и тепло на стороне. Итак, никогда не надо отказываться от личного счастья, напротив, непременно надо из всех сил его добиваться, только не присваивать его себе и обходиться с ним, как с солнцем: пользоваться теплом и светом его лучей, но не обертываться к нему, не тянуться. Очень возможно, что большинство «несчастий» у нас на земле бывает именно потому, что люди, хватаясь руками за свое светило, просто гасят его.

Так вот этот долгий осенний дождь не стал бы мне чудесной музыкой, если бы его насквозь изнутри не пронизывали бы лучи моего личного солнца и которых когда-то я так страстно домогался достигнуть и, конечно, только затем, чтобы навсегда утратить в одной ослепительной вспышке.

Только я говорю это не как правило жизни молодым людям, а как свой опыт, полученный мной помимо воли. Я ведь сам обречен узнавать свое счастье в процветании земли, оно просто было мне само по себе недоступно, а если бы я мог до него дотянуться, то, конечно, довел бы свое светило до вспышки даже теперь, да, вот теперь, все понимая, взял бы и погасил в один миг. И потому я ничего не советую, а только открываю дверь закованным в Кащееву цепь, в своем недоразумении считающим себя «несчастными»: смотрите в мою открытую дверь на цветущую землю и наслаждайтесь, несчастные: это наше собственное счастье-солнце горит сзади нас и нам, закованным в Кащееву цепь, открывает чудеса такие, каких никогда не увидит «счастливый» в своей ослепляющей вспышке.

В 7 у., еще я вышел с целью осмотреть «княжескую вырубку» (с Дерюзинской дороги возле Ильинки) с тем, чтобы на обратном пути захватить вырубку между Дерюз.-Параклит. дорогами, где, по-моему, должен бы остаться хоть один вальдшнеп. По пути стал сеять дождь, и потому я решил провести время в поисках возле Паракл. дороги, чтобы немного пообвяла роса. Нашел я одного только вальдшнепа, который взлетел в чаще, не выдержав стойки. И на княжеской вырубке, и возле Ильинск. озимей, и потом даже в Киновийском овраге не нашел ни одного, хотя собака иногда и делала стойки: очень возможно, что эти вальдшнепы, высыпав от дождя по опушке, были потом спугнуты грибными охотниками. После того как дождь перестал, и даже солнце показалось, стало значительно холоднеть. Такое понижение температуры в полдень при солнце обещает к завтраму мороз.

Летний лес местами вовсе разделся, но зато отдельные деревья с остатками золотых листьев стали еще прекраснее: на одной осине круглые, как яблоки, редкие листья были так расположены, будто это не осина была, а сказочное фантастическое дерево с золотыми яблоками. Озимый лес, ели и сосны выступают со всей бодрой своей красотой. Но нет ничего прекрасней ковра озими, поднявшейся высоко и крепко в теплую осень.

Работа Кенты: 1) Заедает с тихим движением обрубка – ничего не значит еще: по дрозду, по <*1 нрзб.*>. 2) Заедает с таким быстрым движением обрубка, что белый кончик его оставляет в глазах круг, как пропеллер – значит, что остановиться и ждать. 3) Поднимает голову от следа утюгом и опять опускает, и опять поднимает, шаг тише, ноги пружинятся, пропеллер работает с необычайной быстротой. Снимается с плеча ружье. 4) Ведет с поднятым утюгом, тихо крадется, как на пружинах, приостановится, оглянется, если не слышит хозяина, иногда заглянет на сторону, иногда вздрогнет от шелеста падающего листа или сломанного сухого сучка под ногой и станет. Но пропеллер все продолжает работать, значит, еще не все. Ружье все-таки наизготовке. 5) Точка определена глазами, правая нога подогнута, вся отяжелела, пропеллер замер в горизонтали. Осязательные нервы пальцев спаялись со сталью спуска...

На полянке наброд, под деревом в грязи дырочки частые и такие не по носу широкие, видно, он в одну раз десять воткнул. Тут Кента понюхала землю в последний раз и прямо пошла... (к работе собаки).

Во всяком наблюдении, во всяком опыте есть свой доисторический переход, когда проделывал то же самое, что и теперь, но бессознательно и теперь, когда дорожишь каждым часом, удивляешься тому напрасно проведенному времени: «как это я

мог тогда!» Так не одну собаку я натаскал в своей жизни и теперь, когда решил записать каждый новый момент роста собачьего сознания, вспоминая свой доисторический опыт, возмущаешься: как это мог я истратить столько драгоценного времени даром. Это было, главным образом, и потому что я в то время не болел «собачьей болезнью», меня, например, не могло расстроить, что моя собака бросается после выстрела. У меня был ирландец Нептун с богатым поиском, прекрасным чутьем, но непобедимой привычкой бежать после выстрела. Однако я убивал из-под него, во всяком случае, не меньше, чем теперь с правильно натасканной собакой, и этого мне было довольно, – убить. В это время не было для меня вопроса: «как убить?» Эта болезнь мне пришла позже, и вместе с нею потребность в сознании. Я перечитал книжки по натаске, они мне очень мало дали, потому что авторы их писали не во время натаски, а долго спустя, по общему своему, как я называю, «доисторическому» опыту. Этот общий опыт дает им смелость писать о собаке вообще, не обозначая породы, о месте вообще и без времени, словом, без дат и, значит, не научно.

Материю понимаю как силу сцепления, дух, напротив – материя опускается, дух «поднимается». И я думаю, тут все различие в более или менее, так напр., ствол дерева более материален, прочен, чем листья, которые могут при ветре и улететь. В человеческой жизни власть, как ствол дерева, более материальна, чем любовь. Мы живем иногда как бы сами по себе, на свой счет – и это значит духовная жизнь, а то, бывает, живем с оглядкой на необходимость, как бы занимая в долг – и это материальная жизнь. Вообще понятие долг в морали совершенно соответствует материи в метафизике. Слова долг и труд означают тяжесть, материальность. Легкий долг, свободный труд означают духовное преодоление материальности.

Впрочем, о долге и труде говорят только маленьким детям, чтобы они боялись, и обжорам жизни, чтобы совестились немного. А в творчестве всякий «каторжный» труд, всякий «невыносимый» долг становятся сладкими и легкими. В творческом труде человек только и отдыхает, и «Кащеева цепь» распадается. Разбить Кащееву цепь это значит подняться до творчества. Алпатов (русский интеллигент), чувствуя цепь на себе, перекидывается на других и так выходит у него, что будучи сам закован, он хочет освободить других и через это освободиться самому; хорошенько разобраться, что отношение к «другим» не бескорыстное: через них и сам освобождаешься. Алпатов другого периода понимает, что, не освободив себя самого, он не может освободить и других (выход из интеллигенции). Он освобождает себя, разбив Кащееву цепь творчеством (преодоление материи). В свое время это называли «индивидуальным выходом», находя, что это «не способ».

6 Октября. Чего гаже русского разбитого телегами шоссе поздней осенью с его постоянными объездами по сторонам от выбитых в камнях пропастей, в которых ломается ось и часто даже нога лошади. Но что делает солнце своей гармонией красок! даже эта дрянь на солнце осенью среди золотых лесов блестит так прекрасно, что забываешь и поломанные оси, и ноги крестьянских лошадок и думаешь о человеке, сыне солнца, преобразующего в иных местах землю на радость всех тварей. Только имея в душе этот гармонический солнечный мир, человек открывает во всей мешанине земли линию творчества и, глядя по ней, определяет красивое и безобразное, хорошее и плохое, полезное и ненужное...

Так можно много писать о человеке, и это будет, как у Максима Горького: «геооптимизм», в котором, кажется, есть все, только нет самого человека.

И вот надо заметить: скажи о человеке как сыне солнца – выходит пусто; скажи о человеке, молящемся хотя бы на чурочку, изображающую бога, притом сделанную его же руками, и это будет трогательно о человеке. Потому что человек, вероятно, еще очень мало сделал такого на земле, на чем бы мог стать другой человек и возноситься, человек существует не в делах, а в своих молитвах. И это не где-нибудь в «мистике», а здесь в повседневной жизни: сравнить, напр., имя изобретателя паровой машины с именем Пушкина или Толстого – имя изобретателя механизма почти исчезает, даже в сравнении с Лермонтовым.

Нет, не сам человек должен похвалить себя – как это глупо! – а кто-то другой, со стороны. Человек как преобразующий фактор на земле – это естественная история, сам человек – это я и мои близкие: Иван, Мария, Катерина, Артем и т. д. Ни я, ни мои близкие, работая для своего существования и только изредка, как бы шутя, сверх того, не могут гордиться собой: чем тут гордиться-то! А вот что из всех нас на земле каким-то образом выходит человек, «преобразующий фактор», то существо также отвлеченное, бесплотное, безымянное не может восхищать нас, как все равно не восхищает нас машина – дельная вещь, но бездушная. (Вложить эти слова Писареву, разрушающему «геооптимизм» Алпатова.)

Хотелось бы написать об «индивидуальном выходе».

– Это индивидуальный выход, – сказал Алпатов в ответ на решение завладеть бомбой.

– Всякое начало индивидуально, – ответил Писарев, – является Бисмарк и начинает, а потом Германия объединяется: начало всегда индивидуально, а конец выходит общественный.

– Бисмарк выразил собой назревшие потребности общества: через его индивидуальность действовало общество.

– Вы согласны?

– Вполне. Я так могу сказать и о себе: я тоже со своей бомбой выражаю какую-то потребность общества, и, значит, тут нет никакого «индивидуального выхода».

Писарев так и о социализме: «это хорошо, но какое же нам-то с вами до этого дело?.. Что это? Три метки альфа, три метки бета. Реальность – это власть, для власти нужна сила, и эта сила в знании, в бомбе. Между тем, эта вера прозрачна в Писареве (хотел сделать три метки альфы для взрыва, а получил три метки бета для краски). Его реальность, его жизнь, его страдание в эротомании: в цинической замене эроса полом, в этом он, только в этом будет человеком, а не фитюлькой: его искаженный смех... какая-то болезнь... страдания от безверия... безбожность... потому называет своих содержанок «женами»; сам признавался, что болезнь его в том, что сладость всякого дела выпивается им в начале, и *потому* к концу ничего не остается (начал бомбой, кончил краской). Вероятно, и «жены» получаются, потому что сладость им *выпивается* (Онегинское).

Охота

Так и сбылось, как я предугадал вчера еще до обеда: срыкнул мороз. Я видел, как он нарастал после восхода солнца и так сильно, что некоси разоделись совершенно так же, как зимний лес от инея. Потом, когда тепло от солнца взяло силу, трава в лесу запестрела, на полянке стала зеленая, за кустами седая. Прекрасны были нынешние, пышные озими, когда мороз сошел и весь ковер засверкал бриллиантами росы.

Кента на морозе смешно жалась, горбилась, ходила тихо с поджатым пропеллером, но все-таки работала. Мороз нажал на вальдшнепов, и они подались к нам с севера. 1-го вальдшнепа я встретил в Киновийском овраге, слетел в чаще елок. Между прочим, прокрадываясь к вальдшнепу в чаще, я одним глазом от себя влево заметил какую-то вещь, большую, тюк чего-то, вероятно, стащенного вором из склада и спрятанного здесь. Я хотел было потом посмотреть на эту вещь, но когда вальдшнеп перелетел, я пошел его дальше искать и так забыл про тюк, что только дома вспомнил.

Второй в лесу возле линии еще во время мороза, в кусту. Тоже мелькнул так, что не удалось и стрельнуть. Третьего я вытоптал сам, когда у меня висело ружье на плече: он так чисто летел! Долго искал перемещенного: Кента жалась и плохо работала. Наконец, я утомился держать ружье наизготовке, повесил, бросил искать, и тут он вылетел из-под самых ног. После того мороз растаял, значит, птицы забегали, и Кента начала ра-

ботать, как следует. Не доходя озими (Зубачевской) Кента стала искать, потом повела и кралась очень долго, я уверен был, что это бежали тетерева, но это были два вальдшнепа. Мы пригнали их к самой озими, один вылетел далеко за кучей дров, другой тоже вроде этого. Раз пять поднимал перемещенного, и все вылетал не в меру. Очевидно, такие вальдшнепы-бегунки бывают по ранним утрам, и потому в другой раз не надо ходить по ним очень рано.

Четыре найденные вальдшнепа так меня заманили, что я обошел без отдыха громадное пространство, ничего не нашел и привел себя в невозможное для охоты состояние. Когда на обратном пути Кента сделала под елью стойку, (возле 2-й будки), я бормотал про себя какую-то ерунду, вальдшнеп бросился мне чуть не в лицо, но я напрасно нажимал и нажимал спуск: предохранитель крепко держал курок. И это, значит, был уже шестой! Потом, спускаясь по крутой тропинке в овраг, я поскользнулся и бухнул вниз, и когда шлепнулся, вылетел от шума вальдшнеп – седьмой. Итак, я ни одного не убил! Между тем вальдшнепы, летавшие чуть ли не перед самым моим лицом, так отчетливо сфотографировались в глазах, так обещают эти видения возможность удачи, что нет возможности удержаться и не идти завтра. Это одна из самых недобычливых охот и в то же время самых заманчивых, не в том смысле как понимают это слово, хороших, а неотвязно манящих обходить большие пространства и морить себя без конца. Завтра я не поддамся этой болезни и буду ходить по ближайшим оврагам с готовыми, свежими силами.

И вот попробуй-ка рассказать по правде какому-нибудь рядовому охотнику результат этой вальдшнепомании! Спросит: «Сколько?» Скажу: «Не помню, сколько именно, но ничего: удовлетворен». И это я, а другой непременно соврет.

7 октября. Мороз еще более сильный, чем вчера, и с туманом. Потом задумчивый день с полупросветами солнца, открывающими дали.

Мы ходили с Яловецким по вальдшнепам, но ничего не нашли. У озими перед нами вальдшнепа спугнули гончие, и вообще не повезло.

8 октября. Перенос мощей преп. Сергия.

Конская ярмарка. Всю ночь, подъезжая, гремели телеги берендеев. Мороза не было. Несколько раз брызгал дождь. Синицы стали прижиматься к домам, прыгают на подоконнике, листья летят, и все оглядываешься, думаешь – солнце, а это листья.

На охоту не ходил, устал от нее. Меня ждало и дома расстройство. Ярик уехал на родину в Смол. губернию, если чума не погубит щенков, то навсегда: конец Ярику.

9 Октября. Можно ли сравнить березовый лес высотою с мачтовым бором! но бывает в боровом редколесье*, возьмется светолюбивая береза на обгонки вверх так, что если отстать ей, то погибнуть без света, – и вот на удивление встречаешь среди мачт березу, высотою, как мачта, и никакой дробовик, если птица сядет на самый верх, не достанет туда. Так, бывает, у нас вырастает иная женщина в борьбе за свободу...

Я таких женщин знал на Руси не одну, дивился им, но пленила меня маленькая, самая обыкновенная женщина... Дорогая моя Варя, где ты теперь?

<*Приписка на полях*> Марсель Пруст «Под сенью девушек». изд. Недра. Москва, <19>27.

Моросит дождь. Прошелся немного по вырубке и ничего не нашел. Земля после морозов стала холодная. Еще немного и наступит могильное время...

Маня уехала. Дуня отказалась служить. Павловна осталась одна, и к ней теперь неподступись: рубашку себе не вымолишь, обед дает всегда с припевом, хоть из дома беги. В этой беде знаменитый писатель превращается в жалкую тряпку: этот момент семейной жизни очень напоминает первые годы революции, когда некоторые из народа даже Христа называли барином, потому что Он не работал, а только ходил и учил. Однако я посмеиваюсь в таких случаях и вспоминаю Льва Толстого, которому от Софьи Андреевны доставалось в 100 тысяч раз больше. При таких семейных бедах всегда мелькает мысль убежать куда-нибудь, И вот Толстой убежал: больше тут ничего и не было. Но ведь не все в этом побеге стали на сторону Л. Толстого, некоторые защищали и Софью Андреевну (100 раз «Войну и мир» переписала, выходила массу детей и «удовлетворяла»). И верно, какая-то правда остается и там, притом упрекающая... Что это? Я думаю, это упрекает вина в слабости своей: такого, мол, нельзя допустить и надо бы побить. «Непротивление» больше всего раздражает. Христос этим и возмущает все живое: «дерись!», а он подставляет щеку – возмутительно! Так и жена вызывает на бой...

Разобрав все это по существу, я заметил Павловну, несущую собакам таз, подстерег ее, выхватил таз и, прыгая с тазом, пустился к собакам. Она хохотать, и вся ссора кончилась.

---

* Попадет светолюбивая береза, и ей так придется, что если отстать, то погибнуть без света,– тогда начинается бег на обгонки березы и соседей; и после многих лет, среди многих неведомых могил берез, угасших без света с великим удивлением, я думаю, ты угасла в неравной борьбе, как простая береза, и даже следа мне твоего теперь не найти, кроме того, что навек осталась во мне неудержимой потребность узнавать.

Слушал по радио выступление от женотдела возмутительно шаблонное, и запас пролетарского бунта мне казался исчезающе ничтожным в сравнении с тем, что откроется, когда распропагандируют женскую массу.

10 Октября. Предполагаю сегодня ехать в Москву для переговоров с Полонским о работе в «Нов. мире».

Купить книги: 1) Станиславский «Жизнь в искусстве». 2) Белый «Москва». 3) Мемуары Витте. 4) Марсель Пруст.

Одежда. Сапоги. Непромокаемый плащ. Куртка. Из пищи: чай, кофе.

Признать необходимость (хотя бы на срок земной жизни человека) зла («необходимое зло») – это значит,...

...сопротивление материалов есть зло, если цель, напр., просверлить скалу, но это же есть и добро, если скала поддерживает мост...

...зло – это сила сопротивления человеку, преобразующему жизнь себе на пользу. Преодоление зла совершается борьбой с ним (война и труд).

Основная трудность в борьбе со злом состоит в верности определения зла. И, вероятно, ошибка в распознании зла и создает войну. Напр., куропатка – добро, ястреб – зло. Но если объявить войну ястребам и их уничтожить, то куропатка вырождается и делается никуда не годной. Если осушить иное болото – перестанет река. Уничтожить тюрьму – разбойники и воры будут мешать работе.

...Надо ясно видеть добро, чтобы различать зло...

Что такое Кащей?

...возвращаюсь к ястребу: если не будет его, куропатки выродятся, если не будет Кащея, человека не будет, если тень исчезнет – перестанет картина, значит, тогда добро становится как зло, и зло (появление ястреба) как добро.

Отсюда вывод, что если Кащей есть имя необходимому для творчества жизни «злу», то... что то? то, что он служит, как и Берендей, творчеству жизни.

Из всего этого выходит, что так же, как я нашел в образе Берендея силу творческого добра, так же надо найти для Кащея в крестьянской жизни образ творческого зла.

Берендей выходит из Григория («плотского греха не имею»): открывает тайну Золотой луговины; Кащей из Чурки (вечно с бабами).

Вот как вчера Е. П. начала защищать серную кислоту против соперницы и, когда ей сказали о Боге, она ответила: «А это тоже Бог... чтобы не дал согнуться перед негодницей. Вот еще! она скажет мужу, что гулять пошла, а сама на свидание к моему мужу. Я-то за ним хожу, я для него тружусь, а она даром

берет и своего мужа обманывает. Нет, Бог, конечно, Бог есть хороший, тихий, кроткий, но и это тоже Бог: силу посылает извести негодницу».

В чурке есть другой бог, чем Берендей, но далеко до Кащея: тот – смерть.

День прошел до крайности переменчиво: и не знаю, сколько раз принимался дождь и сколько раз проглядывало солнце. Кончился день чистым полнолунием. У меня тоже все переменилось, в Москву не поехал, все закупил в Сергиеве. Начал работу по разгрузке Павловны. Был у Григорьева (неудачно: жене его делали операцию, вынимали щепку из пальца).

«Хорошим» человеком с улыбочкой называют, как я понимаю, подлинного, натуристого человека, силою обстоятельств оторванного от своих корней, пересаженного в иную среду, где он мало-помалу приживается и делается нужным. Когда с улыбкой говорят «хороший человек» – это значит хотят сказать: нужный человек. Виктор Ив. Филипьев. Энциклопедия. Волково кладбище. На животе у Павленкова. (Все это подает мысль Алпатову вернуться к своим корням).

Есть неизбывный запас разрушительной злобы в положении рабочего класса, и если бы эта злоба иссякла, то непочатый запас ее лежит беспредельным пластом в положении женщины. Конца нет... Но всего в нескольких десятках верст от Парижа (Петербурга) бежит безмолвный поток жизни, где люди наивно отдают свою любовь, свою молодость, может быть, иногда и призвание труду на поддержание своего существования. Они или вовсе не говорят, или говорят не то, что думают. Они вечно ссорятся и даже дерутся, иногда убивая друг друга из-за такого пустяка, что судьи отказываются судить, отрицая всякое намерение и называя все не убийством, а «так пришлось» (пришел молод. челов. с ножом в затылке и попросил вынуть: «пришлось сделать трепанацию черепа»).

Их счастье для нас очень смешно: они за счастье считают хорошо поесть в праздник и здорово выпить, выгодно продать капусту, собрать родных в годовой праздник. Но самое удовольствие в их представлении, что какой-нибудь доставшийся им клочок земли или домик – как вечность, их клочок земли как вся земля, их домик как весь дом человека на земле, и обстановка в нем как вся культура. Этот злободневный обман счастливо закрывает им глаза на смерть, на любовь, на призвание. И вот почему они или молчат, или говорят не о том, чтобы приходилось к величию этого молчаливого потока жизни... они молчат, а капуста растет... коровы... овцы... домашняя утварь... все это скрывает в себе и пот, и слезы, процветая. И так семя человека процветает без идей: процветает... Люди мало-помалу

попадают сами в этот круг природы и начинают родиться от каменщика – каменщик, от башмачника – башмачник, все равно как от капусты – капуста. И вот, наконец, из всего этого является радостный всеобъемлющий дух (Берендея) (Берендей при встрече с цивилизацией, Григорий в «Кулинаре»).

<*Приписка на полях*> Нет, нельзя верить в себя, нельзя любить себя – это все вздор. Я не могу ничего сказать о себе, потому что живу. Вот, когда все пройдет...

Рабочий в Лейпциге и есть Берендей.

Алпатов уходит к берендеям от злобы, потому что ему не дана сила решать: ему остается жить-существовать, и в этот миг ему открывается мир с виду простейших существ (в платочках, в мантильках), в котором живет внутренний человек (трагический) затаенно (<*1 нрзб.*> Розанова-Коноплянцева).

Нет, автору нельзя верить в себя так, чтобы находить в себе пример и преподавать его другим. Я не могу этого сделать, потому что самому все еще очень хочется жить и, значит, менять все нажитое на неизвестное с постоянным риском остаться совершенно ни с чем. И вот почему, значит, в сочинениях о жизни, вытекающей, конечно, из самого себя, необходимы герои, эти карусельные кони, на которых можно ехать и представлять себе, будто едешь куда-то далеко не на своем круговом, а на настоящем коне вперед в пространство, в жизнь по возможностям. Только верю в одно, несомненно, и знаю в опыте я, автор «Кащеевой цепи», что живет на земле некто старше меня и бесконечно мудрее, и вот почему, когда я сажусь на своего карусельного коня, то наивный свой опыт адресую ему: это и есть мой друг и учитель, который из всей этой смуты, как я верю, сделает людям пример. Так вот и автор Дон-Кихота, знаю теперь по его биографии, меньше всего думал давать пример, а вышло так теперь, что от этого примера никуда не уйдешь. Что думаешь писать об Алпатове и его Ине Прекрасной, когда был Дон Кихот с Дульцинеей. Так ехал, ехал, и вдруг загородил дорогу длинный рыцарь на своем Россинанте. Так мне было вначале очень долго, из-за чего не выходила у меня повесть, оказывалось, кто-то раньше о моем давно написал и загородил мне дорогу примером.

С этими трудностями писания в моей юности я потом справился, когда сильно влюбился, и это самое избитое место – любовь – оказалось в моем примере не таким, как у всех, и мало того, оказалось, что ни у кого не бывает, как у всех, и вот почему об этом никто никогда не может написать последний роман, который своим примером загородил бы дорогу новым авторам.

Через понимание любви я перешел и к писаниям по аналогии, если я любил не по-общему, то и роман мой обежит все примеры, и если стены примеров сходятся и законопачиваются, то надо искать путь в тончайших скважинах земли. И вот когда я обратился к подробностям, то мой ручей вырвался и побежал.

Я теперь всегда делаю так и с Алпатовым, как только он начинает сходиться с общими стенами, я обращаюсь к себе самому на проверку, как было у меня самого; вскоре после того общая стена примеров как бы расступается, я сажусь на своего карусельного коня и мчусь как будто на полной свободе.

Вы помните это время, друг мой, когда мы с вами сидели в ссылке в уездном городишке, давали уроки, сходились вечерами между собой в ожидании марксистского журнала «Начало», и вот однажды все собаки на нашем дворе и соседские залаяли, вслед за тем раздался звонок. Алпатов бросился прежде всех на двор, открыл калитку, вернулся с книжкой журнала и крикнул: «Ура!»

И вот теперь, когда я думаю о переиначенном Гоголя мейерхольдовском «Ревизоре», я удивляюсь даровитому режиссеру, почему, переиначивая, он не прибавил и нас к Гоголю, пусть не марксистов, но хотя бы других каких-нибудь ссыльных: это было и при Гоголе. В нашем быту испокон веков была социальная дрожь, и Гоголь, конечно, относил ее к явлению грядущего «Ревизора». Но теперь, когда суд уже совершился над городничим Гоголя, Мейерхольд с полным правом мог бы ввести одну сцену, вроде как было у нас на собачьем дворе в ожидании журнала «Начало».

Вот, значит, как неизбежно колесо истории, что теперь не кажется нелепостью попасть с Алпатовым к Гоголю в состав «Ревизора». И так же неизбежно было попасть Алпатову в ту линию, которая сначала обозначена книгой «От марксизма к идеализму», а потом от Канта ко Христу.

Мне теперь предстоят огромные трудности в описании жизни Алпатова потому, что Алпатов заграницей должен все больше и больше отрываться от родного быта и стираться в книжности и в чисто личных достижениях. Но я думал, нет: ведь и книга-то, хотя бы Маркс или Кант, у русского юноши в то время была, как у простолюдина Библия: страшная книга, кто будет читать ее, помешается, читают одни смельчаки.

Помните, было время, когда всю Европу обежал роковой случай с одним старым евреем, который, прочитав у Канта, что мир есть только одно наше представление, поверил в это совершенно и, не желая существовать в таком обманном мире, повесился над раскрытой книгой о критике чистого разума. И вот Алпатов вступает в стены Лейпцигского университета, как раз в то время, когда один влиятельный марксист пишет покаянную книгу: от марксизма к идеализму, чтобы потом вскоре писать и

строить свою жизнь от идеализма к Христу. Для русского искателя в то время явилась новая и <*1 нрзб.*> наука о границах познания: гносеология.

11 Октября. Был у С. Т. Григорьева. Выпили и пошли на собрание лит. кружка Пед. техникума. Я разболтался там до последней степени. А ребята вели себя, как лорды в парламенте.

У меня есть свое такое, что необязательно другому, между тем я это рекомендую всем, напр., что талант зреет в опыте, значит, надо жить и учиться, тогда как Лермонтов и Пушкин уже в ранней юности писали лучше стариков...

Сегодня первые белые мухи, вечером и ночью лунно, не холодно. Перед самым восходом мороз.

12 Октября. Ясное морозное утро.

1-й урок

Нерль. Разложил под листьями в саду кусочки белого хлеба с маслом и с приговором «ищи!», с посвистываньем предлагал ей найти. Она их находила, причуивая только в самом близком от носа расстоянии. Потом положил кусочек на дорожке и, когда она потянулась, крикнул «нельзя, лежать», она и легла, и очень правильно. Потом еще раз так велел, и еще раз она легла правильно. А в третий раз повалилась на бок. Хочу заменить два слова «нельзя» и «лежать» одним «лежать».

Дубец

Находил так же как Нерль. При запрещении не ложился, но и не ел. Я его укладывал сам. Насилие так действовало, что он потом при разрешении сам не решался брать. Приходилось давать ему. После того я опять прятал кусочки, и когда он их причуивал, то не брал, а отходил. Дубец сейчас еще более робок, чем Нерль, с ним надо обращаться более ласково, более осторожно.

Прислуга Маша

Ее привела пожилая женщина. Мы спросили: «Ты ей мать?» «Нет», – ответила она. – «Родственница». «Да... нет, – замялась она, – мы в сношениях». «Сноха?» – догадался я. И она сказала: «Да, она мне сноха».

Комсомолка

С тех пор, как мода пошла на совершенно короткие юбки, появилась на улице постоянно преследующая меня девушка в красном платье с голыми ногами, толстыми, кривыми ногами, что не знаешь, куда глаза отвести от этого ослепляющего безобразия. Раньше я и не подозревал, что под юбками может скрываться такое множество безобразнейших ног. Очень возможно, что прежде необходимость скрывать безобразие в длинной одежде отражалось страданием в глазах, открывающим нам как бы внутреннего человека, присущего каждой женщине. Но теперь, когда стыдливость исчезла и обнажились ужасно безобразные голые ноги, то серые глазки на широком скуластом румяном лице смотрят нагло, обиженно и как бы говорят вам: «смотрите на женщину без романтического покрова, в ней нет совершенно ничего такого, о чем вы мечтаете».

Вот почему, я думаю, красивые стройные женщины не должны обнажаться, это мода некрасивых женщин лишает их последней красоты – стыдливости...

Земля охолодилась, воздух насыщен зимой так, что солнце – за облако, и начинают порхать белые мухи. Вечером, пока мы пили чай у Яловецких, крыши, мостики, перила стали белыми.

Кащей – это: 1) Тон человеческих будней. т. е. «не то» (что внутри): крестьяне говорят не о том, что у них настоящего; это сила, скрывающая град. В болоте это комары и весь гнус (а внутри Золотая луговина). 2) Жадность Кащея: мираж собственности (у крестьян это особенно): собственность превращается из средства творчества в повод к войне.

Вот факт моего самоутверждения в настоящем, который поможет мне не раскиснуть и в романе: после революции я во время ненависти, злобы и лжи решил против этого выступить не с обличением, а с очень скромным рассказом о хороших людях – так возникла «Кащеева цепь», и начался победный ход моего писательства. Как бы все принимаю, пусть господствует зло, но утверждаю неприкосновенную силу добра как силу творческого труда и прежде всего: «хлеб наш насущный».

Новый год в Лейпциге.

После ухода Ефима: ночная прогулка по Лейпцигу перед встречей Нового года. Ефим как родина, и видение родины как виделось мне родное гнездо после изгнания (т. е. все хорошие люди и, главное, мельчайшие подробности природы и быта, как заметно это у Бунина в «Митиной любви»). И когда это его озарило, то свет он увидел возле себя и обратил внимание на кабачок. Родина своя открыла родину другого народа как свою...

И рабочий-немец ему подсказал, что и его доля просто рабочего. Он будет работать.

13 Октября. Погода <*вырезка из газеты*>:

Виды на погоду в ЦПО и в Москве на 13 октября: дальнейшее похолодание. Температура днем от 0 до 3 гр., ночью заморозки. Меняющаяся облачность с прояснениями. Временами осадки в виде снега и дождя. Умеренные ветры с преобладанием северо-западных направлений.

Точно соответствует.

Лес и человек

Сколько слышишь прекрасных слов о лесах, что в них и грибы, и ягода, и птица наверху поет, и тень внизу для отдыха в жаркий день. Слышишь и сам видишь, пользуешься и не замечаешь того, как сами деревья живут в лесу. Только на вырубках, где от прежнего леса остается всего несколько деревьев, изуродованных столетней борьбою за свет, понимаешь, какую ужасную жизнь проводит отдельное дерево в лесу, как оно одно, само по себе некрасиво. Тогда сядешь на пень и задумаешься о том, какой же ценой достается самим деревьям, что лес вообще нам доставляет отраду. Мне в такие минуты всегда бывает неловко и хочется бросить причуду лесничего бродяжничества и бывать только в садах и парках, где каждому отдельному дереву дается полное счастье наслаждения светом.

Так вот, когда некоторые восхищаются вообще человеком на земле с его государством, искусством, «прогрессом», я думаю: они так же далеки от жизни самого человека, как дачник от жизни деревьев в общем прекрасного леса. Нет, не верю я больше никакому общему счастью, никакому общему слову, пока не разгляжу за ним жизнь отдельного существа.

А между тем, как поверхностно, непрочно, жестоко обыкновенное восхищение дачника сенью лесов и удовлетворение прогрессом вообще человека. Как <*1нрзб.*>, поддержанная разумом, в этом случае проглядывает жизнь отдельного существа, точно так же неверно складывается наша жизнь, когда на место разума становится диктатором сердце со своим исключительным вниманием к жизни отдельных существ. Страдающее сердце за больным деревом не видит здорового леса, в котором вырастают мачты для кораблей, несмотря на страдание каждого дерева в отдельности.

Нет, ни в разуме, ни в сердце до тех пор человек не найдет ответа на вложенное в его натуру чувство гармонии, пока не станет сам на свое собственное место существования и в <1 нрзб.> вместе с точкой своего бытия не опишет свой собственный меридиан.

<Приписка над строкой>: с полным риском для жизни и даже ценою унижения с протянутой рукой за куском черного хлеба.

Вот тогда через свое лучше и хуже, через свое сегодня и завтра он обретает вновь и веру в прогресс и действенное сострадание к близким: становясь на свой корень, человек обретает счастье, несмотря на несчастье друга, потому что сам делается – как все в мире с его доверчивостью и в жертвенном творчестве своем забывает себя.

Что вы скажете, мой друг, на это рассуждение? Разве только что укажете на ограниченность действия кругом желанного бытия среднего органического существа, не желающего считаться со сверхъестественным даром Божьей милостью или с запредельностью сверхчеловеческой воли так называемых «гениев». Да, это верно, я оставляю без внимания те свободные и обеспеченные светом существа, которые стоят на опушках и на серединах полян. Я говорю о таких возможностях и счастье безжалостной борьбы внутри леса отдельных существ за накопление света и тепла в древесине, составляющей в конце концов общее благо. Знаю, конечно, что в будущем вместо непролазных лесов будут саженые рощи, в которых много легче расти. Знаю, что уродливые скопления людей в деревнях сменятся расселением на хутора. Но пока этого нет, я не хочу в ожидании лучшего складывать руки как в лесу и принимаю безжалостную борьбу в лесу за свет с накоплением благодетельной древесины, так в обществе людей борьбу за культуру с ее человечностью.

Знаю последнее возражение и самое сильное: это ведь только рассуждение, только схема, только леса, где же самая жизнь, где дело, где здание, где роман, этот саженый парк, в котором автор заступается сердцем и разумом за каждое отдельное дерево? Не рассуждения, не леса нам нужны, а поступки героя Алпатова. Вот, отвечаю, именно затем я и советуюсь с неведомым другом, что хочу сократить описание поступков, в которых очень возможно, и все эти аналогии общества с лесным окажутся наивными и ненужными.

14 Октября. 1-й зазимок.

Порошило в сырости. Яловецкий с Петей поехали в Душинцево на зайцев. Вечером после их отъезда улица стала белая, и я пожалел, что не поехал: 1-й зазимок.

Была В. А. (оккультная дама) и говорила, что находит в моем писательстве что-то общее с Тагоровским. «Что?» – спросил я. Она сказала: «Радостное утверждение себя во вселенной». Я ей заметил: «А некоторые находили у меня общее с Гамсуном». «Это есть, – ответила она, – мне кажется, вы и сами этого хотите».

Показалось интересным и значительным, но очень может быть, потому что приятно, когда о тебе хорошо говорят. В этой

даме все-таки есть нечто меня как бы немного отталкивающее, что это, не могу понять. Возможно, что это какой-то ее «подход», что ли... Я провожал ее до дому, и она спросила меня о дочери: что делать с ней, как сообщить ей «упругость духа» и проч. Конечно, я был растерян, как всегда, если спрашивают меня: «учитель, что делать».

<*Приписка на полях*> Случай в Туле.
– Гражданочка, вы откуда едете?
– С женского съезда.
– Вот что! Ну что же постановили? женское?
– Постановили...
– Никогда этому не бывать!
– Пусть говорят!
...Был такой случай в Туле, жеребец в упряжке покрыл кобылу.

У нас в России взять чужое ни за что не считается, и если кто обронил деньги, и другой вслед на ним шел, взял и притаил, то это какой вор! Вот если бы такой нашелся востроум, что взял бы свою собственную пятерку, принес бы в милицию, сказал бы, что нашел и через то бы приобрел во всем краю известность честного человека – у нас ведь так никто не делает, и за 5 р. можно сделаться сразу знаменитым по честности – а потом через это получил бы доверие на 1000 рублей, да и смыл бы их – вот это вор настоящий, но таких у нас мало, и берут исключительно только, что плохо лежит, считают в этом себя совершенно правыми, на то, мол, и щука в воде, чтобы карась не дремал.

15 Октября (Покров). От рассвета дотемна шел снег с ветром, таял, но все-таки поля покрыл совершенно. На дороге только грязь. В воздухе мозгло.

Читаю Горького «Клим». Описывается дом почтенных людей, но кажется, что все это люди как будто на улице живут, в ночлежке или на пароходе.

Художественная мысль начинается в сердце, потом попадает в голову, снова возвращается в сердце и является. У Горького заряд разряжается в голове.

Вечером Лева приехал.

16 Октября. Вчера вечером остановилась мокрая снежная метель, прояснело и за ночь подморозило: вот-то Петя поохотится!

Я из-за приезда Замошкина пропустил первую порошу, но не раскаиваюсь, потому что перед светом явился мне во сне мой белый голубь, и когда я потом открыл глаза, я понял такую

радость от белого снега и утренней звезды, какую не всегда узнаешь на охоте.

Вот как нежно, провеяв крылом, обнял лицо теплый воздух пролетающей птицы, и встает обрадованный человек при свете утренней звезды и просит как маленький ребенок: звезды, месяц, солнце, птицы пойте же, белый свет, станьте на место улетевшего белого голубя. И такое же в этот заутренний час было прикосновение понимания моей любви как источник всякого света, всех звезд, луны, солнца и всех освещенных цветов, трав, детей, всего живого на земле. А потом я увидел ясно черным по белому все немудрые проделки с людьми Кащея и задумался над самим собой: как же мне-то все-таки удалось сбросить с себя Кащееву цепь?

Мелькнул в памяти один поэт, который, понимая всю природу Кащеевой цепи, сознательно принял все меры, чтобы не допустить своего плена, и как раз он-то и попал в плен более тяжкий, чем все. Из этого я вижу, что освобождаются от цепей в простоте. Ошибка поэта была в том, что он свои действительно драгоценные стихи понял не как дар жизни, а свою собственную жизнь заменил этими стихами: так он забыл свой священный родник. В конце концов его погубило «положение» поэта.

Но с другой-то стороны, как же быть? Если творчество есть сила освобождения от цепей, то это же самое творчество может и сковать цепь: как сохранить силу творчества до решимости схватиться с самой смертью? Раздумывая об этом, приходишь к мысли, что сила творчества сохраняется теми же самыми запасами, какими сохраняется на земле вечное детство жизни во всех ее видах. И тут опять простота: иной, сознательно облегчив бремя жизни сокращением детей – погибает, другой, размножаясь безгранично, счастлив в своем муравейнике.

Весь секрет в обеспечении в себе такой простоты: такой нивы, которую сладко пахать, и другой этому не завидует: у него под ногой тоже нива, в руке такая же соха, такие же веревочки к лошади, все то же, да вот я иду бороздой и песни пою, а он идет и ругается.

Прошелся в лесу: вот гон какой, вот натешится Петя. Но я уже при такой пороше не раскаиваюсь, что остался: того охота не может дать, что делает минута спокойствия духа, готового вступить в большую борьбу.

И этот тихий, белый, звонкий день я понимаю как день спокойствия перед последней борьбой. Кажется все как в лучший зимний день: и засыпанные снегом высокие сосны-свечи, и следы на опушке, и далекий праздничный звон. Только вот некоторые березки стоят с желтыми листьями, а на кустах ольховых много есть еще и зеленых, и этот зеленый лист говорит, что еще не конец, что опять начнутся ненастные дни с дождем и бурей,

что земля опять обнажится и разверзнется могилой в тумане и сырости, что еще много будет всего.

Приехал Замошкин с Рудневым. Замошкин прямо с вокзала ко мне, а Руднев к Григорьеву, и потом все собрались у меня. Замошкин рассказывал о Ценском, которого видел в Крыму (мизантроп женился). Говорил о Бунине, который где-то написал с презрением о Горьком, что в 15 лет за ним «мы шли», а теперь видим, что из этого «вышло». В Европах реакция, интеллигенция массами обращается в католичество (перегоняет пастух овец из одного стойла в другое). Говорят, что переговоры с Францией оборвутся. Сталин будто бы сказал, что, в конце концов, из положения есть выход: война при поддержке европ. рабочих.

Руднев перенес измену жены – это рыцарь! Что может быть труднее такого положения: рыцарь сражается за свою Даму, а она ему изменяет. Рогатый рыцарь на бобах: положение жалкое и безвыходное, очень близкое к оскоплению (между прочим, это самое произошло с Блоком, только Блок утратил Даму, потому что не хотел сам вступать с ней в физ. связь, и это сделал другой – дело чистое; а Рудневу изменила женщина в состоянии беременности от него же, значит, все меры были приняты, и все же...).

Охота по пороше

17 Октября. В субботу в Душинцеве Яловецкий с Петей убили одного беляка. Шел мокрый снег. Оба насквозь промокли. В воскресенье там же они убили еще одного беляка. Сегодня мы с Петей около Дерюзина убили двух беляков и дотемна гоняли русака. 1-й беляк был убит Петей на «Княжеской вырубке». Петя стрельнул его с лежки. Соловей бежал за ним еще полкруга. Петя пошел по следам и когда увидел, что Соловей п...л, понял, что заяц где- нибудь тут лежит: на ходу же Соловей не станет этого делать, а, значит, догнал, покончил, п...л и пошел по другому. И, правда, заяц лежал тут же под сосной. Второй заяц нам дался труднее, потому что обогрелось, и снег с деревьев стал обрушиваться вместе с листьями, все белое в лесу от этого зарябило от упавших комков и запестрело от листьев. В лесу шумело, гремело, везде шевелились ветки елок и кустов. Нужно удивляться, как Соловей все-таки поднял. Беляк, спасаясь от шума падающих сверху комков снега, постоянно залегал в густом еловом подседе. Мы долго с ним провозились, пока он не нарвался на меня на опушке. К вечеру стало очень тихо и сильно морозило. Потом после заката начался ветер и <*не дописано*>.

<*Запись на полях*> Следы на земле и бум...

18 <Октября>. Опять пороша, но слепая и с ветром, снег шел и на рассвете, потом стало теплеть и теплеть. Вечером дождик погнал порошу.

<Приписка на полях> В понедельник пейзаж был совершенно такой, как бывает весной, когда деревья начинают распускаться. Ночью выпал снег, и утром в солнечный день так ярко светятся зеленеющие деревья. Только внимательно и близко рассмотрев деревья, я узнал, почему это осенью зелень их была такой нежной: на некоторых березах листья, наполовину обожженные морозом, желтели, наполовину замерзли зелеными, и эта старая зелень с желтым издали, сливаясь, давала впечатление нежной весенней зелени. А то еще листья ольхи, замерзая, бледнели и тоже просвечивали зеленым.

Купить «Декамерона».

Продолжение чтения Горького:

Лица иногда появляются без внутренней необходимости и потому не запоминаются: «Макаров» горюет, и думаешь: «кто же это такой» и листаешь страницы назад. Получается роман вроде пирога с мелко нарубленной начинкой. Чтобы запоминались лица читателем, нужно характеризовать его самим действием.

Гимназисты не могут так умно разговаривать, как у Горького.

Осилить зверя, согнать: загонять вязко *<1 нрзб.>* новичка. Остался попом. Зайцев-бурун. Забойные дожди. Водомоина. Помычка гончих. Густые низкие облака цепляют верхушки леса. Выстрелы не дают отголосков: глухие дни. Заразистые места (густые). Оттоптал лису. Поносистая ель. Гончие увязчивые, полазистые.

Кн. Трубецкой мне подарил Тартарена Додэ с автографом Сергею Трубецкому. Продолжает пить так, что с концертов своих приносит виолончель, полную снегом.

Милость разбойника, а простота покоряет и черта.

19 Октября. С утра дождь.

Записываю решение для возможности написать роман, решение выдерживать режим: 1) Курить не более 2-х папирос в час. 2) Утром с чаем черный хлеб и масло, в 9 ч. простоквашу.

Писать решительно, т. е. стремительно вести повесть до конца, не отдыхая между звеньями и не отделывая каждое из них до конца. Пишется рано утром черновик. После рассвета

по готовому на машинке. 2-й черновик и конец, больше не отделывать и гнать до конца, не впиваясь в удачные места.

Мало ли что приходится переносить на пути своих достижений, и когда препятствие оборимо хотя бы ценой всей жизни, мы принимаем соответствующие меры и не говорим о нем, как об абсолютном зле. Но часто препятствие для своего устранения требует целого ряда последующих жизней, тогда отдельному уму препятствие кажется абсолютным, непобедимым злом. Вот таким абсолютным злом некогда были признаны большие города в их противоположности природе. Мало-помалу выяснилось, что городская болезненная жизнь – это не абсолютное зло, что жизнь в городе умеряется отдыхом на дачах, в санатории, в путешествиях, и, наконец, что при удешевлении производства всякого рода моторов, шоссейных и воздушных, легко предвидеть возможность расселения городских людей, так что сами города останутся только для встреч в общественном труде, для обмена мыслей и продуктов. И все-таки до сих пор остаются у многих вздохи о природе и представление о городах как о неизбежном зле.

<*Приписка на полях*> Если научиться выходить из себя и в таком состоянии чувствовать свою жизнь как бы продленной далеко за пределы своего срока, то никакое зло нельзя назвать неизбежным. Да, только бы удалось почувствовать жизнь свою продленную, как это же самое зло часто может обернуться в добро. И потом, входя опять в свои берега, можно с иным лицом встретить зло, и странно: оно переменяется. Так можно даже иногда, выходя из себя, переменить всю свою жизнь.

Гибель пороши

19-го в среду в предрассветной темноте заходил князь с собаками. Я отказался: очень сыро, едва ли снег устоит. Рассвет в тумане, потом дождь весь день. А ночь на 20-е опять светлая со всеми звездами и обрывком луны. Хорошо наморозило за ночь, и уже начинался роскошный рассвет, но перед восходом верхний рыжий туман закрыл ровно все небо и начал спускаться, закрывая верхушки леса. Была мертвая тишина. Кое-где только по склонам оврагов снег. (Продолжить описание хода осени в этом тоне как цельное действие, для этого надо отмечать факты, и когда определится «что к чему», то писать главу вроде «гибель пороши».)

Именины Григорьева. Канонарх о. Потамий («Попотамий»). Моросило в тепле. Ночью буря. Утром из-под бродячих туч вырвались лучи солнца и показывали обрывки летней роскоши, в самой нежной красе <*3 нрзб.*> был брошен белыми носовыми платками. Вечером стало моросить, в ночь на <*не дописано*>.

21 Октября. Бушевал ветер, и утро открылось при ветре оранжевой полосой на востоке, в которую потом глянуло солнце и скрылось, да так и пошла почти на весь день игра ветра тучами. Под конец дня ветер стал стихать, и началась такая звездная ночь...

О N. Какая бедность любви и какое богатство мечты и думы!

Вспоминаю разные случаи, и мне сейчас так представляется – не знаю только, верно ли скажется – я думаю, что если кто говорит «люблю», это значит он как бы желает взять себе средства для жизни на вексель. Правда, ведь это «люблю» еще совсем не значит «люблю» по-настоящему, а только – хочу жить. Часто вдруг оказывается, что он не любил, а обманывался, и она думает: он ее обманул. Вот если после всего, когда все давно кончилось, и человек один сам себе скажет: «я любил» – это значит вправду любил. Часто ничтожная проходящая ссора закрывает облаком любовь, и самому себе через это вовсе уже не видно, в любви проходит жизнь или нет. Только в утрате показывается любовь, как все равно жизнь, самая простая жизнь становится невыразимо прекрасной мечтой, если человека лишат свободы; да какая там жизнь: умирающему от голода в кусочке черного хлеба постигается счастье. Так, мой друг, смешно говорить нам с вами о счастье любви после стольких невзгод и унижений. Оставим юности писать на своих векселях недостижимые идеалы, нам векселя не нужны: мы с вами отчетливо знаем, что жизнь дорога, надо просто жить, а когда проживем, то скажем: я жил, значит, любил.

<Приписка на полях> Своя рогожа милей чужой рожи (сказал Берендей).

22–23 <Октября>.

Ход осени

В субботу 22-го окт. утро было морозное и тихое, потом с переменным счастьем шла борьба за жизнь и свет. Вечером в темноте полетел снег, потом сильный и короткий дождь, после которого небо открылось на всю ночь, и к утру подморозило. Мы вышли на охоту в район Скоропустовского завода (Трубецкой, Яловецкий, Петя и я). В темноте направо от полотна новорожденный месяц с дополнительным кругом и возле огромная звезда светились и в предрассветный час, и потом на заре и долго не исчезали после восхода. Сколько ласки мне было от этого союза новорожденного месяца с его большой звездой, и все потому, что уже лет 25 я смотрю на них и думаю о своем

и складываю это свое туда, как в копилку. И так ведь не я один в свои 25 лет, а миллион людей в миллионах лет!

Через три-четыре версты к северу от Сергиева открылась на земле легонькая пороша, и чем дальше мы шли, тем становилось прочнее. (Говорят, между Мытищами и Пушкиным наблюдается всегда резкая перемена климата, напр., севернее лежит снег, или весной южнее деревья распускаются, а севернее стоят, как зимой и т. д.) Собака по пороше причуяла лисицу, и мы ее взяли (старый кобель, убил Яловецкий). Вчерашние капли дождя на деревьях, замерзнув, так и остались прозрачными каплями и сверкали. Потом пороша растаяла, и с нею расплылись по траве все следы, сверху еще полило с деревьев и совершенно уничтожило возможность охоты. А после 12 дня начал моросить дождь, и так продолжалось до ночи. Последние дни этим и характерны, сменой морозного утра и кислого дождливого дня, все так и идет, дождь и мороз.

<*Приписка на полях*> Обратно мы шли верст 12 вдоль Пересл. шоссе, по которому непрерывным обозом в течение нашего трехчасового пути ехали мужики с базара. Конечно, то были все разные люди, как и в городах, но со стороны это были все мужики, все пьяненькие. Все они одинаково, если бы мы шли пустые, кричали бы нам: «а где же заяц?» Теперь же, когда мы четверо шли с одной лисицей, все они в один голос в течение 3-х часов, оглядев лисицу, кричали:

– А где же другая?

Я сказал своему спутнику:

– Ну и много же у нас мужиков.

– Милли-оны! – ответил он.

Горькому

Афоризм, парадокс и проч. жизненные домыслы имеют свойство бесконечной дробимости, и если ими злоупотреблять в диалогах, то роман становится как бы фаршированным. В повестях у Тургенева постоянно видишь, как эти философские диалоги, распределенные между людьми, висят в воздухе. У Достоевского они удаются потому, что, во-первых, все они имеют единство, во-вторых, очень искусно вплетаются в действие. Толстой относит их к особому лицу, за сценой вроде Рока («мне отомщенье» и проч.). Розановские афоризмы окружены иллюзией личных и ежедневных переживаний автора. Наконец, Андрей Белый параллельно с видимым действием жизни ведет особое оккультное ее толкование. Эти «выноски» наиболее искусно сделаны у Пушкина в «Онегине», и образцом для всех могут служить домыслы наивного свидетеля великих событий истории летописца Нестора.

У Горького характерна бесконечная дробимость его выносных мыслей, образуется что-то вроде фарша в романе, которым начиняются лица все без различия пола и возраста, так что разговор гимназистов иногда можно отнести к беседе индусских мудрецов.

И вот если у Гоголя является черт из трагедии сердца, то у Горького, я думаю, он выходит из трагедии разума, из упрямого желания разделять и бесконечно дробить то, что по существу своему не делимо. Притом эта подмена необходимого синтеза незаконным анализом происходит помимо воли автора, переносится где-то в его подсознательное я, и вот почему его творчество характерно чудовищными провалами. Говоря попросту, он при громадном художественном таланте, далеко превосходящем в смысле постижения жизни наше обычное разумное ее понимание, непременно хочет быть и обыкновенным разумником. Очень возможно, что его рассудочный герой Клим, который «учится любви», и является образом Горького, который тоже все учится.

Прочитав больше половины этого фаршированного романа, я с большой радостью отдохнул на подлинно горьковской странице про охоту на сома.

2) Очень боюсь в своем романе провалиться тоже на «домыслах» на философии, но только надеюсь на свой опыт писателя собачьих рассказов. Вот истинная школа для художника-писателя писать о существах, которые не могут между собой беседовать умно, диалогами, как у Горького. Впрочем, есть писатели, которые и собак и лошадей подгоняют к людям («Холстомер» Толстого).

3) Кончил «Клима».

Под конец, при описании Ходынки и особенно царя в Нижнем, у меня явилось понимание, что в будущем ходе романа столь угрюмо скучная жизнь героя Клима представится необходимым вступлением к огромной картине событий русской истории, которые всех нас так живо задели.

Ну-те, Алексей Максимыч, роман ваш я прочитал весь очень внимательно. Долго я не понимал, из-за чего тянется такая скучная жизнь Вашего героя Клима, признаюсь, поругивался на диалоги мудрости, которые Вы влагаете в уста даже младенцев, отчего весь роман кажется каким-то фаршированным. Я даже записал себе памятку: «не рано ли тебе, Михаил, о людях писать, поучись-ка еще на собаках или на растениях, которые совсем не разговаривают, а между тем, жить без них невозможно». В средине романа страшно меня обрадовала охота на сома, в которой я узнал драгоценного Горького и решил читать дальше, не ругаясь, потому что ошибки такого человека и писателя, как Максим Горький, ценнейший матери-

ал для раздумья. Под конец при живом описании Ходынки («икра») и особенно царя в Нижнем (китаец-то!) у меня явилось понимание, что в будущем ходе романа скучная жизнь героя представится необходимым вступлением к огромной картине событий русской истории, которые всех нас так здорово задели. Любопытство мое еще задето и дальнейшим ходом истории любви Клима, когда, наконец, этого истукана прошибает живая любовь с ее творческим страданием и родственным узнаванием земной твари. Словом, под конец я «расчитался» и жду продолжения с полной уверенностью, что живущий в Вас талант художника развернется на огромном полотне во всю свою мощь.

Я несколько робею писать Вам о том, что считаю «ошибками», знаете, не умею как-то формулировать свои догадки и все боюсь, что у меня выйдет «субъективно», словом, как все русские, глуп вне своего дарования.

Сейчас прочитал в «Известиях» Ваш манифест «Десять лет». Не раз и мне приходило в голову, что не так уж плохо у нас и что следует мне написать «на страх врагам» заграницей «дифирамб», подобный Вашему (в царское время я одно время так ненавидел кадетов, что мечтал про себя объявиться «назло» черносотенцем). Но размышления всегда меня приводили к результатам таким: 1) что заграницей на Пришвина – раз плюнуть, а у себя можно сделать предельную карьеру госписа, вроде Демьяна Бедного, и дальше идти уже будет некуда. Так мало-помалу создалось у меня аполитическое равновесие бытия: восставать на зло (если это зло) я не имею права, т. к. сам же его создавал, подчеркивать добро – мне невозможно; итак, довлеет дневи злоба его: буду рядовым тружеником-художником, что вне – то от лукавого. Ваше положение внешне совершенно свободного человека совсем другое, чем мое, и Ваш «дифирамб» – значительный заряд по врагам и в то же время внутри является, вероятно, одним из немногих примеров русской истории содружества за совесть бывшего анархического интеллигента с новой государственной властью.

24-25 <Октября>. Понедельник 24-го. Весь день был глухой и хмурый, облака цепляли за верхушки леса. Вечером пошел снег с ветром, и к полночи была готова отличная пороша. Но утро 25-го вышло теплое и туманное. Это был мутный день, сочащийся, после обеда дождь. От всей моей зеленой кущи тополей осталось перед окном на тонкой веточке два листа, черных, как застарелые удавленники.

Мы с Петей обошли значительный круг в поиске лисиц, но свежих следов не нашли вначале, а под конец у Киновии нашлось много, но они были все уже ночные. Рябчики в такие глухие моросливые дни сидят крепко в елках (не забыть, как

этой осенью в морозное утро мы с Яловецким взяли живьем певчего дрозда).

Вчерашняя пороша много прибавила грязи. Читал в 10-й книге «Нового Мира» ст. Полонского о Пильняке. Очень хорошо местами, все верно. Только удивляешься: главный ударный пункт Полонского – это неустойчивость, неверие Пильняка, притом сам он делает вид человека, совершенно знающего абсолютную истину, и он ее не скрывает: это истина – революция, и в революции организация; так вот и удивляешься, как это у Полонского просто и гладко с вопросами веры и совести. Притом его упреки Пильняку в интеллигентском происхождении высказываются без всяких оговорок, как все равно – «что же доброго может быть из Назарета?»

Я лично считаю, что если и можно «верить» в революцию, то исключительно только в смысле осуществления, оправдания той веры, которой жили поколения русской интеллигенции в борьбе с царизмом, значит, интеллигентское происхождение не так уж простое понятие, чтобы им бросаться. Надо было сказать ему о происхождении от вырождающейся интеллигенции и т. п.

Вот бы сделать опыт, изучить какой-нибудь хороший завод и просмотреть на передовых рабочих, – в чем тут дело, и есть ли что.

<*Запись на полях*> Мысль, изреченная только тогда не ложь, если она изрекается в лично сотворенной форме.

«Не лгать – можно (в мемуарах); быть искренним – невозможность физическая» (Пушкин).

Пишу Алпатова чистым, а между тем сам в это время не был чист, и это очень задевает: ведь я хочу держаться натуры. Но вот особенность моей натуры, из которой можно выделить кусок для создания Алпатова: в общем редкие «падения», притом с проститутками, совсем не затрагивали собственно эротическую сторону моей природы, напротив, очень возможно, что именно это силой отталкивания («не то!») закупоривало девственность, создавая экстремизм. Совокупление с проституткой в отношении девственности юноши значит не больше, чем, напр., для девушки значило бы хирургическое устранение девствен. плевы. И потом с женой, совокупляясь лет 12, я ничего не утрачивал из «целомудрия». Только когда мне было лет 40, я немного понял секрет сладострастия: «греховность» полового акта начинается, когда в процесс включается сознание, которое изобретает технические приемы для увеличения сладострастия. «Романтизм» я понимаю как излучение эротической силы вне себя, отсюда *экстремизм*. Напротив, нормальное отправление пола создает

дом. Романтизм – это центробежная сила, это момент брачного полета птицы ввысь, самца за самкой, а половая деятельность – центростремительная сила, она соответствует моменту, когда самец догнал самку и падает с ней по вертикали к центру земли.

У животных и брачный полет (романтизм), и затем спаривание – один цельный процесс, у людей раскололось на романтизм и, скажем, родовитость. Романтизм лежит в основе арийской культуры (Европа), родовитость – Восток. Кант с его идеализмом (мир как представление) есть явление экстремизма, героизма (самец, утратив из виду самку, продолжает лететь до тех пор, пока, наконец, движение его не становится как бы самоцелью, «представлением», идеей», а самка, т. е. мир в себе, недоступна, не познаваема. Дульцинея, значит, или Прекрасная Дама не больше как принцип, идея, представление утраченной самки, влекущее героя лететь в пространство. Такое же значение имеет и крестовый поход. И очень возможно, что движение ума в направлении изобретения машин в капитализме индивидуально, в социализме общественно, как путь к созданию «счастья» означает тот же самый брачный полет, первую, экстремную половину цельного акта, а то почему же всякий раз с изобретением машины у нас возгорается мечта на соотв. лучшую жизнь, и потом жизнь не изменяется.

1) Разобрать, почему социализм воспринимает враждебно романтизм. 2) Разоблачение Кантовского и пр. экстремизма в образах <*1 нрзб.*> вложить Писареву в кабаке, когда немец вызывает на дуэль Алпатова).

Идея «прогресса» относится также к экстремизму.

(Это позволяет понять мгновенную перемену в Алпатове в миропонимании: что не вперед все движется по линии, как поезд, а кругом, как солнце. Это произошло, когда оказалось, что дальше лететь некуда).

Другая, восточная, центростремительная сторона жизни человека, родовая, бытовая, банно-базарная, семейная, земная.

Пришли Яловецкие. Читал «Дифирамб» Горького, и так решили, что он не за страх, а за совесть в плену своего двойника-современника.

Один очень близкий к жизни деятель сказал – есть много отличнейших ребят из коммунистов, но хорошее у них не от коммунизма, их хорошее от русской натуры и, может быть, от революции, но коммунизм дает только формализм, только бюрократию.

Он же сказал, что сознание крестьян и рабочих в стране, конечно, растет, и многое движется к лучшему, но это, скорее, вопреки коммунизму, потому что время создало множество разных толчков к движению сознания, как, напр., что сколько же людей повидало хозяйство Европы за время войны и т. д.

Раздумывая о неудаче Горького с его романом, я пришел к выводу, что неудачи его потому, что он выходит за пределы своего дарования и хочет дать философию, науку и этику. Этим кончали все крупные русские писатели: претензия на учительство – это склероз великого искусства. Учительство является как нечто внешнее сравнительно с искусством, и в этом его соблазн влекущий падение художника.

Вот что я думаю об этом: торопливость, стремление высказать всего себя за свою жизнь является от неверия в свою будущую жизнь, т. е., что другой непременно придет, и если ты не докончил свою мысль, то он докончит, и твоя же жизнь будет в другом, и все тебе дорогое объявится и через тебя же самого в другом. Этого чувства обыкновенно не хватает людям, и, хватаясь за свою индивидуальность как за свой дом, который непременно будет разрушен, они выходят из себя, из своей меры: вот источник претензии на учительство у художников.

<*Запись на полях*> Сказ – не указ.

Кто-то сказал, что в Сергиев приехали англичане, были в Лавре и у кустарей, все видели, все разобрали, что красиво, что ценно, и уехали. Показалось так, что мы сами просто живем и не видим, что у нас ценно и красиво и что, значит, когда-нибудь явится к нам кто-нибудь, знающий цену, отберет, купит все интересное, а у нас тогда и надежды даже не останется: нам останется хлам. Тогда будет совсем неинтересно на родине: родина тогда лишится своих девственных недр, и мы будет жить, как все, по определенным, точно установленным законам.

<*Запись на полях*> В Москве: 1) книжку Подох. налог. 2) Леве: книга для Тальникова, Карасева, Семашко.

Слышал, что в центре задумали сладить оппозицию справа и для этого дела ищут подходящего человека.

Выходить за пределы своего дарования под конец жизни свойственно всем русским большим писателям. Это происходит оттого, что́ посредством художества, кажется, нельзя сказать «всего». Вот в этом и есть ошибка, потому что «всего» сказать невозможно никакими средствами, и если бы кто-нибудь сумел сказать «все», то жизнь человека на земле бы окончилась. Поэтому пределом моего дарования я считаю свой художественный кругозор, т. е. способность заключать жизнь в свойственных моему дарованию формах. Я могу создать вечную форму своего личного бытия в том смысле, что эта форма будет необходимым звеном той цепи, которая соединяет со всяким настоящим прошлое, со всяким настоящим будущее и называется культурой. Никакой другой вечности творческого создания быть

не может, и последнего слова сказать никому не дано. Стремление сказать последнее слово вне своего дарования (Гоголь, Толстой и друг.) есть результат распада творческой личности.

Правильный жизненный путь человека на земле – это который короче всех к творчеству будущей жизни и в самом творчестве, который сохранит творческую личность деятельной до физического конца.

<*Запись на полях*> Обочина у дороги.

<*Запись на полях*> Очки починить и пенсне купить. Леве дано в расчет 16 р. 50 к. Взять в Москве 186 р. <См. в Приложении параллельный охотничий дневник с 26 октября по 31 декабря>

31 Октября. Собираюсь в Москву на заседание ГИЗа об издании детских книг. Ездили в Москву, ухитрились истратить в несколько часов 150 руб. (114 Ефр. Пав. на сукно, 15 руб. прокутили и остаток на книги).

Задали мне тему: «как работает писатель». Вот по этому поводу: писать в форме письма к Ашукину. «Дорогой Николай Сергеевич, раздумывал о Вашем предложении написать в Красную Ниву немного о ремесленной стороне моего литературного производства, пересматривая свои записные книжки, рукопись разных лет на протяжении почти 25-летнего существования своего литературным трудом, я заметил, что технические приемы моего мастерства, о которых и надлежит мне написать, чрезвычайно разные: впечатления мои, наблюдения и т. д. записывались иногда в отличные книжки, иногда на клочках, а то и совсем не записывались, иные вещи удавались в один присест, другие создавались такой кропотливой работой, что даже стыдно писать о ней. В общем, я прихожу к выводу, что самое ха рактерное в моем мастерстве, это неутомимая потребность меняться так, что все мое достижение в области мастерства сводится как бы к навыку постоянно разрушать свои привычки с постоянным страхом замкнуться в формальных берегах и упустить жизнь. Вначале все происходило, конечно, наивно, я просто бегал за материалами (за жизнью), а потом когда одумался то, разумеется, остановился, но беготню свою взял как бы методом писания, и в технической его части стремился писать разными перьями, на разной бумаге и очень опасливо смотрю, когда на этой ерунде привычно начинаю новый свой день.

Все это объясняется, как я думаю, главным образом тем, что для писательства мне очень много приходилось бороться с рассудочностью своей и так сильно, что просто физически бежать от нее, т. е. путешествовать, блуждать. Я в сильнейшей степени обладаю способностью терять предмет из виду, если я к нему привыкаю, и так быстро привыкаю, что в повседневной жизни

ничего и не вижу, и путешествие мое было средством ловить свои впечатления и записать их в свою записную книжку в тот момент, когда я о них еще не успел обдумать хорошенько и засмыслить. Но это не значит, что я во время своих путешествий писал: так у меня ничего бы не вышло. Во время своих блужданий в свою маленькую записную книжечку, (часто клочка бумаги хватало мне на все путешествие), я заносил первичные впечатления одной-двумя фразами или даже словом, и этого было довольно, чтобы потом все вспомнить.

Борьба моя с рассудочностью и привычками началась с тех пор, когда я взялся за перо. Мои первые неудачные повести были написаны языком литературным и неудачны были, потому что, во-первых, их построение исходило не от сердца, а от головы, во-вторых, написано было чересчур литературно.

Напротив, когда я в путешествии обретал несомненную уверенность, что какой-то огромный мир существует вне меня, что я был свидетелем его, то в сочинениях появлялась и мысль и оригинальный язык. Если принять во внимание, что занялся я литературой поздно, что «растекаться мыслью по дереву», как говорят семинаристы, я не имел возможности, и тут же и всякие свои находки обращать в средства существования, то можно себе представить торжество и удивление, когда найденный мир, чувство, скажем, вера в мир, который больше меня, стали давать мне средства для существования. Я это, конечно, намотал себе на ус и в дальнейшем весь мой метод был главным образом в разрушении привычек (обновление самого себя, чтобы не сделаться попом, который молебен свой бормочет кое-как по привычке и все внимание свое сосредотачивает на гонораре).

2 Ноября. Вчера Е. П-а обнаружила такую жадность к наряду! и я понял ее, как ребенка, которого ничего бы не стоило соблазнить. И все-таки, если она не выходит из-под (скажем) руки, – это превосходная, добрая и умная женщина, и такая вся наша Россия, весь народ. Я думаю, что нечто в этом роде было и в семье Льва Толстого, что он упустил что-то в своей семье и, не выдержав, убежал. Я думаю, что мысль «убежать» в тайнике души его всегда лежала как последнее средство, и он воспользовался им в гневе, полусознательно, и был неправ. У меня это сидит тоже гвоздем, и я способен в гневе к самым безумным поступкам. Между тем, если быть всегда начеку и не запускать жизнь, то отлично можно улаживать без вреда своему делу. Самым лучшим и вернейшим средством для этого надо считать удаление себя из дому на месяц, на два, больше и представление определенной суммы денег для самостоятельной жизни. Таким образом, можно потом постепенно устроиться для отдельного житья или, наоборот, для более прочного совместного, или же, наконец, житья с периодическими отъездами.

Второе пришествие М. Горького

Горький о своих новых работах

<вырезка из газеты>

«Кончаю 2-й том «Самгина». Мне хочется написать книгу о новой России. Я уже накопил для нее много интереснейшего материала. Мне необходимо побывать – невидимкой – на фабриках, в клубах, в деревнях, в пивных, на стройках, у комсомольцев, у вузовцев, в школах на уроках, в колониях для социально-опасных детей, у рабкоров и селькоров, посмотреть на женщин-делегаток, на мусульманок и т. д. и т. д. Это – серьезнейшее дело. Когда я об этом думаю, у меня волосы на голове шевелятся от волнения.

Очень трогательные и удивительно интересные письма пишут мне разные маленькие строители новой жизни из глухих углов страны».

Сегодня 3-го Нояб. Четверг. Я послал Горькому путевку. Октябрьские торжества.

<Вырезка из газеты> Приказ. «Командовать парадом буду я. Ворошилов».

Была Вера Антоновна, и разговор был о культе материнства согласно с жизнью природы, и что как в этом преуспевает Наркомздрав, и как пуста блестящая общественность, если внутри нее не горит очаг матери (вспомнил восп. дом, чистый, с паркетными полами для показу, а детей там морят и *<1 нрзб.>*).

Еще говорили об интеллигенции, что есть интеллигенция творческая, создающая культурную связь, и другая, сектантская.

5 Ноября. Непорочная дева, живущая в матери, т. е. материнство, спасающее девство, так это понятно, но, поди, растолкуй ребятам смысл «непорочного зачатия».

<Запись на полях> Кропоткин этим объясняет свой отрыв от занятий наукой.

«Но какое право имел я на все эти высшие радости, когда вокруг меня – гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусок хлеба? когда все истраченное мною, чтобы жить в мире высоких душевных движений, неизбежно должно быть вырвано изо рта сеющих пшеницу для других и не имеющих достаточно черного хлеба для собственных детей? У кого-нибудь кусок должен быть вырван изо рта, потому что совокупная производительность людей еще так низка» (Кропоткин. «Зап. Революционера»).

Вот один из родников русск. интеллигенции как секты. Только едва ли зарождение этого потока просто, как объясняет Кропоткин.

Отказаться от своего призвания к науке или искусству из-за того только, что крестьянину (вообще) невозможно этим заниматься... да разве это возможно? В истории русской интеллигенции было множество памятников такого отказа от высшего призвания личности из-за будто бы высокой добродетели сострадания к «низшему брату». Но я не помню ни одного случая, когда кто-нибудь изобразил бы жертву своим гражданским «долгом», своим «социальным идеалом» ради своей страсти к науке или искусству. То, о чем говорит Кропоткин, называется зарыть талант в землю (талант – общее благо, какое право он имеет им распоряжаться?) И называет себя анархистом!

Люди научились наслаждаться любовью, не рождая детей, и прелести земли им стали доступны без труда. Обирая землю, они создают свои небеса, в которых летают на машинах или покоятся в мягком кресле с книжкой в руке, где описывается в стихах и прозе все та же любовь. Чувствуя под собой шевелящуюся бездну обобранных духов земли, иногда они приходят в уныние и предлагают заблаговременно вернуться к ней, чтобы эти озлобленные духи не уничтожили их культуру, некоторые даже прямо берутся за соху и пашут... Особые либеральные люди, умно действуя, нашли выход в компромиссе и предлагают сделать доступными постепенно все блага культуры всем, обобранным духом... и так связать их с собою.

По Кропоткину («Записки революционера») нигилизм явился после падения крепостного права как средство борьбы с его пережитками, это движение было борьбой за индивидуальность. «Нигилизм, без его грубоватых крайностей – придал нашей интеллигенции тот своеобразный оттенок, которого, к великому нашему сожалению, мы, русские, не находим а Зап. Европе. Тот же нигилизм, в одном из своих многочисленных проявлений, придает многим нашим писателям неискренний характер, их манеру «мыслить вслух», которая так поражает европейских читателей».

Продолжая свои «мысли вслух» перед Черных о том, как переменились времена: катехизис русской интеллигенции был, что человек с устремлением «к звездам» (Л. Андреев) не есть наш желанный человек. Но пришло другое время, когда был выброшен лозунг «грабь награбленное», тогда только человек, устремленный «к звездам», устоял от грабежа, и этот человек в унизительном виде «спец-человека» пронес доброе семя в новую жизнь. В этом факте я вижу основание, на котором возможно

создать трагедию Алпатова: чтобы сохранить любовь, приходится, напр., отказаться от женщины – это раз, и чтобы сохранить в себе творческую личность – от революции, так что получается: как человек типа «к звездам», обладающий полной силой животной страсти, хочет удовлетворять себя из-за верности к «Музе» (скажем так) и не хочет примыкать, будучи революционером, к революции.

Встречая человека, мы узнаем о нем по его лицу и только потом уж объясняем явление такого лица происхождением, воспитанием и социальными условиями его роста. Лицо человека знаменует нам жизнь в ее творчестве единоличном, и когда мы хотим указать на несовершенство творения данного человека, называем его двуличным. Лицо у человека одно. И это, прежде всего: мы должны в творчестве иметь лицо – это 1-й факт творчества, а потом уже узнавать и устраивать отношения лица. Во всяком случае, из-за отношения лиц мы не должны терять своего лица. «Борьба за индивидуальность» явилась в России как социальное явление после падения крепостного права; но это была борьба за принцип, а не за свое лицо. Наше время диктатуры, когда поражено творчество человека в самой природе своей единоличия, создает эпоху новой борьбы за свое лицо, за самое имя свое.

В наше время жутко подойти к человеку, потому что не веришь в его слово, скажет для чего-то, обещает и не сделает: нельзя ему поверить на слово, потому что верное слово свидетельствует о верной личности, а у нас человек сам о себе ничего не может сказать и за себя самого поручиться.

Сила знания.

Истинного ученого знание как раз и лишает того, что называется «силой»: делает сильным знание только того, кто его применяет к цели, посторонней самому знанию, (разные техники, <*1 нрзб.*>, политики, особенно политики). Знание в руках ловкого человека обладает очарованием могущества. Миклухо-Маклай, поджигая на блюдечке спирт, казался дикарям человеком, способным зажечь море. Эту чарующую силу знания политики использовали среди наших крестьян, подготовив их разными книжками, они забирали их в свои руки, и те потом становились «сознательными» рабами. Вот и побег Кропоткина был построен на том, что один из друзей его завел с часовым разговор о чудесах микроскопа.

<*Приписка на полях*> Из юбилейного № Известий. стих. Орешина.

Погляди на мужика
Да в рожь.
Комсомолкой в облака
Уйдешь!

11 Ноября. Кропоткин. «Записки революционера».

«Действительно, в человечестве есть ядро общественных привычек, доставшееся ему по наследству от прежних времен, и недостаточно еще оцененное. Не по принуждению держатся эти привычки в обществе, так как они выше и древнее всякого принуждения. Но на них основан прогресс человечества»...

У Кропоткина где-то я нашел, кажется, в характеристике какого-то анархиста, что это был человек с глубокообщественным порывом, питал отвращение к власти, к руководству; вот это соединение чувств общественности с отвращением к главенству чрезвычайно близко мне, настолько, что простое упоминание о существовании таких натур раскрывает мне глаза на себя самого.

Окончил чтение книги Кропоткина «Записки революционера». Эта одна из замечательнейших книг, в которой жизнь своя описана извне, т. е. в поступках и выводах только ума.

Борода

Спрятал я всего себя в бороду. Вот великая вещь, вроде шапки-невидимки, я-то все вижу, а у меня людям видны одни волоса, и часто второпях не назовут даже по имени, а просто крикнут: «Эй ты, борода!» Мужики лесные за своего принимать стали, часто слышу, с большим уважением скажут: «Вот так борода!» И им на это говорю: «Был я богат и брился, теперь же, когда придут за долгами, я только по бороде рукой проведу: вот для чего борода!» Смеются мои берендеи и мне говорят: «Для всего борода, для счастья тоже, другой хочет тебе в глаза плюнуть, а попадет в бороду».

13 Ноября. Слепая минута.

Меня страшат те вспышки ненависти, которые иногда пересекают, в общем, уютную нашу жизнь с Е.П., я боюсь, что в бешенстве когда-нибудь разломится эта жизнь. Невозможно эти вспышки предупредить, потому что дьявол врывается в слепые минуты.

Слепая минута найдется всегда, если смотрит на тебя другой человек в упор. Я думаю, в общем, что не надо мне сидеть дома невылазно, это лучшее предупредительное средство.

14 Ноября. Мороз. Ветер. Утром короткий густой снег.

И Рамакришна прибавил:

«Нет никакого вреда в «шипении» на злых людей и на ваших врагов; таким образом вы можете защищать себя и знаете, как противиться злу. Но вы должны быть осторожны, чтобы не впустить ваш яд в кровь ваших врагов. Не боритесь со злом, возвращая зло за зло».

Бог живет во всех человеческих существах, есть и добрые люди и злые, есть люди, любящие Бога, и есть люди, не любящие Бога. Мы должны признавать Божество во всех, но мы не должны смешиваться со злыми или с теми, которые не любят Бога. Наши отношения с ними не должны быть очень близкими. И будет мудро избегать общество таких людей.

«Вы должны любить всех, потому что Бог живет во всех существах. Но дурным людям лучше кланяться издали».

«Решимость и твердое стремление к цели должны лежать в основе бесстрастия к мирскому».

Если по милости Божьей человек ощутит, что не он является действующим лицом во всех событиях его жизни, то в тот же момент (я думаю, что скорее в этот момент только совершается посвящение, и дальше – путь достижения свободы) – человек иногда, будучи уже освобожденным, освобождается от рабства на всю последующую жизнь. Чувство Я (или Майя), «я» в нас есть величайшее препятствие на пути к видению Бога (NB. Вспомнить Версаль: распадение невесты в связи с явлением истины). Надо прибавить исчезновение «Я»: это было моим крещением.

Бывает, пес, долго просидевший на цепи, освобождается хозяином, но не зная, что цепь уже валяется на земле, продолжает сидеть и, когда хозяин издали уже манит его на охоту, он все сидит. Так бывает с человеком еще много хуже, чем с собакой: человек иногда после своего освобождения долго поступает как раб и страдает гораздо сильнее пса, потому что «глубиной души» сознает вечное соответствие своих поступков с самим с собой и видит их в безобразном отражении.

Из Р.

«Когда ум находится в очищенном сердце, душа замечает духовный свет. Начиная видеть этот свет, душа восклицает: «Что это такое? Что это такое?»... встает видение Божественного Существа, природа которого заключает в себе абсолютные Бытие, Разум и Блаженство. Тогда душа желает коснуться этого Существа и объять его, но это не удается ей. Как огонь в закрытом фонаре можно видеть, но нельзя тронуть, так и видение, встающее перед душой, доступно ее зрению, но охватить его она не может и не может войти в него, стать с ним одним».

NB. Подумать о гигиене роста дух. сознания, о вреде ускорения этого роста путем влияния другого лица, вследствие чего

«физический план» является правдой здоровья или правдой естественного роста, и низшее законно издевается над высшим. Посмотрим, есть ли на это ответ в книге Рамакришны. В словах Р.: «Эгоистич. чувство «Я», которое говорит: «я делаю это», должно быть совсем оставлено, прежде чем может быть почувствована Божественная милость» – это все я очень чувствую на своем пис. пути и называю про себя взамен ненайденного слова временно «смирением», хотя это не совсем то.

<*Приписка на полях*> Тоже знакомое. «Труд без привязанности к земному очень хорош...»

Кто хочет видеть Бога, должен просить Его следующим образом: «О, Господи, будь милостив, поверни свет своей мудрости к Твоему собственному лицу, чтобы я мог видеть Тебя». (NB. Покажи его мне: чтобы видеть солнце в красе его, надо повернуться к нему спиной и смотреть на его дела на земле).

«Как в жаркую погоду человек обмахивается веером, только пока нет ветра, так и душа нуждается в исполнении обрядов, подобных повторению имени Бога, в жертвах, в молитвах и аскетизме только до тех пор, пока в ней не ощутится горячей любви к Богу».

«Глубина сердца, уединенный угол и лес – вот три места для размышления».

15 Ноября. В состав отношений моих с Ефр. Пав. с ее стороны, несомненно, есть и ненависть ко мне, я тоже ее ненавижу, но обыкновенно в ответ на какую-нибудь ее выходку. Надо обдумать всесторонне природу этой ненависти. Ненависть ко мне сестры была страшная, такая, что я даже до сих пор ее помню, хотя она и покойница.

Застенчивость от болезненного самолюбия, соединенная с мнительностью, придающая человеку характер некоторой дикости, передалась мне от матери. Тоже передалась воля при достижении общей цели и «слабохарактерность» в повседневных отношениях (мгновенно проходящие вспышки гнева и проч.). Я думаю, что вот эта слабохарактерность и является условием явления злобы, с другой стороны. В общем, чтобы разобрать природу наших неприятностей с Е. П. надо получше всмотреться в отношения мамы и Лидии. Но, конечно, этот анализ приведет к борьбе за «Я».

16 Ноября. Вторник и среду провел на охоте, наслаждался падающим снегом в хвойном лесу и не расставался с Алпатовым и его Иной. Тихо падающие белые снежинки, это бесшумное движение белых мыслей в даль неподвижного. Какое собрано сюда блаженство! Я думаю о жизни, затраченной на борьбу

с наследием своей природы, и так приходит в голову: «что же, если затрата труда как раз и будет только-только покрывать силу греха, что же остается человеку, – грех и труд? стоит ли жить?» Но нет, так устроена природа человека, как у охотника: проходят дни в подстерегании, а приходит минута и отвечает за все. Дело в том, что жизнь не конторская книга, и построена не на расчете, а на милости.

Было только одно письмо, в котором Алпатов был на высоте любви, оно было верное, потому что только один раз он подумал не о себе, а о ней, обещал ей «родственное внимание» и свою постепенную работу, службу. Но, кажется, для того только и взято было зеркало, чтобы увидеть себя во всей ничтожности своей... для того, чтобы увидеть весь черепаший ход человека на земле, взять под надзор всю жизнь и довольствоваться милостью (похоже, как для некоторых нищенство в революцию): вообще революция со своим оголением человека и революционера была потом как бы объективным процессом, происходившим внутри Алпатова.

<*Приписка на полях*> Революция уничтожила наши даровые наследственные представления о человеке в общем добром, умном и прогрессивном и заставила нажить каждого, кто хотел жить дальше, свой собственный личный взгляд на человека.

Однако то единственное письмо является потом мотивом созидательной жизни: этот мотив родственного внимания, перенесенного с себя на другого, тот «альтруизм», который нам проповедовали без объяснения, что этот альтруизм может возникнуть лишь после разрушения эгоизма. В стороне Ины собралось:

Ина. Мир.

Что кроме боли и слепоты можно испытывать, если смотреть простыми глазами на солнце, а Ина Алпатову была совершенно, как солнце, так она и писала ему: помните, я все вижу, малейшее не проходит для меня незаметно – Солнце или Бог, но как случается впасть в такое безумие, что человек стремится смотреть в лицо Бога?

Как просто было бы застрелиться, если бы она отвергла его совершенно, некоторым не глупо стреляться, тем, кто любит раз и ставит на карту всего себя. Но Алпатову часто казалось, что Ина любит его и он только не имеет «положения», чтобы она стала его, что у него ничего не выходит, потому что нет у него положения. А иногда, напротив, казалось, что ему надо освободиться от всякого стремления к «положению», и тогда Ина пойдет за ним. «Положение» – это весь материальный мир. «Призвание» – отрицание материального, это положение человека «не от мира сего», и тогда самая любовь «платоническая» подрывает его основы как самца.

Расстояние – пространство между им и ей (Богом); трагедия: если отвергнуть материальное («положение»), то и жизнь (стать бесполым), если взять «положение», то дико представить себе, что она соблазнится даже положением ради милости.

17 Ноября. Трубецкой справлял 15-летие свадьбы. Были: Голицын, полковник, Лопухин (чулочник). Князь надел ради шутки белый кирасирский мундир, в котором венчался. Эполет оказался один, другой затеряли, играя, ребятишки. И все-таки это самые счастливые люди. Ребятишки бледные, но прекрасные.

18 Ноября. Послано письмо Семашке с отказом от сборника, Разумнику о высылке денег. Вечером с Петей у Григорьева. Рассказывали, будто Троцкого позвали в ГПУ и предложили или идти в тюрьму, или письменно отказаться от своей политики. Т. попросил 20 минут на размышление, ему это дали, и он скрылся. Тоже и Зиновьев. На фоне общенародной бедности, усталости от войны и революции, равнодушного отношения к власти выступление Троцкого кажется ничтожным по своему эффекту. Есть такая догадка, что уже Ленин разуверился в коммунизме и, значит, «ленинизм» теперь просто государственность. Говорят, что Семашко неизменная фигура на всех юбилеях, похоронах и т. д., всех дешево снабжает вином и сам везде выпивает. Это превращение среднего честного революционера очень проливает свет на весь «ленинизм».

Из Рамакришны:

«Глубина сердца, уединенный угол
и лес – вот три места для размышления».

Домохозяин: «Нужно ли оставить свой дом?»

Рамакришна: «Не всегда, но когда предоставляется случай на день или на два, очень полезно оставить свой дом».

Единство Духа. «Я вижу Бога, ходящим во всех человеческих фигурах вокруг меня и проявляющим себя одинаково и через... добродетельного и порочного».

«Я не знаю, что написано в ваших книгах, я видел это».

«Те, которые чувствовали это, не писали книг. Они были опьянены своим чувствованием. Они забывали все, как могли они писать? Для того чтобы написать что-нибудь, нужен рассчитывающий и впитывающий интеллект. Поэтому другие, узнавая от них, что могли, писали – и их книги известны, как Священное Писание».

(Писатель живет вдвойне: живет и пишет: пишет о себе, 1-е живет, 2-е пишет).

«Что бы ни было произнесено человеческим языком, становится как бы оскверненным, как остатки пищи».

«Никогда никому не удалось описать Абсолют словами».

<*На полях*> Ом. Абсолют – творчество – сохранение. Эволюция и потом разрушение или инволюция (в Абсолюте).

21 Ноября. Вчера встретил Таню Розанову и говорю:

– Григорьев сказал о Флоренском: «от него пахнет паленым чертом».

Т. ответила:

– От каждого интеллигента пахнет паленым чертом.

– Но разве и Флоренского тоже надо причислять к интеллигенции?

– Конечно, а то как же.

Не любит его.

Потом говорили об индусах, я спросил ее, как В. В. к ним относился:

– Терпеть не мог за бесстрастие.

– Например, – сказал я, – кто-то спросил Рамакришну: «Учитель, можно ли любить врагов?» Р. ответил: «У врагов тоже наш Бог живет, и, значит, любить врага должно, только не надо близко подходить и кланяться издали».

– А христиане! – воскликнула Т., – то же самое. Это у меня главный камень преткновения.

Конечно, и от нее тоже пахнет паленым чертом.

26 Ноября. Такая тишина в Сергиеве, что когда читаешь книжку, то воздух, входящий в нос для дыхания, принимаешь за ветер: думаешь, на улице метель, и не в носу, а в печной трубе воет ветер.

Алданов. 9-е Термидора. Роман.

Автор – эмигрант (журналист Ландау). Манера письма историч. романа необыкновенно приятна своей культурной простотой. Чтение увлекательно, как интересное <*1 нрзб.*>. Прелестно использовано употребление иностр. фраз: дается аромат другого языка. Письмо гораздо лучше, чем у Мережковского. Но когда кончил роман, то не знаешь, чем же обогатился от него, для чего он написан.

Робеспьер остается таким же, как нам его представили в детстве, и разве только сильнее, очевидно, через русскую современность подчеркнуто злодейство революции. Огромная прекрасная работа и совершенно впустую.

Из Рамакришны:

Божественная Мать дает высшее знание Брахмана, приводя своего преданного слугу в состояние Самадхи (сверхсознательность). Она же возвращает его обратно на плоскость чувственного сознания и позволяет ему удерживать чувство «я» и «мое».

«Моя Божественная Мать любит играть. Она делает, что хочет, и потому блаженна, и Ей доставляет удовольствие давать иногда свободу из сотен тысяч Ее детей».

– Господин, но Она может, если хочет, освободить всех?

Почему же связана Она как по рукам и ногам детьми мира?

– Я думаю, что такова Ее воля. Ее воля заключается в том, чтобы играть со всеми этими вещами. Если все одновременно будут выигрывать в этой игре, то не будет никакой игры. Очевидно, Ей это нравится. Она хочет, чтобы игра продолжалась.

«Я обещаю повторять Твое святое имя, – но в нужный час я забываю. Теперь я понял и почувствовал, что это Твоя игра».

Чувство греха:

– Раз мне дали одну христианскую книгу... в ней была одна тема – грех, грех и грех... Дурак, который непрерывно повторяет: «я связан, я связан» – остается всегда связанным. Человек, который повторяет день и ночь: «я грешник, я грешник» – становится и в самом деле грешным... Кто утверждает с сильным убеждением «я не связан, я свободен» – становится свободным.

«Зачем говорить о грехе и об адском огне? Скажите только раз навсегда: «Я никогда не буду больше делать злых дел, которые я совершил в прошлом», и затем ваша вера в святое Имя освободит вас от всех грехов».

27 Ноября. Любить врага – это похоже, как если сказать: люби болезнь и смерть. Я бы так сказал – не врага люби, а, имея врагов, старайся сохранить в себе возможность любви к своему ближнему. Тоже нельзя любить болезнь и смерть, а надо такого желать: старайся удержать прежнюю любовь к своему другу, несмотря на его болезнь и помочь ему встретить смерть.

К Алпатову: довольно ясно понят путь восхождения Алпатова в чувстве к женщине как к Божественной Матери, теперь предстоит вернуть ему разум, т. е. определиться себе самому в процессе жизни.

Из многих людей немногие родятся свободными, да и обыкновенно, узнав об этом, отдают свою свободу за деньги и славу.

Не вернее ли: по детям видно, что люди родятся свободными, но один плохо воспитывается и попадает в рабство, другие, догадавшись о своем даре, продают его за деньги и славу.

28 Ноября. Сказать «Господи!» наедине с самим собой не могу, мне кажется, не потому что не верую, а ... или не верую? Ни верую, ни не верую, а просто считаю, что жизнь моя както не слишком серьезна для этого, все равно как Ефр. Павловна могла бы молиться и как! но не молится, потому что лич-

ная жизнь ей кажется не так плоха, не дошло до того, чтобы молиться. Люблю, однако, читать о Боге, потому что многим своим переживаниям при этом нахожу объяснение. Так что могу сказать о себе в отношении Бога: я не знаю, есть ли Бог, но живу я и складываюсь в мыслях и чувствах постоянно, как будто Бог есть, и я верую.

Вообще я особенный человек в том отношении, что имею в природе своей множество как бы заданных мне с детства тем, которые берегу от сознания, как от огня. Оно ведь и правда, если свое переживание скоро обращать к сознанию, то тем все и кончается. Если же беречь пережитое в себе, то рано или поздно явится новое подобное переживание, но это другое, третье и, в конце концов, идея явится как своя собственная, как плод. Если же и не явится, то и Бог с ней... Так вот почему я и не могу, и боюсь сказать, есть Бог или нет, знаю, что тема эта задана мне, и если Бог есть, то Он придет ко мне Сам, и я увижу Его и скажу просто: ну, вот, слава Богу, Ты пришел ко мне, Господи, я тебя давно поджидал.

30 Ноября. Хочу приступить к обработке своего рисунка (роман) красками (второй черновик на машинке). Читал «Трансвааль» Федина. Умный человек Федин, достойный ученик Замятина. Черт знает, до чего все хитро подстроено в рассказе: одно уж, что герой бур, гражданин героической республики устраивается среди русских мужиков во время революции – какое трудное положение, а выходит правдоподобно. Я думаю, однако, что сам автор вначале задумал дать по контрасту с мужиками пример свободного человека. Но получилась картина жестокой пародии вообще на европейский идеал свободы. Читается, впрочем, и с большим увлечением, хорошо, но не увлекательно, больше ума в мастерстве, чем таланта.

Бочка (новая) потекла. Мастер сказал, что он делал хорошо. «Почему же течет?» – спросили мы. «Потому что, – ответил он, – в этом виноваты две доски».

Я дал князю попробовать доппелькюммель, которого сам раньше не пробовал никогда и не мог сказать: такой ли он теперь или плохая подделка. Князь выпил рюмку, весь просиял и ответил: «Та-кой же!» После того ему вспомнилась Гатчина, потому что Александр III страшно любил доппелькюммель, и князь стал нам рассказывать, как он в Гатчине дрался на дуэли с Черским-Спиридовичем.

1 Декабря. Е. П. хозяйка самая ужасная в мире: толчется на одном месте и каждый день обыкновенное дело по-разному начинает, забывает, пропускает. Сегодня у меня комната убирается, завтра кровать остается раскрытой. Утром, когда я доро-

жу каждым моментом для работы, я хожу по дому, боясь ее разбудить и в то же время, проклиная, ищу, куда же сегодня поставила молоко, где булка, где сахар: каждый раз в разных местах. И при всем том есть в ней какой-то основной стержень, который не может дать мне ни одна женщина. Я не знаю, что это такое (надо подумать): ведь в этом разгадка и меня самого и нашей России. Знаю одно, что она как хозяйка, жена и мать совершенно исключительная при условиях полного недостатка, в жизни на minimum, без расчета. Большой человек, она ничтожна, немыслима, как только приходится считать и думать о завтрашнем дне (такой наш народ...)

5 Декабря.

К Алпатову.

10 марта. Мороз, но облака уже летние: светлыми корабликами, и лебедями, и горами, счастливые в своей необязательной форме. А корабль человеческий по воде плывет с большой осторожностью, чуть пробоина и конец: такое маленькое отверстие, а вода вся, весь океан приходит в движение, заметив частицу, проходящую в щель корабля.

Так и жизнь человека, вся целиком на земле и во все времена приходит в движение, когда в отдельной душе случилась пробоина. Тогда каждый ничтожный случай, обсуждение которого слышится в коридоре или за стеной, является так, будто как вот это для тебя и приготовлено. Это случается всегда, если душа у одного человека получила пробоину: туда жизнь чужая устремляется, как вода, и вся человеческая жизнь приходит в движение, как вода океана, и чуткая душа в эти дни получает навсегда чувство жизни всеобщей.

Так в коридоре у телефона собрались знакомые, и один сказал другому: «Пендрие звонил: у него жена умерла». – «Как умерла, – восклицает другой, – я только что ее встретил на улице». А через час против двери Алпатова все объяснилось, те же знакомые говорили, что жена у Пендрие не умерла, а ушла... Она была ему во всех отношениях плохая жена, глупая и хозяйка никуда не годная. Все только на месте топталась, довольно красивая как женщина, но для Пендрие как женщина-самка она была уже не нужна. Пендрие, однако, только для нее выстроил домик, свой собственный, и он истратил все свои деньги, скопленные за много лет, тогда бы он не стал строить дом, если бы жил один, он для нее строил, и вдруг она от него ушла. Вдруг оказалось, что дом совершенно не нужен, и столько забот, столько хлопот и надежд, связанных с домом, даром пропали, и уже завтра на окне появился билетик: дом продается.

Один говорил: «Значит, он ее любил?»

И другой: «Едва ли, у них были вечные ссоры, не ее он любил, а себя».

– Зачем же он тогда строил ей дом? – спросил первый.

– Он человек с воображением: воображаемой жене строил дом, а не себе.

Услыхав это, Алпатов схватился за голову: ведь это о нем говорили, это он для воображаемой невесты создавал положение...

Алпатову это было впервые, он еще не знал, что жизнь в массе своей однообразна, как вода, и не случись с Пендрие, случилось бы с другим, и то же бы вышло как раз для Алпатова, и все потому, что вся жизнь-то его была, как вода океана, проходила в движении...

Продолжается чтение Рамакришны:

Майя и Дайя.

«Знаете ли вы, что такое Майя? Это любовь к отцу, к брату, к сестре, к жене, к ребенку. А сочувствие (Дайя) означает любовь ко всем существам одинаково.

Закон Кармы: каждый должен пожинать плоды своих прежних действий.

«Тело человека и условия его жизни есть результат прежних действий человека. Поэтому человек должен нести с собой тело до тех пор, пока не окончится влияние его прежних действий».

6 Декабря. Раньше меня анонсировали после Горького и Толстого, теперь стоим на 4-м месте, а 3-е занял Артем Веселый. Неприятно, что все-таки это задевает... С другой стороны, и хорошо, что задевает, а то незаметно может представиться, будто я достиг полного равнодушия к славе, на самом же деле просто гордыня и презрение к другим.

Новые предложения чествовать Горького, и как раз во время отлива моего от Горького под впечатлением его отвратительного романа, его глупого дифирамба и пустых писем ко мне. Что делать? Напишу Груздеву, пусть научит.

Индусская философия религии, вероятно, по существу своему мало отличается от христианской, может быть, она еще более ее в своем бесстрастии удаляется от земной нашей жизни, я хочу сказать, что она тоже больше провожает человека, учит, как ему надлежит благопристойней и безболезненней уйти, чем встречает его. Надо искать религию встречи человека, надо внушить человеку бесконечную радость его первой любви, тайны рождения. Надо отстоять у стариков, у больных, у неудачников и бездарных ценность жизни...

Люди поправляют свое здоровье разными духовными средствами... чего-чего не придумали в компенсацию болезни и старости!

7 Декабря. Думал ночью о Горьком и понял причины его «второго пришествия». Эмигранты, наверно, затравили его (см. письма). Отсюда утверждение себя в СССР и «дифирамб» большевикам. И в ответ на его дифирамб – ему дифирамб.

Горький великолепный муж vir ornitissimus* в литературе, он стал сразу на большой круг мирского действия, как моряк или новгородский ушкуйник. Но искусство непременно требует дома, даже на ходу где-нибудь в лесу, чтобы сделать рисунок в альбоме или занести карандашом в записную книжку для памяти свое восприятие, надо присесть и этот момент остановки, этот пень, на котором сидел – уже есть дом искусства. А если вспомнить, каким терпеливым чисто женским трудом достается это шитье буквами на бумаге!

Рукописи Пушкина и Толстого всякому непосредственному человеку, прежде всего, говорят то же самое, что нам старинное шитье бисером, мы удивляемся и говорим: какое адское терпенье! Есть, несомненно, женское, восприимчивое и терпеливое начало в природе художника.

И у Горького оно тоже есть, потому что Горький по природе своей большой художник. Но он как человек, как муж сразу стал на большой круг действия, и дом искусств для него, все равно для моряка-скитальца просто дом является желанной мечтой, неудовлетворяющей, однако: побывал и опять в странствие. Вот почему у Горького такая неровность в его писаниях: одно написано дома в мире искусства, другое где-то в бегах о чужом. Свое – это золото, в искусстве, а чужое – лигатура.

Многое у Горького есть с лигатурой. В одном и том же сборнике рассказов у Горького можно встретить гениальный рассказ рядом с таким, что хватаешься за голову: как он сам-то не понял, что нельзя это ставить рядом. Это значит – один рассказ был написан дома, во время побывки, другой где-то в бегах. Такая большая досада, когда думаешь о Горьком как о художнике, исчезает, когда представляешь себе всю орбиту блужданий скитальца, весь его человеческий бунт. Но по бездарности или ложному исканию славы, самомнению и всем смертным грехам творчества Горький лишается иногда необходимой для художника способности самооценки своего творчества, способности меры и счета, и все потому, что хочет он, не удовлетворяясь художеством, достать как Прометей для человека огонь.

Недаром случилось, что первую весть о Максиме Горьком я получил не от литератора, а от одного моего товарища по тюрьме, который, частью по своему «нигилизму», частью просто по отсутствию художественного вкуса, презирал искусство и относился к нему как к «надстройке», поскольку хорошо или плохо <*3 нрзб.*> оно было полезным для революции. С восторгом писал мне этот примитивный марксист об удивительном босяке, прославляющем бунт и скитания.

С тех пор Горький вступил в мое сознание как необходимое лицо нравственной категории русской жизни и продолжал таким оставаться мне почти до его «Детства», раскрывшего мои глаза на него как на художника. С тех пор и начал жить во мне Горький двойной: как человек и как художник. Моя жизнь сложилась иначе, я отдал свою молодость скитаниям по человеческим поручениям и только в 30-летнем возрасте стал писать и тем устраивать свой внутренний дом. Я не был никогда тем маленьким эстетом, который посвящает себя взамен жизни культу художественных идолов. Случилось по целому ряду причин в моей личной жизни, что я вынужден был заняться писательством взамен гражданской деятельности, и сложилось решение – не выходить из своего дома. Мне всегда представлялось так, что если в Прометеевой борьбе все идет правильно, то в своем доме, в своем деле рано или поздно совершу Прометеево дело. Я не был декадентом-эстетом, но презирал народническую беллетристику, в которой искусство и гражданственность смешивались механически. И потому я искал сближения с теми, кого вначале называли декадентами, потом модернистами и, наконец, символистами.

Можно разными глазами смотреть на эту чрезвычайно цветистую эпоху нашего литературного искусства, но никто не будет спорить со мной, что эта эпоха была школой литературы, и требования к нашему ремеслу чрезвычайно повысились в это время. Но не так просто, как многие думают, совершилось это культурное завоевание отделения литературы от гражданства, освобождение художника от, как теперь называют, «социального заказа», равнозначащее с отделением церкви от государства. Конец диктатуры гражданской в художественной литературе не значил утрату родственного поручения, которое, по-моему, непременно должен чувствовать всякий крупный художник.

Никто из крупных писателей и поэтов того времени, однако, не определил себя как эстет, каждый из них, я знаю, писал в соотношении с тем, что происходило внутри вулкана, который представляла тогда народная жизнь. Мне кажется, более всех других, тоже очень чутких к жизни поэтов, отразил и в своем творчестве, и в своей личности трагическую эпоху русского искусства Александр Блок. Взять даже внешнюю жизнь поэта – рабочий, крестьянин, земский интеллигент – все бывали у Блока, и кто бывал, будет до гроба хранить очарование равенства всех в общении с этим прекрасным душой и телом человеком. И ни один Блок, а все писали и озарялись в сторону революции. Мережковский даже пророчил, что символисты первые сгорят в огне революции, что с них начнется пожар.

Где же был в это время Горький? Горький не жил в мире искусства. Он блуждал где-то там, ближе к вулкану, и появлялся. Блок о нем говорил: «Горький как художник и не начинал-

ся». Я хорошо и точно помню эти его слова: Блок очень много думал о Горьком, часто о нем вспоминал и говорил; в устах Блока «Горький как художник и не начинался» означало, конечно, не то, что Горький не написал еще ни одного художественного сочинения, а что Горький не принял в себя целиком трагедию художника того времени: быть художником во что бы то ни стало, хотя бы земля разорвалась под ногами... <*дальше зачеркнуто*>: что если я выражу это такими словами: Блок принимал на себя обязанности неба, Горький – земли и человека?

Я говорю о вершинах эпохи, но литератор, который к ним примыкал, средний человек, стилизатор-множитель, поверхностный богоискатель был жалок как человек в сравнении с предшествующей эпохой гражданства за счет идейных земских врачей, учителей, агрономов – множился, как кролик, литератор. Зинаида Гиппиус не могла любить Горького, но однажды сказала: «И все-таки то, что вертится около Горького – это лучшее». Ремизов – антипод Горького и по складу своих убеждений, и по искусству своему, помнится, тоже сказал: «А как человек Горький очень хороший, обаятельный, прекрасный». Я хочу этим сказать, что будучи в стороне от фокуса, в котором скрещивались худож. творческие боги... <*не дописано*>.

Я познакомился с Горьким в Финляндии, куда он приехал с своего Итальянского острова. Мы с ним уже переписывались в то время по поводу издания моих сочинений в «Знании». Это правда оказалась, что говорил о нем Ремизов: он очаровательный и восторженный, такой восторженный, что я еще таких не видал.

Я заметил во время беседы с Горьким, что занятие литературой было для него выходом, он крепко за это держался, как голодающий за хлеб. Да, вот за время голода все узнали, что значит хлеб в действительности. Так и Горькому его дело было, как голодному хлеб. Во время нашей прогулки на дорожке лежала хвоя, покрытая изморозью. Он подымал эти хвои и говорил: «Чу-де-сные!»

Я тоже обладаю этим плотоядным чувством земли, и после стеклянного неба языческих, христианских и Штейнерианских кружков Петербурга, где ничего, ничего этого не понимали! мне было очень хорошо от Горького... как-то чисто, будто с помором или с охотником был. Вот это вольное, родное и... не буду греха таить, русское, держит нас с Горьким до сих пор довольно близко друг к другу. Из его писаний мне больше всего нравится его «Детство», «Отшельник», а в «Университетах» гениально изображенный философский сумбур в голове, который и я в свое время почти так пережил.

<*Все в скобках далее автором перечеркнуто*>: (По всему, что высказывает Горький в последнее время, его надо бы считать

идеалистом, но особенным. Какие бы умные вещи ни говорили о «социальном заказе», который будто бы должен выполнить художник слова, я думаю, что художник должен быть верным только себе самому. Но в самой натуре крупного художника таится непременно родственное поручение. Натура Горького, несомненно, содержит в себе такое поручение. Многое он уже выполнил и еще, наверно, даст что-то хорошее, но не все, – такой натуристый человек!)

В наши дни, я считаю, не зря вырвались эти чрезвычайно странные слова в отношении к писателю: «социальный заказ». Есть множество писателей от рабкора до романтика, которые работают теперь по социальному заказу. И все-таки мы все чувствуем это, нет ни одного писателя и поэта, который бы осветил жизнь рабочего в соответствии с тем поручением, которое дали нам великие мятежники нашего прошлого. Это выражение «социальный заказ» меня живо возвращает к эпохе упадка народнической литературы, к диктатуре гражданской морали и последующей борьбе и победе художника. Я теперь так понимаю это время, что, победив «заказ», утвердив основной закон творчества, художник должен быть верен только себе самому, он остановился на полпути, как бы ожидая себе поручение. Я понимаю: им не хватало натуры, в которой социальное поручение циркулирует так же бессознательно, как кровь. Но чего теперь не хватает, почему теперь так говорят: визгу много, шерсти мало? Я отвечаю на этот вопрос: потому что спешат высказываться на тему «заказа» и не хотят прислушаться к голосу мятежного поручения в прошлом. Максим Горький весь в поручениях родного рабочего народа, и с него надо брать пример человека и писателя всей молодежи. Я это, мне кажется, говорю с точным учетом действительности.

<В дневнике вырезка из газеты о смерти Сологуба>

Федор Сологуб (1863–1927)

«Имел ли он песен дивный дар» – этот скромный уездный учитель, сын кухарки и портного, Федор Кузьмич Тетерников. Ранние декаденты (Аким Волонский) первые признали его лирический дар, и так как неприлично было в декадентских кругах выступать под фамилией Тетерникова и, кроме того, могли быть неприятности по службе за стихи, Зинаида Гиппиус окрестила Федора Кузьмича «Сологубом», и под этим именем он прошел свой литературный путь. Лирику его вспоила та же безысходная полоса реакции, которая дала нам и Чехова. В сумерках обыденщины нашел он свою философию одиночества и, обожествив свое – «я», всю жизнь проповедывал теорию солипсизма («только я один существую»). Полное свое выражение

эта теория нашла в «Книге совершенного самоутверждения» «Я», «Я создал и создаю времена и пространства», «Бытие мое несомненно, и вне меня бездна небытия», «Всякое действие от меня» – говорится в этой книге. Редкий писатель с таким постоянством и таким единством проводит свою идею, как проводил ее в своих произведениях Сологуб.

Некоторым отступлением от этой постоянной темы были бытовые зарисовки 5-го года (Книга стихов «Родине») – швея, вышивающая красное знамя, прохожий, убивающий шпиона, родители, ищущие труп дочери после 9 января. Литературным памятником Федору Сологубу останутся его «Политические сказочки» и главное произведение его жизни – роман «Мелкий бес», где он ярко нарисовал мещанство в образе Передонова. В последующих своих романах он под непосредственным давлением отдыхающей от революции в мистике интеллигенции уклонился с пути «Мелкого беса» («Навьи чары», «Заклинательница змей»).

Как и все символисты, Федор Сологуб работал и над созданием театра символизма («Победа смерти», «Дар мудрых пчел»).

С самого начала своей работы, увлекаясь Верленом, он является до сих пор лучшим его переводчиком, в значительной степени использовав вокальную верленовскую инструментовку и для своих стихов.

К Октябрьской революции Федор Сологуб остался чужд, но и не участвовал в саботаже, возглавляя профессиональную организацию ленинградских писателей.

Будучи и в прозе и стихах мастером высокого и строгого стиля, в идеологии своей Федор Сологуб отразил упадочные и порой даже болезненные настроения русской интеллигенции до и после 5-го года, настроения безволия, уныния и общественной апатии».

С. Городецкий.

<Вырезка из газеты к кончине писателя Сологуба>

«Ленинград. 5 декабря (Роста). На экстренном собрании правления Всероссийского союза писателей решено тело Сологуба перевезти в помещение Дома Печати. У гроба будет установлен почетный караул. Сологуб будет похоронен на Смоленском кладбище, рядом с могилой его жены. Писатель оставил много неизданных рукописей, разборкой которых занялся Пушкинский дом Академии Наук и два законченных произведения: стихотворный перевод капитальной поэмы «Мирся» провансальского поэта Мистреля и полный стихотворный перевод стихотворений Шевченко. Оба произведения были заказаны Госиздатом и в непродолжительном времени будут выпущены из печати.

Всероссийский союз писателей постановил похоронить Сологуба за счет союза. Похороны состоятся 7 декабря. Сологуб скончался от миокардита, осложненного воспалением легких и артериосклерозом».

<Вырезка из газеты: Похороны Сологуба>

«Ленинград. 7 декабря (По телеф. от наш. корр.). Сегодня состоялись похороны Федора Сологуба. Для проводов тела писателя собрался весь литературный Ленинград. Перед выносом тела были произнесены краткие речи представителями Пушкинского дома, всероссийского союза писателей, Ленинградской ассоциации пролетарских писателей. Был оглашен ряд соболезнующих телеграмм. С покойного снята маска, ленинградскими художниками сделан ряд зарисовок».

Один дурак прост, но когда соберется много дураков и они почувствуют свою силу, то устраивают заседание, и такое заседание дураков отличается от обычных тем, что в них все совершается преувеличенно серьезно, как жвачные в стойлах.

<Вырезка из газеты>

«Речь Раковского (оппозиция)

Как расценивает капиталистический мир наш партийный спор? У меня имеются интересные документы. Вот в моих руках оттиск издания лондонского института коммерческих исследований.

Он посвящен Советскому Союзу, автором он не подписан, но, как видно из самого документа, он написан, несомненно, английским разведчиком, который говорит, что он мог два года неофициально наблюдать то, что происходит в Советском Союзе. Я должен напомнить, что это издано еще в декабре прошлого года. Что говорится здесь?

«Из изучения событий в России вытекает тот факт, что судьбы страны в настоящее время формируются двумя диаметрально противоположными силами. С одной стороны, доктринерский коммунизм все еще стремится сохранить идеалы и принципы большевистской революции 1917 года, в то время как с другой стороны упрямые факты жизни заставляют всех, за исключением самых фанатичных коммунистов, принимать один за другим те принципы, на которых основана западная цивилизация».

Написал статью в юбил. сборник Горького, читал Григорьеву и думаю, что печатать не надо, потому что Горький не та-

кой, как я пишу для юбилея. Я хотел провести мысль, что Блок и др. романтики «реакционной эпохи» (1906, 7 и т. д. гг.) задохнулись в искусстве без связи с землей и что Горький – человек земли, и потому он был в стороне от искусства, и этим объясняю неровность в его писаниях. Ошибка моя в том, что не обладание чувством земли разделяло Горького с Блоком и друг., а связь его с соц.-демократами, что Горький с этой стороны является не свободным, а связанным, что он тоже – аскет.

Самое же главное – я совсем опустил его славу (до 1905 г.), такой славы ни у кого не было, он крещен в славе, а я его описываю как обыкновенного художника.

Над изображаемой мной эпохой в «Кащеевой цепи» висела философия Ницше. Когда я рассказывал Розанову о своих путешествиях в Ср. Азии, он сказал: «Это все от Ницше». Я думаю, это он сказал в том смысле, что мой экстремизм, как всякий, имел основу в отсутствии личного счастья, а радостное состояние было тем неустойчиво восторженным чувством, которое и у Горького в босяках и вообще за пределами человеческого: это как бы состояние свечения метеора во время полета его в иной атмосфере. Сверхчеловек и есть тот метеор, вылетающий из своей орбиты в чужую ему атмосферу и в ней сгорающий. Сверхчеловек – это неудачник, сгорающий в борьбе за сверх-счастье (наш большевизм – тоже весь экстремный). Я слышал, что Ницше сошел с ума, когда узнал в конечных переживаниях сверхчеловека – Христа.

В общем, это довольно неприличная история: история человеческой претензии, за которой издали следит психиатр. (Алпатов попадает к психиатру). Блок с этим попадает в хлысты, Алпатов к психиатру, Горький укрывается в революции надолго, пока не оказывается, наконец, сверхчеловек диктатором. Теперь Горький стоит просто за человека (ученого). Мне необходимо пересмотреть, каким же образом Алпатов спасается от пути сверхчеловека в своей погоне за счастьем. Это путь обратный Ницше Горьковскому, он идет мимо салонного, эстетического «смирения» Метерлинка...

10 Декабря. Говорили с Григорьевым о Горьком и не пришли ни к какому заключению. Но мне интересен был анализ славы Горького Григорьевым. Там, в самых низах где-то поезда «Максимы Горькие» характеризуют ценность этой славы. Главная же часть читателя была из полудикой интеллигенции. Научившись грамоте, простак пишет не Бог, а х... Недалеко от этого ушла и вся масса, разорвавшая связь с отцами «интеллигенции», «сознательная» и бессознательная. Вот что и создало славу Горькому.

11 Декабря. Стеклянные люди.

Вот еще тоже вспомнилось к Горькому: в союзе охотников утром после ночевок там я нечаянно в разговоре сказал несколько слов о Библии, что она является, во всяком случае, великим памятником. Вот тогда все набросились на Библию, и Бутурлин тоже послал свой камень в книгу суеверия. А когда я обратился к нему с решительным вопросом о человеке и Боге, он ответил мне, что человеку нужен не Бог, а стекло, что городской человек страдает больше всего оттого, что стекло не пропускает каких-то живительных лучей; он указал мне, между прочим, на собак, которые так тянутся к горячей печке, потому что от печки идут лучи прямо... и т. д.

Так из ученых, очень добрых иногда людей, из всякого рода дельцов есть люди, до последней степени не восприимчивые к духовной жизни, и к таким стеклянно-каменным нужно причислить Горького (см. его разговор с Блоком). Наука в отношении человека, по-видимому, может обходиться без интереса к личности человека... и довольствоваться одной пользой для человека вообще. Напротив, религия часто не обращает внимания не только на пользу, а даже на жизнь общечеловека на его планете. Значит, вот что самое ужасное: что наука и религия с искусством разделились между собой, и люди двух этих категорий гораздо меньше понимают друг друга, чем, напр., животные людей, и наоборот.

Зуб болит, а нет зуба. Так бывает: у иных болит палец на руке, когда самая рука давно отрезана вместе с пальцами. И душа страдает так ясно, как зуб болит или палец, хотя доказано, кажется, что души нет. Или, может быть, не совсем доказано? А то, бывает, такой охватит восторг весной на восходе при пении птиц! так забудешься, что воскликнешь вслух «Господи!» и опомнишься: нет Бога, и птицы просто поют от теплого весеннего воздуха.

«Сознательный путь к бессознательному творчеству» (Станиславский).

14 Декабря. К стеклянным людям.

Я, вероятно, что-то хорошее забываю, когда сужу этих людей: можно так любить человека, что, отстраняя жестокого бога, осуждающего жить их в такой беде, желать им здорового стекла (как Прометей огня). Так весь социализм (материализм) начинается от Прометея.

18 Декабря. Лева вчера приехал на каникулы, пишет книжку «Самоеды». Связаться с букинистом, который будет доставать охотн. книжки. Писать об охоте как о свободе (Вот бы журнал: «Охота и свобода»).

<Приписка на полях> Надежда Васильевна Верещагина – Москва. Сокольники. Б. Ширяевская ул. д. 40. Радиостанция.

17 Дек. ей послано письмо о переписке Розанова и Горького.

19 Декабря. Николин день.

О людях, которые живут, ругаясь, вроде любивших все-таки друг друга, покойных мамы и сестры Лидии. Можно ли сказать, что они друг друга любили? Руготня – это неустройство, это внутренняя бесхозяйственность... Ругаются между собой главным образом бабы; это война в мелочах... Лекарство от этого, лучшее средство – ограниченное соприкосновение, надо в этих случаях действовать не на внутрь человека, а на извне. Вот где разумный материализм больше любви (Любите друг друга! – Господи, да мы любим, мы просим Тебя только устроить нам, чтобы мы виделись не так часто).

Очень возможно, что в этом загромождении любви и возникает материальная революция с отрицанием Бога: не в любви тут дело, и не в Боге. Помню, каким великим переворотом в наших отношениях с матерью был раздел.

Еще я думал о психологических умах (женских), которые все понимают душевное и не могут в то же время разобраться даже в накладной или решить простую арифметическую задачу. Россия богата таким умом психологическим, и у нас эта способность отгадывать человека, собственно, и называется умом. Лидия, Павловна, Розанов – все это такие. Способность меры и счета в таких умах почти совершенно отсутствует.

20 Декабря. Был у меня со стихами своими комсомолец, рабочий с прядильной фабрики Гришин. В каждом стихотворении его встречается неоправданно слово «комсомол». Я спросил его, зачем он повторяет слово и не пытается изображать. «Так уже полагается, – ответил он, – без этого не напечатают». Спрашиваю его, кого он читал. «Есенина, но теперь не читаю: это разложение; Казина читал, Жарова, пробовал Пушкина, хорошо бы, но он все господ изображает»... Я вынес впечатление из беседы, что таких множество без конца, что с этим необходимо считаться.

23 Декабря. Есть какое-то свое cogito ergo sum* и в любви человека, я хочу сказать, что у мысли есть непременно свой дом... я мечтаю сказать: мысль живет в доме любви.

Cogito ergo sum, значит, я так понимаю.

Самоутверждение = самец.

Самоутверждение в ее избрании: она меня избрала, и я в этом себя утверждаю: бывает ли так у животных?

---

* люблю – значит я существую (*лат.*).

Есть свое cogito ergo sum и в любви. Как бесплодно можно любить, так и мыслить можно бесплодно cogito ergo sum лучше бы для ясности переделать: я рождаю новую мысль, значит, я существую, или кратко: я рожден, значит, живу. И в любви тоже одинаково можно любить без конца, и не будет самоутверждения, любовь, как и мысль, требует рождения и, может быть, это будет верно, если сказать: я рождаю, значит, люблю, и я люблю, значит, живу.

Но бывает...

Как бесплодно можно любить, так и мыслить можно бесплодно, и декартовское «мыслю, значит, я существую», лучше бы выразить: я существую, потому что рождаю новую мысль, а еще бы лучше сказать, чтобы не обидеть превосходством мыслей маленьких в плоти рождаемых чудесных существ – сказать для всей физической и духовной жизни одно: я рожден, значит, живу, я живу, значит, люблю и мыслю.

Извините, мой друг, я буду немножечко прост в выражениях, потому что хочу избежать разных «планов» и представить всю нашу любовь как одну, как рождение всех наших детей на земле (все равно, как животных, так и человеческих детей, и с ними наших, более долговечных, чем живые дети, духовных творений).

Я понимаю Декартово «мыслю, значит, я существую» немного иначе: согласитесь, мыслить можно совершенно бесплодно, и потому лучше сказать: я рождаю новые мысли, значит, я существую, а еще бы лучше сказать для смешения всех планов: я рождаю, значит, живу.

Вот иду я в лесу, вижу пень, возле пня по ветке ползет червяк и остановился положить на листе березы свои яички – лист березы – это дом его. Я тоже остановился возле, сажусь на пень записать свою мысль, рожденную при разгадывании дома-листа, мысль эта: «рождаю, значит, живу». И вот этот пень, где я присел, чтобы записать свою мысль, рожденную при разглядывании дома-листа, мысль эта: «я рождаю, значит, живу», и вот этот пень, где я присел, чтобы записать новорожденную мысль, такой же дом, как и тот березовый лист для яичек, и не все ли равно так рождать, как червяк, или как я рождаю новое своей головой? было бы только рождение: я рождаю, значит, живу и, если живу, значит, я существую.

Я на то обращаю внимание, что для всякого рождения необходимо задержаться в движении, лист или пень, или ясли все равно это наш дом, и о яслях не глупо сказано, что в этих яслях, предназначенных для коров, родился Христос. Я человека выделяю из мира животных, прежде всего, только потому, что с ними он не может спариться для рождения и, значит, не может родиться собака с человечьей головой или человек с головой собаки. Но человек зато может, разглядывая животное и

растение с родственным вниманием, вспомнить и узнать свое прошлое в них: вот все преимущество на земле человека, он может, спариваясь с другим человеком, представить себе, как будто для рождения нового существа он спаривается со всем миром природы и, значит, посредством сложения весь огромный мир да плюс я порождает небывалое...

Но знаете, иные .понимают прошлое как золотой век человечества, примешивая к этому желание свое возвратиться назад туда, – это безумие, из этого ничего не может родиться, как все равно от спаривания обезьяны и человека. Золотой век не чувствовал возврата. Это пир творческой любви человека за большим столом, к которому приглашаются все наши родные, все букашки и таракашки, и счастливый хозяин!

Милый друг, присмотритесь к неудачам в борьбе за жизнь, как они, наслаиваясь, выдаются всеми за что-то постороннее, мешающее воплотить хорошую...

Милый друг, прислушайтесь к стону людей на земле, к их проклятиям жизни, не верьте всем им, даже самоубийцам хочется жить: этот стон и проклятия – все неудача людей не пробившихся. Я выбираю из них самое маленькое существо, спрашиваю: в чем было очарование вашей первой любви? И существо отвечает: сеном пахло, и птицы пели.

Я могу зимой ходить и бегать на охоте в лесу весь день, от звезды до звезды, и на другой день чувствую себя обновленным, как бывает, в бане помоешься. Но случилось мне раз по жадности к работе перед охотой сделать обычную свою умственную работу часа на два, и я с охоты домой еле ноги принес. Вот что значит умственный труд. Теперь это уж поняли, но сколько горя было нам всем, когда дикая орда физических работников набросилась на нас как на бездельников! Доходило до того, что и Христа обвиняли: ходил, не работал! Непростимый грех совершил тот, кто соблазнял малых...

29 Декабря. Одна капля способна переполнить сосуд, и в семейной жизни обыкновенно совершенный пустяк вдруг вскрывает рану и люди, 20 лет прожившие вместе, начинают друг друга тузить.

Ночью давил кошмар, и жизнь представилась как боль и самообман. Показалось немного и правда, напр., я люблю хвалиться, что не нуждаюсь в славе и насмехаюсь над славой Горького. Между тем на самом деле я бы не отказался, если бы слава сама пришла ко мне, и основание мой похвальбы состоит только в том, что я не делал и не сделаю никаких усилий для достижения славы. Вот чем задумал хвалиться, да кто же из крупных людей гонится за славой: к ним слава сама приходит. И к Горькому тоже, конечно, слава сама пришла, и, значит, осязая через славу как бы разделение с ним, я просто завидую.

Добро можно делать только так, чтобы, действительно, левая рука не знала о правой, иначе оно является только ссудой под вексель и с большими процентами. Но если не можешь делать добро, не думая, то думай так, что по всей вероятности за твое добро заплатят злом.

Религиозное происхождение научных знаний. Знание – это сила, взятая наукой из религии и обращаемая человеком себе на пользу. Религия без знаний – слабая, в ней нет силы.

31 Декабря. Иной пишет о том, чего не было, так хорошо, будто оно было в действительности, другой так представит действительность, что кажется так не бывает, я же стараюсь так сделать, чтобы сохранить всю действительность (жизнь) и даже указать: «вот она!» и рядом: «а вот что в ней сошлось с моей личной действительностью, как родное». И так я пишу о том, что было со мной самим в действительном мире, и только иногда прибавляю, но все-таки, чтобы оно не выходило за пределы возможного. Так у меня получаются тоже поэтические произведения, словом, я верю, что поэт рождается в действительной жизни, и если он вправду поэт, то все родственное ему в этом мире должно расположиться поэтически.

На этом простом пути есть только одна опасность, это претензия сделаться больше себя самого при помощи интеллекта. Моя работа главным образом и была в борьбе с претензией. К сожалению, я-то не прост, и бороться мне приходилось очень много, а потому многого сделать я не мог, так, кое-что выходило.

Горький с необычайной радостью встречал все мои сочинения и писал мне о них восторженные письма. Мне говорят, что Горький иногда пишет восторженные письма и совершенно бездарным писателям. Но думаю, что совсем правда, совершенно бездарных писателей немного, в каждом есть жемчужное зерно, зарытое в куче навоза. Горький пишет по поводу этого зерна в родственной связи. Во всяком случае, десятки писем на протяжении двух десятков лет таких восторженных, что я не имею возможности их опубликовать, свидетельствуют, несомненно, о наличии в моей навозной куче какого-то зерна, родственного Горькому. Спрашиваю себя, какое же это зерно? Истоки нашего человеческого родства, как я понимаю, теряются где-то далеко в нашей природе, и потому это мое желанное родство встает мне в природе как жизнеощущение, которому я в своих произведениях подчиняю человека: это большое, а человек маленький и делается большим только в свете великого, стоящего под ним всеобщего родства.

Все произведения Горького в моем сознании разделяются на два отдела, один просто человеческий питается из тех же самых родников, как и мои, назову некоторых из них: все босяцкие,

«Детство», «Отшельник», «Мои Университеты». Другие произведения, в которых Горький выступает, выделяя в них человека, слишком-человека, не родственно подчиненного миру природы, а господствующего. Я эти сочинения Горького совсем не понимаю и мне кажется, как будто писал их совсем другой человек.

Таким образом, Горький в своих сочинениях мне представляется таким же двойным, как и написанное им на своем знамени понятие человека.

В самом деле, что значит этот Человек с большой буквы, которым везде подчеркнуто восхищается Горький?

Мы знаем два человека: страдающего и победителя. Страдающий человек обречен творить на земле, узнавая радость свою вне себя, не имея возможности узнать в этой радости дело своих рук. Человек-победитель, человек, скажем, высший преобразующий фактор земли наслаждается своим творчеством и берет плоды в свои руки. Вот как говорит о таком человеке сам Горький в одном из своих писем ко мне.

Да, так и пишет: «человек удивится себе самому». Я пытаюсь, но не могу себе это представить: как можно удивиться себе самому. Чтобы как-нибудь приблизиться к этому состоянию, беру себя объективно как творца одного маленького детского рассказа, который сделан, несомненно, хорошо и будет жить очень долго после меня. Ложка меду и бочка меду – все мед, значит, мы с Ньютоном творцы, значит, если Ньютон себе удивится, то и я тоже могу себе самому как автору рассказа «Гусек». Нет, конечно, большей глупости, чем самоудивление, трудно себе представить, это почти что: «Бог почил в конце творчества». В том-то и дело, что в творчестве, как в жизни, нет остановки, как только вещь сделана, она уже остается позади, удивляет других, но не себя, творец не может почить. Пусть не я и не Ньютон, а творческий коллектив, все равно и коллектив не может в творчестве почить и сам себе удивиться. А потому утверждаю, что с того самого дня, когда весь человек удивится себе самому и станет этим счастлив, творчество его на земле прекратится.

Я себе представляю человека-победителя не в счастье его, а в творчестве его мысли и чувства прекрасного: певец у гильотины поет, ученый у костра утверждает – вот победители. Я таких люблю, таким преклоняюсь – но не тем, которые сами себе удивляются, хотя бы это был абстрактный Человек, не существующий в действительности.

Трудно найти другого художника более робкого, более неуверенного и скромного в суждении о себе, чем Максим Горький. Я имею множество доказательств этому в его письмах: Максим Горький в своем творчестве так же противопоставляется своему Человеку, как и все мы, скромные художники сло-

ва, <как> вечно колеблемые трепетные листики осины. Вот его слова о последнем романе: «Плохой роман, не удался, таланта не хватает, да уж это верно...». Вслед за этим в письме преувеличенное восхищение моим рассказом. У других, если себе плохо, то на другого и смотреть не хочется, все противно, у Горького выходит наоборот. Так, мне кажется, и его гиперболический Человек, все равно, как и у Ницше его сверхчеловек, разрослись в отчаянии неверия в себя.

<*зачеркнуто автором*>: Разве крупный человек станет искать славы?

Сейчас я говорю сам себе: «Никогда не гордись тем, что ты не искал славы, выкинь это из головы, изживи это, потому что это обычное явление у неудачников – губительная, холодная гордость своей чистотой. За славой гоняется только маленький человек, к крупному слава сама приходит мимо его воли, и слава – это не радость, а особая форма креста, бывает четырехконечный, бывает восьмиконечный, а слава – это крест бесконечный. К Максиму Горькому, конечно, слава сама пришла, небывалая для писателя: крест бесконечный...

Встреча Нового года

За год мною написано:

1) Звенья «Весна Света», «Зеленая дверь», «Юный Фауст», всего 7 листов.

2) Несколько детских рассказов, из которых нравится мне «Луговка».

3) Охотничьи рассказы, из них лучший «Нерль».

4) Собраны большие материалы по большой охоте и начата их обработка.

Хозяйство:

Продано собрание сочинений, вышло 2 тома.

Сделан забор вокруг участка, устроена нижняя квартира, ледник, окраска дома и крыши.

Собаки:

Выросли Нерль и Дубец, внучек Ромки, отправлен Ярик на покой.

Поездки:

В Ленинград и летом в Александровку.

В следующем году

Все чтобы шло, как завелось.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Охотничий дневник 1927 г. (26 октября – 31 декабря)

26 Октября.

Серый морозный день. Чуть порхает снежок. От 2-й пороши остался после вчерашнего дождя тонкий слой: пестро – самый плохой гон.

Днем второй урок щенкам и, как водится, во второй раз шло хуже. После слова лежать Нерль ложится на бок, потом выпрямляется. Дубец робеет и стоит истуканом; брал его за ошейник и укладывал. Поручаю Пете делать это каждый день.

27 Октября.

Вчера на ночь легла тоненькая пороша, сегодня в предрассветный час мягкий дождь.

Эту ночь в первый раз и Нерль и Дубец ночевали вместе у Пети, и с ними ничего не случилось. Дубец не стал пачкать после одного разу. Нерль даже и разу не сделала. Соловей вылеживается от ран, нанесенных ему Ромкой.

Весь день с рассвета и до тепла непрерывно шел дождь, и довольно теплый, но чрезвычайно тонкий слой снега упорно не поддавался, даже на крышах не желал сходить до обеда, а по земле довольно много белых пятен осталось на ночь. Не понимаю, чем объясняется такое странное явление.

28 Октября.

Конечно, к утру подморозило, и, что удивительно, после непрерывного теплого дня с утра до вечера снег остался не только на земле, но даже немного и на крышах. Все не знаю, по каким это вышло физическим обстоятельствам, но в общем понимаю как движение зимы: время подходит, и тут уж никакой дождь ничего не сделает.

В 10-м часу утра пошел дождь, небо и земля, все слилось в рыжем тумане в одно мутное окошко, но пятна снега не сошли, и я, когда озябли у меня руки, понял, почему снег не тает: земля остыла.

29 Октября. Забойные дожди.

Так все и продолжается со вчерашнего дня в ночь, и в предрассветный час сегодня встал и слышу – все барабанит дождь. А когда рассвело, дождь сменился мокрым снегом, потом снег – дождем с сильным ветром, и так до десяти. Около полудня стало холоднеть, и вечером при закрытом небе лужи начали замерзать.

Водил гулять в лес Нерль. После суточных дождей все-таки снег клочками сохранился в лесу, значит, как же остыла земля. В последние дни было передвижение свиристелей. Сегодня видел снегирей. Лист совершенно опал, и наверно заяц теперь подцветает. Нерль в лесу осторожна до крайности, больше как за 20 шагов не отходит, и манера ходить – совершенно мать.

30 Октября.

С вечера так хорошо все замерзло, но что-то ночью случилось, вероятно, вдруг потеплело, после снег, и утром на снег грянул дождь, и так раскрылась вся хлябь поднебесная.

31 Октября.

Чередом идет, одну ночь мороз и потом дождь и опять мороз, както даже не считаясь, ясно на небе или пасмурно. Сегодня последний день простоял под морозом, а вечером даже и за уши хватило.

1 Ноября.

К утру сдало и покапало с крыш, но потом осталось как-то ни то, ни се. Вероятно, ночью в то время, когда морозы, пробовал идти снег. Немножко припорошило так, что на тропинках можно было заметить следы хорька. Вифанский пруд в своей узкой части застыл от берега до берега, и видно даже, что ночью по его гладкой поверхности ветер гонял порошу и наметал углами к тростнику.

Теперь земля так настыла, деревья так оголились, что зима прямо просится...

Я ходил сегодня на прогулку с Дубцом, он рвался у меня со сворки или жался к ногам. В лесу он просто испугался пространства, завизжал и бросился мне под ноги и только постепенно привык и начал бегать небольшими кругами. Нерль в отношении пространства оказалась не так опаслива, что по-моему и понятно: ведь у собак, как и у людей, самец более стремительный, и потому реакция его на чувство пространства должна быть сильней. А Нерль вначале отнеслась к лесу как бы хозяйственно, сразу же себе определила возможное для нее пространство в 10–15 шагов от хозяина, а что там дальше, на это не обращала внимания.

В. С. Трубецкой рассказывал, что редактор журнала «Следопыт» Попов в его сибирских охотничьих рассказах все русские меры перевел в метрическую систему: напр., «Я прошел от Байкала 5 верст» – тот переходит в 5 километров с какою-то дробью, и что заяц в столько-то фунтов стал в столько-то кило с дробью и т. д.

2 Ноября.

Ночью ахнула теплая буря, но с рассветом все-таки лужи замерзли. Не уменьшаясь продолжал реветь ветер и после рассвета. Тучи иногда

разбивались ветром, и солнце сияло, и опять справилось. В 9 я пошел с Нерлью к Вифанскому озеру и, словно чувствуя, что в последний раз вижу зелень на земле, очень любовался в мелятнике прижатыми дождями и бурями к земле зелеными папоротниками и другими широколиственными травами, я дивился, как много осталось после морозов на зиму не тронутой разложением зелени. Потом я вошел в еловый лес на горе. Ревело так, будто совсем близко где-то был водопад. На озере не осталось и следа вчерашнего льда, весь его разбило и уничтожило ветром, и холодные рыжие волны подбивали к берегу, иногда разбиваясь белой пеной. Нерль, удивленная такими невиданными волнами, подбежала к самой воде и состроила свою милую раздумчивую мордочку, как вдруг белой пеной рассеклась возле нее волна, и с большим испугом она бросилась назад и прижалась к моим ногам. Солнце то показывалось, то исчезало, но все реже и реже, скрылось совсем, стало сильно темнеть. Потом в последний раз открылась на небе прекрасная синяя полянка, но в то же время посыпало крупой, а когда поляна закрылась, крупа обратилась в снежную пыль и в летающий снег. Началась сильнейшая снежная буря, и пока я добежал домой, через 15 минут земля была покрыта плотным слоем снега, и уже этот снег один вполне обеспечивал на завтра охоту по пороше.

Очень возможно, что сегодня я стал свидетелем первого момента наступления зимы.

Снежный водопад продолжался около часа, потом явилось солнце над белой землей. Ветер продолжался порывистый и поднимал снежную пыль. Вечером и ночью лютая морозно-снежная буря, так что все, встречаясь в домах, говорили: вот так погода.

3 Ноября.

Переменная облачность при порывистом ветре. Охота невозможна, и очень холодно, <*1 нрзб.*> и за ветром сразу потерять собаку. К вечеру стало постепенно стихать. Заря желтая. Мороз нарастает.

Около полуночи звездная сильно морозная ночь была перебита, небо закрылось, опять подул ветер, и так продолжалось до свету, и потом часов в 11 д. морозный порывистый ветер погнал снежные легионы, и так до ночи мело сверху и снизу. В первую часть ночи все сплошь замерзло все озеро, потом намело снегу, и так оно стало, как зимой.

4 Ноября.

Весь день ветер и снег. К вечеру стихло, и так было всю ночь тихо под тучами.

5 Ноября.

Слабый ветер, в лесу тихо. Пороша – три раза в год такая бывает. В ½ 5-го мы с Петей выходили под Шильцы и в ½ 7-го пускали Соловья. К несчастью Петя захватил Знайку, и он 4 раза сбивал русака с

круга, и так весь день мы его гоняли и не могли подстоять. Убил шумового беляка. Встретили в лесу мужика с дровами, сбросил дрова и отвез нас.

Свежие кротовые кучи под белым снегом говорили, что земля еще не замерзла, и вызывало тревогу, что и этот снег обратится в грязь. Устали мы и перезябли до крайности.

6 Ноября.

С утра мелкий дождь. С крыш льет. Петя все-таки отправился на охоту и гонял лисицу.

7 Ноября.

Все раскисло, деревья упираются в рыжее небо. Сыро, глухо в лесу и похоже, как если бы провалился на кладбище в чужую могилу и не можешь выкарабкаться. Но остывшая земля держит рыхлый снег на себе, и мы с Петей пошли гонять в Симушки и по такой кислой пороше. На горе наш Соловей в Симушках взял лису, а не зайца, перемахнул ее через железную дорогу и стал кружиться. Мы ее настаивали по всем правилам, но каким-то образом ни разу с ней не встретились. Раз я видел своими глазами, наконец, как лисица, желая перейти просеку, встретила свежий след прохожего человека и повернула от него назад. Соловей держал лису часов шесть-семь, пока, наконец, она, сделав громадный круг полями и дорогами, вернулась обратно в свой след на дороге, тут Соловей скололся и, вероятно, вспомнил усталость (гоняет с утра до ночи третий день) и куда-то исчез. Мы трубили, стреляли, не явился. Долго его не нашли. Все мы за него в большой тревоге.

Во время поисков Соловья увидели на лесной изгороди что-то белое, Петя выстрелил, оказался очень маленький, в горлинку, белоснежный голубок: что это такое?

Когда мы гоняли лису, то нам казалось, мы кружились на одном месте, а очутились около Морозова, в 8 верстах от города.

8 Ноября.

Всю ночь дождь, и к утру снега ни в полях, ни в лесу как не бывало. Молочница говорит, что видела Соловья около нашего дома. Петя отправился в город на розыск.

Открытие.

Утром в ожидании, пока настоится чай, как часто делал в такие пустые минуты, чесал кончиком туфли бок Кенты, потом и живот. В этот раз мне пришлось нечаянно задеть ее половые органы, и вдруг она упала на спину, обняла мою ногу передними лапами, а задом стала судорожно припадать к моей туфле. Из боязни, что этот онанизм вызовет у нее преждевременную пустовку, я прогнал ее на место. Раньше суку считал образцом нравственности, ее короткий, аскетический, переходящий в страдание прямо после совокупления (вязка) безликий половой акт был для меня всегда укором человеческой распущенности. Теперь вижу, что и в целомудренной суке можно воспитать блядство, подобное человеческому. Из этого примера можно видеть происхождение распутства у человека. Надо заметить, что эта забава с моей туф-

лей в естественном состоянии соответствует игре: иногда кобель нащекочет языком, и сука бросается перед ним, вспыхивает, обнимает его морду лапами и пускается в бег, и он за ней.

9 Ноября.

Теплый день с просветами солнца. Председатель Хотьковского Союза охотников Каверин позвонил по телефону, что Соловей пришел к его дому, но не дается, что надо немедленно приехать, а он будет следить за собакой. Когда мы приехали, то Соловья уже не было, как объяснилось потом, что Каверин, увидав собаку, вместо того, чтобы ловить ее, бросился к телефону, а когда вернулся, то собака исчезла. Ему, современному человеку, было важнее сказать, что пойман, чем сделать самое дело. Конечно, он не мог нам и вероятно самому себе признаться в этом и потому плел в смущении такой вздор, что мы усомнились даже в факте появления Соловья: был ли то Соловей или какая-нибудь другая собака.

10 Ноября.

Продолжается мягкая погода, но не обошлось без дождя. В общем происходит заминка движения зимы, как бы второе бабье лето.

Получены сведения, что Соловей прошел к Старову в Васильевское. Знайка исчезла.

11 Ноября.

Весь день льет дождь. Самые глухие грязные дни. Старов привел Соловья, и все объяснилось, и оказалось, что все, кто говорил о нем, врали, что уже в 2 ч. дня во Вторник Соловей был обнаружен детьми Старова в сенном сарае, а прийти мог и раньше. Все теперь представляется так. Лисица, которую он гонял, увела его на ту сторону линии, множество трубящих и стреляющих охотников обманули его, и так он запутался в тумане. Пришлось искать временное убежище, и тут он вспомнил по каким-нибудь признакам или звукам, что где-то в этом районе прошлый год гонял и ночевал. От нас это 18 верст, и через год он нашел место, где ночевал только одну ночь. Вот какая у собак память.

Вечером началась такая же буря, как под 20 Ноября, и по окончании надо ждать перемены к зазимку.

12 Ноября.

Хороший мороз все подсушил. День стоял под тучами и все-таки прекрасно-морозный. К вечеру стало постепенно теплеть и потом пошел снег.

На полях: Голытьба винтовала. Голодоеды. Тимофей угощает блинами. Я говорю:

– Оставь ребятишкам.

– Что вы, М. М., ребятишки глупы, а человек из-за них должен не евши идти.

13 Ноября.

За ночь снег повалил на 1/2 аршина, а утром пошел дождь, и так до вечера лил, но снег не поддавался и дочиста не сошел. Вечером, как всегда теперь, сильный ветер. 14-го (понед.) весь день снежная метель и ночь продолжалась. 15-го (вторн.), чуть порхает снежок, в лесах снегу вершков на 6, такого покрова этой осенью еще не было, а сугробы настоящие зимние. Пруды полузамерзшие, везде на белом снегу бушуют черные потоки (слишком воды много), какая-то белая география. Мы с Петей вышли утром в Бобошино ночевать. Переправились через разломанный Торбеевский мост. На той стороне в «горбах» пустили Соловья и очень скоро убили зайца еще не белого, но все-таки седого. Другого убили возле Бобошино (я убил его, мчащегося с заложенными назад ушами, хватив навскидку) между деревьями. Петя провалился в межевую яму и плавал в ней. Можно после метели и в пруд провалиться: все белое. Ночевали у Тимофея. Другой день охотились в оврагах между Бобошиным и Путятиным и Яковлевым. Пороша глубокая, подостланная льдом, стенки снега обсыпаются и закрывают след, так что если заяц в свой след – собаке трудно. Зайцев много, но ходили по большим безумным кругам. Гоняли от темна до темна. Убили двух. Возвращались на лошади по ужасной дороге, вываливались, попадали в воду.

Из этого дня в памяти удерживаются картинки: глубокий овраг и деревья по той стороне, засыпанные снегом где-то чуть не в зените, тихо падает снег, и оттого сосны, их стволы оживают: так в тишине звук сверчка открывает нам особенно глубоко чувство тишины; внизу бушует на белом поток, и черную воду его, поваленное, покрытое белым дерево, то белый куст; лисица перебирается на ту сторону осторожно, подбирая хвост то на спину, то так немного повыше, и видно, что ей много с ним лишних хлопот, прыгает, и потихоньку вверх, и долго видна.

На полях: Т. был вестовым у прапорщика. – Нечего делать, Марахин, сдирай погоны. Т. содрал и хранит их до сих пор.

Возвращались вечером из оврага от Слотина по ужасной дороге. Ехали мужики совершенно пьяные. Я спросил Тимофея об этом:

– Как они могли удержать в себе действие водки от самого Сергиева, что, или они и в пути выпивают?

– Нет, – сказал Т., – они выпили в Сергиеве и не закусывали, – вот она их и держит, голодного она может сутки держать.

Вот ведь какая экономия.

17. Среда.

Ночью чуть порошило, и день слегка морозный, очень хороший.

18 Ноября. Пятница.
Мороз и снег. Тихо.

19 Ноября. Суббота.
Мороз. Тихо. Чуть порхает.

20. Воскресенье.
Иней. Тихо.

21. Понедельник.
Мороз покрепче, солнечно, ветер, хотя и не очень большой, а иней стряхнуло. Видел очень много снегирей.

Сюжет для ох. рассказов: 1) Пропал Соловей. Дали знать из нашего центра по волостям. Председатель волост. союза, увидав Соловья возле дома, бросился звонить в телефон: "Пришел, здесь, приезжайте, я его задержу», а когда вернулся к себе от телефона, собака ушла. Нарисовать тип совр. легко (чтобы напоказ), и в контраст ему собачью память: Соловей ночевал у мужика и пришел к нему. 2) Вестовой Тимофей хранит погоны прапорщика. 3) О солдате, убившем полковника.

22. Вторник.
Многоследица. Мягко, пасмурно. <*На полях*>. Мужик Рачья Смерть.

<*На полях*>. Пьяные мужики смеялись над плотником и кричали:

– Какой ты плотник, у тебя и пила-то нового режима (т. е. никудышная).

23. Среда.
Тихий редкий снег. Мягко. Скользит. Если ночью не поднимется буря, значит, едем на охоту. Купил собакам 21 пуд овинного овса (а то бывает ведреный).

24. Четверг.
Ночь звездная. Мы вышли в 1/2 5-го радостные, как будто осыпанные звездами. Когда вошли в темный лес, звезды расселись по сучкам елей: так всегда кажется, если в звездную ночь войти в хвойный лес. Впереди сияла утренняя звезда. На рассвете восток закрылся, и зимний восход солнца в лесу не удался. Днем падал редкий снег в тишине. Под вечер взялся ветер с метелицей. Пороша вышла плохая, первое – снег, как песок, отчего стенки следа обваливаются и засыпаются, это не беда бы, но в связи с только чуть припорошенной многоследицей белоснежных дней создает путаницу для собаки, гон выходит обрывистый; второе – что этот снег-песок лежит по льду, который очень хрустит, и потому нельзя подходить неслышно. Остались за <*1 нрзб.*>. Петя убил беляка на просеке. Ко мне подошел беляк очень близко и сел за большим деревом. Я его дожидался, затаив дыхание, но вероятно все же нога на хрустком подстиле чуть-чуть шевельнулась. Заяц ушел незаметно для меня своим следом назад за дерево. Помучились мы. Наконец перед очень трудным оврагом беляк высунул бурую (еще не побелевшую) голову из густого можжевельника: верно хотел посмотреть, можно ли перейти овраг. Я с

другой стороны оврага выстрелил в эту голову и взял. На обратном пути около Торбеева подняли лисицу, я стрельнул в нее слишком далеко и через елку. В темноте только гон прекратился, и мы вернулись домой, совершив на своих на двоих от 40 до 50 верст.

Сегодня кончиком туфли щекотал живот у Кенты, и вдруг она, лежа на полу, схватив лапами, обняла мою ногу и стала, припадая к ней задом, онанировать. А я всегда считал, что сука со своими короткими пустовками два раза в год самое «нравственное» в мире существо. Теперь вижу, что это до них только не доходит, не касается, и у животных так же, как у людей – дай им «свободу», и они тоже будут развратные. Природа романтизма – это попытка человека физ. чувство любви сделать духовным состоянием (задержать акт размножения и воспользоваться силой его для личной свободы в духе – такова природа всей культуры).

25 Ноября. Пятница. Было ветрено, 26-го с утра и до ночи снежная метель, 27-го тепло, только не тает, лежит мелкий редкий снег, который, конечно, не может засыпать глубоких следов этой ночи. Мы, четверо, Яловецкий, Лева, Петя и я, вышли в 5 у. по дороге на Параклит. Мужики, едущие на базар, все до одного, встречая нас, подсмеивались, вроде как: «Ну, зайцы, берегись» или: «Ну, зайцы, ети вашу мать...» и т. д. Лева сказал: «Вот как это противно, ни один не пропустит без ругани». – «Это, Лева, – сказал Яловецкий, – хорошо, раз говорят – хорошо, что бы это было, если бы все пропускали нас молча». – «А в самом деле, – спросил я, – неужели вас это ничуть не задевает, не раздражает». – «Нисколько. Бывает, возвращаешься усталый... но тогда я сам отвечаю им тем же». Меня, напротив, всю жизнь это раздражало, и я думаю, это едва ли у меня не имеет оправдания, вернее всего это коренится в недостатках своего характера.

Снегу насыпало теперь уже так много, что ходить стало трудновато. Будем ждать осадки. За Торбеевым в Горбах Соловей погнал лисицу. В овраге под застывшим ручьем лежало дерево, по которому прошла лисица. Два снегиря на кусту шелушили семечки, которые падали на снег. Красные птички, помолотив себе довольно, опускались на белый снег и подбирали, потом опять взлетали на куст, молотили. Я с интересом ждал, как они отнесутся к появлению лисицы на этом дереве-мосту. Но лисица не дошла и покорилась. Потом подняли зайца, и я опять ждал его на том же самом месте, стараясь угадать его приближение по снегирям. Но зайца убил Яловецкий в <*1 нрзб.*> стороне. Отойдя ближе к Бобошину, в том массиве подняли второго зайца, который завернул огромный круг, но вскоре был убит Яловецким при обратном (в пяту) переходе через дорогу. Где-то около Путятина встретил 3-го зайца, и опять его убил Яловецкий, оставив всех нас «попами». Было только 3 ч. д. Мы пошли пить чай в Бобошино, сделали маленькую ошибку в направлении и попали в Слотино часов в 7 в. (4 часа блуждали в снегах). Из Слотина, выпив там по тройнику водки (тройник – стаканчик, содержащий

1/3 полбутылки) и чай, прошагали 4 версты в Бобошино. Тимофей Марахин доставил нас в Сергиев в полночь.

Явление природы: 1) Когда мы шли лесом из Слотина в Бобошино (около 8 в.) и в темноте балансировали по скользкой горбушке дороги между колеями, вдруг вся дорога, весь лес осветились на момент ярким белым светом. Мы решили, что это был метеорит.

2) Когда блуждали в лесу около Слотина и надвинулись сумерки, небо между деревьями стало все ровно фиолетовым, чрезвычайно страшным.

28 Ноября – 29–30 продолжается тихая, теплая (около 0°) погода. Конечно, теперь многоследица.

1 Декабря. С утра полудождь (осадки), потом до ночи и ночью мелкий снег с ветром.

2 Декабря. Утром снежная метель, потом ветер постепенно стихал и до вечера валил крупный снег. Вечером стихло. Тепло.

Какая будет зима?

<Вырезка>: «Ленинград, 30 ноября (По телеф. от наш. корр.). Заведующий бюро погоды геофизической обсерватории проф. Мультановский сообщил корреспонденту «Известий»:

– Первая половина зимы, до 15 января, в районах, расположенных к востоку от Москвы, будет характеризоваться холодной погодой и даже суровыми морозами. В районах, расположенных между Окой и Волгой, в этот период будут метели. В районах северо-западной части СССР до 15 января будет стоять мягкая погода с периодическими вспышками холодов».

Позднее показались звезды. Длинная ночь. Спать и спать мужику, ходить и ходить зайцу.

3 Декабря. Суббота. Хотя под утро и затянуло все небо, все-таки мороз хватает за уши. Мы вдвоем с Яловецким едем в Бобошино и спускали Соловья в направлении к Воронину. Ходить очень тяжело: снег в лесу почти на 1/2 аршина. Лес сегодня совсем глухой. Мы не слыхали, как погнал Соловей, и потом пришлось его обкладывать, а когда нашли его след, долго добирались. Настигли гон, когда Соловей, потеряв зайца по Дерюз. дороге, выл. Нашли скидку и скоро убили беляка по дороге, он проделал раз свою штуку на дороге, обманул собаку и захотел проделать то же самое в другой раз, но мы этого и ждали: Яловецкий встретил его выстрелом на скидке, ранил, заяц побежал назад по дороге, и я докончил. После того Соловей взял лисицу и загнал ее в такую чащу, что пролезть в нее было невозможно.

В сумерках, когда еще можно было стрелять, начали вставать зайцы для ночной своей жизни. Мы видели четыре следа и наметили этот

уголок возле Бобошино в направлении к Р. для охоты в следующий раз. Однако, надо подождать осадки, а то ходить опять трудно.

4 Декабря. Воскресенье: мороз крепнет; 5-е – настоящий здоровый с ночными звездами, 6–7-го – крепкие морозы; солнечные дни, звездные ночи.

Четверг. 8 Декабря 1927 г. <Вырезка из газеты:> № 281 (3415).
«Лунное затмение
Сегодня, 8 декабря, произойдет лунное затмение, которое будет видно по всему пространству СССР. Вот таблица, указывающая моменты наступления последовательных фаз затмения по времени 3-го пояса (включающего Москву, Ленинград, вообще западную полосу европейской части СССР).

Вступление луны в полутень – 16 час. 53 мин.
Начало частного затмения – 17 час. 52 мин.
Начало полного затмения – 18 ч. 55 м.
Середина затмения – 19 ч. 35 м.
Конец полного затмения – 20 ч. 15 м.
Конец частного затмения – 21 ч. 18 м.
Выход луны из полутени – 22 ч. 17 м.

Все затмение будет на этот раз длиться – от первого соприкосновения лунного края с полутенью до выхода луны целиком из полутени – 3 часа 26 мин.; целиком будет покрыта луна тенью в продолжение 1 часа 20 минут.

Так как 1927 г. приходится на максимум солнечных пятен, то ожидается, что в этом году во время главной фазы затмения лунный диск будет иметь ярко-красный оттенок.

В обсерваториях ставятся наблюдения над температурой лунной поверхности (наибольшая температура лунной поверхности в течение дня исчисляется в 100 градусов, ночью – ниже нуля).

Наблюдения коснутся также вопроса об атмосфере луны. Полное лунное затмение представляет также возможность выяснить, имеется ли у луны спутник.

Следующее полное лунное затмение состоится около полуночи 3 июня 1928 г.

Сложные наблюдения над лунным затмением, требующие тонких чувствительных приборов, будут производиться в СССР только в первоклассных наших обсерваториях.

В частности, наблюдения будут происходить в московской университетской астрономической обсерватории.

Вчера вечером состоялось собрание наблюдателей, на котором была выработана программа наблюдений и распределены между наблюдателями обязанности».

По случаю полного лунного затмения были приглашены Григорьевы с Яловецким, и при помощи клюквенной устроено затмение частное солнечное.

9 Декабря. Пятница. Мороз сдал. Мягко. Чуть порхает снег.
<*На полях*>: Уймистые леса: обширные.
Псарки – лошади, предназначенные к убою для собак.

10-е Декабря. Суббота.
Мягкий день. Перед вечером чуть порошило, потом невидимкой светила луна. Повязали Соловья с Сорокой (англо-русская). Цветаева.

11–12–13 Декабря. Мороз с ветром.

14-го – метель.

– Товарищ Пришвин, здравствуйте.
Проходит и сзади:
– Товарищ Пришвин.
– Что скажете?
Улыбается во всю рожу.
– Новое обстоятельство.
– Какое же?
– Зима, метель.

<*На полях*>: Судак брызговой (плавник стояком) замерзает прямо из воды. Судак пылкий – замерзает в холодильнике, у него глаза, как у разбойника. Последний сорт «комодка» – глаза проваленные.

15 Декабря. Четверг. Всю ночь мельчайший снег с ветром. Утром было довольно тихо, к полудню помело. Мы вышли к скиту на лисицу. Соловей долго добирал и, наконец, погнал возле линии. Петя быстро забежал к канаве, отделяющей большой монаст. лес от мелятника, справедливо рассчитав, что лисица пойдет по опушке. И она показалась прямо на него, он решил наждать ее поближе и ударить наверняка. Но вдруг лисица мгновенно повернула назад. Петя выстрелил с 70 шагов в зад, и когда выстрелил, вдруг бросилась лошадь, и вслед за ней мужик с родит. словом. Это мужик дрова пилил, и лисица его увидала. По кровавому следу Петя шел за ней до В. пруда, где следы перемело. И так лисица ушла.

16 Д. Пятница. Сильный мороз с ветром. Отправил рассказ «Звон» в Охот. г.

17. Суббота.
Тихая сильно морозная ночь, звездная. В ½ 7-го первый праздник света. Утро с ярким обрывком луны. Все хозяйки пускали живой дым вверх. Овсянки уютно стайками клюют на дорогах. Ели осыпаны снегом, березы... им хорошо, березам, революция строго запретила рубить их к праздникам, а на похороны они не идут, зато елкам плохо, раньше их рубили только на похороны, теперь рубят и на похороны и на советские праздники вместо берез. Елкам от революции стало худо вдвойне.
<*На полях*>: Дудин и Прокудин.

---

18 в Воскресенье весь день была метель – позимок с сильным морозом при солнце. Возле солнца радужные столбы. Вечером потеплело, и мы стали ожидать перемены погоды, снега и тепла, но...

19 (6 Дек. Никола) в Понедельник утро вышло сильно морозное, потом начался легкий ветер, и еще более яркие столбы радуги расположились, и весь день по обеим сторонам солнца.

Вчера у меня был Катынский, звал охотиться с флагами. Набросал рассказик «Лисица» (не туда понюхали).

20. Вторник. Тихий сильно морозный день.

21. Среда. Значительно теплее, нет солнца, и совершенно тихо.

Прыгает большими скачками вверх раненный в голову зверь и не движется с места. Смотрю, как прыжки его вверх становятся короче, короче и, когда он совсем перестает, я подхожу посмотреть: какой он большой.

Моя радость охотника не оставляет никакого места для жалости, и пусть: через это я привыкаю быть равнодушным и к своей неизбежной будущей смерти, ведь тоже когда-нибудь растянусь, и кто-нибудь скажет: «какой он был маленький». (Зачеркнуто: «большой»).

<*На полях*>: Вошло в рассказ: «Аромат фиалок».

Четверг. 22 Декабря. Мягкий и удивительно тихий день. Написал рассказ «Аромат фиалок» (о лисице), читал. Т. – хорошо. Завтра отправлю в «Ниву».

Пятница. 23 Декабря. Утренняя мягкая пороша взволновала, хотел идти к Катынскому лисиц обкладывать, но вечером вызвездило. Вместо охоты в баню сходил. В субботу 24-го Дек. ветреный день, к вечеру началась мелкая пороша, и так с ветром и мелким снегом несло сутки.

Воскресенье 25 Декабря. Вечером снег перестал, несильный ветер. Мы четверо, с Левой, князем и Яловецким выехали на беляков в Бобошино.

В понедельник 26-го Декабря и вторник 27-го охотились.

26 Декабря. Понедельник.

В поле ветер, в лесу сносно, мороз 5–6°, лес завален снегом и совершенно глух, снег рыхлый, на лыжах невозможно ходить, в валенках трудно идти. Охотились в чаще между Ворониным и Бобошиным. В 8 пускали собак, в 9 у нас было два зайца, 1-го убил Лева, подстояв в чаще, по 2-му я стрелял далеко, когда заяц поляной сокращал путь в чащу возле оврага, убил Яловецкий выше по дорожке. 3-й заяц вертелся в чаще на пространстве 10 десятка и вышел из нее, сделав круг, только один раз. Мы его гоняли с 9 у. до ½ 4-го в. и не могли убить.

<*На полях*>: Эхо. Очень мешало эхо в овраге: на той стороне гон был отчетливый, а то было эхо.

27 Вторник. Совершенно тихий, теплый (не больше 0°) день, какие бывают в зиму один-два. Мы пошли в направлении к С., но попали к Воронину. 1-го зайца гоняли довольно правильно, Яловецкий промазал <*1 нрзб.*> убил. Потом гоняли русака и затеряли. Второго зайца убили около вчерашних мест. Расставились по оврагу. Собаки <*1 нрзб.*> подгоняли его через овраг, без схода. Убил Яловецкий. 3-го зайца убил на дорожке князь. И еще одного гоняли в чаще до полной темноты и не могли взять.

Из рассказов интересно про старого графа Олсуфьева, гусара, которого знала вся Москва: в церкви прикладывался к нижним иконам, а верхним посылал воздушные поцелуи. Марахин по обыкновению рассказывал о своем прапорщике: «никуда не любил ходить, одно удовольствие чаю со мной пить. Раз взял я чайник и пошел за кипятком...» Когда сдирали погоны, то один офицер застрелился (от оскорбления), а прапорщик (сам из простых) только сказал: «Ну, Марахин, сдирай погоны, видно делать нечего». Интересная тема: описать прапорщика, пользуясь только рассказом его вестового, прапорщик в мужицком понимании, напр., о полковнике, который удирал и поручил своему вестовому идти под руку с дочерью, будто с женой. Как Марахин берег добро прапорщика (орехи запирал, чтобы другие офицеры не расхватали).

В этот раз наблюдал опять в сумерках в лесу яркость перед наступлением тьмы, и небо стало почти фиолетовым.

Еще заметил, что электричество города на облаках было особенно сильно, за две-три версты от города снег был освещен облаками, как луной.

28 Декабря. Ветер и снег. 29-го. Ветер и снег. 30-го – значительный мороз, но все-таки, я думаю, можно бы зайцев гонять.

31 Декабря. Морозная метель. Вечером под Новый год Петя пришел с урока и говорил:

– Ужасная погода.

Я спросил его, в чем ужас, и он ответил:

– Луна, половинка и такая рваная, будто ножницами отрезали – очень неприятно, облака мчатся по ней, закрывают и открывают.

КОММЕНТАРИИ

Дневник Михаила Пришвина (1905–1954), вмещающий время с момента первой русской революции до начала послесталинских преобразований – один из феноменов русской культуры XX века. Целая эпоха получила форму дневника, пронизанного стремлением осознать жизнь, описать ее, то есть, выражаясь современным языком, превратить ее в текст. Уникальность ситуации состоит в том, что у Пришвина не было никакой установки на фиксирование чего бы то ни было определенного. Дневник представляет собой мозаику из записей о погоде, о перипетиях бытовой жизни, о встречах с известными, а чаще неизвестными простыми людьми, о любви, об отношениях с женой, об охоте, о собаках, а также из философских размышлений, черновиков писем, раздумий о литературе, о происходящем в стране, из рассуждений на существенные для писателя темы (личность, творчество, свобода и необходимость, власть, культура и цивилизация и др.), из сменяющих друг друга картин природы, которые вплетаются в человеческую жизнь не только через ежедневное, календарное или эстетическое, но и через осмысление глубинных, архетипических корней общей жизни, наконец, из воспоминаний, сновидений, материалов к произведениям, над которыми он в данный момент работает. Это необработанный текст, связанный личностью автора, который сам уже под конец жизни в 50-е годы записал однажды о своем странном ежедневном труде: «Кажется, я не просто пишу, а что-то делаю, и даже определенно чувствую, что именно делаю: я сверлю[1]».

Особый интерес дневник Михаила Пришвина представляет в контексте уже опубликованных дневников Зинаиды Гиппиус, Михаила Кузмина, К. И. Чуковского. Их объединяет укорененность в культуре начала века, общая судьба – публикация в России спустя много лет после кончины авторов, ну и, конечно, эпоха...

Пришвин всем своим существом, начиная от купеческого происхождения, европейского образования, отнюдь не марксистского мировоззрения, стиля мышления и кончая образом жизни, кругом общения и даже манерой одеваться – своим внешним обликом – просто выламывался из советской действительности – был ей абсолютно чужд.

---

[1] Дневник 2 мая 1951 г.

В то же время идеи, принципы и иллюзии социализма, лично пережитые им в юности и тогда же отвергнутые, были слишком ему хорошо понятны, так же, как и мотивы, по которым человек становился рядовым коммунистом. Это ничего не меняло в принципе, но не позволяло ему огульно осуждать новый строй. В его понимании все выглядело гораздо сложнее, трагичнее и ... органичнее. По крайней мере, он не уставал размышлять и разбираться в происходящем вокруг.

Пришвин ведет собственное расследование – идет своим отдельным путем и уже этим самым обрекает себя на одиночество и непонимание. До сих пор его подозревают то в конформизме, то в хитрости и скрытом антисоветизме, а он в течение своей долгой творческой жизни – просто русский писатель, плохой и хороший, удачливый и неудачливый, успешный и нет, приспосабливающийся к жизни, но никогда не совершивший низости или подлости, поражаемый скорее отчаянием, чем страхом, и выбирающийся из него, и, несмотря ни на что, изо дня в день продолжающий вести свой тайный дневник, оставаясь в нем до конца открытым и искренним. И, может быть, самое главное, что открытость и искренность – не черты характера, а его «творческое поведение», его путь в искусстве и способ существования – тоже, надо заметить, мало кому понятный.

Все это, вместе взятое, делает дневник Пришвина не только феноменальным явлением русской культуры первой половины XX века, но и прафеноменом нынешнего – или будущего культурного сознания – на это он очень надеется, когда тоже в последние годы жизни записывает: «Все больше и больше овладевает мною мысль о каком-то хорошем месте моем в будущем сознании людей[1]».

Итак, дневник 1926–1927 годов. В это время проблема противостояния культуры и цивилизации занимает в дневнике очень существенное место. Не то чтобы Пришвин не видел этого раньше. Но в своих рассуждениях он всегда отталкивается от реальной жизни, в которой эта проблема окончательно вышла теперь наружу из теоретической тени. Пришвин кардинально пересматривает понятия природы и культуры, рассматривая природу в космическом, планетном измерении, а культуру в максимальном соответствии ей.

Еще в полемике с Александром Блоком в 1918–1919 годы (См.: Комментарии к тт. 2, 3) Пришвин отказывает «революционной стихии» в «музыкальном», романтическом ореоле культуры. Он уже тогда понимает, что революция вызвала к жизни силу, которая сметет и культурные, и природные ценности, но понимает и то, что революция высвободила огромный потенциал творческой энергии, накопившийся в народе, но, не имея сама адекватной программы строительства новой жизни, уничтожает эти, разбуженные ею же, силы.

В дневнике 1926 года Пришвин развенчивает и собственные романтические иллюзии – во-первых, относительно природы («природа любит пахаря, певца и охотника», «слабого она сию же минуту берет в плен и разлагает»), и, таким образом, утверждает, что природа нужда-

[1] Дневник 31 мая 1949 г.

ется не только в эстетической оценке – ей нужен деятель; в этой связи потрясающе выглядит набор «пахаря, певца и охотника», где «певец» уверенно занимает место рядом с добытчиком; во-вторых, относительно охоты, которая рассматривается как сублимация агрессии («продолжаю охотиться, считая это убийство пустяками в сравнении с тем, что ежедневно все люди проделывают друг с другом, удовлетворяя свою природную, неискоренимую жажду к убийству ... охотник отведет свою душу на птице, на звере, а людям является добрым, и это правда, большинство охотников незлобивые, милые, часто даже душевно-внимательные люди»); поэзия нуждается в материальном обосновании («поэтическое» только сопровождает охоту и вполне проявляется, если только... убьешь желанную дичь») – материальная жизнь перевешивает романтические чувства. К тому же, Пришвин, несмотря на романтические чувства, конечно, не идеалист и не романтик («все мы, художники, непременно наивные реалисты, а не кантианцы»).

Впервые Пришвин обращается к обсуждению связанных с охотой таких душевных качеств, как доброта и жестокость, которые рассматриваются не как очевидные абстрактные категории, присущие схематически «правильному», идеальному человеку, образ которого формируется в 1920-е годы официальной культурой, а как проблемы, присущие живому человеку, которые он должен решать на своем жизненном пути.

И природа, и охота в их прежнем понимании перестают питать его творчество («Вернулся домой не с убитыми птицами, а с букетом»); охота в эти годы почти ограничивается натаской собак, чем Пришвин до крайности увлечен; в природе он тоже ищет новой глубины и находит («утренний концерт лесных болот... отвечает какой-то прекрасной жизни») – на сторону природы все решительней перетягивается культура, потому что на противоположной стороне все явственней проявляются признаки цивилизации, которую принесла с собой революция – реализации рациональной идеи строительства новой жизни.

Пришвин считает, что человека нужно «собирать» не идейно-рационально, а реально, хозяйственно («как ком»), поскольку жизнь никогда не совпадает с замыслом о ней, а развивается по совершенно другим законам. Его не привлекает цивилизация («как изуродованы фабрикой рабочие»), но он знает, что и талдомские ремесленники-башмачники изуродованы своей жизнью не меньше. Хотя дневник писателя, безусловно, не трактат «на тему», то есть не история культуры, в нем обнаруживается целый ряд записей, связанных с пониманием существа культуры («писатель родится со своим слогом... необходимо, однако, изломать этот природный слог совершенно, чтобы потом он возродился, преображенный культурой, и сделался собственным стилем... стиль предполагает усвоенную... культуру». «Удастся ли закрепить мое мгновение в этом сочетании слов, чтобы оно присоединилось к делу связи людей, которое называют «культурой», «личное творчество есть основа культуры»); а, к примеру, интерес Пришвина к ремесленникам-башмачникам понятен только в контексте культуры.

Очерки «Башмаки» (1925) отразили пласт исчезающей ремесленной жизни башмачников – мастеров своего дела, связанной с кооперацией,

но еще традиционной, вызывающей интерес писателя творческим подходом к ремеслу, возможностью рассматривать их жизнь с художественной, близкой писателю точки зрения. Пришвин видит, что их жизнь истощается, их дело не ведет к строительству новой жизни, напротив, она уже втягивается в фабричный цикл производства обуви – неизбежность этого очевидна. На одной стороне у него оказывается «разум европейского позитивиста, американского прагматиста и русского интеллигента» – все, несущее идею рационального переустройства мира, а на другой стороне здравый смысл культуры, когда человек способен «мерить и ставить вещи на соответствующее место», то есть способен организовать мир, в котором рациональная идея присутствует, но соответствует законам органической жизни. Потому и стоит Пришвин за личность, что уверен в одном: только личность способна осуществлять необходимую в России жизнетворческую деятельность («личность, созданная христианской культурой, остается в стороне от борьбы индивидуализма с социализмом... она включает в состав свой капиталистический индивидуализм как средство ощупывать вещи и социализм как средство объединения индивидуумов в общем деле преображения земли»). Его образ мышления свободен от нормативности и стереотипов, его мировоззрение сложно и неожиданно соединяет философское и обыденное, реальное и символическое – для него, как для художника, одинаково важны любовь и ненависть, труд и праздность («Труд, как и любовь, – очень сложные понятия, праздность и ненависть также входят в процесс творчества, как труд и любовь. Надо рекомендовать пролетарию не труд и любовь, а жизнетворчество... потому что скажи «трудись», значит, скажи и «не пей», а если скажешь «твори», то при творчестве можно и выпить») – философски он относит это «выпить» к свободе личности. Он видит очень простую, а на самом деле сложнейшую в это время «для русского человека» задачу – «работать, думая», что возможно только в ситуации свободы.

Между тем оппозиция культуры и цивилизации проявляется в жизни совершенно парадоксальным образом: первое насильственно уничтожается, а второе насильственно насаждается. До желанной гармонии очень далеко: чиновники и рабочие защищают государство – фактически себя («государство подымается, а мы падаем», «такая открывается безнадежная картина»), а все вокруг выдавливается на периферию жизни («темнота деревни безысходная»). Весь трагизм заключается для Пришвина в том, что пафос времени состоит в уничтожении личности («Личность ничто»), и «тайная злоба пролетария» направлена не «на буржуя», а как раз на личное творческое начало («личность не защищена... лишь бы выжить государству, социализму, коммунизму»), а он понимает, что роль государства как раз обратная («государство только тогда будет благом, если не мы ему, а оно будет нам служить»).

В то же время в стране происходит поворот к власти («Ужас пережитой анархии всех жмет к власти»), и единственной сферой, в которой еще можно работать «вне партии», писатель считает в это время культуру. Кстати, заработки писателя-попутчика, каким Пришвин, естественно, считается, были в это время очень высоки, поскольку борь-

ба между попутчиками и пролетарскими писателями еще не завершилась в 1926–1927 годах победой последних.

В окружающем Пришвин тоже видит бесчисленные факты, свидетельствующие о формировании прагматической психологии, но какого-то подпольного, низкого свойства («в массах преобладают при поступлении в партию чисто практические соображения») – деревенские люди, кустари так же, как и художники – не партийные люди.

Сам Пришвин, хотя и признает возможную перспективу поглощения личности прогрессом, но не страшится цивилизации – у него немецкий фотоаппарат и линзы к нему, немецкие охотничьи ружья, он лично переживает появление радио и считает, что цивилизацию и необходимо, и возможно культурно обживать – пользоваться ею, но не становиться ее рабом («прогресс»... необходим, но не может быть предметом любви»). Его взгляд, как обычно, отличается трезвостью («Вечером был Влад. Сер. Трубецкой и, как все замученные дворяне и князья... презрительно говорил о цивилизации с паровозами. Я ему на это возражал, называя такие взгляды банальными: паровоз и электричество великое благо... Я говорил еще: «Попробуй стать к электрической лампочке в личное отношение, настрадавшись от тьмы и копоти – лампочка розой покажется!»).

Что же до социализма – той формы, в которой цивилизация осуществляется в России, то в одном он не сомневается – в его противоположности творческому, живому, органическому существу жизни («Социализм – это бесконечно близкое соприкосновение с учением жизни, но совершенно такое же, как известковая оболочка с содержанием яйца. Мы бросим социализм, как скорлупку, когда начнем жить»). Социализм – даже не враждебная, а мертвая материя, сдерживающая развитие жизни, придающая ей жесткую форму – метафор сколько угодно. Продолжая традицию Достоевского – Розанова, Пришвин рассматривает социализм как соблазн, как «хлеб, предложенный Христу дьяволом» – человек соблазнился, социализм – грех («пролетарий добивается не духовных ценностей, а материальных благ, захваченных капиталистами. Новым в этом перемещении благ является только страсть голодного варвара, его наивная вера, что в материальных благах заключается и духовное благо (обман голода, а как наелся, так все и кончается). И се будет продолжаться, пока не вскроется обман Великого Инквизитора»).

Очень существенным считает Пришвин своеобразие психологических основ русского сознания («широкая натура»), а также своеобразие экономической ситуации в России, в которой совершается строительство новой жизни. И то, и другое – первое сугубо положительное, а второе сугубо отрицательное – вносят в жизнь глубочайшее и какое-то безвыходное несоответствие («цивилизованный» европеец понял секрет этой механизации, что она вся бездушна, но необходима, и нужно отдавать ей всю свою рабочую силу, оставляя душу при себе... А широкая натура сует в механизм, прежде всего, душу и саботирует в работе», «Прогресс в отсталой стране... трактор скорее похож на икону, чем на орудие производства», «прогресс... превратился в верование», «Прогресс –

это общее чувство жизни... с точки зрения жизни личности прогресс может не иметь никакого значения. Уродливость получается от смешения». Полюса жизни расходятся все сильнее и сильнее. У Пришвина выстраивается оппозиция:

Россия – Германия,
Провинция – Москва,
Деревня – город,
Родственные связи – гражданские связи,
Темнота – свет,
Культура – цивилизация.

Народное сознание, укорененное в родовой жизни, оказывается на одном полюсе бытия, на другом полюсе – Москва; городской человек, оказавшийся в деревне – носитель новой городской жизни (цивилизации), принимается как посредник между двумя полюсами бытия, его встречают с надеждой... естественно, на культуру или амортизированную культурой цивилизацию; ожидание не оправдывается, городской человек несет рациональное, идейное, отвлеченное, что неспособно принять органическое народное сознание, и тогда все решается «кулаками, силой» – надо заметить, с обеих сторон.

В то время, когда вокруг ломают копья, утверждая, что первична материя, а не сознание, уничтожая всех, кто признает, что первична идея, Пришвин признает продуктивным только жизнь как целое, сложно, причудливо соединяющую идеальное и материальное, социализм и капитализм, культуру и цивилизацию («Санчо мудрей Кихота, но немудрый Кихот все-таки больше Санчо. Если бы у Санчо была идея, если бы у Кихота была мудрость!»). Ему самому в своем деле удается соединять искусство и жизнь («трудно жить этой двойной жизнью – страстно охотиться и хладнокровно тут же записывать, но я привык и могу»).

Никакого восторга не испытывает Пришвин от мира грядущей цивилизации, и нет у него никаких иллюзий на этот счет («отношения людей в будущем сделаются вполне деловыми, люди общаться будут между собою не иначе как оси подшипника и ремни в машинах, это будут вполне корректные и порядочные отношения»), но достижений цивилизации отрицать не считает возможным, так же как не считает возможным обернуться спиной к истории и двигаться в обратном направлении – к природе («Вот у нас от кого-то пошли слова о гнилой цивилизации, закате Европы, о спасении себя и мира в природе. Эта обратная революция-реакция таит в себе грех еще пущий, чем первоначальная молодая претензия сил... я думаю, все эти «побеги в природу» означают смирение паче гордости. Надо смириться до того, чтобы взять на себя и силу знания, и силу искусства и только переключить их движение от разрушительного к созидательному»).

Кстати, рассуждая о «серости Евразии» – не Восток и не Европа, Пришвин выбирает Европу – цивилизацию («мы всегда были демократы», «мне ближе викинг, чем китаец»), но в то же время читает, делая выписки, Рамакришну, то есть осваивает культурное наследие Востока, и сам себя ощущает неким проводником восточного культурного созна-

ния («догадываюсь, что мне эта радость через восток передалась как-нибудь... и по мне переходит на запад»).

Так или иначе, самым главным была и остается для него человеческая личность, живущая своей внутренней независимой ни от чего жизнью, способная быть благодарным потребителем любых достижений цивилизации, но не отдающая ей свою душу.

Даже антирелигиозную пропаганду понимает Пришвин в эти годы как требование делового отношения к жизни («между тем, в нашей среде это понимается как поход против совести»), считая, что каждому остается только одно – тайна личности, то пространство, где человек остается абсолютно свободным.

Кто способен даже сейчас, в наши дни понять и оценить этот беспрецедентный выход из ситуации? А другого выхода он не видел.

Так Пришвин выламывается не только из советской жизни, но и из «антисоветской» – он видит глубже или дальше, а живет и страдает вместе со всеми. В полном интеллектуальном одиночестве.

Пожалуй, самое главное для Пришвина в это время, что вектор революции, направленный в сторону цивилизации, означает движение от «темноты» к «свету», по Пришвину, очень существенное для России: «Какой страшный край эта Великороссия!» – вырывается у него. Он сам переезжает жить в Сергиев, ближе к столице – к «свету», цивилизации – писателю нельзя терять чувство современности («жить в стороне становится рискованно»); он приветствует «обретение значительной доли свободы рабочими в суждениях» – ему ли не знать, что «доли свободы» не бывает, но тут не до жиру, потому что на другой стороне безысходная жизнь («у каждого в провинции долгий ... путь жизни в темноте... в бедности».

Потому и не может Пришвин не принять невыносимое как неизбежное и даже необходимое, оставляя себе свободу совести, тайну личности и труднейшую жизнь. Потому и не может он проклясть революцию, как Бунин, земляк и почти ровесник, наоборот, ничего не находит более верного, чем от века известное, самое трудное, христианское «всем простить» – чтобы продолжать жить дальше («Надо непременно всем простить, чтобы этим выбраться из своего унизительного положения»). Надо сказать, что это приходит к нему во сне.

Природа, культура и цивилизация в мировоззрении Пришвина – не категории, которыми он, так или иначе, манипулирует и о которых рассуждает, а взаимодействующие, взаимосвязанные, переходящие друг в друга явления жизни, которые он пытается творчески освоить, обжить и представить в потоке современности. В послереволюционной России завязывается узел проблем нового времени, который Пришвин очень хорошо понимает: вырастающая внутри культуры цивилизация сама требует культурного освоения, без чего она ведет к порабощению, поглощению личности – опасности, которую так хорошо чувствуют и так боятся представители культуры, как известно, не только русской. Но и культура нуждается в притоке живых сил природы, и природа, как может быть никогда раньше, нуждается в культуре – требует охраны от наступления цивилизации. Так в эпоху насилия и тоталитаризма где-то

в глубине жизни до небывалой значимости вырастает роль культуры и личности, способной культурную деятельность осуществлять. И потому парадокс истории становится все более и более трагичным: «Христос, наверное, сила спасения личности», – записывает Пришвин общеизвестное, но именно эта сила подвергается в это время обструкции и дискриминации в обществе.

Недаром, наверное, именно в эти годы, как никогда настойчиво, проникает в его душу потребность в молитве – Пришвин в собственной душе нащупывает ту глубину, где ему никто не указ («наши писания... только пойманные словом обрывки наших молитв неведомому Богу», «мои «исследования» природы выходят все из потребности молиться»), его не пугает необходимость сознательного духовного усилия («сделать молитву ежедневной работой») или считать следствием молитвы наведение порядка вокруг себя – дело («молитва – это как бы внутри себя начертающийся хозяйственный план»). Ему это как раз и нравится – современное, прагматичное, что считается привилегией и пафосом протестантизма, но ведь именно эти два принципа испокон веку лежат в основе образа жизни пустынножителей – подвижников христианства. На новом витке сознания он перетягивает на сторону природы культуру («озеро было мне как икона молящемуся», «светляк горит, как лампада») – природа в космическом, планетном измерении открывает путь для развития религиозного сознания («пустынники все это взяли из природы», «только древний монах, пустынножитель, не оскорбил бы природы», «наше озеро взяли на небо»). Так просто – «взяли» – предполагается в природе наличие реально действующей силы, устремленной к небу. Кстати, речь идет о Плещеевом озере, возле которого в Переславле-Залесском Пришвин в течение нескольких лет жил.

Так или иначе, можно сказать, что 1926–1927 годы становятся важным этапом богоискательства в его жизни. Он все еще не церковный человек, но уже чувствующий силу молитвы и осознающий свое место в мире духовной жизни, очень скромное, но определенное – на пути к Богу («я не знаю, есть ли Бог, но живу я и складываюсь в мыслях и чувствах постепенно, как будто Бог есть, и я верую», «знаю, что тема эта задана мне, и если Бог есть, то Он придет ко мне Сам, и я увижу Его и скажу просто: ну, вот, слава Богу, Ты пришел ко мне, Господи, я тебя давно поджидал»).

Пришвин снова, как и в первые послереволюционные годы, на собственном опыте вновь подтверждает продуктивность известного русского сюжета: рост внутренней свободы за счет утраты внешней («Наше время диктатуры, когда поражено творчество человека в самой природе своей единоличия, создает эпоху новой борьбы за свое лицо, за самое имя свое»); и как ни странно, этот русский опыт неожиданно может оказаться универсальным – полезным в мире развитой цивилизации.

О тотальной утрате внешней свободы в 1926–1927 годы говорить еще вроде бы не приходится: Пришвин в Сергиеве дружит с князем Голицыным, охотится с Трубецким, вышибленными из жизни, но еще не пропавшими в лагерях; его еще не донимает, как впоследствии, цензу-

ра. Однако вряд ли случайно в дневнике мелькают такие записи: («Неограниченная власть солнца уничтожила бы нас совершенно... всякая власть убийственна», «с большим трудом одолел огромную статью Сталина и не нашел в ней ничего свободного, бездарен и честен как чурбан»). Также, по-видимому, не случайно отмечает писатель подозрительную «однородность общества» и иронически отстраняется от картины единодушной идиллии («нет кружков против власти – все добрые советские люди»). В июне 1927 года в дневнике появляется запись об аресте Пимена Карпова («Предполагают расстрел»). Конечно, Пришвин не может не понимать, что цена его дневниковых утренних бдений – жизнь, но не писать – правду – тоже не может.

Постепенно становится ясно, почему именно в эти годы возникает у Пришвина потребность в кардинальном пересмотре понятий природы и культуры – он творит новую картину мира, в которой дух времени определяется природой в ее планетном измерении, соответствующем художнику и пересиливающем дух цивилизации.

Надо сказать, что календарный ритм жизни во все времена осмысляется Пришвиным как незыблемая категория, единственная, которую не удается подвергнуть трансформации ни до- ни послереволюционной власти. Теперь он обнаруживает способ взаимодействия разума и жизни, находит масштаб для осмысления культуры, цивилизации, природы, обыденной жизни – это вращение планеты Земля. В дневнике появляется оппозиция: круг и прямая, где прямая – символ прогресса, а круг – символ целостной органической жизни («Человек считал себя человеком за то, что будто бы против всей природы двигался по своей прямой разумной линии; летит, будто бы по прямой, но земля круглая. И линия полета загибается ... так жизнь изгибает любую принципиальную прямую... разум – это только средство расширить кругозор и лететь по большему кругу ... Не разум отличает человека от остального мира, но сама жизнь», «Думаю о том бездушии постоянного вращения земли, что в этом постоянстве беспощадном – необходимость, и на этом вырастает наша свобода», «человек сидит и мечтает, потому что земля в это время движется»).

Пришвин и здесь не теоретизирует, он скорее философски осмысляет то, что происходит перед глазами. А перед глазами проходит жизнь, незаметно пересиливающая («изгибающая») революцию. Иссякает энтузиазм – иссякает идея, все больше превращаясь в идеологическую «скорлупу», жесткую, мертвящую, заключающую в себя живую жизнь – которая, тем не менее, по всем законам невидимо внутри этой «скорлупы» развивается и не может не развиваться. То и дело возникающий в разные годы в дневнике мотив блудного сына на этот раз связывается с коммунистами («коммунисты, это блудные дети, усталые, возвращаются к отцу на свою родину»). Пересиливает революцию идея дома – каждому хочется жить своим домом («у коммунистов была своя роль – кончилась роль, и они тоже брошены были в жизнь, как обыватели»). Интересно, что и сам Пришвин в это время решает купить дом – в Сергиевом Посаде (в скором будущем Загорске). Можно сказать, что 1926 год положил конец кочевой жизни писателя – по крайней мере, следу-

ющие десять лет он будет впервые после революции жить в своем собственном доме. Основным переживанием в связи с покупкой дома становится для Пришвина отношение к вещам – он пересматривает идею собственности («Каждый день в свой дом я приношу какую-нибудь вещь, подвешиваю полку, вбиваю гвоздик и чувствую наслаждение в этом, я, наморенный скиталец... я готов объявить эту мою собственность «священной», потому что она связана с той частью моей личности, которая соприкасается со всеми живущими в мире от червя до сложнейшего человека»); вещи перестают быть принадлежностью только повседневной жизни человека, становятся символами связи с культурой, т.е. осмысляются в связи с существом жизни – с творчеством формы, связанной с природой (червь) и культурой (сложнейший человек).

Теперь Пришвин составляет уравнение природа=книга («открываешь занавеску на окне, все равно как перевертываешь страницу неожиданной новой захватывающей книги») – природа окончательно приравнивается им культуре. Иначе и не может быть, если он утверждает: «там, в природе, без меня не обойдутся, я там совершенно необходимое существо», где «я» – это, конечно, художник, певец («я сам скворец и тоже пою»), а в мире идей, официоза и рациональности места себе он не находит.

В эти годы писатель обживает в природе новое пространство, осваивает его своим поэтическим словом («Я в болоте живу, где качается земля, и человек висит над темной бездной, опираясь ногой в сплетение растений, где зарождаются туманы и создаются небеса. Вот эта болотная неустойчивость кошмарная, непереносимая бытовым человеком, составляет сущность души художника», «счастье мне являлось в самых трудных для жизни условиях болота»).

Как некогда в раннем дневнике (1905–1914), где появились его первые интуиции о природе, он начинает видеть в природе следы творчества, некий божественный строй («глубокий вечер, первый, сотворенный этой весной»). Именно в эти годы возникают записи о природе, предвосхищающие будущего, всем известного Пришвина («голубые васильки, проглядывающие в аквамарине стеблей, обласкали меня больше, чем звезды ночною порой. Я бы очень хотел в это лето каждому цветку найти его место, где он является единственным в своем роде»).

Безусловно, Пришвин не был бы Пришвиным, если бы остановился на трагедии. Творчество остается для него единственным способом осуществления жизни («решимость... творить жизнь называется Богом»), он, конечно, имеет в виду не историю, а жизнь как целое. В это время писатель создает новую художественную форму, причем рождение этой формы происходит в процессе работы и становится для него самого предметом осмысления («Просто удивительно, вся жизнь целиком ушла в книгу»).

«Родники Берендея» впервые строятся как цикл записей, связанных только «силой движения жизни в природе, вызывающей ответное движение в душе человека» («Мы ложимся спать, откладывая на завтра увлекательное чтение книги Весны», птичий концерт «вызывает наверх самые глубокие залежалые мысли»).

Пришвин превращает в искусство собственную жизнь, совмещая фенологические заметки хода весны с событиями, персонажами, отношениями своей повседневной жизни, а также со своими мыслями, чувствами, переживаниями и воспоминаниями; он живет и работает в календарном ритме движения планеты, поэтому повседневность получает высокий подтекст. Поэтика «Родников Берендея» соединяет художественность с фенологической информацией, сплетая воедино поэзию и знание. Кроме того, художественная установка писателя на универсальное творчество, результатом которого является не просто создание художественного произведения, но и сближение бытийного и художественного, оборачивается возможностью зарабатывать и жить, о чем он не без удивления записывает: «Мало того, что я жизнь свою обращаю в сказку, я пытаюсь и сказку обернуть в жизнь: получать 18 месяцев по 100 руб.».

В эти же годы Пришвин приходит к необходимости нового критерия оценки современного литературного произведения («Рассказы Микитова – тонкие, сделанные с большим мастерством… и почему-то все-таки скучные», «по-старому хорошо написанный рассказ скучен, нет сцепки с самим собой»). Самым важным оказывается личность автора («насколько раскрыл в себе заложенные возможности») – так Пришвин, о том и не подозревая, вставляет советскую литературу в контекст мировой литературы XX века, для которой этот критерий основополагающий («не сочинил, а раскрыл себя, собственную личность»). Это, помимо всего прочего, открывает некоторую перспективу: внутренняя жизнь писателя (и человека вообще) перестает быть личным делом, а становится фактором культуры – соответственно рост личности становится не только способом существования в чуждой среде, но и способом противостояния, борьбы с ней.

Пришвин чувствует актуальность Горького – естественно, не с той точки зрения, с какой сделали его «основоположником социалистического реализма» и идеологом, а с точки зрения излюбленной горьковской темы, названной Пришвиным «ницшеанством на русской почве», что очень актуально для самого Пришвина («Над изображаемой мной эпохой в Кащеевой цепи висела философия Ницше»); речь идет о «Детстве», «Отшельнике», «Моих Университетах». Пришвин уверен, что эта тема не изжита, что Горький «в себе не закончен», и мотивы его можно продолжать и развивать без конца. При этом к творчеству Горького он относится неоднозначно, не принимает пафоса его других произведений («В самом деле, что значит этот Человек с большой буквы, которым везде подчеркнуто восхищается Горький?»), чувствует его двойственность, называет человеком, «до последней степени не восприимчивым к духовной жизни».

Дневник 1927 года очень важен с точки зрения развития диалога Пришвина с Горьким.

В то же время Ремизова и Белого он считает писателями «завершенными», на них, по Пришвину, обрывается традиция, они не могут «дать потомства», им можно только подражать. Таким образом, в конце 1920-х годов Пришвин понимает, что культура Серебряного века ре-

волюцией завершилась (а не была уничтожена). На повестке дня стояла задача осмысления новой культурной парадигмы.

Литературная ситуация 26–27 годов отмечена довольно причудливым сочетанием творчества пролетарских писателей и творчества, так называемых, писателей-попутчиков, к которым, естественно, относят и Пришвина. Борьба с «попутчиками» с каждым годом усиливается, но пока им еще «позволено» работать, их еще печатают.

В этой ситуации не удивительно, что в дневнике в связи с Горьким появляются записи о «социальном заказе», удивительно то, что анализ литературной ситуации в России связывается Пришвиным не с властью как таковой и ее давлением на литературу, а рассматривается как процесс внутреннего роста, связанный с революционным процессом скорее хронологически («После первого взрыва 1905 года только отдельные люди из старой интеллигенции оставались в народе на культурной работе. Некрасовский дух, народнический идеализм исчезал <...> Литература вошла в свое собственное русло, и «гражданственность» из нее была изгнана: это представлялось освободительным процессом литературы, сопровождавшимся расцветом талантов Блока, Брюсова, Белого, Сологуба, Розанова...»).

Соответственно и «социальный заказ» рассматривается писателем не только и не столько как политический нажим на литературу с требованием утвердить (воспеть) строительство новой жизни, сколько как современная форма вмешательства в творческий процесс, в дело художника. Для Пришвина неприемлемо любое вмешательство, как нынешнее со стороны власти, так и народническое, власти некогда противостоящее. («Это выражение «социальный заказ» меня живо возвращает к эпохе упадка народнической литературы, к диктатуре гражданской морали и последующей борьбе и победе художника».) Отделение литературы от гражданства – «как теперь называют «социального заказа», уточняет Пришвин – расценивается им как событие огромной важности, равнозначное – ни мало, ни много – отделению церкви от государства.

Высочайшую оценку в дневнике получает творчество художников культуры модерна с точки зрения развития литературного мастерства («Можно разными глазами смотреть на эту чрезвычайно цветистую эпоху нашего литературного искусства, но никто не будет спорить со мной, что эта эпоха была школой литературы, и требования к нашему ремеслу чрезвычайно повысились в это время»). Это, по Пришвину, было важным следствием освобождения художника от «гражданской диктатуры». Но, может быть, еще более важным является утверждение, что способность отвечать на проблемы современности органично и неизбежно присуща каждому большому художнику, который именно поэтому и не нуждается ни в каком «социальном заказе» («Конец диктатуры гражданской в художественной литературе не значил утрату родственного поручения, которое, по-моему, непременно должен чувствовать всякий крупный художник», «победив «заказ», утвердив основной закон творчества, художник должен быть верен только себе самому... им не хватало натуры, в которой социальное поручение циркулирует так же бес-

сознательно, как кровь»). «Родственное поручение, которое дали великие мятежники прошлого», и есть для Пришвина живая, актуальная традиция русской литературы.

И с этой точки зрения творчество художников культуры модерна также получает высочайшую оценку «Никто из крупных писателей и поэтов того времени, однако, не определил себя как эстет, каждый из них, я знаю, писал в соотношении с тем, что происходило внутри вулкана, который представляла тогда народная жизнь».

Логика рассуждений о современной литературе с очевидностью ведет Пришвина к артикуляции принципов новой культуры. К примеру, он утверждает, что талант сам по себе как сила природы – не является ценностью – это дар или аванс; важным оказывается, через какие препятствия пробьется талант – Пришвин выделяет два, с его точки зрения, самых трудных для преодоления: «интеллект со своей логикой и нравственность со своей стыдливостью, целомудрием».

Срыв в культуре, вызванный революцией, приводит к переосмыслению роли классики в современной жизни – Пришвин предвосхищает будущий спор об интерпретации классики и решает его положительно. Он полагает, что «умение пригласить мудрецов в наше время чайку попить – священное дело». Здесь очень существенно, что «чайку попить» – с точки зрения писателя необходимо как-то запросто пообщаться с классиком, без особого пиитета, но необходимо – вне такого диалога классиков с современностью он не видит возможности «сохранить их для потомства». Впрочем, это касается не только литературы, но и духовной жизни («втянуть Христа в дело повседневной жизни... Розанов всю жизнь занимался этим»). О том, что революция не является носителем новой культуры и может быть только временным состоянием, он пишет постоянно. Теперь он отмечает, что чувство настоящего в среде молодежи, у которой прошлого не было, сопровождающееся часто «наглостью, невежеством, торопливостью» уже сменяется устремлением к образованию – он уверен, что потребность в культуре – дело органическое и обязательно явится («молодежь уже страдает сознанием своего невежества»).

Мысли Пришвина о литературе, таланте, художнике, традициях и новаторстве, природе и культуре, высказанные им в дневнике этих и предыдущих лет, явно не укладываются в классический канон. Попробуем их суммировать и понять, потому что если Пришвина и пытаются отнести к какому-то течению русской литературы, то именно к реализму, к классике. Между тем, Пришвин:

1. Пересматривает значение интеллекта и нравственности в художественном произведении («талант действует... вопреки логике и вопреки морали», «в литературно-художественном произведении не талант автора интересен нам главным образом, а как он разворотил, в какие сочетания поставил горы человеческого интеллекта и общественных чувств»);

2. Пересматривает соотношение знания и поэзии (вымысла), включая в художественное произведение информацию – фенологическую в

«Родниках Берендея», ремесленную в «Башмаках» и пр.; то же касается бытийного и художественного, которые он максимально сближает, признавая их равную значимость. На необычное соотношение поэзии и жизни указывает Александр Блок, прочитав одну из ранних книг Пришвина, о чем Пришвин в дневнике 1927 года снова вспоминает (Понятно теперь и то, о чем Блок сказал мне: «Это не поэзия, нет, я не так сказал: это поэзия и еще что-то». «Что?» – спросил я. «Не знаю», – сказал Блок);

3. Пересматривает критерий оценки современного художественного произведения с точки зрения раскрытия в нем личности автора и вплетения в роман повседневной жизни писателя («Если бы осилить, то получился бы замечательный роман»);

4. Снижает пафос призвания и служения художника («Я наивно верю, что писательство самое хорошее, самое свободное занятие в мире. Не пересчитать выгоды этого дела, я могу, например, будучи писателем, охотиться не только по воскресеньям, а и в будни»);

5. Считает очевидной поэтико-символическую природу сновидений («Спящая голова творит свободно такие вещи, каких наяву никто не создаст, и бред сумасшедших, иногда полный музыки и красок природы, бесконечно талантлив, но не ценится»); несмотря на последнее утверждение, сам постоянно в течение всей жизни записывает свои сны и связывает это с собственной писательской природой («из таких снов вышел из меня добрый поэт»);

6. Положительно решает проблему интерпретации классики («свободный человек, позволяющий себе иногда оторвать от родимой почвы цветы мудрости человечества и полюбоваться ими у себя в комнате, в своих вазах», «решимость перемещать прошлые мысли в современную жизнь»);

7. Утверждает, что художник не преображает и не изображает мир, а открывает его и описывает, т.е. принимает «мир как тайну» («Тайна жизни вся скрыта в маленьком семени», «собирать всего себя со всем миром в целое»).

Последнее положение указывает на несомненную связь мировоззрения и творчества Пришвина с экологической парадигмой[1]. В критериях новой парадигмы, сформулированных современным физиком и экологом Фритьофом Капра, содержатся ключевые пришвинские идеи, и на этот факт невозможно не обратить внимание: мир осмысляется как «единое целое», в котором нет и не может быть ничего второстепенного, способом постижения, освоения мира признается описание (у Пришвина – «поэтическое описательство»), способом взаимодействия с миром признается сотрудничество – у Пришвина «сотворчество». Идея целостности, взаимодействия и взаимосвязи организует художественный мир Пришвина на протяжении всех пятидесяти лет его творческой жизни.

---

[1] См.: Генис А. Экологическая парадигма и органическая поэтика// НЛО. № 20. М., 1996. С. 112–119.

Между тем из всех течений культуры модерна «ближе всего подходит к порогу экологической парадигмы»[1] акмеизм.

До сих пор никто из исследователей не находит Пришвину места в культуре Серебряного века, в которой он сложился как писатель и которой он, по логике вещей, не может не принадлежать. Между тем, явное тяготение Пришвина к акмеизму (артикулированному, как и все литературные течения, в первую очередь, поэтами, в данном случае, О. Мандельштамом – речь, безусловно, идет не о литературной группировке, а о мировоззрении и идеях, на которых акмеизм базируется) позволяет говорить о типологической близости мировоззрения Пришвина мировоззрению Мандельштама. Речь может идти о следующих положениях:

1. Принципиальное противостояние двоемирию символистов (разделению мира на небесное и земное, на дух и материю с безусловным приоритетом небесного, духовного, мистического); 2. Отстаивание идеи единства мира, равноправного сосуществования физического и метафизического, втягивание небесного в земное, человеческое («Вчера, глядя на месяц, я был один, сегодня вижу и думаю о совершенно другом. Не «луна плывет по небесам и смотрит с высоты», а это мы проходим, вечно мерцая»); 3. Интуитивный способ познания мира; 4. Переосмысление роли читателя, которая обоими художниками рассматривается как активное сотворчество; 5. Переосмысление цели художественного произведения: по Мандельштаму его стихи – указание к действию, по Пришвину его тексты – побуждение к творчеству[2].

Внутренняя связь с акмеизмом, возможно, до некоторой степени объясняет и полное одиночество Пришвина как в среде писателей начала века, так и в среде советских писателей. В разные годы сам Пришвин по-разному объясняет это для себя, но непонимание и, по большому счету, неприятие всегда чувствует. Что, к счастью, никогда не относилось и не относится к его читателям.

В любом случае подобные сопоставления не могут быть случайными, и изучение творчества Пришвина с точки зрения развития акмеизма и так или иначе связанной с ним экологической парадигмы представляется достаточно обоснованным.

Множество дневниковых записей в эти годы связано с продолжением работы над автобиографическим романом «Кащеева цепь» (в 1923 году первая часть романа – детство – под названием «Курымушка» была опубликована). В дневнике 1926–27 годов Пришвин решает проблему уникальности культурного феномена сексуальности главного героя романа Алпатова, страдающего от невозможности быть «как все», которую рассматривает в контексте культуры начала XX века, где па-

[1] См.: Генис А. Экологическая парадигма и органическая поэтика / НЛО. № 20. М., 1996. С. 112–119.

[2] См.: Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томас, 2000. С. 9–89.

радоксальность решения проблемы «пол – эрос» определялась, прежде всего, разведением полюсов физической и духовной жизни, декларацией приоритета духовной жизни, культом утонченной, подавленной чувственности и драмы, которая разворачивалась под напором физического мира в каждой отдельной судьбе. Обостренный инстинкт жизни уводил Пришвина к противоположному – здоровому – полюсу жизни, отталкивал от любых утонченных форм сексуальности («хотя бы были и гениальными: я не признаю»), переводил проблему в сферу соотношения духовного и физического в отношениях с женщиной. Надо сказать, что к этому времени его любовный опыт включает, кажется, все существующие в культуре начала века варианты любовных отношений: платоническая любовь к Невесте (Прекрасная Дама), женитьба на простой крестьянке, чего так и не смогла простить ему мать, «брак» втроем (роман с женой друга С. М. Коноплянцевой), петербургский роман с Козочкой – набоковский вариант «Лолиты» и духовный роман с Татьяной Васильевной Розановой в 1927 году. Но все это, так или иначе, довольно быстро проходило и оказывалось, что все это не то – не проходили только сны о «невесте».

В этом ряду отношения с Т. В. Розановой, безусловно, стоят особняком. Здесь все оказалось важным: и переосмысление отношений с Василием Васильевичем Розановым, и радость от духовной близости с глубоко верующим человеком – почти роман («Меня продолжает волновать Т. В., и все происходит во мне совершенно так же, как бывает у влюбленных»), и неожиданная провокация («красные цветы»), очень важная для Пришвина – испытание ее как церковного человека на свободу, и трезвое решение расстаться, и, как оказалось пророчески, зарисованный в дневнике план с указанием места могилы Розанова в Черниговском скиту Сергиева, по которому уже в наши дни это место и было установлено...

Значительную часть дневника занимают записи об охоте и природе. Здесь появляются первые законченные «собачьи» рассказы Пришвина, а также дневник «Натаска Ромки» – как бы дневник в дневнике. В нем есть и «главный герой», и фабула, и сюжет: это и ежедневная работа с замечательным щенком Ромкой в болоте, в процессе которой развиваются отношения с ним, это и не оставляющие писателя мысли о работе, и мотив страшного одиночества, который особенным образом освещает все другие события его жизни и еще раз подтверждает, что жизнь в природе была для Пришвина выходом, спасением, способом жизни вообще («это не повод говорить о каком-то счастье, а самое счастье, которое узнал я и воспитал в несчастии»); жизнь в природе была для него единственно возможной формой свободы («Я... свободу ощущаю вполне, когда восстанавливаю в себе свое раннее детство: с ружьем на плече и с собакой иду в болота, в леса».

В эти годы, когда жизнь на самом деле становится все более и более мрачной, в полной изоляции от современной интеллектуальной мысли, Пришвин удивительно глубоко, в соответствии с развитием со-

временной культурологии чувствует и определяет истинный характер культуры («действительно настоящие люди делают настоящее потихоньку и непременно, как дети, игрой: игра и охота – тайные пружины человечества[1]»).

В 1927 году, впервые разбирая и просматривая свои «тетрадки», Пришвин со свойственной ему самоиронией замечает, что в них «наряду с глупостями и невозможной откровенностью иногда есть ценные записи». Одну из них он сам для себя выписывает: «Значит, есть в пустоте воздух, в тоске радость, в мечте воля к преображению жизни!»

Я. Гришина

Список сокращений

Кн. I, Кн. II, Кн. III – Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917; Дневники. 1918–1919; Дневники. 1920–1922. М.: Московский рабочий, 1991; 1994; 1995.

Собр. соч. в 8 т. – Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. М.: Художественная литература, 1982–1986.

Мтф. – Евангелие от Матфея.
Лк. – Евангелие от Луки.
Ин. – Евангелие от Иоанна.
Быт. – Книга Бытия.
Исх. – Книга Исхода.
Римл. – К Римлянам. Послание святого апостола Павла.

---

[1] Ср.: Хейзинга Йохан «Homo Ludens» («Человек играющий») (1938). У нас издано под названием «Homo Ludens. В тени завтрашнего дня». М., 1992.

С. 5. *Возил Федор Федорыч.* – Рассказы военнопленного*: «Где это было, в каком городе – не знаю, не помню, в Германии – не в Германии, в Австрии – не в Австрии, а начальство и вся жизнь были германские. Лагерь в деревне. Нары. Пленный на работы ходит, с деньгами. Ножовку. Цивильные люди. 20 кинжалов. Сделал, а денег не взял. Под нарами вырезал дыру. Часовые в ужасе: народ пропадает. Офицер: лезь – сам лезь. И я бы так сделал. 21 человек. Решетку не заставили. Прислали письмо с беженцами: дошли (через Карпаты?)

Революция: красный флаг. Офицер: я не могу, часовой не может, а сами можете. Партиями. В последней партии. Комитет бедноты. Вера Васильевна (пролетка) и через нее поправился. Тип мужика, не пропустившего счастье свое.

Самогонщик попался через злобу: один водил другого (окладчик). А в Германии *лучше*. У нас нельзя дать – не отдаст, а там, кто взял – не удержит. В Германии 5 человек едят, 6-му есть нечего – позовут, а у нас нельзя: взять – не дадут, не просит, а дать нельзя. Милосердие, сострадание – все через родню.

Убойное место, в члене дробь...

Трактир Маши. – Лесничий Васильев пьяный на диване обоссался. Охотники хохотали. 17 – не зафлажишь. Рассказы. За ветром к волку подошел – и вдруг засыпанная снегом елка рассыпалась: встал волк.

Апрельский жаркий день: почки набухли. Змей куча. Одна в земле и хвост – за хвост. На тетеревах: собака стоит по тетереву, смотри, а там голова из-за ноги стоит, там другая.

В запрещенном месте с генералом: утки – нельзя, Федя: права! А утки летят: ну, пали же! Федя о правах. Генерал велит. 27 уток взяли.

Весь осыпанный дробью, и в голове. Сидел вот раз в болоте на перелете: раз в меня, а по дымку – раз, раз! Картечь заложил, результата не знаю.

Парень с дровами. «Гей! – отозвался, – «гей! Гей!» – отозвался, и рысью с дровами. И так, покликивая «гей!», так отзовется и гонит, и до того, что воз рассыпался (дурость) <...>

Милок: утиный загонщик, весь осыпанный дробью, и одна в убойном месте, жены нет: 17 лет – холостой.

Рассказ о змеях: что был такой охотник, который, увидев змею, останавливался, как парализованный, не мог двигаться и только кричал, как помешанный.

С. 6. *... останутся в литературе.* – Имеются в виду произведения Пришвина, написанные соответственно в 1910 и 1912 гг., а также глава первой части автобиографического романа «Кащеева цепь», написанная в 1923 г.

С. 7. *Кончается повесть «Юность»* – Речь идет о работе над автобиографическим романом «Кащеева цепь».

---

* Здесь и далее из основного текста дневника Пришвина вынесены в комментарии записи, представляющие собой сокращенные конспективные заметки «для себя».

С. 8. ... *учи декреты и комиссаром будешь.* – Запись в дневнике Пришвина от 14 ноября 1919 г.: «Солдаты стараются распропагандировать Леву... Еще говорили ему про Христа, что это был хороший человек, а Богородица просто женщина, ничего от Св. Духа не было, а просто от плотника Иосифа».

Почему я бросил марксизм? – Эта тема наиболее полно отразилась во взаимоотношениях с гимназическим другом Пришвина Н. А. Семашко (1874–1949), первым наркомом здравоохранения, часто помогавшим Пришвину и его семье в советские годы. Семашко послужил прототипом образа Ефима Несговорова в романе «Кащеева цепь».

С. 9. *Да, Алексей Максимович...* – Черновик письма Горькому.

«Колобок» – повесть Пришвина «За волшебным колобком» (1908).

С. 10. *Вот какие есть люди...* – Запись автобиографична. Речь идет о юношеском романе писателя с В. П. Измалковой, закончившемся разрывом. Пришвин соединяет свою жизнь с простой смоленской крестьянкой Ефросиньей Павловной Смогалевой, живет с ней долгую жизнь, а в дневниках постоянно возвращается к своей первой любви, осмысляя ее роль в своей творческой судьбе.

Система Розановск. социализма. – См. подробнее о В. В. Розанове в публикации «Пришвин о Розанове» в сб. «Контекст» / М.: Наука, 1990.

С. 11. ... *снег весь день. Тихо.* – Образы Переславля. 1) Морграф (картинки – нагих жен). 2) Полковница Угрюмова – цыган (сын лошадник: за алгеброй так и привскочит). 3) Наталья Викторовна. 4) Тетка Петровна Покровского (бес. люб. оживится).

Разработать «Цвет и крест». – Речь идет о неопубликованной повести писателя, составленной из газетных статей 1917–1918 гг., дневниковых записей, объединенных авторскими вставками. Отрывки из повести опубликованы в журнале «Вопросы литературы»... 1995. Вып. 3.

С. 14. *Вся жизнь целиком ушла в книгу «Родники Берендея».* – Цикл очерков о природе, впервые был опубликован в журнале «Красная новь» № 8, 1925. Позднее вошел первой частью в книгу «Календарь природы» под заглавием «Весна».

С. 15. *Написать историю отношений с М. И. Смирновым.* – Речь идет о директоре краеведческого музея Переслáвля-Залесского, по приглашению которого Пришвин поселился на Ботике и принял участие в краеведческой работе. Однако их отношения не сложились, и вскоре писатель переехал в Сергиев Посад.

в связи с мыслью о путешествии «Фрама»... – норвежское полярное судно, на котором Ф. Нансен (1861–1930) совершил две экспедиции: в Арктику (1893–1896) и Антарктику (1910–1912).

С. 16. *...договор на «Круглый год»...* – Одно из рабочих названий главы романа «Кащеева цепь» «Государственный преступник»; отдельные главы романа печатались в это время в журнале «Новый мир».

...переезд в Сергиев... – Имеется в виду Сергиев Посад.

С. 17. *Успех «Башмаков»...* – Речь идет о книге очерков, впервые опубликованных в 1925 г. (М.-Л.: Госиздат). Журналистское исследование быта талдомских башмачников стало первой книгой, с которой Пришвин вошел в советскую литературу, начиная после революции вновь свою литературную карьеру. Ему было в это время 52 года.

С. 17. *Любовь Ярика.* – Рассказ 1926 г., вошел в цикл «Календарь природы. (Лето)».

С. 27. ... *история жизни бондаря...* – Имеется в виду крестьянин Дмитрий Коршунов (Митраша), с которым Пришвин многие годы дружил; герой пришвинских рассказов.

С. 39. Помни «живые ночи!» – образ имеет отношение к роману «Кащеева цепь».

С. 45. *Гаечки (сюжет для «Мурзилки»)* – рассказ Пришвина для детского журнала «Мурзилка».

С. 52. ... *планы Гуса* – Имеется в виду созданный при Академии наук Государственный учебный совет, который включал в себя научно-педагогическую секцию.

Дальтон-план... – образовательный проект, который осуществлялся в школе в местечке Дальтон под Чикаго под руководством известного педагога и психолога Джона Дьюи (Указано М. В. Богуславским).

С. 56. *Неожиданная неприятность с музеем...* – Речь идет о конфликте с директором краеведческого музея М.И. Смирновым.

... *при убеждении Заката Европы* ... – Имеется в виду книга немецкого философа О. Шпенглера «Закат Европы» (1921–1923). «В 20-е годы «Закат Европы» широко усваивается в качестве «апокалипсиса» о грядущих судьбах западного мира. Его многозначительное и броское заглавие становится ходячим словесным оборотом» (С. Аверинцев. Краткая литературная энциклопедия. М., 1975. Т. 8. С. 782).

С. 65. *Письмо от Введенского от Троицы...* – Имеется в виду Сергиев Посад.

С. 66. *Сюжет: рассказ проститутки...* – разработка сюжета к роману «Кащеева цепь».

С. 70. *Я вышел на камни в город.* – Запись автобиографична. «На камни» – так назывался беднейший район города Ельца.

С. 73. *Горит в лесах торф. Берендеево.* – Пришвин поехал на торфоразработки изучить материал для очерка. Станция Берендеево находится между Переславлем-Залесским и Сергиевым Посадом. Очерк «Торф» печатался в «Рабочей газете», 1926, 2–4 и 6–8 июля № 149–154.

С. 102. *С. Т. Григорьеву...* с уважением и преданностью. – Возможно, черновик дарственной надписи на книге писателю С. Т. Григорьеву (1875–1953), с которым Пришвин подружился, поселившись в Сергиевом Посаде.

С. 105. *...как заиграют, так плач.* – (Телеграф. морзе. Гроза. Загран. станц. – вой, середина воя = сидит станция. вой = разница частот = биение = вой = выуживаем – выудили: сидит станция – какая – Англия).

Кончил Московские-Уральские дни. – Пришвин вернулся в Сергиев Посад, отменив план поездки на Урал.

Начинает пищать – всех разбудил – телеграф (ходынка) повскакали! Алло! Ходынку поймали – поймать Коминтерн. Вы и антенну-то не в ту сторону натянули! Чистый прием.

1) Инженеры:

2) Трест – ценнейшая аппаратура без объяснений.

В <*1 нрзб.*>: сжег лампы, не туда воткнул.

В комсомольский сад тов. Апраксин с 6 час вечера.

Декрет о свободе эфира. Никакой слухач не мог принять волны на 2000 метров, вой – уткам, гусям, *<1 нрзб.>* переловили в эфире. Ночь напролет: масса стар., чистота *<4 нрзб.>*. Радиозаяц.

С. 112. *...увлечением балериною.* – Намек на Н. А. Семашко.

С. 126. *И легион исчезает (тако да исчезнут бесы)* – Евангелие от Луки. 8:30. Евангелие от Марка. 5:9. Слова из молитвы Честному Кресту.

С. 128. *... на Кузнецком у Мюра...* – «Мюр и Мерелиз» – до революции одна из крупнейших фирм по продаже одежды, парфюмерии, мебели, оборудования квартир и т. д. После революции – государственный магазин ЦУМ на Кузнецком мосту в Москве.

С. 135. *Дорогой Николай Александрович* – письмо обращено к Н. А. Семашко.

С. 136. *Собирать «Декамерон»* – замысел Пришвина о цикле новелл под таким названием так и не был осуществлен.

С. 137. *В «Красную Новь» «Ленин»* – очерк Пришвина «Ленин на охоте» впервые был опубликован в журнале «Наше творчество» (Сергиев, 1926, ноябрь-декабрь) №2–3.

С. 140. *Лева отправился в общежитие...* – Поезда в Москву: 6–29, 7, без 5 в 8, 8–10, 9–23, 11–37. Трам. к Яковлеву Красные ворота трамв. Б. А все на *<1 нрзб.>*. Из Москвы 4 ч. 4 м., 4.30, 5.08, 6.12, 7 ч., 9–23.

С. 145. *«До свиданья, друг мой, до свиданья!»* – Предсмертное стихотворение С. Есенина (1925).

С. 146. *У этих людей в литературном кружке...* – Имеется в виду религиозно-философское общество, которое было организовано в Петербурге в 1901 г. и просуществовало до 1915 г. Членами этого общества были известные деятели литературы, философии и богословия, в том числе Блок и Пришвин.

...тому образу, который был воспринят от сестры Маши, как Марья Моревна. – Имеется в виду двоюродная сестра писателя Игнатова Мария Васильевна, которая оказала большое влияние на формирование личности Пришвина. Одна из дневниковых записей о ней: «Маша была правая, свободная, неземная.... Прекрасная Маша умерла и стала для меня Марьей Моревной». Марья Моревна в русской мифологии сказочный образ неоскорбляемой женственности.

С. 148. *... настоящая революционная игра...*

– Стеклодуй – 1/4
Колдуны – 1/4
Дрова –
Хорошее обращение – 1/2
Обоз 19 г. –
Обоз 26 г. – 1 1/4
Старая щука
Образование – 1/4
Проруха –
Химик –
Радий – 1 л.
Сидень – 1/2

2 3/4
Башмак – 3 л.
Сыр 1/4
Слуга времени 1/2 2.
Ренессанс 1/2
Чертова ступа
Адам 1/2
Бабья лужа 1/2

С. 166. *И вдруг явление Дамы* – Инна Ростовцева – героиня романа «Кащеева цепь».

С. 169. *Глубокоуважаемая Варвара Петровна...* – черновик письма к возлюбленной своей молодости В. П. Измалковой. См. статью А. Л. Гришунина «Пришвин, Блок и В. П. Измалкова» (в кн. «Михаил Пришвин и русская культура XX века». Тюмень, 1998), где прослеживается судьба В. П. Измалковой до 1934 года.

С. 175. *Родился Роман Василич.* – Так шутливо Пришвин называл своего щенка Ромку, которому посвящен рассказ «Первая стойка» («Календарь природы. Лето».).

С. 176. *...не унизиться бы и перемогнуть.* –

Пожелания Павловны.

1) Поставить забор вокруг всего участка и насадить сад.
2) Здоровья и успеха самому Берендею.
3) Пете поступить в Университет.
4) Леве сдать зачеты и здоровья.
5) Чтобы Кэтт родила хороших щенков от Тома Подбережного.

<*Рукою Льва*> Пожелания Берендеича старшего – Льва.

I. Берендею: 1) освободиться от бремени «Кащеевой цепи» с успехом и победой над мрачными силами; 2) оживить в памяти и увековечить налет Мамонтова на Елец; 3) хороших весенних токов; 4) устройства на богатой дичью и народными поверьями, Дубне, охотничьей стоянки и 5) здоровья.

II. Берендеевне.

1) Здоровья; 2) повидаться со смоленской родней; 3) успеха в хозяйстве и – дома – полной чаши.

III. Берендеичу – младшему Петру: 1) пробить внутренним усилием налет жестокости и пробиться наружу хорошим внутренним качествам; 2) поступить в вуз.

Самому: 1) развить способность к наблюдательности; 2) найти себя хоть в малой дозе; 3) успехов в технике писания; 4) хорошего летнего путешествия.

(Поступить в вуз, окончив школу II ступени.) <*возможно, рука Петра*>).

С. 179. *...учение Сакья-Муни* – Шакья-Муни – имя основателя и проповедника буддизма. Буквальный перевод имени – аскет из рода Шакья.

С. 181. *...Говорили... о группе «Перевал»* – Литературная группа, основанная в 1924 г. при журнале «Красная новь» А. Воронским. «Перевал» выступал за сохранение «связи с художественным

мастерством русской и мировой классической литературы», отстаивал принципы подлинного искусства. В «Красной нови» в 1927 г. была опубликована декларация «Перевала», подписанная более чем 60-ю писателями, в числе которых был Пришвин. Подробнее см. воспоминания сына писателя Л. М. Алпатова-Пришвина «Из воспоминаний об отце» в кн.: «Воспоминания о Михаиле Пришвине». – М.: Советский писатель, 1991.

С. 192. *...Письмо... от влиятельной литер. группировки* – Имеется в виду «Перевал».

С. 197. *Тема Успенского: «выпрямила»...* – Имеется в виду рассказ Г. И. Успенского «Выпрямила. Отрывок из записок Тяпушкина» (1885). Герой рассказа – «скомканный» русской действительностью народник испытывает эмоциональное потрясение, когда видит в Лувре скульптуру Венеры Милосской, которую воспринимает как идеальный образ гармонии и чистоты, очищающий душу.

С. 203. *вопрос свой доктору Москвину в Клину...* – Воспоминание относится ко времени работы Пришвина агрономом в 1903 г. в Клинском уездном земстве Московской губернии.

С. 204. *Козочка пропала...* – Имеется в виду петербургская знакомая Пришвина Софья Васильевна Ефимова.

С. 205. *У Форш о Молли и Нолли...* – В гостях у писательницы Ольги Форш речь шла о сказке Кота Мурлыки (наст. фамилия Н. П. Вагнер, 1829–1907) «Мина и Нолли», вошедшей в книгу «Сказки». Спб., 1881.

С. 206. *«Встреча не произошла»...* – См. далее запись от 8 Февраля о взаимоотношениях А. Блок и Л. Д. Менделеевой.

С. 208. *Прекрасная Дама обернулась в проститутку...* – в автографе дневника Пришвина после этой записи приписка рукой Разумника Васильевича Иванова: «Вздор! И.-Р.», сделанная им в 1940 году, когда после ссылки он жил у Пришвина и занимался обработкой его архива. Об этом же см. далее запись от 25 мая.

С. 213. *о нападении на Демьяна...* – Речь идет о Демьяне Бедном.

С. 215. *вернулось письмо из Англии...* – Пришвин пытается найти невесту своей юности В. П. Измалкову, которой посылал свои первые книги в 1912 году и получил холодный, отстраняющий ответ.

С. 221. *Мой милый протеже напился...* – Имеется в виду князь В. С. Трубецкой (1891–1937), с которым Пришвин подружился на почве охоты в Сергиевом Посаде.

С. 233. *Встретил княгиню...* – Имеется в виду жена князя В. С. Трубецкого. Е. В. Трубецкая (урожд. Голицына) (1888–1943).

С. 240. *сестра царя Берендея...* – села за машинку – разработка литературного сюжета на «материале» отношений с Т. В. Розановой.

С. 301. *вот что значит и «Крутоярский зверь» и Принц из «Птичьего кладбища».* – Имеются в виду ранние рассказы Пришвина «Крутоярский зверь» (1911) и «Птичье кладбище» (1912).

С. 306. *В журнале «Краеведение» изругали «Родники Берендея»...* – Н. Анциферов в статье «Беллетристы-краеведы», отметив художественные достоинства книги, писал, что Пришвин не учитывает «момент научности в работе краеведа» и «не оценил уже проделанную работу переславских краеведов». «Краеведение», 1927. Т. 4, № 1.

С. 309. *мы... именинники.* – Пришвин отмечал свои именины вместе с женой Ефросиньей Павловной.

С. 311. Письмо *в Зиф...* – Имеется в виду журнал «Земля и Фабрика».

С. 331. *в стороне порвался старый бекас...* – резко взлетел.

С. 340. *подготовляя собаку к анонсу по Зворыкину...* – натаска собаки, заключающаяся в том, что собака учится находить гнездо птицы без помощи хозяина, возвращаться к охотнику и вести его к гнезду. Имеется в виду книга Н. А. Зворыкина «Обучение легавой». Свердловск, 1927.

С. 373. *раскидывая в стороны прутик... – хвост.*

С. 411. *17 августа (4)...* – Впервые после 1918 года в дни полного погружения в охотничью деревенскую жизнь в отрыве от современности в дневнике вновь на некоторое время возникает старый стиль.

С. 428. *приводит в пример Левинсона...* – Имеется в виду персонаж повести А. Фадеева «Разгром».

С. 432. *осекнувшийся патрон...* – Патрон, давший осечку.

С. 433. *я существо как бы неугодное ... с килой* – Грыжа, опухоль разного рода.

С. 435. *Конец августа и тетрадки...* – Пришвин вел две параллельные тетради дневников в связи с ежедневными записями об охоте.

С. 444. *«я отдала свое самое лучшее»...* – Запись связана с В. П. Измалковой.

С. 451. *уложишь возле подранка...* – Подстреленная птица.

С. 452. *явился с ... погоньшем...* – Малая болотная курочка.

С. 457. *работал на той же мочевине...* – Низменное мокрое место.

С. 467. *изображение Нового Израиля...* – Имеется в виду хлыстовская секта «Начало века» («Новый Израиль»), которую Пришвин посещал в Петербурге в 1908–1909 гг. и был знаком с основателем секты П. М. Легкобытовым.

С. 472. *нам из-под «вига» не выбраться...* – Искаж. «ига».

С. 479. *дала мне понюхать чабер...* – Душистая мята.

С. 484. *нехорошо подозрить птицу...* – Подсмотреть птицу в гнезде.

С. 495. *обозначена книгой «От марксизма к идеализму»...* – имеется в виду книга С. Н. Булгакова (1871–1944), философа, экономиста, впоследствии священника, протоиерея о. Сергия.

С. 508. *...при живом описании Ходынки («икра»)...* – Здесь в смысле «народная масса».

С. 524. *дал князю попробовать доппелькюммель...* – Можжевеловая водка.

Указатель имен*

---

* В указатель не вошли многочисленные имена крестьян из деревень, в которых М. Пришвин жил в эти годы во время охот.

СОДЕРЖАНИЕ

Пришвин М. М.

П77 Дневники. 1926–1927. Книга пятая / Подгот. текста Л. А. Рязановой; Коммент. Я. З. Гришиной и Л. А. Рязановой; Указ. имен М. Орловой. – М.: Русская книга, 2003. – 592 с., 1 л. портр.

Книга дневников 1926–1927 годов продолжает издание литературного наследия писателя.

Первая книга дневников (1914–1917) вышла в 1991 г., вторая (1918–1919) – в 1994 г., третья (1920–1922) – в 1995 г., четвертая (1923–1925) в 1999 г.

Публикуется впервые.

ISBN 5-268-00519-7

УДК 882
ББК 84Р7–4

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ
1926—1927

Редактор **Т. И. Киреева**
Художественный редактор **Е. В. Поляков**
Технический редактор **Г. В. Кулагина**
Корректор **Л. А. Немцова**
Компьютерная верстка **М. В. Овчаренко**

Лицензия на издательскую деятельность
ИД № 05913 от 24.09.01.

Подписано в печать с готовых пленок 14.02.2003.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная. На вкл. мелов.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 31,19 (в т. ч. вкл. 0,11).
Уч.-изд. л. 38,05 (в т. ч. вкл. 0,06). Тираж 2000 экз.
С–03. Изд. инд. ЛХ–243.

Заказ № 3301

ФГУП Издательство «Русская книга»
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
123557, Москва, Б. Тишинский пер., 38.

Отпечатано в полном соответствии с
предоставленными пленками
на издательско-полиграфическом предприятии
«Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

